Н. В.
ГОГОЛЬ

III

Н. Гоголь

Н. В. ГОГОЛЬ

ТОМ ВТОРОЙ

МИРГОРОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1937

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ:

В. В. ГИППИУС, В. А. ДЕСНИЦКИЙ, В. Я. КИРПОТИН, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ, Н. К. ПИКСАНОВ, Б. М. ЭЙХЕНБАУМ

РЕДАКТОР II ТОМА:
В. В. ГИППИУС

117293

Н. В. Гоголь

Литография А. Г. Венецианова 1834 г.
Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва)

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

Служащія продолженіемъ *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*

Н. ГОГОЛЯ.

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ 1 каменную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтреныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бубенки изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1835.

Титульный лист „Миргорода“ (1835)

СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ

Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими, которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею пестротою и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого стен не промыл еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень, и лишенное щекотурки крыльцо не показывает своих красных кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские избы, его окружающие, пошатнувшиеся на сторону, осененные вербами, бузиною и грушами. Жизнь их скромных владетелей так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и те неспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют, и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении. Я отсюда вижу низенький домик с галлереею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущею вокруг всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни окон, не замочась дождем. За ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых дерев, потопленных багрянцем вишень и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом;

развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер; перед домом просторный двор с низенькою свежею травкою, с протоптанною дорожкою от амбара до кухни и от кухни до барских покоев; длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол, обвешанный связками сушеных груш и яблок и проветривающимися коврами, воз с дынями, стоящий возле амбара, отпряженный вол, лениво лежащий возле него, — всё это для меня имеет неизъяснимую прелесть, может быть, оттого, что я уже не вижу их и что нам мило всё то, с чем мы в разлуке. Как бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъезжала к крыльцу этого домика, душа принимала удивительно приятное и спокойное состояние; лошади весело подкачивали под крыльцо, кучер преспокойно слезал с козел и набивал трубку, как будто бы он приезжал в собственный дом свой; самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам. Но более всего мне нравились самые владетели этих скромных уголков, старички, старушки, заботливо выходившие навстречу. Их лица мне представляются и теперь иногда в шуме и толпе среди модных фраков, и тогда вдруг на меня находит полусон и мерещится былое. На лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя по крайней мере на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь.

Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна еще до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустелое жилище, и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик — и ничего более. Грустно! мне заранее грустно! Но обратимся к рассказу. Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия

Ивановна Товстогубиха, по выражению окружных мужиков, были те старики, о которых я начал рассказывать. Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их. Афанасию Ивановичу было шестьдесят лет, Пульхерии Ивановне пятьдесят пять. Афанасий Иванович был высокого роста, ходил всегда в бараньем тулупчике, покрытом камлотом, сидел согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы рассказывал или просто слушал. Пульхерия Ивановна была несколько сурьезна, почти никогда не смеялась; но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица. Легкие морщины на их лицах были расположены с такою приятностию, что художник верно бы украл их. По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на *о*, слог *въ*. Нет, они не были похожи на этих презренных и жалких творений, так же как и все малороссийские старинные и коренные фамилии. Нельзя было глядеть без участия на их взаимную любовь. Они никогда не говорили друг другу ты, но всегда вы: вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна. „Это вы продавили стул, Афанасий Иванович?“ — „Ничего, не сердитесь, Пульхерия Ивановна: это я.“ Они никогда не имели детей, и оттого вся привязанность их сосредоточилась в них самих. Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах, был после секунд-майором, но это уже было очень

давно, уже прошло, уже сам Афанасий Иванович почти никогда не вспоминал о нем. Афанасий Иванович женился тридцати лет, когда был молодцом и носил шитый камзол; он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него; но и об этом уже он очень мало помнил, по крайней мере никогда не говорил о нем. Все эти давние, необыкновенные происшествия давно превратились или заменились спокойною и уединенною жизнию, теми дремлющими и вместе какими-то гармоническими грезами, которые ощущаете вы, сидя на деревенском балконе, обращенном в сад, когда прекрасный дождь роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тем радуга крадется из-за деревьев и в виде полуразрушенного свода светит матовыми семью цветами на небе. Или когда укачивает вас коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепел гремит, и душистая трава вместе с хлебными колосьями и полевыми цветами лезет в дверцы коляски, приятно ударяя вас по рукам и лицу. Он всегда слушал с приятною улыбкою гостей, приезжавших к нему, иногда и сам говорил, но более расспрашивал. Он не принадлежал к числу тех стариков, которые надоедают вечными похвалами старому времени или порицаниями нового. Он, напротив, расспрашивая вас, показывал большое любопытство и участие в обстоятельствах вашей собственной жизни, удачах и неудачах, которыми обыкновенно интересуются все добрые старики, хотя оно несколько похоже на любопытство ребенка, который в то время, когда говорит с вами, рассматривает печатку ваших часов. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою. Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленьки, низеньки, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей. В каждой комнате была огромная печь, занимавшая почти третью часть ее. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Афанасий Иванович и

Пульхерия Ивановна очень любили теплоту. Топки их были все проведены в сени, всегда почти до самого потолка наполненные соломою, которую обыкновенно употребляют в Малороссии вместо дров. Треск этой горящей соломы и освещение делают сени чрезвычайно приятными в зимний вечер, когда, прозябнувши от преследования за какой-нибудь брюнеткой, вбегаешь в них, похлопывая ладонями. Стены комнат убраны были несколькими картинами и картинками в старинных узеньких рамах. Я уверен, что сами хозяева давно позабыли их содержание, и если бы некоторые из них были унесены, то они бы, верно, этого не заметили. Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея, другой Петра III. Из узеньких рам глядела герцогиня Лавальер, обпачканная мухами. Вокруг окон и над дверями находилось множество небольших картинок, которых как-то привыкаешь почитать за пятна на стене и потому их вовсе не рассматриваешь. Пол почти во всех комнатах был глиняный, но так чисто вымазанный и содержался с такою опрятностию, с какою, верно, не содержался ни один паркет в богатом доме, лениво подметаемый невыспавшимся господином в ливрее. Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелков и мешков с семенами, цветочными, огородными, арбузными, висели по стенам. Множество клубков с разноцветной шерстью, лоскутков старинных платьев, шитых за полстолетия прежде, были укладены по углам в сундучках и между сундучками. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала всё, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится. Но самое замечательное в доме — были поющие двери. Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего они пели; перержавевшие ли петли были тому виною, или сам механик, делавший их, скрыл в них какой-нибудь секрет; но замечательно то, что каждая дверь имела

свой особенный голос; дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; дверь, ведшая в столовую, хрипела басом; но та, которая была в сенях, издавала какой-то странный дребезжащий и вместе стонущий звук, так что, вслушиваясь в него, очень ясно, наконец, слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многим очень не нравится сей звук; но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрып дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами, страхом и шорохом ветвей... и боже, какая длинная навевается мне тогда вереница воспоминаний! Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были все с высокими выточенными спинками в натуральном виде, без всякого лака и краски; они не были даже обиты материею и были несколько похожи на те стулья, на которые и доныне садятся архиереи. Трехугольные столики по углам, четырехугольные перед диваном и зеркалом в тоненьких золотых рамах, выточенных листьями, которых мухи усеяли черными точками, ковер перед диваном с птицами, похожими на цветы, и цветами, похожими на птиц, — вот всё почти убранство невзыскательного домика, где жили мои старики. Девичья была набита молодыми и немолодыми девушками в полосатых исподницах, которым иногда Пульхерия Ивановна давала шить какие-нибудь безделушки и заставляла чистить ягоды, но которые большею частию бегали на кухню и спали. Пульхерия Ивановна почитала необходимостию держать их в доме и строго смотрела за их нравственностью. Но, к чрезвычайному ее удивлению, не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой-нибудь из ее девушек стан не делался гораздо полнее обыкновенного;

тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, выключая разве только комнатного мальчика, который ходил в сером полуфраке с босыми ногами и если не ел, то уж верно спал. Пульхерия Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы вперед этого не было. На стеклах окон звенело страшное множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями ос; но как только подавали свечи, вся эта ватага отправлялась на ночлег и покрывала черною тучею весь потолок.

Афанасий Иванович очень мало занимался хозяйством, хотя впрочем ездил иногда к косарям и жнецам и смотрел довольно пристально на их работу; всё бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне. Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запирании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений. Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь; и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желем, пастилою, деланными на меду, в сахаре и не помню еще на чем. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки, и к концу этого процесса совершенно не был в состоянии поворотить языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, они потопили бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх расчисленного на потребление любила приготовлять еще на запас, если бы большая половина этого не съедалась дворовыми девками, которые, забираясь в кладовую, так ужасно там объедались, что целый день стонали и жаловались на животы

свои. В хлебопашество и прочие хозяйственные статьи вне двора Пульхерия Ивановна мало имела возможности входить. Приказчик, соединившись с войтом, обкрадывали немилосердным образом. Они завели обыкновение входить в господские леса, как в свои собственные, наделывали из них множество саней и продавали их на ближней ярмарке; кроме того, все толстые дубы они продавали на сруб для мельниц соседним козакам. Один только раз Пульхерия Ивановна пожелала обревизировать свои леса. Для этого были запряжены дрожки, с огромными кожаными фартухами, от которых, как только кучер встряхивал возжами и лошади, служившие еще в милиции, трогались с своего места, воздух наполнялся странными звуками, так что вдруг были слышны, и флейта, и бубны и барабан; каждый гвоздик и железная скобка звенели до того, что возле самых мельниц было слышно, как пани выезжала со двора, хотя это расстояние было не менее двух верст. Пульхерия Ивановна не могла не заметить страшного опустошения в лесу и потери тех дубов, которых она еще в детстве знавала столетними.

„Отчего это у тебя, Ничипор“, сказала она, обратясь к своему приказчику, тут же находившемуся: „дубки сделались так редкими? Гляди, чтобы у тебя волосы не были редки.“

„Отчего редки?“ говаривал обыкновенно приказчик: „пропали! Так-таки совсем пропали: и громом побило, и черви проточили — пропали, пани, пропали.“

Пульхерия Ивановна совершенно удовлетворялась этим ответом и, приехавши домой, давала повеление удвоить только стражу в саду около шпанских вишень и больших зимних дулей. Эти достойные правители, приказчик и войт, нашли вовсе излишним привозить всю муку в барские амбары; а что с бар будет довольно и половины; наконец и эту половину привозили они заплесневшую или подмоченную, которую обраковали на ярмарке. Но сколько ни обкра-

дывали приказчик и войт, как ни ужасно жрали все в дворе, начиная от ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество слив и яблок, и часто собственною мордою толкали дерево, чтобы стряхнуть с него целый дождь фруктов, сколько ни клевали их воробьи и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, что́ всё обращалось к всемирному источнику, т. е. к шинку, сколько ни крали гости, флегматические кучера и лакеи,— но благословенная земля производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно, что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве.

Оба старички, по старинному обычаю старосветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и двери заводили свой разногласный концерт, они уже сидели за столиком и пили кофий. Напившись кофею, Афанасий Иванович выходил в сени и, стряхнувши платком, говорил: „Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца!“ На дворе ему обыкновенно попадался приказчик. Он, по обыкновению, вступал с ним в разговор, расспрашивал о работах, с величайшею подробностью, и такие сообщал ему замечания и приказания, которые удивили бы всякого необыкновенным познанием хозяйства, и какой-нибудь новичок не осмелился бы и подумать о том, чтобы можно было украсть у такого зоркого хозяина. Но приказчик его был обстрелянная птица: он знал, как нужно отвечать, а еще более, как нужно хозяйничать.

После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне: „А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь.“

„Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?“

„Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков“, отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг являлась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки, заедал грибками, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшечков с замазанными крышками, чтобы не могло выдыхаться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни. За обедом обыкновенно шел разговор о предметах самых близких к обеду.

„Мне кажется, как будто эта каша“, говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, „немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?“

„Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелою, или вот возьмите этого соуса с грибками и подлейте к ней.“

„Пожалуй“, говорил Афанасий Иванович и подставлял свою тарелку: „попробуем, как оно будет.“

После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила: „Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз.“

„Да вы не верьте, Пульхерия Ивановна, что он красный в средине“, говорил Афанасий Иванович, принимая порядочный ломоть: „бывает что и красный, да нехороший.“

Но арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправлялся погулять по саду вместе с Пульхерией Ивановной. Пришедши домой, Пульхерия Ивановна отправлялась по своим делам, а он садился под навесом, обращенным к двору, и глядел, как кладовая беспрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и девки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякого дрязгу в деревянных ящиках, решетах, ночевках и в прочих фруктохранилищах. Немного

погодя он посылал за Пульхерией Ивановной, или сам отправлялся к ней и говорил: „чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?“

„Чего же бы такого?“ говорила Пульхерия Ивановна: „разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?“

„И то добре“, отвечал Афанасий Иванович.

„Или может быть, вы съели бы киселику?“

„И то хороше“, отвечал Афанасий Иванович. После чего всё это немедленно было приносимо и, как водится, было съедаемо.

Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-чего закушивал. В половине десятого садились ужинать. После ужина тотчас отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась в этом деятельном и вместе спокойном уголке. Комната, в которой спали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, была так жарка, что редкий был бы в состоянии остаться в ней несколько часов. Но Афанасий Иванович еще сверх того, чтобы было теплее, спал на лежанке, хотя сильный жар часто заставлял его несколько раз вставать среди ночи и прохаживаться по комнате. Иногда Афанасий Иванович, ходя по комнате, стонал.

Тогда Пульхерия Ивановна спрашивала: „чего вы стонете, Афанасий Иванович?“

„Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так как будто немного живот болит“, говорил Афанасий Иванович.

„Может быть, вы бы чего-нибудь съели, Афанасий Иванович?“

„Не знаю, будет ли оно хорошо, Пульхерия Ивановна! впрочем, чего ж бы такого съесть?“

„Кислого молочка, или жиденького узвару с сушеными грушами.“

„Пожалуй, разве так только попробовать“, говорил Афанасий Иванович. Сонная девка отправлялась рыться по шкафам, и Афанасий Иванович съедал тарелочку; после

чего он обыкновенно говорил: „теперь так как будто сделалось легче.“

Иногда, если было ясное время и в комнатах довольно тепло натоплено, Афанасий Иванович, развеселившись, любил пошутить над Пульхериею Ивановною и поговорить о чем-нибудь постороннем.

„А что, Пульхерия Ивановна“, говорил он: „если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?“

„Вот это боже сохрани!“ говорила Пульхерия Ивановна, крестясь.

„Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда?“

„Бог знает, что вы говорите, Афанасий Иванович! как можно, чтобы дом мог сгореть: бог этого не попустит.“

„Ну, а если бы сгорел?“

„Ну, тогда бы мы перешли в кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимает ключница.“

„А если бы и кухня сгорела?“

„Вот пусть бог сохранит от такого попущения, чтобы вдруг и дом, и кухня сгорели! Ну, тогда бы в кладовую, покамест выстроился бы новый дом.“

„А если бы и кладовая сгорела?“

„Бог знает, что вы говорите! я и слушать вас не хочу! Грех это говорить, и бог наказывает за такие речи.“

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что подшутил над Пульхериею Ивановною, улыбался, сидя на своем стуле.

Но интереснее всего казались для меня старички в то время, когда бывали у них гости. Тогда всё в их доме принимало другой вид. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Всё, что у них ни было лучшего, всё это выносилось. Они наперерыв старались угостить вас всем, что только производило их хозяйство. Но более всего приятно мне было то, что во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражались на их

лицах, так шли к ним, что поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствие чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ. Это радушие вовсе не то, с каким угощает вас чиновник казенной палаты, вышедший в люди вашими стараниями, называющий вас благодетелем и ползающий у ног ваших. Гость никаким образом не был отпускаем того же дни: он должен был непременно переночевать.

„Как можно такою позднею порою отправляться в такую дальнюю дорогу!“ всегда говорила Пульхерия Ивановна (гость обыкновенно жил в трех или в четырех от них верстах).

„Конечно“, говорил Афанасий Иванович: „неравно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек.“

„Пусть бог милует от разбойников!“ говорила Пульхерия Ивановна. „И к чему рассказывать эдакое на ночь. Разбойники не разбойники; а время темное, не годится совсем ехать. Да и ваш кучер, я знаю вашего кучера, он такой тендитный да маленький, его всякая кобыла побьет; да притом теперь он уже, верно, наклюкался и спит где-нибудь.“

И гость должен был непременно остаться; но, впрочем, вечер в низенькой теплой комнате, радушный, греющий и усыпляющий рассказ, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски сготовленного, бывает для него наградою. Я вижу как теперь, как Афанасий Иванович согнувшись сидит на стуле с всегдашнею своею улыбкой и слушает со вниманием и даже наслаждением гостя! Часто речь заходила и об политике. Гость, тоже весьма редко выезжавший из своей деревни, часто с значительным видом и таинственным выражением лица выводил свои догадки и рассказывал, что француз тайно согласился с англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта, или просто рассказывал о предстоящей войне, и тогда Афанасий Иванович часто говорил, как будто не глядя на Пульхерию Ивановну:

„Я сам думаю пойти на войну; почему ж я не могу итти на войну?“

„Вот уже и пошел!“ прерывала Пульхерия Ивановна. „Вы не верьте ему“, говорила она, обращаясь к гостю. „Где уже ему старому итти на войну! Его первый солдат застрелит! Ей богу, застрелит! Вот так-таки прицелится и застрелит.“

„Что ж“, говорил Афанасий Иванович: „и я его застрелю.“

„Вот слушайте только, что он говорит!“ подхватывала Пульхерия Ивановна: „куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавели и лежат в коморе. Если б вы их видели: там такие, что прежде еще нежели выстрелят, разорвет их порохом. И руки себе поотбивает и лицо искалечит и навеки несчастным останется!“

„Что ж“, говорил Афанасий Иванович: „я куплю себе новое вооружение. Я возьму саблю или козацкую пику.“

„Это всё выдумки. Так вот вдруг придет в голову и начнет рассказывать“, подхватывала Пульхерия Ивановна с досадою. „Я и знаю, что он шутит, но всё-таки неприятно слушать. Вот этакое он всегда говорит, иной раз слушаешь, слушаешь, да и страшно станет.“

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что несколько напугал Пульхерию Ивановну, смеялся, сидя согнувшись на своем стуле.

Пульхерия Ивановна для меня была занимательнее всего тогда, когда подводила гостя к закуске. „Вот это“, говорила она, снимая пробку с графина: „водка, настоенная на деревий и шалфей. Если у кого болят лопатки или поясница, то она очень помогает. Вот это на золототысячник: если в ушах звенит и по лицу лишаи делаются, то очень помогает. А вот эта перегнанная на персиковые косточки, вот возьмите рюмку, какой прекрасный запах. Если как-нибудь, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола, и набежит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом — и всё как рукой снимет, в ту же минуту всё пройдет, как будто вовсе не бывало.“ После

этого такой перечет следовал и другим графинам, всегда почти имевшим какие-нибудь целебные свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявших тарелок. „Вот это грибки с чебрецом! это с гвоздиками и волошскими орехами; солить их выучила меня туркеня, в то время, когда еще турки были у нас в плену. Такая была добрая туркеня и не заметно совсем, чтобы турецкую веру исповедывала. Так совсем и ходит почти, как у нас; только свинины не ела: говорит, что у них как-то там в законе запрещено. Вот это грибки с смородинным листом и мушкатным орехом! А вот это большие травянки: я их еще в первый раз мариновала; не знаю, каковы-то они; я узнала секрет от отца Ивана. В маленькой кадушке прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потом посыпать перцем и селитрою и положить еще, что бывает на нечуйвитере, цвет, так этот цвет взять и хвостиками разостлать вверх. А вот это пирожки! это пирожки с сыром! это с урдою! а вот это те, которые Афанасий Иванович очень любит, с капустою и гречневою кашею.“

„Да“, прибавлял Афанасий Иванович: „я их очень люблю; они мягкие и немножко кисленькие.“

Вообще Пульхерия Ивановна была чрезвычайно в духе, когда бывали у них гости. Добрая старушка! Она вся была отдана гостям. Я любил бывать у них и хотя объедался страшным образом, как и все, гостившие у них, хотя мне это было очень вредно, однако ж я всегда бывал рад к ним ехать. Впрочем, я думаю, что не имеет ли самый воздух в Малороссии какого-то особенного свойства, помогающего пищеварению, потому что если бы здесь вздумал кто-нибудь таким образом накушаться, то, без сомнения, вместо постели, очутился бы лежащим на столе.

Добрые старички! Но повествование мое приближается к весьма печальному событию, изменившему навсегда жизнь этого мирного уголка. Событие это покажется тем более разительным, что произошло от самого маловажного случая.

Но по странному устройству вещей, всегда ничтожные причины родили великие события и, наоборот, великие предприятия оканчивались ничтожными следствиями. Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец всё это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля; а иногда, напротив, два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, и ссора объемлет наконец города, потом веси и деревни, а там и целое государство. Но оставим эти рассуждения: они не идут сюда. Притом я не люблю рассуждений, когда они остаются только рассуждениями.

У Пульхерии Ивановны была серенькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубком, у ее ног. Пульхерия Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцем по ее шейке, которую балованная кошечка вытягивала как можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерия Ивановна слишком любила ее, но просто привязалась к ней, привыкши ее всегда видеть. Афанасий Иванович однако ж часто подшучивал над такою привязанностию.

„Я не знаю, Пульхерия Ивановна, что вы такого находите в кошке. На что она? Если бы вы имели собаку, тогда бы другое дело: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?“

„Уж молчите, Афанасий Иванович“, говорила Пульхерия Ивановна: „вы любите только говорить и больше ничего. Собака нечистоплотная, собака нагадит, собака перебьет всё, а кошка тихое творение, она никому не сделает зла.“

Впрочем, Афанасию Ивановичу было всё равно, что кошки, что собаки; он для того только говорил так, чтобы немножко подшутить над Пульхерией Ивановной.

За садом находился у них большой лес, который был совершенно пощажен предприимчивым приказчиком, может быть оттого, что стук топора доходил бы до самых ушей Пульхерии Ивановны. Он был глух, запущен, старые дре-

весные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лапы голубей. В этом лесу обитали дикие коты. Лесных диких котов не должно смешивать с теми удальцами, которые бегают по крышам домов. Находясь в городах, они, несмотря на крутой нрав свой, гораздо более цивилизированы, нежели обитатели лесов. Это, напротив того, большею частию народ мрачный и дикий; они всегда ходят тощие, худые, мяукают грубым, необработанным голосом. Они подрываются иногда подземным ходом под самые амбары и крадут сало, являются даже в самой кухне, прыгнувши внезапно в растворенное окно, когда заметят, что повар пошел в бурьян. Вообще никакие благородные чувства им не известны; они живут хищничеством и душат маленьких воробьев в самых их гнездах. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру под амбаром с кроткою кошечкою Пульхерии Ивановны и наконец подманили ее, как отряд солдат подманивает глупую крестьянку. Пульхерия Ивановна заметила пропажу кошки, послала искать ее, но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерия Ивановна пожалела, наконец вовсе о ней позабыла. В один день, когда она ревизировала свой огород и возвращалась с вырванными своею рукою зелеными свежими огурцами для Афанасия Ивановича, слух ее был поражен самым жалким мяуканьем. Она, как будто по инстинкту, произнесла: кис, кис! и вдруг из бурьяна вышла ее серенькая кошка, худая, тощая; заметно было, что она несколько уже дней не брала в рот никакой пищи. Пульхерия Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла перед нею, мяукала и не смела подойти близко; видно было, что она очень одичала с того времени. Пульхерия Ивановна пошла вперед, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самого забора. Наконец, увидевши прежние, знакомые места, вошла и в комнату. Пульхерия Ивановна тотчас приказала подать ей молока и мяса и, сидя перед нею, наслаждалась жадностию бедной

своей фаворитки, с какою она глотала кусок за куском и хлебала молоко. Серенькая беглянка почти в глазах ее растолстела и ела уже не так жадно. Она протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная, видно, уже слишком свыклась с хищными котами, или набралась романических правил, что бедность при любви лучше палат, а коты были голы, как соколы; как бы то ни было, она выпрыгнула в окошко, и никто из дворовых не мог поймать ее.

Задумалась старушка: „Это смерть моя приходила за мною!“ сказала она сама в себе, и ничто не могло ее рассеять. Весь день она была скучна. Напрасно Афанасий Иванович шутил и хотел узнать, отчего она так вдруг загрустила: Пульхерия Ивановна была безответна, или отвечала совершенно не так, чтобы можно было удовлетворить Афанасия Ивановича. На другой день она заметно похудела.

„Что это с вами, Пульхерия Ивановна? Уж не больны ли вы?“

„Нет, я не больна, Афанасий Иванович! Я хочу вам объявить одно особенное происшествие: я знаю, что я этого лета умру: смерть моя уже приходила за мною!“

Уста Афанасия Ивановича как-то болезненно искривились. Он хотел однако ж победить в душе своей грустное чувство и улыбнувшись сказал: „Бог знает, что̀ вы говорите, Пульхерия Ивановна! Вы, верно, вместо декохта, что часто пьете, выпили персиковой.“

„Нет, Афанасий Иванович, я не пила персиковой“, сказала Пульхерия Ивановна.

И Афанасию Ивановичу сделалось жалко, что он так пошутил над Пульхерией Ивановной, и он смотрел на нее, и слеза повисла на его реснице.

„Я прошу вас, Афанасий Иванович, чтобы вы исполнили мою волю“, сказала Пульхерия Ивановна. „Когда я умру, то похороните меня возле церковной ограды. Платье наденьте на меня серенькое, то, что с небольшими цветочками по коричневому полю. Атласного платья, что с малиновыми

полосками, не надевайте на меня: мертвой уже не нужно платье. На что оно ей? А вам оно пригодится: из него сошьете себе парадный халат на случай когда приедут гости, то чтобы можно было вам прилично показаться и принять их."

„Бог знает, что вы говорите, Пульхерия Ивановна!" говорил Афанасий Иванович: „когда-то еще будет смерть, а вы уже стращаете такими словами."

„Нет, Афанасий Иванович, я уже знаю, когда моя смерть. Вы однако ж не горюйте за мною: я уже старуха, и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скоро увидимся на том свете."

Но Афанасий Иванович рыдал, как ребенок.

„Грех плакать, Афанасий Иванович! Не грешите и бога не гневите своею печалью. Я не жалею о том, что умираю. Об одном только жалею я (тяжелый вздох прервал на минуту речь ее): я жалею о том, что не знаю, на кого оставить вас, кто присмотрит за вами, когда я умру. Вы как дитя маленькое: нужно, чтобы любило вас то, которое будет ухаживать за вами." При этом на лице ее выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, мог ли бы кто-нибудь в то время глядеть на нее равнодушно.

„Смотри мне, Явдоха", говорила она, обращаясь к ключнице, которую нарочно велела позвать: „когда я умру, чтобы ты глядела за паном, чтобы берегла его, как глàза своего, как свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухне готовилось то, что он любит. Чтобы белье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то пожалуй он иногда выйдет в старом халате, потому что и теперь часто позабывает он, когда бывает праздничный день, а когда будничный. Не своди с него глаз, Явдоха, я буду молиться за тебя на том свете, и бог наградит тебя. Не забывай же, Явдоха, ты уже стара, тебе не долго жить, не набирай греха на

душу. Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счастия на свете. Я сама буду просить бога, чтобы не давал тебе благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дети твои будут несчастны, и весь род ваш не будет иметь ни в чем благословения божия.“

Бедная старушка! она в то время не думала ни о той великой минуте, которая ее ожидает, ни о душе своей, ни о будущей своей жизни; она думала только о бедном своем спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сирым и бесприютным. Она с необыкновенною расторопностию распорядила всё таким образом, чтобы после нее Афанасий Иванович не заметил ее отсутствия. Уверенность ее в близкой своей кончине так была сильна, и состояние души ее так было к этому настроено, что действительно чрез несколько дней она слегла в постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Афанасий Иванович весь превратился во внимательность и не отходил от ее постели. „Может быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерия Ивановна?“ говорил он, с беспокойством смотря в глаза ей. Но Пульхерия Ивановна ничего не говорила. Наконец, после долгого молчания, как-будто хотела она что-то сказать, пошевелила губами — и дыхание ее улетело.

Афанасий Иванович был совершенно поражен. Это так казалось ему дико, что он даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на нее, как бы не зная всего значения трупа.

Покойницу положили на стол, одели в то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестом, дали в руки восковую свечу — он на всё это глядел бесчувственно. Множество народа всякого звания наполнило двор, множество гостей приехало на похороны, длинные столы расставлены были по двору, кутья, наливки, пироги лежали кучами, гости говорили, плакали, глядели на покойницу, рассуждали о ее качествах, смотрели на него; но он сам на всё это глядел странно. Покойницу понесли наконец, народ

повалил следом, и он пошел за нею; священники были в полном облачении, солнце светило, грудные ребенки плакали на руках матерей, жаворонки пели, дети в рубашенках бегали и резвились по дороге. Наконец гроб поставили над ямой, ему велели подойти и поцеловать в последний раз покойницу: он подошел, поцеловал, на глазах его показались слезы, но какие-то бесчувственные слезы. Гроб опустили, священник взял заступ и первый бросил горсть земли, густой протяжный хор дьячка и двух понамарей пропел вечную память под чистым безоблачным небом, работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму, — в это время он пробрался вперед; все расступились, дали ему место, желая знать его намерение. Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: „Так вот это вы уже и погребли ее! зачем?!..“ Он остановился и не докончил своей речи.

Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен — он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы, как река, лились из его тусклых очей.

Пять лет прошло с того времени. Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелеет в неровной битве с ним? Я знал одного человека в цвете юных еще сил, исполненного истинного благородства и достоинств, я знал его влюбленным нежно, страстно, бешено, дерзко, скромно, и при мне, при моих глазах почти, предмет его страсти — нежная, прекрасная, как ангел — была поражена ненасытною смертию. Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной палящей тоски, такого пожирающего отчаяния, какие волновали несчастного любовника. Я никогда не думал, чтобы мог человек создать для себя такой ад, в котором ни тени, ни образа и ничего, что бы сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать с глаз; от него спрятали все орудия, которыми

бы он мог умертвить себя. Две недели спустя, он вдруг победил себя: начал смеяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что он употребил ее, это было — купить пистолет. В один день внезапно раздавшийся выстрел перепугал ужасно его родных. Они вбежали в его комнату и увидели его распростертого с раздробленным черепом. Врач, случившийся тогда, об искусстве которого гремела всеобщая молва, увидел в нем признаки существования, нашел рану не совсем смертельною, и он, к изумлению всех, был вылечен. Присмотр за ним увеличили еще более. Даже за столом не клали возле его ножа и старались удалить всё, чем бы мог он себя ударить; но он в скором времени нашел новый случай и бросился под колеса проезжавшего экипажа. Ему растрощило руку и ногу; но он опять был вылечен. Год после этого я видел его в одном многолюдном зале: он сидел за столом, весело говорил: петит-уверт, закрывши одну карту, и за ним стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истечении сказанных пяти лет после смерти Пульхерии Ивановны, я, будучи в тех местах, заехал в хуторок Афанасия Ивановича навестить моего старинного соседа, у которого когда-то приятно проводил день и всегда объедался лучшими изделиями радушной хозяйки. Когда я подъехал ко двору, дом мне показался вдвое старее, крестьянские избы совсем легли на-бок, без сомнения, так же, как и владельцы их; частокол и плетень в дворе были совсем разрушены, и я видел сам, как кухарка выдергивала из него палки для затопки печи, тогда как ей нужно было сделать два шага лишних, чтобы достать тут же наваленного хвороста. Я с грустью подъехал к крыльцу, те же самые барбосы и бровки, уже слепые, или с перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверх свои волнистые, обвешанные репейниками, хвосты. Навстречу вышел старик. Так это он! я тотчас же узнал его; но он согнулся уже вдвое против

прежнего. Он узнал меня и приветствовал с тою же знакомою мне улыбкою. Я вошел за ним в комнаты; казалось, всё было в них попрежнему; но я заметил во всем какой-то странный беспорядок, какое-то ощутительное отсутствие чего-то; словом, я ощутил в себе те странные чувства, которые одолевают нами, когда мы вступаем первый раз в жилище вдовца, которого прежде знали нераздельным с подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бывают похожи тогда, когда видим перед собою того человека, которого всегда знали здоровым, без ноги. Во всем видно было отсутствие заботливой Пульхерии Ивановны: за столом подали один нож без колодочки; блюда уже не были приготовлены с таким искусством. О хозяйстве я не хотел и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственные заведения.

Когда мы сели за стол, девка завязала Афанасия Ивановича салфеткою, и очень хорошо сделала, потому что без того он бы весь халат свой запачкал соусом. Я старался его чем-нибудь занять и рассказывал ему разные новости, он слушал с тою же улыбкою, но по временам взгляд его был совершенно бесчувствен, и мысли в нем не разбродились, но исчезали. Часто поднимал он ложку с кашею, вместо того, чтобы подносить ко рту, подносил к носу, вилку свою, вместо того, чтобы вонзить в кусок цыпленка, он тыкал в графин, и тогда девка, взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по несколько минут следующего блюда. Афанасий Иванович уже сам замечал это и говорил: „Что это так долго не несут кушанья?“ Но я видел сквозь щель в дверях, что мальчик, разносивший нам блюда, вовсе не думал о том и спал, свесивши голову на скамью.

„Вот это то кушанье“, сказал Афанасий Иванович, когда, подали нам *мнишки* со сметаною, „это то кушанье“, продолжал он, и я заметил, что голос его начал дрожать и слеза готовилась выглянуть из его свинцовых глаз, но он

собирал все усилия, желая удержать ее. „Это то кушанье, которое по... по... покой... покойни...“ и вдруг брызнул слезами. Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетела и разбилась, соус залил его всего; он сидел бесчувственно, бесчувственно держал ложку, и слезы, как ручей, как немолчно точущий фонтан, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

Боже! думал я, глядя на него: пять лет всеистребляющего времени — старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов — и такая долгая, такая жаркая печаль? Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихорь наших желаний и кипящих страстей — есть только следствие нашего яркого возраста, и по тому одному только кажутся глубоки и сокрушительны? Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки. Несколько раз силился он выговорить имя покойницы, но на половине слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плач дитяти поражал меня в самое сердце. Нет, это не те слезы, на которые обыкновенно так щедры старички, представляющие вам жалкое свое положение и несчастия: это были также не те слезы, которые они роняют за стаканом пуншу; нет! это были слезы, которые текли, не спрашиваясь, сами собою, накопляясь от едкости боли уже охладевшего сердца.

Он не долго после того жил. Я недавно услышал об его смерти. Странно однако же то, что обстоятельства кончины его имели какое-то сходство с кончиною Пульхерии Ивановны. В один день Афанасий Иванович решился немного пройтись по саду. Когда он медленно шел по дорожке с обыкновенною своею беспечностию, вовсе не имея никакой мысли,

с ним случилось странное происшествие. Он вдруг услышал, что позади его произнес кто-то довольно явственным голосом: Афанасий Иванович! Он оборотился, но никого совершенно не было, посмотрел во все стороны, заглянул в кусты — нигде никого. День был тих, и солнце сияло. Он на минуту задумался; лицо его как-то оживилось, и он, наконец, произнес: „Это Пульхерия Ивановна зовет меня!“ Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдимы объясняют так: что душа стосковалась за человеком и призывает его; после которого следует неминуемо смерть. Признаюсь, мне всегда был страшен этот таинственный зов. Я помню, что в детстве я часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал, ни души в саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишины, среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада, и тогда только успокоивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял эту страшную сердечную пустыню.

Он весь покорился своему душевному убеждению, что Пульхерия Ивановна зовет его; он покорился с волею послушного ребенка, сохнул, кашлял, таял, как свечка, и наконец угас так, как она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бедное ее пламя. „Положите меня возле Пульхерии Ивановны“, вот всё, что произнес он перед своею кончиною.

Желание его исполнили и похоронили возле церкви, близ могилы Пульхерии Ивановны. Гостей было меньше на похоронах, но простого народа и нищих было такое же

множество. Домик барский уже сделался вовсе пуст. Предприимчивый приказчик вместе с войтом перетащили в свои избы все остававшиеся старинные вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро приехал, неизвестно откуда, какой-то дальний родственник, наследник имения, служивший прежде поручиком, не помню в каком полку, страшный реформатор. Он увидел тотчас величайшее расстройство и упущение в хозяйственных делах; всё это решился он непременно искоренить, исправить и ввести во всем порядок. Накупил шесть прекрасных англинских серпов, приколотил к каждой избе особенный номер, и наконец так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку. Мудрая опека (из одного бывшего заседателя и какого-то штабс-капитана в полинялом мундире) перевела в непродолжительное время все куры и яйцы. Избы, почти совсем лежавшие на земле, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частию числиться в бегах. Сам же настоящий владетель, который, впрочем, жил довольно мирно с своею опекою и пил вместе с нею пунш, приезжал очень редко в свою деревню и проживал не долго. Он до сих пор ездит по всем ярмаркам в Малороссии; тщательно осведомляется и применивается к ценам на разные большие произведения, продающиеся оптом, как-то: муку, пеньку, мед и прочее, но покупает только небольшие безделушки, как-то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще всё то, что не превышает всем оптом своим цены одного рубля.

ТАРАС БУЛЬБА

„А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?“ Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

„Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько“, продолжал он, поворачивая их: „какие же длинные на вас свитки!* Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побеги который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшися в полы.“

„Не смейся, не смейся, батьку!“ сказал, наконец, старший из них.

„Смотри ты, какой пышный! А отчего ж бы не смеяться?“

* Верхняя одежда у южных россиян.

„Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!“

„Ах, ты, сякой-такой сын! Как, батька?..“ сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

„Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.“

„Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?“

„Да уж на чем бы то ни было.“

„Ну, давай на кулаки!“ говорил Бульба, засучив рукав: „посмотрю я, что за человек ты в кулаке!“ И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

„Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума!“ говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. „Дети приехали домой, больше году их не видели, а он задумал нивесть что: на кулаки биться!“

„Да он славно бьется!“ говорил Бульба, остановившись. „Ей-богу хорошо!“ продолжал он, немного оправляясь: „так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся!“ И отец с сыном стали целоваться. „Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил?“ говорил он, обращаясь к младшему: „что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?“

„Вот еще что выдумал!“ говорила мать, обнимавшая между тем младшего. „И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати слишком лет и ровно в сажень ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!“

„Э, да ты мазунчик, как я вижу!“ говорил Бульба. „Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша матерь! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия, всё это *ка зна що*, я плевать на всё это!..“ Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. „А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.“

„И всего только одну неделю быть им дома?“ говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха-мать: „И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!“

„Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обеих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.“

Бульба повел сыновей своих в светлицы, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы, в червонных монистах, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях, да в народных думах, уже не поющихся более на Украйне бородатыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры, и в виду

обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украйне за унию. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми, тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы. На полках по углам стояли кувшины, бутыли и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пестрыми изразцами — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час их представил, говоря: „Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю“. Гости поздравили и Бульбу и обеих юношей и сказали им, что доброе дело делают, и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

„Ну ж, паны браты, садись всякий, где кому лучше за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки!“ так гово-

рил Бульба. „Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?“

„Вишь, какой батько!“ подумал про себя старший сын, Остап: „всё, старый собака, знает, а еще и прикидывается.“

„Я думаю, архимандрит не давал вам и понюхать горелки“, продолжал Тарас. „А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли? Чай не только по субботам, а доставалось и в середу и в четверги?“

„Нечего, батько, вспоминать, что было“, отвечал хладнокровно Остап: „что было, то прошло!“

„Пусть теперь попробует!“ сказал Андрий: „пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!“

„Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами, да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду!“ И старый Бульба мало-по-малу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. „Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки?“ Сказавши это,

он начал колотить и швырять горшки и фляжки. Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно-сжатых губах. Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух, и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, — и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и льготные места усеялись козаками, которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: „Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак“ (что маленький пригорок, там уж и козак). Это было, точно, необыкновенное явленье русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующихся городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от сих неукротимых стремлений, грозивших ее опрокинуть. Короли польские, очутившиеся,

наместо удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значенье козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Они поощряли их и льстили сему расположению. Под их отдаленною властью гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидал; но в случае войны и общего движенья, в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всем своем вооружении, получа плату один только червонец от короля, и в две недели набиралось такое войско, какого бы не в силах были набрать никакие рекрутские наборы. Кончился поход, — воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропало, пить и бражничать, как только может один русский, — всё это было ему по плечу. Кроме рейстровых козаков, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы охочекомонных: стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сел и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: „Эй, вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить да пачкать в землю свои желтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!“

И слова эти были, как искры, падавшие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и били бочки, ремесленник и торгаш посылал к чорту и ремесло и лавку, бил горшки в доме. И всё, что ни было,

садилось на коня. Словом, русский характер получил здесь могучий, широкий размах, дюжую наружность. Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: „Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!“; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел-было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были

завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе, и в голове еще бродил хмель, однако ж, не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришел усталый от своих забот.

„Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.“

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж, и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью, она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. „Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?“ говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои;

она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может-быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица, и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: авось либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может-быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил.

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

„Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где старà?“ (так он обыкновенно называл жену свою).

„Живее, стара, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!“

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные, с серебряными подковами; шаровары, шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

„Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать!“ произнес, наконец, Бульба. „Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.“

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

„Теперь благослови, мать, детей своих!“ сказал Бульба: „моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую,* чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.“ Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы,

* Рыцарскую.

надела им, рыдая, на шею. „Пусть хранит вас... божья матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...“ Далее она не могла говорить.

„Ну, пойдем, дети!“ сказал Бульба. У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Чорта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжел и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но, когда выехали они за ворота, она со всею легкостию дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из них с какою-то помешанною, бесчувственною горячностию; ее опять увели. Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущен, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушел в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика, да одни только вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, — тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощию своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II.

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественнаго обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал на ряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился

с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ни к чему не могли они привязать своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей, — всё это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, возбуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, всё это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки. Эта бурса составляла совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода, Адам Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они бежали на Запорожье, если

умели найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то, что начал с большим старанием учить логику и даже богословию, но никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но за то он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчиваго бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развиты. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был более изобретатель, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощию изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восьмнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философские диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокую, нежную. Пред ним беспрерывно

мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне, и домы были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыснул его довольно исправно бичем. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули, — и Андрий, к счастию, успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал,

что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнесть ни одного слова; но, когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог поворотить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки, и которая повергла бедного бурсака в еще большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня

долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он увидел ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

„Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли?“ сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости: „Как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом, разом! Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!“

И козаки, прилегши несколько к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брыз-

нули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный, бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причем ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по ним, и они становились темно-зелеными; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью, наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался к щекам. Вся музыка,

наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пестрые овражки выползывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, краканье; всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и доходило до слуха гармоническим. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленнаго леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: „Смотрите, детки, вон скачет татарин!“ Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козаков было тринадцать человек. „А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. и не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чорта.“

Однако ж, Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь. Чрез три дни после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе, и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал, наконец, свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов, и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой средине дороги,

раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

„Эх, как важно развернулся! Фу, ты, какая пышная фигура!“ говорил он, остановивши коня. В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они минули предместие и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные установлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместьи. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: „Здравствуйте, панове!“ „Здравствуйте и вы!“ отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украйну! Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу

целая толпа музыкантов, в средине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чортом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: „Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!“ И Фома, с подбитым глазом, мерял без счету каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четыре старых выработывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслись в присядку и били круто и крепко своими серебряными подковами тесно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далече отдавались гопаки и тропаки, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний кожух был надет в рукава, и пот градом лился из него, как из ведра. „Да сними хоть кожух!“ сказал, наконец, Тарас: „Видишь, как парит!“ „Не можно!“ кричал запорожец. „Отчего?“ „Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью“. А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка: всё пошло, куда следует. Толпа чем далее росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движенья, как вся толпа отдирала танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо мир, и который, по своим мощным изобретателям, понес название козачка.

„Эх, если бы не конь!“ вскрикнул Тарас: „пустился бы, право, пустился бы сам в танец!“ А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: „А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп!“ „Откуда бог несет тебя, Тарас?“ „Ты как сюда зашел, Долото?“ „Здорово,

Кирдюг! Здорово, Густый! Думал ли я видеть тебя, Ремень?" И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: „А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсыток?" И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсыткова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград.—Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: „Добрые были козаки!"

III.

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военною школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти беспрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность, и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Оно не было какое-нибудь сборище бражников, напивавшихся с горя, но было просто какое-то бешеное разгулье веселости. Вся

кий приходящий сюда позабывал и бросал всё, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на всё прошедшее и с жаром фанатика предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы и болтовня, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такою силою живого рассказа, что нужно было иметь только одну хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранить во всё время неподвижное выраженье лиц и не моргнуть даже усом,— резкая черта, которою отличается доныне от других братьев своих южный россиянин. Веселость была пьяна, шумна, но при всем том это не был черный кабак, где мрачно-искаженными чертами веселия забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Разница была только в том, что, вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя, они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, на котором производилась игра в мячик, у них были неохраняемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быструю свою голову, и неподвижно, сурово глядел турок в зеленой чалме своей. Разница та, что, вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов своих; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка, и которые, вместо бледной смерти, увидели жизнь, и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки; что здесь были те, которые дотоле червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь уронить. Здесь были все бурсаки, которые не вынесли академических лоз и которые не вынесли

из школы ни одной буквы; но вместе с этими здесь были и те, которые знали, что́ такое Гораций, Цицерон и римская республика. Тут было много тех офицеров, которые потом отличались в королевских войсках; тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Много было и таких, которые пришли на Сечь с тем, чтобы потом сказать, что они были на Сечи, и уже закаленные рыцари. Но кого тут не было? Эта странная республика была именно потребность того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь себе работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи не смела показываться ни одна женщина. Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они, и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: „Здравствуй! Что, во Христа веруешь?“ „Верую!“ отвечал приходивший. „И в троицу святую веруешь?“ „Верую!“ „И в церковь ходишь?“ „Хожу!“ „А ну, перекрестись!“ Пришедший крестился. „Ну, хорошо“, отвечал кошевой: „ступай же, в который сам знаешь, курень.“ Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстию жиды, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торга-

шей была очень жалка. Они были похожи на тех, которые селились у подошвы Везувия, потому что, как только у запорожцев не ставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Сечь состояла из шестидесяти слишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а еще более походили на школу и бурсу детей, живущих на всем готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, вся харчь, саламата, каша и даже топливо; ему отдавали деньги под сохран. Нередко происходила ссора у куреней с куренями. В таком случае дело тот же час доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали друг другу бока, пока одни не пересиливали, наконец, и не брали верх, и тогда начиналась гульня. Такова была та Сечь, имевшая столько приманок для молодых людей. Остап и Андрий кинулись со всею пылкостию юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его на смерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатленья на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили

гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обеих засыпали землею. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни, и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козаки стали на хорошем счету у козаков. Часто вместе с другими товарищами куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями, выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз, или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидать неводы и сети, и тащить богатые тони на продовольствие всего своего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуется козак, но они стали уже заметными между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всем. Бойко и прямо стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги. Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю. Наконец в один день пришел к кошевому и сказал ему прямо:

„Что, кошевой, пора бы погулять запорожцам?“

„Негде погулять“, отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув на сторону.

„Как негде? Можно пойти на Турещину или на Татарву.“

„Не можно ни в Турещину, ни в Татарву“, отвечал кошевой, взявши опять хладнокровно в рот свою трубку.

„Как не можно?“

„Так. Мы обещали султану мир.“

„Да ведь он бусурмен: и бог, и святое писание велит бить бусурменов.“

„Не имеем права. Если б не клялись еще нашею верою, то, может быть, и можно было бы; а теперь нет, не можно.“

„Как же не можно? Как же ты говоришь: не имеем права? Вот у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тот, ни другой не был на войне, а ты говоришь, не имеем права; а ты говоришь, не нужно итти запорожцам.“

„Ну, уж не следует так.“

„Так, стало-быть, следует, чтобы пропадала даром козацкая сила, чтобы человек сгинул, как собака, без доброго дела, чтобы ни отчизне, ни всему христианству не было от него никакой пользы? Так на что же мы живем, на какого чорта мы живем, растолкуй ты мне это. Ты человек умный, тебя недаром выбрали в кошевые, растолкуй ты мне, на что мы живем?“

Кошевой не дал ответа на этот запрос. Это был упрямый козак. Он немного помолчал и потом сказал: „А войне все-таки не бывать.“

„Так не бывать войне?“ спросил опять Тарас.

„Нет.“

„Так уж и думать об этом нечего?“

„И думать об этом нечего“.

„Постой же ты, чортов кулак!“ сказал Бульба про себя: „ты у меня будешь знать!“ И положил тут же отмстить кошевому.

Сговорившися с тем и другим, задал он всем попойку, и хмельные козаки, в числе нескольких человек, повалили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. Не нашедши палок, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полену в руки и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довбиш, высокий человек с одним только глазом, не смотря, однако ж, на то, страшно заспанным.

„Кто смеет бить в литавры?“ закричал он.

„Молчи! возьми свои палки да и колоти, когда тебе велят!“ отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных

происшествий. Литавры грянули, — и скоро на площадь, как шмели, стали собираться черные кучи запорожцев. Все собрались в кружок, и после третьего пробитья показались, наконец, старшины: кошевой с палицей в руке, знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею, и есаул с жезлом. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, опершись руками в бока.

„Что значит это собранье? Чего хотите, панове?“ сказал кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

„Клади палицу! Клади, чортов сын, сей же час палицу! Не хотим тебя больше!“ кричали из толпы козаки. Некоторые из трезвых куреней хотели, как казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделался общим.

Кошевой хотел было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа может за это прибить его на смерть, что всегда почти бывает в подобных случаях, поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе.

„Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства?“ сказали судья, писарь и есаул, и готовились тут же положить чернильницу, войсковую печать и жезл.

„Нет, вы оставайтесь!“ закричали из толпы: „нам нужно было только прогнать кошевого, потому что он баба, а нам нужно человека в кошевые.“

„Кого же выберете теперь в кошевые?“ сказали старшины.

„Кукубенка выбрать!“ кричала часть.

„Не хотим Кукубенка!“ кричала другая. „Рано ему, еще молоко не обсохло!“

„Шило пусть будет атаманом!“ кричали одни. „Шила посадить в кошевые!“

„В спину тебе шило!“ кричала с бранью толпа. „Что он за козак, когда прокрался, собачий сын, как татарин? К чорту в мешок пьяницу Шила!“

„Бородатого, Бородатого посадим в кошевые!“

„Не хотим Бородатого! К нечистой матери Бородатого!“

„Кричите Кирдюга!“ шепнул Тарас Бульба некоторым.

„Кирдюга! Кирдюга!“ кричала толпа. „Бородатого! Бородатого! Кирдюга! Кирдюга! Шила! К чорту с Шилом! Кирдюга!“

Все кандидаты, услышавши произнесенные свои имена, тотчас же вышли из толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личным участьем своим в избрании.

„Кирдюга! Кирдюга!“ раздавалось сильнее прочих. „Бородатого!“ Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдюг восторжествовал.

„Ступайте за Кирдюгом!“ закричали. Человек десяток козаков отделились тут же из толпы; некоторые из них едва держались на ногах, — до такой степени успели нагрузиться, — и отправились прямо к Кирдюгу объявить ему о его избрании.

Кирдюг, хотя престарелый, но умный козак, давно уже сидел в своем курене и как будто бы не ведал ни о чем происходившем. „Что, панове, что вам нужно?“ спросил он.

„Иди, тебя выбрали в кошевые!..“

„Помилосердствуйте, панове!“ сказал Кирдюг: „Где мне быть достойну такой чести! Где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит к отправленью такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?“

„Ступай же, говорят тебе!“ кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки и, как он ни упирался ногами, но был, наконец, притащен на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньями сзади кулаками, пинками и увещаньями: „Не пяться же, чортов сын! Принимай же честь, собака, когда тебе дают ее!“ Таким образом введен был Кирдюг в козачий круг.

„Что, панове?“ провозгласили во весь народ приведшие его: „Согласны ли вы, чтобы сей козак был у нас кошевым?“

„Все согласны!“ закричала толпа, и от крику долго гремело всё поле.

Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому. Кирдюг, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз. Кирдюг отказался и в другой раз и потом уже, за третьим разом, взял палицу. Ободрительный крик раздался по всей толпе, и вновь далеко загулило от козацкого крика всё поле. Тогда выступило из средины народа четверо самых старых, седоусых и седочупрынных козаков (слишком старых не было на Сечи, ибо никто из запорожцев не умирал своею смертью) и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили ее ему на голову. Стекла с головы его мокрая земля, потекла по усам и по щекам и всё лицо замазала ему грязью. Но Кирдюг стоял, не сдвинувшись, и благодарил козаков за оказанную честь. Таким образом кончилось шумное избрание, которому, неизвестно, были ли так рады другие, как рад был Бульба сначала потому, что отмстил первому кошевому, а потом потому, что Кирдюг был старый его товарищ и бывал с ним в одних и тех же сухопутных и морских походах, деля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тут же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой еще не видали дотоле Остап и Андрий. Винные шинки все были разнесены; мед, горелка и пиво забирались просто, без денег; шинкари были уже рады и тому, что сами остались целы. Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги. И взошедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, проходивших по улицам, бандуры, турбаны, круглые балалайки и церковных песельников, которые держались на Сечи для пенья в церкви и для восхваления запорожских дел. Наконец хмель и утомленье стали одолевать крепкие головы. И видно было понемногу, как то там, то в другом месте валился козак. Там товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже оба заплакавши, валились

оба на землю. Там гурьбою улегалась целая куча; там выбирал иной, как бы получше ему улечься, и лег прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, еще выводил какие-то бессвязные речи; наконец, и того подкосила хмельная сила, и тот повалился — и заснула вся Сечь.

IV.

А на другой день Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вздоль и впоперек запорожцев и сначала сказал: „Не можно клятвы преступить, никак не можно.“ А потом, помолчавши, прибавил: „Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберется народ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы с старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем.“

Не прошло часу после их разговора, как уже грянули в литавры. Нашлись вдруг и хмельные и неразумные козаки. Миллион козацких шапок высыпал вдруг на площадь. Поднялся говор: „Кто?.. Зачем?.. Из-за какого дела пробили сбор?“ Никто не отвечал. Наконец, в том и в другом углу стало раздаваться: „Вот пропадает даром козацкая сила: нет войны!.. Вот старшины забайбачились наповал, позаплыли жиром очи!.. Нет, видно, правды на свете!“ Другие козаки слушали сначала, а потом и сами стали говорить: „А и вправду нет никакой правды на свете!“ Старшины казались изумленными от таких речей. Наконец, кошевой вышел вперед и сказал: „Позвольте, панове запорожцы, речь держать!“

„Держи!“

„Вот в рассуждении того теперь идет речь, панове добродийство, да вы, может-быть, и сами лучше это знаете, что многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один чорт теперь и веры нейм ет. Потом опять в рассуждении того пойдет речь, что есть много таких хлопцев, которые еще и в глаза не видали, что такое война, тогда как молодому человеку,— и сами знаете, панове,—без войны не можно пробыть. Какой и запорожец из него, если он еще ни разу не бил бусурмена?"

„Он хорошо говорит", подумал Бульба.

„Не думайте, панове, чтобы я, впрочем, говорил это для того, чтобы нарушить мир: сохрани бог! Я только так это говорю. Притом же у нас храм божий—грех сказать, что такое: вот сколько лет уже, как, по милости божией, стоит Сечь, а до сих пор не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренние образа без всякого убранства. Хотя бы серебряную ризу кто догадался им выковать! Они только то и получили, что отказали в духовной иные козаки. Да и даяние их было бедное, потому что они почти всё еще пропили при жизни своей. Так я всё веду речь эту не к тому, чтобы начать войну с бусурменами: ибо мы обещали султану мир, и нам бы великий был грех, потому что мы клялись по закону нашему."

„Что ж он путает такое?" сказал про себя Бульба.

„Да, так видите, панове, что войны не можно начать. Рыцарская честь не велит. А, по своему бедному разуму, вот что я думаю: пустить с челнами одних молодых, пусть немного пошарпают берега Натолии. Как думаете, панове?"

„Веди, веди всех!" закричала со всех сторон толпа: „За веру мы готовы положить головы!"

Кошевой испугался; он ничуть не хотел подымать всего Запорожья: разорвать мир ему казалось в этом случае делом неправым. „Позвольте, панове, еще одну речь держать?"

„Довольно!" кричали запорожцы: „лучшего не скажешь!"

„Когда так, то пусть будет так. Я слуга вашей воли. Уж дело известное, и по писанью известно, что глас народа — глас божий. Уж умнее того нельзя выдумать, что весь народ выдумал. Только вот что: вам известно, панове, что султан не оставит безнаказанно то удовольствие, которым потешатся молодцы. А мы тем временем были бы наготове, и силы у нас были бы свежие, и никого б не побоялись. А во время отлучки и татарва может напасть: они, турецкие собаки, в глаза не кинутся и к хозяину на дом не посмеют прийти, а сзади укусят за пяты, да и больно укусят. Да если уж пошло на то, чтобы говорить правду, у нас и челнов нет столько в запасе, да и пороху не намолото в таком количестве, чтобы можно было всем отправиться. А я, пожалуй, я рад: я слуга вашей воли."

Хитрый атаман замолчал. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совещаться; пьяных, к счастию, было немного, и потому решились послушаться благоразумного совета.

В тот же час отправились несколько человек на противуположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под водою и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля оружий. Другие все бросились к челнам осматривать их и снаряжать в дорогу. Вмиг толпою народа наполнился берег. Несколько плотников явились с топорами в руках. Старые, загорелые, широкоплечие, дюженогие запорожцы, с проседью в усах и черноусые, засучив шаровары, стояли по колени в воде и стягивали их с берега крепким канатом. Другие таскали готовое, сухое бревно и всякое дерево. Там обшивали досками челн; там, переворотивши его вверх дном, конопатили и смолили; там увязывали к бокам других челнов, по козацкому обычаю, связки длинных камышей, чтобы не затопило челнов морскою волною; там, далеко прочь, по всему прибрежью разложили костры и кипятили в медных казанах смолу на заливанье судов.

Бывалые и старые поучали молодых. Стук и рабочий крик подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берег.

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем куча людей еще издали махала руками. Это были козаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд — у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки в зубах—показывал, что они или только что избегнули какой-нибудь беды, или же до того загулялись, что прогуляли всё, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, человек лет пятидесяти. Он кричал и махал рукою сильнее всех, но за стуком и криками рабочих не было слышно его слов.

„А с чем приехали?“ спросил кошевой, когда паром приворачивал к берегу. Все рабочие, остановив свои работы, подняв топоры, долота, прекратили стукотню и смотрели в ожидании.

„С бедою!“ кричал с парома приземистый козак.

„С какою?“

„Позвольте, панове запорожцы, речь держать?“

„Говори!“

„Или хотите, может быть, собрать раду?“

„Говори, мы все тут.“ Берег весь стеснился в одну кучу.

„А вы разве ничего не слыхали о том, что делается на Гетьманщине?“

„А что?“ произнес один из куренных атаманов.

„Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом уши, что вы ничего не слышали.“

„Говори же, что там делается?“

„А то делается, что и родились и крестились, еще не видали такого.“

„Да говори нам, что делается, собачий сын!“ закричал один из толпы, как видно, потеряв терпение.

„Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.“

„Как не наши?“

„Теперь у жидов они на аренде. Если жиду вперед не заплатишь, то и обедни нельзя править.“

„Что ты толкуешь?“

„И если рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою на святой пасхе, то и святить пасхи нельзя.“

„Врет он, паны браты, не может быть того, чтобы нечистый жид клал значок на святой пасхе!“

„Слушайте!.. еще не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украйне в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан. Слушайте! еще не то расскажу: уже, говорят, жидовки шьют себе юбки из поповских риз. Вот какие дела водятся на Украйне, панове! А вы тут сидите на Запорожьи да гуляете, да, видно, татарин такого задал вам страху, что у вас уже ни глаз, ни ушей—ничего нет, и вы не слышите, что делается на свете.“

„Стой, стой!“ прервал кошевой, дотоле стоявший, углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли грозную силу негодования. „Стой! и я скажу слово. А что ж вы,— так бы и этак поколотил чорт вашего батька!—что ж вы делали? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы попустили такому беззаконию?“

„Э, как попустили такому беззаконию! А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да — и нечего греха таить — были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру.“

„А гетьман ваш, а полковники что делали?“

„Наделали полковники таких дел, что не приведи бог и нам никому.“

„Как?“

„А так, что уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам на показ всему народу. Вот что наделали полковники!“

Колебнулась вся толпа. Сначала на миг пронеслося по всему берегу молчание, которое устанавливается перед свирепою бурею, и потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил берег.

„Как, чтобы жиды держали на аренде христианские церкви! Чтобы ксендзы запрягали в оглобли православных христиан! Как, чтобы попустить такие мучения на русской земле от проклятых недоверков! Чтобы вот так поступали с полковниками и гетьманом! Да не будет же сего, не будет!“ Такие слова перелетали по всем концам. Зашумели запорожцы и почуяли свои силы. Тут уже не было волнений легкомысленного народа: волновались всё характеры тяжелые и крепкие, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили в себе внутренний жар. „Перевешать всю жидову!“ раздалось из толпы. „Пусть же не шьют из поповских риз юбок своим жидовкам! Пусть же не ставят значков на святых пасхах! Перетопить их всех, поганцев, в Днепре!“ Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели молнией по всем головам, и толпа ринулась на предместье с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши всё присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползывали под юбки своих жидовок; но козаки везде их находили.

„Ясновельможные паны!“ кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. „Ясновельможные паны! Слово только дайте нам сказать, одно слово! Мы такое объявим вам, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!“

„Ну, пусть скажут“, сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

„Ясные паны!“ произнес жид. „Таких панов еще никогда не видывано. Ей-богу, никогда! Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете!..“ Голос его умирал и дрожал от страха. „Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украйне! Ей-богу, не наши! То совсем не жиды: то чорт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?“

„Ей-богу, правда!“ отвечали из толпы Шлема и Шмуль в изодранных яломках, оба белые, как глина.

„Мы никогда еще“, продолжал длинный жид: „не соглашались с неприятелями. А католиков мы и знать не хотим: пусть им чорт приснится! Мы с запорожцами как братья родные...“

„Как? чтобы запорожцы были с вами братья?“ произнес один из толпы. „Не дождетесь, проклятые жиды! В Днепр их, панове! Всех потопить, поганцев!“

Эти слова были сигналом. Жидов расхватали по рукам и начали швырять в волны. Жалкий крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный оратор, накликавший сам на свою шею беду, выскочил из кафтана, за который было его ухватили, в одном пегом и узком камзоле, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил: „Великий господин, ясновельможный пан! я знал и брата вашего, покойного Дороша! Был воин на украшение всему рыцарству. Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турков“.

„Ты знал брата?“ спросил Тарас.

„Ей-богу, знал! Великодушный был пан.“

„А как тебя зовут?“

„Янкель.“

„Хорошо“, сказал Тарас и потом, подумав, обратился к козакам и проговорил так: „Жида будет всегда время повесить, когда будет нужно, а на сегодня отдайте его мне.“ Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли козаки его. „Ну, полезай под телегу, лежи там и не пошевелись; а вы, братцы, не выпускайте жида.“

Сказавши это, он отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Все бросили вмиг берег и снарядку челнов, ибо предстоял теперь сухопутный, а не морской поход, и не суда да козацкие чайки, — понадобились телеги и кони. Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые; все, с совета всех старшин, куренных, кошевого и с воли всего запорожского войска, положили итти прямо на Польшу, отмстить за всё зло и посрамленье веры и козацкой славы, набрать добычи с городов, пустить пожар по деревням и хлебам и пустить далеко по всей степи о себе славу. Всё тут же опоясывалось и вооружалось. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа; это был неограниченный повелитель. Это был деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда он раздавал повеления тихо, не выкрикивая и не торопясь, но с расстановкою, как старый и далеко опытный в деле, приводивший не в первый раз в исполненье разумно замышленные подвиги.

„Осмотритесь, осмотритесь хорошенько все!“ так говорил он. „Исправьте возы и мазницы, испробуйте оружье. Не забирайте много с собой одежды: по сорочке и по двое шаровар на козака, да по горшку саламаты и толченого проса—больше чтоб и не было ни у кого! Про запас будет в возах всё, что нужно. По паре коней чтоб было у каждого козака. Да пар двести взять волов, потому что при переправах и топких местах нужны будут волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между

вас такие, что чуть бог пошлет какую корысть, пошли тот же час драть китайку и дорогие оксамиты себе на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякие юбки, берите одно только оружье, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому что они емкого свойства и пригодятся во всяком случае. Да вот вам, панове, вперед говорю: если кто в походе напьется, то никакого нет на него суда. Как собаку, повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы он ни был, хоть бы наидоблестнейший козак изо всего войска. Как собака, будет он застрелен на месте и кинут безо всякого погребенья на поклев птицам, потому что пьяница в походе недостоин христианского погребенья. Молодые, слушайте во всем старых! Если цапнет пуля, или царапнет саблей по голове или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому делу. Размешайте заряд пороху в чарке сивухи, духом выпейте, и всё пройдет— не будет и лихорадки; а на рану, если она не слишком велика, приложите просто земли, замесивши ее прежде слюною на ладоне, то и присохнет рана. Ну-те же за дело, за дело, хлопцы, да не торопясь принимайтесь за дело!"

Так говорил кошевой, и, как только окончил он речь свою, все козаки принялись тот же час за дело. Вся Сечь отрезвилась, и нигде нельзя было сыскать ни одного пьяного, как будто бы их не было никогда между козаками... Те исправляли ободья колес и переменяли свежие оси в телегах; те сносили на возы мешки с провиантом, на другие валили оружие; те пригоняли коней и волов. Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрып поворачиваемых возов, говор и яркий крик и понуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся козачий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел перебежать всё пространство от головы до хвоста его. В деревянной небольшой церкве служил священник молебен, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся

табор и потянулся из Сечи, все запорожцы обратили головы назад.

„Прощай, наша мать!“ сказали все почти в одно слово: „пусть же тебя хранит бог от всякого несчастья!“

Проезжая предместье, Тарас Бульба увидел, что жидо́к его, Янкель, уже разбил какую-то ятку с навесом и продавал кремни, завертки, порох и всякие войсковые снадобья, нужные на дорогу, даже калачи и хлебы. „Каков чортов жид!“ подумал про себя Тарас и, подъехав к нему, сказал:

„Дурень, что ты здесь сидишь? Разве хочешь, чтобы тебя застрелили, как воробья?“

Янкель в ответ на это подошел к нему поближе и, сделав знак обеими руками, как будто хотел объявить что-то таинственно, сказал:

„Пусть пан только молчит и никому не говорит: между козацкими возами есть один мой воз; я везу всякий нужный запас для козаков и по дороге буду доставлять всякий провиант по такой дешевой цене, по какой еще ни один жид не продавал, ей-богу, так; ей-богу так.“

Пожал плечами Тарас Бульба, подивился бойкой жидовской натуре и отъехал к табору.

V.

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: „Запорожцы!.. показались запорожцы!..“ Всё, что мо́гло спасаться, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепостей, ни замков, а просто как попало становил на время соломенное жилище свое человек, думая: „Не тратить же на него,

работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!“ Всё всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружье и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унесть. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооруженною рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заране. Все знали, что трудно иметь дело с сей закаленной вечной бранью толпой, известной под именем запорожского войска, которое среди своевольного неустройства своего заключало обдуманное устройство во время битвы. Конные ехали, не отягчая и не горяча коней, пешие шли трезво за возами, и весь табор подвигался только по ночам, отдыхая днем и выбирая для того пустыри, незаселенные места и леса, которых было тогда еще вдоволь. Засыланы были вперед лазутчики и рассыльные узнавать и выведывать, где, что и как. И часто в тех местах, где менее всего могли ожидать их, они появлялись вдруг,—и всё тогда прощалось с жизнью. Пожары обхватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. Казалось, больше пировали они, чем совершали поход свой. Дыбом воздвигнулся бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранные кожи с ног по колени у выпущенных на свободу,—словом, крупною монетою отплачивали козаки прежние долги. Прелат одного монастыря, услышав о приближении их, прислал от себя двух монахов, чтобы сказать, что они не так ведут себя, как следует; что между запорожцами и правительством стоит согласие; что они нарушают свою обязанность к королю, а с тем вместе и всякое народное право.

„Скажи епископу от меня и от всех запорожцев“, сказал кошевой: „чтобы он ничего не боялся. Это козаки еще только зажигают и раскуривают свои трубки.“

И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня. Бегущие толпы монахов, жидов, женщин вдруг омноголюдили те города, где какая-нибудь была надежда на гарнизон и городовое рушение. Высылаемая временами правительством запоздалая помощь, из небольших полков, или не могла найти их, или же робела, обращала тыл при первой встрече и улетала на лихих конях своих. Случалось, что многие военачальники королевские, торжествовавшие дотоле в прежних битвах, решались, соединя свои силы, стать грудью против запорожцев. И тут-то более всего пробовали себя молодые козаки, чуждавшиеся грабительства, корысти и бессильного неприятеля, горевшие желанием показать себя пред старыми, померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи. Потешна была наука. Много уже они добыли себе конной сбруи, дорогих сабель и ружей. В один месяц возмужали и совершенно переродились только-что оперившиеся птенцы и стали мужами. Черты лица их, в которых доселе видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знанье вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от нее, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть ее. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепкое слышалось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

„О! да этот будет со временем добрый полковник!“ говорил старый Тарас: „ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька за пояс заткнет!“

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заране свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве. Пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесенных. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрий, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которыми не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

„И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!“

Войско решилось итти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны, богатых обывателей. В полтора дни поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в домы. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высовывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силен и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать,

и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями, вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

„Ничего, паны браты, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!“

Войско, отступив, облегло весь город и, от нечего делать, занялось опустошеньем окрестностей, выжигая окружные деревни, скирды неубранного хлеба, и напуская табуны коней в нивы, еще не успевшие срезаться серпом, где, как нарочно, колебались тучные колосья, плод необыкновенного урожая, наградившего в ту пору щедро всех земледельцев. С ужасом видели с города, как истреблялись средства их существования. А между тем запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружьем, играли в чехарду, в чет и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город. Ночью зажигались костры. Кашевары варили в каждом курене кашу в огромных медных казанах. У горевших всю ночь огней стояла бессонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездействием и особливо скучною трезвостью, не сопряженною ни с каким делом. Кошевой велел удвоить даже порцию вина, что иногда водилось в войске, если не было трудных подвигов и движений. Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал. „Неразумная голова“, говорил ему Тарас: „Терпи козак — атаман будешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он всё-таки поставит на своем.“ Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обеих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведенный Товкачем; с ним было еще два есаула, писарь и другие полковые чины; всех козаков набралось больше четырех тысяч. Было между ними не мало и охочекомонных, которые сами поднялись своею волею, без всякого позыва, как только услышали, в чем дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи-матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать свою. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом веселый возврат на отчизну с добычей и славой, на вечные песни бандуристам, или же?.. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот. Безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей погибели...

Остап уже занялся своим делом и давно отошел к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую пред ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звезды. Поле далеко было занято раскиданными по нем возами с висячими мазницами, облитыми дегтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег, — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картинных положениях: кто, подмостив себе под голову куль или шапку или употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружье-самопал, короткочубучная трубка, с медными бляхами, железными проверткамн и огнивом, висела почти у каждого пояса. Тяжелые волы

лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались из поля звонкими ржаньями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. В одном месте пламя спокойно и величественно стлалось по небу; в другом, встретив что-то горючее и вдруг вырвавшись вихрем, оно свистело и летело вверх под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самыми дальними небесами. Там обгорелый черный монастырь, как суровый картезианский монах, стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие. Там горел монастырский сад. Казалось, слышно было, как деревья шипели, обвиваясь дымом, и когда выскакивал огонь, он вдруг освещал фосфорическим, лилово-огненным светом спелые гроздия слив, или обращал в червонное золото там и там желтевшие груши, и тут же среди их чернело висевшее на стене здания или на древесном суку тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне. Над огнем вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдаленных пожарищ. Он обошел козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: „Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться“. Наконец, и сам подошел он к одному из возов, взлез на него и лег на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто

пред ним; чистота и прозрачность стояла в воздухе. Гущина звезд, составлявшая млечный путь, косвенным поясом переходившая небо, вся была залита в свету. Временами он как будто позабывался, и какой-то легкий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно. В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна, и сей же час рассеется, он раскрыл сильнее глаза свои и увидел, что к нему точно наклонилось какое-то изможденное, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и черные, как уголь, волосы, неприбранные, растрепанные, лезли из-под темного наброшенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пищаль и произнес почти судорожно: „Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завел шутку, — убью с одного прицела“.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнаженной смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты ее, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить: „Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?“

„Два года назад тому в Киеве.“

„Два года назад... в Киеве...“ повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел еще раз на нее пристально

и вдруг вскрикнул во весь голос: „Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..“

„Чшш!“ произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведенного Андрием.

„Скажи, скажи, отчего, как ты здесь?“ говорил Андрий, шопотом, почти задыхающимся и прерывавшимся всякую минуту от внутреннего волнения. „Где панночка? жива еще?“

„Она тут, в городе.“

„В городе?“ произнес он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу: „отчего ж она в городе?“

„Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне“.

„Что ж, она замужем? Да говори же, — какая ты странная! что она теперь?...“

„Она другой день ничего не ела.“

„Как?..“

„Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.“

Андрий остолбенел.

„Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: „Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришел ко мне; а не помнит, — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрет мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради ее дал хлеба!“

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

„Но как же ты здесь? Как ты пришла?“

„Подземным ходом.“

„Разве есть подземный ход?“

„Есть.“

„Где?“

„Ты не выдашь, рыцарь?“

„Клянусь крестом святым!“

„Спустясь в яр и перейдя проток, там, где тростник.“

„И выходит в самый город?“

„Прямо к городскому монастырю.“

„Идем, идем сейчас!“

„Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!“

„Хорошо, будет. Стой здесь возле воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.“

И он отошел к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. Всё минувшее, что было закрыто, заглушено нынешними козацкими биваками, суровой бранною жизнью, — всё всплыло разом на поверхность, потопивши, в свою очередь, что было теперь. Опять вынырнула перед ним, как из темной морской пучины, гордая женщина. Вновь сверкнули в его памяти прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые темнооореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетаньи созданные члены девического стана. Нет, они не погасали, не исчезали в груди его, они посторонились только, чтобы дать на время простор другим могучим движеньям; но часто, часто смущался ими глубокий сон молодого козака. И, проснувшись, долго лежал он без сна на одре, не умея истолковать тому причины.

Он шел, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит ее опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришел: поднес руку ко лбу и долго тер его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших черных хлебов себе под руку, но подумал тут же, не будет ли эта пища, годная для дюжего,

неприхотливого запорожца, груба и неприлична ее нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы ее стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдет вдоволь саламаты в казанах, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведерных казанов, под которыми еще теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы съесть, тем более, что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней, — везде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: „Запорожцы, как дети: коли мало — съедят, коли много, — тоже ничего не оставят.“ Что делать? Был, однако же, где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошел к отцовскому возу, но на возе уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Он схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи: „Держите, держите чортова ляха, да ловите коня, коня ловите!“ „Замолчи, я тебя убью!“ закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближнем курене и, поводя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он, наконец, отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша. „Вставай, идем! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих

хлебов, если мне будет несподручно захватить все?“ Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, еще один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шел отважно между рядами спавших запорожцев.

„Андрий!“ сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его. Сердце его замерло. Он остановился и, дрожа, тихо произнес: „А что?“

„С тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы к добру!“ Сказавши, он оперся головою на локоть и стал пристально рассматривать закутанную в покрывало татарку.

Андрий стоял ни жив, ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг еще скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла пред ним, подобно темной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдаленного зарева, вспыхнув, озарил только одни ее очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дернул за рукав ее, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад и, наконец, опустились отлогостью в низменную лощину, — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию лощину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. По крайней мере, когда Андрий оглянулся, то увидел, что позади его крутою стеной, более, чем в рост человека, вознеслась покатость. На вершине ее покачивалось несколько стебельков полевого былья, и над ними поднималась на небо луна, в виде косвенно обращенного серпа из яркого червонного золота. Сорвавшийся

со степи ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета. Но нигде не слышно было отдаленного петушьего крика: ни в городе, ни в разоренных окрестностях не оставалось давно ни одного петуха. По небольшому бревну перебрались они через проток, за которым возносился противоположный берег, казавшийся выше бывшего у них назади, выходивший совершенным обрывом. Казалось, в этом месте был крепкий и надежный сам собою пункт городской крепости; по крайней мере, земляной вал был тут ниже и не выглядывал из-за него гарнизон. Но зато подальше подымалась толстая монастырская стена. Обрывистый берег весь оброс бурьяном, и по небольшой лощине между им и протоком рос высокий тростник, почти в вышину человека. На вершине обрыва видны были остатки плетня, обличавшие когда-то бывший огород. Перед ним видны были широкие листы лопуха; из-за него торчала лебеда, дикий колючий бодяк и подсолнечник, подымавший выше всех их свою голову. Здесь татарка скинула с себя черевики и пошла босиком, подобрав осторожно свое платье, потому что место было топко и наполнено водою. Пробираясь меж тростником, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI.

Андрий едва двигался в темном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. „Скоро нам будет видно“, сказала проводница: „мы подхо-

дим к месту, где поставила я светильню.“ И точно, темные земляные стены начали понемногу озаряться. Они достигли небольшой площадки, где, казалось, была часовня; по крайней мере, к стене был приставлен узенький столик в виде алтарного престола, и над ним виден был почти совершенно изгладившийся, полинявший образ католической Мадонны. Небольшая серебряная лампадка, пред ним висевшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла с земли оставленную медную светильню, на тонкой высокой ножке, с висевшими вокруг ее на цепочках щипцами, шпилем для поправления огня и гасильником. Взявши ее, она зажгла ее огнем от лампады. Свет усилился, и они, идя вместе, то освещаясь сильно огнем, то набрасываясь темною, как уголь, тенью, напоминали собою картины Жерардо della notte. Свежее, кипящее здоровьем и юностью, прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность с изнуренным и бледным лицом его спутницы. Проход стал несколько шире, так что Андрию можно было пораспрямиться. Он с любопытством рассматривал сии земляные стены, напомнившие ему киевские пещеры. Так же, как и в пещерах киевских, тут видны были углубления в стенах, и стояли кое-где гробы; местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпавшиеся в муку. Видно, и здесь также были святые люди и укрывались также от мирских бурь, горя и обольщений. Сырость местами была очень сильна: под ногами их иногда была совершенная вода. Андрий должен был часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутнице, которой усталость возобновлялась беспрестанно. Небольшой кусок хлеба, проглоченный ею, произвел только боль в желудке, отвыкшем от пищи, и она оставалась часто без движения по нескольку минут на одном месте. Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь. „Ну, слава богу, мы пришли“, сказала слабым голосом татарка, приподняла руку, чтобы постучать, — и не имела сил.

Андрий ударил вместо нее сильно в дверь; раздался гул, показывавший, что за дверью был большой простор. Гул этот изменялся, встретив, как казалось, высокие своды. Через минуты две загремели ключи, и кто-то, казалось, сходил по лестнице. Наконец дверь отперлась; их встретил монах, стоявший на узенькой лестнице, с ключами и свечой в руках. Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в козаках, поступавших с ними бесчеловечней, чем с жидами. Монах тоже несколько отступил назад, увидев запорожского козака, но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Он посветил им, запер за ними дверь, ввел их по лестнице вверх, и они очутились под высокими, темными сводами монастырской церкви. У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленях священник и тихо молился. Около него с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина в лиловых мантиях, с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках. Он молился о ниспослании чуда: о спасении города, о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, о удалении искусителя, нашептывающего ропот и малодушный, робкий плач на земные несчастия. Несколько женщин, похожих на привидения, стояли на коленях, опершись и совершенно положив изнеможенные головы на спинки стоявших перед ними стульев и темных деревянных лавок; несколько мужчин, прислонясь у колонн и пилястр, на которых возлегали боковые своды, печально стояли тоже на коленях. Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилося розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кадильный дым остановился на воздухе радужно освещенным облаком. Андрий не без изумления глядел из своего темного угла на чудо, произведенное

светом. В это время величественный рев органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые ропоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминавшими тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих. И долго еще громовые ропоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрий с полуоткрытым ртом величественной музыке. В это время, почувствовал он, кто-то дернул его за полу кафтана. „Пора!“ сказала татарка. Они перешли через церковь, незамеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. Площадь, имевшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посредине ее оставались еще деревянные столики, показывавшие, что здесь был еще неделю, может-быть, только назад рынок съестных припасов. Мостовая, которых тогда не было в обыкновении делать, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали вокруг небольшие каменные и глиняные в один этаж домы с видными в стенах деревянными сваями и столбами, шедшими во всю высоту стены, косвенно перекрещенные деревянными же связями, как вообще строили домы тогдашние обыватели, что можно видеть и поныне в некоторых местах Литвы и Польши. Все почти они были покрыты непомерно высокими крышами, наполненными множеством слуховых окон и отдушин. На одной стороне, почти близ церкви, выше других возносилось совершенно отличное от прочих здание, вероятно, городовой магистрат или какое-нибудь правительственное место. Оно было в два этажа и над ним вверху надстроен был в две арки бельведер, где стоял часовой; большой часовой циферблат вделан был в крышу. Площадь казалась мертвою, но Андрию почудилось какое-то слабое стенание. Рассматривая, он заметил на другой стороне ее группу из двух-трех человек, лежавших почти без всякого движения

на земле. Он вперил глаза внимательней, чтобы рассмотреть, заснувшие ли это были, или умершие, и в это время наткнулся на что-то, лежавшее у ног его. Это было мертвое тело женщины, повидимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя в искаженных, изможденных чертах ее нельзя было того видеть. На голове ее был красный шелковый платок; жемчуги или бусы в два ряда украшали ее наушники: две-три длинные, все в завитках кудри выпадали из-под них на ее высохшую шею с натянувшимися жилами. Возле нее лежал ребенок, судорожно схвативший рукою за тощую грудь ее и скрутивший ее своими пальцами от невольной злости, не нашед в ней молока. Он уже не плакал и не кричал, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что он еще не умер, или, по крайней мере, еще только готовился испустить последнее дыханье. Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: „хлеба!“ Но сил не было у него, ровных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же на улице в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. Казалось, как будто, не вынося мучений в домах, многие нарочно выбежали на улицу: не ниспошлется ли в воздухе чего-нибудь, питающего силы. У ворот одного дома сидела старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла или, просто, позабылась: по крайней мере, она уже не слышала и не видела ничего и, опустив голову на грудь, сидела недвижимо на одном и том же месте. С крыши другого дома висело вниз, на веревочной петле, вытянувшееся, исчахлое тело. Бедняк не мог вынести до конца страданий голода и захотел лучше произвольным самоубий-

ством ускорить конец свой. При виде сих поражающих свидетельств, Андрий не вытерпел не спросить татарку: „Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снедь“.

„Всё переели“, сказала татарка: „всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всем городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.“

„Но как же вы, умирая такою лютою смертью, всё еще думаете оборонить город?“

„Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Бужанах, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идет на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб итти обеим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.“

Андрий уже издали видел дом, непохожий на другие и, как казалось, строенный каким-нибудь архитектором итальянским. Он был сложен из красивых тонких кирпичей в два этажа. Окна нижнего этажа были заключены в высоко выдавшиеся гранитные карнизы; верхний этаж состоял весь из небольших арок, образовавших галлерею; между ними были видны решетки с гербами. На углах дома тоже были гербы. Наружная широкая лестница из крашеных кирпичей выходила на самую площадь. У ног лестницы сидели по одному часовому, которые картинно и симметрически держались одной рукой за стоявшие около них алебарды, а другою, подпирали наклоненные свои головы и, казалось, таким образом более походили на изваяния, чем на живые существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему: они не обратили даже внимания на то, кто восходил по лестнице. Наверху

лестницы они нашли богато убранного, всего с ног до головы вооруженного воина, державшего в руке молитвенник. Он было возвел на них истомленные очи, но татарка сказала ему одно слово, и он опустил их вновь в открытые страницы своего молитвенника. Они вступили в первую комнату, довольно просторную, служившую приемною, или, просто, переднею. Она была наполнена вся сидевшими в разных положениях у стен солдатами, слугами, псарями, виночерпиями и прочей дворней, необходимою для показания сана польского вельможи, как военного, так и владельца собственных поместьев. Слышен был чад погаснувшей светильни. Две другие еще горели в двух огромных, почти в рост человеку подсвечниках, стоявших посередине, несмотря на то, что уже давно в решетчатое широкое окно глядело утро. Андрий уже было хотел итти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дернула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. Этою вышли они в коридор и потом в комнату, которую он не мог хорошо рассмотреть. Свет, проходивший сквозь щель ставня, тронул кое-что: малиновый занавес, позолоченый карниз и живопись на стене. Здесь татарка указала Андрию остаться, отворила дверь в другую комнату, из которой блеснул свет огня. Он услышал шопот и тихий голос, от которого всё потряслось у него. Он видел сквозь растворившуюся дверь, как мелькнула быстро стройная женская фигура с длинною роскошною косою, упадавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы он взошел. Он не помнил, как взошел и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампа теплилась перед образом; под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. Казалось,

как будто вся фигура ее хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумленным пред нею. Не такою воображал он ее видеть: это была не она, не та, которую он знал прежде; ничего не было в ней похожего на ту, но вдвое прекраснее и чудеснее была она теперь, чем прежде. Тогда было в ней что-то неконченное, недовершенное, теперь это было произведение, которому художник дал последний удар кисти. Та была прелестная, ветреная девушка; эта была красавица — женщина во всей развившейся красе своей. Полное чувство выражалося в ее поднятых глазах, не отрывки, не намеки на чувство, но всё чувство. Еще слезы не успели в них высохнуть и облекли их блистающею влагою, проходившею душу. Грудь, шея и плечи заключились в те прекрасные границы, которые назначены вполне развившейся красоте; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ее, теперь обратились в густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длине руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упадала на грудь. Казалось, все до одной изменились черты ее. Напрасно силился он в них отыскать хотя одну из тех, которые носились в его памяти, — ни одной! Как ни велика была ее бледность, но она не помрачила чудесной красы ее; напротив, казалось, как будто придала ей что-то стремительное, неотразимо-победоносное. И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь и стал неподвижен перед нею. Она, казалось, также была поражена видом козака, представшего во всей красе и силе юношеского мужества, который, казалось, и в самой неподвижности своих членов уже обличал развязную вольность движений; ясною твердостью сверкал глаз его, смелою дугою выгнулась бархатная бровь, загорелая щека блистала всею яркостью девственного огня, и, как шелк, лоснился молодой черный ус.

„Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь“, сказала она, и весь колебался серебряный

звук ее голоса: „Один бог может возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине...“ Она потупила книзу свои очи; прекрасными, снежными полукружьями надвинулись на них веки, окраенные длинными, как стрелы, ресницами. Наклонилося всё чудесное лицо ее, и тонкий румянец оттенил его снизу. Ничего не умел сказать на это Андрий. Он хотел бы выговорить всё, что ни есть на душе, — выговорить его так же горячо, как оно было на душе, — и не мог. Почувствовал он что-то заградившее ему уста: звук отнялся у слова: почувствовал он, что не ему, воспитанному в бурсе и бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи, и вознегодовал на свою козацкую натуру.

В то время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесенный рыцарем хлеб и яства, несла их на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на нее, на хлеб и возвела очи на Андрия,— и много было в очах тех. Сей умиленный взор, выказавший изнеможенье и бессилье выразить обнявшие чувства, был более доступен Андрию, чем все речи. Его душе вдруг стало легко; казалось, всё развязалось у него. Всё, что дотоле удерживалось какою-то тяжкою уздою, теперь почувствовало себя на свободе, на воле, и уже хотело излиться в неукротимые потоки слов, как вдруг красавица, оборотясь к татарке, беспокойно спросила:

„А мать? Ты отнесла ей?“

„Она спит.“

„А отцу?“

„Отнесла. Он сказал, что придет сам благодарить рыцаря.“

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. Андрий приникнул духом и только глядел, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела; и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел, и, схватив ее за руку, закричал: „Довольно! не ешь больше! Ты так долго

не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.“ И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видается иной раз в взорах девы, ниже́ того умиленного чувства, которым объемлется глядящий в такие взоры девы.

„Царица!“ вскрикнул Андрий, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков: „Что тебе нужно? чего ты хочешь? прикажи мне! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, — я побегу исполнять ее! Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, — я сделаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских — мои, всё, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она — всё мое. Такого ни у кого нет теперь у козаков наших оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только моргнешь своею тонкою, черною бровью! Но знаю, что, может-быть, несу глупые речи, и некстати, и нейдет всё это сюда, что не мне, проведшему жизнь в бурсе и на Запорожьи, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и всё, что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творенье бога, нежели все мы, и далеки пред тобою все другие боярские жены и дочери-девы. Мы не годимся быть твоими рабами; только небесные ангелы могут служить тебе“.

С возрастающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив ни одного слова, слушала дева открытую сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая, полная сил душа. И каждое простое слово сей речи,

выговоренное голосом, летевшим прямо с сердечного дна, было облечено в силу. И выдалось вперед всё прекрасное лицо ее, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго сидела с открытыми устами. Потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась, и вспомнила, что другим назначеньем ведется рыцарь, что отец, братья и вся отчизна его стоят позади его суровыми мстителями, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они с своим городом... И глаза ее вдруг наполнились; быстро она схватила платок, шитый шелками, набросила себе на лицо его, и он в минуту стал весь влажен; и долго сидела, забросив назад свою прекрасную голову, сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, — как бы внезапно почувствовав какое укушение ядовитого гада, — и не снимая с лица платка, чтобы он не видел ее сокрушительной грусти.

„Скажи мне одно слово!“ сказал Андрий и взял ее за атласную руку. Сверкающий огонь пробежал по жилам его от сего прикосновенья, и жал он руку, лежавшую бесчувственно в руке его.

Но она молчала, не отнимала платка от лица своего и оставалась неподвижна.

„Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?“

Бросила прочь она от себя платок, отдернула налезавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилася в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом, подобно когда ветер, поднявшись прекрасным вечером, пробежит вдруг по густой чаще приводного тростника: зашелестят, зазвучат и понесутся вдруг унывно-тонкие звуки, и ловит их с непонятной грустью остановившийся путник, не чуя ни погасающего вечера, ни несущихся веселых песен народа, бредущего от полевых работ и жнив, ни отдаленного тарахтанья где-то проезжающей телеги, — наносящих легких вечерних мечтаний человеку.

„Не достойна ли я вечных жалоб? Не несчастна ли мать, родившая меня на свет? Не горькая ли доля пришлась на часть мне? Не лютый ли ты палач мой, моя свирепая судьба? Всех ты привела мне в ноги: лучших дворян изо всего шляхетства, богатейших панов, графов и иноземных баронов, и всё, что ни есть цвет нашего рыцарства. Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них почел бы любовь мою. Стоило мне только махнуть рукой, и любой из них, красивейший, прекраснейший лицом и породою, стал бы моим супругом. И ни к одному из них не причаровала ты моего сердца, свирепая судьба моя; а причаровала мое сердце, мимо лучших витязей земли нашей, к чуждому, к врагу нашему. За что же ты, пречистая божья матерь, за какие грехи, за какие тяжкие преступления так неумолимо и беспощадно гонишь меня? В изобилии и роскошном избытке всего текли дни мои: лучшие, дорогие блюда и сладкие вина были мне снедью. И на что всё это было? к чему оно всё было? К тому ли, чтобы, наконец, умереть лютою смертью, какой не умирает последний нищий в королевстве? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что перед концом своим должна видеть, как станут умирать в невыносимых муках отец и мать, для спасенья которых двадцать раз готова бы была отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы перед концом своим мне довелось увидать и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы он речами своими разодрал на части мое сердце, чтобы горькая моя часть была еще горше, чтобы еще жалче было мне моей молодой жизни, чтобы еще страшнее казалась мне смерть моя, и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирепая судьба моя, и тебя,—прости мое прегрешение,—святая божья матерь!“

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось в лице ее; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и всё, от печально поникшего лба и опустившихся очей до слез, застывших и засохнувших по тихо

пламеневшим щекам ее, всё, казалось, говорило: „Нет счастья на лице сем!“

„Не слыхано на свете, не можно, не быть тому“, говорил Андрий: „чтобы красивейшая и лучшая из жен понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось всё, что ни есть лучшего на свете. Нет, ты не умрешь! Не тебе умирать! Клянусь моим рождением и всем, что мне мило на свете, ты не умрешь! Если же выйдет уже так, и ничем — ни силой, ни молитвой, ни мужеством — нельзя будет отклонить горькой судьбы, то мы умрем вместе, и прежде я умру, умру перед тобой, у твоих прекрасных коленей, и разве уже мертвого меня разлучат от тебя.“

„Не обманывай, рыцарь, и себя и меня“, говорила она, качая тихо прекрасной головой своей: „знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.“

„А что мне отец, товарищи и отчизна?“ сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречный осокор, стан свой. „Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого!“ повторил он тем голосом, и сопроводив его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. „Кто сказал, что моя отчизна Украйна? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет ее оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!“

На миг остолбенев, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностью, на какую бывает только способна одна безрасчетно великодушная женщина, созданная на прекрас-

ное сердечное движение, кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала. В это время раздались на улице неясные крики, сопровожденные трубным и литаврным звуком. Но он не слышал их. Он слышал только, как чудные уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, как слезы ее текли ручьями к нему на лицо, и спустившиеся все с головы, пахучие ее волосы опутали его всего своим темным и блистающим шелком.

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. „Спасены, спасены!“ кричала она, не помня себя. „Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев.“ Но не слышал никто из них, какие „наши“ вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. Полный не на земле вкушаемых чувств, Андрий поцеловал в сии благовонные уста, прильнувшие к щеке его, и не безответны были благовонные уста. Они отозвались тем же, и в сем обоюдно-слиянном поцелуе ощутилось то, что один только раз в жизни дается чувствовать человеку.

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви божьей! Украйне не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клок волос из своей чупрыны и проклянет и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII.

Шум и движение происходило в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного отчета, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что

весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чем дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

„Так вот что, панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довел хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начихает, так вы того не услышите.“

Козаки все стояли, понурив головы, зная вину; один только незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался. „Постой, батько!“ сказал он: „хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было: как же может статься, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били добре, а уж теперь побьем так, что и пят не унесут домой.“

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши: „Добре сказал Кукубенко!“ А Тарас Бульба, стоявший недалеко от

кошевого, сказал: „А что, кошевой, видно Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?“

„А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но бо́льшая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освеженному водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.“

„Добре сказал и кошевой!“ отозвалось в рядах запорожцев. „Доброе слово!“ повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сивые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали: „Добре сказанное слово!“

„Слушайте же, панове!“ продолжал кошевой: „Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера—пусть ей враг прикинется! — и неприлично, и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошел в город не с большим запасом; телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало-быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это еще бог знает; а ксендзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тымошевский курень на запас с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликивский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из ряду, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может-быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди

всякий курень свой: у кого недочет, пополни его останками Переяславского. Перегляди всё снова! Дать на опохмел всем по чарке и по хлебу на козака. Только, верно, всякий еще вчерашним сыт, ибо, некуда деть правды, понаедались все так, что дивлюсь, как ночью никто не лопнул. Да вот еще один наказ: если кто-нибудь, шинкарь, жид, продаст козаку хоть один кухоль сивухи, то я прибью ему на самый лоб свиное ухо, собаке, и повешу ногами вверх! За работу же, братцы! За работу!"

Так распоряжал кошевой, и все поклонились ему в пояс и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней.

Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий, полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдаться живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шел перед полком, не слыша, что его давно называл кто-то по имени. „Кому нужно меня?" сказал он, наконец, очнувшись. Перед ним стоял жид Янкель.

„Пан полковник, пан полковник!" говорил жид поспешным и прерывистым голосом, как будто бы хотел объявить дело, не совсем пустое. „Я был в городе, пан полковник!"

Тарас посмотрел на жида и подивился тому, что он уже успел побывать в городе. „Какой же враг тебя занес туда?"

„Я тотчас расскажу", сказал Янкель: „Как только услышал я на заре шум и козаки стали стрелять, я ухватил кафтан и, не надевая его, побежал туда бегом; дорогою уже надел его в рукава, потому что хотел поскорей узнать, отчего шум, отчего козаки на самой заре стали стрелять. Я взял и прибежал к самым городским воротам

в то время, когда последнее войско входило в город. Гляжу, — впереди отряда пан хорунжий Галяндович. Он человек мне знакомый: еще с третьего года задолжал сто червонных. Я за ним, будто бы за тем, чтобы выправить с него долг, и вошел вместе с ними в город."

„Как же ты: вошел в город, да еще и долг хотел выправить?" сказал Бульба: „И не велел он тебя тут же повесить, как собаку?"

„А, ей-богу, хотел повесить", отвечал жид: „уже было его слуги совсем схватили меня и закинули веревку на шею, но я взмолился пану, сказал, что подожду долгу, сколько пан хочет, и пообещал еще дать взаймы, как только поможет мне собрать долги с других рыцарей; ибо у пана хорунжего, — я всё скажу пану, — нет и одного червонного в кармане. Хоть у него есть и хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самого Шклова, а грошей у него так, как у козака, — ничего нет. И теперь, если бы не вооружили его бреславские жиды, не в чем было бы ему и на войну выехать. Он и на сейме оттого не был..."

„Что ж ты делал в городе? Видел наших?"

„Как же! Наших там много: Ицка, Рахум, Самуйло, Хайвалох, еврей-арендатор..."

„Пропади они, собаки!" вскрикнул, рассердившись, Тарас: „Что ты мне тычешь свое жидовское племя! Я тебя спрашиваю про наших запорожцев."

„Наших запорожцев не видал. А видал одного пана Андрия."

„Андрия видел!" вскрикнул Бульба: „Что ж ты, где видел его?.. в подвале?.. в яме?.. обесчещен?.. связан?.."

„Кто же бы смел связать пана Андрия? Теперь он такой важный рыцарь... Далибуг, я не узнал! И наплечники в золоте и нарукавники в золоте, и зерцало в золоте, и шапка в золоте, и по поясу золото, и везде золото, и всё золото. Так, как солнце взглянет весною, когда в огороде

всякая пташка пищит и поет, и травка пахнет, так и он весь сияет в золоте. И коня дал ему воевода самого лучшего под верх; два ста червонных стоит один конь."

Бульба остолбенел.

„Зачем же он надел чужое одеянье?"

„Потому что лучше, потому и надел... И сам разъезжает, и другие разъезжают; и он учит, и его учат. Как наибогатейший польский пан!"

„Кто ж его принудил?"

„Я ж не говорю, чтобы его кто принудил. Разве пан не знает, что он по своей воле перешел к ним?"

„Кто перешел?"

„А пан Андрий."

„Куда перешел?"

„Перешел на их сторону, он уж теперь совсем ихний."

„Врешь, свиное ухо!"

„Как же можно, чтобы я врал? Дурак я разве, чтобы врал? На свою бы голову я врал? Разве я не знаю, что жида повесят, как собаку, коли он соврет перед паном?"

„Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?"

„Я же не говорю этого, чтобы он продавал что: я сказал только, что он перешел к ним."

„Врешь, чортов жид! Такого дела не было на христианской земле! Ты путаешь, собака!"

„Пусть трава порастет на пороге моего дома, если я путаю! Пусть всякий наплюет на могилу отца, матери, свекора, и отца отца моего и отца матери моей, если я путаю. Если пан хочет, я даже скажу, и отчего он перешел к ним."

„Отчего?"

„У воеводы есть дочка-красавица. Святой боже, какая красавица!"

Здесь жид постарался, как только мог, выразить в лице своем красоту, расставив руки, прищурив глаз и покрививши на бок рот, как будто чего-нибудь отведавши.

„Ну, так что же из того?“

„Он для нее и сделал всё, и перешел. Коли человек влюбится, то он всё равно, что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми, согни, — она и согнется.“

Крепко задумался Бульба. Вспомнил он, что велика власть слабой женщины, что многих сильных погубляла она, что податлива с этой стороны природа Андрия; и стоял он долго, как вкопанный, на одном и том же месте.

„Слушай, пан, я всё расскажу пану“, говорил жид: „Как только услышал я шум и увидел, что проходят в городские ворота, я схватил на всякий случай с собой нитку жемчуга, потому что в городе есть красавицы и дворянки, а коли есть красавицы и дворянки, сказал я себе, то хоть им и есть нечего, а жемчуг всё-таки купят. И как только хорунжего слуги пустили меня, я побежал на воеводин двор продавать жемчуг и расспросил всё у служанки-татарки. „Будет свадьба сейчас, как только прогонят запорожцев. Пан Андрий обещал прогнать запорожцев.“

„И ты не убил тут же на месте его, чортова сына?“ вскрикнул Бульба.

„За что же убить? Он перешел по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешел.“

„И ты видел его в самое лицо?“

„Ей-богу, в самое лицо! Такой славный вояка! Всех взрачней. Дай бог ему здоровья, меня тотчас узнал; и, когда я подошел к нему, тотчас сказал...“

„Что ж он сказал?“

„Он сказал, — прежде кивнул пальцем, а потом уже сказал: „Янкель!“ А я: „Пан Андрий!“ говорю. „Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи козакам, скажи запорожцам, скажи всем, что отец — теперь не отец мне, брат — не брат, товарищ — не товарищ, и что я с ними буду биться со всеми. Со всеми буду биться!“

„Врешь, чортов Иуда!“ закричал, вышед из себя, Тарас: „Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый богом человек! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то — тут же тебе и смерть!“ И сказавши это, Тарас выхватил свою саблю. Испуганный жид припустился тут же во все лопатки, как только могли вынести его тонкие, сухие икры. Долго еще бежал он без оглядки между козацким табором и потом далеко по всему чистому полю, хотя Тарас вовсе не гнался за ним, размыслив, что неразумно вымещать запальчивость на первом подвернувшемся.

Теперь припомнил он, что видел в прошлую ночь Андрия, проходившего по табору с какой-то женщиною, и поник седою головою, а всё еще не хотел верить, чтобы могло случиться такое позорное дело, и чтобы собственный сын его продал веру и душу.

Наконец повел он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен еще козаками. А запорожцы, и пешие и конные, выступали на три дороги к трем воротам. Один за другим валили курени: Уманский, Поповичевский, Каневский, Стебликивский, Незамайновский, Гургузив, Тытаревский, Тымошевский. Одного только Переяславского не было. Крепко курнули козаки его и прокурили свою долю. Кто проснулся связанный во вражьих руках, кто, и совсем не просыпаясь, сонный перешел в сырую землю, и сам атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, очутился в ляшском стану. В городе услышали козацкое движенье. Все высыпали на вал, и предстала пред козаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнцы, оперенные белыми, как лебедь, перьями. На других были легкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и оружья в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались паны, — и много было всяких дру-

гих убранств. Напереди стоял спесиво в красной шапке, убранной золотом, буджановский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человечек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо наросших бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело свое, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице. Любил пан крепкие меды и добрую пирушку. И много было видно за ним и всякой шляхты, вооружившейся, кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовские деньги, заложив всё, что ни нашлось в дедовских зàмках. Не мало было и всяких сенаторских нахлебников, которых брали с собою сенаторы на обеды для почета, которые крали со стола и буфетов серебряные кубки и после сегодняшнего почета на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Всяких было там. Иной раз и выпить было не на что, а на войну все принарядились. Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправах. Не любили козаки богато выряжаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные червоноверхие бараньи их шапки.

Два козака выехало вперед из запорожских рядов: один еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на дело тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся

на веку своем: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы, густые и черные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

„А, красные жупаны на всем войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?“

„Вот я вас!“ кричал сверху дюжий полковник: „всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев!“ И вывели на вал скрученных веревками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, — так, как схватили его хмельного. Потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

„Не печалься, Хлиб! Выручим!“ кричали ему снизу козаки.

„Не печалься, друзьяка!“ отозвался куренной атаман Бородатый: „В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.“

„Вы, видно, на сонных людей храброе войско!“ говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

„Вот, погодите, обрежем мы вам чубы!“ кричали им сверху.

„А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы!“ говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: „А что ж? Может-быть ляхи и правду говорят. Коли выведет их вон тот, пузатый, им всем будет добрая защита.“

„Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита?“ сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

„А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж, чорта с два, из-за его пуза достанешь которого-нибудь

копьем!“ Все засмеялись козаки. И долго многие из них еще покачивали головою, говоря: „Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...“ Да уж и не сказали козаки, что такое „ну“.

„Отступайте, отступайте скорей от стен!“ закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой. Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу задвигалась суетня, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. „Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды!“ кричал кошевой: „Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!“ И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. Демид Попович трех заколол простых и двух лучших шляхтичей сбил с коней, говоря: „Вот добрые кони! Таких коней я давно хотел достать!“ И выгнал коней далеко в поле, крича стоявшим козакам перенять их. Потом вновь пробился в кучу, напал опять на сбитых с коней шляхтичей, одного убил, а другому накинул аркан на шею, привязал к седлу и поволок его по всему полю, снявши с него саблю с дорогою рукоятью и отвязавши от пояса целый черенок

с червонцами. Кобита, добрый козак и молодой еще, схватился тоже с одним из храбрейших в польском войске, и долго бились они. Сошлись уже в рукопашный. Одолел было уже козак и, сломивши, ударил вострым турецким ножом в грудь, но не уберегся сам. Тут же в висок хлопнула его горячая пуля. Свалил его знатнейший из панов, красивейший и древнего княжеского роду рыцарь. Как стройный тополь, носился он на буланом коне своем. И много уже показал боярской богатырской удали: двух запорожцев разрубил на двое; Федора Коржа, доброго козака, опрокинул вместе с конем, выстрелил по коню и козака достал из-за коня копьем; многим отнес головы и руки и повалил козака Кобиту, вогнавши ему пулю в висок. „Вот с кем бы я хотел попробовать силы!“ закричал Незамайновский куренной атаман Кукубенко. Припустив коня, налетел прямо ему в тыл и сильно вскрикнул, так что вздрогнули все близь стоявшие от нечеловечьего крика. Хотел было поворотить вдруг своего коня лях и стать ему в лицо; но не послушался конь: испуганный страшным криком, метнулся на сторону, и достал его ружейною пулею Кукубенко. Вошла в спинные лопатки ему горячая пуля, и свалился он с коня. Но и тут не поддался лях, всё еще силился нанести врагу удар, но ослабела упавшая вместе с саблею рука. А Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему в самые побледневшие уста. Вышиб два сахарные зуба палаш, рассек надвое язык, разбил горловой позвонок и вошел далеко в землю. Так и пригвоздил он его там навеки к сырой земле. Ключом хлынула вверх алая, как надречная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь обшитый золотом желтый кафтан его. А Кукубенко уже кинул его и пробился с своими незамайновцами в другую кучу.

„Эх, оставил неприбранным такое дорогое убранство!“ сказал уманский куренной, Бородатый, отъехавши от своих к месту, где лежал убитый Кукубенком шляхтич: „Я семе-

рых убил шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видел ни на ком.“ И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять с него дорогие доспехи, вынул уже турецкий нож в оправе из самоцветных каменьев, отвязал от пояса черенок с червонцами, снял с груди сумку с тонким бельем, дорогим серебром и девическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память. И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже два раза сбитый им из седла и получивший добрую зазубрину на память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. Не к добру повела корысть козака: отскочила могучая голова, и упал обезглавленный труп, далеко вокруг оросивши землю. Понеслась к вышинам суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела. Не успел хорунжий ухватить за чуб атаманскую голову, чтобы привязать ее к седлу, а уж был тут суровый мститель.

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку. Побагровело еще сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла отвязал шелковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец веревки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросали поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали

совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали: „Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.“ Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное, и не до того теперь, а тут же повел их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкий табор, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

„О, спасибо вам, волы!“ кричали запорожцы: „служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили!“ И ударили с новыми силами на неприятеля. Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метелиця, Шило, оба Пысаренки, Вовтузенко, и не мало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо, наконец, приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрыпом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнуренных и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: „Подальше, подальше, паны братья, от стен! Не годится близко подходить к ним.“ И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем, чем ни попало, и мно-

гим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: „Вот и новый атаман, а ведет войско так, как бы и старый!“ Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. „Вишь, ты какой!“ сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь итти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами. Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылися красивые медные шапки.

„Что, перевязали?“ кричали им снизу запорожцы. „Вот я вас!“ кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая веревку; и всё еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины и перекинулись с обеих сторон все бывшие позадорнее бойкими словами.

Наконец разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть. Палашами и копьями копали могилы; шапками, полами выносили землю; сложили честно козацкие тела и засыпали их свежею землею, чтобы не досталось воронам и хищным орлам выклевывать им очи. А ляшские тела, увязавши как попало, десятками к хвостам диких коней, пустили их по всему полю и долго потом гнались за ними и хлестали их по бокам. Летели бешеные кони по бороздам, буграм, через рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахом ляшские трупы.

Потом сели кругами все курени вечерять и долго говорили о делах и подвигах, доставшихся в удел каждому, на вечный рассказ пришельцам и потомству. Долго не ложились они. А долее всех не ложился старый Тарас, всё

размышляя, что бы значило, что Андрия не было между вражьих воев. Посовестился ли Иуда выйти противу своих, или обманул жид, и попался он, просто, в неволю? Но тут же вспомнил он, что не в меру было наклончиво сердце Андрия на женские речи, почувствовал скорбь и заклялся сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына. И выполнил бы он свою клятву: не поглядел бы на ее красоту, вытащил бы ее за густую, пышную косу, поволок бы ее за собою по всему полю, между всех козаков. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ее чудные груди и плечи, блеском равные нетающим снегам, покрывающим горные вершины. Разнес бы по частям он ее пышное прекрасное тело. Но не ведал Бульба того, что готовит бог человеку завтра, и стал позабываться сном и наконец заснул. А козаки всё еще говорили промеж собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во все концы, трезвая, не смыкавшая очей стража.

VIII.

Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отлучки козаков, ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землею, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу, отвязал у него мешок с цехинами и на татарском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони, загнал на смерть коня, пересел дорогою на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под Дубном.

Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но, отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы по козацкому обычаю и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт войсковой скарб, того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту ж минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острову, и бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться как ровные между собою. „Давай совет прежде старшие!“ закричали в толпе. „Давай совет кошевой!“ говорили другие. И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал: „Много между нами есть старших и советом умнейших, но, коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татарином. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: итти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отмстили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет — итти.“

„Итти!“ раздалось голосно в запорожских куренях. Но Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурные, исчерна-белые брови, подобные кустам, повыраставшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес иглистый северный иней.

„Нет, не прав совет твой, кошевой!“ сказал он: „Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое их тело, развозили бы их по городам и селам, как сделали они доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украйне. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!“

Поколебались все стоявшие запорожцы.

„А разве ты позабыл, бравый полковник“, сказал тогда кошевой: „что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что̀ хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?“

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли

он, или всё еще слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: „А не куды пошло! Пойду и я: может, в чем-нибудь буду пригоден козачеству!“ Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собрание, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг. „Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья!“ так он начал: „Послушайте, дети, старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник,— дай боже ему побольше веку, и чтоб таких полковников было побольше на Украйне! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те, и другие нам товарищи; меньше их или больше,— всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полоненные ляхами, и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдет с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести.“

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все козаки, что навел их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали: „Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.“

„Что, согласны вы на то?“ спросил кошевой.

„Все согласны!“ закричали козаки.

„Стало-быть, раде конец?“

„Конец раде!“ кричали козаки.

„Слушайте ж теперь войскового приказа, дети!“ сказал кошевой, выступил вперед и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

„Теперь отделяйтесь, паны братья! Кто хочет итти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на левую! Куды бо̀льшая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.“

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня бо̀льшая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, бо̀льшая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, бо̀льшая половина Стебликивскаго куреня, бо̀льшая половина Тымошевского куреня. Все остальные вызвались итти в догон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между теми, которые решились итти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешел туда, потому что был сильно завзятого нрава козак — не мог долго высидеть на месте; с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще с татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий, и много еще других славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татарином. Не мало было также сильно и сильно добрых козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демытрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап.

Потом много было еще других именитых и дюжих козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожний, Метелиця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дёгтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили всё Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили не мало турецких галер и много-много выстреляли пороху на своем веку. Не раз драли на онучи дорогие паволоки и оксамиты. Не раз череши у штанных очкуров набивали всё чистыми цехинами. А сколько всякий из них пропил и прогулял добра, ставшего бы другому на всю жизнь, того и счесть нельзя. Всё спустили по-козацки, угощая весь мир и нанимая музыку, чтобы всё веселилось, что ни есть на свете. Еще и теперь у редкого из них не было закопано добра: кружек, серебряных ковшей и запястьев, под камышами на днепровских островах, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, в случае несчастья, удалось ему напасть врасплох на Сечь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и сам хозяин уже стал забывать, в котором месте закопал его. Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: „Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака.“

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал: „А что, панове братове, довольны одна сторона другою?“

„Все довольны, батько!“ отвечали козаки.

„Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, бог знает, приведется ли в жизни еще увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.“

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: „Что, пане брате, увидимся или не увидимся?“ да и не спросили, замолчали,— и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведется им вкусить на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце, и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперед возы, а сами, пошапковавшись еще раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрып иного колеса, которое еще не расходилось или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звездах, что половины телег уже не было на

месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды, и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они и к унынью, наведенному прощаньем с товарищами, а между тем в тишине готовился разом и вдруг разбудить их всех, гикнувши по-козацки, чтобы вновь и с большею силою, чем прежде, воротилась бодрость каждому в душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода перед другими, что море перед мелководными реками. Коли время бурно, всё превращается оно в рев и гром, бугря и подымая валы, как не поднять их бессильным рекам; коли же безветренно и тихо, яснее всех рек расстилает оно свою неоглядную склянную поверхность, вечную негу очей.

И повелел Тарас распаковать своим слугам один из возов, стоявший особняком. Больше и крепче всех других он был в козацком обозе; двойною крепкою шиною были обтянуты дебелые колеса его; грузно был он навьючен, укрыт попонами, крепкими воловьими кожами и увязан туго засмоленными веревками. В возу были всё баклаги и боченки старого доброго вина, которое долго лежало у Тараса в погребах. Взял он его про запас, на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута, и будет всем предстоять дело, достойное на передачу потомкам, то чтобы всякому, до единого, козаку досталось выпить заповедного вина, чтобы в великую минуту великое бы и чувство овладело человеком. Услышав полковничий приказ, слуги бросились к возам, палашами перерезывали крепкие веревки, снимали толстые воловьи кожи и попоны и стаскивали с воза баклаги и боченки.

„А берите все“, сказал Бульба: „все, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковш, или черпак, которым поит

коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обе горсти."

И козаки все, сколько ни было, брали, у кого был ковш, у кого черпак, которым поил коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлял и так обе горсти. Всем им слуги Тарасовы, расхаживая промеж рядами, наливали из баклаг и боченков. Но не приказал Тарас пить, пока не даст знаку, чтобы выпить им всем разом. Видно было, что он хотел что-то сказать. Знал Тарас, что, как ни сильно само по себе старое доброе вино, и как ни способно оно укрепить дух человека, но если к нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крепче будет сила и вина и духа.

„Я угощаю вас, паны братья", так сказал Бульба: „не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, как ни велика подобная честь, не в честь также прощанья с нашими товарищами: нет, в другое время прилично то и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дела великого поту, великой козацкой доблести! Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем поперед всего за святую православную веру: чтобы пришло, наконец, такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами! Да за одним уже разом выпьем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы, один одного лучше, один одного краше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. Так за веру, пане братове, за веру!"

„За веру!" загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами.

„За веру!" подхватили дальние, и всё, что ни было, и старое и молодое, выпило за веру.

„За Сичь!" сказал Тарас и высоко поднял над головою руку.

„За Сичь!“ отдалося густо в передних рядах. „За Сичь!“ сказали тихо старые, моргнувши седым усом; и, встрепенувшись, как молодые соколы, повторили молодые: „За Сичь!“ И слышало далече поле, как поминали козаки свою Сичь.

„Теперь последний глоток, товарищи, за славу и всех христиан, какие живут на свете!“

И все козаки, до последнего в поле, выпили последний глоток в ковшах за славу и всех христиан, какие ни есть на свете. И долго еще повторялось по всем рядам промеж всеми куренями: „За всех христиан, какие ни есть на свете!“

Уже пусто было в ковшах, а всё еще стояли козаки, поднявши руки. Хоть весело глядели очи их всех, просиявшие вином, но сильно загадались они. Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружья, шитых кафтанов и черкесских коней; но загадалися они — как орлы, севшие на вершинах обрывистых, высоких гор, с которых далеко видно расстилающееся беспредельно море, усыпанное, как мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонам чуть видными тонкими поморьями, с прибережными, как мошки, городами и склонившимися, как мелкая травка, лесами. Как орлы озирали они вокруг себя очами всё поле и чернеющую вдали судьбу свою. Будет, будет всё поле с облогами и дорогами покрыто торчащими их белыми костями, щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями. Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами. Будут, налетев, орлы выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! Не погибнет ни одно великодушное дело и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист, с седою по грудь бородою, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец,

вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и всё, что ни народится потом, заговорит о них. Ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву.

IX.

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. Жиды, однако же, воспользовались вылазкою и пронюхали всё: куда и зачем отправились запорожцы и с какими военачальниками, и какие именно курени, и сколько их числом, и сколько было оставшихся на месте, и что они думают делать,—словом, чрез несколько уже минут в городе всё узнали. Полковники ободрились и готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три таборы курени, обнесши их возами в виде крепостей,—род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, облом-

ками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их,—знал, что и без того крепки они духом,—а, просто, самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

„Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово,—видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа,—любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а...“ сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: „Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают, чорт знает, какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают

бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а поскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиной натуры их!"

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалася в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, выгремливая в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом

грянули в семипядные пищали и, не перерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в беспрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули, и жарко становилось дело; и, когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих не досчитались в рядах своих. А у козаков, может-быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: „Вот бравые молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!“ И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загуливши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскаленные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства, и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел еще издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: „Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!“ Но не поспели бы сделать то и другое козаки, если бы

Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырех только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырекратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссек в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьем и конника и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман, и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Так, где прошли незамайновцы, — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулок! Так и видно, как редели ряды, и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дёгтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист.

Двух уже шляхтичей поднял на копье Дегтяренко, да напал, наконец, на неподатливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. Погнул он крепко Дегтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал: „Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!“

„А вот есть же!“ сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. Схватили их турки у самого Трапезонта и всех забрали невольниками на галеры, взяли их по рукам и ногам в железные цепи, не давали по целым неделям пшена и поили противной морской водою. Всё выносили и вытерпели бедные невольники, лишь бы не переменять православной веры. Не вытерпел атаман Мосий Шило, истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвил грешную голову, вошел в доверенность к паше, стал ключником на корабле и старшим над всеми невольниками. Много опечалились оттого бедные невольники, ибо знали, что если свой продаст веру и пристанет к угнетителям, то тяжелей и горше быть под его рукой, чем под всяким другим нехристом. Так и сбылось. Всех посадил Мосий Шило в новые цепи по три в ряд, прикрутил им до самых белых костей жестокие веревки; всех перебил по шеям, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себе такого слугу, стали пировать и, позабыв закон свой, все перепились, он принес все шестьдесят четыре ключа и роздал невольникам, чтобы отмыкали себя, бросали бы цепи и кайданы в море, а брали бы на место того сабли да рубили турков. Много тогда набрали козаки добычи и воротились со славою в отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосия Шила. Выбрали бы его в кошевые, да был совсем чудной козак. Иной раз повершал такое дело, какого мудрейшему не придумать, а в другой, просто, дурь одолевала козака. Пропил

он и прогулял всё, всем задолжал на Сечи и, в прибавку к тому, прокрался, как уличный вор: ночью утащил из чужого куреня всю козацкую сбрую и заложил шинкарю. За такое позорное дело привязали его на базаре к столпу и положили возле дубину, чтобы всякий, по мере сил своих, отвесил ему по удару. Но не нашлось такого из всех запорожцев, кто бы поднял на него дубину, помня прежние его заслуги. Таков был козак Мосий Шило.

„Так есть же такие, которые бьют вас, собак!“ сказал он, кинувшись на него. И уж так-то рубились они! И наплечники, и зерцала погнулись у обеих от ударов. Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвеем самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушенного. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: „Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!“ И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожний с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

„А что, паны?“ сказал Тарас, перекликнувшись с куренными: „Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутся ли козаки?“

„Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутся козаки!“

И наперли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малеванных знамен, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знаменам; но не успели они еще выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее и, улучивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за веревку обеими руками и силясь разорвать ее, но уже дужий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Там и остался он, пригвожденный к земле. Но не сдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копья. Только и успел сказать бедняк: „Пусть же пропадут все враги, и ликует вечные веки Русская земля!“ И там же выпустил дух свой. Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельця угощает ляхов, шеломя того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьется Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

„Что паны?“ перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех: „Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли еще козацкая сила? Не гнутся ли еще козаки?“

„Есть еще, батько, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; еще не гнутся козаки!“

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: „Не жаль расстаться с светом. Дай бог и всякому

такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!“ И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копья, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших козаков; много совершил он под своим атаманством морских походов, но славнее всех был поход к анатольским берегам. Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы, киндяков и всяких убранств, но мыкнули горе на поворотном пути: попались, сердечные, под турецкие ядра. Как хватило их с корабля, — половина челнов закружилась и перевернулась, потопивши не одного в воду, но привязанные к бокам камыши спасли челны от потопления. Балабан отплыл на всех веслах, стал прямо к солнцу и чрез то сделался невиден турецкому кораблю. Всю ночь потом черпаками и шапками выбирали они воду, латая пробитые места; из козацких штанов нарезали парусов, понеслись и убежали от быстрейшего турецкого корабля. И мало того, что прибыли безбедно на Сечу, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорского киевского монастыря и на Покрову, что на Запорожье, оклад из чистого серебра. И славили долго потом бандуристы удачливость козаков. Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: „Сдается мне, паны браты, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол. Истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!..“ И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось изо всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда.

Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копье прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в склянном сосуде из погреба неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведет бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: „Благодарю бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!“ И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. „Садись, Кукубенко, одесную меня!“ скажет ему Христос: „ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь“. Всех опечалила смерть Кукубенка. Уже редели сильно козацкие ряды; многих, многих храбрых уже не досчитывались; но стояли и держались еще козаки.

„А что, паны?“ перекликнулся Тарас с оставшимися куренями: „Есть ли еще порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?“

„Достанет еще, батько, пороху! Годятся еще сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись еще козаки!“

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница

кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копье Метелыцю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. „Ну!“ сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напору ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю колья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. „Вот и наша победа!“ раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. „Ну, нет, еще не совсем победа!“ сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки. Впереди перед другими понесся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрейший и молодший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник, — и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: „Как?.. Своих?.. Своих, чортов сын, своих бьешь?..“ Но Андрий не различал, кто

пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

„Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!“ кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо на перерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв, и упадает бессильная ярость. Подобно ему в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

„Ну, что ж теперь мы будем делать?“ сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

„Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?“

Андрий был безответен.

„Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!“

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив, ни мертв перед Тарасом.

„Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью!“ сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его, и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почуявший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарованья, всё еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. „Чем бы не козак был?“ сказал Тарас: „и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!“

„Батько, что ты сделал? Это ты убил его?“ сказал подъехавший в это время Остап.

„Я, сынку“, сказал Тарас, кивнувши головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата и проговорил он тут же: „Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тело хищные птицы.“

„Погребут его и без нас!“ сказал Тарас: „будут у него плакальщики и утешницы!“

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам, или пощадить в нем рыцарскую доблесть,

которую храбрый должен уважить в чем бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: „Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..“ Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: „Беда атаман, новая валит еще сила!..“ Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит бегом уже без коня: „Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожний убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи; хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом“.

„На коня, Остап!“ сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще козаков, чтобы поглядеть еще на них, и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. „Остап!.. Остап, не поддавайся!..“ кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьем в ребро третьего; четвертый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. „Добре, сынку!.. Добре, Остап!..“ кричал Тарас: „вот я следом за тобою!..“ А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперед на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. „Остап!.. Остап, не поддавайся!..“ Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. „Эх, Остап, Остап!..“ кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных: „Эх, Остап, Остап!..“ Но, как тяжелым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось

и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

X.

„Долго же я спал!“ сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружавшие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались пред ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец, заметил он, что пред ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

„Да“, подумал про себя Товкач: „заснул бы ты, можетбыть, и навеки!“ Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

„Да скажи же мне, где я теперь?“ спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

„Молчи ж!“ прикрикнул сурово на него товарищ: „чего тебе еще хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен? Уж две недели, как мы с тобою скачем, не переводя духу, и как ты в горячке и жару несешь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас всё старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее. „Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?“

„Молчи ж, говорят тебе, чортова детина!“ закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпенья, кричит неугомонному повесе ребенку: „Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. На-

шлись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будет с тебя! Нам еще не мало ночей скакать вместе. Ты думаешь, что пошел за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных."

„А Остап?" вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его, и что он теперь уже в ляшских руках. И обняло горе старую голову. Сорвал и сдернул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать — и вместо того понес чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи. А между тем верный товарищ стоял пред ним, бранясь и рассыпая без счету жестокие укорительные слова и упреки. Наконец, схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребенка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в лубки и, присвиснувши веревками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу.

„Хоть неживого, да довезу тебя! Не попущу, чтобы ляхи поглумились над твоей козацкою уродою, на куски рвали бы твое тело да бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орел высмыкать из твоего лоба очи, да пусть же степовой, наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны!"

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыху дни и ночи и привез его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неутомимо травами и смачиваньями; достал какую-то знающую жидовку, которая месяц поила его разными снадобьями, и наконец Тарасу стало лучше. Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же, заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжелые морщины насунулись на лоб его и уже больше

никогда не сходили с него. Оглянулся он теперь вокруг себя: всё новое на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все изгибли, кто, положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынесши позора, и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травою когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая: „Лучше б и не было того пира". Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, расславляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо понурив голову, говорил он: „Сын мой! Остап мой!"

Запорожцы собирались на морскую экспедицию. Двести челнов спущены были в Днепр, и Малая Азия видела их, с бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цветущие берега ее; видела чалмы своих магометанских обитателей раскиданными, подобно ее бесчисленным цветам, на смоченных кровию полях и плававшими у берегов. Она видела не мало запачканных дегтем запорожских шаровар, мускулистых рук с черными нагайками. Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкуров и опоясывали ими запачканные свитки. Долго еще после находили в тех местах запорожские коротенькие люльки. Они весело плыли назад; за ними гнался десятипушечный турецкий

корабль и залпом из всех орудий своих разогнал, как птиц, утлые их челны. Третья часть их потонула в морских глубинах, но остальные снова собрались вместе и прибыли к устью Днепра с двенадцатью боченками, набитыми цехинами. Но всё это уже не занимало Тараса. Он уходил в луга и степи, будто бы за охотою, но заряд его оставался невыстрелянным. И, положив ружье, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понурив голову и всё говоря: „Остап мой! Остап мой!“ Перед ним сверкало и расстилалось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержал наконец Тарас. „Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы ни стало!“ И через неделю уже очутился он в городе Умани, вооруженный, на коне, с копьем, саблей, дорожной баклагой у седла, походным горшком с саламатой, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочим снарядом. Он прямо подъехал к нечистому, запачканному домишке, у которого небольшие окошка едва были видны, закопченные неизвестно чем; труба заткнута была тряпкою, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякого сору лежала пред самыми дверьми. Из окна выглядывала голова жидовки, в чепце с потемневшими жемчугами.

„Муж дома?“ сказал Бульба, слезая с коня и привязывая повод к железному крючку, бывшему у самых дверей.

„Дома“, сказала жидовка и поспешила тот же час выйти с пшеницей в корчике для коня и стопой пива для рыцаря.

„Где же твой жид?“

„Он в другой светлице, молится“, проговорила жидовка, кланяясь и пожелав здоровья в то время, когда Бульба поднес к губам стопу.

„Оставайся здесь, накорми и напои моего коня, а я пойду, поговорю с ним один. У меня до него дело.“

Этот жид был известный Янкель. Он уже очутился тут арендатором и корчмарем; прибрал понемногу всех окружных панов и шляхтичей в свои руки, высосал понемногу почти все деньги и сильно означил свое жидовское присутствие в той стране. На расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: всё валилось и дряхлело, всё пораспивалось, и осталась бедность да лохмотья; как после пожару или чумы, выветрился весь край. И если бы десять лет еще пожил там Янкель, то он, вероятно, выветрил бы и всё воеводство. Тарас вошел в светлицу. Жид молился, накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Так и бросились жиду прежде всего в глаза две тысячи червонных, которые были обещаны за его голову; но он постыдился своей корысти и силился подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида.

„Слушай Янкель!“ сказал Тарас жиду, который начал перед ним кланяться и запер осторожно дверь, чтобы их не видели: „Я спас твою жизнь, — тебя бы разорвали, как собаку, запорожцы, — теперь твоя очередь, теперь сделай мне услугу!“ Лицо жида несколько поморщилось. „Какую услугу? Если такая услуга, что можно сделать, то для чего не сделать?“

„Не говори ничего. Вези меня в Варшаву.“

„В Варшаву? Как, в Варшаву?“ сказал Янкель. Брови и плечи его поднялись вверх от изумления.

„Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово.“

„Кому сказать слово?“

„Ему, Остапу, сыну моему.“

„Разве пан не слышал, что уже...“

„Знаю, знаю всё: за мою голову дают две тысячи червонных. Знают же они, дурни, цену ей! Я тебе пять тысяч дам. Вот тебе две тысячи сейчас“, Бульба высыпал из кожаного гамана две тысячи червонных: „а остальные — как ворочусь.“ Жид тотчас схватил полотенце и накрыл им червонцы.

„Ай, славная монета! Ай, добрая монета!“ говорил он, вертя один червонец в руках и пробуя на зубах. „Я думаю, тот человек, у которого пан обобрал такие хорошие червонцы, и часу не прожил на свете, пошел тот же час в реку, да и утонул там после таких славных червонцев.“

„Я бы не просил тебя. Я бы сам, может-быть, нашел дорогу в Варшаву; но меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не горазд на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы. Вы хоть чорта проведете; вы знаете все штуки; вот для чего я пришел к тебе! Да и в Варшаве я бы сам собою ничего не получил. Сейчас запрягай воз и вези меня!“

„А пан думает, что так прямо взял кобылу, запряг да и: „эй, ну, пошел, сивка!“ Думает пан, что можно так, как есть, не спрятавши, везти пана?“

„Ну, так прятай, прятай, как знаешь; в порожнюю бочку, что ли?“

„Ай, ай! А пан думает, разве можно спрятать его в бочку? Пан разве не знает, что всякий подумает, что в бочке горелка?“

„Ну, так и пусть думает, что горелка.“

„Как? Пусть думает, что горелка?“ сказал жид и схватил себя обеими руками за пейсики и потом поднял кверху обе руки.

„Ну, что же ты так оторопел?“

„А пан разве не знает, что бог на то создал горелку, чтобы ее всякий пробовал! Там всё лакомки, ласуны: шляхтич будет бежать верст пять за бочкой, продолбит как раз дырочку, тотчас увидит, что не течет, и скажет: „Жид

не повезет порожнюю бочку; верно, тут есть что-нибудь. Схватить жида, связать жида, отобрать все деньги у жида, посадить в тюрьму жида!“ Потому что всё, что ни есть недоброго, всё валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид.“

„Ну, так положи меня в воз с рыбою!“

„Не можно, пан; ей-богу, не можно. По всей Польше люди голодны теперь, как собаки: и рыбу раскрадут и пана нащупают.“

„Так вези меня хоть на чорте, только вези!“

„Слушай, слушай, пан!“ сказал жид, посунувши обшлага рукавов своих и подходя к нему с растопыренными руками: „Вот, что мы сделаем. Теперь строят везде крепости и замки; из Неметчины приехали французские инженеры, а потому по дорогам везут много кирпичу и камней. Пан пусть ляжет на дне воза, а верх я закладу кирпичом. Пан здоровый и крепкий с виду, и потому ему ничего, коли будет тяжеленько; а я сделаю в возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.“

„Делай, как хочешь, только вези!“

И через час воз с кирпичом выехал из Умани, запряженный в две клячи. На одной из них сидел высокий Янкель, и длинные курчавые пейсики его развевались из-под жидовского яломка по мере того, как он подпрыгивал на лошади, длинный, как верста, поставленная на дороге.

XI.

В то время, когда происходило описываемое событие, на пограничных местах не было еще никаких таможенных чиновников и объездчиков, этой страшной грозы предприим-

чивых людей, и потому всякий мог везти, что ему вздумалось. Если же кто и производил обыск и ревизовку, то делал это большею частию для своего собственного удовольствия, особливо, если на возу находились заманчивые для глаз предметы, и если его собственная рука имела порядочный вес и тяжесть. Но кирпич не находил охотников и въехал беспрепятственно в главные городские ворота. Бульба в своей тесной клетке мог только слышать шум, крики возниц и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своем коротком, запачканном пылью рысаке, поворотил, сделавши несколько кругов, в темную узенькую улицу, носившую название Грязной и вместе Жидовской, потому что здесь, действительно, находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность заднего двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почерневшие деревянные домы, со множеством протянутых из окон жердей, увеличивали еще более мрак. Изредка краснела между ними кирпичная стена, но и та уже во многих местах превращалась совершенно в черную. Иногда только вверху ощекатуренный кусок стены, обхваченный солнцем, блистал нестерпимою для глаз белизною. Тут всё состояло из сильных резкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякий, что́ только было у него негодного, швырял на улицу, доставляя прохожим возможные удобства питать все чувства свои этою дрянью. Сидящий на коне всадник чуть-чуть не доставал рукою жердей, протянутых через улицу из одного дома в другой, на которых висели жидовские чулки, коротенькие панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемневшими бусами, выглядывало из ветхого окошка. Куча жиденков, запачканных, оборванных, с курчавыми волосами, кричала и валялась в грязи. Рыжий жид, с веснушками по всему лицу, делавшими его похожим на воробьиное яйцо, выглянул из окна, тотчас

заговорил с Янкелем на своем тарабарском наречии, и Янкель тотчас въехал в один двор. По улице шел другой жид, остановился, вступил тоже в разговор, и, когда Бульба выкарабкался, наконец, из-под кирпича, он увидел трех жидов, говоривших с большим жаром.

Янкель обратился к нему и сказал, что всё будет сделано, что его Остап сидит в городской темнице, и хотя трудно уговорить стражей, но, однако ж, он надеется доставить ему свидание.

Бульба вошел с тремя жидами в комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своем непонятном языке. Тарас поглядывал на каждого из них. Что-то, казалось, сильно потрясло его: на грубом и равнодушном лице его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, — надежды той, которая посещает иногда человека в последнем градусе отчаяния; старое сердце его начало сильно биться, как будто у юноши.

„Слушайте, жиды!“ сказал он, и в словах его было что-то восторженное: „Вы всё на свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского; и пословица давно уже говорит, что жид самого себя украдет, когда только захочет украсть. Освободите мне моего Остапа! Дайте случай убежать ему от дьявольских рук. Вот я этому человеку обещал двенадцать тысяч червонных, — я прибавляю еще двенадцать. Все, какие у меня есть, дорогие кубки и закопанное в земле золото, хату и последнюю одежду продам и заключу с вами контракт на всю жизнь с тем, чтобы всё, что ни добуду на войне, делить с вами пополам.“

„О, не можно, любезный пан, не можно!“ сказал со вздохом Янкель.

„Нет, не можно!“ сказал другой жид.

Все три жида взглянули один на другого.

„А попробовать?“ сказал третий, боязливо поглядывая на двух других: „может быть, бог даст.“

Все три жида заговорили по-немецки. Бульба, как ни наострял свой слух, ничего не мог отгадать; он слышал только часто произносимое слово „Мардохай“, и больше ничего.

„Слушай, пан!“ сказал Янкель: „нужно посоветоваться с таким человеком, какого еще никогда не было на свете. У, у! то такой мудрый, как Соломон, и, когда он ничего не сделает, то уж никто на свете не сделает. Сиди тут; вот ключ, и не впускай никого!“ Жиды вышли на улицу.

Тарас запер дверь и смотрел в маленькое окошечко на этот грязный жидовский проспект. Три жида остановились посредине улицы и стали говорить довольно азартно; к ним присоединился скоро четвертый, наконец и пятый. Он слышал опять повторяемое: „Мардохай, Мардохай.“ Жиды беспрестанно посматривали в одну сторону улицы; наконец в конце ее из-за одного дрянного дома показалась нога в жидовском башмаке, и замелькали фалды полукафтанья. „А, Мардохай, Мардохай!“ закричали все жиды в один голос. Тощий жид, несколько короче Янкеля, но гораздо более покрытый морщинами, с преогромною верхнею губою, приблизился к нетерпеливой толпе, и все жиды наперерыв спешили рассказывать ему, при чем Мардохай несколько раз поглядывал на маленькое окошечко, и Тарас догадывался, что речь шла о нем. Мардохай размахивал руками, слушал, перебивал речь, часто плевал на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывал в карман руку и вынимал какие-то побрякушки, при чем показывал прескверные свои панталоны. Наконец все жиды подняли такой крик, что жид, стоявший настороже, должен был дать знак к молчанию, и Тарас уже начал опасаться за свою безопасность, но вспомнивши, что жиды не могут иначе рассуждать, как на улице, и что их языка сам демон не поймет, он успокоился.

Минуты две спустя, жиды вместе вошли в его комнату. Мардохай приблизился к Тарасу, потрепал его по плечу и

сказал: „Когда мы да бог захочем сделать, то уже будет так, как нужно.“

Тарас поглядел на этого Соломона, какого еще не было на свете, и получил некоторую надежду. Действительно, вид его мог внушить некоторое доверие: верхняя губа у него была просто страшилище; толщина ее, без сомнения, увеличилась от посторонних причин. В бороде у этого Соломона было только пятнадцать волосков, и то на левой стороне. На лице у Соломона было столько знаков побоев, полученных за удальство, что он, без сомнения, давно потерял счет им и привык их считать за родимые пятна.

Мардохай ушел вместе с товарищами, исполненными удивления к его мудрости. Бульба остался один. Он был в странном, небывалом положении: он чувствовал в первый раз в жизни беспокойство. Душа его была в лихорадочном состоянии. Он не был тот прежний, непреклонный, неколебимый, крепкий, как дуб; он был малодушен; он был теперь слаб. Он вздрагивал при каждом шорохе, при каждой новой жидовской фигуре, показывавшейся в конце улицы. В таком состоянии пробыл он, наконец, весь день; не ел, не пил, и глаза его не отрывались ни на час от небольшого окошка на улицу. Наконец уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

„Что? удачно?“ спросил он их с нетерпением дикого коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались с духом отвечать, Тарас заметил, что у Мардохая уже не было последнего локона, который, хотя довольно неопрятно, но всё же вился кольцами из-под яломка его. Заметно было, что он хотел что-то сказать, но наговорил такую дрянь, что Тарас ничего не понял. Да и сам Янкель прикладывал очень часто руку ко рту, как будто бы страдал простудою.

„О, любезный пан!“ сказал Янкель: „теперь совсем не можно! Ей-богу, не можно! Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать. Вот и Мардохай

скажет. Мардохай делал такое, какого еще не делал ни один человек на свете; но бог не захотел, чтобы так было. Три тысячи войска стоят, и завтра их всех будут казнить."

Тарас глянул в глаза жидам, но уже без нетерпения и гнева.

„А если пан хочет видеться, то завтра нужно рано, так, чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и один левентарь обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья, ой, вей мир! Что это за корыстный народ! И между нами таких нет: пятьдесят червонцев я дал каждому, а левентарю..."

„Хорошо. Веди меня к нему!" произнес Тарас решительно, и вся твердость возвратилась в его душу. Он согласился на предложение Янкеля переодеться иностранным графом, приехавшим из немецкой земли, для чего платье уже успел припасти дальновидный жид. Была уже ночь. Хозяин дома, известный рыжий жид с веснушками, вытащил тощий тюфяк, накрытый какою-то рогожею, и разостлал его на лавке для Бульбы. Янкель лег на полу на таком же тюфяке. Рыжий жид выпил небольшую чарочку какой-то настойки, скинул полукафтанье, и, сделавшись в своих чулках и башмаках несколько похожим на цыпленка, отправился с своею жидовкой во что-то похожее на шкаф. Двое жиденков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа. Но Тарас не спал; он сидел неподвижен и слегка барабанил пальцами по столу; он держал во рту люльку и пускал дым, от которого жид спросонья чихал и заворачивал в одеяло свой нос. Едва небо успело тронуться бледным предвестием зари, он уже толкнул ногою Янкеля.

„Вставай, жид, и давай твою графскую одежду."

В минуту оделся он; вычернил усы, брови, надел на темя маленькую темную шапочку, — и никто бы из самых близких к нему козаков не мог узнать его. По виду ему казалось не более тридцати пяти лет. Здоровый румянец играл на его щеках, и самые рубцы придавали ему что-то

повелительное. Одежда, убранная золотом, очень шла к нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось в городе с коробкою в руках. Бульба и Янкель пришли к строению, имевшему вид сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почерневшее, и с одной стороны его выкидывалась, как шея аиста, длинная узкая башня, наверху которой торчал кусок крыши. Это строение отправляло множество разных должностей: тут были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный суд. Наши путники вошли в ворота и очутились среди пространной залы, или крытого двора. Около тысячи человек спали вместе. Прямо шла низенькая дверь, перед которой сидевшие двое часовых играли в какую-то игру, состоявшую в том, что один другого бил двумя пальцами по ладони. Они мало обратили внимания на пришедших и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказал: „Это мы; слышите, паны: это мы."

„Ступайте!" говорил один из них, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятия от него ударов.

Они вступили в коридор, узкий и темный, который опять привел их в такую же залу с маленькими окошками вверху. „Кто идет?" закричало несколько голосов, и Тарас увидел порядочное количество гайдуков в полном вооружении. „Нам никого не велено пускать."

„Это мы!" кричал Янкель: „Ей-богу, мы, ясные паны." Но никто не хотел слушать. К счастию, в это время подошел какой-то толстяк, который по всем приметам казался начальником, потому что ругался сильнее всех.

„Пан, это ж мы, вы уже знаете нас, и пан граф еще будет благодарить."

„Пропустите, сто дьяблов чортовой матке! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидал и не собачился на полу..."

Продолжения красноречивого приказа уже не слышали наши путники. „Это мы... это я... это свои!“ говорил Янкель, встречаясь со всяким.

„А что, можно теперь?“ спросил он одного из стражей, когда они, наконец, подошли к тому месту, где коридор уже оканчивался.

„Можно; только не знаю, пропустят ли вас в самую тюрьму. Теперь уже нет Яна: вместо его стоит другой“, отвечал часовой.

„Ай, ай!“ произнес тихо жид: „Это скверно, любезный пан!“

„Веди!“ произнес упрямо Тарас. Жид повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху острием, стоял гайдук с усами в три яруса. Верхний ярус усов шел назад, другой прямо вперед, третий вниз, что делало его очень похожим на кота.

Жид съежился в три погибели и почти боком подошел к нему: „Ваша ясновельможность! Ясновельможный пан!“

„Ты, жид, это мне говоришь?“

„Вам, ясновельможный пан!“

„Гм... А я, просто, гайдук!“ сказал трехъярусный усач с повеселевшими глазами.

„А я, ей-богу, думал, что это сам воевода. Ай, ай, ай...“ при этом жид покрутил головою и расставил пальцы. „Ай, какой важный вид! Ей-богу, полковник, совсем полковник! Вот еще бы только на палец прибавить, то и полковник! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!“

Гайдук поправил нижний ярус усов своих, при чем глаза его совершенно развеселились.

„Что за народ военный!“ продолжал жид: „ох, вей мир, что за народ хороший! Шнуречки, бляшечки... Так от них блестит, как от солнца; а цурки, где только увидят военных... ай, ай!..“ Жид опять покрутил головою.

Гайдук завил рукою верхние усы и пропустил сквозь зубы звук, несколько похожий на лошадиное ржание.

„Прошу пана оказать услугу!“ произнес жид: „вот князь приехал из чужого края, хочет посмотреть на козаков. Он еще сроду не видел, что это за народ козаки.“

Появление иностранных графов и баронов было в Польше довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытством посмотреть этот почти полуазиатский угол Европы: Московию и Украйну они почитали уже находящимися в Азии. И потому гайдук, поклонившись довольно низко, почел приличным прибавить несколько слов от себя.

„Я не знаю, ваша ясновельможность“, говорил он: „зачем вам хочется смотреть их. Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.“

„Врешь ты, чортов сын!“ сказал Бульба: „Сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретическую веру не уважают!“

„Эге, ге!“ сказал гайдук: „а я знаю, приятель, ты кто: ты сам из тех, которые уже сидят у меня. Постой же, я позову сюда наших.“

Тарас увидел свою неосторожность, но упрямство и досада помешали ему подумать о том, как бы исправить ее. К счастию, Янкель в ту же минуту успел подвернуться.

„Ясновельможный пан! как же можно, чтобы граф, да был козак? А если бы он был козак, то где бы он достал такое платье и такой вид графский?“

„Рассказывай себе!..“ и гайдук уже растворил было широкий рот свой, чтобы крикнуть.

„Ваше королевское величество! молчите! молчите, ради бога!“ закричал Янкель: „Молчите! Мы уж вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам два золотых червонца.“

„Эге! два червонца! Два червонца мне ни по чем: я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мне только половину бороды выбрил. Сто червонных давай, жид!“

Тут гайдук закрутил верхние усы. „А как не дашь ста червонных, сейчас закричу!“

„И на что бы так много!“ горестно сказал побледневший жид, развязывая кожаный мешок свой; но он счастлив был, что в его кошельке не было более, и что гайдук далее ста не умел считать.

„Пан, пан! уйдем скорее! Видите, какой тут нехороший народ!“ сказал Янкель, заметивши, что гайдук перебирал на руке деньги, как бы жалея о том, что не запросил более.

„Что ж ты, чортов гайдук“, сказал Бульба: „деньги взял, а показать и не думаешь? Нет, ты должен показать. Уж когда деньги получил, то ты не в праве теперь отказать.“

„Ступайте, ступайте к дьяволу! а не то я сию минуту дам знать, и вас тут... Уносите ноги, говорю я вам, скорее!“

„Пан! пан! пойдем! Ей-богу, пойдем! Цур им! Пусть им приснится такое, что плевать нужно“, кричал бедный Янкель.

Бульба медленно, потупив голову, оборотился и шел назад, преследуемый укорами Янкеля, которого ела грусть при мысли о даром потерянных червонцах.

„И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народ, что не может не браниться! Ох, вей мир, какое счастие посылает бог людям! Сто червонцев за то только, что прогнал нас! А наш брат: ему и пейсики оборвут и из морды сделают такое, что и глядеть не можно, а никто не даст ста червонных. О, боже мой! боже милосердый!“

Но неудача эта гораздо более имела влияния на Бульбу; она выражалась пожирающим пламенем в его глазах.

„Пойдем!“ сказал он вдруг, как бы встряхнувшись: „пойдем на площадь. Я хочу посмотреть, как его будут мучить.“

„Ой, пан! зачем ходить? Ведь нам этим не помочь уже.“

„Пойдем!“ упрямо сказал Бульба, и жид, как нянька, вздыхая, побрел вслед за ним.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин, самых трусливых, которым после всю ночь грезились окровавленные трупы, которые кричали спросонья так громко, как только может крикнуть пьяный гусар, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. „Ах, какое мученье!“ кричали из них многие с истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однако же, простаивали иногда довольное время. Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, чтобы оттуда посмотреть повиднее. Из толпы узких, небольших и обыкновенных голов высовывал свое толстое лицо мясник, наблюдал весь процесс с видом знатока и разговаривал односложными словами с оружейным мастером, которого называл кумом, потому что в праздничный день напивался с ним в одном шинке. Иные рассуждали с жаром, другие даже держали пари; но бо́льшая часть была таких, которые на весь мир и на всё, что ни случается в свете, смотрят, ковыряя пальцем в своем носу. На переднем плане, возле самых усачей, составлявших городовую гвардию, стоял молодой шляхтич, или казавшийся шляхтичем, в военном костюме, который надел на себя решительно всё, что у него ни было, так что на его квартире оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Две цепочки, одна сверх другой, висели у него на шее с каким-то дукатом. Он стоял с коханкою своею, Юзысею, и беспрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замарал ее шелкового платья. Он ей растолковал совершенно всё, так что уже решительно не можно было ничего прибавить. „Вот это, душечка Юзыся“, говорил он: „весь народ, что вы видите, пришел затем, чтобы посмотреть, как будут казнить преступников. А вот тот,

душечка, что, вы видите, держит в руках секиру и другие инструменты, то палач, и он будет казнить. И как начнет колесовать и другие делать муки, то преступник еще будет жив; а как отрубят голову, то он, душечка, тотчас и умрет. Прежде будет кричать и двигаться, но как только отрубят голову, тогда ему не можно будет ни кричать, ни есть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будет головы." И Юзыся всё это слушала со страхом и любопытством. Крыши домов были усеяны народом. Из слуховых окон выглядывали престранные рожи в усах и в чем-то похожем на чепчики. На балконах, под балдахинами, сидело аристократство. Хорошенькая ручка смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядели с важным видом. Холоп, в блестящем убранстве, с откидными назад рукавами, разносил тут же разные напитки и съестное. Часто шалунья с черными глазами, схвативши светлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала в народ. Толпа голодных рыцарей подставляла на подхват свои шапки, и какой-нибудь высокий шляхтич, высунувшийся из толпы своею головою, в полинялом красном кунтуше с почерневшими золотыми шнурками, хватал первый, с помощию длинных рук, целовал полученную добычу, прижимал ее к сердцу и потом клал в рот. Сокол, висевший в золотой клетке под балконом, был также зрителем: перегнувши на бок нос и поднявши лапу, он, с своей стороны, рассматривал также внимательно народ. Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: „Ведут... ведут!.. козаки!.."

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостию; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко: „Дай же, боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!“ После этого он приблизился к эшафоту.

„Добре, сынку, добре!“ сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волоса. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение козацкой нации. Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление. Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и

в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: „Добре, сынку, добре!“

Но, когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как-будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и биющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи: „Батько! где ты? Слышишь ли ты?“

„Слышу!“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел, как смерть, и, когда они немного отдалились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

XII.

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отмстить за посмеянье прав своих, за позорное своих унижение, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле, за всё, что копило и сугубило с давних времен

суровую ненависть козаков. Молодой, но сильный духом гетьман Остраница предводил всею несметною козацкою силою. Возле был виден престарелый, опытный товарищ его и советник, Гуня. Восемь полковников вели двенадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом. Генеральный хорунжий предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было других чинов полковых: обозных, войсковых товарищей, полковых писарей, и с ними пеших и конных отрядов; почти столько же, сколько было рейстровых козаков, набралось охочекомонных и вольных. Отвсюду поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова, от низовой стороны днепровской и от всех его верховий и островов. Без счету кони и несметные таборы телег тянулись по полям. И между теми-то козаками, между теми восьмью полками отборнее всех был один полк, и полком тем предводил Тарас Бульба. Всё давало ему перевес пред другими: и преклонные лета, и опытность, и уменье двигать своим войском, и сильнейшая всех ненависть к врагам. Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость. Только огонь да виселицу определяла седая голова его, и совет его в войсковом совете дышал только одним истреблением.

Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: всё это внесено в летописные страницы. Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру: нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно-изменчивого моря. Из самой средины морского дна возносит она к небесам непроломные свои стены, вся созданная из одного цельного, сплошного камня. Отвсюду видна она и глядит прямо в очи мимобегущим волнам. И горе кораблю, который нанесется на нее! В щепы летят бессильные его снасти, тонет и ломится в прах всё, что

ни есть на них, и жалким криком погибающих оглашается пораженный воздух.

В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды; как слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы; как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска; как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные козацкие полки, и как, приведенный в крайность, польский гетьман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов и возвращение всех прежних прав и преимуществ. Но не такие были козаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкий не красовался бы больше на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных панн и зависть дворянства, не шумел бы на сеймах, задавая роскошные пиры сенаторам, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Когда вышли на встречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре, преклонили козаки все свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля, но против своей церкви христианской не посмели, и уважили свое духовенство. Согласился гетьман вместе с полковниками отпустить Потоцкаго, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один был Тарас. Вырвал он клок волос из головы своей и вскрикнул:

„Эй, гетьман и полковники! не сделайте такого бабьего дела! не верьте ляхам: продадут псяюхи!“ Когда же полковой писарь подал условие, и гетьман приложил свою властную

руку, он снял с себя чистый булат, дорогую турецкую саблю из первейшаго железа, разломил ее надвое, как трость, и кинул врознь далеко в разные стороны оба конца, сказав: „Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете. Помяните же прощальное мое слово (при сем слове голос его вырос, подымался выше, принял неведомую силу,—и смутились все от пророческих слов): перед смертным часом своим вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствие и мир; думаете, пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют ее гречаною половою, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам! Не удержите и вы, паны, голов своих! Пропадете в сырых погребах, замурованные в каменные стены, если вас, как баранов, не сварят всех живыми в котлах!“

„А вы, хлопцы!“ продолжал он, оборотившись к своим: „кто из вас хочет умирать своею смертью,—не по запечьям и бабьим лежанкам, не пьяными под забором у шинка, подобно всякой падали, а честной, козацкой смертью, всем на одной постеле, как жених с невестою? Или, может-быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксензов?“

„За тобою, пане полковнику! За тобою!“ вскрикнули все, которые были в Тарасовом полку, и к ним перебѐжало не мало других.

„А коли за мною, так за мною же!“ сказал Тарас, надвинул глубже на голову себе шапку, грозно взглянул на всех остававшихся, оправился на коне своем и крикнул своим: „Не попрекнет же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам!“ И вслед затем ударил он по коню, и потянулся за ним табор из ста телег, и с ними много было козацких конников и пехоты, и, оборотясь, грозил взором всем остававшимся, и гневен был взор его. Никто не посмел остановить их. В виду всего воинства

уходил полк, и долго еще оборачивался Тарас и всё грозил.

Смутны стояли гетьман и полковники, задумалися все и молчали долго, как будто теснимые каким-то тяжелым предвестием. Не даром провещал Тарас: так всё и сбылось, как он провещал. Немного времени спустя, после вероломного поступка под Каневом, вздернута была голова гетьмана на кол вместе со многими из первейших сановников.

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близь сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. „Ничего не жалейте!“ повторял только Тарас. Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвигнулась бы самая сырая земля, и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя. „Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!“ приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше чем обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был

достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглых к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки и, может-быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: „Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!" И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. „Эх, старость, старость!" сказал он, и заплакал дебелый старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. „Попалась ворона!" кричали ляхи: „Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать." И присудили, с гетьманского разрешенья, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отвсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. „Занимайте,

хлопцы, занимайте скорее", кричал он: „горку, что за лесом: туда не подступят они!" Но ветер не донес его слов. „Вот, пропадут, пропадут ни за что!" говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: „К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что́ налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!"

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переворотил всё в глазах его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много дает в сторону извивов. „А, товарищи! не куды пошло!" сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки, свистнули,—и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об каменья, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конем своим и прямо грянулся на острые утесы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами;

пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

„Прощайте, товарищи!“ кричал он им сверху: „Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Чтó взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..“

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубокодонных мест; блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несется по нем, и много куликов, краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на прибрежьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли веслами, осторожно минали отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВИЙ*

* Вий — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал.

Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий семинарский колокол, висевший у ворот Братского монастыря, то уже со всего города спешили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы, с тетрадями под мышкой, брели в класс. Грамматики были еще очень малы; идя, толкали друг друга и бранились между собою самым тоненьким дискантом; были все почти в изодранных или запачканных платьях, и карманы их вечно были наполнены всякою дрянью, как-то: бабками, свистелками, сделанными из перышек, недоеденным пирогом, а иногда даже и маленькими воробьенками, из которых один, вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали в обе руки, а иногда и вишневые розги. Риторы шли солиднее: платья у них были часто совершенно целы, но зато на лице всегда почти бывало какое-нибудь украшение в виде риторического тропа: или один глаз уходил под самый лоб, или вместо губы целый пузырь, или какая-нибудь другая примета; эти говорили и божились между собою тенором. Философы целою октавою брали ниже; в карманах их, кроме крепких табачных корешков, ничего не было. Запасов они не делали никаких и всё, что попадалось, съедали тогда же; от них слышалась трубка и горелка, иногда так далеко, что

проходивший мимо ремесленник долго еще, остановившись, нюхал, как гончая собака, воздух. Рынок в это время обыкновенно только-что начинал шевелиться, и торговки с бубликами, булками, арбузными семечками и маковниками дергали на подхват за полы тех, у которых полы были из тонкого сукна или какой-нибудь бумажной материи. „Паничи! паничи! сюды! сюды!“ говорили они со всех сторон: „ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей богу, хороши! на меду! сама пекла!“ Другая, подняв что-то длинное, скрученное из теста, кричала: „ось сусулька! паничи, купите сусульку!“ — „Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная, и нос нехороший, и руки нечистые...“ Но философов и богословов они боялись задевать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притом целою горстью. По приходе в семинарию вся толпа размещалась по классам, находившимся в низеньких, довольно однако же просторных комнатах с небольшими окнами, с широкими дверьми и запачканными скамьями. Класс наполнялся вдруг разноголосными жужжаниями: авдиторы выслушивали своих учеников: звонкий дискант грамматика попадал как раз в звон стекла, вставленного в маленькие окна, и стекло отвечало почти тем же звуком; в углу гудел ритор, которого рост и толстые губы должны бы принадлежать по крайней мере философии. Он гудел басом, и только слышно было издали: бу, бу, бу, бу... Авдиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка, или вареник, или семена из тыкв. Когда вся эта ученая толпа успевала приходить несколько ранее, или когда знали, что профессора будут позже обыкновенного, тогда, со всеобщего согласия, замышляли бой, и в этом бою должны были участвовать все, даже и цензора, обязанные смотреть за порядком и нравственностию всего учащегося сословия. Два богослова обыкновенно решали, как происходить битве: каждый ли класс должен стоять за себя особенно, или все

должны разделиться на две половины: на бурсу и семинарию. Во всяком случае грамматики начинали прежде всех, и как только вмешивалась риторика, они уже бежали прочь и становились на возвышениях наблюдать битву. Потом вступала философия с черными длинными усами, а наконец и богословия в ужасных шароварах и с претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тем, что богословия побивала всех, и философия, почесывая бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях. Профессор, входивший в класс и участвовавший когда-то сам в подобных боях, в одну минуту, по разгоревшимся лицам своих слушателей, узнавал, что бой был недурен, и в то время, когда он сек розгами по пальцам риторику, в другом классе другой профессор отделывал деревянными лопатками по рукам философию. С богословами же было поступаемо совершенно другим образом: им, по выражению профессора богословии, отсыпалось по мерке *крупного гороху*, что состояло в коротеньких кожаных канчуках.

В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами. Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало чем пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду или Пентефрию, супругу египетского царедворца. В награду получали они кусок полотна, или мешок проса, или половину вареного гуся и тому подобное. Весь этот ученый народ, как семинария, так и бурса, которые питали какую-то наследственную неприязнь между собою, был чрезвычайно беден на средства к прокормлению и притом необыкновенно прожорлив; так что сосчитать, сколько каждый из них уписывал за вечерею галушек, было бы совершенно невозможное дело; и потому доброхотные пожертвования зажиточных владельцев не могли быть достаточны. Тогда сенат, состоявший из философов и богословов, отправлял грамматиков и риторов, под предводительством одного философа, а иногда присоединялся

и сам с мешками на плечах опустошать чужие огороды. И в бурсе появлялась каша из тыкв. Сенаторы столько объедались арбузов и дынь, что на другой день авдиторы слышали от них вместо одного два урока: один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке. Бурса и семинария носили какие-то длинные подобия сертуков, простиравшихся *по сие время*: слово техническое, означавшее: далее пяток.

Самое торжественное для семинарии событие было — вакансии, время с июня месяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домам. Тогда всю большую дорогу усеивали грамматики, философы и богословы. Кто не имел своего приюта, тот отправлялся к кому-нибудь из товарищей. Философы и богословы отправлялись *на кондиции*, т.-е. брались учить или приготовлять детей людей зажиточных, и получали за то в год новые сапоги, а иногда и на сертук. Вся ватага эта тянулась вместе целым табором; варила себе кашу и ночевала в поле. Каждый тащил за собою мешок, в котором находилась одна рубашка и пара онуч. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапогов, они скидали их, вешали на палки и несли на плечах, особенно когда была грязь. Тогда они, засучив шаровары по колени, бесстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Как только завидывали в стороне хутор, тотчас сворочали с большой дороги и, приблизившись к хате, выстроенной поопрятнее других, становились перед окнами в ряд и во весь рот начинали петь кант. Хозяин хаты, какой-нибудь старый козак-поселянин, долго их слушал, подпершись обеими руками, потом рыдал прегорько и говорил, обращаясь к своей жене: „Жинко! то, что поют школяри, должно быть, очень разумное; вынеси им сала и чего-нибудь такого, что у нас есть!“ И целая миска вареников валилась в мешок. Порядочный кус сала, несколько паляниц, а иногда и связанная курица помещались вместе. Подкрепившись таким запасом, грамматики, риторы, философы

и богословы опять продолжали путь. Чем далее однако же шли они, тем более уменьшалась толпа их. Все почти разбродились по домам, и оставались те, которые имели родительские гнезда далее других.

Один раз, во время подобного странствования, три бурсака своротили с большой дороги в сторону, с тем, чтобы в первом попавшемся хуторе запастись провиантом, потому что мешок у них давно уже был пуст. Это были: богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий Горобець. Богослов был рослый, плечистый мужчина и имел чрезвычайно странный нрав: всё, что ни лежало бывало возле него, он непременно украдет. В другом случае характер его был чрезвычайно мрачен, и когда напивался он пьян, то прятался в бурьяне, и семинарии стоило большого труда его сыскать там. Философ Хома Брут был нрава веселого. Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака. Он часто пробовал *крупного гороху*, но совершенно с философическим равнодушием, говоря, что чему быть, того не миновать. Ритор Тиберий Горобець еще не имел права носить усов, пить горелки и курить люльки. Он носил только оселедець, и потому характер его в то время еще мало развился; но, судя по большим шишкам на лбу, с которыми он часто являлся в класс, можно было предположить, что из него будет хороший воин. Богослов Халява и философ Хома часто дирали его за чуб в знак своего покровительства и употребляли в качестве депутата.

Был уже вечер, когда они своротили с большой дороги. Солнце только-что село, и дневная теплота оставалась еще в воздухе. Богослов и философ шли молча, куря люльки; ритор Тиберий Горобець сбивал палкою головки с будяков, росших по краям дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубов и орешника, покрывавшими луг. Отлогости и небольшие горы, зеленые и круглые, как куполы, иногда перемежевывали равнину. Показавшаяся в двух местах

нива с вызревавшим житом давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже более часу, как они минули хлебные полосы, а между тем им не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсем омрачили небо, и только на западе бледнел остаток алого сияния.

„Что за чорт!“ сказал философ Хома Брут: „сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор.“

Богослов помолчал, поглядел по окрестностям, потом опять взял в рот свою люльку, и все продолжали путь.

„Ей богу!“ сказал, опять остановившись, философ. „Ни чортового кулака не видно.“

„А можеть быть далее и попадется какой-нибудь хутор“, сказал богослов, не выпуская люльки. Но между тем уже была ночь, и ночь довольно темная. Небольшие тучи усилили мрачность и, судя по всем приметам, нельзя было ожидать ни звезд, ни месяца. Бурсаки заметили, что они сбились с пути и давно шли не по дороге.

Философ, пошаривши ногами во все стороны, сказал наконец отрывисто: „А где же дорога?“ Богослов помолчал и, надумавшись, примолвил: „Да, ночь темная.“ Ритор отошел в сторону и старался ползком нащупать дорогу, но руки его попадали только в лисьи норы. Везде была одна степь, по которой, казалось, никто не ездил. Путешественники еще сделали усилие пройти несколько вперед, но везде была та же дичь. Философ попробовал перекликнуться, но голос его совершенно заглох по сторонам и не встретил никакого ответа. Несколько спустя только, послышалось слабое стенание, похожее на волчий вой.

„Вишь, что тут делать?“ сказал философ.

„А что? оставаться и заночевать в поле!“ сказал богослов и полез в карман достать огниво и закурить снова свою люльку. Но философ не мог согласиться на это. Он всегда имел обыкновение упрятать на ночь полпудовую краюху хлеба и фунта четыре сала и чувствовал на этот раз в желудке своем какое-то несносное одиночество. Притом,

несмотря на веселый нрав свой, философ боялся несколько волков.

„Нет, Халява, не можно“ сказал он. „Как же, не подкрепив себя ничем, растянуться и лечь так, как собаке? Попробуем еще; может быть, набредем на какое-нибудь жилье, и хоть чарку горелки удастся выпить на ночь.“

При слове горелка богослов сплюнул в сторону и примолвил: „Оно конечно, в поле оставаться нечего.“ Бурсаки пошли вперед и, к величайшей радости их, в отдалении почудился лай. Прислушавшись, с которой стороны, они отправились бодрее и, немного пройдя, увидели огонек. „Хутор! ей богу, хутор!“ сказал философ. Предположения его не обманули: через несколько времени они увидели точно небольшой хуторок, состоявший из двух только хат, находившихся в одном и том же дворе. В окнах светился огонь. Десяток сливных дерев торчало под тыном. Взглянувши в сквозные дощатые ворота, бурсаки увидели поверхность двора уставленною чумацкими возами. Звезды кое-где глянули в это время на небе.

„Смотрите же, братцы, не отставать! во что бы то ни было, а добыть ночлега!“ Три ученые мужа дружно ударили в ворота и закричали: „Отвори!“

Дверь в одной хате заскрыпела, и минуту спустя бурсаки увидели перед собою старуху в нагольном тулупе.

„Кто там?“ закричала она, глухо кашляя.

„Пусти, бабуся, переночевать. Сбились с дороги. Так в поле скверно, как в голодном брюхе.“

„А что вы за народ?“

„Да народ необидчивый: богослов Халява, философ Брут и ритор Горобець.“

„Не можно“, проворчала старуха: „у меня народу полон двор, и все углы в хате заняты. Куды я вас дену? Да еще всё какой рослый и здоровый народ! Да у меня и хата развалится, когда помещу таких. Я знаю этих философов и богословов. Если таких пьяниц начнешь принимать, то

и двора скоро не будет. Пошли! пошли! Тут вам нет места."

„Умилосердись, бабуся! Как же можно, чтобы христианские души пропали ни за что, ни про что? Где хочешь помести нас. И если мы что-нибудь, как-нибудь того, или какое другое что сделаем,— то пусть нам и руки отсохнут, и такое будет, что бог один знает. Вот что!"

Старуха, казалось, немного смягчилась. „Хорошо", сказала она, как бы размышляя: „я впущу вас; только положу всех в разных местах, ибо у меня не будет спокойно на сердце, когда будете лежать вместе."

„На то твоя воля; не будем прекословить", отвечали бурсаки.

Ворота заскрыпели, и они вошли на двор.

„А что, бабуся", сказал философ, идя за старухой: „если бы так, как говорят... ей богу, в животе как будто кто колесами стал ездить. С самого утра вот хоть бы щепка была во рту."

„Вишь, чего захотел!" сказала старуха. „Нет у меня, нет ничего такого, и печь не топилась сегодня."

„А мы бы уже за все это", продолжал философ: „расплатились бы завтра как следует — чистоганом. Да!" продолжал он тихо: „чорта с два! получишь ты что-нибудь."

„Ступайте, ступайте! и будьте довольны тем, что дают вам. Вот чорт принес каких нежных паничей."

Философ Хома пришел в совершенное уныние от таких слов. Но вдруг нос его почувствовал запах сушеной рыбы. Он глянул на шаровары богослова, шедшего с ним рядом, и увидел, что из кармана его торчал преогромный рыбий хвост. Богослов уже успел подтибрить с воза целого карася. И так как он это производил не из какой-нибудь корысти, но единственно по привычке, и, позабывши совершенно о своем карасе, уже разглядывал, что бы такое стянуть другое, не имея намерения пропустить даже изломанного колеса,— то философ Хома запустил руку в его карман, как в свой

собственный, и вытащил карася. — Старуха разместила бурсаков: ритора положила в хате, богослова заперла в пустую камору, философу отвела тоже пустой овечий хлев.

Философ, оставшись один, в одну минуту съел карася, осмотрел плетеные стены хлева, толкнул ногою в морду просунувшуюся из другого хлева любопытную свинью и поворотился на другой бок, чтобы заснуть мертвецки. Вдруг низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла в хлев.

„А что, бабуся, чего тебе нужно?“ сказал философ. Но старуха шла прямо к нему с распростертыми руками.

„Эге, ге!“ подумал философ: „только нет, голубушка! устарела.“ Он отодвинулся немного подальше, но старуха, без церемонии, опять подошла к нему.

„Слушай, бабуся!“ сказал философ: „теперь пост; а я такой человек, что и за тысячу золотых не захочу оскоромиться.“ Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сделалось страшно, особливо, когда он заметил, что глаза ее сверкнули каким-то необыкновенным блеском. „Бабуся! что ты? Ступай, ступай себе с богом!“ закричал он. Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками.

Он вскочил на ноги, с намерением бежать, но старуха стала в дверях и вперила на него сверкающие глаза, и снова начала подходить к нему.

Философ хотел оттолкнуть ее руками, но к удивлению заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались, и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих. Все это случилось так быстро, что философ едва мог опомниться и схватил обеими руками себя за колени, желая удержать ноги; но они, к величайшему

изумлению его, подымались против воли производили скачки быстрее черкесского бегуна. Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: „эге, да это ведьма.“

Обращенный месячный серп светлел на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле. Леса, луга, небо, долины — всё, казалось, как будто спало с открытыми глазами. Ветер хоть бы раз вспорхнул где-нибудь. В ночной свежести было что-то влажно-теплое. Тени от дерев и кустов, как кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину. Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятным всадником на спине. — Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу. Он опустил голову вниз и видел, что трава, бывшая почти под ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверх ее находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря; по крайней мере он видел ясно, как он отражался в нем вместе с сидевшею на спине старухою. Он видел, как вместо месяца светило там какое-то солнце; он слышал, как голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная из блеска и трепета. Она оборотилась к нему — и вот ее лицо, с глазами светлыми, сверкающими, острыми, с пеньем вторгавшимися в душу, уже приближалось к нему, уже было на поверхности и, задрожав сверкающим смехом, удалялось — и вот она опрокинулась на спину, и облачные перси ее, матовые, как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали пред солнцем по краям своей белой, эластически-нежной окружности. Вода в виде маленьких пузырьков, как бисер, обсыпала их. Она вся дрожит и смеется в воде...

Видит ли он это или не видит? Наяву ли это или снится? Но там что? Ветер или музыка: звенит, звенит и вьется, и подступает и вонзается в душу какою-то нестерпимою трелью...

„Что это?“ думал философ Хома Брут, глядя вниз, несясь во всю прыть. Пот катился с него градом. Он чувствовал бесовски-сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, как будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, он начал припоминать все, какие только знал, молитвы. Он перебирал все заклятия против духов и вдруг почувствовал какое-то освежение; чувствовал, что шаг его начинал становиться ленивее, ведьма как-то слабее держалась на спине его. Густая трава касалась его, и уже он не видел в ней ничего необыкновенного. Светлый серп светил на небе.

„Хорошо же!“ подумал про себя философ Хома и начал почти вслух произносить заклятия. Наконец, с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил в свою очередь к ней на спину. Старуха мелким дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой. Земля чуть мелькала под ним. Все было ясно при месячном, хотя и неполном свете. Долины были гладки, но всё от быстроты мелькало неясно и сбивчиво в его глазах. Он схватил лежавшее на дороге полено и начал им со всех сил колотить старуху. Дикие вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потом становились слабее, приятнее, чище, и потом уже тихо, едва звенели, как тонкие серебряные колокольчики, и заронялись ему в душу; и невольно мелькнула в голове мысль: точно ли это старуха? „Ох, не могу больше!“ произнесла она в изнеможении, и упала на землю. Он стал на ноги и посмотрел ей в очи: рассвет загорался, и блестели золотые главы вдали киевских церквей. Перед ним лежала

красавица с растрепанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами. Бесчувственно отбросила она на обе стороны белые нагие руки и стонала, возведя кверху очи, полные слез. Затрепетал, как древесный лист, Хома: жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им; он пустился бежать во весь дух. Дорогой билось беспокойно его сердце, и никак не мог он истолковать себе, что за странное, новое чувство им овладело. Он уже не хотел более итти на хутора и спешил в Киев, раздумывая всю дорогу о таком непонятном происшествии. Бурсаков почти никого не было в городе: все разбрелись по хуторам, или на кондиции, или просто без всяких кондиций, потому что по хуторам малороссийским можно есть галушки, сыр, сметану и вареники величиною в шляпу, не заплатив гроша денег. Большая разъехавшаяся хата, в которой помещалась бурса, была решительно пуста, и сколько философ ни шарил во всех углах и даже ощупал все дыры и западни в крыше, но нигде не отыскал ни куска сала, или по крайней мере старого книша, что по обыкновению запрятываемо было бурсаками. Однако же философ скоро сыскался, как поправить своему горю: он прошел посвистывая раза три по рынку, перемигнулся на самом конце с какою-то молодою вдовою в желтом очипке, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса — и был того же дня накормлен пшеничными варениками, курицею... и словом перечесть нельзя, что у него было за столом, накрытым в маленьком глиняном домике, среди вишневого садика. Того же самого вечера видели философа в корчме: он лежал на лавке, покуривая, по обыкновению своему, люльку, и при всех бросил жиду-корчмарю ползолотой. Перед ним стояла кружка. Он глядел на приходивших и уходивших хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думал о своем необыкновенном происшествии.

Между тем распространились везде слухи, что дочь одного из богатейших сотников, которого хутор находился в пятидесяти верстах от Киева, возвратилась в один день с прогулки вся избитая, едва имевшая силы добресть до отцовского дома, находится при смерти, и перед смертным часом изъявила желание, чтобы отходную по ней и молитвы в продолжение трех дней после смерти читал один из киевских семинаристов: Хома Брут. Об этом философ узнал от самого ректора, который нарочно призывал его в свою комнату и объявил, чтобы он без всякого отлагательства спешил в дорогу, что именитый сотник прислал за ним нарочно людей и возок.

Философ вздрогнул по какому-то безотчетному чувству, которого он сам не мог растолковать себе. Темное предчувствие говорило ему, что ждет его что-то недоброе. Сам не зная почему, объявил он напрямик, что не поедет.

„Послушай, dominus Хома!“ сказал ректор (он в некоторых случаях объяснялся очень вежливо с своими подчиненными): „тебя никакой чорт и не спрашивает о том, хочешь ли ты ехать, или не хочешь. Я тебе скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спине и по прочему так отстегать молодым березняком, что и в баню больше не нужно ходить.“

Философ, почесывая слегка за ухом, вышел, не говоря ни слова, располагая при первом удобном случае возложить надежду на свои ноги. В раздумьи сходил он с крутой лестницы, приводившей на двор, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голос ректора, дававшего приказания своему ключнику и еще кому-то, вероятно одному из посланных за ним от сотника.

„Благодари пана за крупу и яйца“, говорил ректор: „и скажи, что как только будут готовы те книги, о которых он пишет, то я тотчас пришлю. Я отдал их уже

переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе! прибавить пану, что на хуторе у них, я знаю, водится хорошая рыба и особенно осетрина, то при случае прислал бы: здесь на базарах и нехороша и дорога. А ты, Явтух, дай молодцам по чарке горелки. Да философа привязать, а не то как раз удерет."

„Вишь, чортов сын!" подумал про себя философ: „пронюхал, длинноногий вьюн!"

Он сошел вниз и увидел кибитку, которую принял было сначала за хлебный овин на колесах. В самом деле она была так же глубока, как печь, в которой обжигают кирпичи. Это был обыкновенный краковский экипаж, в каком жиды полсотнею отправляются вместе с товарами во все города, где только слышит их нос ярмарку. — Его ожидало человек шесть здоровых и крепких козаков, уже несколько пожилых. Свитки из тонкого сукна с кистями показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владельцу. Небольшие рубцы говорили, что они бывали когда-то на войне, не без славы.

„Что ж делать? Чему быть, тому не миновать!" подумал про себя философ и, обратившись к козакам, произнес громко: „Здравствуйте, братья-товарищи!"

„Будь здоров, пан философ!" отвечали некоторые из козаков.

„Так вот это мне приходится сидеть вместе с вами? А брика знатная!" продолжал он, влезая. „Тут бы, только нанять музыкантов, то и танцовать можно."

„Да: соразмерный экипаж!" сказал один из козаков, садясь на облучок сам-друг с кучером, завязавшим голову тряпицею, вместо шапки, которую он успел оставить в шинке. Другие пять вместе с философом полезли в углубление и расположились на мешках, наполненных разною закупкою, сделанною в городе.

„Любопытно бы знать", сказал философ: „если бы, примером, эту брику нагрузить каким-нибудь товаром,

положим: солью или железными шинами, сколько потребовалось бы тогда коней?“

„Да“, сказал, помолчав, сидевший на облучке козак: „достаточное бы число потребовалось коней.“ После такого удовлетворительного ответа козак почитал себя в праве молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотелось узнать обстоятельнее: кто таков был этот сотник, каков его нрав, что слышно о его дочке, которая таким необыкновенным образом возвратилась домой и находилась при смерти, и которой история связалась теперь с его собственною, как у них и что делается в доме? Он обращался к ним с вопросами; но козаки, верно, были тоже философы, потому что в ответ на это молчали и курили люльки, лежа на мешках. Один только из них обратился к сидевшему на козлах вознице с коротеньким приказанием: „Смотри, Оверко, ты старый разиня; как будешь подъезжать к шинку, что на чухрайловской дороге, то не позабудь остановиться и разбудить меня и других молодцов, если кому случится заснуть.“ После этого он заснул довольно громко. Впрочем эти наставления были совершенно напрасны, потому что едва только приближилась исполинская брика к шинку на чухрайловской дороге, как все в один голос закричали: „Стой!“ Притом лошади Оверка были так уже приучены, что останавливались сами перед каждым шинком. Несмотря на жаркий июльский день, все вышли из брики, отправились в низенькую запачканную комнату, где жид-корчмарь, с знаками радости, бросился принимать своих старых знакомых. Жид принес под полою несколько колбас из свинины и, положивши на стол, тотчас отворотился от этого запрещенного талмудом плода. Все уселись вокруг стола. Глиняные кружки показались пред каждым из гостей. Философ Хома должен был участвовать в общей пирушке. И так как малороссияне, когда подгуляют, непременно начнут целоваться или плакать, то скоро вся изба наполнилась

лобызаниями. , А ну, Спирид, почеломкаемся!“ „Иди сюда, Дорош, я обниму тебя!“

Один козак, бывший постарее всех других, с седыми усами, подставивши руку под щеку, начал рыдать от души, о том, что у него нет ни отца, ни матери и что он остался одним один на свете. Другой был большой резонер и беспрестанно утешал, говоря: „не плачь, ей богу, не плачь! что ж тут... уж бог знает как и что такое.“ Один, по имени Дорош, сделался чрезвычайно любопытен и, оборотившись к философу Хоме, беспрестанно спрашивал его:

„Я хотел бы знать, чему у вас в бурсе учат; тому ли самому, что и дьяк читает в церкви, или чему другому?“

„Не спрашивай!“ говорил протяжно резонер: „пусть его там будет, как было. Бог уже знает, как нужно; бог все знает.“

„Нет, я хочу знать“, говорил Дорош: „что там написано в тех книжках. Может быть, совсем другое, чем у дьяка.“

„О боже мой, боже мой!“ говорил этот почтенный наставник: „и на что такое говорить? Так уж воля божия положила. Уже что бог дал, того не можно переменить.“

„Я хочу знать всё, что ни написано. Я пойду в бурсу, ей богу, пойду! Что ты думаешь, я не выучусь? — Всему выучусь, всему!“

„О боже ж мой, боже мой!..“ говорил утешитель и спустил свою голову на стол, потому что совершенно был не в силах держать ее долее на плечах. Прочие козаки толковали о панах и о том, отчего на небе светит месяц.

Философ Хома, увидя такое расположение голов, решился воспользоваться и улизнуть. Он сначала обратился к седовласому козаку, грустившему об отце и матери: „Что ж ты, дядько, расплакался“, сказал он: „я сам сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! На что я вам?“

„Пустим его на волю! “ отозвались некоторые. „Ведь он сирота. Пусть себе идет, куда хочет.“

„О боже ж мой, боже мой!“ произнес утешитель, подняв свою голову. „Отпустите его! Пусть идет себе!“

И козаки уже хотели сами вывесть его в чистое поле. Но тот, который показал свое любопытство, остановил их, сказавши: „Не трогайте: я хочу с ним поговорить о бурсе. Я сам пойду в бурсу...“ Впрочем вряд ли бы этот побег мог совершиться, потому что когда философ вздумал подняться из-за стола, то ноги его сделались как будто деревянными, и дверей в комнате начало представляться ему такое множество, что вряд ли бы он отыскал настоящую.

Только ввечеру вся эта компания вспомнила, что нужно отправляться далее в дорогу. Взмостившись в брику, они потянулись, погоняя лошадей и напевая песню, которой слова и смысл вряд ли бы кто разобрал. Проколесивши большую половину ночи, беспрестанно сбиваясь с дороги, выученной наизусть, они наконец опустились с крутой горы в долину, и философ заметил по сторонам тянувшийся частокол или плетень с низенькими деревьями и выказывавшимися из-за них крышами. Это было большое селение, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькие звездочки мелькали кое-где. Ни в одной хате не видно было огня. Они въехали, в сопровождении собачьего лая, на двор. С обеих сторон были заметны крытые соломою сараи и домики. Один из них, находившийся как раз посередине против ворот, был более других и служил, как казалось, пребыванием сотника. Брика остановилась перед небольшим подобием сарая, и путешественники наши отправились спать. Философ хотел однако же несколько обсмотреть снаружи панские хоромы; но как он ни пялил свои глаза, ничто не могло означиться в ясном виде: вместо дома представлялся ему медведь; из трубы делался ректор. Философ махнул рукою и пошел спать.

Когда проснулся философ, то весь дом был в движении: в ночь умерла панночка. Слуги бегали впопыхах взад и

вперед. Старухи некоторые плакали. Толпа любопытных глядела сквозь забор на панский двор, как будто бы могла что-нибудь увидеть. Философ начал на досуге осматривать те места, которые он не мог разглядеть ночью. Панский дом был низенькое небольшое строение, какие обыкновенно строились в старину в Малороссии. Он был покрыт соломою. Маленький, острый и высокий фронтон с окошком, похожим на поднятый кверху глаз, был весь измалеван голубыми и желтыми цветами и красными полумесяцами. Он был утвержден на дубовых столбиках, до половины круглых, и снизу шестигранных, с вычурною обточкою вверху. Под этим фронтоном находилось небольшое крылечко со скамейками по обеим сторонам. С боков дома были навесы на таких же столбиках, инде витых. Высокая груша с пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленела перед домом. Несколько амбаров в два ряда стояли среди двора, образуя род широкой улицы, ведшей к дому. За амбарами, к самым воротам, стояли треугольниками два погреба, один напротив другого, крытые также соломою. Треугольная стена каждого из них была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображениями. На одной из них нарисован был сидящий на бочке козак, державший над головою кружку с надписью: Всё выпью. — На другом фляжки, сулеи и по сторонам, для красоты, лошадь, стоявшая вверх ногами, трубка, бубны и надпись: Вино козацкая потеха. — Из чердака одного из сараев выглядывал, сквозь огромное слуховое окно, барабан и медные трубы. У ворот стояли две пушки. Всё показывало, что хозяин дома любил повеселиться и двор часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились две ветряные мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки дерев видны были одни только темные шляпки труб, скрывавшихся в зеленой гуще хат. Все селение помещалось на широком и ровном уступе горы. С северной стороны всё заслоняла крутая гора и подошвою

своею оканчивалась у самого двора. При взгляде на нее снизу она казалась еще круче, и на высокой верхушке ее торчали кое-где неправильные стебли тощего бурьяна и чернели на светлом небе. Обнаженный глинистый вид ее навевал какое-то уныние. Она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутом косогоре ее в двух местах торчали две хаты; над одною из них раскидывала ветви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями с насыпною землей. Яблоки, сбиваемые ветром, скатывались в самый панский двор. С вершины вилась по всей горе дорога и, опустившись, шла мимо двора в селенье. Когда философ измерил страшную круть ее и вспомнил вчерашнее путешествие, то решил, что или у пана были слишком умные лошади, или у козаков слишком крепкие головы, когда и в хмельном чаду умели не полететь вверх ногами вместе с неизмеримой брикою и багажом. Философ стоял на высшем в дворе месте, и, когда оборотился и глянул в противоположную сторону, ему представился совершенно другой вид. Селение вместе с отлогостью скатывалось на равнину. Необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень их темнела по мере отдаления, и целые ряды селений синели вдали, хотя расстояние их было более, нежели на двадцать верст. С правой стороны этих лугов тянулись горы, и чуть заметною вдали полосою горел и темнел Днепр. „Эх, славное место!“ сказал философ. „Вот тут бы жить, ловить рыбу в Днепре и в прудах, охотиться с тенетами или с ружьем за стрепетами и крольшнепами! Впрочем, я думаю, и дроф не мало в этих лугах. Фруктов же можно насушить и продать в город множество, или еще лучше, выкурить из них водку; потому что водка из фруктов ни с каким пенником не сравнится. Да не мешает подумать и о том, как бы улизнуть отсюда.“ Он приметил за плетнем маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяном. Он поставил машинально на нее ногу, думая наперед только прогуляться

а потом тихомолком, промеж хат, да и махнуть в поле, как внезапно почувствовал на своем плече довольно крепкую руку.

Позади его стоял тот самый старый козак, который вчера так горько соболезновал о смерти отца и матери и о своем одиночестве.

„Напрасно ты думаешь, пан философ, улепетнуть из хутора!“ говорил он. „Тут не такое заведение, чтобы можно было убежать. Да и дороги для пешехода плохи; а ступай лучше к пану. Он ожидает тебя давно в светлице.“

„Пойдем! Что ж... Я с удовольствием“, сказал философ и отправился вслед за козаком.

Сотник, уже престарелый, с седыми усами и с выражением мрачной грусти, сидел перед столом в светлице, подперши обеими руками голову. Ему было около 50 лет; но глубокое уныние на лице и какой-то бледно-тощий цвет показывали, что душа его была убита и разрушена вдруг в одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навеки. Когда взошел Хома вместе с старым козаком, он отнял одну руку и слегка кивнул головою на низкий их поклон.

Хома и козак почтительно остановились у дверей.

„Кто ты, и откудова, и какого звания, добрый человек?“ сказал сотник ни ласково, ни сурово.

„Из бурсаков, философ Хома Брут.“

„А кто был твой отец?“

„Не знаю, вельможный пан.“

„А мать твоя?“

„И матери не знаю. По здравому рассуждению, конечно, была мать; но кто она и откуда, и когда жила — ей богу, добродию, не знаю.“

Сотник помолчал и, казалось, минуту оставался в задумчивости.

„Какже ты познакомился с моею дочкою?“

„Не знакомился, вельможный пан, ей богу, не знакомился. Еще никакого дела с панночками не имел, сколько ни живу на свете. Цурь им, чтобы не сказать непристойного.“

„Отчего же она не другому кому, а тебе именно назначила читать?“

Философ пожал плечами: „Бог его знает, как это растолковать. Известное уже дело, что панам подчас захочется такого, чего и самый наиграмотнейший человек не разберет; и пословица говорит: „Скачи, враже, як пан каже!“

„Да не врешь ли ты, пан философ?“

„Вот на этом самом месте пусть громом так и хлопнет, если лгу.“

„Если бы только минуточкой долее прожила ты“, грустно сказал сотник: „то верно бы я узнал всё. „Никому не давай читать по мне, но пошли, тату, сей же час в киевскую семинарию и привези бурсака Хому Брута. Пусть три ночи молится по грешной душе моей. Он знает...“ А что такое знает, я уже не услышал. Она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человек, верно, известен святою жизнию своею и богоугодными делами, и она, может быть, наслышалась о тебе.“

„Кто? я?“ сказал бурсак, отступивши от изумления: „я святой жизни?“ произнес он, посмотрев прямо в глаза сотнику. „Бог с вами, пан! Что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходил к булочнице против самого страстного четверга.“

„Ну... верно, уже не даром так назначено. Ты должен с сего же дня начать свое дело.“

„Я бы сказал на это вашей милости... оно конечно, всякий человек, вразумленный святому писанию, может по соразмерности... только сюда приличнее бы требовалось дьякона или по крайней мере дьяка. Они народ толковый и знают, как всё это уже делается; а я... Да у меня и голос не такой, и сам я — чорт знает что. Никакого виду с меня нет.“

„Уж как ты себе хочешь, только я всё, что завещала мне моя голубка, исполню, ничего не пожалея. И когда ты с сего дня три ночи совершишь, как следует, над нею молитвы, то я награжу тебя; а не то — и самому чорту не советую рассердить меня.“

Последние слова произнесены были сотником так крепко, что философ понял вполне их значение.

„Ступай за мною!“ сказал он.

Они вышли в сени. Сотник отворил дверь в другую светлицу, бывшую насупротив первой. Философ остановился на минуту в сенях высморкаться и с каким-то безотчетным страхом переступил через порог. Весь пол был устлан красною китайкой. В углу, под образами, на высоком столе лежало тело умершей, на одеяле из синего бархата, убранном золотою бахромою и кистями. Высокие восковые свечи, увитые калиною, стояли в ногах и в головах, изливая свой мутный, терявшийся в дневном сиянии, свет. Лицо умершей было заслонено от него неутешным отцом, который сидел перед нею обращенный спиною к дверям. Философа поразили слова, которые он услышал:

„Я не о том жалею, моя наймилейшая мне дочь, что ты во цвете лет своих, не дожив положенного века, на печаль и горесть мне оставила землю. Я о том жалею, моя голубонька, что не знаю того, кто был, лютый враг мой, причиною твоей смерти. И если бы я знал, кто мог подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказал что-нибудь неприятное о тебе, то, клянусь богом, не увидел бы он больше своих детей, если только он так же стар, как и я; ни своего отца и матери, если только он еще на поре лет, и тело его было бы выброшено на съедение птицам и зверям степным. — Но горе мне, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной век свой без потехи, утирая полою дробные слезы, текущие из старых очей моих, тогда как враг мой будет веселиться и втайне посмеиваться над хилым старцем.“ Он остановился, и при-

чиною этого была разрывающая горесть, разрешившаяся целым потопом слез.

Философ был тронут такою безутешной печалью. Он закашлял и издал глухое кректание, желая очистить им немного свой голос.

Сотник оборотился и указал ему место в головах умершей, перед небольшим налоем, на котором лежали книги.

„Три ночи как-нибудь отработаю“, подумал философ: „зато пан набьет мне оба кармана чистыми червонцами.“ Он приблизился и, еще раз откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого внимания на сторону и не решаясь взглянуть в лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Он заметил, что сотник вышел. Медленно поворотил он голову, чтобы взглянуть на умершую и...

Трепет побежал по его жилам; пред ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте. Она лежала как живая. Чело прекрасное, нежное как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечного дня, тонкие, ровные, горделиво приподнялись над закрытыми глазами, а ресницы, упавшие стрелами на щеки, пылавшие жаром тайных желаний; уста — рубины, готовые усмехнуться... Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно-пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню об угнетенном народе. Рубины уст ее, казалось, прикипали кровию к самому сердцу. Вдруг что-то страшно-знакомое показалось в лице ее. „Ведьма!“ вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы; это была та самая ведьма, которую убил он.

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли в церковь. Философ одним плечом своим поддерживал черный траурный гроб и чувствовал на плече своем что-то холодное

как лед. Сотник сам шел впереди, неся рукою правую сторону тесного дома умершей. Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мохом, с тремя конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения. Свечи были зажжены почти перед каждым образом. Гроб поставили посередине против самого алтаря. Старый сотник поцеловал еще раз умершую, повергнулся ниц и вышел вместе с носильщиками вон, дав повеление хорошенько накормить философа и после ужина проводить его в церковь. Пришедши в кухню, все несшие гроб начали прикладывать руки к печке, что обыкновенно делают малороссияне, увидевши мертвеца.

Голод, который в это время начал чувствовать философ, заставил его на несколько минут позабыть вовсе об умершей. Скоро вся дворня мало-по-малу начала сходиться в кухню. Кухня в сотниковом доме была что-то похожее на клуб, куда стекалось всё, что ни обитало во дворе, считая в это число и собак, приходивших с машущими хвостами к самым дверям за костями и помоями. Куда бы кто ни был посылаем и по какой бы то ни было надобности, он всегда прежде заходил на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавке и выкурить люльку. Все холостяки, жившие в доме, щеголявшие в козацких свитках, лежали здесь почти целый день на лавке, под лавкою, на печке, одним словом, где только можно было сыскать удобное место для лежанья. Притом всякий вечно позабывал в кухне или шапку, или кнут для чужих собак, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собрание бывало во время ужина, когда приходил и табунщик, успевший загнать своих лошадей в загон, и погонщик, приводивший коров для дойки, и все те, которых в течение дня нельзя было увидеть. За ужином болтовня овладевала самыми неговорливыми языками. Тут обыкновенно говорилось обо всем, и о том, кто пошил себе новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто

видел волка. Тут было множество бонмотистов, в которых между малороссиянами нет недостатка.

Философ уселся вместе с другими в обширный кружок на вольном воздухе перед порогом кухни. Скоро баба в красном очипке высунулась из дверей, держа в обеих руках горячий горшок с галушками, и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынул из кармана свою деревянную ложку, иные, за неимением, деревянную спичку. Как только уста стали двигаться немного медленнее и волчий голод всего этого собрания немного утишился, многие начали заговаривать. Разговор, натурально, должен был обратиться к умершей.

„Правда ли", сказал один молодой овчар, который насадил на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговиц и медных блях, что был похож на лавку мелкой торговки, „правда ли, что панночка, не тем будь помянута, зналась с нечистым?"

„Кто? панночка?" сказал Дорош, уже знакомый прежде нашему философу, „да она была целая ведьма! Я присягну, что ведьма!"

„Полно, полно, Дорош!" сказал другой, который во время дороги изъявлял большую готовность утешать... „Это не наше дело; бог с ним. Нечего об этом толковать." Но Дорош вовсе не был расположен молчать. Он только-что перед тем сходил в погреб вместе с ключником по какому-то нужному делу и, наклонившись раза два к двум или трем бочкам, вышел оттуда чрезвычайно веселый и говорил без умолку.

„Что ты хочешь? Чтобы я молчал?" сказал он. „Да она на мне самом ездила. Ей богу, ездила."

„А что, дядько", сказал молодой овчар с пуговицами: „можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?"

„Нельзя", отвечал Дорош. „Никак не узнаешь; хоть все псалтыри перечитай, то не узнаешь."

„Можно, можно, Дорош. Не говори этого", произнес прежний утешитель. „Уже бог не даром дал всякому

особый обычай. Люди, знающие науку, говорят, что у ведьмы есть маленький хвостик.“

„Когда стара баба, то и ведьма“, сказал хладнокровно седой козак.

„О, уж хороши и вы!“ подхватила баба, которая подливала в то время свежих галушек в очистившийся горшок, „настоящие толстые кабаны.“

Старый козак, которого имя было Явтух, а прозвание Ковтун, выразил на губах своих улыбку удовольствия, заметив, что слова его задели за живое старуху; а погонщик скотины пустил такой густой смех, как будто бы два быка, ставши один против другого, замычали разом.

Начавшийся разговор возбудил непреодолимое желание и любопытство философа узнать обстоятельнее про умершую сотникову дочь. И потому, желая опять навести его на прежнюю материю, обратился к соседу своему с такими словами: „Я хотел спросить, почему всё это сословие, что сидит за ужином, считает панночку ведьмою? Что ж, разве она кому-нибудь причинила зло или извела кого-нибудь?“

„Было всякого“, отвечал один из сидевших, с лицом гладким, чрезвычайно похожим на лопату.

„А кто не припомнит псаря Микиту, или того...“

„А что ж такое псарь Микита?“ сказал философ.

„Стой! я расскажу про псаря Микиту“, сказал Дорош.

„Я расскажу про Микиту“, отвечал табунщик: „потому что он был мой кум.“

„Я расскажу про Микиту“, сказал Спирид.

„Пускай, пускай Спирид расскажет!“ закричала толпа.

Спирид начал: „Ты, пан философ Хома, не знал Микиты: эх, какой редкий был человек. Собаку каждую он бывало так знает, как родного отца. Теперешний псарь Микола, что сидит третьим за мною, и в подметки ему не годится. Хотя он тоже разумеет свое дело, но он против него — дрянь, помои.“

„Ты хорошо рассказываешь, хорошо!“ сказал Дорош, одобрительно кивнув головою.

Спирид продолжал: „Зайца увидит скорее, чем табак утрешь из носу. Бывало свиснет: „а ну, Разбой! а ну, Быстрая!“ а сам на коня во всю прыть — и уже рассказать нельзя, кто кого скорее обгонит: он ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свиснет вдруг, как бы не бывало. Славный быль псарь! Только с недавнего времени начал он заглядываться беспрестанно на панночку. Вкляпался ли он точно в нее, или уже она так его околдовала, только пропал человек, обабился совсем; сделался чорт знает что; пфу! непристойно и сказать.“

„Хорошо“, сказал Дорош.

„Как только панночка, бывало, взглянет на него, то и повода из рук пускает, Разбоя зовет Бровком, спотыкается и ни весть что делает. Один раз панночка пришла на конюшню, где он чистил коня. Дай говорит, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А он дурень и рад тому: говорит, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку, и как увидел он ее нагую, полную и белую ножку, то, говорит, чара так и ошеломила его. Он, дурень, нагнул спину и, схвативши обеими руками за нагие ее ножки, пошел скакать, как конь, по всему полю, и куда они ездили, он ничего не мог сказать; только воротился едва живой, и с той поры иссохнул весь, как щепка; и когда раз пришли на конюшню, то вместо его лежала только куча золы, да пустое ведро: сгорел совсем; сгорел сам собою. А такой был псарь, какого на всем свете не можно найти.“

Когда Спирид окончил рассказ свой, со всех сторон пошли толки о достоинствах бывшего псаря.

„А про Шепчиху ты не слышал?“ сказал Дорош, обращаясь к Хоме.

„Нет.“

„Эге, ге, ге! Так у вас, в бурсе, видно, не слишком большому разуму учат. Ну, слушай: у нас есть на селе

козак Шептун. Хороший козак! Он любит иногда украсть и соврать без всякой нужды. Но... хороший козак. Его хата не так далеко отсюда. В такую самую пору, как мы теперь сели вечерять, Шептун с жинкою, окончивши вечерю, легли спать, и так как время было хорошее, то Шепчиха легла на дворе, а Шептун в хате на лавке; или нет: Шепчиха в хате на лавке, а Шептун на дворе...“

„И не на лавке, а на полу легла Шепчиха,“ подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорош поглядел на нее, потом поглядел вниз, потом опять на нее и, немного помолчав, сказал: „Когда скину с тебя при всех исподницу, то нехорошо будет.“ Это предостережение имело свое действие. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила речи.

Дорош продолжал: „А в люльке, висевшей среди хаты, лежало годовое дитя — не знаю, мужеского или женского пола. Шепчиха лежала, а потом слышит, что за дверью скребется собака и воет так, хоть из хаты беги. Она испугалась: ибо бабы такой глупый народ, что высунь ей под вечер из-за дверей язык, то и душа войдет в пятки. Однако ж думает, дай-ка я ударю по морде проклятую собаку, авось-либо перестанет выть — и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успела она немного отворить, как собака кинулась промеж ног ее и прямо к детской люльке. Шепчиха видит, что это уже не собака, а панночка. Да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она ее знала — это бы еще ничего; но вот вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, а глаза горели, как уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить из него кровь. Шепчиха только закричала: „Ох, лишечко!“ да из хаты. Только видит, что в сенях двери заперты. Она на чердак: сидит и дрожит глупая баба, а потом видит, что панночка к ней идет и на чердак; кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептун поутру вытащил оттуда свою жинку всю искусанную и посиневшую. А на другой день

и умерла глупая баба. Так вот какие устройства и обольщения бывают! Оно хоть и панского помету, да всё когда ведьма, то ведьма.“

После такого рассказа Дорош самодовольно оглянулся и засунул палец в свою трубку, приготовляя ее к набивке табаком. Материя о ведьме сделалась неисчерпаемою. Каждый в свою очередь спешил что-нибудь рассказать. К тому ведьма в виде скирды сена приехала к самым дверям хаты; у другого украла шапку или трубку; у многих девок на селе отрезала косу; у других выпила по нескольку ведер крови.

Наконец вся компания опомнилась и увидела, что заболталась уже чересчур, потому что уже на дворе была совершенная ночь. Все начали разбродиться по ночлегам, находившимся или на кухне, или в сараях, или среди двора.

„А ну, пан Хома! теперь и нам пора итти к покойнице“, сказал седой козак, обратившись к философу, и все четверо, в том числе Спирид и Дорош, отправились в церковь, стегая кнутами собак, которых на улице было великое множество и которые со злости грызли их палки. Философ, несмотря на то, что успел подкрепить себя доброю кружкою горелки, чувствовал втайне подступавшую робость по мере того, как они приближались к освещенной церкви. Рассказы и странные истории, слышанные им, помогали еще более действовать его воображению. Мрак под тыном и деревьями начинал редеть; место становилось обнаженнее. Они вступили наконец за ветхую церковную ограду в небольшой дворик, за которым не было ни деревца и открывалось одно пустое поле, да поглощенные ночным мраком луга. Три козака взошли вместе с Хомою по крутой лестнице на крыльцо и вступили в церковь. Здесь они оставили философа, пожелав ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за ним дверь, по приказанию пана.

Философ остался один. Сначала он зевнул, потом потянулся, потом фукнул в обе руки и наконец уже обсмотрелся.

Посредине стоял черный гроб. Свечи теплились пред темными образами. Свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви. Отдаленые углы притвора были закутаны мраком. Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами. Позолота в одном месте опала, в другом вовсе почернела; лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно. Философ еще раз обсмотрелся. „Что ж“, сказал он: „чего тут бояться? Человек притти сюда не может, а от мертвецов и выходцев из того света есть у меня молитвы, такие, что как прочитаю, то они меня и пальцем не тронут. Ничего!“ повторил он, махнув рукою: „будем читать.“ Подходя к крылосу, увидел он несколько связок свечей. „Это хорошо“, подумал философ: „нужно осветить всю церковь, так, чтобы видно было, как днем. Эх жаль, что во храме божием не можно люльки выкурить!“ И он принялся прилепливать восковые свечи ко всем карнизам, налоям и образам, не жалея их ни мало, и скоро вся церковь наполнилась светом. Вверху только мрак сделался как будто сильнее, и мрачные образа глядели угрюмей из старинных резных рам, кое-где сверкавших позолотой. Он подошел ко гробу, с робостию посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрогнувши, своих глаз:

Такая страшная, сверкающая красота!

Он отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному поперечивающему себе чувству, не оставляющему человека, особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз. В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною. Может быть, даже она не поразила бы таким паническим ужасом, если бы была несколько безобразнее. Но в ее чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего. Оно было живо, и философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми

глазами. Ему даже показалось, как будто из-под ресницы правого глаза ее покатилась слеза, и когда она остановилась на щеке, то он различил ясно, что это была капля крови.

Он поспешно отошел к крылосу, развернул книгу и, чтобы более ободрить себя, начал читать самым громким голосом. Голос его поразил церковные деревянные стены, давно молчаливые и оглохлые. Одиноко, без эха, сыпался он густым басом в совершенно мертвой тишине и казался несколько диким даже самому чтецу. „Чего бояться?“ думал он между тем сам про себя. „Ведь она не встанет из своего гроба, потому что побоится божьего слова. Пусть лежит! Да и что я за козак, когда бы устрашился. Ну, выпил лишнее — оттого и показывается страшно. А понюхать табаку: эх добрый табак! Славный табак! Хороший табак!“ Однако же, перелистывая каждую страницу, он посматривал искоса на гроб, и невольное чувство, казалось, шептало ему: вот, вот встанет! вот поднимется, вот выглянет из гроба!

Но тишина была мертвая. Гроб стоял неподвижно. Свечи лили целый потоп света. Страшна освещенная церковь ночью, с мертвым телом и без души людей.

Возвыся голос, он начал петь на разные голоса, желая заглушить остатки боязни. Но через каждую минуту обращал глаза свои на гроб, как будто бы задавая невольный вопрос: „Что, если подымется, если встанет она?“

Но гроб не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звук, какое-нибудь живое существо, даже сверчок отозвался в углу... Чуть только слышался легкий треск какой-нибудь отдаленной свечки, или слабый, слегка хлопнувший, звук восковой капли, падавшей на пол.

„Ну, если подымется?..“

Она приподняла голову...

Он дико взглянул и протер глаза. Но она точно уже не лежит, а сидит в своем гробе. Он отвел глаза свои и опять с ужасом обратил на гроб. Она встала... идет по церкви

с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь.

Она идет прямо к нему. В страхе очертил он около себя круг. С усилием начал читать молитвы и произносить заклинания, которым научил его один монах, видевший всю жизнь свою ведьм и нечистых духов.

Она стала почти на самой черте; но видно было, что не имела сил переступить ее, и вся посинела, как человек, уже несколько дней умерший. Хома не имел духа взглянуть на нее. Она была страшна. Она ударила зубами в зубы и открыла мертвые глаза свои. Но не видя ничего, с бешенством — что выразило ее задрожавшее лицо — обратилась в другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столп и угол, стараясь поймать Хому. Наконец остановилась, погрозив пальцем, и легла в свой гроб.

Философ всё еще не мог притти в себя и со страхом поглядывал на это тесное жилище ведьмы. Наконец гроб вдруг сорвался с своего места и со свистом начал летать по всей церкви, крестя во всех направлениях воздух. Философ видел его почти над головою, но вместе с тем видел, что он не мог зацепить круга, им очерченного, и усилил свои заклинания. Гроб грянулся на средине церкви и остался неподвижным. Труп опять поднялся из него синий, позеленевший. Но в то время послышался отдаленный крик петуха. Труп опустился в гроб и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось, и пот катился градом; но, ободренный петушьим криком, он дочитывал быстрее листы, которые должен был прочесть прежде. При первой заре пришли сменить его: дьячок и седой Явтух, который на тот раз отправлял должность церковного старосты.

Пришедши на отдаленный ночлег, философ долго не мог заснуть, но усталость одолела, и он проспал до обеда. Когда он проснулся, все ночное событие казалось ему происходившим во сне. Ему дали для подкрепления сил кварту горелки. За обедом он скоро развязался, присовокупил

кое к чему замечания и съел почти один довольно старого поросенка; но однако же о своем событии в церкви он не решался говорить по какому-то безотчетному для него самого чувству, и на вопросы любопытных отвечал: „да, были всякие чудеса.“ Философ был одним из числа тех людей, которых если накормят, то у них пробуждается необыкновенная филантропия. Он, лежа с своей трубкой в зубах, глядел на всех необыкновенно сладкими глазами и беспрерывно поплевывал в сторону.

После обеда философ был совершенно в духе. Он успел обходить всё селение, перезнакомиться почти со всеми; из двух хат его даже выгнали; одна смазливая молодка хватила его порядочно лопатой по спине, когда он вздумал было пощупать и полюбопытствовать, из какой материи у нее была сорочка и плахта. Но чем более время близилось к вечеру, тем задумчивее становился философ. За час до ужина вся почти дворня собиралась играть в кашу, или в крагли, род кеглей, где вместо шаров употребляются длинные палки, и выигравший имел право проезжаться на другом верхом. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщик, широкий как блин, взлезал верхом на свиного пастуха, тщедушного, низенького, всего состоявшего из морщин. В другой раз погонщик подставлял свою спину, и Дорош, вскочивши на нее, всегда говорил: „экой здоровый бык!“ У порога кухни сидели те, которые были посолиднее. Они глядели чрезвычайно сурьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь от души смеялась какому-нибудь острому слову погонщика или Спирида. Хома напрасно старался вмешаться в эту игру: какая-то темная мысль, как гвоздь, сидела в его голове. За вечерей сколько ни старался он развеселить себя, но страх загорался в нем вместе с тьмою, распростиравшеюся по небу.

„А ну, пора нам, пан бурсак!“ сказал ему знакомый седой козак, подымаясь с места вместе с Дорошем „пойдем

на работу.“ Хому опять таким же самым образом отвели в церковь; опять оставили его одного и заперли за ним дверь. Как только он остался один, робость начала внедряться снова в его грудь. Он опять увидел темные образа, блестящие рамы и знакомый черный гроб, стоявший в угрожающей тишине и неподвижности среди церкви.

„Что же,“ произнес он: „теперь ведь мне не в диковинку это диво. Оно с первого разу только страшно. Да! оно только с первого разу немного страшно, а там оно уже не страшно; оно уже совсем не страшно.“

Он поспешно стал на крылос, очертил около себя круг, произнес несколько заклинаний и начал читать громко, решаясь не подымать с книги своих глаз и не обращать внимания ни на что. Уже около часу читал он и начинал несколько уставать и покашливать. Он вынул из кармана рожок и, прежде нежели поднес табак к носу, робко повел глазами на гроб. Сердце его захолонуло.

Труп уже стоял перед ним на самой черте и вперил на него мертвые, позеленевшие глаза. Бурсак содрогнулся, и холод чувствительно пробежал по всем его жилам. Потупив очи в книгу, стал он читать громче свои молитвы и заклятья и слышал, как труп опять ударил зубами и замахал руками, желая схватить его. Но, покосивши слегка одним глазом, увидел он, что труп не там ловил его, где стоял он, и, как видно, не мог видеть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшные слова; хрипло всхлипывали они, как клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не мог бы сказать он, но что-то страшное в них заключалось. Философ в страхе понял, что она творила заклинания. Ветер пошел по церкви от слов, и послышался шум, как бы от множества летящих крыл. Он слышал, как бились крыльями в стекла церковных окон и в железные рамы, как царапали с визгом когтями по железу, и как несметная сила громила в двери и хотела вломиться. Сильно у него билось во всё время сердце;

зажмурив глаза, всё читал он заклятья и молитвы. Наконец вдруг что-то засвистало вдали; это был отдаленный крик петуха. Изнуренный философ остановился и отдохнул духом.

Вошедшие сменить философа нашли его едва жива. Он оперся спиною в стену и, выпучив глаза, глядел неподвижно на толкавших его козаков. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панский двор, он встряхнулся и велел себе подать кварту горелки. Выпивши ее, он пригладил на голове своей волосы и сказал: „Много на свете всякой дряни водится. А страхи такие случаются — ну...“ При этом философ махнул рукою.

Собравшийся возле него кружок потупил голову, услышав такие слова. Даже небольшой мальчишка, которого вся дворня почитала в праве уполномочивать вместо себя, когда дело шло к тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этот бедный мальчишка тоже разинул рот.

В это время проходила мимо еще не совсем пожилая бабенка в плотно обтянутой запаске, выказывавшей ее круглый и крепкий стан, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь пришпилить к своему очипку: или кусок ленточки, или гвоздику, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

„Здравствуй, Хома!“ сказала она, увидев философа „Ай, ай, ай! что это с тобою?“ вскричала она, всплеснув руками.

„Как что, глупая баба.“

„Ах, боже мой! Да ты весь поседел.“

„Эге, ге! Да она правду говорит!“ произнес Спирид, всматриваясь в него пристально. „Ты, точно, поседел, как наш старый Явтух.“

Философ, услышавши это, побежал опрометью в кухню, где он заметил прилепленный к стене, обпачканный мухами треугольный кусок зеркала, перед которым были натыканы незабудки, барвинки и даже гирлянда из нагидок, показывавшие назначение его для туалета щеголеватой кокетки.

Он с ужасом увидел истину их слов: половина волос его точно побелела.

Повесил голову Хома Брут и предался размышлению. „Пойду к пану“, сказал он наконец: „расскажу ему всё и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляет меня сей же час в Киев.“ В таких мыслях направил он путь свой к крыльцу панского дома.

Сотник сидел почти неподвижен в своей светлице; та же самая безнадежная печаль, какую он встретил прежде на его лице, сохранялась в нем и доныне. Щеки его опали только гораздо более прежнего. Заметно было, что он очень мало употреблял пищи, или, может быть, даже вовсе не касался ее. Необыкновенная бледность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

„Здравствуй, небоже“, произнес он, увидев Хому, остановившегося с шапкою в руках у дверей. „Что, как идет у тебя? Всё благополучно?“

„Благополучно-то, благополучно. Такая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетывай куда ноги несут.“

„Как так?“

„Да ваша, пан, дочка... По здравому рассуждению, она, конечно, есть панского роду; в том никто не станет прекословить; только не во гнев будь сказано, упокой бог ее душу...“

„Что же дочка?“

„Припустила к себе сатану. Такие страхи задает, что никакое писание не учитывается.“

„Читай, читай! Она не даром призвала тебя. Она заботилась, голубонька моя, о душе своей и хотела молитвами изгнать всякое дурное помышление.“

„Власть ваша, пан: ей богу, не в моготу!“

„Читай, читай!“ продолжал тем же увещательным голосом сотник. „Тебе одна ночь теперь осталась. Ты сделаешь христианское дело, и я награжу тебя.“

„Да какие бы ни были награды... Как ты себе хочь, пан, а я не буду читать!“ произнес Хома решительно.

„Слушай, философ!“ сказал сотник, и голос его сделался крепок и грозен: „я не люблю этих выдумок. Ты можешь это делать в вашей бурсе. А у меня не так: я уже как отдеру, так не то, что ректор. Знаешь ли ты, что такое хорошие кожаные канчуки?“

„Как не знать!“ сказал философ, понизив голос. „Всякому известно, что такое кожаные канчуки: при большом количестве вещь нестерпимая.“

„Да. Только ты не знаешь еще, как хлопцы мои умеют парить!“ сказал сотник грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирепое выражение, обнаружившее весь необузданный его характер, усыпленный только на время горестью. „У меня прежде выпарят, потом вспрыснут горелкою, а после опять. Ступай, ступай! исправляй свое дело! Не исправишь — не встанешь; а исправишь — тысяча червонных!“

„Ого, го! да это хват“, подумал философ, выходя. „С этим нечего шутить. Стой, стой, приятель: я так навострю лыжи, что ты с своими собаками не угонишься за мною.“

И Хома положил непременно бежать. Он выжидал только послеобеденного часу, когда вся дворня имела обыкновение забираться в сено под сараями и, открывши рот, испускать такой храп и свист, что панское подворье делалось похожим на фабрику. Это время наконец настало. Даже и Явтух зажмурил глаза, растянувшись перед солнцем. Философ со страхом и дрожью отправился потихоньку в панский сад, откуда ему казалось удобнее и незаметнее было бежать в поле. Этот сад, по обыкновению, был страшно запущен и стало быть чрезвычайно способствовал всякому тайному предприятию. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, всё прочее было скрыто разросшимися вишнями, бузиною, лопухом, просунувшим на самый верх свои высокие стебли с цепкими

розовыми шишками. Хмель покрывал, как будто сетью, вершину всего этого пестрого собрания дерев и кустарников и составлял над ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую с него вьющимися змеями вместе с дикими полевыми колокольчиками. За плетнем, служившим границею сада, шел целый лес бурьяна, в который, казалось, никто не любопытствовал заглядывать, и коса разлетелась бы вдребезги, если бы захотела коснуться лезвеем своим одеревяневших толстых стеблей его. Когда философ хотел перешагнуть плетень, зубы его стучали и сердце так сильно билось, что он сам испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала к земле, как будто ее кто приколотил гвоздем. Когда он переступал плетень, ему казалось с оглушительным свистом трещал в уши какой-то голос: „Куда, куда?“ Философ юркнул в бурьян и пустился бежать, беспрестанно оступаясь о старые корни и давя ногами своими кротов. Он видел, что ему, выбравшись из бурьяна, стоило перебежать поле, за которым чернел густой терновник, где он считал себя безопасным, и, пройдя который, он по предположению своему думал встретить дорогу прямо в Киев. Поле он перебежал вдруг и очутился в густом терновнике. Сквозь терновник он пролез, оставив, вместо пошлины, куски своего сюртука на каждом остром шипе, и очутился на небольшой лощине. Верба разделившимися ветвями преклонялась инде почти до самой земли. Небольшой источник сверкал чистый, как серебро. Первое дело философа было прилечь и напиться, потому что он чувствовал жажду нестерпимую. „Добрая вода!“ сказал он, утирая губы. „Тут бы можно отдохнуть.“

„Нет, лучше побежим вперед: неравно будет погоня!“

Эти слова раздались у него над ушами. Он оглянулся: перед ним стоял Явтух.

„Чортов Явтух!“ подумал в сердцах про себя философ. „Я бы взял тебя, да за ноги... И мерзкую рожу твою и всё, что ни есть на тебе, побил бы дубовым бревном.“

„Напрасно дал ты такой крюк“, продолжал Явтух: „гораздо лучше выбрать ту дорогу, по какой шел я: прямо мимо конюшни. Да притом и сюртука жаль. А сукно хорошее. Почем платил за аршин? Однако ж погуляли довольно: пора и домой.“

Философ, почесываясь, побрел за Явтухом. „Теперь проклятая ведьма задаст мне пфейферу!“ подумал он. „Да впрочем, что я в самом деле? Чего боюсь? Разве я не козак? Ведь читал же две ночи, поможет бог и третью. Видно, проклятая ведьма порядочно грехов наделала, что нечистая сила так за нее стоит.“ Такие размышления занимали его, когда он вступал на панский двор. Ободривши себя такими замечаниями, он упросил Дороша, который посредством протекции ключника имел иногда вход в панские погреба, вытащить сулею сивухи, и оба приятеля, севши под сараем, вытянули немного не полведра, так что философ, вдруг поднявшись на ноги, закричал: „Музыкантов! непременно музыкантов!“ и, не дождавшись музыкантов, пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака. Он танцовал до тех пор, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, как водится в таких случаях, в кружок, наконец плюнула и пошла прочь, сказавши: „Вот это как долго танцует человек!“ Наконец философ тут же лег спать, и добрый ушат холодной воды мог только пробудить его к ужину. За ужином он говорил о том, что такое козак, и что он не должен бояться ничего на свете.

„Пора“, сказал Явтух: „пойдем.“

„Спичка тебе в язык, проклятый кнур!“ подумал философ и, встав на ноги, сказал: „Пойдем.“

Идя дорогою, философ беспрестанно поглядывал по сторонам и слегка заговаривал с своими провожатыми. Но Явтух молчал; сам Дорош был неразговорчив. Ночь была адская. Волки выли вдали целою стаей. И самый лай собачий был как-то страшен.

„Кажется, как будто что-то другое воет: это не волк“, сказал Дорош. Явтух молчал. Философ не нашелся сказать ничего.

Они приближились к церкве и вступили под ее ветхие деревянные своды, показывавшие, как мало заботился владетель поместья о боге и о душе своей. Явтух и Дорош, попрежнему, удалились, и философ остался один. Всё было так же. Всё было в том же самом грозно-знакомом виде. Он на минуту остановился. По середине всё так же неподвижно стоял гроб ужасной ведьмы: „Не побоюсь, ей богу не побоюсь!“ сказал он и, очертивши попрежнему около себя круг, начал припоминать все свои заклинания. Тишина была страшная: свечи трепетали и обливали светом всю церковь. Философ перевернул один лист, потом перевернул другой и заметил, что он читает совсем не то, что писано в книге. Со страхом перекрестился он и начал петь. Это несколько ободрило его: чтение пошло вперед, и листы мелькали один за другим. Вдруг... среди тишины... с треском лопнула железная крышка гроба, и поднялся мертвец. Еще страшнее был он, чем в первый раз. Зубы его страшно ударялись ряд о ряд, в судорогах задергались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинания. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стекла окошек. Двери сорвались с петлей, и несметная сила чудовищ влетела в божью церковь. Страшный шум от крыл и от царапанья когтей наполнил всю церковь. Всё летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышел из головы последний остаток хмеля. Он только крестился, да читал, как попало, молитвы. И в то же время слышал, как нечистая сила металась вокруг его, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов. Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного

вверх брови. Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря, с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками. Все глядели на него, искали и не могли увидеть его, окруженного таинственным кругом. „Приведите Вия! ступайте за Вием!“ раздались слова мертвеца. И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его, засыпанные землею, ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо было на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

„Подымите мне веки: не вижу!“ сказал подземным голосом Вий — и всё сонмище кинулось подымать ему веки. „Не гляди!“ шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он, и глянул.

„Вот он!“ закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха. Раздался петуший крик. Это был уже второй крик; первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах. Вошедший священник остановился при виде такого посрамленья божьей святыни, и не посмел служить панихиду в таком месте. Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги.

Когда слухи об этом дошли до Киева, и богослов Халява услышал наконец о такой участи философа Хомы, то предался целый час раздумью. С ним в продолжение того времени произошли большие перемены. Счастие ему улыбнулось: по окончании курса наук его сделали звонарем самой высокой колокольни, и он всегда почти являлся с разбитым носом, потому что деревянная лестница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сделана.

„Ты слышал, что случилось с Хомою?“ сказал, подошедши к нему, Тиберий Горобець, который в то время был уже философ и носил свежие усы.

„Так ему бог дал“, сказал звонарь Халява. „Пойдем в шинок, да помянем его душу!“

Молодой философ, который с жаром энтузиаста начал пользоваться своими правами так, что на нем и шаровары, и сюртук, и даже шапка отзывались спиртом и табачными корешками, в ту же минуту изъявил готовность.

„Славный был человек Хома!“ сказал звонарь, когда хромой шинкарь поставил перед ним третью кружку. „Знатный был человек! А пропал ни за что.“

„А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать. Нужно только перекрестившись плюнуть на самый хвост ей, то и ничего не будет. Я знаю уже всё это. Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре — все ведьмы.“

На это звонарь кивнул головою в знак согласия. Но, заметивши, что язык его не мог произнести ни одного слова, он осторожно встал из-за стола и, пошатываясь на обе стороны, пошел спрятаться в самое отдаленное место в бурьяне. Причем не позабыл, по прежней привычке своей, утащить старую подошву от сапога, валявшуюся на лавке.

ПОВЕСТЬ
О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ

Долгом почитаю предуведомить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом оно совершенная выдумка. Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла, и все сановники: судья, подсудок и городничий люди почтенные и благонамеренные.

ГЛАВА I

ИВАН ИВАНОВИЧ И ИВАН НИКИФОРОВИЧ.

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните ради бога на них, особенно если он станет с кем нибудь говорить, взгляните с боку: что это за объядение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекеши! Он сшил ее тогда еще, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя. Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда сделается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом и глядит, что делается во дворе и на улице. Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно — так ветви и врываются в комнату. Это всё перед домом; а посмотрели бы, что́ у него в саду! Чего там нет? Сливы, вишни, черешни, огородина всякая,

подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница. Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку, и начнет кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: сия дыня съедена такого-то числа. Если при этом был какой-нибудь гость, то: участвовал такой-то. Покойный судья миргородский всегда любовался, глядя на дом Ивана Ивановича. Да, домишко очень не дурен. Мне нравится, что к нему со всех сторон пристроены сени и сенички, так что если взглянуть на него издали, то видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походит на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, нарастающие на дереве. Впрочем, крыши все крыты очеретом; ива, дуб и две яблони облокотились на них своими раскидистыми ветвями. Промеж дерев мелькают и выбегают даже на улицу небольшие окошки с резными выбеленными ставнями. Прекрасный человек Иван Иванович! Его знает и комиссар полтавский! Дорош Тарасович Пухивочка, когда едет из Хорола, то всегда заезжает к нему. А протопоп отец Петр, что живет в Колиберде, когда соберется у него человек пяток гостей, всегда говорит, что он никого не знает, кто бы так исполнял долг христианский и умел жить, как Иван Иванович. Боже, как летит время! уже тогда прошло более десяти лет, как он овдовел. Детей у него не было. У Гапки есть дети и бегают часто по двору. Иван Иванович всегда дает каждому из них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носит ключи от комор и погребов; от большого же сундука, что стоит в его спальне, и от средней коморы ключ Иван Иванович держит у себя и не любит никого туда пускать. Гапка, девка здоровая, ходит в *запаске*, с свежими икрами и щеками. А какой богомоль-

ный человек Иван Иванович! Каждый воскресный день надевает он бекешу и идет в церковь. Взошедши в нее, Иван Иванович, раскланявшись на все стороны, обыкновенно помещается на крылосе и очень хорошо подтягивает басом. Когда же окончится служба, Иван Иванович никак не утерпит, чтоб не обойти всех нищих. Он бы может быть и не хотел заняться таким скучным делом, если бы не побуждала его к тому природная доброта. „Здорово, небого!“ * обыкновенно говорил он, отыскавши самую искалеченную бабу, в изодранном, сшитом из заплат платье. „Откуда ты, бедная?“—„Я, паночку, из хутора пришла: третий день, как не пила, не ела, выгнали меня собственные дети.“—„Бедная головушка, чего ж ты пришла сюда?“—„А так, паночку, милостыни просить, не даст ли кто-нибудь хоть на хлеб.“—„Гм! что ж тебе разве хочется хлеба?“ обыкновенно спрашивал Иван Иванович.—„Как не хотеть! голодна, как собака.“—„Гм!“ отвечал обыкновенно Иван Иванович: „так тебе может и мяса хочется?“—„Да всё, что милость ваша даст, всем буду довольна.“—„Гм! разве мясо лучше хлеба?“—„Где уж голодному разбирать. Всё, что пожалуете, всё хорошо.“ При этом старуха обыкновенно протягивала руку. „Ну, ступай же с богом“, говорил Иван Иванович. „Чего ж ты стоишь? ведь я тебя не бью!“ и обратившись с такими расспросами к другому, к третьему, наконец возвращается домой, или заходит выпить рюмку водки к соседу Ивану Никифоровичу, или к судье, или к городничему. Иван Иванович очень любит, если ему кто-нибудь сделает подарок или гостинец. Это ему очень нравится.

Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они такие между собою приятели, каких свет не производил. Антон Прокофьевич Пупопуз, который до сих пор еще ходит в коричневом сюртуке с голубыми рукавами и обедает по воскресным

---

* Бедная.

дням у судьи, обыкновенно говорил, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам чорт связал веревочкой. Куда один, туда и другой плетется. Иван Никифорович никогда не был женат. Хотя проговаривали, что он женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича, и могу сказать, что он даже не имел намерения жениться. Откуда выходят все эти сплетни? так как пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назади. Но эта выдумка так нелепа и вместе гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужным опровергать пред просвещенными читателями, которым без всякого сомнения известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назади хвост, которые впрочем принадлежат более к женскому полу, нежели к мужескому. Несмотря на большую приязнь, эти редкие друзья не совсем были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры их из сравнения: Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке. Слушаешь, слушаешь — и голову повесишь. Приятно! чрезвычайно приятно! как сон после купанья. Иван Никифорович, напротив, больше молчит, но зато если влепит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы. Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх. Иван Иванович только после обеда лежит в одной рубашке под навесом; ввечеру же надевает бекешу и идет куда-нибудь, или к городовому магазину, куда он поставляет муку, или в поле ловить перепелов. Иван Никифорович лежит весь день на крыльце; если не слишком жаркий день, то обыкновенно выставив спину на солнце, и никуда не хочет итти. Если вздумается утром, то пройдет по двору,

осмотрит хозяйство, и опять на покой. В прежние времена зайдет бывало к Ивану Ивановичу. Иван Иванович чрезвычайно тонкий человек и в порядочном разговоре никогда не скажет неприличного слова и тотчас обидится, если услышит его. Иван Никифорович иногда не обережется; тогда обыкновенно Иван Иванович встает с места и говорит: „Довольно, довольно, Иван Никифорович; лучше скорее на солнце, чем говорить такие богопротивные слова.“ Иван Иванович очень сердится, если ему попадется в борщ муха: он тогда выходит из себя и тарелку кинет, и хозяину достанется. Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе. Иван Иванович бреет бороду в неделю два раза; Иван Никифорович один раз. Иван Иванович чрезвычайно любопытен. Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему рассказывать, да не доскажешь! Если ж чем бывает недоволен, то тотчас дает заметить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволен ли он, или сердит; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажет. Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением. У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табашного цвета и рот несколько похож на букву *ижицу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькие, желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щек, и нос в виде спелой сливы. Иван Иванович если попотчивает вас табаком, то всегда наперед лизнет языком крышку табакерки, потом щелкнет по ней пальцем и, поднесши, скажет, если вы с ним знакомы: „Смею ли просить, государь мой, об одолжении?“ если же незнакомы, то: „Смею ли просить, государь мой, не имея чести знать чина, имени и отечества, об одолжении?“ Иван же Никифорович дает вам прямо в руки рожок свой и прибавит

только: „одолжайтесь.“ Как Иван Иванович, так и Иван Никифорович очень не любят блох; и оттого ни Иван Иванович, ни Иван Никифорович никак не пропустят жида с товарами, чтобы не купить у него элексира в разных баночках против этих насекомых, выбранив наперед его хорошенько за то, что он исповедует еврейскую веру.

Впрочем, несмотря на некоторые несходства, как Иван Иванович, так и Иван Никифорович прекрасные люди.

ГЛАВА II

ИЗ КОТОРОЙ МОЖНО УЗНАТЬ, ЧЕГО ЗАХОТЕЛОСЬ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ, О ЧЕМ ПРОИСХОДИЛ РАЗГОВОР МЕЖДУ ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ И ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ, И ЧЕМ ОН ОКОНЧИЛСЯ.

Утром, это было в июле месяце, Иван Иванович лежал под навесом. День был жарок, воздух сух и переливался струями. Иван Иванович успел уже побывать за городом у косарей и на хуторе, успел расспросить встретившихся мужиков и баб, откуда, куда и почему; уходился страх и прилег отдохнуть. Лежа, он долго оглядывал коморы, двор, сараи, кур, бегавших по двору, и думал про себя: „Господи, боже мой, какой я хозяин! Чего у меня нет? Птицы, строение, амбары, всякая прихоть, водка перегонная настоянная; в саду груши, сливы; в огороде мак, капуста, горох... Чего ж еще нет у меня?.. Хотел бы я знать, чего нет у меня?“ Задавши себе такой глубокомысленный вопрос, Иван Иванович задумался; а между тем глаза его отыскали новые предметы, перешагнули чрез забор в двор Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытным зрелищем. Тощая баба выносила по-порядку залежалое платье и развешивала его на протянутой веревке выветри-

вать. Скоро старый мундир с изношенными обшлагами протянул на воздух рукава и обнимал парчевую кофту, за ним высунулся дворянский с гербовыми пуговицами, с отъеденным воротником, белые казимировые панталоны с пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть разве на его пальцы. За ними скоро повисли другие в виде буквы Л. Потом синий казацкий бешмет, который шил себе Иван Никифорович назад тому лет двадцать, когда готовился было вступить в милицию и отпустил было уже усы. Наконец, одно к одному, выставилась шпага, походившая на шпиц, торчавший в воздухе. Потом завертелись фалды чего-то похожего на кафтан травяно-зеленого цвета, с медными пуговицами, величиною в пятак. Из-за фалд выглянул жилет, обложенный золотым позументом, с большим вырезом напереди. Жилет скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, с карманами, в которые можно было положить по арбузу. Всё, мешаясь вместе, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрелище, между тем как лучи солнца, охватывая местами синий или зеленый рукав, красный обшлаг или часть золотой парчи, или играя на шпажном шпице, делали его чем-то необыкновенным, похожим на тот вертеп, который развозят по хуторам кочующие пройдохи. Особливо когда толпа народа, тесно сдвинувшись, глядит на царя Ирода в золотой короне, или на Антона, ведущего козу; за вертепом визжит скрыпка; цыган брянчит руками по губам своим вместо барабана, а солнце заходит, и свежий холод южной ночи незаметно прижимается сильнее к свежим плечам и грудям полных хуторянок. Скоро старуха вылезла из кладовой, кряхтя и таща на себе старинное седло с оборванными стременами, с истертыми кожаными чехлами для пистолетов, с чепраком когда-то алого цвета, с золотым шитьем и медными бляхами. „Вот глупая баба!“ подумал Иван Иванович: „она еще вытащит и самого Ивана Никифоровича проветривать!“ И точно: Иван Иванович не

совсем ошибся в своей догадке. Минут через пять воздвигнулись нанковые шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. После этого она вынесла еще шапку и ружье. „Что ж это значит!“ подумал Иван Иванович: „я не видел никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что ж это он? стрелять не стреляет, а ружье держит! На что ж оно ему? А вещица славная! Я давно себе хотел достать такое. Мне очень хочется иметь это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецом. Эй, баба, баба!“ закричал Иван Иванович, кивая пальцем.

Старуха подошла к забору.

„Чтó это у тебя, бабуся, такое?“

„Видите сами, ружье.“

„Какое ружье?“

„Кто его знает, какое! Если б оно было мое, то я, может быть, и знала бы, из чего оно сделано. Но оно панское.“

Иван Иванович встал, и начал рассматривать ружье со всех сторон, и позабыл дать выговор старухе за то, что повесила его вместе с шпагою проветривать.

„Оно, должно думать, железное“, продолжала старуха.

„Гм! железное. Отчего ж оно железное?“ говорил про себя Иван Иванович. „А давно ли оно у пана?“

„Может быть, и давно.“

„Хорошая вещица!“ продолжал Иван Иванович: „я выпрошу его. Что ему делать с ним! или променяюсь на что-нибудь. Что, бабуся, дома пан?“

„Дома.“

„Что он? лежит?“

„Лежит.“

„Ну, хорошо; я приду к нему.“

Иван Иванович оделся, взял в руки суковатую палку от собак, потому что в Миргороде гораздо более их попадается на улице, нежели людей, и пошел.

Двор Ивана Никифоровича хотя был возле двора Ивана Ивановича и можно было перелезть из одного в другой

через плетень, однако ж Иван Иванович пошел улицею. С этой улицы нужно было перейти в переулок, который был так узок, что если случалось встретиться в нем двум повозкам в одну лошадь, то они уже не могли разъехаться и оставались в таком положении до тех пор, покамест, схвативши за задние колеса, не вытаскивали их каждую в противную сторону на улицу. Пешеход же убирался, как цветами, репейниками, росшими с обеих сторон возле забора. На этот переулок выходили с одной стороны сарай Ивана Ивановича, с другой амбар, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иван Иванович подошел к воротам, загремел щеколдой: извнутри поднялся собачий лай; но разношерстная стая скоро побежала, помахивая хвостами, назад, увидевши, что это было знакомое лицо. Иван Иванович перешел двор, на котором пестрели индейские голуби, кормимые собственноручно Иваном Никифоровичем, корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной рубашке — картина, которую любят живописцы! Тень от развешенных платьев покрывала почти весь двор и сообщала ему некоторую прохладу. Баба встретила его поклоном и, зазевавшись, стала на одном месте. Перед домом охорашивалось крылечко с навесом на двух дубовых столбах, — ненадежная защита от солнца, которое в это время в Малороссии не любит шутить и обливает пешехода с ног до головы жарким пóтом. Из этого можно было видеть, как сильно было желание у Ивана Ивановича приобресть необходимую вещь, когда он решился выйти в такую пору, изменив даже своему всегдашнему обыкновению прогуливаться только вечером.

Комната, в которую вступил Иван Иванович, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты и солнечный луч, проходя в дыру, сделанную в ставне, принял радужный цвет и, ударяясь в противостоящую стену, рисовал на ней пестрый ландшафт из очеретяных крыш,

дерев и развешенного на дворе платья, всё только в обращенном виде. От этого всей комнате сообщался какой-то чудный полусвет.

„Помоги бог!“ сказал Иван Иванович.

„А! здравствуйте, Иван Иванович!“ отвечал голос из угла комнаты. Тогда только Иван Иванович заметил Ивана Никифоровича, лежащего на разостланном на полу ковре. „Извините, что я перед вами в натуре.“ Иван Никифорович лежал безо всего, даже без рубашки.

„Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иван Никифорович?“

„Почивал. А вы почивали, Иван Иванович?“

„Почивал.“

„Так вы теперь и встали?“

„Я теперь встал? Христос с вами, Иван Никифорович! как можно спать до сих пор! Я только-что приехал из хутора. Прекрасные жита по дороге! восхитительные! и сено такое рослое, мягкое, злачное!“

„Горпина!“ закричал Иван Никифорович: „принеси Ивану Ивановичу водки, да пирогов со сметаною.“

„Хорошее время сегодня.“

„Не хвалите, Иван Иванович. Чтоб его чорт взял! некуда деваться от жару.“

„Вот, таки нужно помянуть чорта. Эй, Иван Никифорович! Вы вспомните мое слово, да уже будет поздо: достанется вам на том свете за богопротивные слова.“

„Чем же я обидел вас, Иван Иванович? Я не тронул ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чем я вас обидел.“

„Полно уже, полно Иван Никифорович!“

„Ей богу я не обидел вас, Иван Иванович!“

„Странно, что перепела до сих пор нейдут под дудочку.“

„Как вы себе хотите, думайте что вам угодно, только я вас не обидел ничем.“

„Не знаю, отчего они нейдут“, говорил Иван Иванович, как бы не слушая Ивана Никифоровича. „Время ли не приспело еще, только время, кажется, такое, какое нужно.“

„Вы говорите, что жита хорошие.“

„Восхитительные жита, восхитительные!“ За сим последовало молчание.

„Что это вы, Иван Никифорович, платье развешиваете?“ наконец сказал Иван Иванович.

„Да прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба. Теперь проветриваю, сукно тонкое, превосходное, только выворoти — и можно снова носить.“

„Мне там понравилась одна вещица, Иван Никифорович.“

„Какая?“

„Скажите пожалуйста, на что вам это ружье, что выставлено выветривать вместе с платьем?“ Тут Иван Иванович поднес табаку. „Смею ли просить об одолжении?“

„Ничего, одолжайтесь! я понюхаю своего!“ При этом Иван Никифорович пощупал вокруг себя и достал рожок. „Вот глупая баба, так она и ружье туда же повесила! Хороший табак жид делает в Сорочинцах. Я не знаю, что он кладет туда, а такое душистое! На канупер немножко похоже. Вот возьмите, разжуйте немножко во рту. Не правда ли, похоже на канупер? возьмите, одолжайтесь!“

„Скажите, пожалуйста, Иван Никифорович, я всё насчет ружья, что вы будете с ним делать? ведь оно вам не нужно.“

„Как не нужно? а случится стрелять.“

„Господь с вами, Иван Никифорович, когда же вы будете стрелять? Разве по втором пришествии. Вы, сколько я знаю и другие запомнят, ни одной еще качки* не убили, да и ваша натура не так уже господом богом устроена, чтоб стрелять. Вы имеете осанку и фигуру важную. Как же вам таскаться по болотам, когда ваше платье, которое не во всякой речи прилично назвать по имени, проветривается и теперь еще, что же тогда? Нет, вам нужно иметь покой, отдохновение. (Иван Иванович, как упомянуто выше, необыкновенно живописно говорил, когда нужно было убеждать

* Т. е. утки.

кого. Как он говорил! Боже, как он говорил!) Да, так вам нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мне!"

„Как можно! это ружье дорогое. Таких ружьев теперь не сыщете нигде. Я еще как собирался в милицию, купил его у турчина. А теперь бы то так вдруг и отдать его! Как можно? это вещь необходимая."

„На что же она необходимая?"

„Как на что? А когда нападут на дом разбойники... Еще бы не необходимая. Слава тебе господи! теперь я спокоен и не боюсь никого. А отчего? Оттого, что я знаю, что у меня стоит в коморе ружье."

„Хорошее ружье! Да у него, Иван Никифорович, замок испорчен."

„Что ж что испорчен? Можно починить. Нужно только смазать конопляным маслом, чтоб не ржавел."

„Из ваших слов, Иван Никифорович, я никак не вижу дружественного ко мне расположения. Вы ничего не хотите сделать для меня в знак приязни."

„Как же это вы говорите, Иван Иванович, что я вам не оказываю никакой приязни? Как вам не совестно! Ваши волы пасутся на моей степи и я ни разу не занимал их. Когда едете в Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что ж? разве я отказал когда? Ребятишки ваши перелезают чрез плетень в мой двор и играют с моими собаками — я ничего не говорю: пусть себе играют, лишь бы ничего не трогали! пусть себе играют!"

„Когда не хотите подарить, так пожалуй поменяемся."

„Что ж вы дадите мне за него?" При этом Иван Никифорович облокотился на руку и поглядел на Ивана Ивановича.

„Я вам дам за него бурую свинью, ту самую, что я откормил в сажу. Славная свинья! Увидите, если на следующий год она не наведет вам поросят."

„Я не знаю, как вы, Иван Иванович, можете это говорить. На что мне свинья ваша? Разве чорту поминки делать."

„Опять! без чорта таки нельзя обойтись! Грех вам, ей богу грех, Иван Никифорович!“

„Как же вы, в самом деле, Иван Иванович, даете за ружье, чорт знает что такое: свинью.“

„Отчего же она, чорт знает что такое, Иван Никифорович?“

„Как же, вы бы сами посудили хорошенько. Это таки ружье — вещь известная; а то чорт знает что такое: свинья. Если бы не вы говорили, я бы мог это принять в обидную для себя сторону.“

„Что ж нехорошего заметили вы в свинье?“

„За кого же в самом деле вы принимаете меня? чтоб я свинью...“

„Садитесь, садитесь! не буду уже... Пусть вам остается ваше ружье, пускай себе сгниет и перержавеет, стоя в углу в коморе — не хочу больше говорить о нем.“

После этого последовало молчание.

„Говорят“, начал Иван Иванович: „что три короля объявили войну царю нашему.“

„Да, говорил мне Петр Федорович; что ж это за война? и отчего она?“

„Наверное не можно сказать, Иван Никифорович, за что она. Я полагаю, что короли хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру.“

„Вишь дурни, чего захотели!“ произнес Иван Никифорович, приподнявши голову.

„Вот видите, а царь наш и объявил им за то войну. Нет, говорит, примите вы сами веру Христову!“

„Что ж? ведь наши побьют их, Иван Иванович!“

„Побьют. Так не хотите, Иван Никифорович, менять ружьеца?“

„Мне странно, Иван Иванович, вы кажется человек известный ученостью, а говорите как недоросль. Что бы я за дурак такой...“

„Садитесь, садитесь. Бог с ним! пусть оно себе околеет; не буду больше говорить!...“

В это время принесли закуску.

Иван Иванович выпил рюмку и закусил пирогом с сметаною. „Слушайте, Иван Никифорович. Я вам дам, кроме свиньи, еще два мешка овса, ведь овса вы не сеяли. Этот год, всё равно, вам нужно будет покупать овес.“

„Ей богу, Иван Иванович, с вами говорить нужно, гороху наевшись. (Это еще ничего, Иван Никифорович и не такие фразы отпускает.) Где видано, чтобы кто ружье променял на два мешка овса? Небось, бекеши своей не поставите.“

„Но вы позабыли, Иван Никифорович, что я и свинью еще даю вам.“

„Как! два мешка овса и свинью за ружье?“

„Да что ж, разве мало?“

„За ружье?“

„Конечно за ружье.“

„Два мешка за ружье?“

„Два мешка не пустых, а с овсом; а свинью позабыли?“

„Поцелуйтесь с своею свиньею, а коли не хотите, так с чортом!“

„О! вас зацепи только! Увидите: нашпигуют вам на том свете язык горячими иголками за такие богомерзкие слова. После разговору с вами нужно и лицо и руки умыть и самому окуриться.“

„Позвольте, Иван Иванович; ружье вещь благородная, самая любопытная забава, притом и украшение в комнате приятное...“

„Вы, Иван Никифорович, разносились так с своим ружьем, как *дурень с писанною торбою*“, сказал Иван Иванович с досадою, потому что действительно начинал уже сердиться.

„А вы, Иван Иванович, настоящий *гусак*.“ *

---

* Т. е. гусь самец.

Если бы Иван Никифорович не сказал этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, как всегда, приятелями; но теперь произошло совсем другое. Иван Иванович весь вспыхнул.

„Что вы такое сказали, Иван Никифорович?“ спросил он, возвысив голос.

„Я сказал, что вы похожи на гусака, Иван Иванович!“

„Как же вы смели, сударь, позабыв и приличие и уважение к чину и фамилии человека, обесчестить таким поносным именем?“

„Что ж тут поносного? Да чего вы в самом деле так размахались руками, Иван Иванович!“

„Я повторяю, как вы осмелились, в противность всех приличий, назвать меня гусаком?“

„Начхать я вам на голову, Иван Иванович! Что вы так раскудахтались.“

Иван Иванович не мог более владеть собою: губы его дрожали; рот изменил обыкновенное положение *ижицы*, а сделался похожим на *О*; глазами он так мигал, что сделалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно редко. Нужно было для этого его сильно рассердить. „Так я ж вам объявляю“, произнес Иван Иванович: „что я знать вас не хочу.“

„Большая беда! ей богу, не заплачу от этого!“ отвечал Иван Никифорович. Лгал, лгал, ей богу лгал! ему очень было досадно это.

„Нога моя не будет у вас в доме.“

„Эге, ге!“, сказал Иван Никифорович, с досады не зная сам, что делать, и против обыкновения встав на ноги. „Эй баба, хлопче!“ При сем показалась из-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчик, запутанный в длинный и широкий сюртук. „Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!“

„Как! Дворянина?“ закричал с чувством достоинства и негодования Иван Иванович. „Осмельтесь только! подступите!

я вас уничтожу с глупым вашим паном! Ворон не найдет места вашего!“ (Иван Иванович говорил необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена). Вся группа представляла сильную картину: Иван Никифорович, стоявший посреди комнаты в полной красоте своей без всякого украшения! баба, разинувшая рот и выразившая на лице самую бессмысленную, исполненную страха мину! Иван Иванович с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны! Это была необыкновенная минута! спектакль великолепный! и между тем только один был зрителем: это был мальчик в неизмеримом сюртуке, который стоял довольно покойно и чистил пальцем свой нос.

Наконец, Иван Иванович взял шапку свою. „Очень хорошо поступаете вы, Иван Никифорович! прекрасно! Я это припомню вам.“

„Ступайте, Иван Иванович, ступайте! да глядите, не попадайтесь мне: а не то я вам, Иван Иванович, всю морду побью!“

„Вот вам за это, Иван Никифорович!“ отвечал Иван Иванович, выставив ему кукиш и хлопнув за собою дверью, которая с визгом захрипела и отворилась снова. Иван Никифорович показался в дверях и что-то хотел присовокупить, но Иван Иванович уже не оглядывался и летел со двора.

ГЛАВА III

ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ ССОРЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ?

Итак два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздор, за гусака. Не захотели видеть друг друга, прервали все связи, между тем как прежде были известны за самых неразлуч-

ных друзей! Каждый день, бывало, Иван Иванович и Иван Никифорович посылают друг к другу узнать о здоровье и часто переговариваются друг с другом с своих балконов и говорят друг другу такие приятные речи, что сердцу любо слушать было. По воскресным дням, бывало, Иван Иванович в штаметовой бекеше, Иван Никифорович в нанковом желто-коричневом казакине отправляются почти об руку друг с другом в церковь. И если Иван Иванович, который имел глаза чрезвычайно зоркие, первый замечал лужу, или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бывает иногда в Миргороде, то всегда говорил Ивану Никифоровичу: „Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здесь нехорошо.“ Иван Никифорович с своей стороны показывал тоже самые трогательные знаки дружбы и где бы ни стоял далеко, всегда протянет к Ивану Ивановичу руку с рожком, примолвивши: „одолжайтесь!“ А какое прекрасное хозяйство у обоих!.. и эти два друга... Когда я услышал об этом, то меня как громом поразило! Я долго не хотел верить: боже праведный! Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем! Такие достойные люди! Что-ж теперь прочно на этом свете?

Когда Иван Иванович пришел к себе домой, то долго был в сильном волнении. Он бывало прежде всего зайдет в конюшню посмотреть, ест ли кобылка сено (у Ивана Ивановича кобылка саврасая с лысинкой на лбу. Хорошая очень лошадка); потом покормит индеек и поросенков из своих рук и тогда уже идет в покои, где или делает деревянную посуду (он очень искусно, не хуже токаря, умеет выделывать разные вещи из дерева), или читает книжку, печатанную у Любия, Гария и Попова (названия ее Иван Иванович не помнит потому, что девка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавного листка, забавляя дитя), или же отдыхает под навесом. Теперь же он не взялся ни за одно из всегдашних своих занятий. Но вместо того, встретивши Гапку, начал бранить, зачем она шатается

без дела, между тем как она тащила крупу в кухню; кинул палкой в петуха, который пришел к крыльцу за обыкновенной подачей; и когда подбежал к нему запачканный мальчишка в изодранной рубашонке и закричал: „Тятя, тятя, дай пряника!“, то он ему так страшно пригрозил и затопал ногами, что испуганный мальчишка забежал, бог знает куда.

Наконец однако ж он одумался и начал заниматься всегдашними делами. Поздо стал он обедать и уже ввечеру почти лег отдыхать под навесом. Хороший борщ с голубями, который сварила Гапка, выгнал совершенно утреннее происшествие. Иван Иванович опять начал с удовольствием рассматривать свое хозяйство. Наконец остановил глаза на соседнем дворе и сказал сам себе: „Сегодня я не был у Ивана Никифоровича. Пойду-ка к нему.“ Сказавши это Иван Иванович взял палку и шапку и отправился на улицу, но едва только вышел за ворота, как вспомнил ссору, плюнул и возвратился назад. Почти такое же движение случилось и на дворе Ивана Никифоровича. Иван Иванович видел, как баба уже поставила ногу на плетень с намерением перелезть в его двор, как вдруг послышался голос Ивана Никифоровича: „Назад! назад! не нужно!“ Однако ж Ивану Ивановичу сделалось очень скучно. Весьма могло быть, что сии достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествие в доме Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла в готовый погаснуть огонь вражды.

К Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня приехала Агафия Федосеевна. Агафия Федосеевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы совершенно ей не зачем было к нему ездить, и он сам был не слишком ей рад; однако ж она ездила и проживала у него по целым неделям, а иногда и более. Тогда она отбирала ключи и весь дом брала на свои руки. Это было очень неприятно Ивану Никифоровичу, однако ж он, к удивлению, слушал ее, как ребенок, и хотя

иногда и пытался спорить, но всегда Агафия Федосеевна брала верх.

Я признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины хватают нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника? Или руки их так созданы, или носы наши ни на что более не годятся. И несмотря, что нос Ивана Никифоровича был несколько похож на сливу, однако ж она схватила его за этот нос и водила за собою, как собачку. Он даже изменял при ней, невольно, обыкновенный свой образ жизни: не так долго лежал на солнце, если же и лежал, то не в натуре, а всегда надевал рубашку и шаровары, хотя Агафия Федосеевна совершенно этого не требовала. Она была неохотница до церемоний, и, когда у Ивана Никифоровича была лихорадка, она сама своими руками вытирала его с ног до головы скипидаром и уксусом. Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами. Весь стан ее похож был на кадушку, и оттого отыскать ее талию было так же трудно, как увидеть без зеркала свой нос. Ножки ее были коротенькие, сформированные на образец двух подушек. Она сплетничала, и ела вареные бураки по утрам, и отлично хорошо ругалась — и при всех этих разнообразных занятиях лицо ее ни на минуту не изменяло своего выражения, что́ обыкновенно могут показывать одни только женщины.

Как только она приехала, всё пошло навыворот: „Ты, Иван Никифорович, не мирись с ним и не проси прощения: он тебя погубить хочет, это таковский человек! Ты его еще не знаешь.“ Шушукала, шушукала проклятая баба и сделала то, что Иван Никифорович и слышать не хотел об Иване Ивановиче.

Всё приняло другой вид: если соседняя собака затесалась когда на двор, то ее колотили, чем ни попало; ребятишки, перелазившие через забор, возвращались с воплем, с поднятыми вверх рубашонками и с знаками розг на спине.

Даже самая баба, когда Иван Иванович хотел было ее спросить о чем-то, сделала такую непристойность, что Иван Иванович, как человек чрезвычайно деликатный, плюнул и примолвил только: „Экая скверная баба! хуже своего пана!“

Наконец, к довершению всех оскорблений, ненавистный сосед выстроил прямо против него, где обыкновенно был перелаз чрез плетень, гусиный хлев, как будто с особенным намерением усугубить оскорбление. Этот отвратительный для Ивана Ивановича хлев выстроен был с дьявольскою скоростью: в один день.

Это возбудило в Иване Ивановиче злость и желание отомстить. Он не показал однако ж никакого вида огорчения, несмотря на то, что хлев даже захватил часть его земли; но сердце у него так билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствие.

Так провел он день. Настала ночь... О если б я был живописец, я бы чудно изобразил всю прелесть ночи! Я бы изобразил, как спит весь Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звезды; как видимая тишина оглашается близким и далеким лаем собак; как мимо их несется влюбленный понамарь и перелазит чрез плетень с рыцарскою бесстрашностию; как белые стены домов, охваченные лунным светом, становятся белее, осеняющие их деревья темнее, тень от дерев ложится чернее, цветы и умолкнувшая трава душистее, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно со всех углов заводят свои трескучие песни. Я бы изобразил, как в одном из этих низеньких, глиняных домиков разметавшейся на одинокой постеле чернобровой горожанке с дрожащими молодыми грудями снится гусарский ус и шпоры, а свет луны смеется на ее щеках. Я бы изобразил, как по белой дороге мелькает черная тень летучей мыши, садящейся на белые трубы домов... Но вряд ли бы я мог изобразить Ивана Ивановича, вышедшего в эту ночь с пилою в руке. Столько на лице у него было написано разных чувств! Тихо, тихо

подкрался он и подлез под гусиный хлев. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссоре между ними, и потому позволили ему, как старому приятелю, подойти к хлеву, который весь держался на четырех дубовых столбах; подлезши к ближнему столбу, приставил он к нему пилу и начал пилить. Шум, производимый пилою, заставлял его поминутно оглядываться; но мысль об обиде возвращала бодрость. Первый столб был подпилен; Иван Иванович принялся за другой. Глаза его горели и ничего не видали от страха. Вдруг Иван Иванович вскрикнул и обомлел: ему показался мертвец; но скоро он пришел в себя, увидевши, что это был гусь, просунувший к нему свою шею. Иван Иванович плюнул от негодования и начал продолжать работу. И второй столб подпилен: здание пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало так страшно биться, когда он принялся за третий, что он несколько раз прекращал работу; уже более половины его было подпилено, как вдруг шаткое здание сильно покачнулось... Иван Иванович едва успел отскочить, как оно рухнуло с треском. Схвативши пилу, в страшном испуге, прибежал он домой и бросился на кровать, не имея даже духа поглядеть в окно на следствия своего страшного дела. Ему казалось, что весь двор Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иван Никифорович, мальчик в бесконечном сюртуке, все с дрекольями, предводительствуемые Агафией Федосеевной, шли разорять и ломать его дом.

Весь следующий день провел Иван Иванович как в лихорадке. Ему всё чудилось, что ненавистный сосед в отмщение за это по крайней мере подожжет дом его. И потому он дал повеление Гапке поминутно обсматривать везде, не подложено ли где-нибудь сухой соломы. Наконец, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, он решился забежать зайцем вперед и подать на него прошение в миргородский поветовый суд. В чем оно состояло, об этом можно узнать из следующей главы.

ГЛАВА IV

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ПРИСУТСТВИИ МИРГОРОДСКОГО ПОВЕТОВОГО СУДА.

Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений! И под соломенною, и под очеретяною, даже под деревянною крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь! Плетень всегда убран предметами, которые делают его еще более живописным: или напяленною плахтою, или сорочкою, или шароварами. В Миргороде нет ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вешает, что ему вздумается. Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Домы и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее.

Но я тех мыслей, что нет лучше дома, как поветовый суд. Дубовый ли он, или березовый, мне нет дела; но в нем, милостивые государи, восемь окошек! восемь окошек в ряд, прямо на площадь и на то водное пространство, о котором я уже говорил и которое городничий называет озером! Один только он окрашен цветом гранита: прочие все домы в Миргороде просто выбелены. Крыша на нем вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярские, приправивши луком, не съели, что было как нарочно во время поста, и крыша осталась некрашенною. На площадь выступает крыльцо, на котором часто бегают куры, оттого что на крыльце всегда почти рассыпаны крупы, или что-нибудь

съестное, что́, впрочем, делается не нарочно, но единственно от неосторожности просителей. Он разделен на две половины: в одной *присутствие*, в другой *арестантская*. В той половине, где присутствие, находятся две комнаты чистые, выбеленные: одна передняя для просителей; в другой стол, убранный чернильными пятнами. На нем зерцало. Четыре стула дубовые с высокими спинками; возле стен сундуки, кованные железом, в которых сохранялись кипы поветовой ябеды. На одном из этих сундуков стоял тогда сапог, вычищенный ваксою. Присутствие началось еще с утра. Судья довольно полный человек, хотя несколько тонее Ивана Никифоровича, с доброю миною, в замасленном халате, с трубкою и чашкою чаю, разговаривал с подсудком. У судьи губы находились под самым носом, и оттого нос его мог нюхать верхнюю губу, сколько душе угодно было. Эта губа служила ему вместо табакерки, потому что табак, адресуемый в нос, почти всегда сеялся на нее. Итак судья разговаривал с подсудком. Босая девка держала в стороне поднос с чашками.

В конце стола секретарь читал решение дела, но таким однообразным и унывным тоном, что сам подсудимый заснул бы слушая. Судья, без сомнения, это бы сделал прежде всех, если бы не вошел в занимательный между тем разговор.

„Я нарочно старался узнать“, говорил судья, прихлебывая чай уже с простывшей чашки: „каким образом это делается, что они поют хорошо. У меня был славный дрозд, года два тому назад. Что ж? вдруг испортился совсем. Начал петь бог знает что. Чем далее хуже, хуже, стал картавить, хрипеть, хоть выбрось! А ведь самый вздор! это вот отчего делается: под горлышком делается бобон, меньше горошинки. Этот бобончик нужно только проколоть иголкою. Меня научил этому Захар Прокофьевич, и именно, если хотите, я вам расскажу, каким это было образом: приезжаю я к нему...“

„Прикажете, Демьян Демьянович, читать другое?“ прервал секретарь, уже несколько минут как окончивший чтение.

„А вы уже прочитали? Представьте, как скоро! Я и не услышал ничего! Да где ж оно? дайте его сюда, я подпишу. Что там еще у вас?“

„Дело козака Бокитька о краденой корове.“

„Хорошо, читайте! Да, так приезжаю я к нему... Я могу даже рассказать вам подробно, как он угостил меня. К водке был подан балык, единственный! Да, не нашего балыка, которым“, при этом судья сделал языком и улыбнулся, причем нос понюхал свою всегдашнюю табакерку, „которым угощает наша бакалейная миргородская лавка. Селедки я не ел, потому что, как вы сами знаете, у меня от нее делается изжога под ложечкою. Но икры отведал; прекрасная икра! нечего сказать, отличная! Потом выпил я водки персиковой, настоенной на золототысячник. Была и шафранная; но шафранной, как вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: наперед, как говорят, раззадорить аппетит, а потом уже завершить... А! слыхом слыхать, видом видать...“ вскричал вдруг судья, увидев входящего Ивана Ивановича.

„Бог в помощь! желаю здравствовать!“ произнес Иван Иванович, поклонившись на все стороны с свойственною ему одному приятностию. Боже мой, как он умел обворожить всех своим обращением! Тонкости такой я нигде не видывал. Он знал очень хорошо сам свое достоинство и потому на всеобщее почтение смотрел, как на должное. Судья сам подал стул Ивану Ивановичу, нос его потянул с верхней губы весь табак, что всегда было у него знаком большого удовольствия.

„Чем прикажете потчивать вас, Иван Иванович?“ спросил он. „Не прикажете ли чашку чаю?“

„Нет, весьма благодарю“, отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.

„Сделайте милость, одну чашечку!“ повторил судья.

„Нет, благодарю. Весьма доволен гостеприимством!“ отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.

„Одну чашку“, повторил судья.

„Нет, не беспокойтесь, Демьян Демьянович!“ При этом Иван Иванович поклонился и сел.

„Чашечку?“

„Уж так и быть, разве чашечку!“ произнес Иван Иванович и протянул руку к подносу.

Господи боже! какая бездна тонкости бывает у человека! Нельзя рассказать, какое приятное впечатление производят такие поступки!

„Не прикажете ли еще чашечку?“

„Покорно благодарствую“, отвечал Иван Иванович, ставя на поднос опрокинутую чашку и кланяясь.

„Сделайте одолжение, Иван Иванович!“

„Не могу. Весьма благодарен.“ При этом Иван Иванович поклонился и сел.

„Иван Иванович! сделайте дружбу, одну чашечку!“

„Нет, весьма обязан за угощение.“ Сказавши это, Иван Иванович поклонился и сел.

„Только чашечку! одну чашечку!“

Иван Иванович протянул руку к подносу и взял чашку.

Фу ты пропасть! как может, как найдется человек поддержать свое достоинство!

„Я, Демьян Демьянович“, говорил Иван Иванович, допивая последний глоток: „я к вам имею необходимое дело: я подаю позов.“ При этом Иван Иванович поставил чашку и вынул из кармана написанный гербовый лист бумаги. „Позов на врага своего, на заклятого врага.“

„На кого же это?“

„На Ивана Никифоровича Довгочхуна.“

При этих словах судья чуть не упал со стула. „Что вы говорите!“ произнес он, всплеснув руками: „Иван Иванович! вы ли это?“

„Видите сами, что я.“

„Господь с вами и все святые! Как! вы! Иван Иванович! стали неприятелем Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста

говорят? повторите еще! Да не спрятался ли у вас кто-нибудь сзади и говорит вместо вас?...“

„Что ж тут невероятного. Я не могу смотреть на него; он нанес мне смертную обиду, оскорбил честь мою.“

„Пресвятая троица! как же мне теперь уверить матушку! А она, старушка, каждый день, как только мы поссоримся с сестрою, говорит: вы, детки, живете между собою, как собаки. Хоть бы вы взяли пример с Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Вот уж друзья, так друзья! то-то приятели! то-то достойные люди! — Вот тебе и приятели! Расскажите, за что же это? как?“

„Это дело деликатное, Демьян Демьянович! на словах его нельзя рассказать. Прикажите лучше прочитать просьбу. Вот, возьмите с этой стороны, здесь приличнее.“

„Прочитайте, Тарас Тихонович!“ сказал судья, оборотившись к секретарю.

Тарас Тихонович взял просьбу и, высморкавшись таким образом, как сморкают все секретари по поветовым судам, с помощию двух пальцев, начал читать:

„От дворянина Миргородского повета и помещика Ивана Иванова сына Перерепенка прошение; а о чем, тому следуют пункты:

1) Известный всему свету своими богопротивными, в омерзение приводящими и всякую меру превышающими законопреступными поступками, дворянин Иван Никифоров, сын Довгочхун, сего 1810 года Июля 7 дня учинил мне смертельную обиду, как персонально до чести моей относящуюся, так равномерно в уничижение и конфузию чина моего и фамилии. Оный дворянин и сам притом гнусного вида, характер имеет бранчивый и преисполнен разного рода богохулениями и бранными словами!“

Тут чтец немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья с благоговением сложил руки и только говорил про себя: „Что́ за бойкое перо! Господи боже! как пишет этот человек!“

Иван Иванович просил читать далее и Тарас Тихонович продолжал:

„Оный дворянин, Иван Никифоров сын Довгочхун, когда я пришел к нему с дружескими предложениями, назвал меня публично обидным и поносным для чести моей именем, а именно *гусаком*, тогда как известно всему Миргородскому повету, что сим гнусным животным я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намерен. Доказательством же дворянского моего происхождения есть то, что в метрической книге, находящейся в церкви *Трех Святителей*, записан как день моего рождения, так равномерно и полученное мною крещение. *Гусак* же, как известно всем, кто сколько-нибудь сведущ в науках, не может быть записан в метрической книге, ибо *гусак* есть не человек, а птица, что уже всякому, даже не бывавшему в Семинарии, достоверно известно. Но оный злокачественный дворянин, будучи обо всем этом сведущ, не для чего иного, как чтобы нанесть смертельную для моего чина и звания обиду, обругал меня оным гнусным словом.

2) Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянин посягнул притом на мою родовую, полученную мною после родителя моего, состоявшего в духовном звании, блаженной памяти Ивана Онисиева сына Перерепенка, собственность, тем, что в противность всяким законам перенес совершенно насупротив моего крыльца гусиный хлев, что делалось не с иным каким намерением, как чтоб усугубить нанесенную мне обиду; ибо оный хлев стоял до сего в изрядном месте и довольно еще был крепок. Но омерзительное намерение вышеупомянутого дворянина состояло единственно в том, чтобы учинить меня свидетелем непристойных пассажей; ибо известно, что всякой человек не пойдет в хлев, тем паче в гусиный, для приличного дела. При таком противузаконном действии, две передние сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мне еще при жизни от родителя моего, блаженной памяти Ивана

Онисиева сына Перерепенка, начинавшуюся от амбара и прямою линией до самого того места, где бабы моют горшки.

3) Вышеизображенный дворянин, которого уже самое имя и фамилия внушает всякое омерзение, питает в душе злостное намерение поджечь меня в собственном доме. Несомненные чему признаки из нижеследующего явствуют: во-1-х, оный злокачественный дворянин начал выходить часто из своих покоев, чего прежде никогда, по причине своей лености и гнусной тучности тела, не предпринимал; во-2-х, в людской его, примыкающей о самый забор, ограждающий мою собственную, полученную мною от покойного родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисиева сына Перерепенка, землю, ежедневно и в необычайной продолжительности горит свет, что уже явное есть к тому доказательство, ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свеча, но даже каганец был потушаем.

И потому прошу оного дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна, яко повинного в зажигательстве, в оскорблении моего чина, имени и фамилии и в хищническом присвоении собственности, а паче всего в подлом и предосудительном присовокуплении к фамилии моей названия *Гусака* ко взысканию штрафа, удовлетворения проторей и убытков присудить, и самого, яко нарушителя, в кандалы забить и заковавши в городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошению решение немедленно и неукоснительно учинить. Писал и сочинял дворянин, Миргородский помещик Иван Иванов сын Перерепенко."

По прочтении просьбы, судья приблизился к Ивану Ивановичу, взял его за пуговицу и начал говорить ему почти таким образом: „Что это вы делаете, Иван Иванович? Бога бойтесь! бросьте просьбу, пусть она пропадает! (сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше с Иваном Никифоровичем за руки, да поцелуйтесь, да купите сантуринского, или никопольского, или хоть просто сделайте пуншику, да позовите меня! Разопьем вместе и позабудем всё!"

„Нет, Демьян Демьянович! не такое дело“, сказал Иван Иванович с важностию, которая так всегда шла к нему. „Не такое дело, чтобы можно было решить полюбовною сделкою. Прощайте! прощайте и вы, господа!“ продолжал он с тою же важностию, оборотившись ко всем. „Надеюсь, что моя просьба возымеет надлежащее действие“, и ушел, оставив в изумлении всё присутствие.

Судья сидел, не говоря ни слова. Секретарь нюхал табак, канцелярские опрокинули разбитый черепок бутылки, употребляемый вместо чернильницы, и сам судья в рассеянности разводил пальцем по столу чернильную лужу.

„Что вы скажете на это, Дорофей Трофимович?“ сказал судья, после некоторого молчания обратившись к подсудку.

„Ничего не скажу“, отвечал подсудок.

„Экие дела делаются!“ продолжал судья. Не успел он этого сказать, как дверь затрещала и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась в присутствие; остальная оставалась еще в передней. Появление Ивана Никифоровича, и еще в суд, так показалось необыкновенным, что судья вскрикнул; секретарь прервал свое чтение. Один канцелярист, в фризовом подобии полуфрака, взял в губы перо; другой проглотил муху. Даже отправлявший должность фельдъегеря и сторожа инвалид, который до того стоял у дверей, почесывая в своей грязной рубашке, с нашивкою на плече, даже этот инвалид разинул рот и наступил кому-то на ногу.

„Какими судьбами! что и как? Как здоровье ваше, Иван Никифорович?“

Но Иван Никифорович был ни жив, ни мертв, потому что завязнул в дверях и не мог сделать ни шагу вперед или назад. Напрасно судья кричал в переднюю, чтобы кто-нибудь из находившихся там выпер сзади Ивана Никифоровича в присутственную залу. В передней находилась одна только старуха-просительница, которая, несмотря на все усилия своих костистых рук, ничего не могла сделать. Тогда

один из канцелярских, с толстыми губами, с широкими плечами, с толстым носом, глазами, глядевшими скоса и пьяна, с разодранными локтями, приближился к передней половине Ивана Никифоровича, сложил ему обе руки на-крест, как ребенку, и мигнул старому инвалиду, который уперся своим коленом в брюхо Ивана Никифоровича, и несмотря на жалобные стоны, вытиснут он был в переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей. Причем канцелярский и его помощник, инвалид, от дружных усилий дыханием уст своих распространили такой сильный запах, что комната присутствия превратилась было на время в питейный дом.

„Не зашибли ли вас, Иван Никифорович? Я скажу матушке, она пришлет вам настойки, которою потрите только поясницу и спину, и всё пройдет."

Но Иван Никифорович повалился на стул и кроме продолжительных *охов* ничего не мог сказать. Наконец слабым, едва слышным от усталости голосом, произнес он: „не угодно ли?" и вынувши из кармана рожок, прибавил: „возьмите, одолжайтесь!"

„Весьма рад, что вас вижу", отвечал судья. „Но всё не могу представить себе, что̀ заставило вас предпринять труд и одолжить нас такою приятною нечаянностию."

„С просьбою..." мог только произнесть Иван Никифорович.

„С просьбою? с какою?"

„С позвом..." тут одышка произвела долгую паузу: „ох!.. с позвом на мошенника... Ивана Иванова Перерепенка."

„Господи! и вы туда! такие редкие друзья! Позов на такого добродетельного человека!.."

„Он сам сатана!" произнес отрывисто Иван Никифорович.

Судья перекрестился.

„Возьмите просьбу, прочитайте."

„Нечего делать, прочитайте, Тарас Тихонович", сказал судья, обращаясь к секретарю, с видом неудовольствия,

причем нос его невольно понюхал верхнюю губу, что обыкновенно он делал прежде только от большого удовольствия. Такое самоуправство носа причинило судье еще более досады. Он вынул платок и смел с верхней губы весь табак, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, сделавши обыкновенный свой приступ, который он всегда употреблял перед начатием чтения, то есть без помощи носового платка, начал обыкновенным своим голосом таким образом:

„Просит дворянин Миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочхун, а о чем, тому следуют пункты:

1) По ненавистной злобе своей и явному недоброжелательству, называющий себя дворянином, Иван Иванов сын Перерепенко всякие пакости, убытки и иные ехидненские и в ужас приводящие поступки мне чинит и вчерашнего дня пополудни, как разбойник и тать, с топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудиями, забрался ночью в мой двор и в находящийся в оном мой же собственный хлев. Собственноручно и поносным образом его изрубил. На что с моей стороны я не подавал никаковой причины к столь противозаконному и разбойническому поступку.

2) Оный же дворянин Перерепенко имеет посягательство на самую жизнь мою и до 7-го числа прошлого месяца, содержа втайне сие намерение, пришел ко мне и начал дружеским и хитрым образом выпрашивать у меня ружье, находившееся в моей комнате, и предлагал мне за него, с свойственною ему скупостью, многие негодные вещи, както: свинью бурую и две мерки овса. Но предугадывая тогда же преступное его намерение, я всячески старался от оного уклонить его, но оный мошенник и подлец Иван Иванов сын Перерепенко выбранил меня мужицким образом и питает ко мне с того времени вражду непримиримую. Притом же оный, часто поминаемый, неистовый дворянин и разбойник Иван Иванов сын Перерепенко и происхождения весьма поносного: его сестра была известная всему свету

потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею назад тому пять лет в Миргороде; а мужа своего записала в крестьяне. Отец и мать его тоже были пребеззаконные люди и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянин и разбойник Перерепенко своими скотоподобными и порицания достойными поступками превзошел всю свою родню и под видом благочестия делает самые соблазнительные дела. Постов не содержит; ибо накануне Филиповки сей богоотступник купил барана и на другой день велел зарезать своей беззаконной девке Гапке, оговариваясь, аки бы ему нужно было под тот час сало на каганцы и свечи.

Посему прошу оного дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличенного уже в воровстве и грабительстве, в кандалы заковать, и в тюрьму или государственный острог препроводить, и там уже по усмотрению, лиша чинов и дворянства, добре барбарами шмаровать и в Сибирь на каторгу по надобности заточить, проторы, убытки велеть ему заплатить и по сему моему прошению решение учинить.— К сему прошению руку приложил дворянин Миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочхун."

Как только секретарь кончил чтение, Иван Никифорович взялся за шапку и поклонился, с намерением уйти.

„Куда же вы, Иван Никифорович?" говорил ему вслед судья. „Посидите немного! выпейте чаю! Орышко! что ты стоишь, глупая девка, и перемигиваешься с канцелярскими, ступай, принеси чаю!"

Но Иван Никифорович, с испугу, что так далеко зашел от дому и выдержал такой опасный карантин, успел уже пролезть в дверь, проговорив: „Не беспокойтесь, я с удовольствием..." и затворил ее за собою, оставив в изумлении всё присутствие.

Делать было нечего. Обе просьбы были приняты и дело готовилось принять довольно важный интерес, как одно непредвиденное обстоятельство сообщило ему еще

бо́льшую занимательность. Когда судья вышел из присутствия в сопровождении подсудка и секретаря, а канцелярские укладывали в мешок нанесенных просителями кур, яиц, краюх хлеба, пирогов, книшей и прочего дрязгу, в это время бурая свинья вбежала в комнату и схватила, к удивлению присутствовавших, не пирог или хлебную корку, но прошение Ивана Никифоровича, которое лежало на конце стола, перевесившись листами вниз. Схвативши бумагу, бурая хавронья убежала так скоро, что ни один из приказных чиновников не мог догнать ее, несмотря на кидаемые линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествие произвело страшную суматоху, потому что даже копия не была еще списана с нее. Судья, т. е. его секретарь и подсудок, долго трактовали об таком неслыханном обстоятельстве; наконец решено было на том, чтобы написать об этом отношение к городничему, так как следствие по этому делу более относилось к гражданской полиции. Отношение за № 389 послано было к нему того же дня, и по этому самому произошло довольно любопытное объяснение, о котором читатели могут узнать из следующей главы.

ГЛАВА V

В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЕТСЯ СОВЕЩАНИЕ ДВУХ ПОЧЕТНЫХ В МИРГОРОДЕ ОСОБ.

Как только Иван Иванович управился в своем хозяйстве и вышел, по обыкновению, полежать под навесом, как к несказанному удивлению своему увидел что-то красневшее в калитке. Это был красный обшлаг городничего, который, равномерно как и воротник его, получил политуру и по краям превращался в лакированную кожу. Иван Иванович подумал про себя: „Недурно, что пришел Петр Федорович

поговорить", но очень удивился, увидя, что городничий шел чрезвычайно скоро и размахивал руками, что случалось с ним, по обыкновению, весьма редко. На мундире у городничего посажено было восемь пуговиц, девятая как оторвалась во время процессии при освящении храма назад тому два года, так до сих пор десятские не могут отыскать, хотя городничий при ежедневных рапортах, которые отдают ему квартальные надзиратели, всегда спрашивает, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговиц были насажены у него таким образом, как бабы садят бобы: одна направо, другая налево. Левая нога была у него прострелена в последней кампании, и потому он, прихрамывая, закидывал ею так далеко в сторону, что разрушал этим почти весь труд правой ноги. Чем быстрее действовал городничий своею пехотою, тем менее она подвигалась вперед. И потому покамест дошел городничий к навесу, Иван Иванович имел довольно времени теряться в догадках, отчего городничий так скоро размахивал руками. Тем более это его занимало, что дело казалось необыкновенной важности, ибо при нем была даже новая шпага. — „Здравствуйте, Петр Федорович!" вскричал Иван Иванович, который, как уже сказано, был очень любопытен и никак не мог удержать своего нетерпения при виде, как городничий брал приступом крыльцо, но всё еще не поднимал глаз своих вверх и ссорился с своей пехотою, которая никаким образом не могла с одного размаху взойти на ступеньку.

„Доброго дня желаю любезному другу и благодетелю, Ивану Ивановичу!" отвечал городничий.

„Милости прошу садиться. Вы, как я вижу, устали, потому что ваша раненая нога мешает..."

„Моя нога!" вскрикнул городничий, бросив на Ивана Ивановича один из тех взглядов, какие бросает великан на пигмея, ученый педант на танцовального учителя. При этом он вытянул свою ногу и топнул ею об пол. Эта храбрость однако ж ему дорого стоила, потому что весь корпус его

покачнулся и нос клюнул перилы; но мудрый блюститель порядка, чтоб не подать никакого вида, тотчас оправился и полез в карман, как будто бы с тем, чтобы достать табакерку. „Я вам доложу о себе, любезнейший друг и благодетель Иван Иванович, что я делывал на веку своем не такие походы. Да, серьезно, делывал. Например, во время кампании 1807 года... Ах, я вам расскажу, каким манером я перелез через забор к одной хорошенькой немке.“ При этом городничий зажмурил один глаз и сделал бесовски плутовскую улыбку.

„Где ж вы бывали сегодня?“ спросил Иван Иванович, желая прервать городничего и скорее навести его на причину посещения; ему бы очень хотелось спросить, что такое намерен объявить городничий; но тонкое познание света представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иван Иванович должен был скрепиться и ожидать разгадки, между тем как сердце его колотилось с необыкновенною силою.

„А позвольте, я вам расскажу, где был я“, отвечал городничий. „Во-первых, доложу вам, что сегодня отличное время...“

При последних словах Иван Иванович почти что не умер.

„Но позвольте“, продолжал городничий. „Я пришел сегодня к вам по одному весьма важному делу.“ Тут лицо городничего и осанка приняли то же самое озабоченное положение, с которым брал он приступом крыльцо. Иван Иванович ожил и трепетал, как в лихорадке, не замедливши, по обыкновению своему, сделать вопрос: „Какое же оно, важное? разве оно важное?“

„Вот извольте видеть: прежде всего осмелюсь доложить вам, любезный друг и благодетель Иван Иванович, что вы... с моей стороны я, извольте видеть, я ничего, но виды правительства, виды правительства этого требуют: вы нарушили порядок благочиния!“

„Что это вы говорите, Петр Федорович? Я ничего не понимаю.“

„Помилуйте, Иван Иванович! Как вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите после этого, что ничего не понимаете!“

„Какая животина?“

„С позволения сказать, ваша собственная бурая свинья.“

„А я чем виноват? Зачем судейский сторож отворяет двери!“

„Но, Иван Иванович, ваше собственное животное, стало быть вы виноваты.“

„Покорно благодарю вас за то, что с свиньею меня равняете.“

„Вот уж этого я не говорил, Иван Иванович! Ей богу, не говорил! извольте рассудить по чистой совести сами; вам, без всякого сомнения, известно, что, согласно с видами начальства, запрещено в городе, тем же паче в главных градских улицах, прогуливаться нечистым животным. Согласитесь сами, что это дело запрещенное.“

„Бог знает, что это вы говорите? Большая важность, что свинья вышла на улицу!“

„Позвольте вам доложить, позвольте, позвольте, Иван Иванович, это совершенно невозможно. Что ж делать? Начальство хочет — мы должны повиноваться. Не спорю, забегают иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, заметьте себе: куры и гуси; но свиней и козлов я еще в прошлом году дал предписание не впускать на публичные площади. Которое предписание тогда же приказал прочитать изустно, в собрании, пред целым народом.“

„Нет, Петр Федорович, я здесь ничего не вижу, как только то, что вы всячески стараетесь обижать меня.“

„Вот этого-то не можете сказать, любезнейший друг и благодетель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказал вам ни одного слова прошлый год, когда вы выстроили крышу целым аршином выше установленной меры. Напротив я показал вид, как будто совершенно этого не заметил. Верьте, любезнейший друг, что и теперь бы я совершенно, так сказать... но мой долг, словом обязанность требует смотреть за чистотою. Посудите сами, когда вдруг на главной улице...“

„Уж хороши ваши главные улицы! Туда всякая баба идет выбросить то, что ей не нужно.“

„Позвольте вам доложить, Иван Иванович, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только под забором, сараями или каморами; но чтоб на главной улице, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дело...“

„Что ж такое, Петр Федорович! Ведь свинья творение божие!“

„Согласен. Это всему свету известно, что вы человек ученый, знаете науки и прочие разные предметы. Конечно я наукам не обучался никаким: скорописному письму я начал учиться на тридцатом году своей жизни. Ведь я, как вам известно, из рядовых.“

„Гм!“ сказал Иван Иванович.

„Да“, продолжал городничий: „в 1801 году я находился в 42 егерском полку в 4 роте поручиком. Ротный командир у нас был, если изволите знать, капитан Еремеев.“ При этом городничий запустил свои пальцы в табакерку, которую Иван Иванович держал открытою и переминал табак.

Иван Иванович отвечал: „Гм.“

„Но мой долг“, продолжал городничий: „есть повиноваться требованиям правительства. Знаете ли вы, Иван Иванович, что похитивший в суде казенную бумагу подвергается, наравне со всяким другим преступлением, уголовному суду.“

„Так знаю, что, если хотите, и вас научу. Так говорится о людях, например, если бы вы украли бумагу; но свинья животное, творение божие!“

„Всё так, но закон говорит: виновный в похищении... прошу вас прислушаться внимательно: виновный! Здесь не означается ни рода, ни пола, ни звания, стало быть и животное может быть виновно. Воля ваша, а животное прежде произнесения приговора к наказанию должно быть представлено в полицию как нарушитель порядка.“

„Нет, Петр Федорович!“ возразил хладнокровно Иван Иванович. „Этого-то не будет!“

„Как вы хотите, только я дожен следовать предписаниям начальства.“

„Что ж вы стращаете меня? Верно хотите прислать за нею безрукого солдата. Я прикажу дворовой бабе его кочергой выпроводить. Ему последнюю руку переломят.“

„Я не смею с вами спорить. В таком случае, если вы не хотите представить ее в полицию, то пользуйтесь ею как вам угодно. Заколите, когда желаете, ее к рождеству и наделайте из нее окороков, или так съедите. Только я бы у вас попросил, если будете делать колбасы, пришлите мне парочку тех, которые у вас так искусно делает Гапка из свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень их любит.“

„Колбас, извольте, пришлю парочку.“

„Очень вам буду благодарен, любезный друг и благодетель. Теперь позвольте вам сказать еще одно слово: я имею поручение, как от судьи, так равно и от всех наших знакомых, так сказать, примирить вас с приятелем вашим, Иваном Никифоровичем.“

„Как! с невежею! чтобы я примирился с этим грубияном! Никогда! Не будет этого, не будет!“ Иван Иванович был в чрезвычайно решительном состоянии.

„Как вы себе хотите“, отвечал городничий, угощая обе ноздри табаком. „Я сам не смею советовать; однако ж поз-

вольте доложить: вот вы теперь в ссоре, а как помиритесь...“

Но Иван Иванович начал говорить о ловле перепелов, что обыкновенно случалось, когда он хотел замять речь.

Итак городничий, не получив никакого успеха, должен был отправиться во-свояси.

ГЛАВА VI

ИЗ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЛЕГКО МОЖЕТ УЗНАТЬ ВСЁ ТО, ЧТО В НЕЙ СОДЕРЖИТСЯ.

Сколько ни старались в суде скрыть дело, но на другой же день весь Миргород узнал, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Сам городничий, первый позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали об этом, он ничего не сказал, спросил только: не бурая ли?

Но Агафия Федосеевна, которая была при этом, начала опять приступать к Ивану Никифоровичу: „Что ты, Иван Никифорович? над тобой будут смеяться, как над дураком, если ты попустишь! Какой ты после этого будешь дворянин! Ты будешь хуже бабы, что продает сластёны, которые ты так любишь.“ И уговорила неугомонная! Нашла где-то человечка средних лет, черномазого, с пятнами по всему лицу, в темносинем с заплатами на локтях сюртуке, совершенную приказную чернильницу! Сапоги он смазывал дегтем, носил по три пера за ухом и привязанный к пуговице на шнурочке стеклянный пузырек вместо чернильницы; съедал за одним разом девять пирогов, а десятый клал в карман, и в один гербовый лист столько уписывал всякой ябеды, что никакой чтец не мог за одним разом прочесть, не перемежая этого кашлем и чиханьем. Это

небольшое подобие человека копалось, корпело, писало и наконец состряпало такую бумагу:

„В Миргородский Поветовый Суд от дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна.

Вследствие оного прошения моего, что от меня, дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна к тому имело быть, совокупно с дворянином Иваном Ивановым сыном Перерепенком; чему и сам Поветовый Миргородский Суд потворство свое изъявил. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи втайне содержимо и уже от сторонних людей до слуха дошедшись. Понеже оное допущение и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежит; ибо оная свинья есть животное глупое, и тем паче способное к хищению бумаги. Из чего очевидно явствует, что часто поминаемая свинья не иначе, как была подущена к тому самим противником, называющим себя дворянином Иваном Ивановым сыном Перерепенком, уже уличенном в разбое, посягательстве на жизнь и святотатстве. Но оный Миргородский Суд, с свойственным ему лицеприятием, тайное своей особы соглашение изъявил; без какового соглашения оная свинья никоим бы образом не могла быть допущенною к утащению бумаги: ибо Миргородский Поветовый Суд в прислуге весьма снабжен, для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время в приемной пребывающего, который хотя имеет один кривой глаз и несколько поврежденную руку, но чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имеет весьма соразмерные способности. Из чего достоверно видно потворство оного Миргородского Суда и бесспорно разделение жидовского от того барыша по взаимности совмещаясь. Оный же вышеупомянутый разбойник и дворянин Иван Иванов сын Перерепенко в приточении ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному Поветовому Суду я, дворянин Иван Никифоров сын Довгочхун, в надлежащее всеведение, если с оной бурой свиньи, или согласившегося с нею дворянина

Перерепенка означенная просьба взыщена не будет, и по ней решение по справедливости и в мою пользу не возымеет: то я, дворянин Иван Никифоров сын Довгочхун, о таковом оного Суда противозаконном потворстве, подать жалобу в Палату имею с надлежащим по форме перенесением дела. — Дворянин Миргородского повета Иван Никифоров сын Довгочхун."

Эта просьба произвела свое действие: судья был человек, как обыкновенно бывают все добрые люди, трусливого десятка. Он обратился к секретарю. Но секретарь пустил сквозь губы густой „гм" и показал на лице своем ту равнодушную и дьявольски двусмысленную мину, которую принимает один только сатана, когда видит у ног своих прибегающую к нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двух приятелей. Но как приступить к этому, когда все покушения были до того неуспешны? Однако ж еще решились попытаться; но Иван Иванович напрямик объявил, что не хочет, и даже весьма рассердился. Иван Никифорович вместо ответа оборотился спиною назад и хоть бы слово сказал. Тогда процесс пошел с необыкновенною быстротою, которою обыкновенно так славятся судилища. Бумагу пометили, записали, выставили нумер, вшили, расписались, всё в один и тот же день, и положили в шкаф, где оно лежало, лежало, лежало год, другой, третий; множество невест успело выйти замуж, в Миргороде пробили новую улицу, у судьи выпал один коренной зуб и два боковых, у Ивана Ивановича бегало по двору больше ребятишек, нежели прежде; откуда они взялись, бог один знает! Иван Никифорович в упрек Ивану Ивановичу выстроил новый гусиный хлев, хотя немного подальше прежнего, и совершенно застроился от Ивана Ивановича, так что сии достойные люди никогда почти не видали в лицо друг друга — и дело всё лежало, в самом лучшем порядке, в шкафу, который сделался мраморным от чернильных пятен.

Между тем произошел чрезвычайно важный случай для всего Миргорода.

Городничий давал асамблею! Где возьму я кистей и красок, чтоб изобразить разнообразие съезда и великолепное пиршество? Возьмите часы, откройте их и посмотрите, что там делается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себе, что почти столько же, если не больше, колес стояло среди двора городничего. Каких бричек и повозок там не было! Одна — зад широкий, а перед узенький; другая — зад узенький, а перед широкий. Одна была и бричка и повозка вместе; другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сена, или на толстую купчиху; другая на растрепанного жида, или на скелет, еще не совсем освободившийся от кожи; иная была в профиле совершенная трубка с чубуком; другая была ни на что не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Из среды этого хаоса колес и козел возвышалось подобие кареты с комнатным окном, перекрещенным толстым переплетом. Кучера в серых чекменях, свитках и серяках, в бараньих шапках и разнокалиберных фуражках, с трубками в руках, проводили по двору распряженных лошадей. Что за асамблею дал городничий! Позвольте, я перечту всех, которые были там: Тарас Тарасович, Евпл Акинфович, Евтихий Евтихиевич, Иван Иванович, не тот Иван Иванович, а другой, Савва Гаврилович, наш Иван Иванович, Елевферий Елевфериевич, Макар Назарьевич, Фома Григорьевич... Не могу далее! не в силах! Рука устает писать! А сколько было дам! смуглых и белолицых, длинных и коротеньких, толстых, как Иван Никифорович, и таких тонких, что, казалось, каждую можно было упрятать в шпажные ножны городничего. Сколько чепцов! сколько платьев! красных, желтых, кофейных, зеленых, синих, новых, перелицованных, перекроенных, платков, лент, ридикулей! Прощайте, бедные глаза! вы никуда не будете годиться после

этого спектакля. А какой длинный стол был вытянут! А как разговорилось всё — какой шум подняли! Куда против этого мельница со всеми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вам сказать наверно, о чем они говорили, но должно думать, что о многих приятных и полезных вещах, как то: о погоде, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах. Наконец Иван Иванович, не тот Иван Иванович, а другой, у которого один глаз крив, сказал: „Мне очень странно, что правый глаз мой (кривой Иван Иванович всегда говорил о себе иронически) не видит Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна.“ — „Не хотел притти!“ сказал городничий.

„Как так?“

„Вот уже, слава богу, есть два года, как поссорились они между собою, т. е. Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, и где один, туда другой ни за что не пойдет!“

„Что вы говорите!“ При этом кривой Иван Иванович поднял глаза вверх и сложил руки вместе. „Что ж теперь, если уже люди с добрыми глазами не живут в мире, где же жить мне в ладу с кривым моим оком!“ На эти слова все засмеялись во весь рот. Все очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что он отпускал шутки совершенно во вкусе нынешнем; сам высокий худощавый человек в байковом сюртуке с пластырем на носу, который до того сидел в углу и ни разу не переменил движения на своем лице, даже когда залетела к нему в нос муха, этот самый господин встал с своего места и подвинулся ближе к толпе, обступившей кривого Ивана Ивановича. „Послушайте!“ сказал кривой Иван Иванович, когда увидел, что его окружило порядочное общество. „Послушайте, вместо того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вместо этого, помирим двух наших приятелей! Теперь Иван Иванович разговаривает с бабами и девчатами, пошлем потихоньку за Иваном Никифоровичем, да и столкнем их вместе.“

Все единодушно приняли предложение Ивана Ивановича и положили немедленно послать к Ивану Никифоровичу на дом просить его, во что бы ни стало, приехать к городничему на обед. Но важный вопрос: на кого возложить это важное поручение? повергнул всех в недоумение. Долго спорили, кто способнее и искуснее в дипломатической части; наконец единодушно решили возложить всё это на Антона Прокофьевича Голопузя. Но прежде нужно несколько познакомить читателя с этим замечательным лицом. Антон Прокофьевич был совершенно добродетельный человек во всем значении этого слова: даст ли ему кто из почетных людей в Миргороде платок на шею, или исподнее — он благодарит; щелкнет ли его кто слегка в нос, он и тогда благодарит. Если у него спрашивали: отчего это у вас, Антон Прокофьевич, сюртук коричневый, а рукава голубые? то он обыкновенно всегда отвечал: „А у вас и такого нет! Подождите, обносится, весь будет одинаковый!“ И точно: голубое сукно, от действия солнца, начало обращаться в коричневое и теперь совершенно подходит под цвет сюртука; но вот что странно, что Антон Прокофьевич имеет обыкновение суконное платье носить летом, а нанковое зимою. Антон Прокофьевич не имеет своего дома. У него был прежде на конце города, но он его продал и на вырученные деньги купил тройку гнедых лошадей и небольшую бричку, в которой разъезжал гостить по помещикам. Но так как с ними много было хлопот и притом нужны были деньги на овес, то Антон Прокофьевич их променял на скрыпку и дворовую девку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потом скрыпку Антон Прокофьевич продал, а девку променял за кисет сафьянный с золотом. И теперь у него кисет такой, какого ни у кого нет. За это наслаждение он уже не может разъезжать по деревням, а должен оставаться в городе и ночевать в разных домах, особенно тех дворян, которые находили удовольствие щелкать его по носу. Антон Прокофьевич любит

хорошо поесть, играет изрядно в дураки и мельники; повиноваться всегда было его стихиею, и потому он, взявши шапку и палку, немедленно отправился в путь. Но идучи стал рассуждать, каким образом ему подвигнуть Ивана Никифоровича притти на асамблею. Несколько крутой нрав сего, впрочем достойного человека, делал его предприятие почти невозможным. Да и как, в самом деле, ему решиться притти, когда встать с постели уже ему стоило великого труда? Но положим, что он встанет, как ему притти туда, где находится, что без сомнения он знает, непримиримый враг его? Чем более Антон Прокофьевич обдумывал, тем более находил препятствий. День был душен; солнце жгло; пот лился с него градом. Антон Прокофьевич, несмотря, что его щелкали по носу, был довольно хитрый человек на многие дела. В мене только был он не так счастлив; он очень знал, когда нужно прикинуться дураком, и иногда умел найтиться в таких обстоятельствах и случаях, где редко умный бывает в состоянии извернуться. В то время, как изобретательный ум его выдумывал средство, как убедить Ивана Никифоровича, и уже он храбро шел навстречу всего, одно неожиданное обстоятельство несколько смутило его. Не мешает при этом сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были между прочим одни панталоны такого странного свойства, что когда он надевал их, то всегда собаки кусали его за икры. Как на беду, в тот день он надел именно эти панталоны. И потому едва только он предался размышлениям, как страшный лай со всех сторон поразил слух его. Антон Прокофьевич поднял такой крик, громче его никто не умел кричать, что не только знакомая баба и обитатель неизмеримого сюртука выбежали к нему навстречу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались к нему, и хотя собаки только за одну ногу успели его укусить, однако ж это очень уменьшило его бодрость и он с некоторого рода робостью подступал к крыльцу.

ГЛАВА VII
И
ПОСЛЕДНЯЯ.

„А! здравствуйте. На что вы собак дразните?“ сказал Иван Никифорович, увидевши Антона Прокофьевича, потому что с Антоном Прокофьевичем никто иначе не говорил, как шутя.

„Чтоб они передохли все! Кто их дразнит?“ отвечал Антон Прокофьевич.

„Вы врете.“

„Ей богу нет! Просил вас Петр Федорович на обед.“

„Гм.“

„Ей богу! так убедительно просил, что выразить не можно. Что это, говорит, Иван Никифорович чуждается меня, как неприятеля. Никогда не зайдет поговорить, либо посидеть.“

Иван Никифорович погладил свой подбородок.

„Если, говорит, Иван Никифорович и теперь не придет, то я не знаю, что подумать: верно он имеет на меня какой умысел! Сделайте милость, Антон Прокофьевич, уговорите Ивана Никифоровича! Что ж, Иван Никифорович? пойдем! там собралась теперь отличная компания!“

Иван Никифорович начал рассматривать петуха, который, стоя на крыльце, изо всей мочи драл горло.

„Если бы вы знали, Иван Никифорович“, продолжал усердный депутат: „какой осетрины, какой свежей икры прислали Петру Федоровичу!“

При этом Иван Никифорович поворотил свою голову и начал внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата. „Пойдемте скорее, там и Фома Григорьевич! Что ж вы?“ прибавил он, видя, что Иван Никифорович лежал всё в одинаковом положении. „Что ж? идем или нейдем?“

„Не хочу.“

Это не хочу поразило Антона Прокофьевича. Он уже думал, что убедительное представление его совершенно склонило этого, впрочем достойного человека, но вместо того услышал решительное: не хочу.

„Отчего же не хотите вы?“ спросил он почти с досадою, которая показывалась у него чрезвычайно редко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чем особенно любили себя тешить судья и городничий.

Иван Никифорович понюхал табаку.

„Воля ваша, Иван Никифорович, я не знаю, что вас удерживает?“

„Чего я пойду?“ проговорил наконец Иван Никифорович: „там будет разбойник!“ Так он называл обыкновенно Ивана Ивановича. Боже праведный! А давно ли...

„Ей богу не будет! вот как бог свят, что не будет! Чтоб меня на самом этом месте громом убило!“ отвечал Антон Прокофьевич, который готов был божиться десять раз на один час. „Пойдемте же, Иван Никифорович!“

„Да вы врете, Антон Прокофьевич, он там?“

„Ей богу, ей богу нет! Чтобы я не сошел с этого места, если он там! Да и сами посудите, с какой стати мне лгать! Чтоб мне руки и ноги отсохли!.. Что, и теперь не верите? Чтоб я околел тут же перед вами! чтоб ни отцу, ни матери моей, ни мне, не видать царствия небесного! Еще не верите?“

Иван Никифорович этими уверениями совершенно успокоился и велел своему камердинеру в безграничном сюртуке принесть шаровары и нанковый казакин.

Я полагаю, что описывать, каким образом Иван Никифорович надевал шаровары, как ему намотали галстух и наконец надели казакин, который под левым рукавом лопнул, совершенно излишне. Довольно, что он во всё это время сохранял приличное спокойствие и не отвечал ни слова на предложения Антона Прокофьевича — что-нибудь променять на его турецкий кисет.

Между тем собрание с нетерпением ожидало решительной минуты, когда явится Иван Никифорович и исполнится наконец всеобщее желание, чтобы сии достойные люди примирились между собою; многие были почти уверены, что не придет Иван Никифорович. Городничий даже бился об заклад с кривым Иваном Ивановичем, что не придет, но разошелся только потому, что кривой Иван Иванович требовал, чтобы тот поставил в заклад подстреленную свою ногу, а он кривое око; чем городничий очень обиделся, а компания потихоньку смеялась. Никто еще не садился за стол, хотя давно уже был второй час, время, в которое в Миргороде, даже в парадных случаях, давно уже обедают.

Едва только Антон Прокофьевич появился в дверях, как в то же мгновение был обступлен всеми. Антон Прокофьевич на все вопросы закричал одним решительным словом: не будет; едва только он это произнес, и уже град выговоров, браней, а может-быть и щелчков, готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, как вдруг дверь отворилась и — вошел Иван Никифорович.

Если бы показался сам сатана или мертвец, то они бы не произвели такого изумления на всё общество, в какое повергнул его неожиданный приход Ивана Никифоровича. А Антон Прокофьевич только заливался, ухватившись за бока, от радости, что так подшутил над всею компаниею.

Как бы то ни было, только это было почти невероятно для всех, чтобы Иван Никифорович в такое короткое время мог одеться, как прилично дворянину. Ивана Ивановича в это время не было; он зачем-то вышел. Очнувшись от изумления, вся публика приняла участие в здоровье Ивана Никифоровича и изъявила удовольствие, что он раздался в толщину. Иван Никифорович целовался со всяким и говорил: „очень одолжен.“ Между тем запах борща понесся чрез комнату и пощекотал приятно ноздри проголодавшимся гостям. Все повалили в столовую. Вереница дам говорливых и молчаливых, тощих и толстых, потянулась вперед и

длинный стол зарябел всеми цветами. Не стану описывать кушаньев, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке с сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе, ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара, о том соусе, который подавался обхваченный весь винным пламенем, что очень забавляло и вместе пугало дам. Не стану говорить об этих кушаньях потому, что мне гораздо более нравится есть их, нежели распространяться об них в разговорах. Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная с хреном. Он особенно занялся этим полезным и питательным упражнением. Выбирая самые тонкие рыбьи косточки, он клал их на тарелки и как-то нечаянно взглянул насупротив: творец небесный, как это было странно! Против него сидел Иван Никифорович. В одно и то же самое время взглянул и Иван Никифорович!.. Нет!.. не могу!.. Дайте мне другое перо! Перо мое вяло, мертво, с тонким расчепом для этой картины! Лица их с отразившимся изумлением сделались как бы окаменелыми. Каждый из них увидел лицо давно знакомое, к которому, казалось бы, невольно готов подойти, как к приятелю неожиданному, и поднесть рожок с словом: „одолжайтесь“ или „смею ли просить об одолжении“; но вместе с этим то же самое лицо было страшно, как нехорошее предзнаменование! Пот катился градом у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича. Присутствующие, все, сколько их ни было за столом, онемели от внимания и не отрывали глаз от некогда бывших друзей. Дамы, которые до того времени были заняты довольно интересным разговором о том, каким образом делаются каплуны, вдруг прервали разговор. Всё стихло! Это была картина, достойная кисти великого художника! Наконец Иван Иванович вынул носовой платок и начал сморкаться; а Иван Никифорович осмотрелся вокруг и остановил глаза на растворенной

двери. Городничий тотчас заметил это движение и велел затворить дверь покрепче. Тогда каждый из друзей начал кушать и уже ни разу не взглянули друг на друга.

Как только кончился обед, оба прежние приятели схватились с мест и начали искать шапок, чтобы улизнуть. Тогда городничий мигнул, и Иван Иванович, не тот Иван Иванович, а другой, что с кривым глазом, стал за спиною Ивана Никифоровича, а городничий зашел в спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать их сзади, чтобы спихнуть их вместе и не выпускать до тех пор, пока не подадут рук. Иван Иванович, что с кривым глазом, натолкнул Ивана Никифоровича, хотя и несколько косо, однако ж довольно еще удачно и в то место, где стоял Иван Иванович; но городничий сделал дирекцию слишком в сторону, потому что он никак не мог управиться с своевольною пехотою, не слушавшею на тот раз никакой команды и как на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно в противную сторону (что́ может происходило от того, что за столом было чрезвычайно много разных наливок), так, что Иван Иванович упал на даму в красном платье, которая из любопытства просунулась в самую средину. Такое предзнаменование не предвещало ничего доброго. Однако ж судья, чтоб поправить это дело, занял место городничего и, потянувши носом с верхней губы весь табак, отпихнул Ивана Ивановича в другую сторону. В Миргороде это обыкновенный способ примирения. Он несколько похож на игру в мячик. Как только судья пихнул Ивана Ивановича, Иван Иванович с кривым глазом уперся всею силою и пихнул Ивана Никифоровича, с которого пот валился как дождевая вода с крыши. Несмотря на то, что оба приятеля весьма упирались, однако ж таки были столкнуты, потому что обе действовавшие стороны получили значительное подкрепление со стороны других гостей.

Тогда обступили их со всех сторон тесно и не выпускали до тех пор, пока они не решились подать друг другу

руки. „Бог с вами, Иван Никифорович и Иван Иванович! Скажите по совести, за что вы поссорились? не по пустякам ли? Не совестно ли вам перед людьми и перед богом!“

„Я не знаю“, сказал Иван Никифорович, пыхтя от усталости (заметно было, что он был весьма не прочь от примирения): „я не знаю, что я такое сделал Ивану Ивановичу; за что же он порубил мой хлев и замышлял погубить меня?“

„Неповинен ни в каком злом умысле“, говорил Иван Иванович, не обращая глаз на Ивана Никифоровича. „Клянусь и пред богом и перед вами, почтенное дворянство, я ничего не сделал моему врагу. За что же он меня поносит и наносит вред моему чину и званию?“

„Какой же я вам, Иван Иванович, нанес вред?“ сказал Иван Никифорович. Еще одна минута объяснения — и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иван Никифорович полез в карман, чтобы достать рожок и сказать „одолжайтесь“.

„Разве это не вред“, отвечал Иван Иванович, не подымая глаз: „когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чин и фамилию таким словом, которое неприлично здесь сказать.“

„Позвольте вам сказать по-дружески, Иван Иванович!“ (при этом Иван Никифорович дотронулся пальцем до пуговицы Ивана Ивановича, что означало совершенное его расположение) „вы обиделись за чорт знает что такое: за то, что я вас назвал *гусаком*...“ Иван Никифорович спохватился, что сделал неосторожность, произнесши это слово; но уже было поздно: слово было произнесено.

Всё пошло к чорту!

Когда при произнесении этого слова без свидетелей Иван Иванович вышел из себя и пришел в такой гнев, в каком не дай бог видывать человека, — что ж теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убийственное слово произнесено было в собрании, в котором находилось множество дам, перед которыми Иван Иванович любил быть особенно приличным? Поступи Иван

Никифорович не таким образом, скажи он птица, а не гусак, еще бы можно было поправить.

Но — всё кончено!

Он бросил на Ивана Никифоровича взгляд — и какой взгляд! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то он обратил бы в прах Ивана Никифоровича. Гости поняли этот взгляд и поспешили сами разлучить их. И этот человек, образец кротости, который ни одну нищую не пропускал, чтоб не расспросить ее, выбежал в ужасном бешенстве. Такие сильные бури производят страсти!

Целый месяц ничего не было слышно об Иване Ивановиче. Он заперся в своем доме. Заветный сундук был отперт, из сундука были вынуты — что же? карбованцы! старые, дедовские карбованцы! И эти карбованцы перешли в запачканные руки чернильных дельцов. Дело было перенесено в палату. И когда получил Иван Иванович радостное известие, что завтра решится оно, тогда только выглянул на свет и решился вытти из дому. Увы! с того времени палата извещала ежедневно, что дело кончится завтра, в продолжение десяти лет!

Назад тому лет пять я проезжал чрез город Миргород. Я ехал в дурное время. Тогда стояла осень с своею грустно-сырою погодою, грязью и туманом. Какая-то ненатуральная зелень — творение скучных, беспрерывных дождей, покрывала жидкою сетью поля и нивы, к которым она так пристала, как шалости старику, розы старухе. На меня тогда сильное влияние производила погода: я скучал, когда она была скучна. Но несмотря на то, когда я стал подъезжать к Миргороду, то почувствовал, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаний! я двенадцать лет не

видал Миргорода. Здесь жили тогда в трогательной дружбе два единственные человека, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитых людей! Судья Демьян Демьянович уже тогда был покойником; Иван Иванович, что с кривым глазом, тоже приказал долго жить. Я въехал в главную улицу: везде стояли шесты с привязанным вверху пуком соломы: производилась какая-то новая планировка! Несколько изб было снесено. Остатки заборов и плетней торчали уныло.

День был тогда праздничный; я приказал рогоженную кибитку свою остановить перед церковью, и вошел так тихо, что никто не обратился. Правда, и некому было. Церковь была пуста. Народу почти никого. Видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свечи при пасмурном, лучше сказать, больном дне, как-то были странно неприятны; темные притворы были печальны; продолговатые окна с круглыми стеклами обливались дождливыми слезами Я отошел в притвор и оборотился к одному почтенному старику с поседевшими волосами: „Позвольте узнать, жив ли Иван Никифорович?“ В это время лампада вспыхнула живее пред иконою и свет прямо ударился в лицо моего соседа. Как же я удивился, когда, рассматривая, увидел черты знакомые! Это был сам Иван Никифорович! Но как изменился! „Здоровы ли вы, Иван Никифорович? Как же вы постарели!“ — „Да, постарел. Я сегодня из Полтавы“, отвечал Иван Никифорович.

„Что вы говорите! вы ездили в Полтаву в такую дурную погоду?“ — „Что ж делать! тяжба...“ При этом я невольно вздохнул. Иван Никифорович заметил этот вздох и сказал: „Не беспокойтесь, я имею верное известие, что дело решится на следующей неделе, и в мою пользу.“ Я пожал плечами и пошел узнать что-нибудь об Иване Ивановиче.

„Иван Иванович здесь!“ сказал мне кто-то: „он на крилосе.“ Я увидел тогда тощую фигуру. Это ли Иван

Иванович? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно белые; но бекеша была всё та же. После первых приветствий, Иван Иванович, обратившись ко мне с веселою улыбкою, которая так всегда шла к его воронкообразному лицу, сказал: „Уведомить ли вас о приятной новости?“ — „О какой новости?“ спросил я. „Завтра непременно решится мое дело. Палата сказала наверное.“

Я вздохнул еще глубже и поскорее поспешил проститься, потому что я ехал по весьма важному делу, и сел в кибитку. Тощие лошади, известные в Миргороде под именем курьерских, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися в серую массу грязи, неприятный для слуха звук. Дождь лил ливмя на жида, сидевшего на козлах и накрывшегося рогожкою. Сырость меня пропяла насквозь. Печальная застава с будкою, в которой инвалид чинил серые доспехи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, местами изрытое, черное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвету небо. — Скучно на этом свете, господа!

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ТАРАС БУЛЬБА.

РЕДАКЦИЯ „МИРГОРОДА“ 1835 г.

I.

„А поворотись, сынку! цур тебе, какой ты смешной! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?“

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только-что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлоба, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

„Постойте, постойте, дети“, продолжал он, поворачивая их: „какие же длинные на вас свитки!* Вот это свитки! Ну, ну, ну! таких свиток еще никогда на свете не было! А ну, побегите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?“

---

* Свитка называется верхняя одежда у малороссиян.

„Не смейся, не смейся, батьку!“ сказал, наконец, старший из них.

„Фу ты, какой пышный! а отчего ж бы не смеяться?“

„Да так. Хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!“

„Ах, ты сякой, такой сын! Как, батька?“ сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько назад.

„Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.“

„Как же ты хочешь со мною биться? разве на кулаки?“

„Да уж на чем бы то ни было.“

„Ну, давай на кулаки!“ говорил Бульба, засучив рукава. И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали преусердно колотить друг друга.

„Вот это сдурел старый!“ говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих: „Ей богу, сдурел! Дети приехали домой, больше году не видели их, а он задумал бог знает что: биться на кулачки.“

„Да он славно бьется!“ говорил Бульба, остановившись. „Ей богу, хорошо!.. так-таки“, продолжал он, немного оправляясь: „хоть бы и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здоров, сынку! почеломкаемся!“ И отец с сыном начали целоваться. „Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство. Что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил?“ говорил он, обращаясь к младшему. „Что-ж ты, собачий сын, не колотишь меня?“

„Вот еще выдумал что!“ говорила мать, обнимавшая между тем младшего: „И придет же в голову! Как можно, чтобы дитя било родного отца? Притом будто до того теперь: дитя малое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно отпочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет биться!“

„Э, да ты мазунчик, как я вижу!“ говорил Бульба: „Не слушай, сынку, матери: она — баба. Она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба. А видите вот эту саблю — вот ваша матерь! Это всё дрянь, чем набивают вас: и академия, и все те книжки, буквари и философия, — всё это *ка зна що* я плевать на всё это!“ Бульба присовокупил еще одно слово, которого однако же цензора не пропускают в печать и хорошо делают. „Я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот там ваша школа! Вот там только наберетесь разуму!“

„И только всего одну неделю быть им дома?“ говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха-мать. „И погулять им, бедным, не удастся, и дому родного некогда будет узнать им, и мне не удастся наглядеться на них!“

„Полно, полно, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ступай скорее да неси нам всё, что ни есть, на стол. Пампушек, маковиков, медовиков и других пундиков не нужно, а прямо так и тащи нам целого барана на стол. Да горелки, чтобы горелки было побольше! Не этой разной, что с выдумками: с изюмом, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горелки, настоящей, такой, чтобы шипела, как бес!“

Бульба повел сыновей своих в светлицу, из которой пугливо выбежали две здоровые девки в красных монистах, увидевши приехавших паничей, которые не любили спускать никому. Всё в светлице было убрано во вкусе того времени; а время это касалось XVI века, когда еще только что начинала рождаться мысль об унии. Всё было чисто, вымазано глиною. Вся стена была убрана саблями и ружьями. Окна в светлице были маленькие, с круглыми матовыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях. На полках, занимавших углы комнаты и сделанных угольниками, стояли глиняные кувшины, синие

и зеленые фляжки, серебряные кубки, позолоченные чарки венецианской, турецкой и черкесской работы, зашедшие в светлицу Бульбы разными путями чрез третьи и четвертые руки, что было очень обыкновенно в эти удалые времена. Липовые скамьи вокруг всей комнаты и огромный стол посреди ее, печь, разъехавшаяся на полкомнаты, как толстая русская купчиха, с какими-то нарисованными петухами на изразцах, — все эти предметы были довольно знакомы нашим двум молодцам, приходившим почти каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не было в обычае позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба, только при выпуске их, послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

„Ну, сынки, прежде всего выпьем горелки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же, боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как бишь того звали, что латинские вирши писал? Я грамоты-то не слишком разумею, то и не помню; Гораций, кажется?“

„Вишь какой батька!“ подумал про себя старший сын, Остап: „всё, собака, знает, а еще и прикидывается.“

„Я думаю, архимандрит“, продолжал Бульба: „не давал вам и понюхать горелки. А что, сынки, признайтесь, порядочно вас стегали березовыми да вишневыми по спине и по всему, а может, так как вы уже слишком разумные, то и плетюгами? Я думаю, кроме суботки, драли вас и по середам, и по четвергам?“

„Нечего, батько, вспоминать“, говорил Остап с обыкновенным своим флегматическим видом: „что было, то уже прошло.“

„Теперь мы можем расписать всякого“, говорил Андрий: „саблями да списами. Вот пусть только попадется татарва.“

„Добре, сынку! ей богу, добре! Да когда так, то и я с вами еду! ей богу, еду! Какого дьявола мне здесь ожидать? Что, я должен разве смотреть за хлебом да за свинарями? Или бабиться с женою? Чтоб она пропала! Чтоб я для ней оставался дома? Я козак. Я не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей богу, еду!“ И старый Бульба мало-по-малу горячился и, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. „Завтра же едем! Зачем откладывать? Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? к чему нам всё это? на что эти горшки?“ При этом Бульба начал колотить и швырять горшки и фляжки. Бедная старушка-жена, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услышавши о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах. Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век, и притом на полукочующем Востоке Европы, во время правого и неправого понятия о землях, сделавшихся каким-то спорным, нерешенным владением, к каким принадлежала тогда Украйна. Вечная необходимость пограничной защиты против трех разнохарактерных наций — всё это придавало какой-то вольный, широкий размер подвигам сынов ее и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силе на Тарасе Бульбе.

Когда Баторий устроил полки в Малороссии и облек ее в ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели порогов, он был из числа первых полковников. Но при первом случае перессорился со всеми другими за то, что добыча, приобретенная от татар соединенными польскими и козацкими войсками, была разделена между ими не поровно и польские войска получили более преимущества. Он, в собрании всех, сложил с себя достоинство и сказал: „Когда вы, господа полковники, сами не знаете прав своих, то пусть же вас чорт водит за нос. А я наберу себе собственный полк, и кто у меня вырвет мое, тому я буду знать, как утереть губы.“ Действительно, он в непродолжительное время из своего же отцовского имения составил довольно значительный отряд, который состоял вместе из хлебопашцев и воинов и совершенно покорствовался его желанию. Вообще он был большой охотник до набегов и бунтов; он носом слышал, где и в каком месте вспыхивало возмущение и уже, как снег на голову, являлся на коне своем. „Ну, дети! что и как? кого и за что нужно бить?“ обыкновенно говорил он и вмешивался в дело. Однако ж, прежде всего, он строго разбирал обстоятельства, и в таком только случае приставал, когда видел, что поднявшие оружие действительно имели право поднять его, хотя это право было, по его мнению, только в следующих случаях: если соседняя нация угоняла скот, или отрезывала часть земли, или комиссары налагали большую повинность, или не уважали старшин и говорили перед ними в шапках, или посмевались над православною верою — в этих случаях непременно нужно было браться за саблю; против бусурманов же, татар и турок, он почитал во всякое время справедливым поднять оружие, во славу божию, христианства и козачества. Тогдашнее положение Малороссии, еще не сведенное ни в какую систему, даже не приведенное в известность, способствовало существованию многих совершенно отдель-

ных партизанов. Жизнь вел он самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить от рядового козака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величия, особливо, когда он решался защищать что-нибудь. Бульба заранее утешал себя мыслию о том, как он явится теперь с двумя сыновьями и скажет: „Вот посмотрите, каких я к вам молодцов привел!“ Он думал о том, как повезет их на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны, представит своим сотоварищам и поглядит, как при его глазах они будут подвизаться в ратной науке и бражничестве, которое он почитал тоже одним из первых достоинств рыцаря. Он вначале хотел отправить их одних, потому что считал необходимостию заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствия. Но при виде своих сыновей, рослых и здоровых, в нем вдруг вспыхнул весь воинский дух его, и он решился сам с ними ехать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, он уже начал отдавать приказания своему асаулу, которого называл Товкачом, потому что тот действительно похож был на какую-то хладнокровную машину: во время битвы он равнодушно шел по неприятельским рядам, размахивая своею саблей, как будто бы месил тесто, как кулачный боец, прочищающий себе дорогу. Приказания состояли в том, чтобы оставаться ему в хуторе, покамест он даст знать ему выступить в поход. После этого пошел он сам по куреням своим, раздавая приказания некоторым ехать с собою, напоить лошадей, накормить их пшеницею и подать себе коня, которого он обыкновенно называл Чортом.

„Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.“

Ночь еще только-что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим

тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор. Всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом. Она расчесывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами. Она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью; она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. „Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас? Хоть бы недельку мне поглядеть на вас!“ говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два, три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки; она была какое-то странное существо в этом соборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей

берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда. Кто знает, может-быть, при первой битве, татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд. Может-быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил."

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, зачуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка. Красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

„Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А где стара̀?" (так он обыкновенно называл жену свою). „Живее, стара, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!"

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем, как она с слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные, с серебряными подковами, шаровары, шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром. К очкуру прицеплены были длинные

ремешки с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели: молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать! она, как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

„Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать!“ произнес наконец Бульба. „Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.“

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

„Теперь благослови, мать, детей своих!“ сказал Бульба: „Моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую,* чтобы стояли всегда за веру Христову; а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери. Молитва материнская и на воде, и на земле спасает.“ Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею. „Пусть хранит вас... божия матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе“... далее она не могла продолжать.

„Ну, пойдем, дети!“ сказал Бульба. У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Чорта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжел и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшему, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и, с отчаяньем во всех чертах,

---

* Рыцарскую

не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она, со всею легкостию дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из них с какою-то помешанною, бесчувственною горячностию; ее опять увели. Молодые козаки ехали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны тоже был несколько смущен, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то в разлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушел в землю, только стояли на земле две трубы от их скромного домика; одни только вершины дерев, дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда качались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо летевшую чрез него с помощию своих свежих быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем, с привязанным вверху колесом от телеги, одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II.

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сече из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие

живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все, поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет, и что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал на ряду с лучшими. Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни. Эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ни к чему не могли привязать они своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта. Притом же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодых, дюжих, здоровых людей, всё это должно было им внушить деятельность совершенно вне их учебного занятия. Иногда

плохое содержание, иногда частые наказания голодом, иногда многие потребности, пробуждающиеся в свежем, здоровом, крепком юноше, всё это, соединившись, рождало в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье. Голодная бурса рыскала по улицам Киева и заставляла всех быть осторожными. Торговки, сидевшие на базаре, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв, как орлицы детей своих, если только видели проходившего бурсака. Консул, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки. Эта бурса составляла совершенно отдельный мир: в круг высший, состоявший из польских и русских дворян, они не допускались. Сам воевода Адам Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академии, не вводил их в общество и приказывал держать их построже. Впрочем, это наставление было вовсе излишне, потому что ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы, по их приказанию, пороли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары. Многим из них это было вовсе ничего и казалось немного чем крепче хорошей водки с перцем; другим, наконец, сильно надоедали такие беспрестанные припарки, и они бежали на Запорожье, если умели найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остап Бульба, несмотря на то, что начал с большим старанием учить логику и даже богословию, но никак не избавлялся неумолимых розг. Естественно, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаков. Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае не выдавал своих

товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развиты. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был более изобретатель, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощию изобретательного ума своего, умел увертываться от наказания, тогда как брат его, Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но, вместе с нею, душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за 18 лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его. Он, слушая философические диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокую, нежную. Пред ним беспрерывно мелькали ее сверкающие, упругие перси, нежная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокруг ее свежих, девственных и вместе мощных членов, дышало в мечтах его каким-то невыразимым сладострастием. Он тщательно скрывал от своих товарищей эти движения страстной юношеской души, потому что в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы. Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво

глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и домы были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польскаго пана, и сидевший на козлах возница, с престрашными усами, хлыснул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули — и Андрий, к счастию, успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, как не знаю что, черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал какую-то сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец, он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостию, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшими в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и чрез трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнесть ни одного слова; но когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости

поворотить рукою, когда узнала в нем того-же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог поворотить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки, и которая повергла бедного бурсака в еще большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывесть его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он увидел ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому; он видел ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной, обольстительной брюнетки, выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их,

и только козачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

„Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли?“ сказал, наконец, Бульба, очнувшись от своей задумчивости: „как будто какие-нибудь чернецы! Ну, разом, разом! Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!“

И козаки, прилегши несколько к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только быстрая молния сжимаемой травы показывала бег их.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело, сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь Юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный, бог знает откуда, колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли целою тучею ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался, бог знает, в каком дальнем озере.

Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! — Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причем ехавший с ними отряд, из десяти козаков, слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по ним и они становились темнозелеными; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался к щекам. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пестрые овражки выползывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег; раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды.

Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, краканье, — всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем ночном воздухе и доходило до слуха гармоническим. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летели по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве, точку, сказавши: „Смотрите, детки, вон скачет татарин!“ Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козаков было тринадцать человек. „А ну, дети, попробуйте догнать татарина? И не пробуйте; вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чорта.“ Однако ж, Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь. Чрез три дня после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину

всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал, наконец, свое и шумел, как море, разлившись по воле, где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сеча, так часто переменявшая свое жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней; Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде, их оглушили пятьдесят кузнецких молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, точил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой средине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

„Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!“ говорил он, остановивши коня. В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем, для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, напол-

нявших это предместие Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечу, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец, они минули предместие и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные установлены были пушками. Нигде не видно было забора, или тех низеньких домиков, с навесами, на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместьи. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: „Здравствуйте, панове!“ „Здравствуйте и вы!“ отвечали запорожцы. На пространстве пяти верст были разбросаны толпы народа. Они все собирались в небольшие кучи. Так вот Сеча! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украйну! Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки; он держал в руках ее и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в средине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чортом свою шапку и вскинувши руками. Он кричал только: „Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!“ И Фома, с подбитым глазом, мерял без счету каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четыре старых выработывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и вдруг, опустившись, неслися в присядку и били круто и крепко своими серебряными подковами тесно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чем

далее, росла; к танцующим приставали другие, и вся почти площадь покрылась приседающими запорожцами. Это имело в себе что-то разительно-увлекательное. Нельзя было без движения всей души видеть, как вся толпа отдирала танец, самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо мир, и который, по своим мощным изобретателям, носит название козачка. Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде. Он сам себе кует еще тягостнейшие оковы, нежели налагает на него общество и власть везде, где только коснулся жизни. Он — раб, но он волен только потерявшись в бешеном танце, где душа его не боится тела и возносится вольными прыжками, готовая завеселиться на вечность.

Тарас Бульба крякнул от нетерпения, и досадуя, что конь, на котором сидел он, мешал ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смешны своею важностью, с какою они работали ногами. Чресчур дряхлые, прислонившись к столбу, к которому обыкновенно на Сече привязывали преступника, топали и переминали ногами. Крики и песни, какие только могли притти в голову человеку в разгульном весельи, раздавались свободно. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. Остап и Андрий слышали только приветствия: „А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолуп! Откуда бог несет тебя, Тарас? Ты как сюда зашел, Долото? Здравствуй, Застежка! Думал ли я видеть тебя, Ремень!“ И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: „А что Касьян? что Бородавка? что Колопер? что Пидсыток?“ И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсыткова голова посолена в бочке и отправлена в самый Царьград.— Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: „Добрые были козаки!“

III.

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сече. Остап и Андрий мало могли заниматься военною школою, несмотря на то, что отец их особенно просил опытных и искусных наездников быть им руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожье не было никакого теоретического изучения или каких-нибудь общих правил; всё юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битвы, которые оттого были почти беспрерывны. Промежутки же между ними козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины. Очень редкие имели примерные турниры. Они всё время отдавали гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сеча представляла необыкновенное явление. Это было какое-то беспрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговли; но бо́льшая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имело в себе что-то околдовывающее. Это не было какое-нибудь сборище бражников, напивавшихся с горя; это было, просто, какое-то бешеное разгулье веселости. Всякий, приходящий сюда, позабывал и бросал всё, что дотоле его занимало. Он, можно сказать, плевал на всё прошедшее и с жаром фанатика предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей. Это производило ту бешеную веселость, которая не могла бы родиться ни из какого другого источника. Рассказы, балагары, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на земле, так были смешны и дышали таким глубоким юмором, что нужно было иметь только

флегматическую наружность запорожца, чтобы не смеяться ото всей души. Это не был какой-нибудь пьяный кабак, где бессмысленно, мрачно, искаженными чертами веселия забывается человек; это был тесный круг школьных товарищей. Вся разница была только в том, что, вместо сидения за указкой и пошлых толков учителя, они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, на котором производилась игра в мячик, у них были не охраняемые, беспечные границы, в виду которых татарин выказывал быструю свою голову и неподвижно, сурово глядел турок, в зеленой чалме своей. Разница та, что вместо насильной воли, соединившей их в школе, они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов своих; что здесь были те, у которых уже моталась около шеи веревка и которые, вместо бледной смерти, увидели жизнь, и жизнь во всем разгуле; что здесь были те, которые, по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки; что здесь были те, которые дотоле червонец считали богатством, у которых, по милости арендаторов-жидов, карманы можно было выворотить без всякого опасения что-нибудь уронить. Здесь были все бурсаки, которые не вынесли академических лоз и которые не вынесли из школы ни одной буквы; но вместе с этими здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и римская республика. Тут было множество образовавшихся опытных партизанов, которые имели благородное убеждение мыслить, что всё равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы. Здесь было много офицеров из польских войск; впрочем, из какой нации здесь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того века. Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь себе работу. Одни только обожатели женщин не могли найти здесь ничего, потому что даже в предместье Сечи

не смела показаться ни одна женщина. Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечу гибель народа и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час перед тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: „Здравствуй! что, во Христа веруешь?“ „Верую!“, отвечал приходивший. „И в Троицу святую веруешь?“ „Верую!“ „И в церковь ходишь?“ „Хожу“. „А ну перекрестись!“ Пришедший крестился. „Ну, хорошо“, отвечал кошевой: „ступай же в который сам знаешь курень.“ Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сеча молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. Только побуждаемые сильною корыстию жиды, армяне и татары осмеливались жить и торговать в предместьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула из кармана денег, столько и платили. Впрочем, участь этих корыстолюбивых торгашей была очень жалка. Они были похожи на тех, которые селились у подошвы Везувия, потому что, как только у запорожцев не ставало денег, то удалые разбивали их лавочки и брали всегда даром. Такова была та Сеча, имевшая столько приманок для молодых людей. Остап и Андрий кинулись, со всею пылкостию юношей, в это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и дом отцовский, и всё, что тайно волнует еще свежую душу. Они гуляли, братались с беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого изменения такой жизни. Между тем Тарас Бульба начинал думать о том, как бы скорее затеять какое-нибудь дело: он не мог долго оставаться в недеятельности.

„Что, кошевой“, сказал он один раз, пришедши к атаману: „может-быть, пора бы погулять запорожцам?“

„Негде погулять“, отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув в сторону.

„Как негде? Можно пойти в Турещину или на Татарву.“

„Не можно ни в Турещину, ни в Татарву“, отвечал кошевой, взявши опять в рот трубку.

„Как не можно?“

„Так. Мы обещали султану мир.“

„Да он ведь бусурмен: и бог, и священное писание велит бить бусурменов.“

„Не имеем права. Если-б мы не клялись нашею верою, то, может-быть, как-нибудь еще и можно было.“

„Как же это, кошевой? Как же ты говоришь, что права не имеем? Вот у меня два сына, молодые люди — им нужно приучиться и узнать, что такое война, а ты говоришь, что запорожцам не нужно на войну итти.“

„Что-ж делать?“ отвечал кошевой с таким же хладнокровием: „нужно подождать.“

Но этим Бульба не был доволен. Он собрал кое-каких старшин и куренных атаманов и задал им пирушку на всю ночь. Загулявшись до последнего разгула, они вместе отправились на площадь, где обыкновенно собиралась рада и стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду. Не нашедши палок, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полену и начали колотить в них. На бой прежде всего прибежал довбиш, высокий человек, с одним только глазом, несмотря на то, страшно заспанным.

„Кто смеет бить в литавры?“ закричал он.

„Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебе велят!“ отвечали подгулявшие старшины.

Довбиш вынул тотчас из кармана палки, которые он взял с собою, очень хорошо зная окончание подобных происшествий. Литавры грянули, — и скоро на площадь, как шмели, начали собираться черные кучи запорожцев.

За кошевым отправились несколько человек и привели его на площадь.

„Не бойся ничего!“ сказали вышедшие к нему на встречу старшины: „Говори миру речь, когда хочешь, чтобы не было худого, говори речь об том, чтобы итти запорожцам на войну против бусурманов.“ Кошевой, увидевши, что дело не на шутку, вышел на середину площади, раскланялся на все четыре стороны и произнес: „Панове запорожцы, добрые молодцы! позволит ли господарство ваше речь держать?“

„Говори, говори!“ зашумели запорожцы.

„Вот, в рассуждении того теперь идет речь, панове добродийство, — да вы, может-быть, и сами лучше это знаете,— что многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один чорт теперь и веры неймет. Притом же, в рассуждении того, есть очень много таких хлопцев, которые еще и в глаза не видали, что такое война, тогда как молодому человеку, и сами знаете, панове, без войны не можно пробыть. Какой и запорожец из него, если он еще ни раза не бил бусурмана?“

„Вишь, он хорошо говорит“, сказал писарь, толкнув локтем Бульбу. Бульба кивнул головою.

„Не думайте, панове, чтобы я, впрочем, говорил это для того, чтобы нарушить мир. Сохрани бог, я только так это говорю. Притом же у нас храм божий — грех сказать, что такое. Вот сколько лет уже, как, по милости божией, стоит Сеча, а до сих пор, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренние образа без всякого убранства. Николай, угодник божий, сердега, в таком платье, в каком нарисовал его маляр, и до сих пор даже и серебряной ризы нет на нем. Варвара великомученица только то и получила, что уже в духовной отказали иные козаки. Да и даяние их было бедное, потому что они почти всё еще пропили при жизни своей. Так я всё веду речь эту не к тому, чтобы начать войну с бусурманами. Ибо мы обещали

султану мир, и нам бы великий был грех, потому что мы клялись по закону нашему."

„Вишь, проклятый! что это он путает такое?" сказал Бульба писарю. „Да, так видите, панове, что войны не можно начать. Честь лыцарская не велит. А по своему бедному разуму вот что я думаю: пустить с челнами одних молодых. Пусть немного пошарпают берега Анатолии. Как думаете, панове?"

„Веди, веди всех!" закричала со всех сторон толпа: „за веру мы готовы положить головы!"

Кошевой испугался. Он нимало не желал тревожить всего Запорожья. Притом ему казалось неправым делом разорвать мир. „Позвольте, панове, речь держать!"

„Довольно!" кричали запорожцы: „лучшего не скажешь."

„Когда так, то пусть по-вашему, только для нас будет еще большее раздолье. Вам известно, панове, что султан не оставит безнаказанно то удовольствие, которым потешатся молодцы. А мы, вот видите, будем наготове, и силы у нас будут свежие. Притом же и татарва может напасть во время нашей отлучки. Да если сказать правду, то у нас и челнов нет в запасе, чтобы можно было всем отправиться. А я, пожалуй, я рад, я слуга вашей воли."

Хитрый атаман замолчал. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совещаться, и решили на том, чтобы отправить несколько молодых людей, под руководством опытных и старых.

Таким образом, все были уверены, что они совершенно по справедливости предпринимают свое предприятие. Такое понятие о праве весьма было извинительно народу, занимавшему опасные границы среди буйных соседей. И странно, если бы они поступили иначе. Татары раз десять перерывали свое шаткое перемирие и служили обольстительным примером. Притом, как можно было таким гульливым рыцарям и в такой гульливый век пробыть несколько недель без войны?

Молодежь бросилась к челнам осматривать их и снаряжать в дорогу. Несколько плотников явились вмиг с топорами в руках. Старые, загорелые, широкочленистые запорожцы, с проседью в усах, засучив шаровары, стояли по колени в воде и стягивали их с берега крепким канатом. Несколько человек было отправлено в скарбницу на противуположный утесистый берег Днепра, где в неприступном тайнике они скрывали часть приобретенных орудий и добычу. Бывалые поучали других с каким-то наслаждением, сохраняя при всем том степенный, суровый вид. Весь берег получил движущийся вид, и хлопотливость овладела дотоле беспечным народом.

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем куча людей еще издали махала руками. Куча состояла из козаков в оборванных свитках. Беспорядочный костюм (у них ничего не было, кроме рубашки и трубки) показывал, что они были слишком угнетены бедою, или уже чересчур гуляли и прогуляли всё, что ни было на теле. Между ними отделился и стал впереди приземистый, плечистый, лет пятидесяти человек. Он кричал сильнее других и махал рукою сильнее всех.

„Бог в помощь вам, панове запорожцы!“

„Здравствуйте!“ отвечали работавшие в лодках, приостановив свое занятие.

„Позвольте, панове запорожцы, речь держать!“

„Говори!“

И толпа усеяла и обступила весь берег.

„Слышали ли вы, что делается на Гетьманщине?“

„А что?“ произнес один из куренных атаманов.

„Такие дела делаются, что и рассказывать нечего.“

„Какие же дела?“

„Что и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого“, отвечал приземистый козак, поглядывая с гордостью владеющего важной тайной.

„Ну, ну, рассказывай, что такое!“ кричала в один голос толпа.

„А разве вы, панове, до сих пор не слыхали?“

„Нет, не слыхали.“

„Как же это? Что-ж, вы разве за горами живете, или татарин заткнул клейтухом уши ваши?“

„Рассказывай! полно толковать!“ сказали несколько старшин, стоявших впереди.

„Так вы не слышали ничего про то, что жиды уже взяли церкви святые, как шинки, на аренды?“

„Нет.“

„Так вы не слышали и про то, что уже христианину и пасхи не можно есть, покамест рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою?“

„Ничего не слышали!“ кричала толпа, подвигаясь ближе.

„И что ксендзы ездят из села в село в таратайках, в которых запряжены — пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то, просто, православные христиане. Так вы, может-быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочет, чтоб мы кинули и веру нашу христианскую? Вы, может-быть, не слышали и об том, что уже из поповских риз жидовки шьют себе юбки?“

„Стой, стой!“ прервал кошевой, дотоле стоявший, углубивши глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тем в тишине совокупляли в себе всю железную силу негодования. „Стой! и я скажу слово: а что-ж вы, враг бы поколотил вашего батька, что-ж вы? разве у вас сабель не было, что-ли? Как же вы попустили такому беззаконию?“

„Э, как попустили такому беззаконию!“ отвечал приземистый козак: „а попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов, да еще к тому и часть гетьманцев приняла их веру.“

„А гетьман ваш, а полковники что делали?“

„Э, гетьман и полковники! А знаете, где теперь гетьман и полковники?“

„Где?“

„Полковников головы и руки развозят по ярмаркам, а гетьман, зажареный в медном быке, и до сих пор лежит еще в Варшаве.“

Содрогание пробежало по всей толпе; молчание, какое обыкновенно предшествует буре, остановилось на устах всех, и, миг после того, чувства, подавляемые дотоле в душе силою дюжего характера, брызнули целым потоком речей. „Как, чтобы нашу Христову веру гнала проклятая жидова? чтобы эдакое делать с православными христианами, чтобы так замучить наших, да еще кого? полковников и самого гетьмана! Да чтобы мы стерпели всё это? Нет, этого не будет!“ Такие слова перелетали во всех концах обширной толпы народа. Зашумели запорожцы и разом почувствовали свои силы. Это не было похоже на волнение народа легкомысленного. Тут волновались всё характеры тяжелые и крепкие. Они раскалялись медленно, упорно, но за то раскалялись, чтобы уже долго не остыть. „Как, чтобы жидовство над нами пановало! А ну, паны браты, перевешаем всю жидову! Чтобы и духу ее не было!“ произнес кто-то из толпы. Эти слова пролетели молнией, и толпа ринулась на предместье, с сильным желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши всё присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползывали под юбки своих жидовок. Но неумолимые, беспощадные мстители везде их находили.

„Ясневельможные паны!“ кричал один высокий и тощий жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. „Ясневельможные паны! Мы такое объявим вам, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!“

„Ну, пусть скажут!“ сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

„Ясные паны!“ произнес жид: „Таких панов еще никогда не видывано, ей богу, никогда! Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете...“ Голос его умирал и дрожал от страха. „Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее. Те совсем не наши, что арендаторствуют на Украйне! ей богу, не наши! то совсем не жиды: то чорт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?“

„Ей богу, правда!“ отвечали из толпы Шлема и Шмуль в изодранных яломках, оба белые, как глина.

„Мы никогда еще“, продолжал высокий жид: „не соглашались с неприятелями. А католиков мы и знать не хотим: пусть им чорт приснится! Мы с запорожцами—как братья родные...“

„Как? чтоб запорожцы были с вами братья?“ произнес один из толпы: „Не дождетесь, проклятые жиды! В Днепр их, панове, всех потопить поганцев!“

Эти слова были сигналом, жидов расхватали по рукам и начали швырять в волны. Жалкий крик раздался со всех сторон; но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный высокий оратор, накликавший сам на свою шею беду, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил: „Великий господин, ясневельможный пан! Я знал и брата вашего покойного Дороша. Какой был славный воин! Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турков“.

„Ты знал брата?“ спросил Тарас.

„Ей богу, знал: великодушный был пан.“

„А как тебя зовут?“

„Янкель.“

„Хорошо, я тебя проведу.“ Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли козаки его.

„Ну, полезай под телегу, лежи там и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида.“

Сказавши это, он отправился на площадь, потому что раздавшийся бой литавров возвестил собрание рады. Несмотря на свою печаль и сокрушение о случившихся на Украйне несчастиях, он был несколько доволен представлявшимся широким раздольем для подвигов, и притом для подвигов таких, которые представляли ему мученический венец по смерти.

Вся Сеча, всё, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, куренные атаманы, по коротком совещании, решили на том, чтобы итти с войсками прямо на Польшу, так как оттуда произошло всё зло, желая внести опустошение в землю неприятельскую и предвидя себе при этом добычу.

И вся Сеча вдруг преобразилась. Везде были только слышны пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, скрып телег; всё подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человека не было пьяного. Необыкновенная деятельность сменила вдруг необыкновенную беспечность. Кошевой вырос на целый аршин. Это уже не был тот робкий исполнитель ветреных желаний вольного народа. Это был неограниченный повелитель. Это был почти деспот, умевший только повелевать. Все своевольные и гульливые рыцари стройно стояли в рядах, почтительно опустив головы, не смея поднять глаз, когда он раздавал повеления тихо, с расстановкою, как глубоко знающий свое дело и уже не в первый раз приводивший его в исполнение. В деревянной небольшой церкве служил священник молебен, окропил всех святою водою, все целовали крест. Когда всё запорожское войско вышло из Сечи, головы всех обратились назад. „Прощай, наша мать!“ сказали почти все в одно слово: „Пусть же тебя хранит бог от всякого несчастия!“ Проходя предместие, Тарас Бульба увидел с изумлением, что жидок его уже раскинул свою

лавочку и продавал какие-то кремешки и всякую дрянь. „Дурень, что ты здесь сидишь?“ сказал он ему: „разве хочешь, чтобы тебя застрелили, как воробья?“ „Молчите“, отвечал жид. „Я пойду за вами и войском и буду продавать провиант по такой дешевой цене, по какой еще никогда никто не продавал. Ей богу, так! вот увидите.“ Бульба пожал плечами и отъехал к своему отряду.

IV.

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха; везде только и слышно было про запорожцев. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы с лица земли. Арендаторы-жиды были вешаны кучами, вместе с католическим духовенством. Запорожцы, как бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустые пространства. Нигде не смел остановить их отряд польских войск: они были рассеваемы при первой схватке. Ничто не могло противиться азиатской атаке их. Прелат, находившийся тогда в Радзивиловском монастыре, прислал от себя двух монахов с представлением, что между запорожцами и правительством существует согласие, и что они явно нарушают свою обязанность к королю, а вместе с тем и народные права. „Скажи епископу от лица всех запорожцев“, сказал кошевой: „чтобы он ничего не боялся: это козаки еще только люльки раскуривают.“ И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня. Бегущие толпы монахов, солдат, жидов наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произвол неприятеля. Один только город Дубно не сдавался. Этим были раздражены все чины,

в числе которых занимал не последнее место Тарас Бульба. Они положили взять его голодом. Толпы вольных наездников облегли со всех сторон его стены, расположились вместе с своими обозами, которые всегда почти за ними следовали. Жители с небольшим числом войск решились вытерпеть возможную степень бедствия и не сдаваться ни в каком случае. Запорожцы удвоили наблюдение, чтобы никакое вспомоществование не могло притти в город, играли в чет и нечет, курили люльки и с убийственным хладнокровием смотрели на городские стены. Прошло две недели и, несмотря на то, что они свои вольные набеги гораздо более предпочитали осадам городов, однако ж, ничто не могло преодолеть их терпения. Молодые, попробовавшие битв и опасностей, сгорали нетерпением, и в числе их были наши герои Остап и Андрий, вдруг приобревшие опытность в военном деле, пылкие, исполненные отваги, желавшие новых встреч, жадные узнать новые эволюции и вариации войны и показать свое умение играть опасностями. Остап, казалось, только на то и создан был, чтобы гулять в вечном пире войны. Он теперь уже казался чем-то атлетическим, колоссальным. Его движения приобрели крепкую уверенность, и все качества его, прежде незаметные, получили размер шире и казались качествами мощного льва. Андрий также погрузился весь в очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигде воля, забвение, смерть, наслаждение не соединяются в такой обольстительной, страшной прелести, как в битве.

Этот долгий роздых, который они имели под стенами города, им не нравился. Андрий сидел долго возле обоза своего, тогда как уже все спали, кроме некоторых, стоявших на стороже. Ночь, июньская прекрасная ночь, с бесчисленными звездами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрелище: вблизи и вдали были видны зарева горевших деревень. В одном месте пламя спокойно и величественно стлалось по небу;

в другом месте оно, встретив что-то горючее, вдруг вырвавшись вихрем, свистело и летело вверх под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самыми дальними небесами. В одном месте обгорелый черный монастырь, как суровый картезианский монах, стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие. В другом месте горело новое здание, потопленное в садах. Деревья шипели и покрывались дымом; иногда сквозь них просвечивалась лава огня, и гроздия груш, обвесивших ветви, принимали цвет червонного золота, даже видны были издали сливы, получившие фосфорический, лилово-огненный цвет; и среди этого иногда чернело висевшее на стене здания тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне. Над ним вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крапинок, в виде едва заметных крестиков на огненном поле. Среди тишины одни только спутанные кони производили шум, и звонкое их ржание отдавалось с раскатами, несколько раз повторявшимися дребезжащим эхом.

Он глядел безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдруг почувствовал как будто присутствие чего-то; ему казалось, как будто возле него кто-то стоял. Он оглянулся и в самом деле увидел стоявшую подле себя женщину. Смуглые черты лица ее и азиатская физиогномия показались ему как-то знакомыми. Он стал глядеть пристальнее: так! это была татарка! та самая татарка, которая служила горничною при дочери ковенского воеводы. Он встрепенулся. Сердце сильным ударом стукнуло в его мощную грудь, и всё минувшее, что было во глубине, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящим вольным бытом, всё это всплыло разом на поверхность, потопивши в свою очередь настоящее; вся гордая сила юности зажглась вдруг самым томительным приливом беспокойства нестерпимого и страстного. Вопросы потоком излились из его груди: „Откуда? как? где твоя панна? как ты явилась здесь? что это значит? Говори, не мучь меня!“

„Тише, ради бога, тише!“ говорила татарка, и закуталась в козацкий кобеняк, который было сбросила с себя. „Панна узнала вас между запорожцами. Она в городе.“

„Милосердый Иисус! она здесь? что ты говоришь? она в городе?“

Татарка кивнула утвердительно головою.

„Что-ж она? говори, говори! Что-ж ты молчишь?“

„Она другой день уже ничего не ела.“

„Как!“

„Ни у одного из жителей в городе нет куска хлеба. Все давно уже едят одну землю.“

„Спаситель Иисус! И вы до сих пор не сделали ни одной вылазки?“

„Нельзя. Запорожцы кругом облегли стены. Один только потаенный ход и есть; но на том самом месте стоят ваши обозы, и если только узнают этот ход, то город уже взят. Панна приказала мне всё объявить вам, потому что вы не захотите изменить ей.“

„Боже, изменить ей! И я ее увижу! О!.. когда бы мне не умереть только до того часу!“ Вся грудь его была проникнута самым пронзительным острием радости. Он со всем пылом поспешности бросился из шатра своего, начал отыскивать всё, что только мог найти съестного, и скоро два небольшие мешка были нагружены пшеном и сухарями. Он дал их в руки татарке, закутал ее плащом и приказал сказать панне, что он скоро будет сам; он велел татарке, отнесши припасы, ожидать его прихода. Он теперь думал только, как бы безопаснее провести ее до места, где был скрыт подземный ход. Этот ход был под самым возом, наполненным военными снарядами. К счастию его, запорожцы, по обыкновенной своей беспечности, все спали мертвецки. Тихо шел он с нею рука об руку и, желая обойти спящих, толкнул ее нечаянно локтем, кобеняк слетел, и зарево ярким блеском осветило ее белое платье. Спаситель, она открыта! всё пропало. Он со страхом и

мертвою, убитою душею повел глазами вокруг: боже, какое счастие! даже зоркий сторож, стоявший на самом опасном посте, спал, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крепче в кобеняк, полезла под телегу, небольшой четвероугольник дерну приподнялся — и она ушла в землю.

Торопливо он воротился к своему месту, желая обсмотреть, все ли спят и всё ли спокойно.

„Андрий!“ сказал в это время, поднявши голову, старый Бульба: „какая это к тебе татарка приходила?“

Если бы кто-нибудь в то время посмотрел на Андрия, то бы почел его за мертвеца, вставшего из могилы.

„Эй, смотри, сын! ей богу, отделаю тебя батогом так, что до представления света будет болеть спина. Бабы не доведут тебя к добру.“

Сказавши это, Бульба, — или был утружден заботами, или занят каким-нибудь важным планом, вовсе не полагая, чтобы эта татарка была из города, а признав ее за какую-нибудь беглянку из села, с которою сын его свел интригу, — как бы то ни было, только он поворотился на другую сторону и заснул.

Андрий отдохнул.

С трепещущим сердцем бросился он к обозам, обшарил, где только было съестное, нагрузил мешки и неизмеримые шаровары свои, и, во всё продолжение этого, сердце его млело, дух занимался и, казалось, улетал при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще раз обсмотрелся он вокруг, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни мира, и пополз под телегу. Небольшое отверстие вдруг открылось перед ним и снова за ним захлопнулось. Он вдруг очутился в совершенной темноте. Он чувствовал под ногами своими ступени, идущие вниз, кто-то схватил его за руку. Они шли долго; наконец, ступени прекратились, под ним была гладкая земля. Свет фонаря блеснул в подземном мраке. „Теперь идите прямо“, говорил ему голос: это была татарка. Коридор шел под городской сте-

ною и оканчивался такою же лестницею вверх. Наконец, он очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивал утренний ветер. Ни одна труба не дымилась. Мертвый вид города прерывался слабыми болезненными стонами, которые не могли не поразить его. На страже стояли часовые, бледные, как смерть; это были больше привидения, нежели люди. Среди самой дороги попался им самый ужасный, поразительный предмет: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при последнем издыхании, стиснувшая зубами иссохшую свою руку. Содрогнувшись, спешил он вслед за татаркою; он летел всеми чувствами видеть ту, за счастие которой он готов был отдать всю жизнь. Он взбежал на крыльцо; он взошел в комнату. Везде была тишина: всё или спало, утомленное страданием, или безмолвно мучилось. Он вступил на порог спальни. О, как замерло его сердце! как замлел он весь, когда оно ему сказало, что через секунду, чрез молнию мига, он ее увидит!

И он ее увидел, увидел ту, которая когда-то была беззаботна, весела, ветрена, шаловлива, которая когда-то надевала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, как крылья мотыльков, убранствами. Он опять увидел ее. Она сидела на диване, подвернувши под себя обворожительную, стройную ножку. Она была томна; она была бледна, но белизна ее была пронзительна, как сверкающая одежда серафима. Гебеновые брови, тонкие, прекрасные, придавали что-то стремительное ее лицу, обдающее священным трепетом сладкой боязни в первый раз взглянувшего на нее. Ресницы ее, длинные как мечтания, были опущены и темными тонкими иглами виднелись резко на ее небесном лице. Что это было за создание! И это создание, которое, казалось, для чуда было рождено среди мира, к ногам которого повергнуть весь мир, все сокровища казалось малою жертвою, это небесное создание терпело голод и всё, что есть горького для жителей земли.

Заплесневелая корка хлеба, лежавшая на золотом блюде, как драгоценность, показывала, что еще недавно здесь было чувствуемо всё свирепство голода. Услышавши шум, она приподняла свою голову и обратила к нему взгляд долгий, сокрушительный. Он опять, казалось, исчезнул и потерялся. Лицо ее с первого раза ему показалось как будто другим: в нем были прежние черты, но в нем же заключалась бездна новых, прекрасных, как небеса. Этот признак безмолвного страдания, этот болезненный вид... О, как она была лучше прежнего! Он бросился к ногам ее, приник и глядел в ее могучие очи. Улыбка какой-то радости сверкнула на ее устах, и в то же время слеза, как брилиант, повисла на реснице.

„Царица!“ сказал он: „что для тебя сделать? чего ты хочешь?“

Она смотрела на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. С пожирающим пламенем страсти покрыл он ее поцелуями.

„Нет. Я не пойду от тебя. Я умру возле тебя. Пусть же у ног твоих, пожираемый голодом, я умру, как и ты, моя панна! и за смерть, за сладкую смерть у твоих ног, ничего не хочу!“

„А твои товарищи, а твой отец? — ты должен итти к ним“, говорила она тихо. Уста ее еще долго шевелились без слов, и глаза ее, полные слез, не сводились с него.

„Что ты говоришь!“ произнес Андрий со всею силою и крепостью воли: „Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросил для тебя только то, что легко бросить! Нет, моя панна, нет, моя прекрасная! Я не так люблю: отца, брата, мать, отчизну, всё, что ни есть на земле, — всё отдаю за тебя, всё прощай! я теперь ваш! я твой! чего еще хочешь?“

Она склонилась к нему головою. Он почувствовал, как электрически-пламенная щека ее коснулась его щеки, и лобзание, — у, какое лобзание! — слило уста их, прикипевшие друг к другу.

„Пане!“ сказал жид Янкель, высунув свой яломок в шатер, где сидел Бульба. Это был тот самый Янкель, которого он избавил от смерти и который теперь маркитанствовал и шпионничал при запорожском войске. „Пане, знаете ли, что делается?“

„А что?“

„Идет пятнадцать тысяч войска польского и пушки везут.“

„Били двадцатерых, побьем и пятнадцать!“ отвечал Бульба.

„А знаете ли, еще что делается?“

„А что?“

„Ваш сын Андрий, ой, вей мир, что это за славный рыцарь!..“

„Ну?“

„Он теперь держит сторону Польши.“

„Как?“ подхватил Бульба, вскочивши: „чтобы дитя мое... чтобы мой сын... да я тебя убью, проклятый жид! врешь ты, чортово племя!“

„Ай, ай! как можно, чтобы я врал! Пусть отцу моему не будет счастья на том свете, если я вру.“

„Как! чтобы сын Тараса Бульбы да посягнул на такое дело!“

„Далибуг, ей же богу, так!“

„Чтобы он продал Христову веру и отчизну?“

„Далибуг, так. Я его видел сам собственными глазами. Фай, какой важный рыцарь! Сто восемьдесят червонных стóят одни латы, богатые латы: все в золоте. А если бы вы увидели, как он славно муштрует солдатами!“

Тарас Бульба был поражен, как будто громом. „Ты путаешь, проклятый Иуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало веру. Если бы он был турок или нечистый жид...

Нет, не может он так сделать! ей богу не может!“ Но, однако же, он вспомнил, что уже два дни, как его не видал; он вспомнил про татарку, появлявшуюся в его ставке,—и глаза его сверкнули. Ярость, ярость железная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лице. „Вишь, чортова детина, ты таки свое взяла! Породил же тебя чорт, на позор всему роду.“ С лицом, разгоревшимся от гнева, он вышел из ставки и дал приказ седлать коней. Между тем кошевой раздавал повеления от себя быть всем в готовности и не позволять никаким образом осажденным соединиться с приближавшимися польскими войсками. Неприятельских войск было, однако же, более нежели пятнадцать тысяч. Кошевой вместе с советом старшин решили на том, чтобы усилить более ту линию, которая обращена к неприятелю. Через это цепь с противуположной стороны города ослабела. И хотя польские войска были отбиты с первого раза, и притом с большим уроном, но отряд, остававшийся в городе, решился воспользоваться малочисленностью прикрытия, и, действительно, сделавши вылазку, прорвался через цепь и успел соединиться почти в виду запорожцев. Бульба рвал на себе волоса с досады, что уже невозможно было уморить их всех голодом. Запорожцы сдвинулись в густую непроломную стену — маневр, всегда доставлявший им существенную выгоду, потому что тактика их соединяла азиатскую стремительность с европейскою крепостию. Неприятель, несмотря на то, что был вдвое сильнее, не был в силах удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарас Бульба занимал одно из главных начальств, и три коронные полка, не в состоянии будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бегству, как вдруг он обратил все силы свои совершенно в другую сторону.

Он завидел в стороне отряд, стоявший, повидимому, в засаде. Он узнал среди его сына своего Андрия. Он отдал кое-какие наставления Остапу, как продолжать дело, а сам,

с небольшим числом, бросился, как бешеный, на этот отряд. Андрий узнал его издали, и видно было издали, как он весь затрепетал. Он, как подлый трус, спрятался за ряды своих солдат и командовал оттуда своим войском. Силы Тараса были немногочисленны: с ним было только восемнадцать человек, но он ринулся с таким свирепством, с таким сверхъестественным стремлением, что ряды уступали со страхом перед этим разгневанным вепрем. Вряд ли тогда его можно было с чем-нибудь сравнить: шапки давно не было на его голове; волосы его развевались, как пламя, и чуб, как змея, раскидывался по воздуху; бешеный конь его грыз и кусал коней неприятельских; дорогой акшамет был на нем разорван; он уже бросил и саблю, и ружье и размахивал только одной ужасной, непомерной тяжести, булавой, усеянной медными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидеть олицетворенное свирепство, чтобы извинить трусость Андрия, чувствовавшего свою душу не совсем чистою. Бледный, он видел, как гибли и рассеивались его поляки, он видел, как последние, окружавшие его, уже готовы были бежать, он видел, как уже некоторые, поворотивши коней своих, бросали ружья. „Спасите!“ кричал он, отчаянно простирая руки: „куда бежите вы? глядите: он один!“ Опомнившиеся воины на минуту остановились и в самом деле ободрились, увидевши, что их гонит только один с тремя утомленными козаками. Но напрасно силились бы они устоять против такой отчаянной воли. „Нет, ты не уйдешь от меня!“ кричал Тарас, поражая бегущих, начинавших думать, что они имеют дело с самим дьяволом. Отчаянный Андрий сделал усилие бежать, но поздно: ужасный отец уже был перед ним. Безнадежно он остановился на одном месте. Тарас оглянулся: уже никого не было позади его, все сотоварищи его полегли в разных местах поля. Их только было двое.

„Что, сынку?“ сказал Тарас Бульба, глянувши ему в очи.

Андрий был безответен.

„Что, сынку?“ повторил Тарас, „Помогли тебе твои ляхи?“

Андрий не произнес ни слова; он стоял, как осужденный.

„Так продать, продать веру? Проклят тот и час, в который ты родился на свет!“

Сказавши это, он глянул с каким-то исступленно-сверкающим взглядом по сторонам.

„Ты думал, что я отдам кому-нибудь дитя свое? Нет! Я тебя породил, я тебя и убью! Стой и не шевелись, и не проси у господа бога отпущения: за такое дело не прощают на том свете!“

Андрий, бледный, как полотно, прошептал губами одно только имя, но это не было имя родины, или отца, или матери: это было имя прекрасной полячки.

Тарас отступил на несколько шагов, снял с плеча ружье, прицелился... выстрел грянул...

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувствовавший смертельное железо, повис он головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и думал: предать ли тело изменника на расхищение и поругание, чтобы хищные птицы растрепали его и сыромахи-волки расшарпали и разнесли его желтые кости, или честно погребсти в земле?

В это время подъехал Остап. „Батько!“ сказал он. Тарас не слышал.

„Батько, это ты убил его?“

„Я, сынку!“

Лицо Остапа выразило какой-то безмолвный упрек. Он бросился обнимать своего товарища и спутника, с которым двадцать лет росли вместе, жили пополам.

„Полно, сынку, довольно! Понесем мертвое тело, похороним!“ сказал Тарас, который в то время сжал в груди своей подступавшее едкое чувство.

Они взяли тело и понесли на плечах в обгорелый лес, стоявший в тылу запорожских войск, и вырыли саблями и копьями яму.

Тарас оставил копье и взглянул на труп сына. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарования, еще сохраняло в себе следы их; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. „Чем бы не козак был?“ сказал Тарас: „и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою — пропал! пропал без славы!...“

Труп опустили, засыпали землею, и чрез минуту уже Тарас размахивал саблею в рядах неприятельских, как ни в чем не бывало. Разница в том только, что он бился с бо́льшим исступлением, сгорая желанием отмстить смерть сына. Прибывший в то время его собственный полк, под начальством Товкача, доставил ему значительный перевес. Он наконец узнал, кто был виною отступничества его сына, и положил, во что бы ни стало, взять город. И он бы исполнил это. Свирепый, он бы протек, как смерть, по его улицам. Он бы вытащил ее своею железною рукою, ее, обворожительную, нежную, блистающую; свирепо повлек бы ее, схвативши за длинные, обольстительные волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ее голубиного горла... Но одно непредвиденное происшествие остановило его на пути непримиримой мести.

VI.

В запорожское войско пришло известие, что Сеча взята, разорена татарами и бо́льшая часть остававшихся запорожцев забрана в плен, вместе с несколькими пушками. В подобных случаях обыкновенно козаки старались, не теряя

времени, настигнуть хищников на возвратной их дороге и перехватить добычу, потому что тремя неделями позже уже этого сделать было невозможно, и пленные козаки могли вдруг очутиться на рынках Великой Азии. Кошевой положил, и мнение его подкрепили прочие чины, итти на помощь немедленно, рассуждая, что уже довольно они отмстили за измену полякам и смерть гетманов, и что опустошенные поля будут помнить, как гостили на них запорожцы. На это изъявил согласие и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотелось взять город. Уже он отправился, чтобы отдать приказ вьючить коней и мазать телеги, как вдруг остановился и сказал: „Я хотел спросить еще об одном у тебя, атаман! Ведь, кажется, в неприятельском войске есть наших человек тридцать в плену?"

„Я посылал просить размена — не соглашаются."

„Так мы, стало-быть, их и оставим так?"

„Что-ж делать."

„Как! чтобы они опять замучили их?"

„А что-ж делать!" отвечал кошевой: „ведь помочь нельзя; хоть и останемся, то не одолеем, а между тем и свое прогуляем: татарва не станет ожидать нас."

„Так, стало-быть, пусть еретичное поганство, как хочет, так и ругается над христианскою верою?"

Кошевой пожал плечами.

„А мне кажется, атаман, так не бывать этому."

„А отчего-ж бы не бывать?"

„Да так: я уже знаю."

„Ова, как важно!" сказал кошевой, прижавши пальцем золу в своей люльке.

„Слышали ли вы, панове, что кошевой хочет сделать?" сказал Бульба, выходя от кошевого и обращаясь к запорожцам. „Он хочет, чтобы мы теперь же отправились на Сечу, а товарищей, тех, что попались в плен неприятелю, так бы и оставили, чтобы их замучило поганое еретичество. Что вы скажете на это?"

„Не послушаем мы кошевого!“ сказала в один голос часть запорожцев, отделилась и стала на стороне. Их было около тысячи человек.

Кошевой вышел. Он уже слышал волнение, которое произвел неугомонный Бульба. „Чего вы хотите? Из чего подняли вы такой гвалт?“ закричал он грозно.

„Мы не хотим итти на Сечу! Мы остаемся здесь!“ кричала толпа.

„Что вы? сдурели? Я вас, чортовы дети, перевяжу всех!“

„Какую он может иметь власть?“ сказал Тарас, обращаясь к запорожцам: „Мы — вольные козаки!“

„А что-ж? мы вольные козаки!“ говорили запорожцы.

„Дам я вам вольных! Вы где вольные? на Сече. Вот там вы вольные! Там вы можете снять с меня достоинство, связать меня и убить, и всё, что хоти е; а тут вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право? А ты что тут заводишь бунт?“ сказал он, обращаясь к Бульбе.

„Нет, я не бунт чиню, а исполняю долг христианский!“ хладнокровно отвечал Тарас: „Я стою за права наши, ибо мы должны защищать христианскую кровь.“

„Я тебя, старый чорт, присмыкну к обозу.“

„А ну, попробуй!“

„Слушайте, пане-браты!“ сказал кошевой, несколько смягчивши речь: „За что же вы оставляете тех своих товарищей, которых на Сече забрала татарва в полон? Или вы думаете, что татары поступят лучше, чем ляхи?“

„То татарва, а то ляхи — другое дело“, отвечал Бульба: „Еще у бусурмена есть совесть и страх божий, а у католичества и не было, и не будет. Постойте, хлопцы, и я скажу. Что, если бы вы попалися в плен, да начали бы с вас живых драть кожу или жарить на сковродах? Что бы вы тогда сказали? А из ваших земляков, из товарищей, из тех, что должны до последней крови защищать, из тех товарищей ни один бы не захотел подать руку помощи, — что бы вы тогда сказали?“

„А что́ бы сказали?“ произнесли некоторые: „сказали бы: вы помои, а не запорожцы!“ Заметно было, что слова Тараса сильно потрясли их.

„Стойте, хлопьята, и я скажу!“ кричал атаман: „Ну, скажите, панове-браты, куда ваш ум делся? Посудите сами, где вам управиться с такими неприятелями? Их больше десяти тысяч, а вас, может быть, две. Ведь пропадете все на месте!“

„Пропадать, так пропадать!“ сказал Бульба.

„Оставайтеся же тут, если уже так захотели своей погибели! А те, которые разумнее вас, гайда в дорогу!“

„Вы делайте свое, а мы будем делать свое!“ сказал Бульба.

Обе стороны неподвижно стали одна против другой и минуту сохраняли мертвое молчание.

Наконец, стоявшие в первых рядах поседевшие запорожцы, утупив глаза в землю, начали говорить: „Оно, конечно, если рассудить по справедливости, то и вы исполняете честь лыцарскую, и мы поступаем по лыцарскому обычаю. На то и живет человек, чтобы защищать веру и обычай. Притом жизнь такое дело, что если о ней сожалеть, то уже не знаем, о чем не жалеть. Скоро будем жалеть, что бросили жен своих. Нужно же попробовать, что такое смерть. Ведь пробовали всякие невзгоды в жизни. В том и другом случае мы не должны питать друг против друга никакой неприязни. Мы все запорожцы, все из одного гнезда, всех нас вспоила Сеча, все мы братья родные... Спрашиваем каждого: не имеет ли против нас какого неудовольствия?“

„Никакого! всегда были довольны!“ закричали все в один голос.

„Ну, так пусть же на расставаньи — что будет впредь, то бог один знает; может-быть, ни один из нас уже не увидит дружка дружку, — так поцелуемся все.“

И две тысячи войска перецеловались с двумя тысячами. Кошевой обнял Тараса.

„Ну, прощайте же, паны-браты, молодцы! Дай, же, боже, чтобы всё было так, как богу угодно! Если мы положим головы, то вы расскажете про нас, что такие-то гуляки не даром жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы поведаем, чтобы знала вся Украйна, да и другие земли, что были такие молодцы, которые и веру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! пусть благословение божие будет и с вами и с нами!“ Обе половины войска соединились вместе, чтобы не дать узнать неприятелю о своем разделении, и отступили к обгорелому монастырю, у подошвы которого был глубокий яр. Удалявшаяся половина с кошевым атаманом опустилась по скату горы и яром, невидимая неприятелем, пробиралась в тишине и молчании. Стоявший на высоте отряд польского войска не мог не заметить некоторого движения в войсках запорожских и уже решился было в тот же час сделать нападение, но французский артиллерист и инженер, служивший в польских войсках, большой знаток военного дела, остановил их, сказавши: „Нет, нет, господа! это не то, что вы думаете: это больше ничего, как самая дьявольская засада. О, этот народ, запороги!“ сказал он, положивши палец на свой ястребиный нос, при чем голос его, дотоле хриплый, пискнул дискантом: „этот народ, запороги, хитер, как сам чорт, или как капитан-дьявол.“

„Ну, панове молодцы!“ сказал Бульба по удалении войска: „теперь пришла нам пора показать честь запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будет стоять против бусурменов, то, панове, чтобы все полегли на месте, чтобы ни один не остался вживе, чтобы все, как добрые товарищи, покотом улеглись в одной могиле. Теперь, перед великим часом, выпьем, паны-браты, горелки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой должен веселиться всякий человек.“

Пятьдесят козаков отправились к обозам и вынули баклажки, готовясь отправлять должность виночерпиев. Две тысячи козаков подставили свои рукавицы.

„Прежде всего, паны-браты“, сказал Бульба, поднявши вверх свою рукавицу: „долг велит выпить за веру Христову! Чтобы пришло, наконец, такое время, чтобы по всему свету разошлась она и все бусурмены поделались бы наконец христианами. Да за одним уже разом и за Сечь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурманству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы один другого лучше, один другого лучше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, что не постыдили товарищества и не выдали своих. Итак, панове-браты, чтобы как эта горелка играет и шибает пузырями, так бы и мы шли на смерть. Ну-те, разом за веру!“

„За веру!“ повторили ближние ряды, подняв вверх рукавицы.

„За веру!“ подхватили дальние.

„За Сечь!“ сказал Бульба, подняв снова рукавицу.

„За Сечь!“ грянули ближние. „За Сечь!“ отозвалось в дальних.

„За славу и за всех христиан, какие живут на божьем свете!“

„За славу и христиан!“ повторили ближние. „За славу и христиан!“ повторили дальние.

„Теперь на коней, хлопьята!“

Все очутились на конях и выехали вместе стройною кучею. Все дышали силою, свыше естественной. Это не был дикий энтузиазм, порожденный отчаянием: это было что-то совершенно другое. Какое-то вдохновение веселости, какой-то трепет величия ощущался в сердцах этой гульливой и храброй толпы. Их черные и седые усы величаво опускались вниз; их лица были исполнены уверенности. Каждое движе-

ние их было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на неприятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но как будто веселясь и играя своим положением. Под свист пуль выступали они, как под свадебную музыку. Без всякого теоретического понятия о регулярности, они шли с изумительною регулярностию, как будто бы происходившею от того, что сердца их и страсти били в один такт единством всеобщей мысли. Ни один не отделялся; нигде не разрывалась эта масса. Польские войска, которые было приняли их с стремительным упорством, начали отступать, пораженные робостию и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать козакам. Лучшие распоряжения армии были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась как-то вдохновенно, не изменяясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французский инженер, который был истинный в душе артист, бросил фитиль, которым готовился зажигать пушки, и, позабывшись, бил в ладони, крича громко: „Браво, месье запороги!“

Около двух тысяч человек неприятеля было убито и столько же рассыпалось и обратилось в бегство. Свежее новоприбывшее войско остановилось как бы в недоумении. Запорожцы, с своей стороны, не решались итти далее. В виду самого неприятеля, взяли они оставленные пушки, часть обоза с провиантом и отступили так же страшно, в таком же точно порядке, к обгоревшему монастырю, которого положение чрезвычайно благоприятствовало укрытию. Бульба пировал вместе с запорожцами после такой славной битвы; но, когда обсмотрел и перечел ряды свои, их оставалось всего только не больше тысячи. Между тем новые войска приходили беспрестанно на помощь, и если что спасло его от неприятельского нападения, так это глубокая догадка французского инженера, заставлявшего опасаться скрытого множества запорожцев.

Между тем Бульба узнал, что запорожские пленники отправлены с конвоем по варшавской дороге. В голове его тотчас родилась мысль перехватить их. Объявивши об этом войску, он начал тайно готовиться к отступлению. Целый день козаки мазали дегтем свои телеги, чтобы не скрыпели; бо́льшую половину пушек закопали в землю, чтобы они не могли достаться неприятелю, и продолжали беспрестанную перестрелку. Часть запорожцев скинула с себя верхнюю одежду; из нее поделали чучел и расставили на стенах монастырских везде, где была стража. За монастырем они нашли дорогу, о которой, по всем вероятностям, ничего не знали неприятели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленным лесом и пеплом. Пользуясь глубоким мраком ночи, они тронулись, потянулись гужом со всем обозом, продирались около пяти верст и, наконец, пробрались на чистое поле, где совершенно уже не было видно неприятеля. Запорожцы приударили коней и понеслись. Еще полчаса времени—и они бы, верно, встретили своих закованных земляков. Они бы имели еще достаточное время броситься на проселочную дорогу и, благодаря быстроте татарских коней, может быть, Сеча увидела бы вновь своих славных защитников. Но, как нарочно, польские войска вздумали сделать нападение на монастырь. Дальновидный инженер искусно зажег лес, к нему примыкавший, уверяя, что все будут иметь славное жаркое из козачьей дичи. Но глубокая тишина изумила их. Изумление еще более увеличилось, когда они увидели, вместо замечённых ими издали запорожцев, одни чучела. По всем признакам они видели, что запорожцев было небольшое число. Это увеличило их досаду, и начальствовавший войсками, человек запальчивый, в ту же минуту отдал приказ устремиться на преследование. Если бы Бульба не выбрался так громоздко, то он мог бы быть до сих пор гораздо далее и тем, может-быть, ускользнуть от преследования. Но он пожалел оставить несколько пушек, а чрез несколько минут увидел

подымавшуюся пыль от многочисленного, с двух сторон шедшего войска. „Вишь, чорт побери! ляхи пронюхали“, сказал он, выпустив изо рта люльку, которую уже начал было курить с величайшим спокойствием.

Видя невозможность дальнейшего отступления от такого множества, он, с обыкновенным своим хладнокровием, дал повеление сдвинуть обоз в кучу и окружить его несколькими рядами запорожцев. Этот маневр считался совершенством козацкой тактики и возбуждал всегда удивление даже в самых глубоких теоретиках тогдашнего военного искусства. Его цель состояла в том, чтобы скрыть тыл. Тут козаки никогда не были побеждаемы: окружая обоз непроломною стеною, они со всех сторон были обращены лицом к неприятелю. Пушки доставили им большую выгоду, не допуская их к близкой схватке и не утомляя чрез это их рядов, тем более, что неприятель, желая скорее настигнуть, отправился налегке. Войска польские, всегда отличавшиеся нетерпеливостию, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны запорожцев не облегчила их. В это время Остап, выстрелявший на своей стороне все пушечные заряды, увлекаемый пылкостию и негодуя на бездейственное положение, отделился немного подалее от обоза, вступил в мелкую перестрелку, а потом и в рукопашную битву. Его свирепое мужество рассеяло часть рядов неприятельских, но скоро он был схвачен стиснувшим его множеством, и старый Тарас видел собственными глазами, как он поднят несколькими руками, связан толстыми веревками и уведен в толпу. Желание подать помощь и освободить любимого сына заставило его позабыть важность своего поста. Он отделился вместе с большею частию запорожцев от обоза и ударил в средину неприятеля, где полагал находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись в толпе, разделенные толпою. Каждый должен был действовать отдельно, и нужно было видеть, как каждый из них ворочался, как молния, на все стороны, действуя и саблей и ружейным

прикладом, и нагайкою, и кием. Каждый видел перед собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, как гигант какой-нибудь, отличался в общем хаосе. Свирепо наносил он свои крепкие удары, воспламеняясь более и более от сыпавшихся на него. Он сопровождал всё это диким и страшным криком, и голос его, как отдаленное ржание жеребца, переносили звонкие поля. Наконец, сабельные удары посыпались на него кучею; он грянулся, лишенный чувств. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытого прахом. Ни один из запорожцев не остался в живых: все полегли на месте. И ни один живой трофей не был свидетелем победы, одержанной польскими войсками.

VII.

„Долго же я спал!“ говорил Бульба, осматривая углы избенки, в которой он лежал, весь израненный и избитый. „Спал ли я это, или наяву видел?“

„Да, чуть было ты навеки не заснул!“ отвечал сидевший возле него Товкач, лицо которого одну минуту только блеснуло живостью и опять погрузилось в обыкновенное свое хладнокровие.

„Добрая была сеча! Как же это я спасся? Ведь, кажется, я совсем был под сабельными ударами, и что было далее, я уже ничего не помню...“

„Об том нечего толковать, как спасся; хорошо, что спасся.“

Товкач был один из тех людей, которые делают дела молча и никогда не говорят о них.

На бледном и перевязанном лице Бульбы видно было усилие припомнить обстоятельства. „А что же сын мой?.. что Остап? И он лег также вместе с другими и заслужил честную могилу?“

Товкач молчал.

„Что-ж ты не говоришь? Постой! помню, помню: я видел, как скрутили назад ему руки и взяли в плен нечестивые католики — и я не высвободил тебя, сын мой! Остап мой! изменила наконец сила!“ Морщины сжались на лбу его, и раздумье крепко осенило лицо, покрытое рубцами.

„Молчи, пан Тарас. Чему быть, тому быть. Молчи да крепись: еще нам больше ста верст нужно проехать.“

„Зачем?“

„Затем, что тебя теперь ищет всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесет ее, тому дадут 2000 червонцев?“

Но Тарас не слышал речей Товкача. „Сын мой, Остап мой!“ говорил он: „я не высвободил тебя!“

И прилив тоски повергнул его в беспамятство. Товкач оставался целый день в избе; но с наступлением ночи он увез бесчувственного Тараса. Увернув его в воловую кожу, уложил в ящик на подобие койки, укрепил поперек седла и пустился во всю прыть на татарском бегуне. Пустынные овраги и непроходимые места видели его, летевшего с тяжелою своею ношею. Товкач боялся встреч и преследований, и хотя уже он был на степи, которой хозяевами более других могли считаться запорожцы, но тогдашние границы были так неопределенны, что каждый мог прогуляться на нехранимой земле, как на своей собственности. Он не хотел везти Тараса в его хутор, почитая там его менее в безопасности, нежели на Запорожьи, куда он теперь держал путь свой. Он был уверен, что встреча с прежними товарищами, пирушки и новые битвы оживят его скорее и развлекут его. Он, действительно, не обманулся. Железная сила Тараса взяла верх, несмотря на то, что ему было шестьдесят лет; через две недели он уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. Повидимому, самые пиршества запорожцев казались ему чем-то едким. С ним неразлучно было то время, которому еще и двух месяцев не

прошло,—то время, когда он гулял с своими сыновьями, еще крепкими, свежими, исполненными сил—и на этом, дотоле ничем не колеблемом лице, прорывалась раздирающая горесть, и он тихо, понурив голову говорил: „Сын мой! Остап мой!“

Запорожцы собирались на морскую экспедицию. Двести челнов спущены были в Днепр, и Малая Азия видела их, с бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цветущие берега ее; видела чалмы своих магометанских обитателей раскиданными, подобно ее бесчисленным цветам, на смоченных кровию полях и плававшими у берегов. Она видела не мало запачканных дегтем запорожских шаровар, мускулистых рук с черными нагайками. Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкуров и опоясывали ими запачканные свои свитки. Долго еще после находили в тех местах запорожские коротенькие люльки. Они весело плыли назад; за ними гнался десятипушечный турецкий корабль и залпом из всех орудий своих разогнал, как птиц, утлые их челны. Третья часть их потонула в морских глубинах; но остальные снова собрались вместе и прибыли к устью Днепра с двенадцатью боченками, набитыми цехинами. Но всё это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидел он на берегу, шевеля губами и произнося: „Остап мой, Остап мой!“ Перед ним сверкало и расстилалось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

Когда жид Янкель, который в то время очутился в городе Умани и занимался какими-то подрядами и сношениями с тамошними арендаторами,—когда жид Янкель молился,

накрывшись своим довольно запачканным саваном, и оборотился, чтобы в последний раз плюнуть, по обычаю своей веры, как вдруг глаза его встретили стоявшего назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились в глаза 2000 червонных, которые были обещаны за его голову; но он тут же устыдился своей корысти и силился подавить в себе эту вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида.

„Слушай, Янкель!“ сказал Тарас жиду, который начал перед ним кланяться и запер осторожно дверь, чтобы их не видели. „Я спас твою жизнь, теперь ты сделай мне услугу!“ Лицо жида несколько поморщилось. „Какую услугу? Если такая услуга, что можно сделать, то для чего не сделать?“

„Не говори ничего. Вези меня в Варшаву!“

„В Варшаву? как, в Варшаву?“ сказал Янкель. Брови и плечи его поднялись вверх от изумления.

„Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву! Что бы ни было, а я хочу еще раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово.“

„Как можно такое говорить?“ говорил жид, расставив пальцы обеих рук своих: „Разве пан не слышал, что уже...“

„Знаю, знаю всё: за мою голову дают 2000 червонных. Знают же они, дурни, цену ей! Я тебе двенадцать дам. Вот тебе 2000 сейчас!“ — при этом Бульба высыпал из кожаного гамана 2000 червонных — „а остальные, как ворочусь.“ Жид тотчас схватил полотенце и накрыл им червонцы.

„Славная монета!“ сказал он, вертя один из них в своих пальцах и пробуя на зубах.

„Я бы не просил тебя. Я бы сам, может-быть, нашел дорогу в Варшаву; но меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи. Ибо я не горазд на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы. Вы хоть чорта проведете. Вы знаете все штуки. Вот для чего я пришел к тебе! Да и в Варшаве я бы сам собою ничего не получил. Сейчас запрягай воз и вези меня!“

„А как же, вы думаете, мне спрятать пана?“

„Да уж вы, жиды, знаете, как: в порожнюю бочку, или там во что-нибудь другое.“

„Как можно в бочку? Всяк подумает, что горелка!“

„Ну, что-ж? То и хорошо.“

„Как хорошо? Ах, боже мой! как можно эдакое говорить! Разве пан не знает, что бог на то создал горелку, чтобы ее всякий пробовал? Там всё такие ласуны, что боже упаси. А особливо военный народ: будет бежать верст пять за бочкою, продолбит как раз дырочку, тотчас увидит, что не течет, и скажет: „жид не повезет порожнюю бочку; верно, тут есть что-нибудь.“

„Ну, так положи меня в воз с рыбою.“

„Ох, вей мир! не можно; ей богу, не можно! Там везде по дороге люди голодные, как собаки; раскрадут, как ни береги, и пана нащупают.“

„Так вези меня хоть на чорте, только вези!“

„Стойте, стойте! Теперь возят по дорогам много кирпичу. Там строят какие-то крепости. Пан пусть ляжет на дне воза, а верх я закладу кирпичом. Пан здоровый и крепкий с виду и потому ему ничего, что будет тяжеленько; а я сделаю в возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.“

„Делай, как хочешь, только вези!“

И через час воз с кирпичом выехал из Умани, запряженный в две клячи. На одной из них сидел высокий Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развевались из-под яломка, по мере того, как он подпрыгивал на лошади.

VIII.

В то время, когда происходило описываемое событие, на пограничных местах не было еще никаких таможенных чиновников и объездчиков, этой страшной грозы предпри-

имчивых людей, и потому всякий мог везти, что ему вздумалось. Если же кто и производил обыск и ревизовку, то делал это большею частию для своего собственного удовольствия, особливо, если на возу находились заманчивые для глаз предметы и если его собственная рука имела порядочный вес и тяжесть. Но кирпич не находил охотников и въехал беспрепятственно в главные городские ворота. Бульба, в своей тесной клетке, мог только слышать шум, крики возниц, и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своем коротком, запачканном пылью, рысаке, поворотил, сделавши несколько кругов, в темную узенькую улицу, носившую название Грязной и вместе Жидовской, потому что здесь действительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность заднего двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почерневшие деревянные домы со множеством протянутых из окон жердей увеличивали еще более мрак. Изредка краснела между ними кирпичная стена, но и та уже во многих местах превращалась совершенно в черную. Иногда только вверху ощекотуренный кусок стены, обхваченный солнцем, блистал нестерпимою для глаз белизною. Тут всё состояло из сильных резкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякий, что было только у него негодного, швырял на улицу, доставляя прохожим возможные удобства питать все чувства свои этою дрянью. Сидящий на коне всадник чуть-чуть не доставал рукою жердей, протянутых через улицу из одного дома в другой, на которых висели жидовские чулки, коротенькие панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемневшими бусами, выглядывало из ветхого окошка. Куча жиденков, запачканных, оборванных, с курчавыми волосами, кричала и валялась в грязи. Рыжий жид с веснушками по всему лицу, делавшими его похожим на воробьиное яйцо, выглянул из окна, тотчас заговорил

с Янкелем на своем тарабарском наречии, и Янкель тотчас въехал в один двор. По улице шел другой жид, остановился, вступил тоже в разговор, и когда Бульба выкарабкался, наконец, из-под кирпича, он увидел трех жидов, говоривших с большим жаром.

Янкель обратился к нему и сказал, что всё будет сделано, что его Остап сидит в городской темнице, и хотя трудно уговорить стражей, но, однако ж, он надеется доставить ему свидание.

Бульба вошел вместе с тремя жидами в комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своем непонятном языке. Тарас поглядывал на каждого из них. Что-то, казалось, сильно потрясло его. На грубом и равнодушном лице его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посещает иногда человека в последнем градусе отчаяния. Старое сердце его начало сильно биться, как будто у юноши.

„Слушайте, жиды!“ сказал он, и в словах его было что-то восторженное. „Вы всё на свете можете сделать, выкопаете хоть из дна морского, и пословица давно уже говорит, что жид самого себя украдет, когда только захочет украсть. Освободите мне моего Остапа! Дайте случай убежать ему от дьявольских рук. Вот я этому человеку обещал двенадцать тысяч червонных — я прибавляю еще двенадцать. Все, какие у меня есть, дорогие кубки и закопанное в земле золото, хату и последнюю одежду продам и заключу с вами контракт на всю жизнь, с тем, чтобы всё, что ни добуду на войне, делить с вами пополам!“

„О, не можно, любезный пан! не можно!“ сказал со вздохом Янкель.

„Нет, не можно!“ сказал другой жид.

Все три жида взглянули один на другого.

„А попробовать?“ сказал третий, боязливо поглядывая на двух других: „Может быть, бог даст.“

Все три жида заговорили по-немецки. Бульба, как ни наострял свой слух, ничего не мог отгадать. Он слышал только часто произносимое слово „Мардохай“ и больше ничего.

„Слушай, пан!“ сказал Янкель: „нужно посоветоваться с таким человеком, какого еще никогда не было на свете. У, у! то такой мудрый, как Соломон, и когда он ничего не сделает, то уже никто на свете не сделает. Сиди тут! вот ключ! и не впускай никого!“ Жиды вышли на улицу.

Тарас запер дверь и смотрел в маленькое окошечко на этот грязный жидовский проспект. Три жида остановились посредине улицы и стали говорить довольно азартно. К ним присоединился скоро четвертый, наконец и пятый. Он слышал опять повторяемое: „Мардохай, Мардохай.“ Жиды беспрестанно посматривали в одну сторону улицы. Наконец, в конце ее, из-за одного дрянного дома показалась нога в жидовском башмаке, и замелькали фалды полукафтанья. „А! Мардохай! Мардохай!“ закричали все жиды в один голос. Тощий жид, несколько короче Янкеля, но гораздо более покрытый морщинами, с преогромною верхнею губою, приблизился к нетерпеливой толпе, и все жиды наперерыв спешили рассказывать ему, при чем Мардохай несколько раз поглядывал на маленькое окошечко, и Тарас догадывался, что речь шла о нем. Мардохай размахивал руками, слушал, перебивал речь, часто плевал на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывал в карман руку и вынимал какие-то побрякушки, при чем показывал прескверные свои панталоны. Наконец, все жиды подняли такой крик, что жид, стоявший на стороже, должен был давать знак к молчанию, и Тарас уже начал опасаться за свою безопасность,— но, вспомнивши, что жиды не могут иначе рассуждать, как на улице, и что их языка сам демон не поймет, он успокоился.

Минуты две спустя, жиды вместе вошли в его комнату. Мардохай приблизился к Тарасу, потрепал его по плечу и

сказал: „Когда мы да бог захочет сделать, то уже будет так, как нужно.“

Тарас поглядел на этого Соломона, какого еще не было на свете, и получил некоторую надежду. Действительно, вид его мог внушить некоторое доверие: верхняя губа у него была просто страшилище. Толщина ее, без сомнения, увеличилась от посторонних причин. В бороде у этого Соломона было только пятнадцать волосков, и то на левой стороне. На лице у Соломона было столько знаков побоев, полученных за удальство, что он, без сомнения, давно потерял счет им и привык их считать за родимые пятна.

Мардохай ушел вместе с товарищами, исполненными удивления к его мудрости. Бульба остался один. Он был в странном, небывалом положении: он чувствовал в первый раз в жизни беспокойство. Душа его была в лихорадочном состоянии. Он не был тот прежний, непреклонный, неколебимый, крепкий, как дуб: он был малодушен; он был теперь слаб. Он вздрагивал при каждом шорохе, при каждой новой жидовской фигуре, показывавшейся в конце улицы. В таком состоянии пробыл он, наконец, весь день; не ел, не пил, и глаза его не отрывались ни на час от небольшого окошка на улицу. Наконец, уже ввечеру поздо показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

„Что? удачно?“ спросил он их с нетерпением дикого коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались с духом отвечать, Тарас заметил, что у Мардохая уже не было последнего локона, который хотя довольно неопрятно, но всё же вился кольцами из-под яломка его. Заметно было, что он хотел что-то сказать, но наговорил такую дрянь, что Тарас ничего не понял. Да и сам Янкель прикладывал очень часто руку ко рту, как будто бы страдал простудою.

„О, любезный пан!“ сказал Янкель: „теперь совсем не можно! ей богу, не можно! Такой нехороший народ, что ему надо на самую голову наплевать. Вот и Мардохай ска-

жет. Мардохай делал такое, какого еще не делал ни один человек на свете, но бог не захотел, чтобы так было. Три тысячи войска стоят, и завтра их всех будут казнить."

Тарас глянул в глаза жидам, но уже без нетерпения и гнева.

„А если пан хочет видеться, то завтра нужно рано, так, чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются и один левентар обещался. Только пусть им не будет на том свете счастья! Ой вей мир, что это за корыстный народ! и между нами таких нет. 50 червонцев я дал каждому, а левентару..."

„Хорошо. Веди меня к нему!" произнес Тарас решительно, и вся твердость возвратилась в его душу. Он согласился на предложение Янкеля переодеться иностранным графом, приехавшим из немецкой земли, для чего платье уже успел припасти дальновидный жид. Была уже ночь. Хозяин дома, известный рыжий жид с веснушками, вытащил тощий тюфяк, накрытый какою-то рогожею, и разостлал его на лавке, для Бульбы. Янкель лег на полу, на таком же тюфяке. Рыжий жид выпил небольшую чарочку какой-то настойки, скинул полукафтанье и, сделавшись в своих чулках и башмаках несколько похожим на цыпленка, отправился с своею жидовкой во что-то похожее на шкаф. Двое жиденков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа. Но Тарас не спал. Он сидел неподвижен и слегка барабанил пальцем по столу. Он держал во рту люльку и пускал дым, от которого жид спросонья чихал и заворачивал в одеяло свой нос. Едва небо успело тронуться бледным предвестием зари, он уже толкнул ногою Янкеля.

„Вставай жид, и давай твою графскую одежду!"

В минуту оделся он; вычернил усы, брови, надел на темя маленькую темную шапочку—и никто бы из самых близких к нему козаков не мог узнать его. По виду ему казалось не более тридцати пяти лет. Здоровый румянец играл на его щеках, и самые рубцы придавали ему что-то

повелительное. Одежда, убранная золотом, очень шла к нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось в городе с коробкою в руках. Бульба и Янкель пришли к строению, имевшему вид сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почерневшее, и с одной стороны его выкидывалась, как шея аиста, длинная, узкая башня, на верху которой торчал кусок крыши. Это строение отправляло множество разных должностей. Тут были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный суд. Наши путники вошли в ворота и очутились среди пространной залы, или крытого двора. Около тысячи человек спали вместе. Прямо шла низенькая дверь, перед которой сидевшие двое часовых играли в какую-то игру, состоявшую в том, что один другого бил двумя пальцами по ладони. Они мало обратили внимания на пришедших и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказал: „Это мы, слышите, паны, это мы.“

„Ступайте!“ говорил один из них, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятия от него ударов.

Они вступили в коридор, узкий и темный, который опять привел их в такую же залу, с маленькими окошками вверху. „Кто идет?“ закричало несколько голосов, и Тарас увидел порядочное количество гайдуков в полном вооружении. „Нам никого не велено пускать.“

„Это мы!“ кричал Янкель: „ей богу, мы, ясные паны!“ Но никто не хотел слушать. К счастию, в это время подошел какой-то толстяк, который, по всем приметам, казался начальником, потому что ругался сильнее всех.

„Пан, это ж мы. Вы уже знаете нас, и пан граф еще будет благодарить.“

„Пропустите, сто дьяблов чортовой матке! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидал и не собачился на полу...“

Продолжения красноречивого приказа уже не слышали наши путники. „Это мы, это я, это свои!“, говорил Янкель, встречаясь со всяким.

„А что, можно теперь?“ спросил он одного из стражей, когда они наконец подошли к тому месту, где коридор уже оканчивался.

„Можно, только не знаю, пропустят ли вас в самую тюрьму. Теперь уже нет Яна: вместо его стоит другой“, отвечал часовой.

„Ай, ай!“ произнес тихо жид: „это скверно, любезный пан!“

„Веди!“ произнес упрямо Тарас. Жид повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху острием, стоял гайдук, с усами в три яруса. Верхний ярус усов шел назад, другой прямо вперед, третий вниз, что делало его очень похожим на кота.

Жид съежился в три погибели и почти боком подошел к нему. „Ваша ясновельможность! ясновельможный пан!“

„Ты, жид, это мне говоришь?“

„Вам, ясновельможный пан.“

„Гм... а я просто гайдук!“ сказал трех-ярусный усач с повеселевшими глазами.

„А я, ей богу думал, что это сам воевода. Ай-ай-ай!..“ При этом жид покрутил головою и расставил пальцы. „Ай, какой важный вид! Ей богу, полковник! совсем полковник! Вот еще бы только на палец прибавить, то и полковник! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!“

Гайдук поправил нижний ярус усов своих, при чем глаза его совершенно развеселились.

„Что за народ военный!“ продолжал жид: „ох, вей мир, что за народ хороший! Шнуречки, бляшечки... так от них блестит, как от солнца; а цурки, где только увидят военных... ай-ай!“ Жид опять покрутил головою.

Гайдук завил рукою верхние усы и пропустил сквозь зубы звук, несколько похожий на лошадиное ржание.

„Прошу пана оказать услугу!“ произнес жид: „Вот князь приехал из чужого края, хочет посмотреть на козаков. Он еще с роду не видел, что это за народ козаки.“

Появление иностранных графов и баронов было в Польше довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытством посмотреть этот почти полуазиатский угол Европы. Московию и Украйну они почитали уже находящимися в Азии. И потому гайдук, поклонившись довольно низко, почел приличным прибавить несколько слов от себя:

„Я не знаю, ваша ясновельможность“, говорил он: „зачем вам хочется смотреть их. Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.“

„Врешь ты, чортов сын!“ сказал Бульба: „сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? Это вашу еретичную веру не уважают!“

„Эге-ге!“ сказал гайдук: „а я знаю, приятель, кто ты: ты сам из тех, которые уже сидят у меня. Постой же, я позову сюда наших.“

Тарас увидел свою неосторожность, но упрямство и досада помешали ему подумать о том, как бы исправить ее. К счастию, Янкель в ту же минуту успел подвернуться.

„Ясновельможный пан! как же можно, чтобы граф да был козак? А если бы он был козак, то где бы он достал такое платье и такой вид графский?“

„Рассказывай себе!“ и гайдук уже растворил было широкий рот свой, чтобы крикнуть.

„Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради бога!“ закричал Янкель. „Молчите! мы уж вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам два золотых червонца.“

„Эге! два червонца! Два червонца мне ни по чем. Я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мне только половину бороды выбрил. Сто червонных давай, жид!“ Тут

гайдук закрутил верхние усы. „А как не дашь ста червонных, сейчас закричу!“

„И на что бы так много?“ горестно сказал побледневший жид, развязывая кожаный мешок свой. Но он счастлив был, что в его кошельке не было более и что гайдук далее ста не умел считать. „Пан! пан! уйдем скорее! Видите, какой тут нехороший народ!“ сказал Янкель, заметивши, что гайдук перебирал на руке деньги, как бы жалея о том, что не запросил более.

„Что-ж ты, чортов гайдук“, сказал Бульба: „деньги взял, а показать и не думаешь? Нет, ты должен показать. Уж когда деньги получил, то ты не в праве теперь отказать.“

„Ступайте, ступайте к дьяволу! а не то я сию минуту дам знать, и вас тут... Уносите ноги, говорю я вам, скорее!“

„Пан! пан! пойдем! ей богу, пойдем! Цур им! Пусть им приснится такое, что плевать нужно!“ кричал бедный Янкель.

Бульба медленно, потупив голову, оборотился и шел назад, преследуемый укорами Янкеля, которого ела грусть при мысли о даром потерянных червонцах.

„И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народ, что не может не браниться! Ох, вей мир, какое счастие посылает бог людям! Сто червонцев за то только, что прогнал нас! А наш брат: ему и пейсики оборвут, и из морды сделают такое, что и глядеть не можно, а никто не даст ста червонных. О, боже мой! боже милосердый!“

Но неудача эта гораздо более имела влияния на Бульбу. Она выражалась пожирающим пламенем в его глазах.

„Пойдем!“ сказал он вдруг, как бы встряхнувшись: „пойдем на площадь. Я хочу посмотреть, как его будут мучить.“

„Ой пан, зачем ходить? Ведь нам этим не помочь уже.“

„Пойдем!“ упрямо сказал Бульба, и жид, как нянька, вздыхая, побрел вслед за ним.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народ валил туда со всех

сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин, самых трусливых, которым после всю ночь грезились окровавленные трупы, которые кричали спросонья так громко, как только может крикнуть пьяный гусар, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. „Ах, какое мученье!“ кричали из них многие с истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однако же простаивали иногда довольное время. Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, чтобы оттуда посмотреть повиднее. Из толпы узких, небольших и обыкновенных голов высовывал свое толстое лицо мясник, наблюдал весь процесс с видом знатока и разговаривал односложными словами с оружейным мастером, которого называл кумом, потому что в праздничный день напивался с ним в одном шинке. Иные рассуждали с жаром, другие даже держали пари; но бо́льшая часть была таких, которые на весь мир и на всё, что ни случается в свете, смотрят, ковыряя пальцем в своем носу. На переднем плане, возле самых усачей, составлявших городовую гвардию, стоял молодой шляхтич, или казавшийся шляхтичем, в военном костюме, который надел на себя решительно всё, что у него ни было, так что на его квартире оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Две цепочки, одна сверх другой, висели у него на шее с каким-то дукатом. Он стоял с коханкою своею, Юзысею, и беспрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замарал ее шелкового платья. Он ей растолковал совершенно всё, так что уже решительно не можно было ничего прибавить. „Вот это, душечка Юзыся“, говорил он: „весь народ, что вы видите, пришел затем, чтобы посмотреть, как будут казнить преступников. А вот тот, душечка, что, вы видите, держит в руках секиру и другие инструменты, то палач, и он будет казнить. И как

начнет колесовать и другие делать муки, то преступник еще будет жив; а как отрубят голову, то он, душечка, тотчас и умрет. Прежде будет кричать и двигаться, но как только отрубят голову, тогда ему не можно будет ни кричать, ни есть, ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше не будет головы." И Юзыся всё это слушала со страхом и любопытством. Крыши домов были усеяны народом. Из слуховых окон выглядывали престранные рожи в усах и в чем-то похожем на чепчики. На балконах, под балдахинами, сидело аристократство. Хорошенькая ручка смеющейся, блистающей, как белый сахар, панны держалась за перилы. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядели с важным видом. Холоп, в блестящем убранстве, с откидными назад рукавами, разносил тут же разные напитки и съестное. Часто шалунья с черными глазами, схвативши светлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала в народ. Толпа голодных рыцарей подставляла на подхват свои шапки, и какой-нибудь высокий шляхтич, высунувшийся из толпы своею головою, в полинялом красном кунтуше, с почерневшими золотыми шнурками, хватал первый, с помощию длинных рук, целовал полученную добычу, прижимал ее к сердцу и потом клал в рот. Сокол, висевший в золотой клетке под балконом, был также зрителем: перегнувши на-бок нос и поднявши лапу, он, с своей стороны, рассматривал также внимательно народ. Но толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: „ведут! ведут!.. козаки!"

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами. Бороды у них были отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но с какою-то тихою горделивостию; их платья, из дорогого сукна, износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел в него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они прибли-

зились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко: „Дай же, боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!“ После этого он приблизился к эшафоту.

„Добре, сынку, добре!“ сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки и... Я не стану смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волоса. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою до такой степени, что сделался глух для человеколюбия. Должно, однако ж, сказать, что король всегда почти являлся первым противником этих ужасных мер. Он очень хорошо видел, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение козачьей нации. Но король не мог сделать ничего против дерзкой воли государственных магнатов, которые непостижимою недальновидностью, детским самолюбием, гордостью и неосновательностью превратили сейм в сатиру на правление. Остап выносил терзания, как исполин, с невообразимою твердостью, и когда начали перебивать ему на руках и ногах кости, так что ужасный хряск их слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его. Лицо его не дрогнулось. Тарас стоял в толпе с потупленною головою и с поднятыми, однако же, глазами и одобрительно только говорил: „добре, сынку, добре!“

Наконец, сила его, казалось, начала подаваться. Когда он увидел новые адские орудия казни, которыми гото-

вились вытягивать из него жилы, губы его начали шевелиться. „Батько!“ произнес он всё еще твердым голосом, показывавшим желание пересилить муки: „батько, где ты? слышишь ли ты?“

„Слышу!“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел, как смерть, и когда они немного отдалились от него, он со страхом оборотился назад; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

IX.

След Тарасов отыскался. Тридцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украйны. Это уже не был какой-нибудь отряд, выступавший для добычи или своей отдельной цели: это было дело общее. Это целая нация, которой терпение уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленные права свои, за униженную религию свою и обычай, за вероломные убийства гетьманов своих и полковников, за насилие жидовских арендаторов и за всё, в чем считал себя оскорбленным угнетенный народ. Верховным начальником войска был гетьман Остраница, еще молодой, кипевший желанием скорее сбросить утеснительный деспотизм, наложенный самоуправием государственных магнатов, и очистить Украйну от жидовства, унии и постороннего сброда. Возле него был виден престарелый и опытный товарищ и советник его Гуня. Сорок тысяч лошадей нетерпеливо ржали под седоками и без седоков. Восемь полков, из которых половина конных и половина пеших, в суконных алых, синих и желтых кафтанах, выступали браво и горделиво. Восемь опытных полковников правили ими и

хладнокровным движением бровей своих ускоряли или останавливали нетерпеливый поход их. Одним из них начальствовал Бульба. Преклонные лета, слава и опытность давали ему значительный перевес в совете; но неумолимая и свирепая жестокость его казалась ужасною даже для глубоко оскорбленных защитников. Его совет дышал только одним истреблением, и седая голова его определяла только *огонь и виселицу*.

Не буду описывать тех битв, где отличились козаки, ни постепенного хода всей великой кампании: это принадлежит истории. Там изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов, как были перевешаны бессовестные арендаторы-жиды, как слаб был коронный гетьман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы, как, разбитый, преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска, как облегли его в небольшом местечке Полонном грозные козацкие полки, и как приведенный в крайность польский гетьман клятвенно обещал полное удовлетворение во всем со стороны короля и государственных чинов, и возвращение всех прежних прав и преимуществ; но козаки, наученные прежним вероломством, были неумолимы, и Потоцкий не красовался бы более на шеститысячном своем аргамаке, привлекая взоры знатных панн и зависть дворянства, если бы не спасло его находившееся в местечке русское духовенство. Торжественная процессия с образами и крестами и мольбы священника-старца тронули козаков, еще чувствовавших узы, привязывавшие их к королю. Гетьман и полковники решились отпустить Потоцкаго не прежде, как заключивши трактат, обеспечивший бы во всем козаков. Но непреклонный Тарас вырвал из белой головы своей клок волос, когда увидел такое, по словам его, бабье малодушие полковников. „Не попущу, полковники, чтобы вы учинили такое дело!“, вскричал он твердо. Но на этот раз совет его был отвергнут.

„Эй, не верьте, паны, ляхам!“ повторил он опять тем же голосом, помахивая нагайкою и хлеснувши ею по пушке. Когда же полковой писарь подал уже написанное условие подписать гетьману, он махнул рукою и сказал: „Оставайтесь же себе, паны! Меня вы больше не увидите. Глядите, паны: вы вспомните меня!“ И голос его имел в себе что-то пророческое. „Вы думаете, что купили этим спокойствие и будете теперь пановать — увидите, что не будет сего! Сдерут с твоей головы, гетьман, кожу! набьют ее гречаною половою, и долго будут видеть ее по ярмаркам! Да и у вас, паны, у редкого уцелеет голова! Пропадете вы в сырых погребах, замурованные в каменные стены, если не сварят вас живых в котлах, как баранов!“

„А вы, хлопцы, хотите умирать?“ продолжал он, обращаясь к своему полку: „умирать так, как умирают честные козаки? А, может-быть, вы думаете еще пожить да залечь дома на печь, да и лежать там, покамест не приберет враг? Что-ж лучше, спрашиваю я вас, молодцы: воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила вас жинка, и, напившись, пропасть где-нибудь под тыном, как собака; или всем, как верным лыцарям, как братьям родным, лечь вместе на поле и оставить по себе славу навеки?“

„За тобою, пане полковнику! за тобою все!“ отвечали передние в полку: „веди! ей богу, веди!“

„Добре, паны молодцы!“ сказал Тарас, взявши свою шапку в руки и потом опять надевши ее на голову. Глаза его сверкнули. „Вырежем всё католичество, чтобы его и духу не было! Пусть пропадут нечестивые! Гайда, хлопцы!“ Сказавши это, исступленный седой фанатик отправился с полком своим в путь. Другие козаки с завистью глядели на удалявшихся сотоварищей, и только одно строгое повиновение к полковникам, бывшее всегдашнею их добродетелию, препятствовало многим охотникам к ним присоединиться.

Гетьман и полковники не остановили удалявшегося полка. Казалось, предсказание Тараса несколько смутило их, —

по крайней мере, они сидели несколько времени молча и не глядя друг на друга. Скоро, однако же, пророческие слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя после вероломного поступка под Каневом, голова гетьмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками.

Но обратимся к нашей истории. Что ж делал Тарас с своим полком? А Тарас выжег восемнадцать местечек, около сорока костелов и уже доходил до Кракова. Напрасно небольшие отряды войск посылаемы были схватить его: он всегда почти разминался с ними. Он поступал неожиданно, скрывая свои намерения, и когда одно селение или небольшой городок ожидал с ужасом его прибытия, он вдруг переменял дорогу и нес гибель туда, где его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмелилась бы изобразить всех тех свирепств, которыми были означены разрушительные его опустошения. Ничто похожее на жалость не проникало в это старое сердце, кипевшее только отмщением. Никому не оказывал он пощады. Напрасно несчастные матери и молодые жены и девицы, из которых иные были прекрасны и невинны, как ландыш, думали спастись у алтарей: Тарас зажигал их вместе с костелом. И когда белые руки, сопровождаемые криком отчаяния, подымались из ужасного потопа огня и дыма к небу, и растрепанные волосы сквозь дым рассыпались по плечам их, а свирепые козаки подымали копьями с улиц плачущих младенцев и бросали их к ним в пламя, — он глядел с каким-то ужасным чувством наслаждения и говорил: „это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!“ и такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении. Наконец, польское правительство увидело, что поступки Тараса были несколько более, нежели обыкновенное разбойничество. И тому же самому Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Тарас понял опасность и поворотил назад. Проселочными дорогами, ночью, скакал он с своими козаками во всю

мочь, и одни только татарские кони, которых он имел обычай держать целый табун при своем войске, могли вынести необыкновенную быстроту его бегства. Но на этот раз Потоцкий был достоин возложенного на него поручения: он преследовал его с удивительною неутомимостью и наконец настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для небольшого роздыха оставленную полуразвалившуюся крепость.

Крепость была на возвышенном месте и оканчивалась к реке такою страшною, почти наклоненною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться в волны. Почти на двадцать сажен вниз шумел Днестр. Здесь-то облег его Потоцкий своими войсками с трех сторон, обращенных к полю и к оврагам неровных берегов. Тарас с помощью своей храбрости и упрямой воли мог сделать тщетными все усилия осаждающих; но он не имел в опустелой крепости никаких средств для прокормления, а козаки менее всего могли сносить голод, особливо когда видели, что он должен наконец окончиться медленною смертью. С рекою невозможно было иметь сообщения; одна только половина узкой дорожки висела вверху, остальная упала в волны с недавно отколовшеюся глыбою скалы, и вместо нее осталась стремнина. Тарас решился оставить крепость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды неприятелей и по берегу достигнуть такого места, с которого бы можно было кинуться на лошадях и пуститься с ними вплавь. Он стремительно вышел из крепости, и уже козаки пробрались сквозь неприятельские ряды, как вдруг Тарас, остановившись и нагнувшись в землю, сказал: „стой, братцы! уронил люльку.“ В это самое время он почувствовал себя в дюжих руках, был схвачен набежавшим с тыла отрядом и отрезан от своих. Он двигнул своими членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки. „Эх, старость, старость!“ сказал он, почти-что не заплакав. Ему прикрутили руки, увязали веревками и цепями,

привязали его к огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздем и поставили это бревно рубом в расселину стены, так что он стоял выше всех и был виден всем войскам, как победный трофей удачи. Ветер развевал его белые волоса. Казалось, он стоял на воздухе, и это, вместе с выражением сильного бессилия, делало его чем-то похожим на духа, представшего воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидевшего ее ничтожность. В лице его не было заметно никакой заботы о себе. Он вперил глаза в ту сторону, где отстреливались козаки. Ему с высоты всё было видно, как на ладоне. „Занимайте, хлопцы", кричал он: „занимайте, вражьи дети, говорю вам, скорее горку, что за лесом: туда не подступят они!" Но ветер не донес его слов. „Вот пропадут, пропадут ни за что!" говорил он с бешенством и взглянул вниз, где блестел Днестр. Чувство радости сверкнуло в его глазах. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника три кормы. Он собрал все усилия и закричал так, что едва не оглушил стоявших близь него: „Хлопцы, к берегу, к берегу! Под кручею, где крепость, стоят челны, а за вами в двадцати шагах спуск к берегу! Да забирайте все челны, чтобы не было погони!"

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но удар обухом по голове за такой совет переворотил в его глазах всё. Его опустили вместе с бревном ниже, чтобы он не мог более подавать своих наставлений.

Козаки поворотили коней и бросились бежать во всю прыть; но берег всё еще состоял из стремнин. Они бы достигли понижения его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени в четыре шириною: одни только сваи разрушенного моста торчали на обеих концах; из недосягаемой глубины ее едва доходило до слуха умиравшее журчание какого-то потока, низвергавшегося в Днестр. Эту пропасть можно было объехать, взявши вправо; но войска неприя-

тельские были уже почти на плечах их. Козаки только один миг ока остановились, подняли свои нагайки, свистнули, и татарские их кони, отделившись от земли, распластались в воздухе, как змеи, и перелетели через пропасть. Под одним только конь оступился, но зацепился копытом и, привыкший к крымским стремнинам, выкарабкался с своим седоком. Отряд неприятельских войск с изумлением остановился на краю пропасти. Начальствовавший ими полковник, молодой, неустрашимый до безрассудности (он был брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия), без дальнего размышления решился повторить и себе то же, и, желая подать пример своему отряду, бросился вперед с конем своим; но острые камни изорвали его, пропавшего среди пропасти, в клочки, и мозг его, смешанный с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного от своего удара и глянул на Днестр, он увидел под ногами своими козаков, садившихся в лодки. Глаза его сверкнули радостью. Град пуль сыпался сверху на козаков, но они не обращали никакого внимания и отчаливали от берегов. „Прощайте, паны-браты, товарищи!“ говорил он им сверху: „вспоминайте иной час обо мне! Об участи же моей не заботьтесь! я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимут по кускам, и что кусочка моего тела не оставят на земле — да то уже мое дело... Будьте здоровы, паны-браты, товарищи! Да глядите, прибывайте на следущее лето опять, да погуляйте, хорошенько!..“ удар обухом по голове пресек его речи.

Чорт побери! да есть ли что на свете, чего бы побоялся козак? Не малая река Днестр; а как погонит ветер с моря, то вал дохлестывает до самого месяца. Козаки плыли под пулями и выстрелами, осторожно минали зеленые острова, хорошенько выправляли парус, дружно и мерно ударяли веслами и говорили про своего атамана.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТЕКСТ ГЛАВЫ VI ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ „ТАРАСА БУЛЬБЫ“

Андрий едва двигался в узком земляном коридоре, следуя за татаркой и влача за собой мешки и хлеб. „Скоро нам будет видно“, сказала провожатая: „мы подходим на место, где оставила я светильню.“ И точно, темные земляные стены начали понемногу озаряться.[1] Они достигли небольшой площадки, где, казалось, была часовня — что-то в роде маленького олтаря, и виден был образ, почти изгладившийся, католической мадонны с лампой перед ним. Татарка наклонилась и подняла с земли старинную лампу на высокой медной ножке с висевшими на медной цепочке щипцами, шпилькою для поправки светильни и гасильником. Тут же зажгла ее огнем лампы. [Свет усилился и, освещая их, напоминал картины della notte]. Свет усилился и они, идя вместе, то освещаясь сильно огнем, то набрасываясь темною, как уголь, тенью, напоминали картины della notte, живость которых увеличивала сильная противуположность изнуренного, бледного лица татарки и свежего, кипящего здоровьем и румянцем юности лица рыцаря. Проход стал как будто шире. По крайней мере, Андрию можно уже

[1] *в рукописи:* озираться

было выпрямиться. Он рассматривал с любопытством эти низенькие стены, и много<е> напомнило ему киевские печеры. Также местами видны были углубления в стенах и стояли кое где[1] гробы; местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпавшиеся в муку. — И здесь также, видно, жили святые люди и укрывались также от мирских бурь и горя и обольщений. Сырость местами была очень сильна: под ногами их иногда была совершенная вода. Андрий должен был часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутнице. Усталость беспрестанно возобновлялась. Небольшой кусок хлеба, который она проглотила, произвел боль в ее желудке, отвыкшем совершенно от пищи, и она оставалась часто без движения на одном месте. Наконец они встретили перед собою запертую дверь. „Ну, слава богу! мы пришли.“ Подняла кулак постучать в нее и не имела сил. Андрий ударил довольно <сильно> и за дверью отозвался глухо отголосок, дававший знать, что находилось за ними большое пространство. Минут через несколько загремели ключи; кто-то сходил по лестнице. Наконец дверь отперлась; их встретил монах, стоявший на узенькой лестнице с ключами и свечой в руках.

Андрий несколько остановился при виде католического монаха, которых вид производил всегда презрение в козаках и которых они вешали наравне с жидами. Монах тоже с своей <стороны> отступил назад при виде запорожского козака. Одно слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Он посветил им, запер за ними дверь и ввел их по лестнице в верх, и они очутились под высокими сводами монастырской церкви. У одного из олтарей, с высокими свечами, стоял на коленях священник и тихо молился. Около него с обеих <сторон> стояли два молодые клироса в лиловых мантиях, и белых <шемизетках> с кадилами в руках. Казалось, совершалась молитва. Он молился

[1] и

о ниспослании чуда, о спасении города, о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, о удалении злого духа, нашептывающего ропот и робкий малодушный плач на земные несчастия. Несколько женщин, похожих на привидения, стояли на коленях, опершись на стулья и скамьи, бывшие среди церкви. Несколько изможденных мужчин печально стояли на коленях, прислонясь у колонн. Окно над олтарем озарилось розовым румянцом утра и на темный церковный пол упали от него голубые и желтые кружки света, осветившие темную церковь. Весь олтарь в своем далеком углублении показался в сиянии; кадильный дым остановился на воздухе, освещенный радужным облаком. Андрий с каким-то благоговейным изумлением глядел из своего темного угла на это чудо, произведенное освещением. В это время раздался величественный рев органа и наполнил всю церковь. Становясь гуще, громовые протяжные звуки, то усиливались, то исчезали и, обратясь в небесную музыку, потом опять обращались в рев и гром, и затихли, и долго еще громовые рокоты носились, дрожа, под сводами. С каким то ⟨дивным чувством?⟩ дивился с полуразверзстым ⟨ртом⟩ Андрий величественной музыке. В это время услышал, как татарка его дернула за козацкую свиту, сказав: „пора!“ Они перешли через церковь, почти незамеченные никем, и вышли на площадь. Заря уже давно занялась и всё возвещало восхождение солнца. Площадь была почти квадратная; вся середина ее состояла из засохшей земляной груды, показывавшей, что грязь ⟨на⟩ ней залеживалась не на шутку во время дождей. Небольшие каменные и глиняные домы в один этаж, с видными в стенах деревянными сваями, перекрещенными косвенно завязывавшими их деревянными связями, как строились тогда у городских обывателей, какие остались кое-где и поныне, с непомерно высокими крышами, наполненными бездною слуховых окон и отдушин. На одной стороне, близь церкви, выше других возносился, вероятно, городовой магистрат или тому подоб-

ное здание в два этажа с надстроенным наверху, в две арки, бельведером, где стоял, как[1] часовой, опершись[2] большой крышкой, часовой циферблат.[3] Площадь была пуста. Но Андрию почудилось какое-то слабое стенание. Он заметил на другой стороне ее лежавших два тру<па> в каких-<то> судорожных по<ложениях?>. В то время, когда он, желая рассмотреть их, <сделал> несколько шагов, он споткнулся на что-то лежавшее у ног его; опустив глаза вниз, он увидел, что это было мертвое <тело> жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя в искаженных, изможденных чертах ее с первого раза нельзя было сего видеть. На ее голове был шелковый <платок?>; жемчуги, или бусы в два ряда видны были на ее наушниках. Две, три длинные, все завившиеся кудри падали на высохшую шею с натянувшимися жилами. Возле нее лежал ребенок, судорожно схватившись рукою за тощую грудь и скрутивший ее в своих пальцах. Он уже не плакал и не кричал, и только по опускавшемуся и поднимавшемуся животу можно было думать, что он еще не умер или, по крайней мере, испускал последнее дыхание. Они поворотили в улицы[4] и были остановлены каким-то беснующимся, который почти-что вцепился ему <в свитку?>, крича: „хлеба!" Он бросил ему хлеб, на который тот бросился подобно бешеной собаке, весь изгрыз, искусал и тут же на улице умер в судорогах от долгой непривычки[5] принимать пищу. На каждом шагу поражали их жертвы голода. Казалось, как будто, не вынося мучений в домах, <жители> выбежали на улицы. У ворот одного <дома> сидела старуха, и нельзя было сказать, заснула или так позабылась; по крайней мере, она, казалось, не слышала ничего и, опустив голову на грудь, не двигалась ни одним суставом. С крыши одного дома[6] висело[7] вытянувшее<ся> исчахлое тело.

---

[1] солдат воин [2] на ружье и смотря [3] виден [4] и на каждом шагу останавливали их жертвы голодной <смерти?>, так [5] не [6] висело на веревочной петле тело [7] высохнувшее

Бедняк, видно, не мог вынести до конца страданий голода и самоубийством захотел ускорить ⟨конец свой?⟩. [Будучи свидетелем сих страшных ⟨мучений?⟩, Андрий не мог не изъявить изумления татарке, как они, погибая такою лютою смертью, всё еще[1] думают защищать город]. „Но будто бы однакоже“ так[2] сказал он: „ничего у вас не осталось, чем бы питаться. [Когда] Обыкновенно, когда не останется ничего и когда человеку[3] пришла последняя крайность, он питается теми тварями, которых запрещает закон и всё ⟨*1 нрзб.*⟩.“ „Но что же будешь есть?“ сказала татарка: „всё переели: и коней, и собак, и котов. В городе ведь запасу только и было, что дня на три: всё навозят из деревень.“ „Как же вы“, сказал ⟨Андрий⟩: „претерпевая такую лютую смерть, всё еще думаете защищаться?“ „О! воевода бы давно его выдал“, сказала ⟨татарка⟩: „зажег бы, как хотели было, но третьего[4] дни полковник, который в Бужанах, пустил в город сокола с запискою, чтобы не отдавать города, потому что он сам идет на выручку и ожидает только другого полковника, чтобы вместе с ним итти. Но вот уж мы пришли к дому.“

Андрий[5] уже давно видел дом, непохожий на другие и, как казалось, строенный каким-нибудь италианским архитектором. Он был в два этажа. Окна нижнего этажа были обведены гранитными карнизами. Верхний этаж был ⟨выше⟩ первого и[6] весь состоял из арок, образовавших галлерею; между ними проходили красивые решетки. Наружная широкая лестница[7] из крашеных кирпичей выходила[8] на самую площадь;[9] у ног ее сидело по одному часовому, которые картинно и симметрически взявшись[10] за длинные алебарды, другою поддерживали наклоненную свою голову и каза-

---

[1] не сдают [2] говорил [3] в крайнос⟨ти⟩ [4] дни был тайный гонец с приказом подождать и что [ведет] идет войско на помощь, и от того все готовы умереть да ждать [5] рассмотрел [6] [представлял длинную галлерею [7] выходившая [8] на улицу [9] внизу ее [10] за стоящие тяжелые и длинные

лись мастерски произведенными изваяниями. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему и даже не обратили внимания на восходивших по лестнице. На верху лестницы сидел какой-то офицер <*1 нрэб.*>, державший в руках молитвенник. [Ему[1] что он сперва] Они вступили в первую комнату, служившую <передней>, наполненную сидевших в разных положениях солдатов, слуг и прочей дворни, какой, как известно, была немалая бездна у каждого польского вельможи. Слышен был сильный чад погаснувшей светильни; другая горела, не смотря на утро, уже давно глядевшее в большое решетчатое окно. Андрий[2] было хотел <войти> в огромную дверь, украшенную гербом и множеством лепных украшений, но татарка дернула его за руку и указала маленькую дверь в боковой стене. Этою дверью вышли они в коридор, из него — в комнату, которую <он> не мог рассмотреть; сквозь щель ставень проходивший свет тронул кое-где малиновый занавес, позолоченный карниз и живопись на стене. Здесь татарка сказала Андрию подождать и отворила дверь в другую комнату, откуда блеснул свет огня.

Он услышал шопот и голос, от которого всё потряслось у него. И через минуту татарка дала знак, что может войти. Он видел, как мелькнула стройная женская фигура с длинною роскошною косою, упавшею на поднятую руку к верху. Он почти не помнил, как взошел. Дверь за ним затворилась. В комнате горели две свечи; лампа перед образом, столик с ступеньками для преклонения коленей во время молитвы и на нем развернутая книга, — это бросилось ему вскользь, покамест глаза его отыскивали ее. Но она стояла перед ним. Что-то выразилось во всем ее легком движении и фигуре, как будто бы она хотела броситься к нему и вдруг остановилась. Он вперил на нее глаза и остался пораженным на месте: он не такою ожидал ее

---

[1] *Пропуск в рукописи* [2] прямо уже

видеть. Это была не та, совершенно не та, и тени не было похожего на ту, но вдвое прекраснее и чудесней была она теперь, чем прежде. [Что-то полное] Какое-то полное чувство[1] выражалось в ее поднятых глазах, не отрывки, не замена, но чувство, оно само всё нар⟨ужу⟩. Слезы не высохли и облекли влагою глаза, сообщив им бриллиантовый, проходящий душу блеск. Грудь, и шея, и плечи заключились в те прекрасные границы,[2] кудри, которые разносили[3] по лицу ее тень, теперь обратились в густую роскошную косу, которая частью была подобрана и частью разлеталась. Тогда еще было в ней что-то не конченное, не выполненное; теперь это было произведение, которому художник дал последний удар кисти. То была прелестная ветренная девушка, это была красавица, женщина во всей красоте, и все черты ее, казалось, изменились совершенно. Напрасно силился он в них отыскать хоть одну из тех, которые носились в памяти — ни одной не было. Бледность, изнеможение видны были на лице; но ничто не изменило чудесной красы ее. Напротив, казалось, как будто бы она придавала ей что-то стремительно[4] неотразимое, победоносное;[5] и ощутил в душе[6] какое-то смешанное с[7] священною боязнью благоговение Андрий и[8] стал неподвижен перед нею. Она тоже, казалось, была поражена видом козака, который предстал во всей красе и силе юношеского мужества и развязанной вольности движений. Ясною твердостью сверкал глаз его; смелою дугою выгнулась бархатная бровь; загорелая щека блисталась[9] девственным огнем и, как шолк, лоснился молодой черный ус. „Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь!“ сказала она: „Один бог может разве возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине.“ Слова ее прерваны были приходом татарки, принесшей на серебряном вызолоченном блюде хлеб. Она взгля-

---

[1] светилось [2] *не дописано?* [3] *в рукописи:* разносились [4] [неотраз⟨имое⟩] сильное [5] *в рукописи:* победоносный [6] [почти святой ужас Андрий [7] боязнью [8] и стоял недвижным козаком [9] всей

нула и возвела очи на Андрия, и много в них выразилось благодарности. Слеза канула с нее. „А мать?“ спросила, стремительно обратившись к татарке: „ты отнесла ей?“ „Она спит.“ „А отцу?“ „Отнесла; он сказал, что придет сам благодарить рыцаря.“ Она взяла хлеб и поднесла его к роту. [С наслаждением неизъяснимым виде<л>] Нет, не мог равнодушно<?> глядеть Андрий на то, как она ломала [1] чудесными пальцами хлеб и тут ела в глазах его. И вдруг вспомнил о бешеном от голода, который [2] испустил дух в глазах его, съевши хлеба; он побледнел и [3] схватив ее за руку, закричал: „Довольно; не ешь более: ты так долго не ела; тебе хлеб повредит.“ И она опустила тут же руку и положила хлеб на блюдо, как покорный ребенок, и смотрела ему в очи. И не властны были кисть и слово выразить того, что светилось тогда в этих глазах. „Царица!“ вскрикнул Андрий: „что тебе нужно, чего ты хочешь? прикажи мне это! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, я побегу [4] исполнять ее. [5] Скажи мне сделать то, что не в силах сделать ни один человек, я сделаю или погибну: и погибнуть для тебя [6] сладко. У меня три хутора, половина табунов отцовских [7] мои. Таких ни у кого теперь из нас нет оружий; за [8] рукоять моей сабли, выложенную самоцветными камнями, мне дают [9] — от всего этого откажусь, брошу в воду, и сожгу, [10] и [11] истреблю для твоего одного слова.“ „Но тебе нельзя меня любить“, сказала она, положив руку на плечо ему и коснувшись его длинных волос: „тебя зовут братья, отец, отчизна, а мы враги вам.“ „А что мне брат, отец и отчизна? Так нет же, когда так, никого у меня, никого, никого! Кто сказал, что моя отчизна Украйна? Кто ее дал мне в отчизны? Отчизна — то, что милей всего на свете: отчизна моя — ты. Вот моя отчизна. И понесу

---

[1] рукою чуде<сною> [2] издох в гл<азах его> [3] взяв [4] для теб<я> [5] хоть на край света [6] любо [7] [мне при<надлежит>] [8] [мою саблю с <рукоятью?>] [9] *пропуск в рукописи* [10] всё [11] разорю

эту мою отчизну навеки в сердце и всё отдам за эту отчизну; посмотрю, кто из козаков наших ее оттуда вырвет.“ Она остановилась и с изумленьем смотрела ему в очи; потом вдруг зарыдала и кинулась ему на шею, обхватив ее своими руками. Он слышал, как ее[1] чудные ‹уста?› обдавали его благовонной теплотой дыхания, как слезы ее текли ручьями по нем, и распустившиеся ее длинные волосы[2] облекли и обняли[3] его, покрыли ему плечи и руки. В это время раздались на улице крики и заиграли в трубы. „[Радуйся] Наши, наши пришли в город!“ говорила с радостным криком вбежавшая татарка: „привезли хлеба, муки и связанных запорожцев.“ Но ничего не слышали ни она, ни Андрий. Полный обнявших его[4] чувств,[5] чувств, для которых не существует слов, он поцеловал в[6] сии благовонные уста, прильнувшие к щеке, и не безответны ‹были благовонные уста?›: они отозвались тем же, и в слиянном поцелуе то почувствовалось, что один раз в жизни дается чувствовать человеку и то, может быть, одному из[7] целой тысячи.

---

[1] благоухающие [2] обняли всего [3] ‹*нрзб.*› этому преступившему всё [4] чудесных [5] невыразимых никакими словами, райских чув‹ств› [6] те самые [7] целого миллиона

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ОТРЫВКОВ ГЛАВЫ VI „ТАРАСА БУЛЬБЫ“

1. К СТР. 362, СТРОКЕ 31

„Сказав это,[1] она потупила к низу свои очи, и ресницы, длинные как стрелы, опустились на сверкающую белизну лица, и всё лицо наклонилось, и[2] тонкий, едва заметный оттенок румянца стыдливо оттенил его с низу. Ничего не знал, как, что нужно отвечать, Андрий. Он бы хотел много сказать, хотел всё, что[3] было на душе, выразить так же горячо и сильно, как оно было на душе, и не мог: как будто какая неведомая сила заграждала уста его и отнимала звук у слова. Он слышал, что всё у него связа⟨но⟩, что не ему, воспитанному в бурсе и бранной кочевой жизни, отвечать на такие речи. И он замолчал и сильно негодовал[4] за робость, за чорствую свою военную[5] выправку и за всю козацкую натуру.

---

[1] она не договорила далее [2] какой ⟨то⟩ тонкий, едва заметный [3] ни есть [4] ⟨на⟩ самого себя [5] необразова..ность

2. К СТР. 363, СТРОКЕ 2

[И в безмолвном этом обращенном на него взоре,[1] казалось, выражавшем изнеможенное чувство благодарности] Он и более изъяснил ему, наговорил ему[2] сей умиленный взор, выражавший какое-то изнеможение благодарности, чем все речи. Его душе вдруг стало легко и, казалось, всё развязалось в нем. Чувства, движения душевные,[3] которые кто-то сдерживал тяжкою уздою, вдруг почувствовали себя[4] освобожденными, на полной воле и уже хотели излиться в прекрасных речах, как вдруг красавица, обратясь к татарке, беспокойно спросила: „А мать?“

3. К СТР. 363, СТРОКЕ 24

„Но знаю[5] сам, что, может быть, я говорю всё это глупо и некстати и нейдет всё это сюды, что[6] не мне, проведшему[7] жизнь в бурсе и на Запорожье, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и[8] что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. И знаю сам, что ты иное творение божие, чем все мы и[9] далеко перед тобою другие боярские жены и дочки. Не мы должны говорить, но одни ангелы небесные только могут служить тебе.“ С[10] возраставшим участьем и безмолвным изумлением слушала она открытую сердечную речь, в которой, как в зеркале, выражалась вся[11] молодая, полная сил душа молодого запорожца, и уста ее[12] пошевелились и показали

---

[1] [обозначилось] изъясни<лось> [2] этот [3] на которые, казалось, кто<-то> набросил за минуту доселе тяжкую узду [4] на свободе я [6] проведя [7] время [8] всё [9] чем все [10] необыкновенны[11] юная [12] уже

усиленное желание сказать что-то — и вдруг она остановилась и вспомнила, что рыцарь, пред ней стоящий, другим ведется назначением, что у него есть свои обязанности, что всё разделяет ‹их?›, что отец и мать, и братья его, и вся его отчизна — враги, и что жестокость, равно непримиримая с обеих сторон, ‹их?› разделяет, и что самая вера[1] и нет возможности переступить эту пропасть. Глаза ее все наполнились. Она схватила вышитый шелками платочек, положила его себе на глаза и в минуту он стал весь влажным. „Скажи мне одно слово!“ сказал Андрий и взял ее за руку, и огонь сверкнул при этом по всем его жилам от прикосновенья к этой трепетной ‹руке?›, которая казалась недвижимою в его руке. Но она молчала и[2] не отнимала платка от лица своего и оставалась[3] неподвижна. В эту минуту, казалось, как будто послышались где-то в улицах глухие крики и трубные звуки. Но он не обратил никакого внимания и вопрошал: „От чего же ты так печальна? скажи мне: от чего ты так печальна?“. Она отнесла прочь руку с платком и[4] взглянула на него открытыми большими своими глазами. Слез в них не было — какая-то решимость. „Нет, тебе нельзя меня любить!“ сказала она:[5] „тебя зовут твои брат, отец, товарищи, а мы враги тебе.“

---

[1] *Не дописано* [2] казалась совершенно без движения [3] [как казалось ‹без движения?›]. „Но чего же ты плачешь, скажи мне?“ [4] открылась [5] у тебя есть

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕДАКЦИИ ГЛАВ V и VII—IX „ТАРАСА БУЛЬБЫ“ (ПО ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ СЧЕТУ)

V.

Скоро весь польский юго-запад[1] сделался добычею страха. Что-то оцепеняющее было слышно в[2] сих слухах:[3] „показались запорожцы...“, и всё, что могло, спасалось[4] в сей нестройный и вместе с тем изумительно беспечный[5] век, когда[6] деревни и города южной России,[7] без замков,[8] крепостей, были выстроены[9] бо́льшею частию на пепелищах прежних, где уже не раз проходили неожиданные татарские[10] опустошения; что могло вооружиться, вооружалось,[11] меняя наскоро плуг и пару волов[12] на коня и ружье и обращаясь таким образом[13] вдруг из селянина в воина.[14] Кто прятался, угоняя скот и унося, что могло только быть унесено.[15] Кое-

---

[1] *Вместо* „юго-запад“: запад *РМ*$_1$ [2] [тех] *РК*$_1$ [3] *Вместо* „Что-то .... слухах“: Везде разносилось по всем местам, что *РМ*$_1$ [4] [весь] *РК*$_1$ [5] *Вместо* „нестройный .... беспечный“: неустроенный *РМ*$_1$ [6] [города и деревни] *РК*$_1$ [7] „южной России“ *нет РМ*$_1$ [8] „замков“ *нет РМ*$_1$ [9] [кое-как] *РК*$_1$ [10] *Вместо* „неожиданные татарские“: татарские неожиданные *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „вооружиться, вооружалось“: вооружалось или соединялось в города *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „пару волов“: кров *РМ*$_1$ [13] „таким образом“ *нет РМ*$_1$ [14] *Вместо* „из селянина в воина“: из мирного в военного. *РМ*$_1$ [15] *Вместо*: „могло .... унесено“: можно было. *РМ*$_1$

V.

Скоро весь полевой негодяй дикий добычи страхом.

Всюду принесся слух: „Запорожцы!" Слушали: „Показался запорожец!" Все, что могло спасаться, спасалось. Все подвижное и разбогатое в ней нестроение, изумительно болтать, когда не спрашивай ни кружева, ни замки, а просто как попало становили на время сословие, и мелкие, и человек. Думал: не тратить нет на прорехи и украсить чего работу и деньги. Когда она и будет снесена до тела тореник побывать. Все вооружились, кто чем мог. Кто пушки, и пищали, на поле и дружно и отправились в прежнем обращении. Кто приятнее уронить слезу и урок только было можно уметь. Попадался иногда подорожник, которые встречаешь [хотя бесплодно] больше, было такие, которые держат запах на нить души. Всех знаешь что трудно найти дно ее. Заколыхнулся, сразу толпой, вслед ней подъ именем запорожского войска, которое в своем нестроении оглядывало обдуманное и устройство в время битвы. Конные пушки неотвязчиво и мгновенно заводили и всех табор подвигался только по очереди отдыхая в виде дней с выбранным для того пустыри. Неизменный чистый и лес которые были тогда еще вовсе нетронутые.

„Тарас Бульба", начало гл. V.

Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 25.

где решались встретить вооруженною рукою гостей, но предвещательный страх заранее уже вмещался в отважнейшие души. Все знали, что трудно иметь дело с этой закаленной вечною бранью толпой, известной под именем запорожского войска, обдуманно устроенной в самой своевольной своей нестройности.[1] Вся громада неслась во всю прыть на легких конях своих и шла пешая скоро, но[2] осторожно, по ночам,[3] отдыхая только[4] днем и выбирая для роздыхов своих[5] леса и уединенные[6] пустопорожние, даже не засеянные пространства, оставленные на произвол места, каковых было тогда не мало.[7] Осторожно были засыланы вперед лазутчики и рассыльные,[8] узнавали и выведывали: и в тех местах, где менее всего могли ожидать[9] их, там они появлялись вдруг,[10] — и ничто не могло противиться их какой-то азиатской[11] стремительности. Пожары обхватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. Грабя и разрушая, разгульное войско скорее пировало, чем совершало поход свой.[12] Запорожцы оставили везде[13] свирепые,[14] ужасающие знаки своих злодейств, какие могли явиться в сей полудикий век: отрезывали груди у женщин, избивали ребенков,[15] иных,

---

[1] *Вместо* „Кое-где .... нестройности“: Некоторые готовились встретить ⟨гостей⟩ вооруженно, но трудно было иметь дело с [мудрой] толпой, опытной в набегах, — с обдуманно устроенным в своей нестройности запорожским войском. PM_1 [2] „во всю прыть .... скоро, но“ *нет* PM_1 [3] [выбира⟨я⟩] PK_1 [4] *Вместо* „по ночам, отдыхая только“: ночью и PM_1 [5] *Вместо* „и выбирая .... своих“: выбирала местами отдыхов PM_1 [6] [пространства] PK_1 [7] *Вместо* „даже .... не мало“: оставленные места, каких не мало было тогда в России. PM_1 [8] *Вместо* „были .... рассыльные“: лазутчики и рассыльные засыланы были вперед PM_1 [9] *Вместо* „могли ожидать“: ожидали PM_1 [10] *Вместо* „появлялись вдруг“: вдруг являлись PM_1 [11] „какой-то азиатской“ *нет* PM_1 [12] *Вместо* „и лошади .... поход свой“: лошади угонялись и запасы влеклись на телегах вслед за разгульным воинством, скорее пировавшим свой поход. PM_1 [13] *Вместо* „оставили везде“: везде оставили PM_1 [14] [зна⟨ки⟩] PK_1 [15] [Козаки [говор⟨или⟩] пускали] PK_1

выражаясь своим языком, они пускали[1] в красных чулках и перчатках,[2] то есть, сдирали[3] кожу с ног по колени, или на руках[4] по кисть. Казалось, хотели они весь[5] выплатить долг тою же самою монетою, если даже не с процентами.[6] Прелат одного монастыря, услышав о приближении запорожцев, устрашенный, прислал от себя двух монахов с представлением, что между запорожцами и правительством существует согласие и что они явно нарушают свою обязанность к королю, а вместе с тем народные права. „Скажи епископу от лица всех запорожцев", сказал кошевой: „чтобы он ничего не боялся. Это козаки еще только зажигают и закуривают свои трубки." И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня.[7] Бегущие толпы монахов,[8] жидов, женщин[9] вдруг наполнили[10] многие города, сколько-нибудь приведенные в безопасность, и разом омноголюдили их.[11] Кое-где собравшиеся польские ополчения и высланная[12] правительством запоздалая помощь состояла из небольших полков или не могла найти их, или, вдруг встретившись с такою сокрушительною массою, не осмеливалась сделать нападение, обращала тыл, улетая на лихих конях своих. Некоторые однако ж полки соединились и движимые бранным духом военачальника, торжествовавшего не раз в победах, решились сделать отпор;[13] но запорожцы показали,

---

[1] *Вместо* „свирепые .... пускали": неслыханные печати ⟨*пропуск в рукописи*⟩, которых означил нестройный, губительный, беспощадно и ⟨*пропуск в рукописи*⟩, избивая жен, выпуская иных с обрезанной ⟨грудью?⟩ или, по своему *РМ*₁ [2] *Вместо* „и перчатках": или руженцах *РМ*₁ [3] *Вместо* „сдирали": снимая *РМ*₁ [4] *Вместо* „на руках": с рук *РМ*₁ [5] *Вместо* „весь": сполна *РМ*₁ [6] *Вместо* „если .... не с процентами": какой получили сами, даже и с процентами". *РМ*₁ [7] „Прелат .... волны огня" *нет РМ*₁ [8] солдат *РМ*₁ [воинов] *РК*₁ [9] „женщин" *нет РМ*₁ [10] *Вместо* „вдруг наполнили": наполнили вдруг *РМ*₁ [11] *Вместо* „сколько-нибудь .... омноголюдили их": более безопасные. *РМ*₁ [12] [из *РК*₁ [13] *Вместо* „Кое-где .... отпор": Были посланы с опоздавшею помощью

что они не только страшны своими внезапными и неожиданными нападениями и набегами, но[1] и на открытом поле, грудь против груди.[2] Здесь более всего[3] рвения оказали молодые, еще в первый раз попробовавшие битвы,[4] пренебрегавшие грабительством и бессилием[5] незащищенного неприятеля и сгоравшие[6] желанием показать себя пред старыми,[7] померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом,[8] красовавшимся на его горделивом коне,[9] с[10] летавшими[11] по ветру откидными рукавами эпанчи, с[12] целой оружейной лавкой, привязанной к седлу вместе с баклагой, дорожной посудой[13] и множеством бесполезных вещей. И козак, сделавшись[14] владельцем всех[15] таких[16] доспехов, выбирал каждый по лучшей сабле и пистолету, а остальное взваливалось на телеги,[17] ибо не в обычае было у запорожцев, как видно было уже выше, вооружаться многим оружием.[18] В[19] две-три каких-нибудь недели возмужали и совершенно переродились[20] только что оперившиеся птенцы

полки, но они не находили их, или, встретивши их в таком громадном числе, не осмеливались сделать нападения и улетали на конях. Пробовавшие сопротивляться после сильно раскаивались. *РМ*$_1$

[1] *Вместо* „но запорожцы .... набегами, но“: Запорожцы показали, что ‹они страшны?› не только внезапными нападениями *РМ*$_1$ [2] были неодолимы *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „всего“: всех *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „битвы“: битв *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „бессилием“: хищничеством на бессильно о *РМ*$_1$ [6] [желанием только] *РК*$_1$ [7] *Вместо* „и сгоравшие .... старыми“: Всякой кипел показать в первой раз себя и *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „с бойким .... ляхом“: с бойко и хвастливо одетым и вооруженным поляком *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „на его горделивом коне“: на своем ‹коне› *РМ*$_1$ [10] [цветными] *РК*$_1$ [11] *Вместо* „летавшими“: летающими *РМ*$_1$ [12] „эпанчи, с“ *нет РМ*$_1$ [13] „дорожной посудой“ *нет РМ*$_1$ [14] *Вместо* „сделавшись“: который поделался *РМ*$_1$. [15] [вещей сих] *РК*$_1$ [16] *Вместо* „таких“: сих *РМ*$_1$ [17] [потому ч‹то›] *РК*$_1$ [18] *Вместо* „выбирал .... оружием“: выбравши себе по лучшему кинжалу и остальное взваливал на телеги, потому что запорожец не любил и считал бесполезным иметь на себе много вооружения и красивого убранства. *РМ*$_1$ [19] [несколько] *РК*$_1$. [20] *Вместо* „В две-три ... переродились“: В несколько неделей, точно чудом каким *РМ*$_1$

наши и[1] стали мужами. Это было почти чудо[2] и самые черты лица их, в которых доселе всё еще видна была какая-то мягкость, стали грозны и получили какую-то яркую резкость.[3] Не без малой радости[4] видел старый Тарас,[5] как сыны его были одни из первых.[6] Остап, казалось, был создан для битвенной жизни, что⟨бы⟩ разрешать ратные дела.[7] Не растерявшись, не смутясь ни в каком случае, с неотуманенными глазами и хладнокровием неестественным для двадцатидвухлетнего юноши, он всегда[8] тут же измерял опасность и ясное положение всего дела,[9] и находил средство уклониться[10] от нее для того,[11] чтобы вознестись над нею и потом вернее[12] одолеть ее. Уже испытанной уверенностью означались[13] его движения и виден был в них[14] ум и наклонности вождя. Что-то атлетическое зрелось во всей его фигуре и доблие качества его получили широкий размер качеств льва.[15] Андрий же, как только заслышивал[16] литавры, весь погружался в очаровательную музыку пуль и мечей.[17] Бешеную негу и упоенье он видел в ней; что-то пиршественное ему зрелось в те страшные минуты, когда

---

[1] *Вместо* „птенцы наши и“: юноши *РМ*$_1$ [2] „Это .... чудо“ *нет РМ*$_1$ [3] *Вместо* „и самые .... резкость“: Даже молодые черты лица их стали грозны. *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „малой радости“: [гордости] наслаждения в душе *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „Тарас“: Бульба [видел] *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „сыны .... из первых“: оба сыны только что не были первыми. *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „что ⟨бы⟩ .... дела“: и для того, чтобы играть опасностью. *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „не смутясь .... он всегда“: он видел ясными ⟨глазами?⟩ и с осмотрительным хладнокровием *РМ*$_1$ [9] „и ясное .... дела“ *нет РМ*$_1$ [10] *Вместо* „средство уклониться“: средства уклоняться *РМ*$_1$ [11] „для того“ *нет РМ*$_1$ [12] *Вместо* „вознестись .... вернее“: потом вознестись над нею и *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „означались“: [дышали] ⟨означались?⟩ все *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „виден был в них“: зрелся *РМ*$_1$ [15] *Вместо* „Что-то атлетическое .... льва“: Чем⟨-то⟩ атлетическим и ⟨*пропуск в рукописи*⟩ видно было в дюжей натуре, и всё, что было в нем, оказалось теперь шире, получило какую-то мощь льва. „О! [Добрый будет] Да с него выйдет со временем полковник“, говорил, глядя на него Тарас. *РМ*$_1$ [16] [литаврный стук] *РК*$_1$ [17] *Вместо* „Андрий же .... мечей“: Андрий тоже весь погрузился ⟨в очаровательную музыку пуль и мечей?⟩ *РМ*$_1$

при общем крике разгоралась голова у человека, в глазах мелькают огни, летают головы, валятся с коней, свищут пули и сверкают лезвея, и весь летишь в собственном жару, как пьяный, сыпля и нанося убийственные удары и язвы и не чуя сам никаких язв, ни даже смертельных, или ударов, которые дождем валятся на тебя.[1] И не раз дивился старый Тарас, видя, как[2] Андрий, понуждаемый одною только своею стремительностью и запальчивым увлечением, устремлялся на то,[3] на что бы никогда[4] не отважился имеющий сколько-нибудь[5] способность соображать и осмотрительно обдумывать,[6] и как одним[7] бешеным натиском своим он[8] производил и совершал их на изумление.[9] Дивился старый[10] Тарас и говорил: „И это добрый — враг[11] бы не взял его! — вояка; не Остап, а добрый, тоже[12] добрый, также[13] вояка."

Ободренные успехами запорожцы, по приговору кошевого и всех[14] куренных атаманов, решили итти на город Дубно, где,[15] носились слухи, хранилось не мало казны, богатых обывателей, а ополчения один[16] гарнизон, да

---

[1] *Вместо* „Бешеную .... на тебя": Ему виделась в ней какая-то нега и упоение. Он находил что⟨-то⟩ пиршественное в этом крике, когда ⟨*пропуск в рукописи*⟩ в очах, а перед тобою огни, и сам ⟨*пропуск в рукописи*⟩, слетают головы и свищут пули, и сам кажешься в огне; как вихор ⟨*пропуск в рукописи*⟩ и не видишь, и не слышишь, в чудном жару. ударов, которые наносятся и сыплются ⟨*3 нрзб.*⟩. *РМ*$_1$ [2] стремительный *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „одною .... устремлялся на то": стремился туда, где не было и тени возможности одолеть, куда бы никогда не устремился и *РМ*$_1$ [4] „никогда" *нет РМ*$_1$ [5] [благоразумной осмотрительн⟨ости⟩] *РК*$_1$ [6] *Вместо* „сколько-нибудь .... обдумывать": хоть каплю благоразумия и обдуманности *РМ*$_1$ [7] „как одним" *нет РМ*$_1$ [8] *Вместо* „и как .... он": и бешеным своим натиском *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „и совершал их на изумление": просто чудеса. *РМ*$_1$ [10] „старый" *нет РМ*$_1$ [11] *Вместо* „враг": чорт *РМ*$_1$ [12] „тоже" *нет РМ*$_1$ [13] „также" *нет РМ*$_1$ [14] *Вместо* „Ободренные .... и всех": Ободренный успехами кошевой, с согласия всех *РМ*$_1$ [15] [находилась] *РМ*$_1$ [16] *Вместо* „хранилось .... один": находилась казна, много богатых жителей и только *РМ*$_1$

небольшой отряд коронного войска. В[1] полтора дни[2] поход был сделан,[3] и запорожцы показались перед городом.[4] Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше умереть на площадях и улицах[5] перед своими порогами, чем пустить неприятеля в домы.[6] Высокий земляной вал окружал[7] город; где вал был ниже, там высовывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или наконец дубовый частокол. Гарнизон был силен и чувствовал важность своего дела.[8] Запорожцы[9] жарко полезли было[10] на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели не хотели также быть праздными и высыпали на городской вал.[11] [Между ними видны были и женские головы]. В глазах их можно было, казалось, читать[12] отчаянное сопротивление. Даже женщины решились участвовать,[13] и на головы запорожцам[14] полетели камни,[15] бочки, горшки, горячий вар и наконец мешки песку, слепившего очи. Запорожцы вообще не любили иметь дело с крепостями;[16] вести осады была не их часть.[17] Повелев[18] отступить, кошевой кричал им снизу: „Отворяйте, пускайте в вороты,[19] чортовы дети!“ В ответ на это

---

[1] [два] *РМ*$_1$ [2] [сделали они] *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „поход был сделан“: сделан был поход *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „показались перед городом“: облегли город *РМ*$_1$ [5] [своих] *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „Жители .... домы“: Жители решили до [последнего отчаяния] последней крайности защищаться и [умереть на] лучше умереть на площадях или улицах своих, чем сдаться. Гарнизон был силен. *РМ*$_1$ [7] [во<круг?>] *РК*$_1$ [8] *Вместо* „где .... дела“: [где] местами высовывались стены и домы, служившие [вместо] лучше стен. *РМ*$_1$ [9] [встретились] *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „жарко полезли было“: полезли было жарко *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „Мещане .... вал“: [Жители] Толпа жителей собралась на валу и тоже не хотела быть праздною [бросая камни и всё, что только] *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „В глазах .... читать“: Казалось, в глазах у всех было видно *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „решились участвовать“: показались на валу *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „запорожцам“: запорожцев *РМ*$_1$ [15] [ведра] *РМ*$_1$ [16] *Вместо* „иметь дело с крепостями“: брать крепостей *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „вести ... часть“: не были знатоки вести осады. *РМ*$_1$ [18] *Вместо* „Повелев“: Повелевши *РМ*$_1$ [19] *Вместо* „кошевой .... в вороты“: куренным атаманам, кошевой кричал: „Сдавайтесь“ *РМ*$_1$

вновь сыпалась[1] картечь и всё, что только мог первое захватить в руки[2] городской обыватель. „Так передохнете же вы все, поганые, нечистые католики!“[3] сказал кошевой; и запорожцы, оставив осаду, облегли только со всех сторон, решась никого не выпустить из ворот. Тут-же, по обычаю своему, занялись они опустошеньем окрестностей,[4] выжигая окружные[5] деревни, скирды неубранного ими[6] хлеба и пуская табуны коней в нивы, еще не успевшиеся срезаться серпом, где на диво возносились колосья, произведенные необыкновенным урожаем, наградившим в тот год щедро всех земледельцев.[7] С ужасом видели с города,[8] ⟨как⟩ истреблялись средства их существования.[9] Запорожцы вытянули только в два ряда[10] свои телеги, расположились так же, как и на Сече, куренями,[11] обратя в лагерь[12] те же телеги; курили свои[13] люльки, менялись добытыми оружьями, играли в чехарду, в чот и нечот и посматривали[14] с убийственным хладнокровием на город. Ночью зажигались костры. Кашевары варили в каждом курене кашу в огромных медных

---

[1] *Вместо* „вновь сыпалась“: посыпались вновь *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „мо.... в руки“: первое схватывал под руки *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „поганые, нечистые католики“: с голоду, чортовы дети! *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „оставив.... окрестностей“: тут же, отступив, расположились, чтобы пресечь всякого рода вылазки [выжигая] и опустошая по обычаю всё вокруг *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „выжигая окружные“: зажигая оставленные *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „скирды неубранного ими“: зажигая [не убр⟨анные⟩] еще не успевшие убраться копны и скирды *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „коней.... земледельцев“: и быков, и в остававшиеся [еще] несжатыми нивы, [но шумевшие] клонившиеся полными колосьями к земле. *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „с города“: в городе *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „их существования“: прокормления [их и не сдавались. Телеги были выстроены] *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „вытянули .... в два ряда“: решились с убийственным хладнокровием ⟨*пропуск в рукописи*⟩, протянули в несколько рядов *РМ*$_1$ [11] [разбивая] *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „обратя в лагерь“: в лагери обратили *РМ*$_1$ [13] чубучные *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „менялись .... и посматривали“: посматривая *РМ*$_1$

казанах.[1] У горевших всю ночь огней стояла бессонная стража. Запорожцы начинали уже скучать бездействием, стали понемногу обращать<ся> к своему беспечному характеру.[2] Кошевой велел удвоить порцию вину, что случалось всегда, когда не настояло никаких трудных подвигов и движений.[3] Молодым, и особенно сынам[4] Тараса Бульбы,[5] не нравилась такая жизнь. Андрий[6] заметно скучал. „Неразумная голова!“ говорил ему Тарас: „терпи, козак, атаман будешь. Не тот еще добрый воин, кто дернул, шмыгнул того, другого, да и назад; а тот добрый воин, кто, хоть что ему ни делай,[7] а он всё-таки поставит на своем.“[8] Но[9] двадцатилетняя пылкая натура юноши не могла понять холодного старца.[10] Сон бежал от очей и часто он бодрствовал один в наставшие чудные июльские ночи, когда всё спало, когда сами стражи, привыкшие к тишине, погружались в сон.[11]

Один раз, как-то более нежели когда-либо, сон исчезал от него, и сердцу становилось душно. Ночь была чудесна. Теплый воздух обнимал страну,[12] которая назначена была

---

[1] *Вместо* „в каждом .... казанах“: кашу в огромных медных казанах порознь для всякого куреня *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „У горевших....характеру“: и стояли бессонные стражи попеременно часовыми. [Но город оказал неожиданное упорство, снабженный, может быть, запасами] Уже не привыкшие к бездейственной жизни запорожцы стали роптать. *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „удвоить .... движений“: выкатить бочки две горелки с приказом никому не напиваться, и запорожцы, отдавшись скуке, [стали] уже начинали предаваться обычной беспечности своего характера. *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „Молодым .... сынам“: Сыновьям *РМ*$_1$ [5] „Бульбы“ *нет РМ*$_1$ [6] *Вместо* „Андрий“: Особенно Андрий *РМ*$_1$ [незаметно] *РК*$_1$ [7] [а всё не диво] *РК*$_1$ [8] *Вместо* „кто дернул .... на своем“: хлопнул того, шмыгнул того-другого, да и назад. А тот добрый воин, <кто> хоть и треснет, а поставит таки на своем“. *РМ*$_1$ [9] [не] *РК*$_1$ [10] *Вместо* „Но двадцатилетняя .... старца“: Но двадцатилетний *<пропуск в рукописи>* *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „часто .... в сон“: не раз один он бодрствовал в [летние июльские] продолжение всей ночи тогда, когда покорялись *<пропуск в рукописи>* и даже самые стражи, [одоленные] поддавшиеся одолевавшей беспечности, спали у огней. *РМ*$_1$ [12] [которая должна была грянуть] [которой пришло] *РК*$_1$

27

Они в один миг свой выпрямят все опасность и все по-
ложение дела тут свой найдут средства каждый
от них. Но упорства и ума чтобы хватило преодолеть
преодолеть. Уже неизвестной
уверенностью стали теперь означаться его движения и в виде
в будущем наклонности воина. Крепкое
сложение и его тело, и рыцарские его качества уже
приобрели мужскую силу
качество льва. „О да этот будет современный полковник" говорили старые тарас
Андрий „на нас злость". „Да вот будет
лучше такой что и батька за пояс заткнет." Андрий
весь погружался в оглоушающую стихию пуль и мечей
Он начал что-то значит обдумывать или разглядывать или выжидать заранее свои и чужие силы
Тесная куча и уносье он бросился в битву
Жилистое и крепкое
минуты когда
на горе голова у человека, в глазах и
летят головы и упадает на землю кони, а
несется каждый в свисте пуль, сабельном блеске и собственного
тарра на носу
удары и
и
и
и
И пускай давило старый Тарас видя как
Андрий
только
заглядывая увлечения устремился на то
полтавцы никогда не отвоевались хладнокровный и разумный

„Тарас Бульба", гл. V.

Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 27.

быть добычею опустошения. На небе мелькали своим тонким и острым блеском звезды.[1] Поле далеко было занято раскиданными по нем телегами,[2] с привешанными мазницами,[3] облитыми дегтем, нагроможденные добытым и своим провиантом, мешками муки и проса,[4] запасом[5] оружья, боченками с порохом и[6] другими подобностями.[7] Возле телег, на телегах, и далеко подале от телег, везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Они все спали в каких-то раздольных, живописных положениях: кто подмостив себе в голову куль или шапку, или[8] употребивши[9] для этого бок своего товарища.[10] Сабля,[11] винтовка и коротенькая чубучная трубка с железными гвоздями и другими побрякушками, лежала почти возле каждого.[12] Тяжелые волы лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массами между телегами и наконец[13] виднелись уже одни, раскиданные далеко по полю и утоптанным нивам, походя[14] более на какие <-то> беловатые камни, разбросанные по земле.[15] Сильное храпение и свист всего спящего воинства[16] производило какой-то глухой шум, который ярко покрывался звонким ржанием

---

[1] *Вместо* „Один раз .... звезды“: Теплые июльские <ночи> становились чудные. В одну из таких ночей он как-то особенно был расположен к бдению. PM_1 [2] *Вместо* „Поле .... телегами“: По полю раскиданы были телеги PM_1 [3] [полными] PM_1 [4] *Вместо* „нагроможденные .... и проса“: с порохом, мучными мешками PM_1 [5] ружей. PM_1 [ружей] PK_1 [6] [множеством] PK_1 [7] „оружья .... подобностями“ *нет* PM_1 [8] [нако<нец>] PK_1 [9] [бросивши] PK_1 [10] *Вместо* „Возле телег .... товарища“: у всех телег, везде [разбросаны группы] [спящие группы разб<росаны?>] — на телегах, группами и порознь в [живописных и] небрежных, вольных положениях разметались по всему полю запорожцы, положив под голову куль, шапку, либо употребивши для этого спину товарища. PM_1 [11] [пист<олет>] PK_1 [12] *Вместо* „Сабля .... каждого“: Пистолет, [труб<ка>] коротенькая трубка и множество разных побрякушек и гвоздей, принадлежавших к табачному снаряду, лежало возле. PM_1 [13] [выходили далеко] PK_1 [14] [издали] PK_1 [15] *Вместо* „лежали .... по земле“: подвернувши ноги, лежали и белелись между них своими тяжелыми массами, пережевывая свою медленную жвачку. PM_1 [16] [разносилось] PM_1

какого-нибудь горячего жеребца, негодующего на свои спутанные ноги. Но к чудной красоте и неге июльской ночи, соединенной с сим спокойством, примешалось что-то величественно-грозное и это величественно-грозное представляли дальние окрестности: вблизи и вдали видны были кое-где догоравшие зарева деревень.[1] В одном месте видно было, как пламя спокойно и величественно стлалось по небу; в другом месте оно, встретив что-то горючее и вдруг вырвавшись, вихрем свистело и летело вверх под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самими дальними небесами. В одном месте обгорелый черный монастырь, как суровый картезианский монах, стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие. В другом месте горело новое здание, потопленное в садах. Казалось, слышно было, как деревья шипели, обвиваясь дымом; иногда проскакивала сквозь них лава огня и[2] тогда как будто виделись желтенькими точками груши, принимавшие цвет червонного золота. Казалось, видны были даже тяжелые гроздия слив, обвесивших ветви, получившие фосфорический лиловоогненный свет. И среди этого, тут же чернело висевшее на стене здания или на древесном суку тело бедного жида или монаха, погибавшее вместе с строением в огне. Над ним вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крапинок[3] в виде едва заметных мелких крестиков на огненном поле. [Наконец] Обложенный город, казалось, уснул на одном конце горизонта, с выходившими кое-где остриями шпицов из земляного вала, иногда вдруг легко зарумянясь и вспыхнув отблеском отдаленных пожарищ. [Местами терялось поле] [На других концах горизонта, где являлось одно только открытое поле].

---

[1] *Вместо* „Но к чудной .... деревень“: Красота и нега июльской чудной ночи как-то [соедини‹лась›] страшно соединилась с этим [чудн‹ым›] спокойством, в которое [облеклись] [погрузились на время] на миг погрузились несущие разрушение. PM_1 [2] [как будто] PK_1 [3] [едва] PK_1

Он долго ходил вдали, обошел всё рассыпавшееся ‹войско?›. Давно уже все спали. Даже огни сторожей почти готовились погаснуть и[1] только отдаленными огнями пожарищ то там, то там слабо[2] освещались усастая и чубатая голова запорожца, кусок красной эпанчи,[3] спина жевавшего вечную свою жвачку[4] вола. Наконец, подошел он к одному из возов,[5] расположился на нем и лег на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки.[6] И долго глядел он[7] на небо, как бы утомленный от всего того, что[8] видел на земле.[9] Оно всё было над ним с своими бесчисленными[10] звездами. Какая-то особенная[11] чистота и прозрачность видна была в воздухе.[12] Гущина звезд, составлявшая[13] млечный путь, своим[14] косвенным поясом[15] переходившая[16] небо, вся была залита в свету.[17] Глядя[18] на[19] эту чудную ясность тверди, он иногда минуты на две забывался;[20] какой-то легкий туман дремоты заслонял на миг[21] пред ним небо, и потом оно опять[22] очищалось и вновь становилось видно.[23] В это время[24] ему показалось, как будто мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица.[25] Думая, что это обаяние сна и сейчас

---

[1] [кое-где пламень] [отдаленным] *РК*$_1$ [2] [вспыхивали] *РК*$_1$ [3] [хребет] *РК*$_1$ [4] [быка] *РК*$_1$ [5] [и] *РК*$_1$ [6] „В одном месте .... руки“ *нет* *РМ*$_1$ [7] [совершенно безотчетно] *РК*$_1$ [8] [гляде‹л›] *РК*$_1$ [9] *Вместо* „И долго .... на земле“: Долго глядел Андрий по сторонам, пока всё не затихнуло, и потом, опрокинувшись на спину, поднял глаза свои на небо. *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „своими бесчисленными“: бесчисленными своими *РМ*$_1$ [11] [пр‹озрачность›] *РК*$_1$ [12] *Вместо* „Какая-то .... в воздухе“: [В воздухе была заметна] какая-то особенная ясность и чистота воздуха. *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „составлявшая“: составлявших *РМ*$_1$ [14] „своим“ *нет* *РМ*$_1$ [15] [брошенная] *РК*$_1$ [16] *Вместо* „переходившая“: брошенная на *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „была залита в свету“: залита была светом *РМ*$_1$ [18] невольно *РМ*$_1$ [19] всю *РМ*$_1$ [20] *Вместо* „иногда .... забывался“: казалось, стал позабываться и *РМ*$_1$ [21] *Вместо* „дремоты .... на миг“: сна уже начинал заслонять *РМ*$_1$ [22] [становилось видно, оно] *РК*$_1$ [23] *Вместо* „и потом .... видно“: которое вновь виднелось пред ним, как только отлетала неверная дремота *РМ*$_1$ [24] [как будто] *РМ*$_1$ [25] *Вместо* „мелькнул .... лица“: что-то мелькнуло в очи *РМ*$_1$

же[1] рассеется, он вперил сильнее, раскрыл, сколько можно более,[2] глаза свои и увидел, что к нему точно наклонилось какое-то изможденное, высохшее[3] лицо, и внимательно смотрело ему[4] в очи. Длинные и[5] черные, как уголь, волосы, неприбранные и все растрепавшись,[6] лезли из под темного, накинутого на голову,[7] покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенность смуглого лица, мелькнувшего такими резкими, глубоко выступившими чертами, всё скорее заставляло думать, что это был какой-нибудь фантастический призрак.[8] Он схватился невольно рукой за[9] пищаль[10] и произнес[11] почти судорожно: „Кто ты? Коли дух нечистой, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завел шутку: убью с одного прицела."

В ответ на это привидение[12] приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил[13] руку и[14] стал вглядываться в него внимательней.[15] [Казалось] По длинным волосам,[16] шее и полуобнаженной смуглой груди он видел, что это была женщина. [Следы ли какой-нибудь тяжкой болезни или иного сильного изнурения] Следы южного происхождения заметно[17] выказывались в смуглых чертах; но, казалось, какая-то долгая изнурительность и тяжкая болезнь придали что⟨-то⟩ необыкновенное ей: широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними

---

[1] *Вместо* „сейчас же": сон скоро *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „вперил .... более": вытаращил *РМ*$_1$ [3] [казалось, женское] *РК*$_1$ [4] *Вместо* „внимательно смотрело ему": смотрело прямо *РМ*$_1$ [5] „Длинные и" *нет РМ*$_1$ [6] *Вместо* „неприбранные и все растрепавшись": выстрепавшись *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „темного, накинутого на голову": накинутого на голову темного *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „И странный .... призрак": Во всех чертах лица заметно было южное происхождение; на всем было что-то такое, и живое, и мертвенное вместе, и так похоже было на фантастическое *РМ*$_1$ [9] [рукоять своей сабли?>] *РМ*$_1$ [10] свою *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „произнес": проговорил *РМ*$_1$ [12] [положило] *РМ*$_1$ [13] невольно *РМ*$_1$ [14] [начал пристально смотреть] [внимательно смотрел] *РМ*$_1$ [15] *Вместо* „вглядываться в него внимательней": внимательно ⟨вглядываться?⟩ *РМ*$_1$ [16] [и] *РК*$_1$ [17] [были видны] *РК*$_1$

щеками. Чем более он всматривался в ее темные усталые очи с поволокою и дугообразно поднятым к верху разрезом[1] и в остальные черты лица ее, тем более он находил, что в них было как будто что-то ему знакомое, так что он не вытерпел наконец, чтобы не спросить:[2] „Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя[3] или видал когда-нибудь."

„Два года назад тому в Киеве."[4]

„Два года назад в Киеве", повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что[5] уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он[6] посмотрел еще раз на нее пристально и вдруг вскрикнул во весь голос:[7] „Ты татарка! служанка панночки, воеводиной дочки."[8]

„Чшш..." произнесла[9] татарка,[10] сложив ⟨с⟩ умоляющим видом руки,[11] дрожа всем телом и оборотя в то же время голову[12] назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика[13], произведенного Андрием.[14]

„Скажи, скажи, отчего,[15] как ты здесь?.." говорил Андрий шопотом, почти задыхающимся и прерывавшимся всякую минуту[16] от внутреннего волнения. „Где[17] панночка? [Что она] Жива еще?"[18]

„Она тут[19] в городе."

---

[1] [тем более он находил, как] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „По длинным .... не спросить": Несколько узкие, черные, с заволокою глаза показывали скорее татарское происхождение. Он заметил ясно, что это было женское лицо. Выражение болезни или какого-то сильного изнурения читалось в смуглых ее ⟨чертах⟩. Но ему, однако же, показалось, как будто, что-то знакомое в почти узких, с заволокою вверх глазах, и невольно спросил *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „знал тебя": тебя знал *РМ*$_1$ [4] отвечала она. *РМ*$_1$ [5] ни [было] *РМ*$_1$ [6] „Он" *нет РМ*$_1$ [7] *Вместо* „вдруг .... голос": вскрикнул *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „панночки .... дочки": красавицы *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „произнесла": сказала *РМ*$_1$ [10] [испугавшись его крику] *РМ*$_1$ [11] и [со страхом] *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „и оборотя .... голову": оборотившись *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „такого сильного вскрика": [необыкновенного] вскрика *РМ*$_1$ [14] „[Ради всех святых, и ваших, и наших, молю, благородный рыцарь] Панночка тебя узнала между запорожцами". *РМ*$_1$ [15] ты здесь? *РМ*$_1$ [16] *Вместо* „почти .... минуту": и почти задохнувшись *РМ*$_1$ [17] теперь *РМ*$_1$ [18] „Жива еще?" *нет РМ*$_1$ [19] она *РМ*$_1$

„В городе“, произнес он, едва опять не вскрикнувши,[1] и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к его сердцу.[2] „Отчего-ж она[3] в городе?“

„Оттого, что сам старый[4] пан[5] в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне.“

„Что-же[6] она, замужем? Да говори же. Какая ты странная! Что она теперь?“[7]

„Она другой день ничего не ела.“

„Как?“

„Ни у кого[8] из городских жителей[9] нет куска хлеба, все давно уже едят одну землю.“

Андрий остолбенел.

„Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами.[10] Она сказала мне: „Ступай, Марыся, скажи рыцарю: коли он помнит меня, чтобы пришел ко мне, а не помнит,[11] чтобы дал тебе[12] кусок хлеба для старухи, моей матери,[13] потому что я не хочу видеть, чтобы при мне умерла[14] мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватайся за колени его.[15] У него также есть старая мать,[16] чтоб ради ее дал хлеба.“[17]

Тысяча[18] разных чувств пробудилось[19] и вспыхнуло[20] в груди молодого воина. „Но как же ты здесь? Как ты пришла?“[21]

---

[1] „произнес.... не вскрикнувши“ *нет* PM_1 [2] *Вместо* „вся кровь.... сердцу“: вдруг прихлынула вся кровь к сердцу. PM_1 [3] „она“ *нет* PM_1 [4] „старый“ *нет* PM_1 [5] [отец] PK_1 [6] *Вместо* „Что-же“: Что PM_1 [7] *Вместо* „Да говори же.... теперь?“: Говори, говори! PM_1 [8] *Вместо* „Ни у кого“: Ни у одного PM_1 [9] *Вместо* „городских жителей“: жителей в городе PM_1 [10] *Вместо* „с городского .... с запорожцами“: между запорожцами. PM_1 [11] меня — [пусть пр<ишлет>] PM_1 [12] *Вместо* „дал тебе“: прислал PM_1 [13] *Вместо* „моей матери“: матери моей PM_1 [14] *Вместо* „чтобы .... умерла“: как при мне умрет PM_1 [15] *Вместо* „Пусть .... колени его“: Я хочу, чтобы она после умерла. PM_1 [16] [пусть] PK_1 [17] *Вместо* „чтоб .... хлеба“: попроси ради ее козака PM_1 [18] *Вместо* „Тысяча“: Тысячи PM_1 [19] *Вместо* „пробудилось“: пробудились PM_1 [20] *Вместо* „вспыхнуло“: вспыхнули PM_1 [21] *Вместо* „Но как .... пришла?“: Но как ты пришла? PM_1

„Подземным ходом.“[1]

„Разве есть подземный[2] ход?“

„Есть.“

„Где?“

„Ты не выдашь, рыцарь?“

„Клянусь крестом святым!“[3]

„Спустясь в яр и перейдя проток — там, где тростник.“

„И выходит в самый город?“

„Прямо к городскому монастырю.“[4]

„Идем, идем сейчас.“

„Но ради Христа и[5] святой Марии, кусок[6] хлеба.“

„Хорошо, будет.[7] Стой[8] здесь возле воза или, лучше, ложись на него,[9] тебя никто не увидит: все спят. Я сейчас ворочусь.“

И он отошел к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось, и всё минувшее, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящим вольным[10] ⟨бытом⟩ и сурово-бранною жизнью[11] всё сплыло разом на поверхность, потопивши в свою очередь настоящее. И увлекательный[12] пыл брани и гордо-самолюбивое[13] желанье[14] шума и[15] славы, и речей промеж своими и врагами,[16] и[17] бивачная жизнь, и отчизна,[18] и долг, и деспотические законы козачества[19] — всё исчезло вдруг[20] перед ним. [Одна только] Женщина на место всего этого стала вдруг одна

---

[1] *Вместо* „Подземным ходом“: Потаенным ходом под землею. PM_1 [2] *Вместо* „подземный“: потаенный PM_1 [3] *Вместо* „крестом святым“: святым крестом. PM_1 |святым крестом| PK_1 [4] *Вместо* „Спустясь .... монастырю“: Под горою и в тростнике⟨?⟩ PM_1 [5] „Христа и“ *нет* PM_1 [6] один PM_1 [7] хлеб PM_1 [8] *Вместо* „Стой“: Обожди PM_1 [9] *Вместо* „на него“: на телегу PM_1 [10] бытом PM_1 [11] „и сурово-бранною жизнью“ *нет* PM_1 [12] *Вместо* „увлекательный“: увлекающий PM_1 [13] *Вместо* „гордо-самолюбивое“: самолюбивое PM_1 [14] славы| PK_1 [15] „шума и“ *нет* PM_1 [16] „и речей .... врагами“ *нет* PM_1 [17] вольная PM_1 [18] „и отчизна“ *нет* PM_1 [и вс⟨ё⟩] PK_1 [19] *Вместо* „деспотические законы козачества“: права козацкие. PM_1 [20] „вдруг“ *нет* PM_1

владычицею души его.[1] Нет, он не засыпал, он не погасал во глубине души его, сей чудный[2] образ, так ослепительно и празднично[3] встретивший его начинавшую мужать юность. Ее прекрасные руки, очи, ряд смеющихся зубов, чудесная шея и густые, густые темнооореховые волосы, распавшиеся по груди, плечам и шее, из-под которых она выходила[4] блистающим снегом[5], по которому скользнуло тонким розовым лучом восходящее солнце, и вся ее[6] одежда, обнимавшая и означавшая все прекрасные формы спины, грудей, упоительных ног, — перед которым он пал, еще не понимая, почему всё это прекрасно, и уже чувствуя, что прекрасно...[7] Нет, не погасало всё это в груди его:[8] оно посторонилось,[9] чтобы дать простор на время другим могучим движениям и страстям,[10] которыми обнималась сильно его воспламеняющаяся юность.[11] И не раз образ красоты появлялся отрывками и тревожил вдруг его сновиденья[12].

Он шел, а биение сердца его усиливалось уже[13] при одной[14] мысли, что он ее увидит[15] опять;[16] колени его дрожали. Подошед[17] к возам, он совершенно позабыл,[18] зачем

---

[1] *Вместо* „Женщина .... души его“: Одна женщина вдруг сделалась владычицею ‹души его› *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „Нет .... чудный“: Нет, нет! он не заснул, он не погаснул в глубине его, этот чудесный *РМ*$_1$ [3] „и празднично“ *нет* *РМ*$_1$ [4] [сверкающим] *РК*$_1$ [5] [по которым скользнуло] [озаренным] *РК*$_1$ [6] [одежда [ее], облекавшая ее и вместе с тем означавшая] *РК*$_1$ [7] *Вместо* „чудесная шея .... что прекрасно“: и уста, и чудесные плечи под густою прядью волос, и одежда, облекавшая и рисовавшая ее чудные формы грудей, спины, ног, перед красотою которого всего он [пал] обомлел, сам еще не зная, почему оно прекрасно, и почему он доступен этой красоте. *РМ*$_1$ [8] „его“ *нет* *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „посторонилось“: удалилось только *РМ*$_1$ [10] [быст‹ро?›] *РК*$_1$ [11] *Вместо* „обнималась .... юность“: воспламенилась вдруг его воспламенительная натура. *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „И не раз .... сновидения“: Образ являлся и красота в различных ‹*пропуск в рукописи*› приходила иногда [тревож‹ить›] отрывком тревожить сны его *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „Он шел .... уже“: [Дрожь] и биение сердца усиливались *РМ*$_1$ [14] только *РМ*$_1$ [15] *Вместо* „ее увидит“: увидит ее *РМ*$_1$ [16] Он едва мог итти *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „Подошед“: Подошедши *РМ*$_1$ [18] *Вместо* „совершенно позабыл“: позабыл совершенно *РМ*$_1$

пришел,[1] и невольно поднес руку[2] ко лбу, потирая[3] и стараясь вспомнить, что[4] ему нужно делать. Наконец, вздрогнув и наполнившись испуга, вспомнил он, что, может быть, она умирает[5] от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших[6] черных хлебов себе под руку[7] и подумал тут же,[8] не будет ли эта пища,[9] годная для дюжего и неприхотливого запорожца, слишком груба для ее нежного сложения.[10] Он вспомнил, что вчера[11] кошевой попрекал[12] кашеваров за то,[13] что сварили в один раз всю гречневую муку на саламату, которой[14] больше половины придется выбросить, тогда как бы ее стало[15] на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдет[16] вдоволь саламаты в казанах,[17] он вытащил отцовской походный казанок[18] и с ним отправился к кашевару их куреня,[19] который спал у двух десятиведерных[20] казанов, под которыми[21] еще теплилась зола.[22] Заглянувши в них, он изумился, видя, что[23] оба пусты.[24] Нужно было нечеловеческим силам съесть всё это,[25]

---

[1] он *РМ*$_1$ [2] свою *РМ*$_1$ [3] его *РМ*$_1$ [4] такое *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „вздрогнув .... умирает“: почти с испугом вспомнил, что она, может быть, умирает [с голод<у>] *<2 нрзб.>* *РМ*$_1$ [6] „больших“ *нет РМ*$_1$ [7] „себе под руку“ *нет РМ*$_1$ [8] „тут же“ *нет РМ*$_1$ [9] [слишком груба] *РК*$_1$ [10] *Вместо* „не будет ли .... сложения“: но будет ли она есть? для ее ли [деликатного] нежного сложения такой хлеб, которым питается грубой запорожец? *РМ*$_1$ [11] „вчера“ *нет РМ*$_1$ [12] Вместо „попрекал“: бранил *РМ*$_1$ [13] „за то“ *нет РМ*$_1$ [14] [и полозины не съедят] *РК*$_1$ [15] [раза] *РК*$_1$ [16] [непременно] *РК*$_1$ [17] *Вместо* „сварили .... в казанах“: слишком много наварили вчера каши, истребив за одним разом почти всё привезенное свежее просо. Ему пришло в голову, что 'лучше всего' каши, без сомнения, осталось в котлах, и что она будет лучшею пищею. *РМ*$_1$ [18] в котором тот сам варил себе кашу *РМ*$_1$ [19] *„Вместо* „к кашевару их куреня“: к их кашеварам *РМ*$_1$ [20] *Вместо* „у двух десятиведерных“: разлегшись около двух больших *РМ*$_1$ [21] [была] *РК*$_1$ [22] *Вместо* „под которыми .... зола“: с потухнувшими под ними огнями *РМ*$_1$ [23] *Вместо* „Заглянувши .... что“: Заглянул в них и изумился, увидев, что они *РМ*$_1$ [24] [Почти невозможно] *РМ*$_1$ [25] *Вместо* „Нужно было .... всё это“: Не человеческим силам нужно было быть, чтобы всё это съесть *РМ*$_1$

тем более, что в их курене считалось[1] гораздо менее людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней — везде решительно[2] ничего. Он вспомнил поневоле[3] поговорку: „Запорожцы такой народ: коли мало чего, то съедят, коли[4] и много, то не оставят“.[5] Передумывая, где бы достать еще чего, он[6] вспомнил, что у них есть мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню, которого вообще не любили запорожцы и[7] приберегали так только, на случай, если уж нечего будет есть.[8] Он в ту же минуту подошел[9] к своему возу, с тем, чтобы взять его,[10] но[11] на возе уже его не было.[12] Остап взял его,[13] чтобы подмостить[14] себе под голову и,[15] закинув ее впоперек ему, храпел на всё поле.[16] Он схватил его одной рукою и[17] дернул вдруг,[18] так что голова его упала,[19] а он вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи:[20] „Держите, держите чортова ляха![21] да ловите коня, коня ловите.“[22]

„Замолчи,[23] я тебя[24] убью“ закричал в испуге[25] Андрий, замахнувшись на него мешком; но Остап и без того уже[26] не продолжал речи, заменив ее таким сильным храпом,[27] что от дыхания его шевелилась трава, на которой он лежал.[28]

---

[1] даже *РМ*$_1$ [2] „решительно“ *нет* *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „вспомнил поневоле“: невольно вспомнил *РМ*$_1$ [4] *и* *РМ*$_1$ [5] [Как] [Где же взять еще?] *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „Передумывая .... он“: Почти отчаявшись, он придумывал и наконец *РМ*$_1$ [7] [который] *РК*$_1$ [8] „которого .... есть“ *нет* *РМ*$_1$. [9] *Вместо* „подошел“: побежал *РМ*$_1$ [10] „с тем .... его“ *нет* *РМ*$_1$ [11] его не было *РМ*$_1$ [его] *РК*$_1$ [12] „уже его не было“ *нет* *РМ*$_1$ [13] [для то<го>] *РК*$_1$ [14] „чтобы подмостить“ *нет* *РМ*$_1$ [его, *РК*$_1$ [15] [развал<ившись>] *РМ*$_1$ [16] *Вместо* „закинув .... поле“: закинувши ее на него, храпел сильно *РМ*$_1$ [17] [вырвал] *РК*$_1$ [18] *Вместо* „его .... вдруг“: и выдернул его вдруг одной рукою *РМ*$_1$ [19] *Вместо* „его упала“: упала на землю *РМ*$_1$ [20] *Вместо* „вскочил .... мочи“: впросонках чуть не вскочил, закричав голосно *РМ*$_1$ [21] *Вместо* „ляха“: бусурмана *РМ*$_1$ [22] *Вместо* „коня ловите“: его коня *РМ*$_1$ [23] *Вместо* „Замолчи“: [Я тебя] Молчи *РМ*$_1$ [24] тут *РМ*$_1$ [25] *Вместо* „закричал в испуге“: сказал *РМ* [26] „уже“ *нет* *РМ*$_1$ [27] [от] *РК*$_1$ [28] *Вместо* „от дыхания .... лежал“: казалось, дрожали возы возле него *РМ*$_1$

Андрий робко оглянулся на все[1] стороны, чтобы[2] узнать, не пробудился ли[3] кто сонный бред[4] Остапа. Одна[5] чубатая ⟨голова⟩ точно приподнялась[6] в ближнем курене и,[7] поводя очами, скоро[8] опустилась опять[9] на землю.[10] Переждав[11] минуты две, он наконец отправился с своею[12] ношею. Татарка лежала, едва[13] дыша. „Вставай,[14] идем! Все спят, не бойся![15] Подымешь-ли ты хоть один из этих хлебов? Может, мне нельзя будет всего захватить.[16] Сказав это, он взвалил себе на спину мешок[17] с черным хлебом, мешок с белым, стащил еще, проходя мимо одного воза, мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись, шел отважно между рядами[18] спавших запорожцев, сопровождаемый робкими шагами своей спутницы.[19]

„Андрий!“ сказал старый Бульба в то время,[20] когда он проходил мимо его.[21] [Он о⟨становился⟩] Сердце его замерло. Он остановился и, дрожа, тихо произнес[22]: „А что?“

„С тобою баба![23] Ей, отдеру тебя, вставши,[24] на все бока![25] Не доведут тебя бабы к добру!“ Сказавши, он оперся

---

[1] *Вместо*: „на все“: во все *РМ*$_1$ [2] „чтобы“ *нет РМ*$_1$ [3] *Вместо* „не пробудился ли“: не разбудил ⟨ли⟩ *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „бред“: крик *РМ*$_1$ [5] [голова точно] *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „точно приподнялась“: приподнялась точно *РМ*$_1$ [7] [взглянувши] *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „скоро“: вокруг *РМ*$_1$ [9] [Он был уверен] *РМ*$_1$ [10] „на землю“ *нет РМ*$_1$ [11] *Вместо* „Переждав“: Переждавши *РМ*$_1$ [12] „своею“ *нет РМ*$_1$ [13] *Вместо* „едва“: чуть *РМ*$_1$ [14] [сказал] *РМ*$_1$ [15] „не бойся“ *нет РМ*$_1$ [16] *Вместо* „из этих.... захватить“: хлеб. Попробуй. [У меня] ⟨Я⟩ набрал запасу, а, может быть, не снесу всего. *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „мешок“: два мешка *РМ*$_1$ [18] [запорожцев] *РК*$_1$ [19] *Вместо* „с белым .... спутницы“: белого, захватил еще из соседнего куреня мешок муки и взвалил всё это себе на плечи. Видя, что его проводница не двигалась, он взял из рук ее хлеб и потащил и тот с собою, и, несколько нагнувшись, шел отважно промеж рядов спавших запорожцев *РМ*$_1$ [20] „в то время“ *нет РМ*$_1$ [21] [Андрий вдруг стал бледен, как] *РМ*$_1$ [22] *Вместо* „и, дрожа, тихо произнес“: дрожа всем телом [едва] ⟨произнес?⟩ *РМ*$_1$ [23] [Смотри, не дове⟨дут⟩] *РМ*$_1$ [24] батогом *РМ*$_1$ [25] *Вместо* „бока“: боки *РМ*$_1$

головою на локоть и стал пристально рассматривать закутавшуюся в покрывало[1] татарку.

Андрий стоял ни жив, ни мертв, не имея духу[2] взглянуть в лицо отцу; и потом, когда поднял[3] глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на[4] ладонь.

Он перекрестился от радости и отхлынул вдруг от сердца его[5] испуг еще скорее, нежели прихлынул.[6] Оглянувшись на татарку, он увидел, что она стояла подобно[7] темной гранитной[8] статуе, закутанная в свое покрывало, и теплый отблеск отдаленного зарева[9] тускло озолощал выступавшие складки ее одежды.[10] Он дернул за рукав ее, и тогда она медленно полураскрыла лицо свое. Теплый отблеск[11] вспыхнул на бледном, бледном почти совершенно мертвом его цвете, какой бывает только у одного мертвеца.[12] Он дернул за рукав ее,[13] и оба пошли вместе, беспрестанно[14] оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную лощину,[15] почти яр, называемый в некоторых местах[16] балками, по дну которого лениво пресмыкался проток, или небольшая речка, поросшая осокой и усеянная кочками. Опустясь в сию лощину, они скрылись совершенно[17] из виду всего поля, занятого запорожским табором. По крайней мере, когда Андрий оглянулся,[18] то увидел, что позади его крутою стеной,

---

[1] *Вместо* „он .... в покрывало“: это, он подпер локтем голову и стал рассматривать пристально [боязли<вую?>] бледную как смерть или привидение *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „не имея духу“: не смея *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „поднял“: приподнял *РМ*$_1$ [4] [локоть] *РМ*$_1$ [5] „его“ *нет РМ*$_1$ [6] [Он тут же дл<?>] [Тогда] *РМ*$_1$ [7] [кам<енно?>] *РК*$_1$ [8] *Вместо* „темной гранитной“: окаменевшей *РМ*$_1$ [9] [странно [ограждался] озаря] *РК*$_1$ [10] [изредка вспых<ивая?>] *РК*$_1$ [11] [отразился как-то от] *РК*$_1$ [12] *Вместо* „закутанная .... мертвеца“: бледность покрыла и теплый отблеск [пожарного пламени] отдаленного пожара странно отразился на холодном и помертвелом цвете лица ее. *РМ*$_1$ [13] [понуждая итти поспешно] *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „вместе, беспрестанно“: поспешно *РМ*$_1$ [15] *Вместо* „в низменную лощину“: составлявшею *РМ*$_1$ [16] [России] *РК*$_1$ [17] [от ви<да?>] *РК*$_1$ [18] [назад] *РК*$_1$

более чем в рост человека, вознеслась покатость. На вершине ее покачивало⟨сь⟩ несколько стебельков полевого былья и над нею поднималась на небо луна, в виде косвенно-обращенного серпа самого яркого[1] червонного золота. Поднявшийся[2] ветерок давал[3] знать, что времени уже немного[4] оставалось до рассвета. Но нигде не слышно было отдаленного петушьего крика:[5] ни в городе, ни в раззоренных окрестностях не оставалось давно ни одного петуха.[6] По небольшому[7] бревну пробрались они через проток,[8] за которым возносился противуположный ⟨берег⟩, казавшийся выше бывшего у них[9] назади и выходившего совершенным обрывом.[10] Казалось, в этом месте[11] был самый крепкий пункт городской крепости, по крайней мере самый земляной вал был на[12] сем возвышении ниже, чем в других местах и за ним не видно было гарнизона. Но за то подальше подымалась толстая монастырская стена.[13] Обрывистый[14] берег весь оброс[15] бурьяном и по небольшой лощине[16] между им и протоком рос высокий тростник, почти[17] в вышину

---

[1] *Вместо* „по дну .... яркого“: ⟨*пропуск в рукописи*⟩ которая скрывала [их совершенно] таким образом из глаз всех. Оглянувшись назад, ⟨Андрий?⟩ увидел [за собою] позади себя покатый берег [вышиною] вровень высокому человеку, несколько былинок, росших на вершине, и луну, поднимавшую⟨ся⟩ на небо косвенно-обращенным серпом цвета PM_1 [2] свежий PM_1 [3] *Вместо* „давал“: подавал PM_1 [4] *Вместо* „времени уже немного“: немного времени PM_1 [5] *Вместо* „не слышно.... крика“: не слышался отдаленный крик петуха PM_1 [6] *Вместо* „ни в городе .... петуха“: в городе давно уже не было петуха, так же, как и в ⟨*1 нрзб.*⟩ раззоренных окрестностях. PM_1 [7] *Вместо* „небольшому“: большому PM_1 [8] *Вместо* „перебрались они через проток“: они перешли через ручей PM_1 [9] [за ⟨спиною?⟩] PK_1 [10] *Вместо* „возносился.... обрывом“: противуположный берег был еще выше. PM_1 [11] *Вместо* „Казалось, в этом месте“: Это, казалось PM_1 [12] [этом] PK_1 [13] *Вместо* „пункт .... стена“: городской пункт, по этому самому и земляной ⟨вал⟩ был здесь ниже. PM_1 [14] *Вместо* „Обрывистый“: Весь [берег] обрывистый PM_1 [15] *Вместо* „весь оброс“: покрыт PM_1 [16] *Вместо* „лощине“: низменности PM_1 [17] *Вместо* „между .... почти“: между им и ручьем рос тоже бурьян PM_1

человека. На вершине обрыва видны были[1] остатки плетня: видно было,[2] здесь был когда-то огород.[3] Остатки плетня кое-где[4] скрывались совершенно[5] широкими листами лопуха; из-за него торчала[6] лебеда и дикий колючий бодяк[7] и, наконец, подымавший выше всех их[8] свою голову подсолнечник. Здесь татарка скинула с себя[9] черевики и пошла босиком, подобрав осторожно[10] свое платье, потому что место было топко и наполнено водою. Пробираясь меж тростником, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником и по-за хворостом,[11] отклонив его несколько, нашли[12] род земляного грота, отверстие в стене, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи.[13] Татарка, наклонив голову,[14] вошла первая. Вслед за нею Андрий, нагнувшись,[15] как только можно было ниже, чтобы могли войти набранные им с собою мешки;[16] и скоро очутились оба[17] в совершенной темноте.

---

[1] *Вместо* „обрыва видны были“: его были видны *РМ*$_1$ [2] что *РМ* [3] [Плетень] *РМ*$_1$ [4] „кое-где“ *нет РМ*$_1$ [5] „совершенно“ *нет РМ*$_1$ [6] *Вместо* „из-за него торчала“: и вылезала *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „бодяк“: будяк *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „наконец .... всех их“: выше их всех подымал *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „с себя“: с ног своих *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „босиком... осторожно“: босая, осторожно подобрав *РМ*$_1$ [11] [отвалив] *РК*$_1$ [12] [отверстие в земляной стене, несколько] *РК*$_1$ [13] *Вместо* „Пробираясь... печи“: Они продирались сквозь тростник [и наконец] и они приближились к [обложенной землею стене] к наваленному хворосту; по-за хворостом, разнимая [его рук‹ами›] этот хворост, перемешанный с колючими будяками, нашли они отверстие [похожее на отверстие в печи] в обрывистой гранитной стене берега, подобное отверстию [в печах] в хлебенной печи. [Нагнувши голову] *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „наклонив голову“: нагнула голову и *РМ*$_1$ [15] сколько] *РК*$_1$ [16] *Вместо* „ниже .... мешки“: и как могли позволить мешки и запас *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „очутились оба“: оба очутились *РМ*$_1$

VIII.

<ГЛ. VII ПО ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ СЧЕТУ>

Большое движение происходило в запорожском таборе. Все еще не могли себе дать отчета, как это случилось, что войска прошли [1] в город. Оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами,[2] был пьян мертвецки и потому не диво,[3] что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем [4] могли узнать, в чем дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться [5] за оружие, войско уже уходило в ворота,[6] и последние ряды отстреливались от устремлявшихся [7] в беспорядке на них сонных и полупротрезвившихся [8] запорожцев. Кошевой дал приказ

---

[1] *Вместо* „войска прошли“: войско прибыло *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „расположившийся .... воротами“: расположенный у западных городских ворот *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „не диво“: не мудрено *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „половина .... чем“: половина [была перебита, а другая] <была> перевязана, а другая перебита прежде, чем остальные *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „успели схватиться“: ближние курени схватились *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „в ворота“: в вороты *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „устремлявшихся“: устремившихся *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „на них .... полупротрезвившихся“: полусонных и едва отрезвившихся *РМ*$_1$

собраться всему народу и, когда все, ставши в ряды по куреням, образовали большой,[1] далеко очерченный, просторный круг и все, и старые и молодые, сняв шапки и понурив чубатые головы, затихли вдруг, он начал речь:[2] „Итак, вот что, панове-братове,[3] случилось [4] в эту ночь. Вот до чего довел хмель, что ⟨враг⟩ оказал [5] нам поруганье в самые [6] очи. У вас,[7] паны-братья,[8] видно, уже такое [9] заведение:[10] коли вам позволишь удвоить, или, может быть,[11] утроить [12] порцию, так вы готовы так натянуться, что враг христового воинства, снимет с вас не только шаровары, но начихает в лицо вам, так вы не услышите".[13]

Козаки все стояли,[14] понурив головы, зная вину.[15] Один только [16] Уманский куренный атаман Кукубенко отозвался.[17] „Постой, батько",[18] сказал он: „хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать.[19] Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки [20] сделали бы большую вину и достойны были бы смерти, когда бы напились в походе, или на войне, или вообще, когда всем была какая тяжкая работа. Но [21] мы все сидели без дела больше недели, маячи-

---

[1] [просторн⟨ый⟩] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „дал .... речь": дал ночью приказ немедленно собраться всем запорожцам и сказал [когда все собрались] короткую речь *РМ*$_1$ [3] [в эту ночь] *РК*$_1$ [4] *Вместо* „панове-братове, случилось": случилось, панове-братья *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „⟨враг⟩ оказал": враг учинил *РМ*$_1$ [6] так сказать *РМ*$_1$ [7] [паны] *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „паны-братья": братове *РМ*$_1$ [9] „такое" *нет РМ*$_1$ [10] и закон напиваться *РМ*$_1$ [11] „может быть" *нет РМ*$_1$ [12] как-нибудь *РМ*$_1$ [порцию какую-нибудь] *РК*$_1$ [13] *Вместо* „снимет .... не услышите": с вас ночью [стащит шаровары] снимет и шаровары и начихает в лицо вам. *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „все стояли": стояли все *РМ*$_1$ [15] „зная вину" *нет РМ*$_1$ [16] „только" *нет РМ*$_1$ [17] „Кукубенко отозвался" *нет РМ*$_1$ [18] *Вместо* „батько": батьку *РМ*$_1$ [19] *Вместо* „сказал .... сказать": Оно не совсем справедливо попрекать теперь всё воинство. [Другое] *РМ*$_1$ [20] [конечно, провинились бы] *РК*$_1$ [21] *Вместо* „или вообще .... Но": когда было дело, а ведь *РМ*$_1$

лись понапрасну перед городом.[1] Как же ты хочешь, чтобы человек[2] не выпил? Это[3] не христианское дело, чтобы[4] не удовольствоваться человеку[5] тем, что послал бог,[6] когда нет[7] под тот час ни поста церковного, ни другого какого положенного воздержания.[8] Они ничем не согрешились.[9] А мы[10] вот, лучше, покажем чортовым бусурманам, что такое[11] нападать на безвинных людей. Прежде били[12] добре, а теперь побьем еще лучше. Я отвечаю[13] за всех козаков, что теперь чорта принесет лях[14] домой здоровыми свои пяты."[15]

Речь куренного атамана понравилась козакам. „Правда, правда", говорили они[16] тихо,[17] наклонив немного на сторону уже было совершенно понурившиеся головы; но[18] крикнуть голосно никто не посмел, зная, что сие неприлично, когда перед ними стоит главный старшина.[19] „Так сказал Кукубенко, как нужно;[20] лучше и сказать нельзя",[21] говорили другие куренные атаманы.[22] Один только Тарас Бульба, который был тут недалеко, сказал: „А что, кошевой? Кукубенко, видно, правду сказал? [Как] Что ты скажешь на это?"

„А что скажу? Скажу: блажен и батько, родивший такого сына. Небольшая мудрость, паны-братия,[23] сказать

---

[1] „понапрасну перед городом" *нет* PM_1 [2] [божий] да PM_1 [3] *Вместо* „Это": Эго ж PM_1 [4] и PM_1 [5] *Вместо* „человеку": как следует PM_1 [6] *Вместо* „послал бог": послано богом ему PM_1 [7] [ни поста] PK_1 [8] *Вместо* „нет .... воздержания": и поста нет и церковного тоже мо⟨?⟩ PM_1 [9] *Вместо* „согрешились": согрешили. PM_1 [в] PK_1 [10] [покажем] PM_1 [11] *Вместо* „что такое": как PM_1 [12] *Вместо* „били": бились PM_1 [13] *Вместо* „отвечаю": стою и отвечаюсь PM_1 [14] [здоров⟨ыми⟩] PK_1 [15] *Вместо* „лях .... пяты": до дома свои пяты здоровыми лях. PM_1 [16] [почти про себя] PK_1 [17] „тихо" *нет* PM_1 [18] [голосно не могли произнести одобрения, зная, что неприлично] PK_1 [19] *Вместо* „наклонив .... старшина": наклонивши на бок, в знак согласия, совершенно было понурившиеся свои головы. PM_1 [20] *Вместо* „Кукубенко, как нужно": как нужно, Кукубенко PM_1 [21] *Вместо* „сказать нельзя": не нужно PM_1 [22] *Вместо* „другие куренные атаманы": козаки. PM_1 [23] *Вместо* „Один только .... паны-братия": Сам Тарас Бульба ⟨сказал⟩: „Правда твоя, Кукубенко". И кошевой сказал: „[Дай бог здоровья тому

укорительное слово, но гораздо[1] бо́льшая мудрость сказать такое слово, которое бы,[2] не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его и придало бы ему духу, как шпоры придают духу коню,[3] освеженному водопоем. Я[4] сам[5] хотел вам сказать потом[6] утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде."[7]

„Добре!" повторилось в рядах запорожцев. „И кошевой сказал добре", — говорил каждый.[8] „Добре", повторили в самых дальних рядах. И самые седые, стоявшие, как сивые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом,[9] тихо сказали: „Добре сказанное слово!"

„Теперь слушайте же, панове, что нам предостоит делать,"[10] так повел опять речь кошевой:[11] „Брать крепость, то есть, чтобы карабкаться и подкопываться[12] под нее,[13] как делают многие чужеземные немецкие мастера[14] — пусть ей враг прикинется[15]—и неприлично, и[16] не козацкое дело. А судя по тому, как оно есть,[17] да и ⟨по⟩ нашему[18] тоже[19] уму-разуму, какой, благодарение богу, еще держится в голове нашей,[20] неприятель вошел в город не с большим запасом,[21] потому что ни[22] возов, ни экипажу незаметно

батьку] Блажен и отец тот, который родил такого сына, потому что [укорительное слово, братове] небольшая мудрость, братове *РМ*₁

[1] „гораздо" *нет РМ*₁ [2] [не попрекнув] *РМ*₁ [3] *Вместо* „ободрило бы .... коню": дало ободрение [бы] духу, как шпоры коню [после водопоя] *РМ*₁ [4] и *РМ*₁ [5] [ска⟨зать⟩] *РК*₁ [6] *Вместо* „вам сказать потом": сказать вам после *РМ*₁ [7] *Вместо* „догадался прежде": прежде догадался. *РМ*₁ [8] *Вместо* „И кошевой .... каждый": Кошевой добре говорил. *РМ*₁ [9] *Вместо* „стоявшие .... усом": кивнувши на бок головою, моргнувши *РМ*₁ [10] *Вместо* „слушайте же .... делать": слушайте, паны братове *РМ*₁ [11] „так .... кошевой" *нет РМ*₁ [12] *Вместо* „подкопываться": подкопывать *РМ*₁ [13] [пусть ей] *РМ*₁ [14] *Вместо* „как делают .... мастера": как делает немецкий мастер *РМ*₁ [15] [неблагородное дело] *РМ*₁ [16] *Вместо* „и": да и [неприлично козаку] *РМ*₁ [17] *Вместо* „по тому, как оно есть": по всему *РМ*₁ [18] [какой есть] *РМ*₁ [19] „тоже" *нет РМ*₁ [20] „нашей" *нет РМ*₁ [21] [Народ всё конный] *РМ*₁ [22] [телег, ничего] *РМ*₁

было. Если ж[1] и набрали[2] с собою, чего догадались взять,[3] то на немного времени станет его,[4] потому что в городе[5] народ голодный — и съедят духом; да и коням тоже, братове, я не знаю, где они добудут сена.[6] Разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь[7] святой... Только про это еще[8] бог знает, а ксензы-то их горазды на одни слова.[9] Так я думаю, братья,[10] что они выдут из города; за сеном ли,[11] за хлебом ли,[12] а уж непременно выдут ... а мы вот тут, в поле, и дадим знать им,[13] что за штука такая[14] козаки. Становитесь все кучами по всем дорогам. Перед воротами середними пусть выстроятся, в четыре ряда, курени Незаймайновский и Гургузив, а по-за ними, тем часом проберутся курени Дядькивский с Корсунским, по-за облогами засядут в засаду с полковником Тарасом: мы сделаем так, что он с своим полком тоже в засаде. А чтобы заставить неприятеля выступить скорее из города, мы вышлем перед стены[15] молодцов задорить: ибо у нас есть такие молодцы, что, как захотят, так мертвого найдут чем-нибудь обидеть. Голова же у ляха, как известно, не дальнего разума, посмеянья не вытерпит, разгорячится: так, может быть, они теперь же выступят из города."[16]

„Так и сделаем",[17] сказали[18] почти в один голос все[19] куренные атаманы: „не наше дело толковать, наше дело

---

[1] *Вместо* „Если ж": а если ж PM_1 [2] они PM_1 [3] „взять" *нет* PM_1 [4] *Вместо* „на немного .... его": его на мало времени станет PM_1 [5] [сидит] всё PM_1 [6] *Вместо* „добудут сена": сена добудут PM_1 [сена] добудут сена. PK_1 [7] их PM_1 [8] „про это еще" *нет* PM_1 [9] *Вместо* „а ксензы-то .... слова": что то ксензы их [на слова только] горазды как видно на слова. PM_1 [10] *Вместо* „братья": панове PM_1 [11] или PM_1 [или] PK_1 [12] *Вместо*: „за хлебом ли": за хлебом PM_1 [13] *Вместо* „знать им": им знать PM_1 [14] „такая" *нет* PM_1 [15] [вперед] PK_1 [16] *Вместо* „Становитесь .... из города": [Перережем все пути и вот не дадим]. Теперь же [высыплем ⟨перед⟩ стенами] все станем гущами по дорогам, а молодцов нарочно вышлем задорить; а у нас же такие есть молодцы. [Пусть их] Ляшская голова не слишком крепкого разуму: не вытерпит посмеянья, разгорячится и, может быть, теперь выступят из города. PM_1 [17] *Вместо* „и сделаем": батько PM_1 [18] все PM_1 [19] „все" *нет* PM_1

повиноваться, ибо закон велит в военное время повиноваться[1] своему вождю.[2] Но хоть бы и не было такого закона, всё бы ни один из козаков не посмел бы ослушаться, ибо не можно лучше придумать,[3] как придумала разумная[4] голова твоя."

„Так за работу же, хлопьята, за работу![5] Перегляди всякой курень свой:[6] в котором недочет, пусть пополнит его Переяславским. Перечистить и переглядеть всю сбрую и выбрать оружие понадежнее![7] Дать на опохмел всем[8] по чарке![9] Выдать каждому по половине хлеба,[10] потому что на тощий желудок не годно начинать дела;[11] а впрочем, и то нужно сказать, что иной, может быть, и вчерашним еще сыт,[12] ибо,[13] — некуда деть правды! — вчера понаедались[14] все так, что[15] дивлюсь, как ночью никто не лопнул [Кто же] Вот еще один наказ: если только как<ой?>-нибудь шинкарь-жид продаст козаку хоть один кухоль сивухи, то я[16] прибью железным гвоздем на самый лоб свиное ухо собаке и повешу его ногами вверх[17]. Так за работу, братцы, за работу!"[18]

---

[1] [во всем] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „наше дело повиноваться .... вождю": наше дело теперь слушать тебя во всем, ибо знаем мы все, что закон повелевает в военное время беспрекословно исполнять всё, что ни прикажет вождь. *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „всё бы .... придумать": то всё бы тоже ничего против сего не могли бы сказать, потому что лучше никто бы не мог придумать *РМ*$_1$ [4] „разумная" *нет* *РМ*$_1$. [5] *Вместо* „Так .... за работу": Ну, так за дело же, за дело, детки! *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „всякой курень свой": каждый свой курень *РМ*$_1$ [7] „в котором .... понадежнее" *нет* *РМ*$_1$ [8] „всем" *нет* *РМ*$_1$ [9] Оружие перечистить, переглядеть, выбрать которое понадежнее. *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „Выдать .... хлеба": Пусть съест каждый по хлебу *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „не годно .... дела": всё таки не годится *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „а впрочем .... сыт": А, может быть, другой и вчерашним <сыт> *РМ*$_1$ [потому что] *РК*$_1$ [13] *Вместо* „ибо": потому что *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „деть .... понаедались": правды деть — а вчера понаелись *РМ*$_1$ [15] я *РМ*$_1$ [16] [сам] *РК*$_1$ [17] „Вот .... вверх" *нет* *РМ*$_1$ [18] *Вместо* „Так .... за работу!": Ну, так за работу. *РМ*$_1$

Так[1] распоряжал кошевой, и все поклонились ему в пояс[2] и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем[3] далеко отошли, тогда только надели шапки. Всякой занялся тот же час[4] своим делом: пробовали самопалы, точили сабли, палаши[5] и списы, высыпали из боченков и кожаных мехов порох и темные пули.[6] Уходя с своим полком на засаду, Тарас всё думал и никак не мог понять, куда[7] девался Андрий. Полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы[8] отдаться в полон живым. Между убитыми козаками тоже не было видно его. Задумался крепко Тарас и шел тихо, потупив седую голову перед полком своим, не чуя, что его давно называл кто-то по имени. „Кому нужно меня?“ наконец сказал он, когда услышал[9] очень громко сказанное свое имя.[10] Перед ним стоял жид Янкель,[11] который уже давно[12] кланялся ему и заходил со всех сторон, пробуя, не увидит ли как-нибудь его полковник.[13]

---

[1] [говорил] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „Так распоряжал .... в пояс“: Все поклонились в пояс кошевому *РМ*$_1$ [3] „совсем“ *нет* *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „Всякой занялся тот же час“: и занялись всякой *РМ*$_1$ [5] „палаши“ *нет* *РМ*$_1$ [6] Вместо „высыпали .... пули“: вынимали из [мешков] боченков и кожаных мехов [порох] пули *РМ*$_1$ [7] [бы] *РК*$_1$ [8] [дал<ся?>] *РК*$_1$ [9] [близко и во весь голос произ<несенное>] *РК*$_1$ [10] *Вместо* „Уходя .... имя“: Тарас отдавал приказ своему полку, с которым [никак] пошел раздумчивый. Никак он не мог понять, куда девался Андрий. Он положил, что его связали как-нибудь сонного в расплох; только его останавливало то: он, казалось, человек не такой, чтобы отдаться добровольно в плен и слишком горяча его натура, чтобы кому-либо отдать<ся>; между убитыми козаками тоже его не было. [И полный заду<мчивости>] И не мог он выкинуть мысли сей из головы во всё время, как разъезжал по рядам своих козаков. И думал об этом. Вдруг услышал он позади [себя] названным себя по имени. *РМ*$_1$ [11] которого он не заметил вовсе и *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „давно“: четверть часа *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „и заходил .... полковник“: в пояс *РМ*$_1$

„Пан полковник! Пан полковник!“ говорил он поспешным и прерывистым голосом, дававшим знать, что[1] имелось объявить дело не совсем пустое. „Я был в городе, пан полковник“!

[Оглянулся] Тарас[2] посмотрел на жида, подивившись[3] не мало тому, как жид[4] уже успел побывать в городе, и не мог не сказать: „Какой же враг тебя занес туда?“[5]

„Я тотчас расскажу“, сказал жид Янкель: „Как только услышал я, что на заре сделался шум и козаки стали стрелять, я, ей богу, вот признаюсь пану, насилу мог ухватить кафтан и уже дорогою бегом надевал в рукава, ибо мне хотелось[6] узнать, что значит тот шум и что козаки на самой заре стали стрелять. Я прибежал к самым городским воротам в то время, когда последнее войско входили в город. Я увидел, как шел впереди отряда пан хорунжий Галяндович. Он[7] человек мне знакомый и еще с третьего года задолжал мне сто червонных. Я за ним,[8] будто бы затем, чтобы выправить с него долг, и вошел вместе с ними в город.“

„Как же ты вошел в город, да еще и долг хотел выправить?“ сказал Бульба: „и не велел он тебя тут же повесить, как собаку?“[9]

„А, ей богу, хотел повесить“, отвечал жид: „Уже было слуги совсем схватили[10] меня, закинули веревки; но я

---

[1] [и дел<о>] *РК*$_1$ [2] [и] *РК*$_1$ [3] [сильно] *РК*$_1$ [4] [усп<ел>] *РК*$_1$ [5] Вместо „Пан полковник ... занес туда?“: „А что скажешь, жид?“ произнес он. „Я был в городе“, отвечал Янкель. „Как же ты пробрался туда?“ *РМ*$_1$ [6] [извест<иться?>] *РК*$_1$ [7] [пан, мне] *РК*$_1$ [8] [чтобы выпра<вить долг>] *РК*$_1$ [9] *Вместо* „Я тотчас .... как собаку?“: „Я видел, как еще входили войска в город, и увидел пана хорунжего Галяндовича. Он человек мне знакомый и должен еще с четвертого года сто червонных. Я будто бы для того, чтобы выправить с него долг и вошел вместе с ним“. „И он тебя не велел повесить?“ вскрикнул Бульба, изумленный такою необыкновенною смелостью жида. „Как же ты, мало того, что вошел в город, да еще и долг хотел с него вытребовать?“ *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „совсем схватили“: взяли *РМ*$_1$

взмолился пану:[1] сказал, что подожду долгу, сколько пан хочет, и пообещал еще дать взаймы, как только поможет мне собрать долги с других рыцарей.[2] Ибо пан[3] хорунжий — я всё скажу пану — и червонного не имеет[4] в кармане. Ей богу так! несмотря на то, что у него и хутора есть, и усадьбы есть, и замки есть и пашни, есть и земли до самого Шклова.[5] И теперь, если бы не вооружили его бреславские жиды, не в чем было бы ему и на войну выехать. Он в сейму не был от того...“[6]

„Что ж ты делал[7] в городе? видел наших?“ спросил стремительно Тарас.

„[Нет, наших не видел] Как же, наших там много... Да пан о ком говорит? о евреях? коли говорит наших.“

„Пусть прикинется чорт твоим евреям, собачий жид! Приткнул нечистый род свой к христианскому воинству! Я хочу знать, что делают наши запорожцы.“

„Я ж ничего не сказал. На то панская воля: коли хочет пан чтобы наши були запорожцы, пусть будут наши — запорожцы. Я наших запорожцев не видал.[8] А видал одного пана Андрия.“[9]

„Андрия видел?“ вскрикнул Бульба, и послышал что-то на сердце: „Небось, бедняга, связанный, закинули проклятые ляхи куды-нибудь в подвал, где и свету божьего не видно?“[10]

---

[1] *Вместо* „закинули .... пану“: и хотели ‹повесить› вверх ногами на башне, да я взмолил пану хорунжему *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „сколько .... рыцарей“: и что достану ему коня и еще дам взаймы как соберу со всех воинов. *РМ*$_1$ [3] [Галяндович] *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „я всё .... не имеет“: пусть пан знает — [ничего] не имеет [никогда в кармане ни] и червонного *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „несмотря на то .... Шклова“: хоть у него и хутора есть, и деревни, рожь и усадьбы, и скот. *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „И теперь .... от того“: И вооружили его и теперь Презлавские жиды, а то бы ему и выехать на войну было не в чем. *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „Что ж ты делал“: Ну, что ж ты видел *РМ*$_1$ [8] „Видел наших? .... не видал“ *нет* *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „А видал .... Андрия“: Пана Андрия видел *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „Андрия видел .... не видно“: Бульба вспыхнул „Видел Андрия? Где? Небось, связанного, покинутого [лежа цего где-нибудь в темном подвале]? Закинул и, чортовы ляхи [куда-нибудь в подгал, куда-нибудь?“ *РМ*$_1$

„Как можно, чтобы, кто связал[1] пана Андрия? Теперь <он> такой важный рыцарь... Далибуг, я не узнал сперва:[2] в кованных латах,[3] и наплечники в золоте, и нарукавники в золоте, и по поясу золото.[4] Коня сам воевода дал[5] под верх: два ста червонных стоит один конь."

„На что-ж он надел чужое одеянье?" спросил Бульба и невольно разинул рот.

„Ибо лучше, чем козацкое, оттого надел", продолжал жид:[6] „и медная шапка с пером,[7] разъезжает по улицам и учит солдат и сам учится так, как польский пан."[8]

„Да врешь ты, жид! Да его хоть замучат, так не принудят делать того, что ты говоришь."[9]

„Я ж не говорю, чтоб его[10] кто принудил. Кто ж может принудить пана Андрия?[11] Он по своей воле делает так.[12] Разве пан не знает, что он по доброй воле перешел к ним?

„Кто перешел?"

„А пан Андрий."

„Куда перешел?"

„Перешел к ним, на их сторону. Он теперь ихний."[13]

„Врешь ты, чортов жид!" вскрикнул Тарас, весь вспыхнув.

---

[1] *Вместо* „связал": мог связать *РМ*₁ [2] *Вместо* „Теперь .... сперва": Такой теперь важный рыцарь, что и узнать нельзя. *РМ*₁ [3] [золотые] *РК*₁ [4] „по поясу золото" *нет РМ*₁ [5] [своего] *РК*₁ [6] *Вместо* „На что ж .... жид": Изумление показалось в лице Тараса *РМ*₁ [7] *Вместо* „с пером": „с белым пером", продолжал жид *РМ*₁ [8] *Вместо* „разъезжает .... пан": и по улице разъезжает и учит солдат по-козацки. *РМ*₁ [9] *Вместо* „Да врешь .... говоришь": Как? Что ты мне путаешь, жид? Как же можно, чтобы <он> стал чужих людей учить, да еще и неприятелей? Да еще и надел бы их платье? Да не принудят они его к тому! Я его знаю: хоть замучат, а не принудят. [Кто же станет его принуждать] *РМ*₁ [10] *Вместо* „Я ж .... его": Я же не говорю это, чтобы *РМ*₁ [11] *Вместо* „пана Андрия?" такого бравого <пана>? *РМ*₁ [12] „делает так" *нет РМ*₁ [13] *Вместо* „Кто перешел? .... ихний": „Как перешел? Да врешь ты, собачий жид". „Ей богу, перешел!" *РМ*₁

„Зачем же мне врать? Дурак я разве, чтобы стал врать? Я же знаю сам, что жида повесят, как собаку, коли он соврет перед паном.“ [1]

„Так что выходит, он, по твоему,[2] продал [3] отчизну и веру?“

„Я же не говорю, чтобы он продавал. Я сказал только, что [4] перешел на их сторону.“ [5]

„Да врешь ты, чортов сын! Такого дела и не было еще на христианской земле! Не сделает <он?> такого дела. Что ты мне путаешь, собачий жид?“

„Далибуг же правда. Пусть трава поростет на пороге моего дома, если я брехню сказал.“

„Не поверю, чортов жид!“ [6]

„Хочет пан, я скажу даже, отчего [7] он теперь их?“

„Отчего?“ [8]

„У воеводы есть дочка красавица. Святой боже,[9] какая красавица!“ Здесь жид постарался, как только мог, выразить в лице своем красоту, расставив руки, прищурив глаз и покосив немного рот, как будто чего-нибудь отведавши.[10]

„Ну, так что же из того?“

„Он же для нее и сделал всё, и перешел для нее: коли человек влюбится, то всё сделает.“

Крепко задумался Бульба, и вспомнил он, что велика власть слабой женщины, что многих, и слишком даже сильных, погубляла она, что податлива с этой стороны природа

---

[1] *Вместо* „Врешь ты .... перед паном“: „Врешь, проклятый жид! Не можно, чтобы это было. Такого дела и не было и не может быть на христианской земле. Ты врешь, чортов сын!“ „Ей-богу, не вру! Пан сам знает, что жид не станет лгать пану Тарасу, ибо дело опасное лгать пану Тарасу.“ *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „Так что .... по твоему“: Так ты говоришь, чтобы он *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „продал“: продал бы же *РМ*$_1$ [4] [он только] *РК*$_1$ [5] *Вместо* „Я же .... на их сторону“: Нет, того я не говорю, а он только сделался их. *РМ*$_1$ [6] „Да врешь .... чортов жид!“ *нет* *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „Хочет .... отчего“: А хочет пан знать, какая причина, что *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „Отчего?“: Ну? *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „Святой боже“: Боже, боже мой! *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „расставив .... отведавши“: прижмурил одним глазом, покосил ртом и расставил руки, выразивши совершенное изумление. *РМ*$_1$

Андрия, и думал он долго, стоя, как вкопанный в землю на том месте [где сто<ял>].[1]

„Слушай, пан, я всё знаю“, говорил жид:[2] „я как только услышал шум и увидел, что проходят в городские ворота, я схватил на всякой случай с собой нитку жемчуга, потому что я давно видел, что в городе есть красавицы, ибо на городской вал часто выходили женщины дворянского <рода>. „А коли женщины дворянского рода“, сказал я себе: „то хоть у них и голод, хоть и есть нечего, а жемчуг всё-таки купят.“ А как только хорунжего слуги пустили меня, я побежал на воеводин двор и расспросил всё у служанки татарки: что как только прогонят запорожцев, будет свадьба, и что пан Андрий обещал прогнать запорожцев.[3]

„И ты не убил тут же на месте его, чортова сына?“[4] вскрикнул Бульба.[5]

„За что же[6] убить? Он перешел по доброй воле.[7] Там, видно, ему[8] лучше. Чем же виноват человек,[9] коли перешел туда, где ему лучше?“[10]

„И ты видел его в самое лицо?“[11]

---

[1] *Вместо* „Ну, так что .... на том месте“: „Вечно баба! баба!“ вскрикнул [Баба проклятая!] Бульба, схватившись за волосы: „свела таки, проклятая баба! Я так и думал и что сгубит тебя, когда *<не дописано>* Ну, попади я эту бабу, дам я ей знать красоту! Враг бы *<не дописано>* PM_1 [2] „говорил жид“ *нет* PM_1 [3] *Вместо* „я как только .... запорожцев“: Я как кинулся в город, я на всякий случай взял нитку жемчуга, который выменял у козаков за три ведра сивухи, потому что видел [что на городском <валу> были славные девки, дочки и зная, что] еще на валу, <что> есть в городе красавицы, и знал, что хоть и голод, и есть нечего, а коли дворянского рода, то они всё-таки жемчуг купят. Я встретил служанку воеводиной дочки и узнал всё: что будет свадьба, что пан Андрий обещал всех запорожцев <прогнать>. PM_1 [4] *Вместо* „на месте его, чортова сына“: его на месте, чортового сына PM_1 [5] *Вместо* „вскрикнул Бульба“: Враг бы взял и батька и весь род. PM_1 [6] *Вместо* „За что же“: А за что ж PM_1 [7] *Вместо* „перешел по доброй воле“: ведь сам перешел. PM_1 [8] „ему“ *нет* PM_1 [9] [когда] PK_1 [10] *Вместо* „Чем же .... лучше?“: [А пан] Человек может всегда перейти туды, где лучше. И бог сказал туды переходить, куды лучше. PM_1 [11] *Вместо* „его в самое лицо?“: как он [им показывал ратное дело] [ехал] был одет по ляшски? PM_1

„А, ей богу, в самое лицо. Я узнал его еще издалека, меж другими панами. Ай, какой славный вояка! Всех взрачней и, дай бог ему здоровья, добрый пан, меня тотчас узнал и,[1] когда я подошел к нему, то он сказал...“[2]

„Что ж он сказал?“

„Сказал: „Янкель!“ „Пан Андрий“, говорю я.[3] „Скажи, Янкель, говорит,[4] скажи всем, что я уже не их. И отцу скажи, что он мне не отец; и брату скажи, что он не брат больше; и всем, говорит, скажи, чтобы и не попадались; что, коли встречусь, говорит, с кем из них, буду биться не на жизнь, а на смерть, как с врагом“.[5]

„Да врешь ты, чортов жид, он не говорил этого“, вскрикнул Бульба[6] и рассердился сильно: „Не говорил он этого, не скажет он этого!“[7]

„Ей ей, сказал“.

„Врешь, чортов Иуда! Ты и Христа распял, проклятый богом человек!“[8]

„Ей, богу!“

„Да я тебя убью, чортов жид! Не поверю, сатана![9] Утекай отсюда, не то[10] вот тут и смерть тебе!“[11] И старый[12]

---

[1] [сказ<ал>] [подозвал к себе] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „А, ей богу... сказал“: Как же! Я [зараз] [вдруг] узнал его еще сдалека и [он сам узнал меня] он сам меня <у>знал, и, когда я поклонился ему, он сказал *РМ*$_1$ [3] „Янкель.... я“ *нет РМ*$_1$ [4] [всем] *РК*$_1$ [5] *Вместо* „Скажи, Янкель.... как с врагом“: „Скажи, Янкель, отцу, что он мне теперь не отец, и брату, что он мне не брат, что я не ихний и чтобы не попадались мне на глаза, что буду бить их, как самых лютых врагов! Ей-богу, так! *РМ*$_1$ [6] [не помня себя] *РК*$_1$ [7] *Вместо* „Да врешь ты.... он этого“: И он всё это сказал тебе? *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „Врешь.... человек!“: „Да врешь ты, чортов жид! Врешь!“ закричал Бульба: „[он не мог этого сказать] он не говорил этого. Не скажет он этого“. „Ей-ей, сказал“. „Ей-богу врешь, чортов Иуда! Тебе ничего не стоит соврать: ты и Христа распял. [Ты и <на> невинного готов наклепать] Чтоб отрекся от веры и отчизны!...“ *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „сатана“: я не поверю! *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „не то“: покуда, а то *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „и смерть тебе“: тебе и смерть! *РМ*$_1$ [12] [Тарас] *РК*$_1$

Бульба ухватился за свою саблю.[1] Жид, увидев,[2] что дело было[3] плохо,[4] и опасно[5] было оставаться с рассердившимся Тарасом,[6] припустил тут же,[7] во все лопатки,[8] как только могли вынести его[9] тонкие сухие[10] икры. [И] Долго[11] еще бежал он без оглядки между козацким табором[12] и потом по всему чистому полю,[13] хотя Тарас за ним вовсе[14] не гнался и, сделав два-три шага,[15] опомнился и помыслил,[16] что нечего сердиться на жида и[17] что дело дитяти вымещать первую запальчивость на первом подвернувшемся.[18]

„Так не поверю же, не поверю!" говорил уже сам себе Бульба: „Не было такого страму, чтобы запорожец, козак, да еще Тарасов сын, продал бы отчизну и веру". [И тут же пришло ему вдруг] Но вдруг приходила к нему мысль об красавице, воеводиной дочке, и вспомнил он, что Андрий бродил еще[19] прошлую ночь по козацкому табору. Подался сильно старый Тарас, а всё-таки говорил: „Да не поверю же! Пока не увижу сам его, не поверю".[20] В это

---

[1] *Вместо* „И старый .... саблю": говорил Тарас Бульба, весь вышедши из себя и схвативши ‹саблю›. *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „увидев": увидел *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „было": точно *РМ*$_1$ [4] [потому что] *РК*$_1$ [5] [было иметь дело] *РК*$_1$ [6] *Вместо* „и опасно .... Тарасом": и что Тарас не на шутку рассердился *РМ*$_1$ [7] бегом, говоря по просту [*РМ*$_1$ [выражаясь простым обычаем] *РК*$_1$ [8] и *РМ*$_1$ [9] [тонкие ноги] *РМ*$_1$ [10] „сухие" *нет РМ*$_1$ [11] *Вместо* „Долго": И долго *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „козацким табором": козацкими таборами *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „потом .... полю": по полю без оглядки *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „за ним вовсе": вовсе за ним *РМ*$_1$ [15] тут же *РМ*$_1$ [16] „и помыслил" *нет РМ*$_1$ [17] [неразумно предаваться первой] *РК*$_1$ [18] *Вместо* „что дело .... подвернувшемся": неразумно показать себя за горячего мальчишку *РМ*$_1$ [19] [ночью] *РК*$_1$ [20] *Вместо* „Так не поверю же .... не поверю": „Хоть что ты ни говори мне, не поверю", сказал он: „однако же ‹?›, чтобы християнское дитя продало душу, такого не было еще страму". И начал он припоминать, что ночью бродил Андрий [с женщи‹ною›] долго по табору и еще, как казалось, с какою-то женщиною. Задумался Тарас и крепко усумнился, но потом потряс головою и сказал: „Так нет! хоть ты весь свет тут говори мне, а не поверю". *РМ*$_1$

время доубыш грянул[1] в свои литавры,[2] — тихо, бодро и картинно выступали пешие первые ряды[3] запорожцев, которые были готовы.[4] Которые не были еще готовы,[5] брали оружие и подпоясывали;[6] а которые были самые[7] дальние, те[8] оставляли еще только ‹хлеб› [9] с крупною крымскою солью, бросая[10] на телегу или засунув себе[11] за пазуху, и оправлялись:[12] кто садился[13] на коня, кто присоединялся[14] к пешим рядам;[15] и выступали по порядку, один за другим, курени: Уманский,[16] Поповичевский, Коневский, Стебликивский, Незамайновский, Гургузив, Тымошевский. Одного только Переяславского не было. Крепко курнули козаки его[17] и прокурили свою долю. Кто проснулся связанный во вражьих[18] руках; кто и совсем, не просыпаясь, сонный,[19] перешел в сырую землю, и сам[20] атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, очутился в ляшском стану.[21] [Из горо‹да›].

И расположились запорожцы так, что по куреню[22] стало у каждых ворот, а четыре куреня стали[23] перед большими[24] воротами. В три ряда выстроилась[25] пехота, а позади рядов стали конные;[26] и сначала все собрались

---

[1] *Вместо* „доубыш грянул“: грянул доубыш *РМ*$_1$ [2] и выступали *РМ*$_1$ [и] *РК*$_1$ [3] *Вместо* „выступали .... ряды“: первые ряды пеших *РМ*$_1$ [4] которые были готовы“ *нет РМ*$_1$ [5] *Вместо* „Которые не были еще готовы“: Другие *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „оружие и подпоясывали“: [в руки оружие] и опоясались *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „а которые были самые“: третьи и *РМ*$_1$ [8] [кидали хлеб] *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „те .... ‹хлеб›“: оставляли хлеб *РМ*$_1$ [10] [себе] *РК*$_1$ [11] *Вместо* „себе“: к себе *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „оправлялись“: отправлялись *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „садился“: садясь *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „присоединялся“: присоединяясь *РМ*$_1$ [15] своим *РМ*$_1$ [16] Киевский *РМ*$_1$ [17] „его“ *нет РМ*$_1$ [18] *Вместо* „во вражьих“: в ляшских *РМ*$_1$ [19] *Вместо* „не просыпаясь, сонный“: не проснулся и сонным *РМ*$_1$ [20] [куренный]. *РК*$_1$ [21] *Вместо* „в ляшском стану:“ в ляшских руках. *РМ*$_1$ [в ляшских руках] *РК*$_1$ [22] *Вместо* „по куреню“: по три куреня *РМ*$_1$ [23] *Вместо* „а четыре .... стали“: и пять куреней *РМ*$_1$ [24] *Вместо* „большими“: главными *РМ*$_1$ [25] *Вместо* „выстроилась“: [выстроилась] стала *РМ*$_1$ [26] *Вместо* „а позади .... конные“: а конные за ними [и спереди] *РМ*$_1$

в одно место, чтобы сделать неприятелю стену, чтобы не увидал он, как два куреня[1] потихонько пошли в засаду, а впереди их Тарас с полком своим.[2] В городе, видно, было услышано[3] козацкое вооружение, потому что[4] всё высыпало на городской вал, образуя живую картину.[5] Польские витязи стояли один другого красивее: на многих были медные шапки, все сиявшие в[6] солнце, осененные белыми, как лебедь, перьями;[7] на других — низенькие голубые и розовые шапочки[8] с заломленным на бекрень четвероугольным верхом своим;[9] кафтан[10] с откидными рукавами,[11] шитые и[12] нешитые[13] пояса[14] и наконец,[15] пистолеты и сабли,[16] драгоценность, за которую платили тогда много и на убранство которых не один жертвовал[17] лучшим достоянием своим.[18] Напереди[19] стоял красиво,[20] в красной шапке, убранной золотом,[21] Буджановский полковник. Грузен[22] был полковник, всех выше[23] — и широкой дорогой кафтан[24] в силу облекал его.[25] На другой стороне,[26] почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человечек, весь высох-

---

[1] [отправились] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „и сначала .... своим": прежде вся конница собралась в кучу, [чтобы заслонить от неприятеля, как два куреня пошли] чтобы не видал неприятель, как два куреня потихонько пошли в засаду и как Тарас заехал за лес с полком своим. [И стали перед самым городом по стене] *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „было услышано": послышали про *РМ*$_1$ [4] „потому что" *нет* *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „на городской .... картину": на стену. *РМ*$_1$ [6] [солнцах и белые как лебедь перья] *РК*$_1$ [7] *Вместо* „на многих .... перьями": медные шапки и белые, как лебедь, перья *РМ*$_1$ [8] [с четвероугольным верхом] *РК*$_1$ [9] „на других .... своим" *нет* *РМ*$_1$ [10] *Вместо* „кафтан": кафтаны *РМ*$_1$ [11] и *РМ*$_1$ [12] [просто] *РМ*$_1$ [13] [и] *РМ*$_1$ [14] [со всяким убранством] *РМ*$_1$ [пис<толеты>] *РК*$_1$ [15] „и наконец" *нет* *РМ*$_1$ [16] как дорогая *РМ*$_1$ [17] [своим] *РМ*$_1$ [св<оим>] *РК*$_1$ [18] *Вместо* „за которую .... своим": хоть за стекло. *РМ*$_1$ [19] всех *РМ*$_1$ [20] *Вместо* „красиво". спесиво *РМ*$_1$ [21] и в синем кафтане *РМ*$_1$ [22] *Вместо* „Грузен": И грузен *РМ*$_1$ [23] *Вместо* „выше": был он выше и толще *РМ*$_1$ [24] *Вместо* „и широкой дорогой кафтан": кафтан на двух человек *РМ*$_1$ [25] одного. *РМ*$_1$ [26] *Вместо* „На другой стороне": На другом краю вала *РМ*$_1$

ший;[1] но малые зоркие очи[2] глядели живо из-под густонаросших бровей[3] и оборачивался он скоро[4] на все стороны, указывая бойко тонкою[5] сухою рукою своею,[6] раздавая[7] приказанья. И видно было, что,[8] несмотря на малое тело свое, знал он хорошо[9] ратную науку.[10] Недалеко от него[11] стоял хорунжий, длинный, длинный с густыми усами и, казалось,[12] не было ему недостатка[13] в краске лица. Любил пан, как можно было даже видеть[14] снизу, крепкие меды и добрую пирушку. И много было видно за ними всякой шляхты,[15] вооружавшейся кто на свои[16] червонцы,[17] кто на[18] королевскую казну, кто на жидовские деньги, заложив[19] всё, что ни нашлось[20] в дедовских замках.

Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Золота немного было видно на них, только разве где блестело на сабельных рукоятях. Не любили козаки[21] нашивать себе на кафтаны золота, а кто был и в красном или ином дорогом кафтане, то надевал его как попало. Только одни черные бараньи шапки густо чернели с разноцветными суконными верхами.[22]

---

[1] [но неб<ольшие>] PK_1 [2] *Вместо* „но малые зоркие очи": [длинные были] но длинны и закручены были кудри и небольшие очи зорко PM_1 [3] „густо наросших бровей" *нет* <*не дописано*> PM_1 [4] *Вместо* „и оборачивался он скоро": И сверху оборачивался он далеко PM_1 [5] „тонкою" *нет* PM_1 [6] и PM_1 [и] PK_1 [7] живо PM_1 [8] [он] PK_1 [9] *Вместо* „на малое .... хорошо": на свое малое тело он хорошо знал PM_1 [10] [И] [В] PM_1 [11] *Вместо* „от него": возле него PM_1 [12] *Вместо* „с густыми .... казалось": и PM_1 [13] *Вместо* „ему недостатка": недостатка ему PM_1 [14] *Вместо* „пан .... видеть": как видно было даже PM_1 [15] роскошно PM_1 [16] собственные PM_1 [17] и PM_1 [18] [королевский кошт] PM_1 [19] им за это PM_1 [20] *Вместо* „ни нашлось": только было PM_1 [21] [обшивать] PK_1 [22] *Вместо* „Козацкие .... верхами": Стояли [молчаливо] тихо запорожские ряды, все в [широких] вольных своих кафтанах. Редко у кого было какое убранство. Кой у кого, и то у куренного, или гораздо чаще у молодых козаков, виден был выложенный золотом пояс; но добрые сабли висели у боков, самопалы за плечами. PM_1

Скоро из запорожских рядов[1] выехали вперед два[2] козака: один еще совсем молодой, другой постарее, оба[3] зубастые на слова, да и на дело тоже не[4] плохие козаки:[5] Охрим Наш и Мыкыта[6] Голокопытенко. А вслед за ними выехал и Демид Попович, лихой козак[7], уже давно маячивший[8] на Сече, бывший под Адрианополем и много натерпевший<ся> на веку своем:[9] горел[10] в огне и прибежал на Сечь[11] с обсмаленною, почерневшею головою и[12] выгоревшими усами. Но[13] раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, выростил усы,[14] густые и черные, как смоль; и крепок был на едкое[15] слово Попович.

„А, красные жупаны на всему[16] воинству![17] Да хотел[18] бы знать, так ли красна сила у воинства!“[19]

„Вот я вас“, кричал с верху дюжий полковник: „всех перевяжу! Отдавайте, холопы,[20] сейчас ваше[21] оружие и[22] коней.[23] Видели, как я перевязал ваших? Гей! а выведите[24] на вал запорожцев“. [Видно] На валу засуетились,[25] видно, с тем, чтобы выполнить полковничий приказ[26] и чрез несколько минут показались на валу скрученные[27] запорожцы, а впереди их[28] куренный атаман Хлиб, без шаровар и верхнего

---

[1] *Вместо* „Скоро .... рядов“: И PM_1 [2] молодые PM_1 [3] „один.... оба“ *нет* PM_1 [4] совсем PM_1 [5] „козаки“ *нет* PM_1 [6] *Вместо* „Мыкыта“: [Терешко] Мыкола PM_1 [7] „козак“ *нет* PM_1 [8] *Вместо* „маячивший“: маячившийся PM_1 [9] *Вместо* „на веку своем“: всяких бед PM_1 [10] и PM_1 [11] *Вместо* „прибежал на Сечь“: прибежавших PM_1 [12] с PM_1 [13] „Но“ *нет* PM_1 [14] *Вместо* „пустил .... усы“: и оселедец вновь завел, а усы пустил PM_1 [15] „едкое“ *нет* PM_1 [16] „всему“ *нет* PM_1 [17] сказал Наш, оглядывая городской вал. [Да, видно, силы богатырской <нет?>] PM_1 [18] *Вместо* „хотел“: хотелось PM_1 [19] *Вместо* „так ли .... у воинства“: встала ли та сила, или сидит только? PM_1 [20] *Вместо* „Отдавайте, холопы“: Выдайте PM_1 [21] „ваше“ *нет* PM_1 [22] выдавайте всех ваших PM_1 [23] и всё, что есть, а не то всех перевяжу вас. PM_1 [24] *Вместо* „а выведите“: выведите PM_1 [25] *Вместо* „На валу засуетились“: Видно было, что затолкались в толпе PM_1 [26] *Вместо* „с тем .... приказ“: побежали исполнить приказ полковника PM_1 [27] веревками PM_1 [28] *Вместо* „а впереди их“: впереди PM_1

убранства, так, как схватили его на хмеле.[1] И потупил в землю[2] голову несчастный[3] атаман, стыдясь наготы своей перед[4] своими же козаками и что попал[5] в плен, как собака.[6] И в одну ночь поседела крепкая голова его.

„Не журись, Хлиб![7] Выручим", кричали с низу козаки.[8]

„Не журись, друзьяка!"[9] отозвался с низу к нему[10] куренный атаман Бородатый: „В том нет вины твоей, что схватили тебя голого. [Бед<а>] Это случай. Беда может случиться со всяким человеком, а[11] стыдно им, что[12] выставили тебя на позор[13] и не прикрыли прилично[14] наготы твоей".

„Вы, как вижу,[15] на сонных людей храброе войско", говорил, поглядывая на вал,[16] Голокопытенко.[17]

„Вот погодите, поотрежем мы чубы вам!" кричали с верху.

„А хотел бы я поглядеть, как они нам поотрезывают чубы", говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поворотив немного голову к своим, сказал: „А ляхи, может, и правду говорят, потому, коли выведет их вон тот пузатый, так им всем будет добрая защита".

„Отчего ж ты думаешь, что будет им добрая защита?" сказали некоторые козаки,[18] зная, что Попович недаром говорит и[19] что уже верно держит на уме сказать что-нибудь такое.

---

[1] *Вместо* „на хмеле": во сне *РМ*$_1$ [2] [уже поседелую свою] [еще не совсем] [в одну ночь поседевшую голову атаман] свою *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „несчастный": бедный *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „перед": пред *РМ*$_1$ [5] [без оружья] *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „в плен, как собака": как собака в плен *РМ*$_1$ [7] [и все паны-браты! выручим] *РМ*$_1$ [8] [не журись, Хлиб!] *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „Не журись, друзьяка!": Да нет, не потупляй очи в землю! *РМ*$_1$ [10] „с низу к нему" *нет* *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „В том .... человеком, а": Стыда нет в том *РМ*$_1$ [12] они *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „тебя на позор": на позор тебя [не давши прикрыть на<готы>] *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „и не прикрыли прилично": не прикрывши [наготу твою] как [прилично] [нужно] прилично *РМ*$_1$ [15] *Вместо* „Вы, как вижу": [Нашли хвастаться, что забрали его] Вы, [видно *РМ*$_1$ [16] [Куку<бенко>] *РК*$_1$ [17] *Вместо* „говорил .... Голокопытенко": при<бавил?> Голопутко. *РМ*$_1$ [18] [потому <что знали?>] *РК*$_1$ [19] [так] *РК*$_1$

„А оттого, что за ним[1] спрячется всё войско:[2] уже чорта с два достанешь из-за его пуза которого-нибудь копьем!“

Все засмеялись. Козаки[3] в рядах, бывших подале, спрашивали[4] один у другого, что сказал Попович; а другие, которые услыхали, говорили: „Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...“[5] да уж и[6] не сказали козаки, что такое „ну“.[7]

„Отступайте! Отступайте от стен!“[8] сказал в это время[9] кошевой, заметивший по движению руки низенького полковника, что должно чему-нибудь быть.[10] Все попятились назад; из городского валу грянула картеча, но картечь[11] не долетела. Вверху всё стало суетиться. Полковники отдавали приказы. Показался сам седой воевода.[11] Бегало много воинов взад и вперед.[13] Наконец ворота отворились и выехали ровным[14] конным строем шитые гусары, за ними другие в иных кафтанах. С боков и позади[15] каждого ряда[16] ехало особняком не мало[17] видных витя-

---

[1] [может спрятаться] *РК*$_1$ [2] [то<гда?>] *РК*$_1$ [3] [и куренные атаманы, которые стояли близко, засмеялись, а] *РК*$_1$ [4] [друг у друга] *РК*$_1$ [5] [а] *РК*$_1$ [6] [ничего не говорили] *РК*$_1$ [7] *Вместо* „Вот погодите.... что такое „ну“: „Хотел бы я попробовать вашей храбрости“, [отвечал] отозвался на коне Попович: „оно хоть и не хочется марать рук в нехорошее, а я уж, так и быть, попробовал бы“. „Будете вы с отрезанными ухами, собаки!“ кричали с валу. „А кто будет вами командовать? [Разве вон уж] Коли вон тот пузатый, так не будем“. „А почему не будем?“. „А потому, что у него голова больше похожа на пузо, чем пузо на голову“. Густой, сильный хохот раздался между козаками, и сам куренный атаман рассмеялся, и далеко стоявшие из других куреней козаки спрашивали друг <друга>: „А что такое сказал Попович?“ *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „от стен“: скорее *РМ*$_1$ [9] [подьехавший] *РК*$_1$ [10] *Вместо* „должно чему-нибудь быть“: должно быть, что-нибудь будет. *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „попятились..., но картечь“: разом отступили и почти <тотчас?> из [города] стен грянули картечью, которая *РМ*$_1$ [12] *Вместо* „седой воевода“: воевода, седой уже старик, на белом коне. *РМ*$_1$ [13] „Бегало .... и вперед“ *нет РМ*$_1$ [14] [стройным] *РК*$_1$ [15] [перед] *РК*$_1$ [16] [и впереди каждо о] *РК*$_1$ [17] [добры<х>] *РК*$_1$

зей, лучших польских шляхтичей,[1] каждый одетый по своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с пятью или шестью человек слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять конные ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. Всё отступали козаки назад, пока не вышли последние из ворот. И как только вышли все и заняли лощину, чтобы, как следует выстроиться, кошевой дал приказ, чтобы не давали ляхам как следует выстроиться, а старались бы вдруг смешать их: и козаки все, с боков и с тыла, поднявши крик, от которого ⟨страх⟩ забирал[2] и не робкое сердце, посыпали козаки на них.[3] „Берите в руки фитили, да пугайте коней!“[4] кричал кошевой: „Пугайте коней!“[5] И[6] козаки, кто попало, кинулись целой кучею[7] с фитилями,[8] прямо в лицо коням; и хотя сами были вытоптаны коньми, но смешали и перепутали всех[9] и произвели беспорядок на славу, все ряды и дисциплина пропала: все сошлись в кучу,[10] многие должны были спешиться, ибо нельзя было действовать на коне. Велика была и далеко забирала поля

---

[1] *Вместо* „ровным .... шляхтичей“: [сгоряча конные] ровные [конные] польские гусары на щегольских конях; за ними еще отряд в кафтанах других цветов. С боков и позади особняком ехали PM_1 [2] [сердце] PK_1 [3] *Вместо* „Не хотели .... на них“: молодые офицеры из лучшего шляхетства, не так, как бывает в [нынешнем] нашем скучном однообразно-сером воинстве, а всякой был картина. И еще, еще выехали разные другие отряды; на добром коне выехал хорунжий — задору много было в головах; и еще отряд толстого полковника, как городской; еще отряд, еще отряд и другого полковника. Вдруг рассеялись передние ряды запорожцев, многих стоптали конями, другие все бежали с криком. Увидел кошевой, что все уже вышли, ⟨*2 нрзб.*⟩ с боков все пешие не на лицо, но в тыл. PM_1 [4] Пугайте коней! PM_1 [5] „Пугайте коней“ *нет* PM_1 [6] [кто ⟨попало?⟩] PK_1 [7] [их] PK_1 [8] [совсем закутанные ⟨дымом?⟩] PK_1 [9] [Беспорядок сдела⟨ли⟩] PK_1 [10] [и другие] PK_1

сошедшаяся группа и каждому почти из воинов[1] довел случай показать себя.[2]

Демид Попович,[3] завидев еще прежде лучших двух шляхтичей, богаче и лучше других снаряженных,[4] сшиб с коня того и другого прежде, чем успели те[5] оглянуться и подумать, как им лучше против него выкинуть,[6] и выгнал коней их[7] далеко в поле, крича стоявшим[8] козакам перенять их. Потом опять пробился[9] в кучу к ляхам, которые было хотели[10] помочь им,[11] и одному снес[12] тяжелою саблею полголовы косяком и правую руку, разогнал двух других, а сбитого с коня, накинув ему на шею петлю, привязал к своему седлу,[13] поволок его по всему полю и, как выехал подальше в поле, скинул с него дорогой кафтан, саблю с рукоятью и отвязал[14] от пояса у него целый черенок с червонцами.[15]

Кобита, добрый козак и молодой еще, схватился с дюжим и бравым из ляшского войска; и долго бились они, все покрывши зазубринами свои сабли; и замахнул было

---

[1] [почти] PK_1 [2] *Вместо* „И козаки .... показать себя“: Козаки тут же устремились с запаленными фитилями против [скачущих] [поворотивших] неприятеля, поворотившего назад лошадей, против устремившейся в тыл пехоты, но произвели совершенный беспорядок. Испуганные кони метнули, ряды смешались в кучу. Многие, видя невозможность управиться с лошадьми, стали спешивать и сбились в одну картинную, страшную группу. Каждому явилось поле оказать лично себя. PM_1 [3] [сшиб] PM_1 [4] *Вместо* „завидев .... снаряженных“: завидевши двух всадников побогаче и сидевших на лучших конях PM_1 [5] *Вместо* „успели те“: они успели PM_1 [6] „и подумать .... выкинуть“ *нет* PM_1 [7] „их“ *нет* PM_1 [8] *Вместо* „стоявшим“: издали PM_1 [9] *Вместо* „опять пробился“: пробился опять PM_1 [10] *Вместо* „было хотели“: хотели было PM_1 [11] *Вместо* „им“: упавшим всадникам PM_1 [12] [саблею] PK_1 [13] [потом выехал пода<льше?>] PK_1 [14] [це<лый черенок?>] PK_1 [15] *Вместо* „и одному .... с червонцами“: Пересек палашом одному голову, а на сбитого с коня накинул петлю и [вытащил его на веревке] привязал к седлу и поволок по земле [далеко] в открытое место; всю голову избило витязю. И слезши с коня, снял он с него дорогой пояс, саблю с рукоятью, всю из чеканного золота, и дорожный мешок. PM_1

уже над самою головою его лях, да, отбивши удар, ударился ему головою в грудь и схватил его обеими руками под самые силы. Дюжий был лях и закричал[1] сильно; выхватил Кобита длинный турецкий нож, навостренный с обеих сторон, и всадил ему прямо под сердце, весь по рукоять.[2] Да[3] не уберегся сам молодой[4] козак. Тут же в висок хлопнула его[5] горячая[6] пуля, и упал ⟨он⟩[7] на поверженного на землю[8] ляха, еще не успев вынуть из-под сердца[9] его кинжала. Статен и высок, как тополь, носился на буланом добром коне шляхтич: не из простых он был, — княжеского рода, четырех сот червонных стоил один конь.[10] И много удали и богатырского боярского духу показал он: двух убил из пистолетов, а[11] третьего, занесшего было[12] на него руку, конного доброго козака,[13] опрокинул вместе[14] с конем. Грянулся на землю[15] козак и[16] конь наверх его,[17] но не задавило его[18] конем и выпутался бы он из-под него,[19] да достал его и там удалый шляхтич длинным копьем прямо[20] в шею над грудью: и свернулся в судорогах козак, почуя холодное лезвее, вошедшее в самое древко, нанесшее смертную муку. И много он разнес страху далеко по всем кущам.[21] Многие из

---

[1] [не ти⟨хо⟩] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „схватился .... по рукоять“: сцепившись с старым, а дюжим между ляхов воином, кинувши саблю и схватившись в рукопашь, повалил его и всадил в сердце турецкий кинжал *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „Да“: но *РМ*$_1$ [4] „сам молодой“ *нет РМ*$_1$ [5] *Вместо* „хлопнула его“: его хлопнула *РМ*$_1$ [6] „горячая“ *нет РМ*$_1$ [7] *Вместо* „упал ⟨он⟩“: тут же упал он *РМ*$_1$ [8] „на землю“ *нет РМ*$_1$ [9] [своего] *РК*$_1$ [10] *Вместо* „Статен .... конь“: Статный и высокий, как тополь, красавец и княжского рода лях носился на буланом [дорогом] четырехсотчервонном коне *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „из пистолетов, а“: из пистолета, и *РМ*$_1$ [12] „было“ *нет РМ*$_1$ [13] „конного доброго козака“ *нет РМ*$_1$ [14] „вместе“ *нет РМ*$_1$ [15] *Вместо* „на землю“: [козак] не простой, а добрый и опытный *РМ*$_1$ [16] [грянулся] *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „наверх его“: сверху *РМ*$_1$ [18] „его“ *нет РМ*$_1$ [19] *Вместо* „он из-под него“: из⟨-под⟩ него козак *РМ*$_1$ [20] [над грудью] *РК*$_1$ [21] *Вместо* „шляхтич .... кущам“: витязь, вогнал копье ему в шею [и захватил арканом]. *РМ*$_1$

вдруг останавливается, распластанный на[1] высоте и оттуда стрелой бьет на раскричавшегося[2] у дороги самца-перепела, так налетел он на хорунжего[3] и с одного разу накинул ему на шею[4] веревку, и стала еще краснее багровая голова[5] хорунжего, когда затянула шею жесткая петля;[6] всё[7] еще успел он схватить[8] пистолет и[9] выстрелить, но уже[10] не могла направить пули[11] судорожно[12] сведенная рука и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла[13], отвязал шелковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и, связав[14] его по рукам и ногам[15] его же шнуром,[16] прицепил на веревку[17] к седлу и поволок через поле, сзывая[18] громко всех[19] козаков уманского куреня, чтобы отдать[20] последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что атамана их куренного[21] Кукубенка поразил рок,[22] бросали поле битвы и бежали, чтобы поглядеть на своего атамана:[23] не скажет ли он чего[24] перед смертным часом? Но уже давно атамана их не было[25] на свете:[26] чубастая голова его далеко отскочила[27] от своего туловища. И

---

[1] [воздухе] $РК_1$ [2] [в жниве] $РК_1$ [3] *Вместо* „Бравый .... на хорунжего“: Как вихорь налетел на него Остап Бульба $РМ_1$ [4] *Вместо* „ему на шею“: на него $РМ_1$ [5] *Вместо* „стала .... голова“: налилось еще сильнее кровью багровое лицо $РМ_1$ [6] *Вместо* „затянула .... петля“: петля затянула его шею. $РМ_1$ [7] *Вместо* „всё“: Но всё $РМ_1$ [8] *Вместо* „схватить пистолет“: схватиться за пистолет $РМ_1$ [9] „и“ *нет* $РМ_1$ [10] „уже“ *нет* $РМ_1$ [11] *Вместо* „пули“: пулю $РМ_1$ [12] [дро⟨жащая?⟩] $РК_1$ [13] *Вместо* „у его же седла“: у седла его $РМ_1$ [14] *Вместо* „связав“: связал $РМ_1$ [15] *Вместо* „ногам“: по ногам $РМ_1$ [16] и $РМ_1$ [17] *Вместо* „на веревку“: его $РМ_1$ [18] *Вместо* „сзывая“: созывая $РМ_1$ [19] „громко всех“ *нет* $РМ_1$ [уманских] $РК_1$ [20] *Вместо* „отдать“: прибрать благородное его тело и дать $РМ_1$ [21] *Вместо* „их куренного“: куренного их $РМ_1$ [22] „поразил рок“ *нет* ⟨*не дописано*⟩ $РМ_1$ [все] $РМ_1$ [23] принять послед⟨нее его слово?⟩ $РМ_1$ [24] *Вместо* „он чего“: чего атаман $РМ_1$ [25] *Вместо* „атамана их не было“: не было [на этом ⟨свете?⟩] атамана $РМ_1$ [26] [Увидели козаки] $РМ_1$ [27] *Вместо* „его далеко отскочила“: не в пример другим отскочила далеко $РМ_1$

нившеюся на сердечную память.[1] Завидел издали[2] хорунжий, как нагнулся храбрый куренный атаман снимать с убитого[3] военную корысть и[4] подъехал тихо в тыл ему вместе с четырьмя слугами: в лицо не[5] смел ему стать хорунжий, потому что уже два раза сбивал его Кукубенко с коня и не ушел бы он от него, если бы не спасли его всадники. [Схвати<л>] Ударил он со всего размаху острой саблею по широкой козацкой шее нагнувшегося атамана и слетела крепкая голова неуспевшего оглянуться назад атамана. Пошатнулся обезглавленный труп и повалился на[6] убитого, всё покрывши вокруг себя еще за минуту могущественно вращавшеюся в жилах кровью, и[7] понеслась к вышинам суровая козацкая душа,[8] хмурясь и негодуя и вместе с тем[9] дивуясь, что так рано вылетела[10] из такого крепкого тела. Но не успел хорунжий ухватить за чуб[11] атаманскую голову[12] и привязать ее[13] к седлу. Бравый мститель за Кукубенка скоро показался. Как ястреб, давши[14] много кругов[15] сильными крыльями по воздуху,

---

[1] *Вместо* „пригвоздивши .... память": Отвязал у него Кукубенко черенок с червонцами и привязал его к своему очкуру, и отвязал он с него драгоценную сумку с тонким бельем, дорожным серебром и заветным черным женским локоном на память, пригвоздив навеки к сырой земле [доброго шляхтича]. Ключем хлынула в верх красная, как лесная калина, молодая кровь и оросила [желтый] [желтого цвета] [нарядный кафтан] весь сшитый из тонкого желтого сукна кафтан его. *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „Завидел издали": Увидел *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „как .... с убитого": что [Кукубенко] храбрый куренный атаман нагнулся доставать доставшуюся *РМ*$_1$ [4] [погнал позади на него, но пл<?>] *РК*$_1$ [5] [смотрел] *РК*$_1$ [6] [убитый труп] *РК*$_1$ [7] [пошла] *РК*$_1$ [8] *Вместо* „подъехал .... душа": наехал тихо с конем позади, ибо не посмел встретиться с ним лицом к лицу, и уже уносил свои пятки, почуя его близко за собою, и не успел оглянуться Кукубенко, как свиснула сабля, и слетела голова, и безголовый труп его, чудно пошатнувшись назад, упал на убитого ляха, а уже душа козацкая вынеслась, как <будто?> *РМ*$_1$ [9] „вместе с тем" *нет РМ*$_1$ [10] *Вместо* „что .... вылетела": как она могла вылететь *РМ*$_1$ [11] [головы] атаманской *РК*$_1$ [12] *Вместо* „Но .... голову": Только не довелось хорунжему схватить за чуб головы *РМ*$_1$ [13] „ее" *нет РМ*$_1$ [14] [несколь<к>о] *РК*$_1$ [15] [быстрыми] *РК*$_1$

козаков, завидя его,[1] не посмели подступать к нему.[2] Одного, подпустивши к себе[3] на выстрел, бойко швырнул[4] прямо ему на голову аркан, затянул ему шею[5] и поволок его. Но уж давно[6] навидел и наметил его издали[7] бравый куренный[8] атаман Кукубенко. Припустил коня и нагнал ему прямо в тыл и голосно, сильно закричал ему, так что вздрогнули близь стоявшие от нечеловечьего крика.[9] Хотел поворотить скоро коня и стать в лицо ему удалый лях; но[10] не послушался конь, испуганный страшным криком,[11] метнулся на сторону и[12] достал его ружейною пулею Кукубенко. Вошла в спинные лопатки горячая пуля, свалился с коня бравый лях, схватил в руки[13] саблю, но ослабели руки,[14] не мог ничего он сделать саблей. А Кукубенко, взяв в обе руки свой[15] тяжелый палаш, вогнал ему в самые побледневшие[16] уста. Вышиб два сахарные[17] зуба палаш, рассек на двое язык, разбил горловой позвонок и вошел[18] далеко в землю, пригвоздивши навеки его к сырой земле. Ключем хлынула вверх алая, как надречная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь желтый,[19] с золотыми шнурками кафтан его. Отвязал у него тут же от пояса Кукубенко черенок, полный червонцев, и дорогую сумку с тонким бельем, дорожным серебром и[20] длинною девичьею кудрею, сохранно хра-

---

[1] „завидя его“ *нет* PM_1 [2] *Вместо* „подступать к нему“: итти протиз него и PM_1 [3] „к себе“ *нет* PM_1 [4] [на него] PK_1 [5] *Вместо* „бойко .... шею“: накинул аркан PM_1 [6] „уж давно“ *нет* PM_1 [завидел] PK_1 [7] *Вместо* „и наметил его издали“: его и наметил уже давно PM_1 [8] „куренный“ *нет* PM_1 [9] *Вместо* „нагнал .... крика“: погнался за ним. PM_1 [10] *Вместо* „поворотить .... но“: лях выдержать схватку PM_1 [11] *Вместо* „испуганный страшным криком“: и PM_1 [12] *Вместо* „на сторону и“: в бок. PM_1 [13] *Вместо* „свалился .... в руки“: початнулся бравый лях и, схватившись, схватил еще PM_1 [14] *Вместо* „ослабели руки“: ослабела рука PM_1 [15] *Вместо* „не мог .... свой“: Соскочивши с коня, взял в обе руки Кукубенко PM_1 [16] „самые побледневшие“ *нет* PM_1 [17] „сахарные“ *нет* PM_1 [18] *Вместо* „вошел“: въехал PM_1 [19] [кафтан] PK_1 [20] [длинным девическим ‹локоном?›] PK_1

разбил горловой позвонок, и вошел далеко
в землю. Тяжелая и приводящая ужас его тяжко на всех
земли. Клюнула вверх алая, как
хабрятная пашня, высокая дворянская
кровь и выкрасила весь толпящий
шаровары кафтан его. А хулитель уже кинул его и пробил
своими Невыразимо-вязкими в другую курку. „Эх, оставил непуще-
бранный такое дорогое украшение!" сказал Ушатый кряжистый
бородатый отъезжая от своей к шляху где лежал
убитый Кукубенко „Я сперва убью шляхтича
Не нравившая бородатый, как нападал на
него сам Красновский корунжий уже два раза
сбить или из седла и колдыбивши добрую за-
пасную вашей дам. Зубрину на память
Размахнулся он совсем с плеча ударил в саблей
по нагнувшейся шее. Но не добру повело корысть.
Отскочила нагнувшаяся голова и упала обезглавленных
труп далеко брызнувши кровь. Покатился
на сонаты раскаку по широкой покатой
шее нагнувшегося Ушакова и шлепнулся
крепкая голова неуспевшего отпрянуть
назад Ушакова. Пошатнулся обезглавленный
труп и повалился на убитого трупа ви-
пустивши вокруг себя в минуту
в жилах крови и пошла по полям

Тяжелую и тяжко ударившую сверху на
нападавшего. Но пошатнулся
нагнувшийся чтобы сбить с ног Ушакова
Ушакова отъехавшего от Кукубенко
грудь сумку и пистолет. Бросает сердито и
обидно корнею. Сверкнувшая на пашне

взяв козаки голову, сложили ее[1] и широкое туловище вместе, сняли[2] с себя верхнее убранство и покрыли им его.[3] И стали козаки совещаться тут же о том, кого выбрать на место его в куренные, ибо неприлично, чтобы курень[4] на войне оставался без атамана. И все выбрали в один голос Бульбенка Остапа, зная, что он, хоть и молодой человек, но разум имел старый.[5] Все уманцы побежали,[6] махая ему издали,[7] чтобы воротился. Услышав о выборе своем, Остап снял шапку, поблагодарил козаков товарищей за честь,[8] не стал отговариваться ни молодостью,[9] ни неразумием, зная, что не до того в военное время, а тут же повел их прямо на кучу, где уже давно бились жарко козаки с ляхами, поднявши пыль под самые небеса и вытоптав[10] далеко траву в поле вокруг. Уже[11] на рукопашный бой пошло дело и трещали могучие спины, как Остап в сию минуту ударил с уманцами прямо в крошел, и очистил вокруг себя простор; и уже не один лях лежал опрокинут, с отлетевшим дыханьем, выказав открытые уста и зубы. А в то же самое время с другой стороны ударил с полком своим Тарас, бывший в засаде с двумя другими куренями. Пустивши крик, от которого дрожало далеко всё, что было вокруг, они смяли в одно мгновение

---

[1] *Вместо* „И взяв .... ее": И взяли козаки, сложили голову *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „сняли": накрыли его, разодрали *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „им его": его им. *РМ*$_1$ [4] [в ‹бою?›] *РК*$_1$ [5] *Вместо* „И стали .... старый": „Мертвому своя доля, и погребенье ему сделано, как достойно по заслугам его", сказал [один старый] Вязович, старейший в курене: „а теперь настоит нам дело нужнейшее — выбрать наскорейше другого на место его атамана. Итак, товарищи, кого выбираете?" „А кого выбрать, как не Бульбенка Остапа?" сказали почти в голос все Уманцы. „Хорошо выдумали", сказал Вязович: „никого [нельзя] не можно лучше выбрать, как Бульбенка Остапа: он хоть и молодой человек, а разум у него старый [и знает]". *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „Все уманцы побежали": И побежали уманцы *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „ему издали": издали шапками Остапу [который уже хотел ворваться в кучу] *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „о выборе .... за честь": Остап об избрании своем, снял с себя шапку *РМ*$_1$ [9] *Вместо* „молодостью": молодыми летами *РМ*$_1$ [10] [траву на далекое пространство] *РК*$_1$ [11] [в] *РК*$_1$

всю конницу и нагнали ее на пешую кучу, и много было бы выбито и пропало народу в великом беспорядку, если бы, завидев то, не приказал низенькой полковник выбросить хоругвь и не закричал на своих: „Назад! в город!". И всё пустилось во весь дух к городским воротам.[1] Отворились ворота и приняли коней и всадников, усталых, изнуренных, воротившихся без многих[2] своих товарищей. Запорожцы гнались за ними и, статься может, ворвались бы многие за ними по пятам в город. Но с городских стен грянуло картечью и много, не оглянувшись, повалилось. Один Остап, однако ж, спас своих уманцев, сказавши: „На бок, братья! с валу что-нибудь да будет". И повалили все на сторону уманцы.[3] Кошевой, подъехавший

---

[1] *Вместо* „зная .... воротам:" ибо знал, что не любят козаки и не нужно в боевое время тратить слова, поблагодарил козаков за честь, [но скомандовал] и повернул с ними прямо на кучу, [где билось много народу] где свирепствовал самый жар битвы и пыль клубилась столбом. [Уже более часу бились войска] Тут было трудное дело. Тут с обеих сторон ‹*3 нрзб.*› на далеком пространстве была выбита под ногами трава. Уже сильно дали знать себя козаки. Не мало конных спешились, и в рукопашный бой и на кулаки брали козаки — и погнулись ляхи. И невеликорослый, но бравый полковник дал приказ остальному конному отряду подъехать на подмогу; но в это время Тарас выступил с полком из засады и в то же время два куреня, Дядькивский и Мысхаловский ‹Мышастовский?›, с криком ударили в них и разбили конницу. И [увидев] закричал полковник на своих: „В город! за мною!". [И все припустились бежать] И все, конные и пешие, пустились во весь дух к городским воротам. *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „коней .... без многих": не мало утрудившихся, сильно вспотевших и всадников, и коней и много потерявших *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „Запорожцы .... уманцы": А запорожцы всё еще гнались, и, может быть, вошли бы за ними по пятам их и сами в город отмстить за своего атамана. Но как последние ляхи ‹стали?› входить в город, с города вдруг [пустили] посыпали картечью и попадали многие из стоявших впереди козаков. Но Остап приберег свой курень, еще заране закричавши: „[В бок] На бок, хлопьята, чтобы не было чего со стен!" Не успел сказать слово Остап, как из города посыпало картечью и повалило многих передних козаков [и кошевой, подъеха‹в›], и попятились другие козаки. *РМ*$_1$

собравшись на другой конец его. а Низинский полковник
матерый на стоявшие отдельно у Сечи Сторожь четырьмя свежими
сотнями и гренцами оттуда гарцевать в хвацкие куры. но мало
куры хватили за хвосты гвардейцы. Тако гнали
гонцы достали и давай
Сечевые испугавшись вскинули поворотили гвардейцы набарь
перелетали сеть и многие перетонули. Но Тарас
Бульба этого виды, вырвавшись из сеча с своим
полком с криком бросился на Ляхов. Поворотили
назад не бывалое стадо испуганное кровью и метнули
на Ляшские полки. Опрокинули пошиху сеть сабо
и разбили вдоль. Вот тогда хорошо и вспомнили
Запорожцы.

О, спасибо вам волы. Прибыли запорожцы
Слушали не походную службу а теперь и вспомнили
сослужили! и ударили с новыми силами на непрятеля.
Много тогда перебили врагов. Многие по
падали себя! Мертвецы, шило, обо тысячи вспу
зенко. и не знали вдоль других. Видели Ляхи
много пропадать покинули горсть и закрывали
створы городской ворота. Сохранили отворотили
Объяли вывозом ворота и пропустили толпившихся
рядом в ворота, изрубили и покрывшись
всадниковъ. Многие из горожан попались было даже
по Отаман своей (ушедшей) остановили. Сказавши: подальше надо
Пать брать отъ стыдъ. негодится бывало подходить
к нимъ. и правда сказал Тарас что стыд грешно
и посвятили всем чем ни попало. и многие достали.

„Тарас Бульба", гл. VII (по окончательному счету).

Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев). л. 63 об.

в это время,[1] похвалил, сказавши:[2] „Вот и новый атаман, а ведет войско так,[3] как бы и старый". И оглянулся старый Бульба поглядеть, какой новый атаман. Не без радости увидел он,[4] что это был сын его Остап, и благодарил всех уманцев за честь.[5] Запорожцы опять собрались чинно по куреням и стали отступать к таборам;[6] а ⟨на⟩ городском валу опять показались ляхи, уже с изорванными эпанчами: запеклася кровь на многих дорогих кафтанах[7] и пылью покрылися красивые медные шапки.

„Что, перевязали?" кричали им снизу запорожцы. „Вот я вас!" кричал всё так же[8] сверху толстый[9] полковник, показывая веревку. И всё еще не переставали[10] грозить запыленные изнуренные воины и перекинулись те, которые были позадористей, бойкими словами.[11]

А между тем все разошлись к своим таборам.[12] Кашевары разложили огни и поставили казаны. Кто отдыхал, кто перевязывал раны[13] и драл на перевязки платки и дорогие одежды, содранные с убитых; кто лежал просто на спине, выбитый из сил и тяжко переводил дух, утружденный многими подвигами.[14] А которые были посвежее и не так[15] устали, стали прибирать тела и отдавать последнюю

---

[1] *Вместо* „подъехавший в это время": подъехав *РМ*$_1$ [2] Браво! *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „ведет войско так": так ведет войско *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „Не без радости увидел он": и [увидел] не без радости увидел *РМ*$_1$ [5] *Вместо* „и благодарил .... за честь": Поклонился старый полковник Уманцам за честь, которую оказали сыну, выбрав его своим атаманом. [Запорожцы отступили от стен. Кошевой в⟨новь?⟩] *РМ*$_1$ [которую] *РК*$_1$ [6] *Вместо* „опять .... к таборам": отступили и опять чинно выстроились по куреням и *РМ*$_1$ [7] „дорогих кафтанах" *нет РМ*$_1$ [8] „всё так же" *нет РМ*$_1$ [9] „толстый" *нет РМ*$_1$ [10] со стен *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „изнуренные .... словами": и усталые ратники и пересылались зубастыми словами молодые и кто побойчей. *РМ*$_1$ [12] [и положились—кто отдыхать] *РК*$_1$ [13] [кто] *РК*$_1$ [14] *Вместо* „все .... подвигами": кошевой приказал всему воинству разойтись ⟨на⟩ роздых, и поприсели все курени вокруг телег. *РМ*$_1$ [15] *Вместо* „А которые .... не так": Которые меньше *РМ*$_1$

почесть.[1] Тут же вырыли палашами и копьями могилы;[2] шапками и полами выносили землю, сложили честно[3] козацкие тела и засыпали их свежею[4] землею, чтобы не досталось воронам и хищным орлам выклевывать им очи.[5] А[6] ляшские тела вязали, как попало, десятками[7] к хвостам диких коней и пустили их далеко в поле, чтобы везде раскидали их в пищу волкам.[8]

Потом посадились все курени вокруг казанов вечерять. И много ели утружденные подвигами,[9] а еще больше того говорили каждый о случаях, в каких кто был, и о славных делах, какие кому достались на часть, на вечный рассказ пришельцам и своим детям и внукам и всему потомству.[10] Долго не ложились многие, и в каждом ‹курене› всю ночь горел огонь, и у каждого огня через каждые два часа сменялась стража.[11]

И, ложась на землю,[12] долго не спал старый Тарас и думал:[13] „Что-ж это значит? Много было всяких воев ляшских, но[14] Андрия моего не было. Я[15] бы узнал его, хоть бы как он далеко ни стоял.[16] [Видно] Верно, посовестился[17] Иуда вытти против своих". Так говорил Тарас и уже начинал было

---

[1] *Вместо* „стали .... почесть": те отправились прибирать тела *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „и копьями могилы": [и копьями] и пиками [неглубокие] могилы [чтобы хоть прикрыть] *РМ*$_1$ [3] вместе все [христиан‹ские›] *РМ*$_1$ [4] „их свежею" *нет РМ*$_1$ [5] *Вместо* „хищным .... очи": орлам выдирать и выклевывать козацких очей. *РМ*$_1$ [6] нечистые и безбожные *РМ*$_1$ [нечистые] *РК*$_1$ [7] *Вместо* „вязали .... десятками": цепляли веревками и привязывали по десяткам *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „везде .... волкам": растаскали их и поставляли по всему полю на пищу волкам-сыромахам. *РМ*$_1$ [9] [хотя] *РК*$_1$ [10] *Вместо* „Потом посадились .... потомству": Кашевары разложили огни и поставили казаны варить кашу. И козаки, в ожидании, отирали пот и снимали с себя ненужную одежду. Все говорили и рассказывали о дивных делах, которые случилось сделать многим из их войска. И курени все положились вокруг телег, уже не раздетые и почти все вооруженные, кто не выпуская из руки винтовки, кто держа свою саблю. *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „Долго .... стража": В каждом курене горел огонь и у каждого огня в часа два сменялся сторож. *РМ*$_1$ [12] на разостланный плащ свой *РМ*$_1$ [13] *Вместо* „долго .... думал": думал старый Тарас *РМ*$_1$ [14] *Вместо* „но": а *РМ*$_1$ [15] [узнал бы] *РК*$_1$ [16] *Вместо* „далеко ни стоял": ни стоял далеко. *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „Верно, посовестился": Посовестился ли *РМ*$_1$

думать, не[1] врет ли жид, не попался ли он просто в неволю.[2] И потом[3] опять вспомнил,[4] что[5] не в меру податливо было у Андрия сердце на женские речи. И почувствовал он великую скорбь в душе[6] и заклялся сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына. И исполнил бы он[7] непременно свою клятву: не поглядел бы[8] он на ее красоту, вытащил бы ее за густую пышную косу, поволок бы ее[9] за собою по всему полю между всеми козаками; избились бы о землю, окрова<ви>вшись и покрывшись пылью, ее чудные груди и плечи,[10] блеском равные снегам, и по частям было бы разнесено ее пышное,[11] прекрасное тело. Но не ведал Бульба того, что готовит бог на завтра,[12] и что, может быть, дело такое случится, которое много повредит ему,[13] и стал понемногу[14] забываться[15] Бульба. А в козацких кругах всё еще многие не спали и говорили промеж собой, и всю ночь у огней смотрела пристально во все концы трезвая, не смыкавшая очей стража.[16]

---

[1] „не" *нет* PM_1 [2] [как вдруг] PK_1 [3] *Вместо* „И потом": Но потом PM_1 [4] *Вместо* „вспомнил": как вспомнил, что жиду нечего выдумывать PM_1 [5] [он еще прошлую ночь видел Андрия прокрадывавшего<ся> по таборам, подобно вору, с какою то женщиной] PK_1 [6] *Вместо* „что .... в душе": как вспомнил ту женщину, с которою об руку проходил Андрий по табору, как вспомнил, что в нем что-то [давно] видел податливое [к женским] на женские речи, — почувствовал в душе великую скорбь PM_1 [7] „он" *нет* PM_1 [8] *Вместо* „не поглядел бы": не поглядит PM_1 „ее" *нет* PM_1 [10] [мрачащие белизною] PM_1 [11] и PM_1 [12] *Вместо* „готовит бог на завтра": будет завтра PM_1 [13] *Вместо* „может быть .... ему": [будет] случится, может быть, такое, которое много, много помешает ему, и ничего того не ведал Но один бог может ведать, что будет завтра. PM_1 [14] „понемногу" *нет* PM_1 [15] старый PM_1 [16] *Вместо* „А в козацких .... стража": и [сон обнял его] крепкий сон [прекратил все его думы, так, как прекратил и всех козаков], который скоро его обнял, <прекратил> суровые его угрозы и заклятия, [которые изредка продолжались] хотя их долго сквозь сон выговаривал [язык его] в просонках сонный язык. Крепко спали козаки, ибо велика была усталость; не смыкала глаз трезвая стража и пристально глядела [далеко] на земляной городской вал, где также виден был <на> верху часовой, озиравший всё пропадавшее вдали поле. PM_1

IX.

⟨ГЛ. VIII ПО ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ СЧЕТУ⟩

Еще солнце не дошло до половины[1] неба и день[2] только[3] начинал парить июльским теплом, как доубыш ударил в литавры и[4] запорожцы собирались на[5] раду. Из Сечи пришла неприятная весть,[6] что татары напали врасплох на оставшиеся[7] курени,[8] перебили и перевязали всех оставшихся в живых. Оставшиеся курени, видно,[9] курнули сильно по[10] козацкому обычаю. К тому же, — что было еще хуже, — татары[11] нашли и вырыли из земли[12] войсковой скарб, то

---

[1] *Вместо* „половины": середины PM_1 [середины] половины PK_1 [2] [едва] PK_1 [3] *Вместо* „только": только что PM_1 [4] все [собира⟨лись⟩] PM_1 [собира⟨лись⟩] PK_1 [5] [площадь] великую PM_1 [6] *Вместо* „неприятная весть": неприятность. PM_1 ⟨*возможно, впрочем, что здесь — довольно частое у Гоголя слитное написание двух слов*⟩ [7] *Вместо* „на оставшиеся": на остававшихся [козаков] PM_1 [8] [видно, запорожцы курнули] PM_1 [9] *Вместо* „Оставшиеся курени, видно": [Видно] Знать, оставшиеся курени PM_1 [10] [запорожскому] PM_1 [11] *Вместо* „К тому же .... татары": И что еще хуже PM_1 [12] *Вместо* „вырыли из земли" выкопали [кошевой ⟨скарб?⟩] PM_1

есть запорожскую[1] казну, державшуюся втайне[2] под землею.[3] С добычею, пленниками,[4] табунами и овечьими стадами, какие только[5] успели схватить[6] на пути,[7] они[8] направили путь к Перекопу. Никто не убежал из плена.[9] Один только из всех козаков, именем[10] Максим Голодуха, добрый пройди-голова, как говорили козаки,[11] хитрый на всякие[12] выдумки, убежал[13] середи дороги[14] из татарских рук.[15] Выкрутился[16] из-под веревок, которыми был привязан к коню, доставшись на часть татарскому мирзе.[17] Хоть был уже давно он[18] почти развязан и не держали его веревки, но всё[19] прикидывался и ехал следом за мирзой, да доставал потихонько из сапога длинный турецкий нож.[20] Но как только[21] отделился мирза от слуг своих[22] и опустился в долину отдохнуть от жару и напоить коня, — он[23] вылез из-под веревок, и, подкравшись, ударил мирзу в шею длинным ножем, вогнав его по самую рукоять. Отвязал у него[24] кошелек, полный червонцев, оделся в его[25] татарскую одежду,[26] сел на коня, которому равного[27] по быстрине не было между татарскими табунами[28] и, выехав из долины, пустился среди бела

---

[1] „запорожскую“ *нет* PM_1 [2] *Вместо* „державшуюся втайне“: которую под тайною держали, про всякой случай PM_1 [3] и PM_1 [4] и PM_1 [5] *Вместо* „и овечьими .... только“: которые PM_1 [6] *Вместо* „схватить“: спохватить PM_1 [7] *Вместо* „на пути“: на дороге PM_1 [8] „они“ *нет* PM_1 [9] *Вместо* „не убежал из плена“: не выбежал из Сечи. PM_1 [10] „именем“ *нет* PM_1 [11] *Вместо* „добрый .... козаки“: [Череватый] прозвищем Череватый, пройди-голова и PM_1 [12] „всякие“ *нет* PM_1 [13] [уже в плену] PM_1 [14] [Попал Голодуха к татарскому мирзе] PM_1 [15] „из татарских рук“ *нет* PM_1 [16] бравый козак PM_1 [17] [и всё ехал один] PM_1 [18] *Вместо* „давно он“: совсем PM_1 [19] *Вместо* „но всё“: а всё PM_1 [20] „да доставал.... нож“ *нет* PM_1 [21] *Вместо* „Но как только“: да как [опустился] PM_1 [22] *Вместо* „мирза от слуг своих“: от слуг своих мирза PM_1 [23] „он“ *нет* PM_1 [24] *Вместо* „и, подкравшись .... у него“: и всадил мирзе весь длинный нож в широкую татарскую шею и тут же снял с него и PM_1 [25] *Вместо* „оделся в его“: надел его PM_1 [26] и PM_1 [27] [не было] PK_1 [28] „которому .... табунами“ *нет* PM_1

дня[1] на утек. Два[2] дни и одну ночь гнал он[3] коня[4] и, как[5] ни силен был татарский конь, хоть[6] лучше его не было[7] ни у кого из татарских князей,[8] но не выдержал и околел, не сделав и половины пути. Кинул козак коня и бежал пеший степями[9] всю ночь, покамест[10] на дороге не нашел[11] где-то другого коня за 8 червонных;[12] и того загнал он[13] на смерть и уже на[14] третьем коне приехал в запорожский табор, услышав на пути,[15] что[16] запорожцы были[17] под Дубном. Только и успел он[18] объявить, что вот какое зло случилось. Но[19] как всё это[20] случилось и почему запорожцы далися[21] в плен, и отчего татары узнали место,[22] где зарыт был скарб[23] — ничего о том не сказал, ибо не в силу было говорить ему:[24] сильно истомился козак после неслыханной дороги, распух весь,[25] лицо ему пожгло и опалило ветром.[26] Тут же упал он[27] и заснул крепким сном и как ни ворочали его с бока на бока, чтобы разбудить его и расспросить, что и как было далее, но не могли добудиться.[28]

---

[1] „среди бела дня“ *нет* *РМ*₁ [2] *Вместо* „Два“: Полтора *РМ*₁ [3] *Вместо* „он“: во весь дух. *РМ*₁ [4] [гнал он] *РК*₁ [5] *Вместо* „и как“: Как *РМ*₁ [6] *Вместо* „хоть“: хотя *РМ*₁ [7] [в татарском таборе] *РК*₁ [8] *Вместо* „ни у кого .... князей“: во всем татарском таборе и у всех других князей *РМ*₁ [9] *Вместо* „пеший степями“: степями пеший *РМ*₁ [10] *Вместо* „покамест“: да *РМ*₁ [11] *Вместо* „не нашел“: купил *РМ*₁ [12] *Вместо* „другого .... червонных“: за 8 червонных другого коня. *РМ*₁ [13] „он“ *нет* *РМ*₁ [14] [четвертом] *РМ*₁ [15] *Вместо* „на пути“: еще дорогою *РМ*₁ [16] все *РМ*₁ [17] „были“ *нет* *РМ*₁ [18] *Вместо* „и успел он“: [и] успел [сказать] *РМ*₁ [19] *Вместо* „что вот .... Но“: козак новость, что вот что случилось [кошевому даже и не рассказал], а *РМ*₁ [20] „это“ *нет* *РМ*₁ [21] *Вместо* „далися“: дались *РМ*₁ [22] *Вместо* „место“: места *РМ*₁ [23] *Вместо* „зарыт был скарб“: зарыты скарбы *РМ*₁ [24] *Вместо* „о том .... ему“: этого не мог сказать, потому что [на ногах не ‹стоял?›] стоять не мог. Не под силу было говорить ему *РМ*₁ [25] „распух весь“ *нет* *РМ*₁ [26] *Вместо* „ветром“: ему ветром, и весь он был, как ‹*не дописано*› *РМ*₁ [27] *Вместо* „Тут же упал он“: Упал тут же *РМ*₁ [28] *Вместо* „чтоб .... добудиться“: чтобы [узнать] расспросить подробности такой случившей‹ся› беды и от чего несчастье сделалось, ‹не могли добудиться?›. *РМ*₁

VIII.

Еще солнце недолго до полудня неба, как вся запорожцы собрались в круги. Их отцы прощались с ними. Тарас Бульба во время отлучки казаков разобрал свой [illegible] вырвал сорок которые [illegible] подле дерева [illegible] и добрались в тихой виде [illegible] добрые стаканы и подобные [illegible] путь [illegible] перекопу. Один только [illegible] [illegible] и подвезенным [illegible] дорогою из Татарских рук. Запорожцы [illegible] в [illegible] отвязали у него [illegible] и [illegible] Татарского [illegible] в Татарской [illegible] дней [illegible] ночи [illegible] дорогою на другого [illegible] Татарский [illegible] дорогою [illegible] Татарский [illegible] дней [illegible]

сватить на пути они [illegible] путь из Перекопу. Никто [illegible] из [illegible]. Один только из всех казаков [illegible] Бульба добрый [illegible] как [illegible] [illegible] дорогою из Татарских рук. Вокруг [illegible] подле дерева которые [illegible]

„Тарас Бульба", начало гл. VIII (по окончательному счету).

Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 66

Кошевой приказал[1] его оставить опочить и[2] приготовить для такого доброго козака кухоль сивухи, как только проснется,[3] чтобы освежить не в меру надорвавшиеся[4] силы.[5] Не могло быть вести неприятнее для всего козацкого запорожского табора. В подобных случаях водилось у запорожцев бросать всё и[6] гнаться в ту ж минуту за похитителями, стараясь[7] настигнуть их на дороге. Иначе[8] пленники могли очутиться как раз[9] на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острову, и бог знает, в каких местах не показались бы чубатые[10] запорожские головы. Вот за каким делом собрались[11] теперь[12] запорожцы на великую раду и всё поле[13] вдруг покрылось[14] далеко черневшими козацкими шапками, как бывает осеннею порою или в раннюю весну: всё поле[15] вдруг зачернеет и становится покрытым несметными тучами налетевших галок, поднявшихся из безлиственных сквозящих лесов[16]. Все до единого стояли запорожцы в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться, как ровные между собою.[17] „Давай совет прежде старшие",[18] закричали в толпе.[19] „Давай совет кошевой!" говорили

---

[1] [козака] *РК*$_1$ [2] *Вместо* „Кошевой .... и": И повелел кошевой не будить, но *РМ*$_1$ [3] *Вместо* „кухоль .... проснется": как проснется, кухоль сивухи *РМ*$_1$ [4] *Вместо* „освежить .... надорвавшиеся": освежил он свои *РМ*$_1$ [5] [Дело было самое неприятное] *РМ*$_1$ [6] *Вместо* „у запорожцев .... и": обыкновенно так, что бросив всё *РМ*$_1$ [7] *Вместо* „стараясь": и употреблять все силы, чтобы *РМ*$_1$ [8] *Вместо* „Иначе": [потому что, бог знает, где могли очутиться] не то *РМ*$_1$ [9] „как раз" *нет РМ*$_1$ [10] *Вместо* „не показались бы чубатые": показали‹сь› бы чубастые *РМ*$_1$ [11] *Вместо* „собрались": собирались *РМ*$_1$ [12] „теперь" *нет РМ*$_1$ [13] [покрылос‹ь›] *РК*$_1$ [14] [козацкими] *РК*$_1$ [15] [становится] *РК*$_1$ [16] *Вместо* „и всё .... лесов": И когда собрались все, то голов было [больше] почти столько, сколько колосов в поле. *РМ*$_1$ [17] *Вместо* „Все .... между собою": Все стояли в шапках, потому что теперь пришли не приказ слушать кошевого, а совещать [дело] как ровные. *РМ*$_1$ [18] *Вместо* „старшие": старший *РМ*$_1$ [19] *Вместо* „в толпе". все *РМ*$_1$

другие.[1] И кошевой[2] снял шапку, уже не так, как начальник, а как товарищ,[3] благодарил всех козаков за честь и сказал:[4] „Много между нами есть старших и советом умнейших, но, коли меня почтили, то мой совет — времени даром не терять, товарищи-братья, и погнаться за татарином.[5] Ибо вы сами знаете, что за человек татарин.[6] Он не станет ожидать дома, с награбленным добром, чтобы мы пришли отобрать его, а размытарит так, что и следов не найдешь.[7] Так мой совет: итти.[8] Мы же погуляли здесь не мало. Знают ляхи, что такое козаки. За веру отмстили, сколько было по силам.[9] Корысти же нам не предстоит здесь теперь большой, ибо, если бы и случилось взять город, то, сами знаете, с голодного города немного придется взять поживы. Итак мой совет: итти".[10]

„А что-ж? Так и мы думаем. Итти!" раздалось голосно в запорожских куренях.[11] Одному старому Тарасу Бульбе не пришлись по душе такие слова, и навесил еще гуще он на[12] очи свои исчерна белые брови, подобные кустам на высоком темени горы, которых[13] верхушки занес пушистый

---

[1] „Давай .... другие" *нет* PM_1 [2] [снявши] PK_1 [3] [и козак] PK_1 [4] *Вместо* „снял .... и сказал": вышел первый, поклонившись PM_1 [5] *Вместо* „Много .... за татарином": „Слышали мы уже все, братове, что беда наибольшая, какой только можно ждать, случилась на Сече, но не о том речь. Речь о том, как поправить беду. Я думаю, что так, как бывало прежде — не отлагая времени, кинуть всё и гнаться. PM_1 [6] *Вместо* „что .... татарин": татарин такой человек, что PM_1 [7] *Вместо* „ожидать .... не найдешь": *держать дома награбленное добро в ожидании* [как мы придем]. PM_1 [8] [скорейшим] PK_1 [9] *Вместо* „Так мой .... по силам": Тут же, слава богу, мы погуляли не мало [себя показали]. Теперь лях знает, что такое запорожский козак, добыли и добычи. PM_1 [10] *Вместо* „Корысти .... итти": Стало быть [пора и] никакого бесславия для нас нет, коли отступим от города; для христианства мы всё таки [сделали] отмстили, а корысти, сами знаете, немного придется взять с голодного города. PM_1 [11] *Вместо* „А что ж? .... куренях": „И мы так думаем, и мы так думаем!" кричали в ближних краях. „Так и сделаем", повторяли в других краях. PM_1 [12] [св<ои>] PK_1 [13] [вершины] PK_1

северный снег, и только сверху и снизу всё еще[1] чернеет темная чаща сухих сплетенных ветвей и сучьев.[2]

„Нет, неправ совет твой, кошевой!“ сказал ⟨он⟩: „Не то ты говоришь, что нужно. Ты, видно, позабыл, что в плену остаются наши, захваченные ляхами?[3] Что же мы будем после, тогда,[4] когда не уважим первого[5] святого закона товарищества и оставим в руки им кровных наших, деливших с нами и удачи и горькие напасти? оставим их на то, чтобы[6] содрали с них живых кожу по своему безбожному обычаю,[7] исчетвертовав козацкое их тело на части, развозили бы их по городам и селам, как сделали они доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украйне? Разве еще мало[8] они поругались и без того над святынею? Какой же после этого будет козак? Что ж за козак, спрашиваю я всех вас, который не защитил в беде своего кровного товарища, а кинул его как собаку пропасть на чужбине.[9] Коли уж на то пошло, что всякой козак ни во что ставит козацкую честь, позволив плюнуть в седые усы свои

---

[1] [темнеет] $РК_1$ [2] *Вместо* „Одному старому .... и сучьев“: Но Бульбе не понравились сильно такие речи и навесил он свои [из-седа черные] из-черна белые брови, [серебрившиеся сверху белою сединою, как горные черно-ветвистые ветви под первым упавшим] [как снежная верхушка их вся блещет пред солнцем и под нею видна темная чаща сухих сплетенных ветвей] подобные тем низкорослым кустарникам, [покрывающим] видным на высоком темени горы, которых покрыл первый упавший снег, и только вершина, а с низу [видна] чернеет темная [гуща] чаща сухих сплетенных ветвей и сучьев. $РМ_1$ [3] *Вместо* „Нет, не прав .... ляхами?“: „Как же, кошевой?“ сказал он: „что ж ты говоришь? А позабыл ты, видно, что остаются в плену наши, которых захватили неприятели? $РМ_{1а}$ „Стой, кошевой, и вы все старшины, и все православные! Одного позабыли вы“. И все затихли, желая узнать, что позабыли. „А наши товарищи?“ сказал Тарас: „вы позабыли, видно, что наши товарищи, связанные, остались у чортовых руках. Так вы хотите, чтобы мы оставили товарищей умереть лютою смертью, что ⟨*недописано*⟩ $РМ_{1б}$ [4] *Вместо* „тогда“: все⟨го⟩ этого $РМ_1$ [5] „первого“ *нет* $РМ_1$ [6] [они] $РК_1$ [7] [раз⟨рубив?⟩] $РК_1$ [8] [уж⟨е⟩] $РК_1$ [9] да еще пропасть лютою смертью? Не достоин ли он того, чтобы плюнул ему в очи его сотоварищ, не уважив ни седины его, и обидно попрекнули бы

и попрекнуть обидным словом, так по край⟨ней мере⟩ же не укорит меня никто ни из старых, ни из молодых, которые теперь живут и которые после будут укорять меня позором. Кто куда, я остаюсь с своим полком".

Поколебались все стоявшие запорожцы и загудели тысячью голосов. Пчелиный рой, столпившийся у родного ⟨улья⟩, произнес „нет".[1]

„Постойте же, паны-братья, дайте же и мне сказать на это слово", сказал кошевой: „А позабыл разве и ты, бравый полковник, что у татар в руках тоже наши товарищи? что, если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет предана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? что тут, может быть, пропадает десяток наших, а там десятков пять-шесть, может быть? Да и позабыли вы разве, что у них теперь вся казна наша, добытая кровью[2] христианскою?"[3]

его, как падлюку свои дети и потомки?" — Все понурили головы запорожцы после таких слов. Долго молчали и наконец сказали: „Нет, не сделаем такого бесчестного дела, не выдадим своих".| *РК*$_1$

[1] *Вместо* „оставим в руки .... нет": выдадим своих [разве ты хочешь], или оставим теперь его, чтобы [и с этих] и с них также содрали с живых кожу или, четвертовав их козацкое тело, стали бы рассылать потом частями по хуторам, селам, как сделали они то же самое с прежними. Мало разве всё еще, что они замучили гетьмана и бравых и лучших козацких начальников? [Попустим] Разве мало еще [чтобы] они ругались над святыней крестьянской? Так нужно, видно, еще? пусть горе. Как же нам после этого [смотреть в глаза своим на свет]? Что ж ⟨за⟩ козак, я спрашиваю вас всех, который не защитил в беде своего кровного товарища и не выкупил, кинул его, как собаку [на чужбину] пропасть на чужбине да еще лютою смертью? [И можно после это⟨го⟩] [Что ж посту⟨пить⟩] [Можно ли ему после того присту⟨пить⟩] Не достоин ли он того, чтобы его, как падлюку, как поношение человечества и укор христианству, не растоптал бы всякой конем своим? Не достоин ли он того, спрашиваю вас, паны братья". Понукнули головы все старшие и меньшие после [того кон⟨ца?⟩] таких слов, и сказали все почти в один голос: „Нет, не выдадим своих! Не отойдем ⟨от⟩ города, пока не выручим товарищей! не отойдем!" закричали в один голос. *РМ*$_1$

[2] [козацкою] *РК*$_1$ [3] *Вместо* „Постойте же....христианскою?": „Постойте, скажу и я", говорил ⟨кошевой⟩. „Да уж что ты ни говори, не выйдем

Затихли все козаки и не знали, что говорить им. Долго стояли они, раздумывая, ибо видели, что прав кошевой; но никому не хотелось также, чтобы кто-нибудь попрекнул их, что не соблюли козацкой чести.[1]

Тогда вышел вперед[2] всех старейший годами во всем запорожском[3] войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков, два раза уже он ⟨был⟩ избираем[4] кошевым и на войнах был сильно добрый козак; но уже давно состарелся он и не бывал в походах,[5] не любил тоже и советов давать, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи, когда[6] плавно плели свои речи козаки про походы на море и на суше, которым дивились не мало турецкие, бусурманские поморья. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал, да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли он, или всё еще слушал. Все походы оставался ⟨он дома⟩, но сей раз разобрало старого. Сказал, махнув рукою по козацки: „А некуды! пойду и я, может быть, в чем буду пригоден

отсюда". „Да слушайте же, паны-братья [товарищи]. Я скажу вам то же самое. А разве вы позабыли [у п⟨оляков?⟩], что у татар также теперь в руках наши товарищи, что если не выручим мы их теперь же, то после и найти их нельзя: проданные в другие ст⟨раны⟩, они понесут горькую жизнь в невольничестве у язычных народов, которое хуже для козака всякой лютой смерти? Разве позабыли то, что тут оставляем мы, может быть, десяток [человек] другой человек, а там, может быть, десяток шесть или семь, да кроме того отдаем в руки им всю казну нашего войска, которую не скоро [теперь] добу⟨дешь⟩ в теперешние тогуе ⟨тугие?⟩ времена?". *РМ*$_1$

[1] [что ⟨*1 нрзб.*⟩[*РК*$_1$ *Вместо* „Затихли .... чести": Понурили головы все козаки после таких слов: видели они, что прав был кошевой, [но точно было не] [но в то же время не хотелось] но никому не хотелось тоже, чтобы попрекнули его в чем против козацкой чести. *РМ*$_1$ [2] *Вместо* „вперед": поперед *РМ*$_1$ [3] „запорожском" *нет РМ*$_1$ [4] *Вместо* „он ⟨был⟩ избираем": был выбран *РМ*$_1$ [5] и [советов тоже не любил давать никому] *РК*$_1$ [6] [рассказывали] *РК*$_1$

козачеству". Все козаки вдруг притихли, когда выступил[1] он теперь перед собрание, ибо давно не слышали от него никакого слова, и всякой сильно любопытствовал, что такое скажет Бовдюг. „Пришла очередь и мне сказать слово, паны-братья", так начал старый Бовдюг: „Послушайте старого. Мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать.[2] Вот что! Это пусть будет первая моя речь. А[3] теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что она скажет! Большую правду сказал и Тарас полковник, дай боже ему побольше веку, и чтоб таких полковников было побольше на Украйне! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те, и другие нам товарищи; меньше их или больше, всё равно — все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым[4] милы

---

[1] [в⟨перед?⟩] $РК_1$ [2] *Вместо* „и на войнах .... сказать": И на войнах не последним был козаком. И состарелся давно уже он и не бывал в походах, и советов тоже не любил он никому давать, а любил старой лежать на боку да слушать, как рассказывали бывалые козаки про всякие походы и случаи. Не вмешивался никогда он в их речи, а слушал только да прижимал пальцем золу в своей коротенькой трубке, которой не выпускал из рота, [и так] и потом зажмурив⟨ал⟩ глаза; и не знали козаки, спит ли он, [продолжает] или всё еще [слушал] слушает. Все походы оставляли его дома, а в теперешний разобрало старого запор⟨ожца⟩. Сказал [теперь] сей раз: „Некуды, пойду и я. Может, буду чем пригоден козачеству". [Теперь вышел вперед и все любопытно стали слушать, что скажет Бовдюг] Все козаки притихли, потому что давно не слыхали от него слова. „Ну, видно, [и мне пришла] и моя пришла очередь, паны-братья, сказать слово. Мудро сказал кошевой и, как [военачальник] голова войска, которого долг приберегать [войско и весь] и печись [об вверенных ему как] как о детях, об нашем ⟨скарбе?⟩ и блюсти всякой войсковый интерес, не мог, паны-братья, ничего сказать мудрее того, что сказал еще. $РМ_1$ [3] [будет те перь⟩] $РМ_1$ [4] [дороги] $РК_1$

захваченные татарами, пусть отправляются за татарами; а которым[1] милы полоненные ляхами и которым не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой, по долгу, пойдет с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как[2] только одному[3] Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести".[4]

Так сказал Бовдюг и затих; и немало обрадовались все козаки, когда навел их таким образом на ум старый.[5] Все[6] вскинули вверх шапки и закричали: „Спасибо тебе, батько!"[7] Молчал, молчал, долго[8] молчал, да вот наконец и сказал; недаром говорил,[9] когда собирался в поход,[10] что будешь пригоден козачеству, — так и сделалось".[11]

„Что, согласны вы на то?" спросил кошевой.[12]

„Все согласны", закричали козаки.[13]

„Стало быть, раде конец?"

„Конец раде!" кричали козаки.

---

[1] [до<роги>] PK_1 [2] [разве] PK_1 [3] [полковнику] PK_1 [4] *Вместо* „Первый долг .... в доблести": [Первый долг] Первая честь козака — соблюсти товарищество. И сколько ни живу я на веку, но не чул и не слышал слова того, что козак оставил где и продал своего товарища. И те и другие нам дороги. То послушайте старого совета и сделайте так: которым милее [те] захваченные товарищи, те пусть [отправляются с своим куренным] отправляются за татарами, и пусть их поведет кошевой, потому что <его> долг смотреть за казной; а 'мы' которые хотят остать<ся>, те пусть выберут себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушаться старца, никому не пристойно больше быть, как полковнику Тарасу: нет никого из нас равного ему в доблести". PM_1 [5] *Вместо* „Так сказал .... старый": Даже обрадовались все козаки после того, как кончил Бовдюг PM_1 [6] „Все" *нет* PM_1 [7] *Вместо* „батько": батьку. PM_1 [8] *Вместо* „долго": целый десяток лет PM_1 [9] *Вместо* „говорил": сказал PM_1 [10] „когда собирался в поход" *нет* PM_1 [11] *Вместо* „так и сделалось": „Так и сделаем, паны братья!" PM_1 [12] *Вместо* „Что ... кошевой": „Так что ж, согласны вы на то все?" сказал кошевой PM_1 [13] „закричали козаки" *нет* PM_1

„Слушайте ж теперь войскового приказа, дети!“[1] сказал кошевой,[2] выступил вперед и надел[3] шапку; а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались, с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.[4]

„Теперь отделяйтесь, паны-братья![5] Кто хочет[6] итти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на левую! Куды[7] бо́льшая часть куреня переходит, туда и атаман; коли меньшая часть переходит,[8] приставай к другим куреням“.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону.[9] Которого куреня бо́льшая часть переходила, туда и куренный атаман переходил;[10] которого малая часть, то приставала к другим куреням;[11] и вышло без малого не поровну[12] на всякой стороне.[13] Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, бо́льшая[14] половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень,[15] весь Каневский курень, бо́льшая половина Стебликивского куреня,[16] бо́льшая[17] половина Тимошевского куреня.[18] Все остальные[19] вызвались итти в догон за татарами.[20] Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. Между ⟨теми⟩, которые решились итти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш,[21] Прокопович Хома;[22] Демид

---

[1] Вместо „войскового приказа, дети“: воинского наказа, диты! *РМ*₁ [2] и *РМ*₁ [3] Вместо „и надел“: надев *РМ*₁ [4] *Вместо* „а все .... старший“: И все козаки [поснимали вдр⟨уг⟩], сколько их ни было, поснимали шапки и стали тихи, тихи, так, как было в прежнее время, и остались с непокрытыми головами. Так бывает *⟨2 нрзб.⟩*, которое украло мясо и горсть соли ⟨?⟩ *РМ*₁ [5] „паны-братья“ *нет РМ*₁ [6] [ит⟨ти⟩] [правую] *РМ*₁ [7] *Вместо* „Куды“: Коли *РМ*₁ [8] „часть переходит“ *нет РМ*₁ [9] *Вместо* „кто на правую, кто на левую сторону“: который на левую, который на правую сторону. *РМ*₁ [10] [коли малая часть куреня] *РК*₁ [11] „Которого куреня .... куреням“ *нет РМ*₁ [12] *Вместо* „без малого не поровну“: почти поровну *РМ*₁ [13] [Пожелали] *РМ*₁ [14] [часть] *РК*₁ [15] „весь Уманский курень“ *нет РМ*₁ [16] „куреня“ *нет РМ*₁ [17] [часть] *РК*₁ [18] и весь как ⟨один?⟩ Уманский курень. *РМ*₁ [19] *Вместо* „Все остальные“: [Другие] Все другие *РМ*₁ [20] *Вместо* „итти .... за татарами“: на татарский догон. *РМ*₁ [21] [Прокопив] *РК*₁ [22] [Попович] *РК*₁

Попович тоже перешел туда, потому что был сильно завзятого[1] нрава козак, не мог долго высидеть на месте. С ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще с татарами. Много еще других, славных и храбрых козаков захотело попробовать меча и могучего плеча[2] в схватке с татарином. Не мало также добрых и сильно дюжих козаков, были и между теми, которые захотели[3] остаться на месте. Может быть даже, было между ними и больше таких, про которых успела далеко прозвонить могучая слава. Вот кто были: Вовтузенко, Черевиченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Балабан, Задорожний, Метелиця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шыло, Диогтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых козаков. Все были люди сильно бывалые, хожалые и езжалые. Ходили по[4] Анатольским берегам, по Крымским солончакам и степям, по всем речкам, большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и Днепровским островам; бывали в Молдавской, Волошской, в Турецкой земле; изъездили всё Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на самые богатые и высокие корабли, перетопили не мало турецких галер, и много, много[5] выстреляли пороху на своем веку. Не раз драли на онучи дорогие паволоки и[6] оксамиты; не раз череши у штанных очкуров набивали всё чистыми цекинами. А[7] сколько всякий из них попропивал добра, ставшего бы иному на всю жизнь,[8] того и счесть нельзя. Всё спустили, по козацки угощая вином весь мир, и нанимая музыку по улицам, чтобы всем было весело за весельем добрых козаков. Еще и теперь у редкого из них не было закопано добра, кружек серебряных, ковшей и запястьев, под камышами, на Днепровских

---

[1] [характера] $РК_1$ [2] [с та<тарином?>] $РК_1$ [3] [дожи<даться>] $РК_1$ [4] [Крымск<им>] $РК_1$ [5] [выстр<еляли>] [пороху] $РК_1$ [6] [оксамитые череши у очкуров шароварных] $РК_1$ [7] [счесть бы нельз<я>] $РК_1$ [8] [поспустил почти каждый из них всё] $РК_1$

островах, чтобы не довелось татарину найти его, если, в случае посчастливится ему напасть врасплох на Сечь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и сам хозяин уже стал забывать, в котором месте закопал его. Такие то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши:[1] „Я сделался теперь не такой скорый, чтобы гоняться за татарами, а тут есть[2] место, где[3] опочить доброю козацкою смертью.[4] Давно уже просил я у бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака."[5]

---

[1] [Мне хорошо будет и здесь. Теперь я не так скорый] PK_1 [2] [де<ло?>] PK_1 [3] [бы] PK_1 [4] [Я давно просил у бога] PK_1 [5] *Вместо* „Много было на обеих сторонах .... для старого козака": Много сильно добрых козаков захотело итти в погоню: Черевиченко, Голокопытенко, атаман Бендяга, атаман Вертыхвист; Попович Демид тоже перешел на их сторону, потому что был [непостоянного] слишком завзятого характера и не мог долго посидеть на одном месте [хоте<л>]: с ляхами он попробовал, но с татарами давно не пробовал и потому захотел итти в поход. И много еще сильных и дюжих козаков объявили волю свою итти в погоню за татарами. Но не менее, если еще не больше козаков захотело остаться, и между ними были наилучшие козаки, которых подвиги давно прозвонила слава промеж всеми козаками: Вовтузенко, Черевиченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Балабан, Задорожний, Метелыця, Иван Закрутыгуба, Мосий Шыло, Диогтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, [и] потом [опять] другой Пысаренко, потом вновь еще Пысаренко, и много было других тоже сильно добрых козаков. Все были сильно бывавшие [и], хожалые козаки, все много видывали на веку. [Ос<*нрзб.*> по Анатольским берегам, по обеим <*1 нрзб.*> и бог знает куды, в какие земли] Ездили по Анатольским берегам, по Крымским солончакам и степям, по <*1 нрзб.*> и по всем днепровским речкам, большим и малым, гостили в Молдавской, в Турецкой земле. Море Черное не раз изъездили обоюдорульными козацкими челнами, и в шестьдесят, а иной раз и в семьдесят челнов [приступали] набегали к самым богатым и большим кораблям, задавая пальбу <*3 нрзб.*>, топили турецкие галеры и много на веку своем выстреляли пороху. Дорогие парчи и оксамиты драли на онучи, череши у очкуров набивали цекинами. И погуляли

Когда отделились все и стали на две стороны, в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал: „А что, довольны, козаки, одна сторона другою?“ „Все довольны, батько“, отвечали козаки. „Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощание,[1] ибо бог знает, приведется ли в жизни еще увидеться. Слушайте своего атамана,[2] а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь“. И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: „Что, пане-брате, увидимся или не увидимся?“ да и ничего не спросили, и замолчали, и загадались обе седые головы, и один бог только знает, о чем они думали и гадали. А козаки, до одного все, прощались, зная, что много будет работы тем и другим;[3] но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведется им вкусить на такой

сильно каждый на веку своем. Не мало всякий попропивал добра, которого бы стало человеку на всю жизнь, угощая вином весь мир и нанимая музыку. И много еще ‹у› каждого было закопано добра [под камышами], спрятано в камышах кружек, ковшей, запястьев, по Днепровским островам, чтобы никто не нашел [из нечистого бусурменства] [татарюга] [татарский], татарин и хищный грабитель [И точно трудно было найти и хозяину], а иной раз даже и сам хозяин, позабывавший сам, в котором месте схоронено их. Такие-то были козаки, которые захотели остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру. Сам старый Бовдюг захотел тоже остаться. „Вот тут наконец будет ‹*1 нрзб.*› могила. Я давно просил, чтобы когда придется умирать, то чтобы кончить жизнь на войне за христианское святое дело; так оно и случилось; славнейшей кончины и не выдумаешь для старого козака“. *РМ*₁

[1] [потому что] *РК*₁ [2] [а са‹ми›] *РК*₁ [3] *Вместо* „Когда отделились все .... тем и другим“: Когда отделились и все [выстроились]

свободе. Спали до самого заходу солнечного, а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать[1] телеги; и как всё снарядилось, пустили вперед возы, а сами, пошапковавшись еще раз с товарищами, тихо пошли.[2] Конница[3] чинно, без покрика и посвиста на лошадей[4] слегка затопотела вслед за пешими и скоро стало их не видно[5] в темноте. [Слышалось] [Отдавалось только] Глухо отдавалась[6] только конская топь да скрып[7] иного колеса, которое еще не расходилось или не было[8] хорошо подмазано за ночною темнотою.[9] Долго еще[10] остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя и не было ничего видно;[11] а когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при

<стали?> куренными кучами в два ряда, кошевой прошел [ми<мо>] промеж обеих сторон и сказал: „[Те<перь>] Довольны ли все козаки одна сторона другою?“ „Все довольны, батьку!“ „Так [поцалуемся] поцалуемся <*1 нрзб.*>, попрощаем<ся>, [то<варищи>] братья! Слушайте своего атамана и исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь. Прощай, товарищи!“ „Атаману, прости, коли в чем проступил перед тобой кто!“. Кошевой оборотивал <оборотился?> к Тарасу, и поцеловались оба атамана, давши друг другу прощенье. И вслед за ними потом все перецеловались запорожцы. *РМ*$_1$

[1] [де<гтем?>] *РК*$_1$ [2] [за ними и спускались всё ниже по дороге и скоро совсем] *РК*$_1$ [3] [без крику] *РК*$_1$ [4] [тихо] *РК*$_1$ [5] [было] *РК*$_1$ [6] [топотанье конных] *РК*$_1$ [7] [телеги] *РК*$_1$ [8] [за темнотою] *РК*$_1$ [9] *Вместо* „но не повершили .... за ночною темнотою“: Но [выступать] разлучаться тот час не решили, а решили дождаться темной ночной поры, чтобы не дать увидеть неприятелю [что оста<ется?>] убыль в козацком войске. [Обедали вме<сте>] Потом все обедали вместе, и после обеда все, которым предстояла дорога, полегли опочить и спали крепко и долго [пока не стало] до самого заходу солнечного. А как зашло солнце и совершенно [смеркло] стемнело, [выстр<оились?>] <стали> мазать телеги, и как [всё было] совсем снарядили и пустили вперед возы, и сами тихо <пошли> за возами, пошапковавшись с товарищами. Чувствовали и те и другие, что не суждено им больше увидеться на сем свете и прощались тихо. Отошли далеко в поле, а вслед за ними пошли и остававшиеся, чтобы проводить товарищей. Над яром остановились отходившие, а козаки спускались по яру и долго еще махали им, и всё стояли и смотрели, пока те не скрылись совсем из виду. *РМ*$_1$ [10] [стоявшие перед оврагом козаки] *РК*$_1$ [11] [и потом] *РК*$_1$

высветивших ясно звездах, что половины телег уже[1] не было на месте, что многих-многих нет, невесело стало у всякого на сердце и задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы, козаки. [Видел Тарас, что] Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и[2] как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они[3] и к унынью, наведенному[4] прощаньем с товарищами; а[5] между тем в тишине готовился разом и вдруг разбудить их всех, гикнувши по козацки, чтобы вновь и с большею еще силою, чем прежде, воротилась бодрость — — — — — — — — — — — — — — — — — и знал, как[6] в один миг всех настроить, как одного, и дал приказ слугам своим итти к большому возу распаковать его. [Закрытый и увязанный стоял он всё время. Ибо старый Бульба знал хорошо, что в походе неприлично и не годится давать козакам вина, по тому что гульлива русская натура, и, попробовав,[7] как говорится, ногою, захочет тот же час войти по горло]. Больше и крепче всех других в козацком обозе был один воз: двойною крепкою шиною были обтянуты дебелые колеса его, грузно был он навьючен, укрыт[8] попонами и крепкими воловьими кожами и увязан туго[9] засмоленными веревками. В[10] возу были всё баклаги и боченки старого доброго вина. Всё время стоял он закрытый и увязанный, потому что знал Бульба, как неприлично и не годится давать войску в походе и деле вина,[11] ради гульливой козацкой[12] натуры. Но взял[13] на сей раз самого лучшего и крепкого вина, какое было в погребах его, про торжественный случай: если случится какая великая минута и будет предстоять дело, сильно достойное на передачу потомкам, то чтобы

[1] [не стояло] PK_1 [2] [что то] PK_1 [3] [и к пустоте] PK_1 [4] [товарищ⟨ами⟩] PK_1 [5] [в] PK_1 [6] [чтобы] PK_1 [7] [как нибудь] PK_1 [8] [сверху] PK_1 [9] [крепкими] PK_1 [10] [том] PK_1 [11] [гульливой ради] PK_1 [12] [силы] PK_1 [13] [он как раз] PK_1

всякому до единого козаку досталось выпить по доброму ковшу заповедного вина, чтобы в великую минуту великое и чувство владело человеком. Услышав полковничий приказ, слуги бросились к возам, палашами перерезывали крепкие веревки, снимали толстые воловьи кожи и[1] попоны и[2] стаскивали с воза баклаги и бочонки.

„А берите все“, сказал Бульба:[3] „все, сколько ни есть, берите,[4] что у кого есть: ковш, или корчик, которым поит коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обе горсти.“

И козаки все, сколько ни было их, так почули великую радость и всякой брал: у кого был ковш, у кого корчик, которым поил коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлял и так обе горсти. Всем им слуги Тарасовы, расхаживая промеж рядами, наливали из баклаг и бочонков. Но не приказал никому из них Тарас пить до тех пор, пока он не даст знаку, чтобы выпить им всем разом. Видно было, что он хотел что-то сказать. Ибо знал Тарас, что как ни доброе само по себе[5] старое доброе вино, и как ни способно оно укрепить дух человека, но если к нему да[6] присоединится еще приличное слово, то вдвое будет крепче сила духа.[7]

---

[1] [войлоки] *РК*$_1$ [2] [стащили] *РК*$_1$ [3] [берите всё] *РК*$_1$ [4] [всё] *РК*$_1$ [5] [слово] *РК*$_1$ [6] [прибав‹ится›] *РК*$_1$ [7] *Вместо* „Долго еще остававшиеся товарищи .... будет крепче сила духа“: А как уже совсем не было их видно, спустились козаки и воротясь ‹воротились?› на свои места; и стало как-то невесело у всякого на сердце, когда увидели, что половины телег уже нет на месте. И невольно понурили [все] головы и загадались бравые козаки. [И ему самому стало грустно, но знал, что, когда ничего нет, лучшее воинство ‹*пропуск в рукописи*› как светлое ободрительное слово. „Ну, диты“, сказал он: „теперь нас меньше; теперь ‹на› нас одних лежит долг выкупить товарищей запорожцев, и потому нам нужно быть] Знал Тарас, что ‹*2 нрзб.*›, но неприлична доброму человеку тоска по чем бы то ни было, и приготовился сказать живое и крепкое слово, ибо знал, что крепкое слово целит и в недуге находящегося лучше [всякого потреб‹ого лекарства?›], а тем временем повелел вынести по ковшу всем

„Я угощаю вас, паны-братья“, так сказал Бульба: „не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, хотя как ни велика подобная честь, — не в честь также прощанья с братьями-товарищами: нет! в другое время прилично то и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дела великого поту и всей козацкой доблести. Итак, выпьем,

---

козакам. И готовил между тем вместе с вином крепкое ‹слово›, ибо знал, что как ни крепко вино и как ни властно ободрить упадшего, а как с ним да еще скажется крепкое слово, то нет такого гореванья, которое бы не разлетелось. [Двенад‹цать›] Пятнадцать козаков отправились к баклагам, которые держались про запас у каждого кошевого. Доброе было в них вино и давалось только в нужде человеку, когда недоля или слабости овладевали. Взяли козаки все по ковшу, у кого было; не всем были ковши, у кого не было, так подставлял котел или шапку, а кто собственные две горсти и, не проливши, держал в них козак сивуху, желая дождаться, что скажет атаман. PM_{1a} Видел Тарас, что смутны стали все ряды козацкие и что мертвое уныние, неприличное козаку, тихо стало обнимать козацкие головы, и молчал: он хотел дать время, чтобы пригляделись [глаза] все к тоске и пустоте, и невольному унынью, низведенным прощанием. А между тем в тишине готовился разом, вдруг разбудить их [чтобы чрез то], гикнувши по-козацки, чтобы вновь и еще с большею силою, чем прежде, всякой [бы обратился] воротился бы в душе [и почуял готовность велико‹го подвига?›], что бывает только с одною великодушной славянскою душою. Знал Тарас также, чем и как [возбудить] сделать, чтобы в один миг они настроились все, как один, и дал приказ слугам своим итти к большому возу. Больше и крепче всех других [он был]; толстою шиною обтягивались колеса. Крепко был весь воз [перевяз‹ан›] накрыт телячьею кожею и увязан веревками. В возу том [было старое доброе вино] ‹были› баклажки и бочонки старого доброго вина. Закрытым вез он его, зная, что в походе не годится и неприлично брать вина и что не следует напиваться на войне. Но взял он его про торжественный случай: если придется какая великая минута и будет предстоять дело, сильно достойное рассказать внукам, то чтоб [всякой выпил по доброму] ‹всякому до› последнего досталось выпить по доброму ковшу заповедного вина, чтобы в великую минуту великое и чувство овладело бы человеком. Услышав, слуги кинулись к возам, перерезали палашами толстые веревки, раскрыли попоны и войлоки — вынимать бочонки и баклаги. „Берите все“, сказал Бульба: „все, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковш или корчик, которым поит коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обе горсти.“ И козаки, послышав, уже почули все великую

товарищи,[1] разом,[2] за святую православную веру: чтобы пришло наконец такое время, чтобы по всему свету разошлась и была везде одна святая вера и все, сколько ни есть бусурменов, все бы сделались христианами! Да за одним уже разом и за Сечь: чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы один одного лучше, один одного краше! Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу: чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. [Итак] Так за веру, пане-братове, разом, за веру!"

„За веру!" загомонели все стоявшие в ближних рядах густыми голосами. „За веру!" подхватили дальние. И всё, что ни было, и старое и молодое, выпило за веру.

„За Сичь!" сказал Тарас и высоко поднял над головою руку.

„За Сичь!" отдалося густо в передних рядах. „За Сичь!" сказали тихо старые, моргнувши седым усом; и встрепенувшись, как молодые соколы, повторили молодые: „За Сичь!" И слышало далече поле, как поминали козаки свою Сичь.

„Теперь последний глоток, и выпьем, товарищи, за славу и за всех христиан, какие живут на божьем свете!"

И выпили козаки последнее[3] — весь глоток, какой оставался в ковшах, за славу и христиан. [Звучно повторялось старыми и молодыми голосами] И долго еще повторялось по всем рядам, промеж всеми куренями: „за славу и за хри-

---

радость. И всякой брал — у кого был ковш, у кого корчик, которым поил коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто и так подставлял горсть — и слуги Тарасовы разносили боченки и баклаги и разливали. Но не приказал Тарас пить никому, но дожидаться, покамест он прикажет, чтобы всем выпить разом. [Тарас] Готовил им всем ⟨Тарас доброе слово⟩, ибо знал, что как ни способно укрепить дух доброе вино, но если к нему еще прибавится крепкое слово, то вдвое будет крепче сила духа. *РМ*$_{1б}$

[1] [все] *РК*$_1$ [2] [все, сколько ни есть, выпьем] *РК*$_1$ [3] [что оставалось] *РК*$_1$

стиан!“ [Давно уже было пусто] Уже пусто было в ковшах, а всё еще стояли козаки, держа в руках их и не опуская[1] мускулистых загорелых рук своих.[2] Хоть весело глядели очи их всех, просиявшие вином, но сильно загадались они. Не о корысти и о военном прибытке теперь думали, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружья, шитых кафтанов и черкесских коней, но загадалися они, как орлы, севшие на вершинах каменистых гор, с которых далеко видно расстилающееся беспредельно море с несущимися по нем, как мелкие птицы, галерами, кораблями и всякими судами и чуть мелькали тонкою чертою поморья с прибережными, как мошки городами и склоненными к низу лесами. Как орлы будто все они озирали вокруг себя мысленными очами всё поле и будущую, чернеющую вдали судьбу свою, гадая, что будет, будет всё поле с облогами и

---

[1] [заг⟨орелых?⟩]

[2] Вместо „Я угощаю вас .... загорелых рук своих“: „Прилично нам всем выпить, товарищи [в сей час], ибо не буднишний, а торжественный час сей. [Не так настроена душа] [Не на торжественное дело настроена душа] Прежде всего одно то, что я должен благодарить всё козачество за честь, которою почтили ⟨меня⟩, выбравши в товарищи ⟨атаманы?⟩. Другое то, ⟨что⟩ вы проводили своих товарищей [и в расставании должны], которых бог знает когда ⟨приведется⟩ видеть. Но ⟨не⟩ за первое и не за другое выпьем теперь, товарищи! Не в это время прилично то и другое вспомянуть. Выпьем все ⟨за⟩ святую православную веру, чтобы пришло наконец такое время, чтобы на всем ⟨свете⟩ была [православн⟨ая⟩] одна святая вера и [чтоб] все, сколько ни есть бусурменов и всяких нечистых [⟨познали бы⟩ святую правду и поклонились бы перед нею] все познали бы наконец, все до одного, что такое святая правда. Так за веру, диты!“ „За веру!“ [все густо] крикнули все ближние густыми голосами. „За веру!“ повторили дальние ряды. И всё, что ни стояло, в шапках и без шапок, и седое и молодое, выпили за веру. „За Сечь, товарищи!“ сказал Тарас, подняв вверх над головами [ковш] резной ковш. „За Сечь!“ [посыпалось густое ⟨*1 нрзб.*⟩] раздалось густо в передних ⟨рядах⟩ и „За Сечь“ повторили, но тихо, старые, моргнувши седым усом. „За Сечь!“ встрепенулись все молодые — и слышало далече поле как поминали козаки ⟨Сечь⟩. „[Теперь же, паны браты, последний ковш и глоток всё что ни остается в остатке в ковшах наших! Выпьем за славу и за всех християн!“ „За

дорога покрыта торчащими их белыми костями,[1] щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями. Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и[2] запущенными к низу[3] лоснящими усами. Будут, налетев, орлы, выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге. Не погибает ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист с седою по грудь бородою, а, может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово.[4] И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и

славу и за всех християн!" сказали козаки, выпив до дна ковши, и повторялось долго еще: „За славу и християн!"]. Теперь же, паны братья, последнее, что осталось в ковшах, за кого же выпьем? Выпьем за славу и за всех християн, какие живут на свете!" И козаки выпили последнее вино за всех християн, какие ни есть на свете. И долго повторялось в рядах: „За славу и християн!". Уже давно не осталось [ничего ни у кого] вина в ковшах, а всё еще стояли козаки, не покидая ковшей, а кто просто подняв жилистую богатырскую свою руку, и не сходили с своих мест: чувствовали они [все, что важная минута] ⟨*не дописано*⟩. *РМ*$_1$

[1] [тучно покрывшись] *РК*$_1$ [2] [красиво] *РК*$_1$ [3] [бравыми] *РК*$_1$
[4] *Вместо* „Уже пусто было .... могучее слово": И загадалися все до одного в такую минуту. Знали козаки, что в чести их головы, что не корыстная добыча, золото и вина будут теперь, и что [ничего не добудут они для себя, но разве для [потомков] внуков и других поколений, потомков только разве добро будет], может быть, из того дела, которое они принимают сами, может, только потомкам и внукам будет польза, и тяжела их судьба на веку сем. [Но чем тяжелее, тем славнее, и будут знать все потом] Но за то большая слава ждет, [как] всякого того, кто решится вытерпеть больше всех в жизни. И [будут дивиться] подивятся, как умели биться козаки и отстаивать [их дело] своего прав⟨а⟩. И какой-нибудь бандурист с седою, по грудь, святою бородою, скажет о них свое густое могущественное слово. *РМ*$_{1a}$ Не было тоски или какого уныния и чего другого подобного, что убивает дух козака; не о том была дума, в мгновение налетевшая на всех и обнявшая всех. Нет! Они загадалися, как орлы на вершинах каменистых, одна против другой стоящих гор, с которых далеко

всё, что ни народится потом, заговорит о них. Ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по всем городам и весям, лачугам и палатам разносился звон, сзывая равно всех на святую молитву.[1]

видно расстилающееся море с несущимися по нем [челнами], как мелкие птицы, галерами и судами и [теснящимися к прибережью лесами] и прибережные низкие, как черточки, земли с идущими лесами. Как будто озирали они вокруг поле и [грозную судьбу свою] нахмуренную, чернеющую вдали, судьбу, помыш<ляя>, [что не мало их чубастых голов уляжется по всем лощинам с закрученными и запекшимися в крови чубами] что, как снегом, уберется костьми их всё поле, умывшись козацкою кровью, покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями, копьями [что]. Далече раскинутся чубастые <головы> с перекрученными и запекшимися в крови их чубами. Будут, налетев, орлы выдалбливать и выдергивать из них козацкие <очи>; но что великое добро в их козацком [смертном], вольно [со всех <сторон>] раскинувшемся смертном ночлеге. Не погибнет славно отстоянное дело, не пропадет козацкая слава, как малая порошинка из ружейного дула. [Будут знать на Русской земле, как у нас любят братья своих братьев] Знать будут, что значит и товарищество-братство и русская воля. [Будет когда-нибудь] Пройдет бандурист с седою по грудь бородою, а, может быть, и зрелого мужества и белоголов<ый>, или иной старец, духом вещим одаренный, божьим гласом скажет он про них свое густое могучее слов. *РМ*$_{1б}$

[1] *Вместо* „И пойдет .... молитву“: И все [поколения, что ни есть на свете, вдруг заговорят о них] что ни народятся потом люди, заговорят о них, ибо далеко разносится могущественное слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, [чтобы далеко разносился могучий звон ее] чтобы далеко слышен звон был по городам, весям, палатам и лачугам, [потрясающий, могучий звон] величественный, могучий звон, потрясающий воздух и окрестности, сзывая равно всех за святую волю. *РМ*$_{1а}$ И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и всё, что ни родится потом, загово<рит> *<не дописано* *РМ*$_{1б}$

X.

⟨ГЛАВА IX ПО ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ СЧЕТУ⟩

Никто не узнал в городе, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. Видели с магистратской башни стоявшие часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали все, что[1] козаки готовились сделать засаду;[2] то⟨го⟩ же мнения был и сам французский инженер. А между тем в городе стал оказываться значительный недостаток в съестных припасах. Слова кошевого оправдались. Казалось, по обычаю прошедших веков, войска, вступая в город, не слишком разочли, что им нужно и для них, и для граждан. На заре положили сделать вылазку, но довольно неудачно: половина была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. При всем том вылазка доставила городу пользу: пользуясь ею, жиды узнали, бог знает, каким средством, что в таборе осталась только половина[3] запорожских ⟨войск?⟩, а другая половина пошла вовсе не в засаду, а в погоню за татарами. Это

---

[1] [сам⟨и⟩] PK_1 [2] [и] PK_1 [3] [в⟨ойск?⟩] PK_1

придало бодрость и всем, и полковникам вместе со всеми военными старшинами.

Тарас видел уже по всему, что в городе что-то готовилось, и не сомневался, что неприятель выйдет в поле, и потому дал приказ строиться всем в три таборы, окружив себя возами в виде крепостей—род битвы, больше всего удававшийся запорожцам, в котором они были непобедимы. В сторону от возов велел Тарас убить часть поля острыми кольями, изломанным оружием, какое попадалось на битвенном поле, копьями и прочими остриями, чтобы нагнать потом на них неприятельскую конницу; а части своего полку и двум куреням велел засесть в засаду, чтобы, как только неприятели завяжут[1] перестрелку с таборами, ударить им в тыл. Отдавши приказ, что и как должен делать каждый, Тарас захотел сказать еще короткую речь[2] козакам не для того, чтобы ободрить и свежить: знал он, что они все и без того крепки духом; а так просто хотелось высказать самому всё, что было на сердце.

„Хотелось бы мне вам, паны-братья", так начал говорить Тарас: „сказать, как важно[3] товарищество и что такое оно есть на самом деле. Вы знаете все, в какой великой славе была земля наша. Были князья царского рода, пышные города и храмы божьи: всё разграбили и опустошили бусурманы, всё пропало, ничего нет. Остались мы сирые и[4] святая старая земля наша, также сирая, покинутая. И подали мы руку на братство, чтобы, как вдовицу беспомощную, как дряхлую мать, защитить от посрамленья. Вот, братья, на чем стоит наше товарищество,[5] которое и без того уже есть святое дело. Нет сильнее уз товарищества. Любовь материнская, отцовская—всё не то: и зверь любит дитя свое. Но выбрать себе родство по душе, а не по крови, может только один человек. Везде, во всякое время, и во всякой земле, водились товарищи; но таких

[1] [дело] PK_1 [2] [к] PK_1 [3] [наше] PK_1 [4] [земля] PK_1 [5] [товарищество — святое дело] PK_1

товарищей, как в Русской земле, таких нет; есть, да не такие. Может быть, случалось вам пропадать на чужбине, в плену или так, ⟨по⟩ своей воле,—видишь: и там тоже люди, сначала свыкнешься с ними, а как разговоришься о том, о чем бы хотелось разговориться в сердечную минуту—видишь: нет! умные люди, а не те; такие же люди, а не те. Нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не умом, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, любить всею душою,—так любить никто не может. Конечно, теперь подло завелось на[1] земле. Думают только, как бы целы были хлебные скирды, да при них были бы конные табуны их, овечьи стада, да степовые хутора; перенимают, чорт знает, какие бусурманские обычаи, гнушаются говорить языком своим. Милость короля, а чтобы еще более сказать по правде, милость польского магната, который жолтым чоботом своим бьет их в морду, для них дороже всякого братства. Но у последнего падлюки, каков ни есть, потерявшего имя человека в низкопоклонничестве, есть и у него,—будь только он русского рода, а не какая[2] чуждая примесь,—есть чувство в душе. Хоть ⟨что⟩ хочь говори, а я стою, что есть русское чувство и когда-нибудь да проснется оно[3] и схватит он, горемычный, обеими руками себя за голову, и вскрикнет и проклянет он всю подлую жизнь, готовый смертными муками искупить[4] позорные дела свои. Так пусть же теперь знает всё бусурманство, что такое значит товарищество в русской земле и как стоят в ней брат за брата. Если уже умирать, так пусть они придут, посмотрят, как мы будем умирать. Да никому же из них[5] не доведется, и во сне не приснится так умирать, как станем умирать. Никому, никому! Пусть они и не думают о том, и в мысль пусть о том не приходит то нестаточное для всякого другого. Нечеловеческих

---

[1] [святой] [родной] PK_1 [2] [иноземная] PK_1 [3] [в нем — и ударится] PK_1 [4] [покрытые позором] PK_1 [5] [и] PK_1

сил ему нужно для того. Нет! не доведется никому так умирать, как русскому. Никому, никому".[1]

Так говорил атаман, и когда кончил речь, всё еще тряс посеребрившеюся в козацких делах[2] головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко до самого сердца. Самые старейшие в рядах[3] стояли неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах, медленно стирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего,[4] что бывает на сердце у человека,[5] умудренного горем,[6] трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хоть и не познавшего их, много почуял молодою жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим его: ибо мудростью равен богу человек, когда, не испытав, уже чует, что такое радость, горе.[7]

А между тем, ударяя в трубы и литавры, с подбоченившеюся удалью, выступали один за другим[8] из городских ворот польские войска. Козаки все в один миг кинулись по своим местам и стали за телеги: сильно каждый из них хотел попробовать дела. Немного было таких, которые были на конях; все стояли в таборах пешие. Между неприятелями тоже много было пеших: как видно, узнали ляхи, что конницею немного можно было взять там, где уже укоренились козаки и стали в таборы. Тот же самый толстый полковник, разъезжая на[9] сивом аргамаке, давал приказы,—и стали наступать тесно ляхи на козацкие таборы, грозя и нацеливаясь в пищали, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только завидели козаки, что

---

[1] [никому] PK_1 [2] [боевою] PK_1 [3] [по⟨тупили?⟩] PK_1 [4] [на сердце у всякого человека] PK_1 [5] [которого умудрили горе, напасти, радость и удаль, и всякое невзгодье жизни [или еще не познавшего их чующею молодою жемчужною душою] или который, не познав] PK_1 [6] [напастями] PK_1 [7] [и] PK_1 [8] [польские войска] PK_1 [9] [добром] PK_1

подошли на ружейный выстрел, все разом грянули в семипьядные пищали[1] и, не перерывая, всё палили из пищалей.[2] Далеко понеслось[3] громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в беспрерывный гул. Дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духа. Задние только заряжали пищали, да подавали передним, наводя изумление на неприятелей, не могших понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было, за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы удалиться немного от дыма и оглядеться, то многих не досчитались в рядах своих; а[4] у козаков, может быть, другой, третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер изумился, и, будучи в душе истый артист, не вытерпел, чтобы не закричать: „Браво, месье, запороги! Вот она, сакредьё, настоящая тактика! Вот что нужно завести у нас!“ Полюбовавшись еще издали и видя, что нельзя взять перестрелкою из мелкого ружья, он дал совет полковнику обратить все пушки прежде на один табор и грянуть в ядра. Попятились и отступили ряды,[5] стреляя только для виду, а сзади артиллеристы наводили пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки, дрогнула, далеко застугуневши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почули запах пороху середи улиц и площадей в дальних городах. Но слишком высоко взяли нацелившие: выгнули слишком высокую дугу раскаленные ядра и, страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на

---

[1] [палили] *РК*₁ [2] [И] *РК*₁ [3] [во <?>] *РК*₁ [4] [в до <?>] *РК* [5] [обря <?>] [а меж<ду тем?>] *РК*₁

„Тарас Бульба", отрывок гл. IX (по окончательному счету).

Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 79.

воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и прискакал на коне из другой батареи, которую равнял и наводил, и сам принялся наводить пушки под самыми выстрелами, потому что запорожцы в ответ грянули тоже из четырех фальконетов,—не ядрами, а мелкою картечью. Но не убоялся выстрелов[1] борзый духом инженер метко палившей пушки, дал приказ подвести еще другие две и с фитилем в руке сам взялся выпалить из огромной пушки, какой еще и не видали дотоле козаки. Страшно глядела она широкою пастью и тысяча смертей глядело оттуда. [Уже все поднесли фитили и] Один[2] миг, и не было бы и в помине[3] лучшей части козацкого табора—всего Уманского и Поповичевского куреня, досталось бы и Незамайновскому тоже; но в это время ударил с полком своим и с стебликывскими козаками прямо в тыл атаман Тарас. Выбили фитили из рук передние козаки и с криком потеснили[4] смешавшиеся польские ряды на таборы, а таборные козаки разом приняли их в картечи. Увидели ляхи, что[5] не можно отбиваться с двух сторон и защищать разом и грудь и спину, выбежали в поле вместе с хоругвью, где уже строили вновь полки, выкинув шестеро малеванных знамен.

„А ну-те, все охочьи, бойкие на конях, знающие, как вывернуться по козацкому обычаю, скорей назадирачь! Кто хочет[6] славы добиться, сквозь неприятеля пробиться?“ крикнул на козаков атаман Тарас, и тотчас стали садиться на коней все, которые были позадорней и любили погулять[7] рыцарским обычаем одиночкой[8] с конем по неприятельским рядам:[9] Мыкола Густый,[10] Задорожний, Иван Закрутыгуба поскакали на конях вперед. [Но еще прорвались ли

---

[1] [бравый] *РК*$_1$ [2] [только] *РК*$_1$ [3] [лучшего] *РК*$_1$ [4] [поль<ские ряды?>] *РК*$_1$ [5] [трудно защищ<ать?>] *РК*$_1$ [6] [пробиться] *РК*$_1$ [7] [по <рыцарскому обычаю?>] *РК*$_1$ [8] [меж <неприятельских рядов?>] *РК*$_1$ [9] [По<пович?>] *РК*$_1$ [10] [Хома] *РК*$_1$

бы они] Но удалось ли бы им прорваться еще сквозь неприятельскую конницу или нет, а уже куренный атаман Кукубенко, забравши с собою десятков пять козаков, ударил, как снег на голову:[1] истоптал конями не мало народу, пробился сквозь ряды, всех сбивши <с> мест и прискакал[2] с пойманными на аркан невольниками прямо к козацким таборам, подведя,[3] всех, которые погнались,[4] опять под козацкие выстрелы. [Козак] Мыкола Густый ворвался следом за ним и вбился глубоко в кучу: не подгадил козацкой славы, иссек в капусту первых, которые попались, разрубил на ихнем[5] капитане железную рубашку с блестевшими на ней серебряными и медными кольцами; да схватили, однако же, его самого[6] три копья перед козацкими рядами, а сотник королевского войска, прискакавший на коне, одним взмахом сабли отрубил ему могучую голову. Только и успел выговорить бедняга: „Дай, боже, мир всему христианству и поношение недоверкам католицким!“ Завидел Иван Закрутыгуба, что уже могучая голова Мыколы выкинута на копье перед войском, кинулся вперед, как голодный волк кидается на баранье стадо, позабыв про то, что есть лихие собаки в стаде и что недаром приставлен расторопный пастух. Из старых был он козаков; много претерпел на веку, подстрекнутый рыцарскою доблестью на сильно отважные дела. Шесть лет атаманствовал на море над семью тысячами козаками и чего не испытали они все? Погуляли[7] прежде на турецком поморье. [Четы<ре>] Пять городов обратили в пень и пепел, обобрали мечеть, набрали без счету дорогих киндяков, турецкой белой габы, парчей и всяких золотошвейных убранств; да не успели уйти от вражьих галер: всех их поймали недоверки бусурманские и забрали в неволю. Железными цепями взяли по рукам и по ногам и стянули больно каждого тройным корабельным канатом; по целым неделям не

---

[1] [истоптали] PK_1 [2] [на конях] PK_1 [3] [таким образом] PK_1 [4] [под пики] PK_1 [5] [бунчужном] PK_1 [6] [на] PK_1 [7] [сильно] PK_1

давали пшена и поили противной морской водой. Всё выносили и терпели бедные невольники, только бы не переменять православной веры;[1] не вытерпел только атаман Закрутыгуба; истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвил грешную свою голову, вошел в доверенность к паше, стал ключником на корабле и главным начальником над пленниками. Много опечалились от того бедные невольники, ибо знали, что когда свой брат,[2] продавший душу и приставший к угнетателям, сделается начальником, то вдвое тяжелей рука его и горьше под ним быть, чем под всяким нехристом. Так и сбылось. Велел исправить[3] Закрутыгуба на всех невольниках новые замки; взял в новые цепи, посадивши их тесно, по три в ряд; прикрутил до самых белых костей жестокие веревки, всех перебил по шеям, не пропустив никого, угощая зуботычинами и напотыльниками[4]: коренастый и широкоскулистый был у козака кулак. Обрадовался паша и турки, что имели такого верного слугу, дарили его и стали пировать. И когда перепились один раз все турки, позабывши турецкий закон и коран свой, Закрутыгуба пил[5] с ними, угощал и разливал вино;[6] пил и сам, а еще больше того выливал через борт. И как повалились сонные все на земь, он принес все шестьдесят четыре ключи и роздал[7] невольникам, чтобы отмыкали себя, бросали бы цепи и кандалы в море, брали сабли и рубили бы всех турков. Много набрали тогда козаки добычи и воротились со славою в отчизну. И долго бандуристы прославляли Закрутыгубы. Выбрали бы его в кошевые, да был совсем чудный козак, так что иной раз[8] и понять его было трудно: сделает иногда такое дело, какого и мудрейшему не придумать, а иногда просто дурь одолевала им. Мало того, что пропил всё, что ни было, что задолжал каждому козаку, сколько их ни было

---

[1] [один] PK_1 [2] [переменивши] PK_1 [3] [на всех] PK_1 [4] [корабельным [дро<том>] кана<том>] PK_1 [5] [и сам] PK_1 [6] [всем] PK_1 [7] [пленникам] PK_1 [8] [и понять было нельзя] PK_1

на Сечи; мало всего этого,—он еще в добавку прокрался, как уличный вор: ночью залез в чужой курень, забрал всю козацкую сбрую и заложил шинкарю. За такое позорное дело привязали его на базаре к столпу и положили возле него дубину, мало не в пуд весом, чтобы всякой по силам своим отвесил...[1]

---

[1] *Вместо* „Завидел Иван Закрутыгуба .... по силам своим отвесил": Завидел Иван Закрутыгуба, что уже могучая голова Мыколы выкинута на копье перед войском, кинулся вперед, как осеннею порою волк голодный кидается в овчарню, позабыв, безумный, про то, что есть лихие собаки в стаде и что недаром приставлен расторопный пастух. Кинулся, не глядя ни на что и где, и где ни замахнул, ни свиснул [скулистой] саблей в широкой скулистой руке ‹*2 нрзб.*›, там [редел] как снопы ложились ‹*1 нрзб.*›, там червон‹ными?› кровавил цветами. Уже много посыпалось на него сабельных ударов, изрубили на нем рубашку, полплеча левого отнесло. [Пули] Горячую пулю посадили ему, да всё еще летал козак на коне окровавленный страшным ‹?›, наконец, грянулся на землю, и тут же исчетвертовали его и иссекли на мелкие части; а всё еще успел [сказать] проговорить ‹*1 нрзб.*›: „Не праздно умер. Пусть же вечно цветет Русская земля на грозу ‹*не дописано*› $РК_{1а}$.

ОТРЫВОК ПРОМЕЖУТОЧНОЙ РЕДАКЦИИ ТОЙ ЖЕ ГЛАВЫ „ТАРАСА БУЛЬБЫ“

(К СТР. 136, СТРОКЕ 21)

Все пришли в ярость козаки. [„Отмщайте за товарищей, братцы!“ кричал] „А ну, братцы товарищи“, закричал Тарас вбивайтесь в ряды и отымайте и не давайте!“. Но больше всех закипел гневом куренный атаман Кукубенко. Еще молодой был он, но многих, многих рыцарских ⟨достоинств?⟩ был полон козак. В любви и почете был от всех козаков и наверно был некогда Незамайновец. Вбился он ⟨с⟩ своим остальным ⟨войском?⟩ в самую середину и в гневе первого попавшегося иссек в капусту вместе с конем, достал и того, и другого, протискался к пушке и отбил уже. А уже там, видит, хлопочет Уманский курень, и уж Степан Гуска отбивает главную пушку. [Поворот⟨ил⟩] Оставил он тех козаков и поворотил с своими ⟨к⟩ гуще. Так, где прошли козаки, — так там и улица, где поворотились, — так уж там и переулок. [Как ⟨*1 нрзб.*⟩] [Как снопы[1] [повалились на обе]. Так уж и видно, как редеет куча и валят⟨ся?⟩ снопами ляхи. А у возов[2] у самых Вовтузенько и[3]

[1] повалил [2] бьется с своими куренный Вовтузенько [3] напереди]

спереди Черевиченько. А там далеко, подальше, у самых дальних возов, Диогтяренко, куренный атаман,[1] четверых отбил[2] и поднял на копья двух шляхтичей. [Да вот] [одно⟨го⟩ бойкого] Да недолго ⟨отдыхал?⟩, и уже[3] сцепился один на один с уверт⟨ливым ляхом?⟩. Из знатного был рода ⟨лях?⟩ и кругом был увешан дорогою сбруею и 400 одних слуг было с ним. Нагнал он Диогтяренко. „[Вот нет] Нет из собак козаков ни одного, кто бы посмел противустать" кричал ⟨он⟩ и[4] притиснул крепко. „А вот есть же!" сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он козак. Уже не раз атаманствовал он на море и много натерпелся всяких ⟨бед⟩. Схватили их турки у самого Трапезементу и забрали всех[5] невольниками на корабль[6].

„Так есть же такие, которые бьют вас, собак!" сказал он, кинувшись, и уж то-то рубились они! И наплечники, и зерцала погнулись[7] у обоих[8] от ударов. Уже вражий лях разрубил на нем железную рубаху и вбил ему суровые клещи ⟨?⟩ в самое ⟨тело?⟩: зачервонела козацкая рубаха. Но не поглядел на то[9] Шило; а[10] замахнулся всей жилистою рукою (тяжка была коренастая рука) и оглушил его[11] незапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях. А Шило[12] тут же оглушенного принялся рубить и крестить. Ей, козак! оборотись назад, не добивай врага своего!.. Не оборотился козак, а тем часом один из слуг убитого хватил его длинным ножом в шею: повернулся козак, и уж досталось бы смельчаку, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почуял, что смертная была та рана. Упал он и закрыл рукою рану, чтобы оборотиться к своим. „Прощайте, паны-братья товарищи! Пусть на веки веков будет слава православной русской земле и[13] на[14] пагубу всем христовым врагам!" И зажмурил ослабшие глаза и[14] поник головою.

---

[1] три [2] [не] [3] ⟨напал на ляха?⟩ увертливого и прыткого ⟨*2 нрзб.*⟩ [4] сильно [5] пленниками [6] *пропуск в рукописи* [7] у них от [8] от них [9] козак [10] [так как] [11] тя⟨жко?⟩ [12] [нагнувшись двух] [13] всему [14] страх проклятым врагам [14] умер козак

„Тарас Бульба", первоначальный набросок отрывка гл. IX (по окончательному счету).

Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 113.

ВАРИАНТЫ

СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ

Стр. 13

1–2 *Вместо* „жизнь .... в Малороссии“: жизнь[1] тех,[2] которых *РЛ*$_1$

3 „которые“ *РЛ*$_1$ *М*; *П*, *Тр* — и которые

4 *Вместо* „домики“; домы *РЛ*$_1$

4 „пестротою“ *РЛ*$_1$; *М*, *П*, *Тр* — простотою

5 *Вместо* „с новым гладеньким строением“: строению гладкому, стройному и ровному [по стенам] *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „крыши“: крышу *РЛ*$_1$

6 не покрыла отрывками *РЛ*$_1$

6 „плесень“ *РЛ*$_1$ *М*; *П*, *Тр* — плесень

7 *Вместо* „и лишенное .... кирпичей“: и крыльцо [не пок⟨азывает⟩], лишенное щекотурки и глины, не показывает живописных кирпичей или безыскусственного плетня. *РЛ*$_1$

7 *Вместо* „показывает“: выказывает *Тр*

8 Я [очень] *РЛ*$_1$

9 не перелетает [через] *РЛ*$_1$

10 дворик [через сад, наполненный] *РЛ*$_1$

12 *Вместо* „его окружающие“: окружающие жилище *РЛ*$_1$

---

[1] наших прежних помещиков в Малороссии [2] людей

Стр. 13

13 и грушами [когда бричка моя подъедет к такому домику] *РЛ*$_1$

14 так тиха, что [кажется, как будто вовсе] *РЛ*$_1$

15 „те“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — *нет*

18 *Вместо* „из маленьких .... идущею“: на тоненьких почерневших деревянных столбиках, идущих *РЛ*$_1$

20 грома и сильного *РЛ*$_1$

21 *Вместо* „не замочась“: не будучи замоченным *РЛ*$_1$

21 *Вместо* „черемуха“: черемга *РЛ*$_1$

22 дерев [залитых красным] *РЛ*$_1$

Стр. 14

4 *Вместо* „длинношейный“: длинношеяй *Тр*

5—6 обвешанный [проветриваемыми] *РЛ*$_1$

8 *Вместо* „возле него“: возле своего ярма *РЛ*$_1$

9 *Вместо* „я уже не вижу их“: уже я не вижу[1] его *РЛ*$_1$

10—12 *Вместо* „Как бы .... домика“: но как бы то ни было даже тогда, когда бричка моя останавливалась около крыльца такого домика *РЛ*$_1$

13 *Вместо* „состояние“: положение *РЛ*$_1$

13 „подкачивали“ *РЛ*$_1$ *М*; *П*, *Тр* — подкатывали

19 *Вместо* „старички, старушки“: [живописные] старички и старушки [встречавшие] *РЛ*$_1$

20 *Вместо* „толпе“: вихре *РЛ*$_1$

21 *Вместо* „тогда .... всегда“: я предаюсь всегда какой-то полузадумчивости. На них [всегда] *РЛ*$_1$

23 *Вместо* „чистосердечие“: [добросердечие] простосердечие *РЛ*$_1$

24 *Вместо* „хотя по крайней мере на короткое время“: сам, хотя на минуту *РЛ*$_1$

---

[1] [больше ничего этого] и что над ⟨нами⟩ имеет неотразимую прелесть

Стр. 14

30 *Вместо* „воображу .... ныне“: я воображу себе, что придет же время, когда я посечу когда-нибудь их прежнее, теперь *РЛ*$_1$

33 „где стоял низенький домик“ *нет* *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „Товстогуб“: [Товстогуб] Сырогуб *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „Пульхерия“: Настасия *РЛ*$_1$

Стр. 15

8 сидел [всегда] *РЛ*$_1$

9 *Вместо* „хотя бы .... слушал“: когда рассказывал или слушал *РЛ*$_1$

11 „ее“ *нет* *РЛ*$_1$

13 *Вместо* „верно“: даже *РЛ*$_1$

14 *Перед* „Легкие“: [Приятные] *РЛ*$_1$

16 *Вместо* „верно бы украл их“: украл бы их без сомнения с торопливостью и жадностью *РЛ*$_1$

19 *Вместо* „всегда составляющие противоположность“: ту жизнь, которая вовсе противоположна *РЛ*$_1$

20 выдираются из черного дня, *РЛ*$_1$

21 *Вместо* „как саранча“: саранчею *РЛ*$_1$

23 *Вместо* „наводняют .... наживают“: и наполняют Петербург ябедниками и наживают *РЛ*$_1$

24 своей обыкновенно *РЛ*$_1$

25 на о [или енко] *РЛ*$_1$

25–26 *Вместо* „на этих презренных и жалких творений“: на эти презренные и жалкие творения *Тр*

26 *Вместо* „творений, так же как и все“: животных, как все *РЛ*$_1$

32 это я: отвечал ⟨Афанасий⟩ Иванович *РЛ*$_1$

32 „Они .... самих“ *нет* *РЛ*$_1$

33 „сосредоточилась в них самих“ *М*; *П* — сосредоточилась на них же самих; *Тр* — сосредоточивалась на них же самих

1–2 *Вместо* „почти никогда“: никогда почти *РЛ*$_1$

2 „о нем“ *РЛ*$_1$ *М*; *П*, *Тр* — об этом

3 *Вместо* „молодцом и носил“: молодцом, носил *РЛ*$_1$

7 „о нем“. *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — *нет*

7–8 *Вместо* „давно превратились или заменились“: заменились *Тр*

9 гармоническими [чувствами] *РЛ*$_1$

11 *Вместо* „прекрасный“: чистый [шумный] *РЛ*$_1$

12 шумит [бьет в кровлю] *РЛ*$_1$

12 *Вместо* „стекая .... члены“: и стекая журчащими ручьями с крыши, [чувствами] вами невольно овладевает дрема *РЛ*$_1$

14 *Вместо* „и в виде .... на небе“: и[1] померкши посереди на разрушенном своде светит матовыми лучами в сером небе *РЛ*$_1$

16 между [раскидистыми] *РЛ*$_1$

17 *Вместо* „а степной перепел гремит“: когда гремит [полевой] степной перепел *РЛ*$_1$

18 *Вместо* „полевыми“: степными *РЛ*$_1$

19 *Вместо* „в дверцы .... лицу“: в дверцы вашей коляски и приятно ударяют вас по лицу. *РЛ*$_1$

22 *Вместо* „более“: больше *Тр*

22 *Вместо* „Он не принадлежал .... похвалами“: Он принадлежал к числу тех стариков, которые не надоедают [вечною хваст⟨ливостию?⟩] *РЛ*$_1$

24 *Вместо* „порицаниями нового“: [бранью] и презрением ко всему новому *РЛ*$_1$

24 *Вместо* „напротив“: напротив[2] того *РЛ*$_1$

25–26 „большое .... неудачах“: *М*; *П*, *Тр* — большое любопытство и участие к обстоятельствам вашей собст-

---

[1] разорвавшись посереди [2] [всегда заводил] показывал то участие к вам, которое так неразлучно с истинно добрыми стариками, хотя это любопытство [во мне всегда возб⟨уждало⟩] мне всегда казалось похожим

Стр. 16

венной жизни, удачам и не удачам *РЛ*$_1$ — участие, любопытство знать обстоятельства вашей собственной жизни, удач и случаев.[1]

28 *Вместо* „любопытство“: любознательного *РЛ*$_1$

30 ваших часов или другие безделушки, которые на вас видит *РЛ*$_1$

31 *Вместо* „домика, в котором“: дома, в которых *РЛ*$_1$

32 „маленьки, низеньки“ *РЛ*$_1$ *М*; *П*, *Тр* — маленькие, низенькие.

32 *Вместо* „встречаются“: бывают *РЛ*$_1$

33 *Вместо* „людей“: панов *РЛ*$_1$

Стр. 17

2 *Вместо* „потолка“: верху *РЛ*$_1$

4 *Вместо* „Треск этой“: Этот треск *РЛ*$_1$

5 *Вместо* „чрезвычайно“: очень *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „прозябнувши .... ладонями“: пылкая молодость, прозябнувши от преследования какой-нибудь брюнетки, вбегает в них, похлопывая ладонями *П*; пылкая молодежь, прозябнувши от преследования за какой-нибудь смуглянкой, вбегает в них, похлопывая в ладоши *Тр*; прозябнувши[2] надворе[3] вбежали наконец в них, похлопывая ладонями *РЛ*$_1$

8 „комнат“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — комнаты

8 убраны [портретами] *РЛ*$_1$

8 „были“ *нет* *РЛ*$_1$

10 *Вместо* „сами .... некоторые“: хозяева давно позабыли сами содержание своих картин и если бы [кто-нибудь] *РЛ*$_1$

12 масляными почерневшими истрескавшими *РЛ*$_1$

13 другой [императора] *РЛ*$_1$

---

[1] *в рукописи:* случаях [2] [вы входите] [3] вы наконец в них входите

Стр. 17

14 *Вместо* „рам“: рамок $РЛ_1$

15 *Вместо* „обпачканная“: запачканная *Тр*; *П* — опачканная

16 „небольших“ *нет* $РЛ_1$

16 „которых $РЛ_1$, *М*; *П*, *Тр* — которые

18 *Вместо* „Пол .... был“: Пол был во всех почти комнатах $РЛ_1$

19 „содержался“ $РЛ_1$, *М*; *П*, *Тр* — содержавшийся

20 „не содержался“ $РЛ_1$; *П*, *Тр* — не содержится

20 паркет в [самом] $РЛ_1$

24 *Вместо* „Множество“: Бездна $РЛ_1$

24 *Вместо* „мешков“: мешечков $РЛ_1$

25 „висели“ $РЛ_1$, *М*; *П*, *Тр* — висело

27 *Вместо* „шитых“: шившихся $РЛ_1$

27 за [целое] $РЛ_1$

27 „за полстолетия прежде“ $РЛ_1$, *М*; *П*, *Тр* — за полстолетие

29 *Вместо* „собирала всё“: всё собирала $РЛ_1$

29 „иногда“ *нет* $РЛ_1$

30 *Вместо* „оно потом употребится“: они после употребятся $РЛ_1$

Стр. 18

2 *Вместо* „дискантом“: дишкантом $РЛ_1$

2 *Вместо* „дверь, ведшая в столовую“: дверь в столовую *П*, *Тр*

3 *Вместо* „издавала“: имела $РЛ_1$

6 Я знаю [многих людей, которым] $РЛ_1$

7 *Вместо* „сей“: этот $РЛ_1$, *П*, *Тр*

7 *Вместо* „и если“: и [когда] $РЛ_1$

8 *Вместо* „мне вдруг“: перед мною $РЛ_1$

9 комнаткой [светло освеченной] $РЛ_1$

10 *Вместо* „ужином .... на столе“: ужином [стоящим] ожидающим $РЛ_1$; *П*, *Тр* — ужином, уже поставленным на столе

Стр. 18

11 „глядящею“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — которая глядит

13 обдающим весь *РЛ*$_1$

13 „обдающим“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр*—который обдает

14 и боже! [чего не приходит тогда на ум мне!] *РЛ*$_1$

16 „деревянные“ *нет* *РЛ*$_1$

17 *Вместо* „обыкновенно“: всегда *РЛ*$_1$

18 *Вместо* „спинками .... краски“: спинками без всякого лака и краски, но просто в натуральном виде *РЛ*$_1$

19 *Вместо* „и были несколько похожи“: и несколько похожи были *РЛ*$_1$; и несколько походили *П*, *Тр*

20 „доныне“ *нет* *РЛ*$_1$

21 Трехугольные [и овальные] *РЛ*$_1$

22 *Вместо* „в тоненьких .... листьями“: всегда почти маленьким с тоненькими золотыми рамами в виде листьев *РЛ*$_1$

23 „которых“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — которые

24 „ковер перед диваном“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — перед диваном ковер

26 убранство их *РЛ*$_1$

26 *Вместо* „мои“: наши *РЛ*$_1$

27 *Вместо* „Девичья“: [Кроме того] Вся девичья *РЛ*$_1$

27 *Вместо* „молодыми и“: [пожилыми] *РЛ*$_1$

33 *Вместо* „ее удивлению“: изумлению ее *РЛ*$_1$

Стр. 19

3 *Вместо* „в сером полуфраке“: в кафтане *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „На стеклах окон“: [По окнам] *РЛ*$_1$

7 „страшное“ *нет* *РЛ*$_1$

8 шмеля [или пронзительное гуде⟨ние⟩] визжание ос *РЛ*$_1$

9 *Вместо* „подавали“: [подавали] зажигали *РЛ*$_1$

10 *Вместо* „покрывала“: обирала *РЛ*$_1$

Стр. 19

13 *Вместо* „ездил иногда“: иногда ездил *РЛ*$_1$

14 работу [хозяйством большею частью занималась Пульхерия Ивановна] *РЛ*$_1$

17 *Вместо* „сушении“: печении *РЛ*$_1$

17 *Вместо* „бесчисленного множества“: [тысячи] мириад разных *РЛ*

21 „желем“ *РЛ, М; П, Тр* — желе

22 „деланными“ *нет РЛ*$_1$

22 „в сахаре“ *РЛ*$_1$, *М; П, Тр* — на сахаре

22 „и не помню еще на чем“ *нет РЛ*

23 „медном“ *нет РЛ*$_1$

26 „совершенно не был“ *РЛ*$_1$, *М; П, Тр* — никогда не бывал

27 „языком“ *РЛ*$_1$, *М; П, Тр* — языка

30 „они потопили бы“ *РЛ*$_1$, *М; П, Тр* — она потопила бы

32 *Вместо* „любила приготовлять еще“: приготовляла *РЛ*$_1$

34 „ужасно там“ *нет РЛ*$_1$

35 „стонали и“ *нет РЛ*$_1$

Стр. 20

1 *Вместо* „прочие хозяйственные статьи вне двора“: [другие] прочие статьи хозяйства вне дома *РЛ*$_1$

4 5 *Вместо* „входить в господские леса“: в господские леса входить *РЛ*$_1$

5 6 *Вместо* „из них“: из него *РЛ*$_1$; *П, Тр — нет*

6 *Вместо* „ярмарке“: ярманке *РЛ*$_1$

8 „соседним козакам“ *нет РЛ*$_1$

9 Пульхерия Ивановна [захотела] *РЛ*$_1$

9 „обревизировать“ *РЛ*$_1$, *М; П, Тр* — обревизовать

10 11 „фартухами“ *РЛ*$_1$, *М; П, Тр* — фартуками

11 *Вместо* „от которых“: имевшими странное свойство *РЛ*$_1$

Стр. 20

11 *Вместо* „встряхивал“: стряхивал *РЛ*$_1$

12 *Вместо* „лошади .... трогались“: лошадь. бывшая еще в милиции, трогалась *РЛ*$_1$

13 *Вместо* „так что .... слышны“: Тогда <*1 нрзб.*> них были слышны вдруг *РЛ*$_1$

15 *Вместо* „звенели до того, что“: звенела так, что *РЛ*$_1$, *П*, *Тр*

15 *Вместо* „возле самых .... слышно“: возле мельниц еще слышно было *РЛ*$_1$

16 17 *Вместо* „расстояние было“: имело расстояние *РЛ*$_1$

19 „которых“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — которые

23 *Вместо* „не были“: на голове не стали *Тр*

25 *Вместо* „говаривал обыкновенно“: говорил *РЛ*$_1$

27 *Вместо* „черви проточили—пропали“: червь проточила. Пропали *РЛ*$_1$

28 *Вместо* „удовлетворялась“: удовольствовалась *РЛ*$_1$

29 *Вместо* „давала“: дала *РЛ*$_1$

30 *Вместо* „в саду около“: вдвое *РЛ*$_1$

30 вишень и [слив венг<ерских>] *РЛ*$_1$

31 дулей в саду *РЛ*$_1$; *П*, *Тр*—дуль

32 *Вместо* „вовсе .... жрали“: что напр<асно> [весь хлеб] всю муку привозить в панские амбары, что с них будет довольно и половины и эту половину наконец они привозили самую негодную. Но удивительное дело, сколько ни обкрадывали приказчик и войт, как много <*1 нрзб.*> ни пропало, сколько ни ели *РЛ*$_1$

35 „которую обраковали“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — которая была обракована

Стр. 21

2 *Вместо* „до свиней“: до тех неблагородных животных, которых не любят жиды и *РЛ*$_1$

Стр. 27

3 *Вместо* „и часто .... с него“: иногда даже собственною мордою толкавшие деревья, чтобы стряхнуть с них *РЛ*$_1$

3 „собственною мордою“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — собственными мордами

5 *Вместо* „сколько ни .... деревни“: [сколько ни] кроме того их клевали воробьи и вороны, вся дворня носила в гостинцы *РЛ*$_1$

8 *Вместо* „что все .... к всемирному“: которое все обращалось к своему *РЛ*$_1$

8 „к всемирному“ *М*; *П*, *Тр* — ко всемирному

9 „сколько ни крали .... лакеи“ *нет* *РЛ*$_1$

12 *Вместо* „мало было“: было мало *РЛ*$_1$

14 „Оба старички“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — Оба старичка

16 *Вместо* „и двери“: и как только двери *Тр*

17 *Вместо* „разногласный“: разноголосный *Тр*, разнострунный *РЛ*$_1$

18 „кофий“ *РЛ*$_1$; *М*, *П*, *Тр* — кофе

18 „кофею“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — кофе

25 „подумать о том“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — подумать

26 можно было что-нибудь *РЛ*$_1$

27 он [умел слушать с необыкновенным вниманием] *РЛ*$_1$

27 „нужно“ *нет* *РЛ*$_1$

28 *Вместо* „еще более, как нужно“: еще лучше знал *РЛ*$_1$

31 *Вместо* „пора закусить“: закусить бы *РЛ*$_1$

34—35 „может быть“ *нет* *РЛ*$_1$

Стр. 22

4 „закушивал“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — закусывал

4 „снова“ *нет* *РЛ*$_1$

5 водки и *РЛ*$_1$

5 *Вместо* „грибками“: грибочками *РЛ*$_1$

9 *Вместо* „выдыхаться“: выдохнуться *Тр*

Стр. 22

10 *Вместо* „обыкновенно шел“: шел обыкновенно $РЛ_1$

11 обеду, во время которого стоявшие за стульями девки с огромными грудями, дрожавшими за рубашкой, [обмахивали сво<их господ>] махали над головами Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны <2 *нрзб.*> кленовыми ветвями, прогоняя мух.[1] $РЛ_1$

13–14 *Вместо* „этого не кажется“: не кажется этого $РЛ_1$

16 *Вместо* „тогда она не“: то она и не $РЛ_1$

17 „соуса“ $РЛ_1$, *М*; *П*, *Тр* — соусу

18 *Вместо* „и подставлял“ $РЛ_1$ *М*; *П*, *Тр* — подставляя

30 *Вместо* „домой“: с саду $РЛ_1$

31 „обращенным к двору“ *нет* $РЛ_1$

32 *Вместо* „показывала .... внутренность“: то отворялась, то затворялась $РЛ_1$

34 всякого съестного

34 *Вместо* „дрязгу“: дрязга *М*; дрязгу в ряднах $РЛ_1$

Стр. 23

2 *Вместо* „поесть“: съесть $РЛ_1$

4 Чего ж бы тебе $РЛ_1$

9 „хороше“[2] $РЛ_1$, *М*, *П*; *Тр* — „хорошо“

10 *Вместо* „водится“: следуемо <*описка вместо* „следует“?> $РЛ_1$

11 „было съедаемо“ $РЛ_1$, *М*; *П*, *Тр* — съедаемо

14 „опять“ *нет* $РЛ_1$

15 *Вместо* „деятельном и вместе спокойном“: деятельно-спокойном $РЛ_1$

17 *Вместо* „редкий был бы в состоянии“: редкий бы в состоянии был $РЛ_1$

20 *Вместо* „часто“: иногда $РЛ_1$

23 *Вместо* „чего“: что *Тр*

25 *Вместо* „Бог его знает“: Не знаю $РЛ_1$

---

[1] *Написано отдельно на л. 12 об. внизу.* [2] *„хороше“ — украинизм.*

Стр. 23

26 „немного“ *нет* $РЛ_1$

27 *Вместо* „Может быть, вы бы чего-нибудь съели?“ А не лучше ли вам чего-нибудь съесть? *Тр* Может быть, вы чего-нибудь бы съели? $РЛ_1$

31 *Вместо* „или жиденького узвару с сушеными“: или [жиденькой кашки или] узвару с вареными $РЛ_1$

33 *Вместо* „попробовать“: попробую $РЛ_1$

Стр. 24

1 „обыкновенно“ *нет* $РЛ_1$

1 „теперь“ *нет* $РЛ_1$

3 *Вместо* „ясное“: хорошее $РЛ_1$

3 „и в комнатах .... натоплено“ *нет* $РЛ_1$

11 что дом бы $РЛ_1$

11 *Вместо* „перешли“: перебрались на время $РЛ_1$

17 „на время“ *нет* $РЛ_1$

17 *Вместо* „которую“: что $РЛ_1$

19 *Вместо* „Вот пусть“: Вот еще! *Тр*

19—21 *Вместо* „Вот пусть .... новый дом“: Это бы уже бог знает что, чтобы и дом и кухня сгорели. Ну тогда бы мы в кладовой покамест жили $РЛ_1$

20 *Вместо* „тогда бы“: тогда *Тр*

26 *Вместо* „на своем“: в [своих кр<еслах>] своем $РЛ_1$

29 „их“ *нет* $РЛ_1$

30 принимало совсем $РЛ_1$

30 *Вместо* „люди“: старички $РЛ_1$

32 „вас“ *нет* $РЛ_1$

32—33 *Вместо* „что только .... было то“: что ни было у них лучшего. Но главное, что мне [лучше] приятнее всего было в них, это то $РЛ_1$

Стр. 25

1 *Вместо* „шли .... соглашался“: было [мило] даже трогательно, что вы поневоле соглашались $РЛ_1$

2 *Вместо* „Они были следствие“: Оно было следствием $РЛ_1$

Стр. 25

6 „того же дни“ *РЛ*$_1$; *М* — того же дня; *П*, *Тр* — в тот же день

9 „дальнюю“ *нет* *РЛ*$_1$

9 *Вместо*: „всегда“: обыкновенно *РЛ*$_1$

10 *Вместо* „или“: а когда и *РЛ*$_1$

10 „от них верстах“ *М*; *П*, *Тр* — верстах от них *РЛ*$_1$ — в 4 верстах

14 *Вместо* „рассказывать эдакое на ночь“: на ночь говорить о них *РЛ*$_1$

15 „не годится совсем ехать“ *нет* *РЛ*$_1$

16–17 *Вместо* „тендитный да маленький“: хилый *РЛ*$_1$

20 *Вместо* „комнате“: комнатке *РЛ*$_1$

22–23 *Вместо* „сготовленного, бывает“: изготовленного, бывал *Тр*

25 „даже“ *нет* *РЛ*$_1$

26 *Вместо* „Часто“: Иногда *РЛ*$_1$

29 „свои“ *нет* *РЛ*$_1$

29–31 „и рассказывал .... просто рассказывал“ *нет* *РЛ*$_1$

32 *Вместо* „часто“: иногда вдруг *РЛ*$_1$

32 „говорил“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — говаривал

34 *Вместо* „почему ж“: Что ж, отчего *РЛ*$_1$

Стр. 26

8 „только“ *нет* *РЛ*$_1$

12 *Вместо* „поотбивает“: поотобьет *Тр*

16 *Перед* „Это всё“: [Такое говорит неподобное!] *РЛ*$_1$

16 *Вместо* „вдруг“: сдуру *РЛ*$_1$

16 „и начнет рассказывать“ *нет* *РЛ*$_1$

17 Пульхерия Ивановна с некоторою *РЛ*$_1$

18 *Вместо* „но всё таки“: так всё таки скучно и *РЛ*$_1$; *П*, *Тр* — а всё таки

24 *Вместо* „Пульхерия Ивановна“: Но Пульхерия Ивановна *РЛ*$_1$

24 *Вместо* „занимательнее“: интереснее *РЛ*$_1$

Стр. 26

27 „и шалфей“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — или шалфей

28 „то она очень“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — то очень

29 *Вместо* „и по лицу“: или по лицу *РЛ*$_1$

30 „перегнанная“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — перегонная

31 „какой“ *нет* *РЛ*$_1$

32 ударится [нечаянно] *РЛ*$_1$

33 гугля и если у кого заколет в боку [или бурчит в животе] *РЛ*$_1$

34 *Вместо* „и всё“: то *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „в ту же минуту всё пройдет“: так всё и пройдет в ту же минуту *РЛ*$_1$

Стр. 27

3 гостя [всеми этими лекарствами] *РЛ*$_1$

5 *Вместо* „солить их“: Это *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „в то время когда еще турки“: когда турки еще *РЛ*$_1$

7 „совсем“ *нет* *РЛ*$_1$

10 *Вместо* „смородинным“: смородиновым *РЛ*$_1$

12 *Вместо* „мариновала“: отваривала в уксусе. *Тр*

13 *Вместо* „каковы-то они“: как-то они будут. [Их мне открыл] *РЛ*$_1$

13 секрет от попа *РЛ*$_1$

14 „нужно“ *нет* *РЛ*$_1$

15 „положить еще“ *нет* *РЛ*$_1$

17–18 „А вот.... с сыром!“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — А вот это пирожки с сыром!

23 *Вместо* „бывали“: были *РЛ*$_1$

23–24 *Вместо* „была отдана гостям“: принадлежала гостям *Тр*; жила для гостей *РЛ*$_1$

25 *Вместо* „гостившие“: бывавшие *РЛ*$_1$

29 *Вместо* „здесь вздумал кто-нибудь“: где-нибудь в других местах кто-нибудь вздумал таким образом *РЛ*$_1$

Стр. 27

30 *Вместо* „без сомнения“: верно он бы $PЛ_1$

33 *Вместо* „к весьма .... уголка“: к тому месту когда [это их взаимное счастие] счастие этого мирного уголка было нарушено одним печальным событием $PЛ_1$

Стр. 28

1 „вещей“ *нет* $PЛ_1$

2 великие [намерения] $PЛ_1$

8 *Вместо* „подерутся“: передерутся $PЛ_1$

10 „веси“ $PЛ_1$, *М; П, Тр* — сёла

10 *Вместо* „там и целое государство“: а наконец и целые государства $PЛ_1$

11 *Вместо* „они“: рассуждения $PЛ_1$

16 кошечка нарочно для этого $PЛ_1$

21 *Вместо* „такого“: такое $PЛ_1$

27 „нечистоплотная“ $PЛ_1$, *М; П, Тр* — нечистоплотна

31 *Вместо* „подшутить“: пошутить $PЛ_1$

32 *Перед* „За садом“: [Возле сада] $PЛ_1$

Стр. 29

2 *Вместо* „мохнатые лапы голубей“: голубей с мохнатыми лапами $PЛ_1$

3 коты. [Лесные дикие коты были совершенно не похожи] $PЛ_1$

6 *Вместо* „цивилизированы“: цивилизованы *П, Тр*; сивилизированы $PЛ_1$

8 дикий [чрезвычайно. Они подрываются иногда] $PЛ_1$

11 *Вместо* „прыгнувши“: впрыгнувши $PЛ_1$

12 в бурьян спать $PЛ_1$

17 *Вместо* „подманили ее“: подманили скромную серенькую кошку $PЛ_1$

18 *Вместо* „заметила“: заметивши $PЛ_1$

Стр 29

19 *Вместо* „кошка не находилась“: кошки нигде не могли сыскать *РЛ*$_1$

20—21 *Вместо* „наконец вовсе о ней позабыла“: и наконец вовсе позабыла о ней. *РЛ*$_1$

21 „ревизировала“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — ревизовала

22 *Вместо* „с вырванными .... огурцами“: вырвавши зеленых свежих огурцов *РЛ*$_1$; *П*, *Тр* — с нарванными .... огурцами

24 *Вместо* „был поражен“: [поразил]; *РЛ*$_1$

29 „подойти близко“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — близко подойти

30 *Вместо* „видно“: заметно *РЛ*$_1$

33 *Вместо* „и в комнату“: в самую комнату *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „жадностию .... она“: [видя] глядя, как бедная ее фаворитка с необыкновенною жадностью *РЛ*$_1$

Стр. 30

2—3 *Вместо* „почти в глазах ее растолстела“: в глазах ее потолстела *РЛ*$_1$

3 „Она“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — Пульхерия Ивановна

6 *Вместо* „а коты“: потому что коты *РЛ*$_1$

10 „сама в себе“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — сама себе

11 была почти *РЛ*$_1$

18 19 *Вместо* „Я хочу .... происшествие“: Слушайте, что я вам скажу *РЛ*$_1$

20 *Вместо* „этого лета“: этим летом *Тр*

22 *Вместо* „в душе своей грустное“: странное в душе своей *РЛ*$_1$

24 *Вместо* „декохта“: того [лекарства] декохта *РЛ*$_1$

30 платья, что с [желтыми] *РЛ*$_1$

Стр. 31

2 пригодится: вы *РЛ*$_1$

3 *Вместо* „когда“: если *РЛ*$_1$

3 приедут когда-нибудь *РЛ*$_1$

Стр. 37

7 *Вместо* „когда-то еще будет“: когда еще $РЛ_1$

11 скоро опять $РЛ_1$

17–18 *Вместо* „на кого оставить“: кому я оставлю $РЛ_1$

19–20 *Вместо* „чтобы .... будет“: чтобы любил вас тот, кто будет *Тр*; чтобы любило вас то, [кот<орое>] что будет [смотреть] $РЛ_1$[1]

21 *Вместо* „глубокая“: [глубокая] горесть $РЛ_1$

21 „сокрушительная“ *нет* *Тр*

22–23 *Вместо* „в то время .... равнодушно“: взглянуть в то время не залившись слезами $РЛ_1$

32 *Вместо* „когда бывает праздничный“: когда праздничный *Тр*

Стр. 32

2 *Вместо* „бога“: у бога $РЛ_1$

6 *Вместо* „в то“: в это $РЛ_1$

12 Афанасий Иванович [мало заметил] $РЛ_1$

13 *Вместо* „в близкой своей кончине“: в близкость своей кончины $РЛ_1$

15 *Вместо* „чрез несколько дней“: через [к концу дня] два дня $РЛ_1$

25–26 *Вместо* „не зная всего значения трупа“: не понимая значения трупа *Тр*; глядел на нее и не знал, что это такое труп $РЛ_1$

28 *Вместо* „которое“: какое $РЛ_1$

28 29 *Вместо* „дали в руки“: положили $РЛ_1$

29 глядел с раскрытым ртом совершенно $РЛ_1$

32 *Вместо* „лежали“: покрывали их *Тр*

34 *Вместо* „о ее качествах, смотрели“: о покойнице, глядели $РЛ_1$

35 „понесли наконец“ $РЛ_1$, *М*; *П*, *Тр* — наконец понесли

35 наконец, [священники пели] $РЛ_1$

---

[1] *В* $РЛ_1$ *примечание:* [Малороссийский оборот] Малороссийская фраза в духе украинского народа.

Стр. 33

2 светило [ясно] *РЛ*$_1$

2 „ребенки“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — младенцы

8 земли [„Вечная память!“ раздалось всем] *РЛ*$_1$

9 „дьячка и двух понамарей“ *нет* *РЛ*$_1$

10 *Вместо* „безоблачным“: открытым *РЛ*$_1$

11 „работники принялись за заступы“ *нет* *РЛ*$_1$

11 *Вместо* „уже покрыла .... яму“: покрыла и уже сравняла совсем яму *РЛ*$_1$

13 *Вместо* „его намерение“: что он [хочет] хотел сделать *РЛ*$_1$

18 *Вместо* „что даже стул“: что [стула нет того] даже тот стул *РЛ*$_1$

35 „с глаз“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — из глаз

Стр. 34

5 *Вместо* „в его комнату“: в комнату *Тр*

11 „возле его“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — возле него

14 „растрощило“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — раздробило

Стр. 35

6 *Вместо* „одолевают“: овладевают *Тр*

6 *Вместо* „первый раз“: в первый раз *Тр*

9 „тогда“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — на то

9 *Вместо* „того человека, которого всегда знали здоровым, без ноги“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — без ноги человека, которого всегда знали здоровым

12 „колодочки“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — без черенка

21—22 *Вместо* „не разбродились“: не бродили *Тр*

23 „вместо“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — и вместо

24 „вонзить“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — воткнуть

32 *Вместо* „кушанье“: блюдо [начал он] *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „слеза .... свинцовых глаз“: слезы готовы были выглянуть из его тусклых глаз *РЛ*$_1$

Стр. 36

1 *Вместо* „желая удержать ее“: и как будто хотел удержаться *РЛ*$_1$

1 *Вместо* „кушанье“: блюдо *РЛ*$_1$

4 *Вместо* „полетела“: упала на пол *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „точущий“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — текущий

6 *Вместо* „лились, лились ливмя“: лились [и падали] сами *РЛ*$_1$

10–11 *Вместо* „сильное ощущение“: [сильное] движение *РЛ*$_1$

13 „из добродушных рассказов“ *нет* *РЛ*$_1$

14–20 „Что же сильнее.... привычки“ *нет* *РЛ*$_1$

17 „по тому одному только“ — *РЛ*$_1$,] *М*; *П*, *Тр* — только по тому одному

22 *Вместо* „но на половине“:.... и не мог, на половине [речи] *РЛ*$_1$

Стр. 37

9 простолюдимы *М*; *П*, *Тр* — простолюдины

9 „так“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — тем

10 „после“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — и после

12 „я часто“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — часто

17 „переставал“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — переставал кричать

Стр. 38

3 „остававшиеся“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — оставшиеся

10 „англинских“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — английских

15 „все куры и яйцы“ *РЛ*$_1$, *М*; *П*, *Тр* — всех кур и все яйца

22–23 *Вместо* „осведомляется и применивается к ценам“: осведомляется о ценах *Тр*

ТАРАС БУЛЬБА

Стр. 41

5 *Вместо* „уже на дом“: домой *Тр*; *П*—уже домой

17 *Вместо* „батьку“: батько *Тр*

Стр. 42

10 говорил Тарас *П*, *Тр*

10 „рукав“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — рукава

12—13 *Вместо* „садить“: насаживать *Тр*

18—19 *Вместо* „не видели“: не видали *Тр*

28 „не колотишь“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — не поколотишь

Стр. 43

10 „так наука“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

17 „под юбки“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — под юбку

22 горелки, не *Тр*

25 повел [детей] *РК*$_1$

25 в „светлицы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — в светлицу

25 откуда [пугливо и] *РК*$_1$

27 монистах [уб<иравшие>] *РК*$_1$

27 прибиравшие [в] *РК*$_1$

28—29 или же просто [руководились женским обычаем: ув<идевши>] *РК*$_1$

Стр. 43

29–30 вскрикнуть [или] PK_1

30 мужчину [им не закрыться] [если не закрыться] PK_1

34 „более“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — больше

35 в сопровождении [тихой] [многострунной] [своей] PK_1

35 *Вместо* „и в виду“: в виду *Тр*

Стр. 44

1 народа — [бра<нного?>] PK_1

2 когда [пошли] PK_1

3 чисто [убра<но>] PK_1

8 „церквях“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — церквах

9 „надвижное“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — подвижное

15 времена. [Липовые] PK_1

16 комнаты [шир<окий>] PK_1

17 „парадном“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — переднем

25 молодых [жеребят] PK_1

26 сыновей [тотчас же] PK_1

28 двое [сотников и старый] PK_1

29 *Вместо* „их представил“: представил сыновей *Тр*; их [показал] представил PK_1

31 и Бульбу и [сыновей] PK_1

31 что [они доброе дело сделают] PK_1

33 Сечь. [Тарас усадил гостей за стол] PK_1

34 братьи, [всех] PK_1

Стр. 45

4 „татарву“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — татаров

7 „латынцы“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — латинцы

11 *Вместо* „батько“: батька *Тр*

12 „старый“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — старая

15 „вишняком“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — веником

16 А [так] PK_1

Стр. 45

18 „в середу и в четверги“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр*—в среду и в четверг

19—20 „хладнокровно“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

21—22 *Вместо* „только теперь кто-нибудь“: теперь кто-нибудь только. *Тр*

30 *Вместо* „еду“: поеду *Тр*

Стр. 46

10 „только возникнуть“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — возникнуть только

20 замашка [славянского духа] *РК*$_1$

20 русской [могучей] *РК*$_1$

22 *Вместо* „льготные“: удобные *Тр*

25 *Вместо* „что“: где *Тр*

26 Это было [дивное] *РК*$_1$

27 силы [которую такими сверкающими шарами] *РК*$_1$

30 „торгующихся“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — торгующих

33 их [только] *РК*$_1$

34 „сих“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

34 *Вместо* „стремлений“: набегов *Тр*

Стр. 47

1 „сих“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — этих

2 слабыми [уже] *РК*$_1$

2 поняли [выгоды и] *РК*$_1$

2 значенье [их,[1] и потому вначале льстили им и поощряли это бранное расположение] *РК*$_1$

3 „таковой“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — такой

3 „сторожевой“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — строптивой

4 „сему“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — этому

6 преобразовали [их] *РК*$_1$

7 не было [его] *РК*$_1$

7 собранное [видное] *РК*$_1$

---

[1] [внача⟨ле⟩]

Стр. 47

7 войско [оно было рассыпано <*1 нрзб.*>] PK_1

10 „плату .... червонец“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — один только червонец платы

12 никакие [нынешние] PK_1

14 был [всегда] PK_1

15 „дивились тогда справедливо“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — справедливо дивились тогда

15–16 способностям [козака. Чего не умел сделать] PK_1

17 накурить вина, [собрать] PK_1

19 „напропало“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — напропалую

23 охочекомонных. [Стоило только задеть немного за живое это бранное поколение] PK_1

29 „овцепасы“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — овцеводы

30 „в землю“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — в земле

31 силу [козацкую в продо<?>] PK_1

32 „падавшие“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — падающие

33 Пахарь [бросал] PK_1

33 „бровари“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — бровары

34 „кади“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — кадки

34 *Вместо* „били“: разбивали *Тр*

34 торгаш [бросал] PK_1

35 бил [даже] PK_1

Стр. 48

2 здесь [дю<жий>] PK_1

2 „дюжую“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — крепкую

5 прямотой [и силой] PK_1

6 оказываться [как] PK_1

12 „Неугомонный[1] вечно“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Вечно неугомонный

13 православия [и угнетенного] PK_1

18 „не уважили“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — не уважали

---

[1] *Перед* „неугомонный“: [Всегда] PK_1

Стр. 48

19 когда [посмеялись] $РК_1$

19 и не [ув<ажали?>] $РК_1$

20 *Вместо* „предковского закона“: обычая предков *Тр*

24 „на Сечь“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — в Сечь

28 „почитал“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — почиталось

30 рослости [и всех могучих, телесных красот] $РК_1$

Стр. 49

1 ехать [поручил] $РК_1$

1 Товкачу [определил обо<?>] $РК_1$

4 „в голове“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — в голове его

6 *Вместо* „первой“: лучшей *Тр*

28 *Вместо* „ее .... лицо“: прекрасное когда-то лицо ее. *Тр*; *П* — когда-то прекрасное лицо ее.

34 „слуха“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — слуху

Стр. 50

1 *Вместо* „из милости только оказываемые ласки“: ласки, оказываемые только из милости *Тр*

2–3 „безженных“ *М*; $РМ_2$, *П*, *Тр* — безжизненных

8 „у ней“ $РМ_2$; *П*, *Тр* — у нее

15–16 *Вместо* „и за .... всё“: а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. *Тр*

17 *Вместо* „которые“: когда *Тр*

18 смыкать их *Тр*

24 „своих“ $РМ_2$; *П*, *Тр* — *нет*

28 „самого“ *нет* *Тр*

29 „не была утомлена“ $РМ_2$; *П*, *Тр* — не утомилась

Стр. 51

1–2 *Вместо* „потому-что .... лежит“: путь лежит великий. *Тр*

10 со сборами и *Тр*

15 „задвинуты“ $РМ_2$; *П*, *Тр* — засунуты

Стр. 51

15 „их“ *нет* *Тр*

20 *Вместо* „мать! Она .... она“: мать как увидела их *Тр*

Стр. 52

7 *Вместо* „Бульба“: Тарас *Тр*

11 „прилипнула“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — прилипла

12 *Вместо* „во всех чертах“: в глазах *Тр*

14 „она“ *нет* *Тр*

15 *Вместо* „несообразной ее“: несообразно *Тр*

15 выбежала она *Тр*

16 „из них“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — из сыновей

19 „своего“ *нет* *Тр*

19–20 *Вместо* „однако же .... был“: с своей стороны был тоже *Тр*

20–21 „не старался этого показывать“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — старался этого не показывать.

23–24 *Вместо* „стояли .... домика“: видны были над землей две трубы скромного их домика *Тр*

24–25 „одни только“ *нет* *Тр*

26 „один .... луг“ *нет* *Тр*

28 историю своей *Тр*

28 „катались“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — валялись

30 *Вместо* „летевшую“: перелетавшую *Тр*

31 *Вместо* „ножек“: ног *Тр*

33 „на небе“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — в небе

Стр. 53

3 „почти“ *нет* *Тр*

5 *Вместо* „на Сечи“: на Сече *Тр*

16 *Вместо* „они обыкновенно“: обыкновенно они *Тр*

19 *Вместо* „год еще“: еще год *Тр*

Стр 54

4 „Ни к чему .... они“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Учившиеся им ни к чему не могли

Стр. 54

23 „Эта бурса составляла“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — Эти бурсаки составляли

35 „бежали“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — убегали

Стр. 55

1 „сами“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — *нет*

3 „богословию“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — богословие

3 „но“ *РМ₂*: *П*, *Тр* — *нет*

4 „розг“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — розог

22 „развиты“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — развитые

24 „более .... брат“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — изобретательнее своего брата

34 „философские“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — философические

Стр. 56

14 и где *П*, *Тр*

16 *Вместо* „наехала почти на него“: на него почти наехала *Тр*

32 „кучею“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — толпою

33 *Вместо* „окруживши“: окружив *Тр*

Стр. 57

4 *Вместо* „раскинувшееся .... в самую“: которое раскидывалось ветвями на самую *Тр*; *П* — которое раскинулось ветвями и упиралось в самую

5 перелез он *Тр*

10 *Вместо* „увидела“: приметила *Тр*

12 „поворотить“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — пошевелить

19 „поворотить“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — пошевелить

26 „в еще большее“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — в большее еще

28 Раздавшийся в это время *Тр*

29 *Вместо* „пробудил в ней испуг“: испугал ее *Тр*

31 „она“ *нет* *Тр*

Стр. 58

2 „возле“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — мимо

4 *Вместо* „увидел“: встретил *Тр*

13 „козачьи черные“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — черные козачьи

17 *Вместо* „разом, разом! Все“: разом все *Тр*

21 *Вместо* „прилегши несколько“: принагнувшись *Тр*

23 *Вместо* „быстрая молния“: струя *Тр*

23 *Вместо* „бег их“: след их быстрого бега *Тр*

33 „вытоптывали“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — вытаптывали

33–34 *Вместо* „Ничто .... их“: Ничего в природе не могло быть лучше *Тр*

Стр. 59

5 *Вместо* „бог знает“: бог весть *Тр*

17 „несколько .... останавливались“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — останавливались только на несколько минут

18 отряд, состоявший *П*, *Тр*

25 *Вместо* „переменялась“: переменилась *Тр*

27–28 „по ним .... темно-зелеными“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — по нем и она становилась темно-зеленою

35 „к щекам“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — до щек

Стр. 60

1 *Вместо* „наполнявшая день“: звучавшая днем *Тр*

2 *Вместо* „овражки“: суслики *Тр*

2 „выползывали“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — выпалзывали

13 *Вместо* „краканье“: стрекотанье *Тр*

15 „ночном“ *нет Тр*

15 *Вместо* „доходило до слуха гармоническим“: убаюкивало дремлющий слух. *Тр*

22 „летели“ *РЛ*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — летали

Стр. 61

3 „впадающей“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — и впадающей

5 *Вместо* „след свой“: свой след *Тр*

Стр. 61

6 „далее“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
6 „три дни“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — три дня
7 „служившего“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — бывшего
16 *Вместо* „по самой земле“: широко по земле *Тр*
20 „народа“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — народу.

Стр. 62

9–10 „сквозь тесную улицу“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — по тесной улице
15 *Вместо* „минули“: миновали *Тр*
17 *Вместо* „установлены“: уставлены *Тр*
28 „они“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
34 *Вместо* „в руках ее“: ее в руках *Тр*

Стр. 63

2 *Вместо* „чортом свою шапку“: шапку чортом *Тр*
7 „четыре“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — четверо
8 „своими“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
11 „тесно“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — плотно
12 „округу“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — окружность
17 „лился из него“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — лил с него
22 „чем далее“ *нет* *Тр*
24 *Вместо* „вся толпа отдирала“: всё отдирало *Тр*
26 *Вместо* „мир“: свет *Тр*
27 *Вместо* „понес .... козачка“: назван козачком *Тр*
29–30 *Вместо* „меж народом“: в народе *Тр*
30 „степенные“ *нет* *Тр*

Стр. 64

1 „Кирдюг“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Кирдяга
5 „Пидсыток“ *М*; *РМ*$_2$, *П* — Пидсышок
7 „Пидсыткова“ *М*; *РМ*$_2$, *П* — Пидсышкова
15–16 „Промежутки .... занимать“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Козаки почитали скучным занимать промежутки

Стр. 64

28 *Вместо* „какое-нибудь сборище“: сборищем *Тр*
29 „какое-то“ *нет* *Тр*

Стр. 65

2 *Вместо* „всё“: свое *Тр*
3 *Вместо* „с жаром фанатика“: беззаботно *Тр*
4 сам гуляк *Тр*
8 „которые .... слышать“ *нет* *Тр*
11 *Вместо* „только одну“: всю *Тр*
12—13 *Вместо* „сохранить .... и не моргнуть“: сохранять неподвижное выражение лица, не моргнув *Тр*; *П*—сохранить во все время неподвижное выраженье лица и не моргнуть
16—17 *Вместо* „мрачно-искаженными чертами веселия“: мрачно-искажающим весельем *Тр*
21 *Вместо* „на котором .... в мячик“: где играют в мяч *Тр*
27 „своих“ *нет* *Тр*
34 *Вместо* „уронить“: выронить *Тр*
34 *Вместо* „которые не вынесли“: не вытерпевшие *Тр*
35 *Вместо* „которые не вынесли“: не вынесшие *Тр*

Стр. 66

1 *Вместо* „с этими“: с ними *Тр*
11 12 „потребность“ PM_2; *П*, *Тр* — потребностию
14 „себе“ PM_2; *П*, *Тр* — *нет*
17 *Вместо* „показалось“: казалось *Тр*
18 „гибель“ PM_2; *П*, *Тр* — бездна
19 „их“ PM_2; *П*, *Тр* — *нет*
19 „откуда они“ PM_2; *П*, *Тр* — откуда эти люди
20 „возвращались“ PM_2; *П*, *Тр* — возвращаясь
21 *Вместо* „из которого“: откуда *Тр*
21 „пред“ PM_2; *П*, *Тр* — перед
23 „Что“ *нет* *Тр*

Стр. 67

1 „были похожи“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — походили
5 „походили“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — похожи были
6 „походили“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
8 „и не держал“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — и ничего не держал
8 Всё [это] *РК*$_1$
10 *Вместо* „батька“: батьки *Тр*
11 „вся харчь“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — весь харч
11 саламата [и кучи] *РК*$_1$
15 „пока“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — покамест
17 „та“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — эта
17—18 для молодых людей [Остапа и Андрия, наших молодых козаков, всё заняло в ней: ее] *РК*$_1$
22 немногоеложная [но стр<огая?>] *РК*$_1$
23 „иногда“ *нет Тр*; *Пр* — тогда
23 слишком строгими [в этой своевольной республике] *РК*$_1$
24 проворовался [и] *РК*$_1$
29 „на смерть“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — до смерти
32 *Вместо* „и заплатить“: заплативши *Тр*
33 „впечатленья“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — впечатленье
34 яму [ус<адили?>] *РК*$_1$

Стр. 68

1 убиенного [человека] *РК*$_1$
5 „козаки“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — козака
6 товарищами своего *П*, *Тр*
8—9 всех возможных [родов] *РК*$_1$
11 „закидать неводы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — закидывать невода
11 *Вместо* „неводы и сети“: неводы, сети *Тр*
12 „своего“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
13—14 „заметными“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — заметны

Стр. 68

15 „прямо“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — метко
15 прямо [по<падали?>] PK_1
18 готовил [между тем им] PK_1
18 „другую им“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — им другую
20 на [какое-нибудь] PK_1
21 можно было [разглядеться] PK_1
22 к кошевому и [прямо сказал ему] PK_1
25 „изо рта“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — изо рту
27 на Турещину [и] PK_1
28 *Вместо* „в Татарву“: на Татарву *Тр*
32 „бусурмен“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — бусурман
33 „бусурменов“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — бусурманов

Стр. 69

1 „Как же не можно?“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Как не можно?
11 ты мне [на какого чорта мы живем] PK_1
21 „отмстить“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — отомстить
25 на площадь [не] PK_1
28 На бой [прибежал прежде всего] PK_1
30 „несмотря однакож“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — однакож, несмотря

Стр. 70

1–2 как шмели [начали] PK_1
3 *Вместо* „пробитья“: боя *Тр*
8 „опершись“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — подпершись
12 кричали [козаки из толпы] PK_1
15 „сделался общим.“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — сделались общими.
16 но [чувствуя] PK_1
16–17 разъярившаяся [толпа] PK_1
19 палицу и [ушел] PK_1
19 „в толпе“: PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — в толпы

Стр. 70

20 „Прикажете“ *П, Тр*; *РК*$_1$, *РМ*$_2$ — Прикажите
30 молоко на губах *Тр*
31 „Шила“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$, *Тр*; *П* — Шило
34 *Вместо* „прокрался“: проворовался *Тр*

Стр. 71

3 „Кирдюга“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — Кирдягу [1]
7 „произнесенные“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — произнесенными
15 „отделились“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — отделилось
24 быть [в] *РК*$_1$
28 и [наконец] *РК*$_1$
30 *Вместо* „подталкиваньями“: подталкиваньем *Тр*

Стр. 72

8 „загулило“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — загудело
8 Тогда [вышло из среды] *РК*$_1$
9 старых [козаков] *РК*$_1$
13–14 *Вместо* „Стекла .... земля“: Мокрая земля стекла с его головы *Тр*
15 „замазала“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — замарала
15–16 *Вместо* „не сдвинувшись“: не двигаясь с места *Тр*
17 кончилось [это] *РК*$_1$
18 Бульба [во-первых] *РК*$_1$
19 *Вместо* „сначала .... Кирдюг“: этим он отомстил прежнему кошевому; к тому же и Кирдяга *Тр*
20 его товарищ [и в прежние годы они совершали не раз походы вместе] *РК*$_1$
22 и труды [и разгулья] *РК*$_1$
22 жизни. [Сделавши такое избранье [вся ⟨толпа?⟩ все запорожцы] [Вся толпа разошлась] *РК*$_1$

---

[1] *То же дальше стр. 71*: 4, 5, 6, 11, 13, 14, 17, 19, 23, 33; *стр. 72*: 4, 5, 15, 20.

Стр. 72

23 праздновать [новое] $РК_1$

23 поднялась [всеобщая] $РК_1$

24 *Вместо* „не видали“: не [бывало] видали $РК_1$; не видывали *Тр*

24–25 *Вместо* „все были разнесены“: были разбиты *Тр*

25 забирались [уже просто без денег и шинкари еще радовались, что сами не были прибиты] $РК_1$

26 уже [и тому] $РК_1$

27 Вся [почти] $РК_1$

28 И [долго] $РК_1$

29–30 *Вместо* „бандуры .... балалайки“: с бандурами, турбанами, круглыми балалайками *Тр*

30–31 *Вместо* „которые держались“: которых держали *Тр*

31–32 запорожских [подвигов] $РК_1$

32 стали [отгонять] $РК_1$

33 головы. [И видно было понемногу, как то там, то в другом месте ⟨*1 нрзб.*⟩ он тихо с товарищем на колоду, и, обнявши товарища, со слезою на г ⟨лазах⟩] [То там валился козак] $РК_1$

33 „понемногу“ *нет Тр*

34 *Вместо* „валился“: падал на землю *Тр*

34 *Вместо* „Там“: как *Тр*

35 „оба“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — *нет*

Стр. 73

1 *Вместо* „валились оба на землю“: валился вместе с ним *Тр*

1 Там гурьбою [храпела] [улеглась] $РК_1$

2 и лег [впоряд деревянной колоды] $РК_1$

5 *Вместо* „и тот повалился“: повалился и тот *Тр*

8 дело [Это] $РК_1$

Стр. 73

9—10 „вздоль и впоперек“ PK_1; *П, Тр* — вдоль и поперек
10 сказал: [Не можно, не можно] PK_1
12 так [что] PK_1
13 кое-что [может быть сделаем] PK_1
13 Пусть только [так будет, чтобы не я собрал народ. Это уж твое дело] PK_1
13 народ, да [не так, как будто бы] PK_1
16 „не знаем.“ [Не прошло и часу как] PK_1
19 „высыпал“ PK_1, PM_2; *П, Тр* — высыпался
19 „вдруг“ *нет Тр*
19 на площадь. [Поднялись кри<ки>] PK_1
20 „Кто?“ PK_1, PM_2; *П, Тр* — Что?
20 Зачем? [за<?>] PK_1
20 „из-за какого“ PK_1, PM_2; *П, Тр* — из какого
20 дела [били] PK_1
21 сбор? [Но на это] PK_1
21 в другом [дале<ком>] PK_1
24 „позаплыли“ PK_1, PM_2; *П, Тр* — заплыли
26 на свете! [Что ж, в самом деле, нет войны] PK_1
27 изумленными [такими <речами?>] PK_1

Стр. 74

3 *Вместо* „позадолжались“: позадолжали *Тр*
14 *Вместо* „уже, как“: как уже PM_2
15 *Вместо* „наружность церкви“: снаружи церковь *Тр*
16 „внутренние“ *нет Тр*
19 „их“ *нет Тр*
19 „они“ *нет Тр*
19—20 *Вместо* „еще пропили“: пропили еще *Тр*
20 „всё“ *нет Тр*
21 „ибо“ *нет Тр*
30 „мы“ *нет Тр*
35 „лучшего“ PM_2; *П, Тр* — Лучше

Стр. 75

10 „пяты“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — пятки

19 „отправились“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — отправилось

25 „явились“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — явилось

28 „по колени“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — по колена

28–29 *Вместо* „их с берега крепким канатом“: челны крепким канатом с берега. *Тр*; *П* — челны с берега крепким канатом.

29–30 „готовое .... дерево“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — готовые сухие бревна и всякие деревья.

31 „увязывали“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — привязывали

34 „далеко прочь“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — дальше

Стр. 76

5 „куча“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — толпа

8 „только что“ *нет Тр*

12 „человек“ *нет Тр*

13 „криками“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — криком

16 *Вместо* „приворачивал“: приворотил *Тр*

17–18 *Вместо* „подняв .... в ожидании“: и подняв топоры и долота, смотрели в ожидании. *Тр*

24 „Берег“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Народ

27 „на Гетьманщине“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — в Гетьманщине

28 „произнес“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — спросил

30 *Вместо* „не слышали“: не слыхали *Тр*

Стр. 77

13 „просто“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

21 „углубивши“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — потупив

26 делали сами? *Тр*

34 „и нам“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

Стр. 78

5 *Вместо* „Колебнулась“: Всколебалась *Тр*

5 *Вместо* „на миг пронеслося“: пронеслось *Тр*

Стр. 78

6 *Вместо* „которое устанавливается“: подобное тому, как бывает *Тр*

7 *Вместо* „и потом“: а потом *Тр*

34 „чего“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — что

Стр. 79

5 *Вместо* „умирал“: замирал *Тр*

13 *Вместо* „яломках, оба белые“: ермолках, оба бледные *Тр*

14—15 *Вместо* „не соглашались“ не снюхивались *Тр*

22 *Вместо* „Жалкий“: Жалобный *Тр*

27 *Вместо* „и узком“: узком *Тр*

31 *Вместо* „турков“: турка *Тр*; *П* — турок

Стр. 80

2 „проговорил“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — говорил

2—3 „Жида .... повесить“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Повесить жида будет всегда время

3 *Вместо* „на сегодня“: сегодня *Тр*

6 *Вместо* „пошевелись“: шевелись *Тр*

10 *Вместо* „а не морской“: не морской *Тр*

12 куренных [и] *РК*$_1$

14 „за всё зло“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — всё зло

15 *Вместо* „пустить“: зажечь *Тр*

16—17 *Вместо* „и пустить далеко по всей степи“: пустить далеко по степи *Тр*

19 исполнитель [желаний] *РК*$_1$

23 *Вместо* „он“: кошевой *Тр*

23 повеления; раздавал он их *Тр*

24 *Вместо* „не выкрикивая и не торопясь“: не вскрикивая, не торопясь *Тр*

25 *Вместо* „и далеко“: глубоко *Тр*; *П* — и глубоко

25 в деле козак *Тр*

Стр. 80

26 *Вместо* „замышленные подвиги“: задуманные предприятия. *Тр*

27 *Вместо* „осмотритесь хорошенько все“: все осмотритесь хорошенько *Тр*

30 „на козака“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на козаке

31 проса [чтобы было у каждого] *РК*$_1$

33–34 *Вместо* „при переправах“: на переправах *Тр*

35 есть [из] *РК*$_1$

Стр. 81

3 прочь [всяк<ие>] *РК*$_1$

4 оружье [когда] *РК*$_1$

4 попадется [хорошее] *РК*$_1$

5 серебро [— это такая вещь, что пригодится во всяком случае да к тому ж и емкая] *РК*$_1$

5 свойства [да] *РК*$_1$

6 панове, [и] *РК*$_1$

7 говорю [что] *РК*$_1$

8 собаку, за шеяку *Тр*

11 на поклев [вор<оньюо?>] *РК*$_1$

12 недостоин [погр<ебенья>] *РК*$_1$

14 по чему-нибудь [другому] *РК*$_1$

16 сивухи [и] *РК*$_1$

19 то и [всё пройдет] *РК*$_1$

20 не торопясь, хорошенько *Тр*

22 принялись [тотчас же] *РК*$_1$

22 за дело. [Возы становились в ряд и длинною цепью протянулись по всему полю. В иных исправлялись ободья колес, там переменялись свежие оси.[1] Везде раздавалось бряканье саблей, пробная стрельба из ружей] *РК*$_1$

23 сыскать [пьяно<го>] *РК*$_1$

---

[1] [Раздавалось бряканье саблей] *РК*$_1$

Стр. 81

25 „свежие“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

29 „саблей“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — сабель

29 „бычачье мычанье“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — мычанье быков

32 много [бы] *РК*$_1$

32 бежать [иному, если бы он] *РК*$_1$

32–33 *Вместо* „перебежать всё пространство“: пробежать *Тр*

33 от [его] *РК*$_1$; *П* — от его

35 крест. [Козаки] *РК*$_1$

Стр. 82

3 „все“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — они

4 несчастья! [Проезжая, Тарас] *РК*$_1$

5 что [уже жид] *РК*$_1$

6 Янкель [у самого входа в Сечь] *РК*$_1$

8 хлебы. [Вишь] *РК*$_1$

9 к нему на коне *Тр*

11 сидишь? [Ведь тебя застрелят] *РК*$_1$

15 „таинственно“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — таинственное

19 по какой [ей-богу] *РК*$_1$

20 ей-богу, так! [Тарас пожал только плечами и отъехал к табору] *РК*$_1$

21 „подивился бойкой“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — подивившись

23 страха. [Везде про⟨неслись?⟩] [Далеко по окружности пронеслись слухи] *РК*$_1$

26–27 *Вместо* „в сей .... век“: по обычаю этого нестройного, беспечного века *Тр*; *П* — в этот нестройный, изумительно беспечный век

26 нестройный [и с тем вместе] *РК*$_1$

27 *Вместо* „не воздвигалось“: не [строилось] воздвигалось *РК*$_1$; не воздвигали *Тр*

28 „просто“ *нет Тр*

Стр. 82

28 соломенное, [шаткое] PK_1

29 *Вместо* „думая .... до тла“: Он думал: „Не тратить же на избу работу и деньги, когда и без того будет она снесена *Тр*

29 думая [что] PK_1

29 на [прикрасы и на прочность] PK_1

Стр. 83

2 *Вместо* „всполохнулось“: всполохнулось [Кто быстро менял] PK_1; всполошилось *Тр*

4 *Вместо* „было можно“: можно было *Тр*

5–6 *Вместо* „такие .... рукою“: и такие, которые вооруженною рукою встречали *Тр*

7 *Вместо* „заране“: заранее *Тр*

8 *Вместо* „с сей .... бранью“: с буйной и бранной *Тр*; *П* — с этою закаленною вечною бранью

9 войска, [в самом своевольном неустройстве и] PK_1

9 *Вместо* „среди .... своего“: в наружном своевольном неустройстве своем *Тр*

10 своего [уже было кое-что] PK_1

10–11 *Вместо* „обдуманное .... битвы“: устройство обдуманное для времени битвы. *Тр*

12 трезво [и весь табор] PK_1

15 *Вместо* „Засыланы“: Засылаемы *Тр*

22 *Вместо* „воздвигнулся бы“: стал бы *Тр*

22 ныне [те<?>] PK_1

23 свирепства [того] PK_1

23 века [в который пронеслись] PK_1

25 *Вместо* „содранные кожи“: содранная кожа *Тр*

25 „по колени“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — по колена

26 монетою [заплатили запорожцы за ту монету, которую дали в заем им ляхи] PK_1

26 отплачивали [старые] PK_1

28 сказать запорожцам PK_1

Стр. 84

6 „временами“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — по временам
7 „помощь“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — помощь, состоявшая
8 тыл, [встрет<ивши?>] PK_1
11 решались [в открытом поле стать] PK_1
12 „молодые“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — наши молодые
15 *Вместо* „пред“: перед *Тр*
24 казалось [было] PK_1
24—25 на роду [назначен] PK_1
28 в один [час] PK_1
28 вымерять [всякую] PK_1
30 „средства“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — средство
33—34 „Крепкое .... теле“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Крепостью дышало его тело
35 „качеств“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — *нет*

Стр. 85

2 Тарас [Ей богу] PK_1
3 *Вместо* „батька“: батьку *Тр*
4 Андрий [же] PK_1
5 и мечей. [Он не знал, что такое обдумывать и хладно рассчитывать, заране измерять прежде в голове свои и чужие силы] PK_1
6 „заране“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — заранее
7 „Пиршественное“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Что-то пиршественное
9 в глазах [полно] PK_1
9 мелькает и [и всё смешалось] PK_1
10 падают [кони и в свисте горячих пуль, в блеске саблей и в собственном жару весь летит] PK_1
10 а он [летит] PK_1
11 *Вместо* „в собственном .... Андрий“: наносит всем удары и не слышит нанесенных. Не раз дивился отец также и Андрию, видя, как он *Тр*
14 одним [своим] PK_1

Стр. 85

17 „которыми“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — которым

22 „богатых“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — и богатых

23 *Вместо* „дни“: дня *Тр*

31 „было полезли“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — полезли было

35 *Вместо* „даже женщины“: женщины тоже *Тр*

Стр. 86

2 „горячий“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

2 „очи“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — им очи

5 „браты“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — братья

7 „все .... собаки“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — собаки, все передохнут

7 с голоду. [Запорожские войска, отступив, облегли] *РК*$_1$

9 занялось ⟨*3 нрзб.*⟩

11 *Вместо* „в нивы .... срезаться“: на нивы, еще не тронутые *Тр*

14 „с города“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — из города

19 *Вместо* „нечет“: нещот *РК*$_1$

24 *Вместо* „особливо скучною“: продолжительною *Тр*

24 трезвостью [не сопровожденною никаким] *РК*$_1$

31 в [де⟨ле⟩] *РК*$_1$

32 „кто“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

33 Но [пылкий и горячий юноша не сойдется] *РК*$_1$

Стр. 87

5 *Вместо* „позыва“: [зазова] позыва *РК*$_1$; призыва *Тр*

7 по [об⟨разу⟩] *РК*$_1$

8 из [самого] *РК*$_1$

10 „свою“ *нет* *Тр*

Стр. 87

10–11 *Вместо* „им и говорит“: и говорит им *Тр*

12 с добычей, [трубным звуком] *РК*$_1$

13 или же [на] *РК*$_1$

14 оно [гро<зно?>] *РК*$_1$

16 *Вместо* „не распознавая“: не распозная *РК*$_1$, *РМ*$_2$

17 „ястреба“ *П, Тр*; *РК*$_1$, *РМ*$_2$ — *нет* <*не дописано*>

18 „он“ *нет Тр*

20 к куреням. [А Андрий] *РК*$_1$

24 к куреням [и] *РК*$_1$

28 *Вместо* „и всяким“: со всяким *Тр*

30 *Вместо* „подале“: подальше *Тр*; *П* — гораздо далее

32 *Вместо* „или шапку, или“: кто шапку, кто *Тр*

33 *Вместо* „ружье-самопал“: ружье, самопал *Тр*

35 *Вместо* „висела .... пояса“: были неотлучно при каждом козаке. *Тр*

Стр. 88

3 „по отлогости“: *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П, Тр* — по отлогостям

5 отзывались [звонким ржанием] *РК*$_1$

5 „из поля“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — с поля

6 „величественное“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — что-то величественное

8 „были зарева“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — было зарево

18 „гроздия“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — грозды

26 „пожарищ“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — пожаров

26 „Он“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — Андрий

28–29 *Вместо* „как видно .... чего-нибудь“: перекусивши саламаты и галушек *Тр*

30 „немного“ *нет Тр*

30 беспечности [и подумал] *РК*$_1$

31 неприятеля [близко] *РК*$_1$

Стр. 89

1 „чистота и прозрачность стояла“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — чисто и прозрачно было

1–3 *Вместо* „Гущина .... в свету“: Гущина звезд, составлявших млечный путь и поясом переходившая по небу, вся была залита светом. *Тр*; *П* — Гущина звезд, составлявшая млечный путь, поясом переходившая по небу, вся была залита светом.

4 „он“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Андрий

8 *Вместо* „было то“: это было *Тр*; *П* — то было

9 „и сей же час“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — которое сейчас же

9 „раскрыл сильнее“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — открыл больше

15–16 *Вместо* „заставили бы скорее подумать“: заставляли скорее думать *Тр*; *РМ*$_2$, *П* — заставила бы скорее подумать

21 „приставило“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — приложило

23 „в него“ *нет Тр*

24 „распознал“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$; — отпознал; *П*, *Тр* — узнал

25 она была [не здешнего происхождения] *РК*$_1$

25 „лицо“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — лицо ее

28 всматривался в [нее] *РК*$_1$

Стр. 90

8 *Вместо* „шопотом .... прерывавшимся“: почти задыхаясь, шопотом, прерывавшимся *Тр*; *РМ*$_2$, *П* — шопотом, почти задыхающимся и прерывающимся

9 „жива еще“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — жива ли еще она?

10 „тут“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — теперь

11 „едва опять“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — опять едва

Стр. 90

23 „видала“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — видела

29 „колени“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — колена

Стр. 91

8 „Идем, идем“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр*—Пойдем, пойдем.

9 „Марии“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — матери

13-14 *Вместо* „что было закрыто“: всё, что было *Тр*

16 *Вместо* „что было теперь“: [всё] что было [перед ним] теперь *РК*$_1$; настоящее *Тр*; *П* — всё, что было теперь

16 Опять [всплыла на поверхность] *РК*$_1$

17 *Вместо* „как“: как бы *Тр*

17 как из [темного моря] *РК*$_1$

17 пучины [вечных] *РК*$_1$

17–18 гордая [светлая] *РК*$_1$

18 женщина. [И увлекательный пыл брани, и гордо самолюбивое желанье шума и славы и речей промеж своими и врагами, и бивачная жизнь, и отчизна, и строгие законы вольного козачества — всё исчезло вдруг перед ним. Женщина на место всего этого стала вдруг одна владычицею души его. Нет, он не засыпал и не угасал в глубине души его, сей чудный образ, встретивший празднично молодую юность! Прекрасные руки] *РК*$_1$

20 по грудям [и плечам и говорившие сквозь покровы чудесные формы упоительных ног и всего девического стана. Так всё и предстало на памяти] *РК*$_1$

22 „в груди“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — из груди

24 но часто [бывали смущены им молодые юношеские сны] *РК*$_1$

25 *Вместо* „И .... долго“: И часто, проснувшись *Тр*

25 лежал он [после того] *РК*$_1$

27 „сильнее, сильнее“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — сильнее

Стр. 91

29 *Вместо* „колени“: его колена *Тр*; *П* — колена его
31–32 вздрогнул [и] *РК*$_1$; вздрогнул и *Тр*
33 *Вместо* „от голода“: с голода *Тр*
34 „себе“ *нет* *П*, *Тр*
35 *Вместо* „подумал тут же“: тут же подумал *Тр*

Стр. 92

3 *Вместо* „за то“: в том *Тр*
9 „теплилась“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — тлелась
10 „видя“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — увидя
10 „чтобы съесть“ *РК*$_2$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — чтобы всё это съесть
13 „везде“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — нигде
15 оставят [Эка несчастье] *РК*$_1$
16 на [отцов<ском?>] *РК*$_1$
16 на возу [куренного атамана] [ихнего полку] *РК*$_1$
18 *Вместо* „на возе“: на возу *Тр*
19 „уже“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
20 „возле“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
20 „Он“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Андрий
32 „поводя“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — поведя

Стр. 93

5 „и несколько понагнувшись“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — и, весь несколько понагнувшись
11 „к добру“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — до добра
11 Сказавши это *Тр*
14 „духа“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — духу
16 „уже старый Бульба“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — старый Бульба уже
20 взглянуть [он] *РК*$_1$
23 „одеревеневшие“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — помутившиеся
23–24 *Вместо* „за рукав ее“: ее за рукав *Тр*
28 „сию“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — эту
34 „на небо“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — в небе

Стр. 94

7 *Вместо* „выходивший“: и выступавший *Тр*
15 плетня [показывавшие] *РК*$_1$
15 бывший [на <?>] *РК*$_1$
16 „видны были“ — *нет Тр*
16 „из за него“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — из-за которого
18 „их“ *нет Тр*
24 „бывающего“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — *нет*
29 за татаркой и [влача за собою] *РК*$_1$
30 *Вместо* „видно“: светло *Тр*

Стр. 95

1 „светильню“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$ — светильники; *П, Тр* — светильник
3—4 по крайней мере, [какой-то маленький] *РК*$_1$
6 изгладившийся [и] *РК*$_1$
6 Мадонны [и] *РК*$_1$
7 серебряная [лампа, вися перед ним, легко] *РК*$_1$
7 *Вместо* „пред“: перед *Тр*
9 „оставленную медную[1] светильню“ *РК*$_1$; *П, Тр* — оставленный медный светильник
10 „шпилем“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — шпилькой
10 для поправления [светильни] *РК*$_1$
11 гасильником [Тут же зажгла она] *РК*$_1$
11 „Взявши ее“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — Взявши его
11 „зажгла ее“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — зажгла
12 „лампады“ *П, Тр*; *РК*$_1$ — лампы
14—15 *Вместо* „Жерардо della notte“: Герардо della notti *Тр*
18 можно было [несколько] *РК*$_1$
19 „сии“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — эти
20 „напомнившие .... пещеры“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — *нет*
20 Также [местами] *РК*$_1$
21 были [видны] *РК*$_1$

---

[1] [лампу]

Стр. 95

22 стояли [в них] *РК*$_1$
28 останавливаться [своей спутнице] *РК*$_1$
28 спутнице [усталость которой] *РК*$_1$
30 кусок хлеба [который она проглотила] *РК*$_1$
31 в [ее] *РК*$_1$
33 показалась [неболь<шая>] *РК*$_1$
35 „приподняла“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — приподняла было
35 „постучать“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — постучаться

Стр. 96

1 „вместо нее“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — вместо ее
2 „показывавший“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — показавший
2 что за [ними] *РК*$_1$
3 казалось [своды] *РК*$_1$
5 „встретил“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — впустил
6 „с ключами“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — с ключом
8 возбуждавшего [доселе] *РК*$_1$
9 бесчеловечней [нежели] *РК*$_1$
10 отступил назад [при<виде?>] *РК*$_1$
11 но [одно] *РК*$_1$
16 „на коленях“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на коленах
17 сторон [лицом к] *РК*$_1$
17 „коленях“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — коленах
17–18 „клирошанина“ *П*, *Тр*; *РК*$_1$, *РМ*$_2$ — клироса
19 „сверх их“ *нет Тр*
21 „о удалении“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — об удалении
24 „на коленях[1]“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на коленах
26 и [де<ревянных>] *РК*$_1$
27 „и пилястр“ *нет РМ*$_2$, *П*, *Тр*
27 „на коленях“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на коленах
29 бывшее [в это время] *РК*$_1$
29 „озарилося“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — озарилось
30 голубые [и] *РК*$_1$

---

[1] [и] *РК*$_1$

Стр. 96

33 вдруг [освещенным] $РК_1$

33–34 „на воздухе“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — в воздухе

35 из своего [угла на это чудо] $РК_1$

Стр. 97

1 *Вместо* „рев“: стон *Тр*

1 рев органа [вдруг наполнил] $РК_1$

3 разрастался [и] $РК_1$

3 „ропоты“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — раскаты

4 понесся [высокими переливами под сводами, звуками, ласкающими душу, похожими на человеческий тонкий голос] $РК_1$

7 „ропоты“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — рокоты

9 почувствовал он, что *П*, *Тр*; [что] $РК_1$

10 татарка [и] $РК_1$

11 никем, и [таким образом] $РК_1$

11 и вышли [на бывшую перед нею площадь] $РК_1$

14 имевшая [подобие квадрата] $РК_1$

16 здесь был [еще [неделю] не так давно назад] $РК_1$

16–17 „еще .... назад“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — еще, может быть, только неделю назад

17–18 *Вместо* „Мостовая .... делать“: Улица, которых тогда не мостили *Тр*

19 *Вместо* „вокруг“: кругом *Тр*

21–22 *Вместо* „шедшими .... стены“: во всю их высоту *Тр*

22 „связями“: брусьями *Тр*; $РМ_2$, *П* — сваями

23 обыватели [какие можно] $РК_1$

24 поныне еще *Тр*

25 „почти“ *нет* *Тр*

26 „наполненными множеством“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — со множеством

30 этажа и [притом] $РК_1$

Стр. 97

31 „часовой“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

34 Рассматривая [ее] *РК*$_1$

34 *Вместо* „заметил.... ее“: заметил на другой ее стороне *Тр*; *П* — на другой стороне ее заметил

35 движения на [на улице] *РК*$_1$

Стр. 98

2 в это время [споткнулся] *РК*$_1$

7 в два ряда [украшались] *РК*$_1$

20 „ровных“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — равных

22 бросился [как собака] *РК*$_1$

23 изгрыз [его] *РК*$_1$

27 на улицу: [не напитает ли воздух] *РК*$_1$

29 она [или] *РК*$_1$

32 с крыши [одного] *РК*$_1$

33 вытянувшееся и *П*, *Тр*.

34 „исчахлое“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$ — иссохлое; *П*, *Тр* — иссохшее

Стр. 99

1 „сих“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — таких

2 „свидетельств“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — свидетельств голода

4 человеку [в голоде и] *РК*$_1$

6 может [быть] *РК*$_1$

8 сказала татарка [всех коней, собак, мышей даже переели, всё, что было до того и падалины, всё переели. В городе, видишь ты, всего запасу было на два дни, потому что в город, пока не облегли запорожцы] *РК*$_1$

9 городе [и того] *РК*$_1$

10 запасов [и на два дни не водилось у нас] *РК*$_1$

13 думаете [защитить] *РК*$_1$

14 *Вместо* „Да может быть“: Может быть *Тр*

14 и сдал бы [да третьего <дни?>] *РК*$_1$

Стр. 99

17 ожидает только [еще подмоги] $РК_1$

17 чтоб итти [с ним] $РК_1$

18 „обеим“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — обоим

28–29 „У ног .... лестницы сидели“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — Внизу лестницы сидело

30 „около“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — подле

31 свои головы и [походили на мастерские изваяния] [казались таким образом более похожими на мастерски исполненные изваяния] $РК_1$

34 нечувствительны [ко всему, совершенно ко всему и не обращали никакого внимания на них[1], когда они всходили] $РК_1$

35 „восходил“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — всходил

Стр. 100

1 нашли [опять всего уб<ранного?>] $РК_1$

1 всего [вооруженного] $РК_1$

2 молитвенник [и возведшего на них истомленный взор] $РК_1$

4 он опустил [свою голову, бесчувственно устремив глаза] $РК_1$

4 вновь [в развернутые] $РК_1$

6 комнату [сл<ужившую приемною?>] $РК_1$

8 стен [слуг<ами>] $РК_1$

10–11 „как .... поместьев“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — *нет*

10 так и [богатого] $РК_1$

12 „светильни“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — свечи

13 „человеку“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — челозека

19–20 „не мог хорошо рассмотреть“ $РК_1$; $РМ_2$ — начал хорошо рассматривать; *П*, *Тр* — начал внимательно рассматривать

20 „ставня“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — ставни

---

[1] [восходивших по лестнице]

Стр. 100

25 у него. [Через минуту вошла татарка и сказала, чтобы он вошел] $РК_1$

27 косою [по ко<лени>] $РК_1$

28 „взошел“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — вошел

28 он взошел. [Он почти не помнил] $РК_1$

29 взошел [Дверь за ним затворилась] $РК_1$

30 „лампада“ *П*, *Тр*; $РК_1$, $РМ_1$ — лампа

32 „коленей“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — колен

32–33 во время молитвы. [всё это бросилось ему вскользь, покамест глаза его отыскивали ее. Но она стояла уже перед ним в каком-то, казалось, застывшем движении] $РК_1$

33 не того [снача<ла>] $РК_1$

34 увидел женщину, [которая, казалось, как будто застыла и окаменела в быстром движении] $РК_1$

Стр. 101

1–2 вдруг остановилась. [Он поднял глаза на нее и вдруг остановился пораженным на месте. Он совсем не такою] $РК_1$

3 не та, [совершенно не та] $РК_1$

6 Тогда [в ней видно было] $РК_1$

6 неконченное, [невыполненное] $РК_1$

10 своей. [Что то полное, какое-то] $РК_1$

10 „выражалося“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — выражалось

13 облекли их [блестящею] $РК_1$

13 влагою, [сообщавшею им брилиантовый блеск] $РК_1$

13 „душу“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — в душу

18 руки и [разрозненными] $РК_1$

19 длинными [волосами] $РК_1$

19 прекрасно [и широко] $РК_1$

20 Казалось [совершенно] $РК_1$

Стр. 101

21 „в них отыскать“: *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — отыскать в них

22 ни одной, [ни одной] [Бледность, изнеможение означались в них] *РК*$_1$

23 „не помрачила“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — не помрачала

24 „казалось“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

24 „придала“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — придавала

25 И ощутил [в душе своей Андрий благоговение, смешанное с боязнью] *РК*$_1$

27 Она [тоже] *РК*$_1$

27 видом козака [который предстал] *РК*$_1$

28 мужества [и стал неподвижным, казалось, обличая в каждом непринужденном[1] сгибе членов своих] [И в] [Казалось, и в самой неподвижности своей он обличал сгибы своих членов, уже обличая] *РК*$_1$

29 „казалось“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

32 бровь [и, как шолк, лоснился молодой ус его] *РК*$_1$

32 „загорелая щека блистала“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — загорелые щеки блистали

35 *Вместо* „и весь колебался“: [и можно было слышать что-то колеблющееся в серебряном звуке] и весь колебался [как былинка от ветра в] *РК*$_1$

Стр. 102

1 „возблагодарить“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — вознаградить

2 „книзу“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

3 очи [Ресницы] *РК*$_1$

4 веки [с темными ⟨ресницами?⟩] *РК*$_1$

4 „окраенные“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$ — охраенные; *П*, *Тр* — охраненные

4 ресницами [и всё, сверкавшее белизною лицо наклонилось] *РК*$_1$

---

[1] [своем]

5 Наклонилося [тихо] $РК_1$

5 тонкий [едва заметный] $РК_1$

6 *Вместо* „не умел“: не знал $РК_1$ <*поправка Гоголя в* $РМ_2$>; *П, Тр* — не знал, что

6 сказать на это [растерявшийся Андрий] $РК_1$

7 хотел бы [выговорить много] $РК_1$

7 на душе [выразить] $РК_1$

8 горячо [и сильно] $РК_1$

8–9 и не мог [как будто бы невидимая сила заградила уста ему и отняла звук у слова. Он чувствовал, что всё у него связано, что] $РК_1$

11 бранной $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — в бранной

12 речи, и [потупил он голову] [замолчал он, негодуя на свою чорствую и грубую природу] $РК_1$

13 *Вместо* „В то время“: В [это] то время $РК_1$; *П, Тр* — В это время

13 вошла в комнату [не совсем] [некстати татарка, неся на золотом блюде хлеб. Она] $РК_1$

14 „и яства“ $РК_1$; $РМ_2$, *П, Тр — нет*

15 „их“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — его

17 и много [в них выразилось благодарности и более был доступен душе Андрия сей] $РК_1$

17 „Сей“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — Этот

17 взор [как бы выказывавший свое] $РК_1$

19 был [доступней душе Андрия] $РК_1$

21–22 „Всё .... свободе“ $РК_1$; $РМ_2$, *П, Тр* — Душевные движенья и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными.[2]

22 и уже [хотели] $РК_1$

---

[1] [очи] [2] [Чувства и] [Душевные движенья и чувства, которые дотоле [казалось] как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь чувствовали себя освобожденными] $РК_1$

Стр. 102

30—31 „Андрий .... глядел“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий[1]

31 его [чудесными] PK_1

32 ела [перед ним] PK_1

33 в глазах его [съевши] PK_1

Стр. 103

3 в очи, [В [ее] очах и в [успокоившемся] успокоенных и полных взорах было .... Но нет, того не выразит <*1 нрзб.*>] PK_1

3 И пусть бы [кто-нибудь выразил] PK_1

5 ни кисть, ни [слово] PK_1

5 „видается“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — видится

6 иной раз в [ясных, открытых] PK_1

6 „в взорах“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — во взорах

6 того [до глубины души] PK_1

6 чувства [которое объемлет всего,[2] когда глядишь, безмолвный, в чистые, открытые взоры девы] PK_1

8 полный [чувств избытка] PK_1

11 „исполнять“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — исполнить

13 „сделаю“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — исполню

13 сделаю [иль погибну, и погибнуть мне сладко для тебя] PK_1

15 *Вместо* „не в силах“: [нет нельзя] не в силах PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — нет, нельзя

15 сказать [этого тебе] PK_1

17 мать моя [и] PK_1

17 „Такого .... оружия“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Нет ни у кого теперь из козаков наших такого оружия

21 сожгу [утоплю] PK_1

21 вымолвишь [или] PK_1

---

[1] [С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий] PK_1 [2] [весь глядя] видя

Стр. 103

22 „моргнешь“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — шевельнешь
23 что [говорю] *РК*$_1$
23 речи [что] *РК*$_1$
23 некстати [мне] *РК*$_1$
24 „всё“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
29 жены и [дети] *РК*$_1$
29 девы [Не так нужно говорить тебе, и одни ангелы небесные только могут служить тебе] [Не годимся мы *РК*$_1$
29—31 „Мы .... тебе“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
32 превратившись в [тонкий] *РК*$_1$
33 дева [его] *РК*$_1$
35 *Вместо* „сей“: сей [ее] *РК*$_1$; *П*, *Тр* — этой

Стр. 104

1 голосом, [несшимся прямо из кипящего сердечного родника] *РК*$_1$
2 „было облечено“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр*—облечено было
2 в силу. [Ее прекрасное лицо всё выдалось вперед, волосы бросились назад, уста полураскрылись; казалось, что-то сильное хотела сказать она и вдруг остановилась она и вспомнила, что рыцарь ведом другим назначеньем, что отец, братья и отчизна стоят за ним] *РК*$_1$
4 *Вместо* „сидела“: глядела *РМ*$_2$, *П*, *Тр*
7 *Вместо* „позади его“: позади *Тр*
8 смерти [обречен город] *РК*$_1$
10 „наполнились“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — наполнились слезами
10 „быстро“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
11 „себе на лицо его“: *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — его себе на лицо.
14 „губу“ *П*, *Тр*; *РК*$_1$, *РМ*$_2$—*нет* ⟨*пропуск в рукописи*⟩
14 почувствовав [нестерпимую боль] *РК*$_1$

Стр 104

15 „он“ *П, Тр*; *РК*$_1$, *РМ*$_2$ — *нет*

19 „от сего“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — от этого

25 отдернула [небрежно] *РК*$_1$

25 „налезавшие“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — падающие

26 „косы своей“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — свои

27 „тихим-тихим“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П, Тр* — тихим

28 „подобно когда“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П, Тр* — подобно тому, как

28 „прекрасным вечером“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — в прекрасный вечер

33 народа [возвр<ащающегося?>] *РК*$_1$

34 „тарахтанья“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — стука

34 телеги [всего, что ни есть вереницы] *РК*$_1$

35 „наносящих .... человеку“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — *нет*

Стр. 105

1 „жалоб“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — сожалений

4 „мне в ноги“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — к ногам моим

7 им было [свободно] *РК*$_1$

7 меня, и [еще за большее] *РК*$_1$

8 „любовь мою“ *нет РК*$_1$, *РМ*$_2$

11 ты [так неумолима и тяжка] *РК*$_1$

14 за какие грехи за какие [преступления] *РК*$_1$

20 осуждена [*1 нрэб.*] *РК*$_1$

21 мало [что] *РК*$_1$

23 „готова бы была“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — готова была бы

25 „увидать“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — увидеть

28 моей [плачевной] *РК*$_1$

Стр. 106

2 „сем“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П, Тр* — этом

9 „выйдет“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — будет

11 „я умру“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — умру я

12 „коленей“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — колен

13 „от тебя“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П, Тр* — с тобою

17 меня [ежели] *РК*$_1$

Стр. 106

17 „и знаю“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — знаю

18 „твои“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

19 „товарищи и отчизна“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — товарищи, отчизна

20 встряхнув [молодцовато] *РК*$_1$

21 *Вместо* „надречный осокор“: надречная осокорь *Тр*

22 „тем голосом“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — тем же голосом

23 „тем“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — с тем

29 „сию“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — эту

34 только [безрасчет<но>] *РК*$_1$

Стр. 107

2 обхватив его́ [чудесными, снегоподобными] *РК*$_1$

3 на улице [какие-то] *РК*$_1$

3–4 „сопровожденные“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — сопровождаемые

4 не слышал [ничего этого] *РК*$_1$

7 „спустившиеся все“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — все спустившиеся

8–9 „блистающим“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — блестящим

13 запорожцев [Но оба они не слышали и не хотели ничего слышать] *РК*$_1$

13 никто из них [не слышал] *РК*$_1$

15 „не на земле вкушаемых чувств“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — чувств, вкушаемых не на земле

16 „сии“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

18 „в сем“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — в этом

19 что один [раз только] *РК*$_1$

19 дается [чувствовать человеку, и то едва одному из тысяч] *РК*$_1$

21 рыцарства [и своей славы] *РК*$_1$

22 не видать [больше одного из храбрейших и лучших детей своих, взявшихся защищать и хра-

Стр. 107

нить ее материнскую дряхлую старость. Много изумится всё козачество, когда услышит о том и задаст он великую скорбь своему старому отцу, суровому Тарасу] *РК*$_1$

28 „происходило“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — происходили

Стр. 108

4 перевязана [еще] *РК*$_1$

10 *Вместо* „затихли, снявши шапки“: снявши шапки затихли *Тр*

12 довел хмель! [Вот неприятель какое поруганье оказал нам] *РК*$_1$

16 „начихает“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — начхает

19 „только“ *нет Тр*

19 „незамайновский“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — незамайковский

23 попрекнул [всё христианское войско] *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — попрекнул

25 в походе [или] *РК*$_1$

26 Но мы [все] *РК*$_1$

26 без дела [больше недели] *РК*$_1$

27 Ни поста [ничего] [без] *РК*$_1$

30 били [их] *РК*$_1$

31 теперь [так] *РК*$_1$

34 сказал [кошево<й>] *РК*$_1$

Стр. 109

5 „которое бы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр*—которое

6 его [и] *РК*$_1$

7 придало бы [ему] *РК*$_1$

12 „сивые“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — сизые

14 слово [сказал кошевой] *РК*$_1$

15 *Перед* „слушайте же“: [Теперь] *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* —Теперь

Стр. 109

16 крепость [незаметно] $РК_1$
23 ксендзы-то их [как видно] $РК_1$
30 „Тымошевский“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — Тунношевский
35 „перегляди всякий“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — всякий перегляди

Стр. 110

1–2 „останками“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — остатками
5 „понаедались“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — поначадились
8 лоб [ему] $РК_1$
10 *Вместо* „распоряжал“: распоряжался *Тр*
11 „по своим“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — к своим
17 „куда“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — куда бы
19 „отдаться“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — отдался
31 услышал я [что] $РК_1$
35 стрелять. [А прибежал я] $РК_1$

Стр. 111

1 в город [и я увидел] $РК_1$
5 „с ними“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — с ним
14 „и одного“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — ни одного
19 „и на войну“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — на войну
23 „Хайвалох“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — Хайвальх
27 „А видал“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — А видел
29 „Что ж ты“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — Что ж он
30 в подвале? [связан?] $РК_1$
33 „и нарукавники в золоте, и зерцало в золоте“ *нет* $РМ_2$, *П*, *Тр*
34 „и шапка в золоте“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — *нет*

Стр. 112

1 и поет [так он весь сияет] $РК_1$
1 „и травка“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — и всякая травка
2 „дал ему“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — ему дал

Стр. 112

8 польский пан [Нет, не принудит его никто!] PK_1
19 перед паном [Что ж] PK_1
20 выходит, [по твоему он] PK_1
21 „продавал“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — продал
25 если я [вру] PK_1
26 отца [и] PK_1
27 „свекора“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — свекра
27 если я [вру] PK_1
28 я даже <*1 нрзб.*> PK_1
35 рот [с прицмокиваньем] PK_1

Стр. 113

4 согни [ее] PK_1
11 „Как“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — А как
13 „жемчуга“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — жемчугу
13 есть красавицы [и дворянского роду] PK_1
15 „хоть им“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — им хоть
17 на воеводин двор [будто продавать жемчуг] PK_1
17 „и“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — *нет*
19 „обещал“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — обещался
23 Чем [же] PK_1
24 лучше [он] PK_1
27 „Дай бог ему“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Дай ему бог
27 меня [сейчас] PK_1

Стр. 114

9 что [незачем] PK_1
12 13 и поник [он седою головою] [седою головою Тарас] PK_1
13 всё еще [не мог] PK_1
13–14 чтобы могло [про<изойти?>] PK_1
15 продал [душу и веру] PK_1
18 А [козаки] PK_1

Стр. 114

20 „Незамайновский“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — Незамайковский

23 *Вместо* „связанный“: связанным *Тр*

26 „стану“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — стане

27 на вал, и [восстала пред козаками] *РК*$_1$

30 „солнцы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — солнца

30 солнцы [с белыми <перьями?>] *РК*$_1$

33 „и золотом“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — золотом

34 „оружья“ *РК*$_1$, *РМ*; *П*, *Тр* — ружья

Стр. 115

2 „буджановский“ *РК*, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — буджаковский

4 „в силу“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на силу

5 „человечек“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — человек

19 крали [из хозяйских] *РК*$_1$

19 „и буфетов“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — и из буфетов

20 кубки [и ложки] *РК*$_1$

21 „Всяких“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Много всяких

26 „выряжаться“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — наряжаться

30 „выехало“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — выехали

32 „на слово, на дело“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на слова, на деле

35 „натерпевшийся“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — потерпевший

Стр. 116

1 „обсмаленною“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — обсмоленною

2 „выгоревшими“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — сгоревшими

13 его [сонного и] *РК*$_1$

13 „Потупил“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — И потупил

15 козаками и того *П*, *Тр*

16 „И в одну“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — В одну

18 „друзьяка“ *нет РК*$_1$ *<приписано Гоголем в РМ*$_2$*>*

Стр. 116

20 нагого. [Это был случай] $РК_1$
32 готовился [что-то] $РК_1$
33 „сказать“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — отпустить

Стр. 117

7 посторонились [запо<рожцы>] $РК_1$
8 „с валу“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — с вала
8 На [всем] $РК_1$
8 валу [про<?>] $РК_1$
8—9 „задвигалась суетня“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — засуетились
11 „шитые“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — *нет*
14 „смешаться“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — вмешаться
21 „Оставляйте“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — Оставляйте же
23 Напирайте [все останние] $РК_1$
24 „их“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — ляхов
34 „снявши“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — сняв
35 „отвязавши“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — отвязав

Стр. 118

4 сломивши [и поваливши] $РК_1$
4 „вострым“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — острым
4—5 турецким ножом [в самое сердце] $РК_1$
7 красивейший и [старого] $РК_1$
7 „роду“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — рода
10 доброго [запорожца] $РК_1$
12 „и козака“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — а козака
12 „отнес“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — отнял
13 *Вместо* „и повалил“: и [поваливши] повалил $РК_1$; *П*, *Тр* — повалил
15 „Незамайновский“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — Незамайковский
15 Незамайновский [атаман] $РК_1$

Стр. 118

17 „нечеловечьего“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — нечеловеческого

21 22 горячая пуля и [<свалил?> его] *РК*$_1$

31 „кинул его“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — кинул

32 „незамайновцами“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — незамайковцами

34 куренной [атаман] *РК*$_1$

34 „отъехавши“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$ — отъежавши; *П*, *Тр* — отъезжая

Стр. 119

2 корыстью [старый атаман] *РК*$_1$

3 вынул уже [нож] *РК*$_1$

4 турецкий нож [с самоцветными каменьями] *РК*$_1$

9 „два раза“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — раз

9 „из седла“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — с седла

12 „козака“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — *нет*

13 „далеко вокруг“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — далеко

17 к седлу, [показался мститель] [а уж тут бравый мститель] *РК*$_1$

20 „распластанный“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — распластанный среди воздуха

27 *Вместо* „даром .... пуля“: пуля даром полетела в поле *Тр*,

30 „и ногам“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — и по ногам

34 „бросали“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — бросили

34—35 поле битвы [чтобы прибрать] *РК*$_1$

35 прибежали [уб<рать?>] *РК*$_1$

35 „прибрать“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — прибирать

Стр. 120

3 „никого, кроме“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$ — кроме; *П*, *Тр* — как

9 в атаманы [*1 нрзб.*] *РК*$_1$

Стр. 120

13 „свежих“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — свежие

15 глядевшим [дотоле в] PK_1

16 „на козацкий табор“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — на козацкие таборы

19 „навпереймы“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — напереймы

19 *Вместо* „Поворотилось“: Поворотило *Тр*

21 и рассыпало. [„Вот, спасибо, вот хорошо! и волы свое дело сделали!“ кричали запорожцы] PK_1

27 „других“ *нет* *Тр*

30 как [овцы] PK_1

35 „грянули“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — грянуло

Стр. 121

8 за честь [которую они оказали его] PK_1

12 „покрылися“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — покрылись

16 17 *Вместо* „перекинулись .... позадорнее“: все бывшие позадорнее, перекинулись с обеих сторон *Тр*

17 словами. [И разошлись наконец все. Кто перевязывать свои][1] PK_1

19 „истомившись“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — утомившись

19 кто [ле<чил>] PK

22 „и отдавать“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — отдавать

23 копьями [вырывали] PK_1

26 „выклевывать“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — выклевать

26 „увязавши“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — привязавши

32 „вечерять“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — вечером

34 35 не ложились [и <*1 нрзб.*> козака] [и долго они] PK_1

Стр. 122

11 нетающим [горным] PK_1

11 „покрывающим“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — что покрывают

---

[1] [пр<?>] отдыхать

Стр. 122

14 завтра и [забылся, наконец сном] $РК_1$

18 неба, [как собрались в круги запорожцы. Из Сечи пришла весть, что всех пограбили татары ⟨*2 нрзб.*⟩. Вырыли скарб, который держали козаки в тайне под землею, избили старых, забрали в плен других ⟨*2—3 нрзб.*⟩ и вместе с табунами и стадами направили путь на юг к Перекопу. Один только козак Максим Голодуха вырвался уже дорогою из татарских рук, заколол самого мирзу, отвязавши у него кошелек с червонными, и на татарском коне в татарской одежде один день и две ночи от погони загнал коня и пересел на дороге на другого, загнал и того, и уже на третьем коне приехал в запорожский табор, услыхав на пути] $РК_1$

19 „в круги“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — в кучу

20 ограбили [всё в ней] $РК_1$

25 вырвался [на дороге] $РК_1$

26 с цехинами и [в татарской одежде] $РК_1$

27 „полтора дни“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — полтора дня

28 „дорогою“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — *нет*

Стр. 123

3 и пьяными [попались] $РК_1$

4 зарыт [он] $РК_1$

5 „того“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — этого

7 крепким сном [и как ни ворочали его с бока на бока, чтобы разбудить и допросить его — не добудились вовсе. Сильно неприятна была такая весть запорожцам] [В таких случаях было в обычае, бросивши всё] $РК_1$

11 „острову“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — острове

18 „снял“ $РК_1$, $РМ_2$; *П, Тр* — снявши

Стр. 123

30 „голосно“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — громко
32 он [на свои очи] *РК*$_1$
32 „очи свои“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — очи
32 очи свои [высокие] *РК*$_1$
33 „повыраставшим“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — выросшим
34 которых [верхушка занесена пушистым северным снегом и только с низу чернеет темная чаща сплетенных ветвей и сучьев] *РК*$_1$

Стр. 124

2 говоришь. [А позабыл ты] *РК*$_1$
3 чтоб мы [сели] *РК*$_1$
7 „доселе“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
14 „попрекнуть“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — попрекать
21 смерти? [Позабыли вы] *РК*$_1$
26 *Вместо* „от всех“: у всех *Тр*
30 „вояка“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — вечно
33—34 „из .... трубки“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — в своей коротенькой трубке

Стр. 125

2 „но сей раз“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на сей раз
3 „пошло“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — пошла
7 „и мне“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — мне
10 *Вместо* „печись“: пещись *Тр*
14 „дай боже“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — дай бог
23 „и не хочется“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — и которым не хочется
34 „будешь“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — будет

Стр. 126

8 „утупив“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — потупив
12 „Куды“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — Куда
12 „туды и атаман“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — туда и остальная

Стр. 126

14 „И все“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — И вот

16 „та приставала“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$ — то приставала; *П*, *Тр* — то приставало

19 „Незамайновский“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — Незамайковский

23 „в догон“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — в догонь

29 „уже он“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — он уже

29 „хотелось“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — захотелось

33 Не мало [также было] *РК*$_1$

Стр. 127

4 „Пысаренко“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Писаренко

18 „счесть нельзя“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — счета не было

23 „найти его“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — найти

29 Теперь [мне] *РК*$_1$

32 „у бога“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — бога

32 „кончать“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — кончить

Стр. 128

12 „держали“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — держа

23 „заходу солнечного“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — солнечного захода

27 „затопотела“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — затопотала

28 „скоро“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — вскоре

29 „конская топь“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — конский топот

32 „оставшиеся“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — оставшиеся

34–35 „высветивших“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — высветившихся

Стр. 129

2 „утупивши“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — потупив

5 „храброму“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — храбрым

7 „пообыклись .... наведенному“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — свыклись они и с унынием, наведенным

12 могучая [природа] *РК*$_1$

Стр. 129

16 „неоглядную“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — необъятную

16 17 „склянную“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — стеклянную

18 повелел Тарас [развязать] *РК*$_1$

20 „обозе“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — стане

23 „В возу“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — В возе

28 „всякому до единого козаку“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — всякому козаку, до единого

29 „великое бы и чувство овладело“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — великое чувство овладело бы

Стр. 130

1 „или рукавицу“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — рукавицу

7 „знаку“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — знака

17 „дела“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — дело

19 „поперед“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — наперед

22 „бусурменов“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — бусурманов

26 „один одного лучше, один одного краше“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — один другого лучше, один другого краше

35 „Сичь“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Сечь [1]

Стр. 131

13 „загадались“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — задумались

16 „загадалися“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — задумались

18 „беспредельно“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — беспредельное

20 огражденное [чуть видными] *РК*$_1$

25 „торчащими их белыми“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — их белыми торчащими

28 „и запекшимися .... запущенными“ *нет* *Тр*

29 „налетев, орлы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — орлы, налетев

35 „еще“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*

---

[1] *Так же на стр. 131, строки* 1, 3, 4

Стр. 132

5 „много повергнул мастер“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — мастер много повергнул

14 оказался [точно] *РК*$_{1а}$

21 „и какие именно курени“ *нет* *РК*$_{1а}$

21–22 *Вместо* „их числом“: числом их *РК*$_{1а}$

22 *Вместо* „на месте“: под городом *РК*$_{1а}$

22–23 *Вместо* „они думают делать“: думают делать они *РК*$_{1а}$

23 словом [в три мин<уты>] *РК*$_{1а}$

23 „уже“ *нет* *РК*$_{1а}$

24 *Вместо* „всё узнали“: уже знали всё[1] *РК*$_{1а}$

25 *Вместо* „видел“: слышал *РК*$_{1а}$

25 „и шуму“ *нет* *РК*$_{1а}$

25–26 по движенью в городе [что неприятель выступит в поле] *РК*$_{1а}$.

26 „и расторопно“ *нет* *РК*$_{1а}$

27 „три таборы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — три табора

27 *Вместо* „обнесши их“: окружив *РК*$_{1а}$

Стр. 133

1 „нагнать“ *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — загнать

1 *Вместо* „туда“: на него *РК*$_{1а}$

2–3 сказал короткую *РК*$_{1а}$

4 „их“ *нет* *РК*$_{1а}$

4 *Вместо* „что и без того крепки они“: что они все и без того крепки *РК*$_{1а}$

4 *Вместо* „а, просто“: а так просто *РК*$_{1а}$

6 *Вместо* „самому хотелось высказать“: хотелось высказать самому *РК*$_{1а}$

8 *Вместо* „чести у всех“: славе *РК*$_{1а}$

---

[1] узнали уже всё *РК*$_{1б}$.

8 наша [что] PK_{1a}

10 *Вместо* „и храмы“: храмы PK_{1a}

10 и князья [свои князья были, князья Русского рода] PK_{1a}

10 а не [католицкие] PK_{1a}

13 *Вместо* „сирая так же, как и мы, земла наша“: ⟨*3 нрзб.*⟩ земля наша так же сирая и убогая, как [и] мы PK_{1a}

14 на братство, чтобы не [выдать] выдавать ее покинутую [в несчастии] PK_{1a}

14 Вот, братцы PK_{1a}

15 товарищество! [Оно] PK_{1a}

15 *Вместо* „уз святее товарищества“: сильнейших уз как товарищество PK_{1a}

16 дитя любит своего PK_{1a}

17 „братцы“ *нет* PK_{1a}

19 *Вместо* „может .... землях“: не может никто кроме человека. Во многих землях бывали PK_{1a}

20 *Вместо* „в Русской“: на Русской PK_{1a}

20 *Вместо* „не было таких товарищей“: ...Да что говорить! PK_{1a}

21 не одному [подолгу] PK_{1a}

21–22 *Вместо* „пропадать на чужбине“: исшататься по чужой земле PK_{1a}

22 и там чем не PK_{1a}

24 поведать [чужое] PK_{1a}

24 „видишь .... не те!“ *нет* PK_{1a}

26 как может любить PK_{1a}

29 *Вместо* „Нет .... не может!“: Никто [иной] не может так любить! PK_{1a}

30 Знаю, что PK_{1a}

30 подло [у нас] PK_{1a}

Стр. 133

30 *Вместо* „на земле нашей“: в нашей земле PK_{1a}; *П, Тр*—в земле нашей

32 скирды [их] PK_{1a}

Стр. 134

1–2 *Вместо* „Милость чужого короля“: [Милость чужого короля] Королевскую милость PK_{1a}

2 короля, а [просто] PK_{1a}

2 *Вместо* „а поскудная“: а паскудную, PK_{1a}; PM_2 — а на скудную; *П, Тр* — на скудную

5 извалялся [хоть он и ходит] PK_{1a}

7 проснется [когда ⟨нибудь⟩] PK_{1a}

7 „оно“ PK_1, PM_2; *П, Тр* — он

8 *Вместо* „горемычный“: горемышный PK_{1a}

8 руками [и] PK_{1a}

8 за голову, [вскрикнет громко на весь мир и проклянет] PK_{1a}

11 *Вместо* „в Русской земле товарищество“: товарищество в Русской земле PK_{1a}

13 так умирать, как может умирать русской породы человек PK_{1a}

13 „Не хватит .... натуры их“ *нет* PK_{1a}

22 в одно время [рукавом] PK_{1a}

23 много [Тарас] PK_{1a}

28 *Вместо* „его“: их $PK_{1б}$, PM_2, *П, Тр*

30 *Вместо* „выгремливая“: выгремляя [было] PK_{1a}; *П, Тр* — гремя

30 *Вместо* „трубы“: в трубы PK_{1a}

31 паны [на аргамаках] [на своих] PK_{1a}

32 „тесно“ PK_1, PM_2; *П, Тр* — быстро

33 *Вместо* „пищалями“: в пищали PK_{1a}

35 „они“ *нет* PK_{1a}

Стр. 135

1 „не перерывая“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — не прерывая
2 „они“ $РК_{1б}$; $РК_{1а}$, $РМ_2$, *П*, *Тр* — *нет*
5 заряжали пищали $РК_{1а}$
6 *Вместо* „неприятеля, не могшего“: неприятелей, не могших $РК_{1а}$
7 не видно было [то другого, то третьего] $РК_1$
11 чтобы [удалиться немного] $РК_1$
12 „от дыма“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — от дыму
17 при всех [что не худо бы завести и в других землях такую] $РК_{1а}$
19 дал совет [тут же поворотить] $РК_{1а}$
21 „загуливши“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — загудевши
22–23 *Вместо* „площадей и улиц“: улиц и площадей $РК_{1а}$
23 „крайних“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — ближних
23 „нацелившие“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — целившие
30 *Вместо* „жарили и сыпали“: сыпали и жарили $РК_{1а}$
31 козаки. [Видел Тарас] $РК_{1а}$
32 „Незамайновскому“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — Незамайковскому
33 *Вместо* „вскрикнул зычно“: закричал [звонко] зычно $РК_{1а}$
34 „скорей“ *нет* $РК_{1а}$
34 *Вместо* „всякий на коня“: скорее на коней $РК_{1а}$
35 *Вместо* „не поспели бы .... козаки“: не поспели козаки и не спаслись бы [ни один] из-под ядер и картечи $РК_{1а}$

Стр. 136

1 Остап [всё выглядевши сбоку] $РК_{1а}$
1 не ударил [середи<ну>] $РК_{1а}$
1 середину [Выбирали] $РК_{1а}$
3 взял [фитиль] $РК_{1а}$

4 *Вместо* „из величайшей“: из огромной PK_{1a}

5 *Вместо* „никто .... не видывал“: не видали PK_{1a}

8 четырекратно [дрогнула земля. Не по одному козаку заплачет мать. Ну, много кому-то горя] PK_{1a}

9 *Вместо* „взрыдает .... перси“: заплачет, ударяя себя в дряхлые перси, старая мать. PK_{1a}

11 *Вместо* „в Глухове, Немирове“: в Немирове, Глухове PK_{1a}

11 *Вместо* „и других“: и в других PK_{1a}

12–14 *Вместо* „Будет .... милейшего всех“: на вечное жданье, выбегая всякий день на базар и[1] тщетно распознавая[2] всех молодых путников в очи, нет ли между одними одного. Не будет между ними одного.[3] PK_{1a}

14 „между их“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — между них

17 и не бывало [всего] PK_{1a}

17 „Незамайновского“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — Незамайковского

18 *Вместо* „Как“: Так, как PK_{1a}

18 ниву, где [как] PK_{1a}

19 „красовался“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — красуется

21 *Вместо* „Как же .... все“: Как же схватились все козаки! PK_{1a}

23 его нет. [Двигнулись и налетели все разом][4] $PK_{1б}$

24 „незамайновцами“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — Незамайковцами

---

[1] [взгляд⟨ывая?⟩] PK_{1a} [2] [всех путников] PK_{1a} [3] *На полях:* „Будет, сердечная, всякий день выбегать на базар, хватаясь за всех прохожих, распознавая ⟨*1нрэб.*⟩ в очи, нет ли между ⟨*пропуск в рукописи*⟩. Много перейдет всякого войска и вечно не будет между ними одного милейшего PK_{1a}. [4] [Налетели] PK_{1a}

Стр. 135

24 „середину“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — средину
25 „с коней“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — с коня
26 доставши [тут же] $РК_1$
27 „отбил“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — отбивает
31 „незамайновцы“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — Незамайковцы[1]
32 *Вместо* „поворотились“: поворотили *Тр*
34 а у [самых возов] $РК_1$

Стр. 137

3 украшен и [три сотни] $РК_1$
14 „выносили“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — вынесли
14 невольники [только бы] $РК_1$
15 Не вытерпел [только] $РК_1$
16 атаман [Закрутыгуба] $РК_1$
21 „угнетителям“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — угнетателям
22 „чем .... нехристом“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — *нет*
24 „жестокие“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — жесткие
29 „кайданы“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — кандалы
31 козаки [тогда] $РК_1$
34 „мудрейшему“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — и мудрейшему

Стр. 138

1 „он“ *нет* *П*, *Тр*
4 „к столпу“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — к столбу
10 „так то“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — там то
20 21 „достал было“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — достал бы
23 „почул“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — почуял
24 „обратившись“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — оборотившись

---

[1] [козаки] $РК_{1а}$

Стр. 139

6 „незамайновцами“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — Незамайковцами
7 „в середину“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$, *П*, *Тр* — в средину
11 „ему навпереймы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — за ним в погоню
12 „всю“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
12 улучивши [минуту] *РК*$_1$
13 с одного [размаху] *РК*$_1$
14 полковник [силясь разорвать] *РК*$_1$
15 разорвать ее [его] *РК*$_1$
16 живот [пагубную] *РК*$_1$
18 увидели [что] *РК*$_1$
20 все враги [и вечные веки [проц<ветает>] ликует] *РК*$_1$
21 „выпустил“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — испустил
22 а уж там [сбоку] *РК*$_1$
24 врага [Закр<утыгуба>] *РК*$_1$
25 „бьется“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — бьет
30 „еще козаки“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — уже козаки
35 сказал [Теперь не жаль] *РК*$_1$

Стр. 140

2 „Бовдюгова“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — Бовдюкова
4 и еще лучше [что] *РК*$_1$
4 умирать [за] *РК*$_1$
5 *Перед* „Балабан“: [И Балабан] *РК*$_1$
6 атаман [также] *РК*$_1$
6 „после него“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — после того
7 также [за<мертво>] *РК*$_1$
8 от тяжелого [меча] *РК*$_1$
10 но [славнейший] *РК*$_1$
13 „на поворотном“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — на обратном

Стр. 140

15 и перевернулась, [Многие попадали в воду, но и хоть в дырах, остались челны и] $РК_1$

16 „в воду“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — в воде

16 спасли [их] $РК_{1а}$

17 от потопления [Отплыли того же часу] $РК_{1а}$

20 „латая“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — чиня

22 прибыли [они] $РК_{1а}$

23 ризу [в Киевский] $РК_{1а}$

27 почуяв [передсмертные] $РК_{1а}$

28 умираю [я] $РК_{1а}$

29 копьем [достал] $РК_1$

34 „Незамайновского“ $РК_1$; $РМ_2$, *П*, $Тр_1$ — Незамайковского

Стр. 141

2 уже успело [углубиться ему] $РК_{1а}$

4 „подхватившим его козакам“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — подхвативших его козаков

6 вину [молодая <кровь>] $РК_{1а}$

6 „склянном“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — стеклянном

7—8 „подскользнулись .... разлилось“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — и поскользнувшись тут же у входа, разбили дорогую сулею: разлилось

8 на землю [дорогое] $РК_1$

10 „в жизни“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — жизни

11 встретиться с [лучшим] $РК_{1а}$

16 „лучшие“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — лучше

20 скажет [меня] $РК_{1а}$

22 церковь“. [Все опечалились] $РК_{1а}$

24 „уже“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — *нет*

24 но [держались] $РК_{1а}$

27—28 *Вместо* „не погнулись“: [не гнуться] не погнулись $РК_1$; $РМ_2$, *П*, *Тр* — не гнулись

32 „не потерпели“ $РК_1$, $РМ_2$; *П*, *Тр* — не понесли

Стр. 142

4 о землю [из<рубленный>] PK_{1a}
6 вырвавшись [с своими] PK_{1a}
7 „напору“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — напора
8 „убиты PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — вбиты
8 убиты [колья] PK_{1a}
11 пуля [принялись палить] PK_{1a}
13 козаки. [Чуть не по десятку убитых досталось на каждого] PK_{1a}
14 голоса [удар<или?>] PK_{1a}
17 „стены“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — ворота
20 „Впереди перед другими“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Впереди других
21 „бойчее“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — бойче
21 черные [его] PK_{1a}
27 „молодший“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — младший

Стр. 143

9 на перерез [гусарскому п<олку?>] PK_{1a}
9—10 сбили их [оторвали и отделивши] PK_{1a}
11 „плашмя“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — палашем
16 „всего только“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — только всего
16—17 „успело поспевать“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — поспевало
19 не настигнул [одного] PK_{1a}
19 как вдруг [ухватил кто-то сильной рукой] PK_{1a}
22 бледен [ка<к>] PK_{1a}
23 *Вместо* „Так“: Так [неосторожный] PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — как
23 „задравши“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — задравший
25 „из лавки“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — с лавки
29 ярость [В миг пропал у Андрия весь гнев его, и видит он перед собою одного только грозного учителя] [То] PK_{1a}

Стр. 143

20 „ему“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — тому
20 пропал [весь] [как не бывал весь] PK_{1a}
32 сказал [ему] PK_{1a}
33 *Вместо* „не умел“: не знал [отвеча<ть>] PK_{1a}, [не знал] не умел PM_2; *П*, *Тр* — не мог
34 и стоял [как] PK_{1a}
34 „утупивши“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — потупивши

Стр. 144

6 и убью [отступил Тарас шаг назад и] PK_1
8 видно было, как [шевелились тихо] PK_1
12 серпом [или] PK_1
15 слова. [„Батько, что ты сделал? Это ты убил его?“ сказал подъехавший в это время Остап. „Я, сынку“, сказал Тарас, кивнувши головою. Оста<п>] PK_1
16 Остановился [Тарас] PK_1
16 долго на [труп сына] PK_1
19 очарованья [еще] PK_1
21 „Чем .... был?“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Чем бы не козак?“
27 „Я .... кивнувши“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — Тарас кивнул
27 головою [Останозился Остап и поглядел ему] PK_1
34 „поругались“ PK_1: PM_2, *П*, *Тр* — наругались
34 думал [Тарас] PK_1

Стр. 145

1 „уважить“ PK_1, PM_2: *П*, *Тр* — уважать
2 Как видит [летит] PK_1
3 атаман [получили подмогу] PK_1
7 „батьку“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — батько
8 Невылычкий, [убит и] PK_1

Стр. 145

8 Задорожний, убит [и] PK_1
9 козаки [и] PK_1
10 взглянул [добре ли умеют умирать] PK_1
12 козаков [взглянуть на то, добре ли <умеют> умирать козаки, и чтобы не умерли козаки, не взглянувши] PK_1
12 „поглядеть“ PK, PM_2; *П*, *Тр* — наглядеться
13 атамана. [Но только что хотели они выехать] [Но только успели] PK_1
14 из лесу [как уже вражеская сила] PK_1
15 и [везде] PK_1
15 „меж деревьями“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — между деревьями
17 кричал <1 *нрзб.*> PK_1
23 „вздыбился“ PK_1; PM_2, *П*, *Тр* — вздыбил

Стр. 146

2 „сучья .... очи“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — *нет*
6 стараясь [гля<?>] [разглядеть] PK_1
6 „окружавшие“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — окружающие
8 „пред ним“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — перед ним
10 казалось [прислушивавшись] PK_1
12 пальцем и [давал] PK_1
16 Молчи [почти прикрикнул] PK_1
16 на него [Товкач] PK_1
16 „чего“ PK_1, *П*, *Тр*; PM_2 что
19 несешь и [всякую] PK_1
20 „покойно“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — спокойно
21 „беду“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — беды
22 старался [всё хотел] PK_1
23 схватили [было] PK_1
26 „закричал“ PK_1, PM_2; *П*, *Тр* — вскричал

Стр. 146

27 Товкач [сурово] [как вы<веденная из терпения нянька?>] $РК_1$

29 как [ты] $РК_1$

Стр. 147

1 которые [не выдали тебя] $РК_1$

5 „вскрикнул“ $РК$; $РМ_2$, $П$, $Тр$ — вскричал

7 уже [у <ляхов?>] $РК_1$

8 сдернул он [с себя] $РК_1$

12 товарищ [его] $РК_1$

16–17 „присвиснувши“ $РК_1$; $П$, $Тр$ — прикрепивши

18 „Хоть“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — Хотя

19 „уродою“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — породою

20 „бросали его“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — бросали бы

21 „[высмактывать] высмыкать“ $РК_1$; $РМ_2$ — высмыкать; $П$, $Тр$ — выклевывать

21 „лоба“[1] $РК_1$; $РМ_2$, $П$, $Тр$ — лба

25 „без отдыху“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — без отдыха

27–28 травами и [всякими снадобьями] $РК_1$

28 „достал“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — нашел

29 поила его [всякими] $РК_1$

30 „Лекарства“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — Лекарство

30 своя [собственная] $РК_1$

Стр. 148

1 никогда [*потом*] $РК_1$

1 не сходили с [чела] $РК_1$

3 дело [и козачество все положили головы] $РК_1$

6 „изгибли“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — сгибли

6 „положив на самом бою“ $РК_1$, $РМ_2$; $П$, $Тр$ — положил в самом бою

---

[1] *Перед* „лоба“: [черепа] $РК_1$

Стр. 148

10 „давно“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — *нет*
19 и на [сам<ом?>] *РК*$_1$
19 лице его [прорывалась часто] *РК*$_1$

Стр. 149

9 и всё [говорил] *РК*$_1$
16 очутился [Тарас во гра<де>] *РК*$_1$
18 у седла [и] *РК*$_1$
18 с саламатой [запалом пороху] *РК*$_1$
19 путами и [всяким другим] *РК*$_1$
20 „подъехал, *РК*$_1$ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — поехал
20 „домишке“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — домишку
20 у которого [труб<а>] *РК*$_1$
21 „окошка“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — окошки
26 сказал [Тарас] *РК*$_1$
27 привязывая [его] *РК*$_1$
32 и пожелав [пить на здоровье] *РК*$_1$
34 „напои“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — напой

Стр. 150

5 „в той стране“ *РК*$_1$; *РМ*$_2$ — в этой стране; *П*, *Тр* — в той стороне
8 „после пожару“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — после пожара

Стр. 151

22 „прятай, прятай“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — прячь, прячь

Стр. 153

17 „домы“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — дома
20–21 „ощекатуренный“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — оштукатуренный

Стр. 155

11 „окошечко“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — окошко

Стр. 156

1 „да бог“ *РК*$_1$, *РМ*$_2$; *П*, *Тр* - *нет*

Стр. 157

16 „припасти“ *М*, *П*, *Тр*; *РМ*$_2$ — принести

Стр. 158

25 „гайдуков“ *РЛ*$_1$; *РМ*$_2$, *М*, *П*, *Тр* — *нет*

Стр. 159

31 „шнуречки“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — шнурочки

Стр. 160

27 „растворил“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — раскрыл

Стр. 161

15 „ноги.... скорее“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — скорее ноги, говорю я вам!

Стр. 162

12 „довольное время“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — довольно времени

Стр. 163

10 „в усах“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — с усами

Стр. 164

16 „волоса“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — волосы
25 „ничто“ *П*, *Тр*; *РМ*$_2$ — ничего
30 „стону“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — стона

Стр. 165

1 „и одобрительно“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — одобрительно
11 „воскликнул“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — выкликнул

Стр. 165

12 *Вместо* „Слышишь ли?“: Чуешь ли *РМ₂*

13 *Вместо* „Слышу“: Чую *РМ₂*

16 „они“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — всадники

25 „своих унижение“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — унижение своих правов

Стр. 166

16 „тянулись“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — потянулись

Стр. 167

1 „на них“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — на нем

Стр. 168

3 „врознь“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — *нет*

8 „подымался“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — поднялся

21 „постеле“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — постели

22 *Вместо* „хотите“: хочете *РМ₂*

28 „надвинул“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — надвинув

Стр. 169

21 „огнистого“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — огненного

23 „степовая“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — степная

Стр. 170

8 „прилеглых“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — прилежащих

9 „дни“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — дня

23 „Мало“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — Чуть

28 „нагое“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — голое

30 „прибили“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — прибивши

Стр. 171

16–17 „не куды“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — не куда

21 „не достали до реки“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — не попали в реку

23 „крика“ *РМ₂*; *П*, *Тр* — крику

14 „муки....сила“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — и муки, и сила такая

15 силу [Нет, чорт побери всех прислужников чорта! не найдутся такие огни, муки и такая сила!] *РМ*$_2$

21 „живо“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — быстро

22 „минали“ *РМ*$_2$; *П*, *Тр* — миновали

ВИЙ

Стр. 177

1 „в Киеве“ *нет* $РЛ_1$

2 *Вместо* „семинарский .... монастыря“: колокол близ Братского монастыря $РЛ_1$

3 *Вместо* „со всего .... тенором“: по всему Киеву спешили школьники, бурсаки, граматики, риторы, философы и богословы. Все они спешили в семинарию в класс. — Граматики все были еще очень малы, все почти в изодранных или запачканных платьях. Риторы имели платья целые, но за то у них или глаз один уходил под лоб, или на лбу[1] была шишка, или вместо губы целый пузырь или какое-нибудь[1] украшение в роде риторического тропа на лице. $РЛ_1$

9 „были“ *М*; *П* — они были

11 „воробьенками“ — *М*; *П* — воробышками

20 *Вместо* „в карманах .... воздух“: причем слышался сильный запах трубки и водки, так что попадавшийся ремесленник остановившись долго еще нюхал воздух, как гончая собака. $РЛ_1$

---

[1] прибавление на лице

Стр. 178

1 „еще“ *нет П*

4 „и маковниками“ *нет* $РЛ_1$

5 *Вместо* „полы были“: были полы $РЛ_1$

6—12 *Вместо* „Паничи .... нечистые“: „Паничи, паничи, сюда, школяры, школяры, сюда, вот горяченькие ⟨*1 нрзб.*⟩ пальчики, вертычки.“ „Не покупайте у ней, она ведьма. Ей-богу! такая скверная пьяница. Вот, вот хорошие, паничи, паничи.“

10 11 „сусулька .... сусульку“ — *М;* *П* — сосулька .... сосульку.

13 *Вместо* „Но .... и богословов“: философов $РЛ_1$

14 „и богословы“ *нет* $РЛ_1$.

14 всегда [забирали] $РЛ_1$.

16 17 *Вместо* „по классам .... просторных“: в классах, помещавшихся в [темных] низеньких $РЛ_1$.

19—20 *Вместо* „Класс .... авдиторы“: В это время подымался большой шум. ⟨*2 нрзб.*⟩ Авдиторы каждый $РЛ_1$.

21 грамматика [дребезжал так пронзительно и так] $РЛ_1$.

21 *Вместо* „как раз в звон“: в тон ⟨*1 нрзб.*⟩ $РЛ_1$

22 стекло [издавало] $РЛ_1$

23 *Вместо* „в углу“: в самом углу $РЛ_1$

23 „рост“ $РЛ$; *М, П* — рот

25 *Вместо* „и только .... издали“: и от него слышалось только $РЛ_1$

26 *Вместо* „слушая урок, смотрели“: выслушивая урок, глядели $РЛ_1$

27 подчиненного ему $РЛ_1$

28 *Вместо* „или вареник или семена“: и семена $РЛ_1$

28—29 *Вместо* „вся эта .... успевала“: все эти пестрые слушатели успевали $РЛ_1$

30 „профессора $РЛ_1$, *М*; *П* — профессоры

Стр. 178

30–31 *Вместо* „тогда .... замышляли“: тогда [заводили] замышляли всеобщий $РЛ_1$

32 „цензора“ $РЛ_1$, *М*; *П* — цензоры

34 *Вместо* „происходить битве“: происходит битва $РЛ_1$

Стр. 179

3 „вмешивалась риторика“ — $РЛ_1$; *М* — вмешивались риторики; *П* — вмешивались риторы

5 *Вместо* „вступала“: входила $РЛ_1$

6 „богословия“ $РЛ_1$, *М*; *П* — богословие

7 „богословия побивала“ $РЛ_1$ *М*; *П* — богословие побивало

8 *Вместо* „была теснима“: теснилась $РЛ_1$

10 *Вместо* „и участвовавший когда-то сам“: который сам когда-то ⟨во⟩ время юности участвовал $РЛ_1$

12 *Вместо* „недурен“: славный $РЛ_1$

16 „богословии“ $РЛ_1$ *М*; *П* — богословия

17 *Вместо* „отсыпалось по мерке“: всыпалось $РЛ_1$

23 *Вместо* „представлявший“: который большею частию [играл] представлял $РЛ_1$

25 *Вместо* „проса“: просу $РЛ_1$

26 33 „Весь этот .... достаточны“ *нет* $РЛ_1$

30 за „вечерею“ *М*; *П* — за ужином

33 *Вместо* „Тогда сенат .... на плечах“: Часто по определению сената, который составляли философы и богословы, часть грамматиков, риторов и философов отправлялась с мешками $РЛ_1$

Стр. 180

2 И тогда $РЛ_1$

4 *Вместо* „слышали .... два урока“: их слышали два ворчанья $РЛ_1$

12 14 *Вместо* „Кто не имел .... *на кондиции*“: Кто имел приют, тот брел в родительский дом свой,

Стр. 180

другие же, особенно неимущие философы и богословы, отправлялись на кондиции *РЛ*

17—18 *Вместо* „варила .... в поле“: и мало по малу уменьшалась [по мере того, как шла далее] $РЛ_1$

19 пара чистых $РЛ_1$

23 „по колени“ $РЛ_1$, *М*; *П* — по колена

23—24 *Вместо* „бесстрашно .... лужи“: брели с философическим равнодушием, потягивая свою люльку.— Эта вся ватага не имела совершенно никаких запасов для своего пропитания, но зато ⟨*1 нрзб.*⟩ пустые мешки $РЛ_1$

24 *Вместо* „хутор“: деревню $РЛ_1$

26—27 *Вместо* „становились .... начинали“: [обступали] строились перед окнами все в ряд и начинали $РЛ_1$

27—28 *Вместо* „Хозяин .... козак-поселянин“: Мужик $РЛ_1$

31 им кусок $РЛ_1$

34 а иногда и [живая] $РЛ_1$

34 „помещались“ *М*; *П* — помещалась; $РЛ_1$ — помещалось всё.

Стр. 181

2 *Вместо* „тем более“: тем заметнее $РЛ_1$

7 *Вместо* „в первом попавшемся хуторе“: в первой попавшейся деревне $РЛ_1$

12 *Вместо* „В другом случае“: Вообще $РЛ_1$

15 „его сыскать“ *М*; *П* — сыскать его; $РЛ_1$ — его найти.

21 горелки .... люльки — *М*; *П* — горелку .... люльку; $РЛ_1$ — горелку [1] .... люльки.

---

[1] *Сверху написано*: вино

„Вий“ (начало).

опись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), л. 33, (уменьшено).

Стр. 181

27 *Вместо* „депутата“: посланника *РЛ*$_1$

35 „перемежевывали“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — перемежали

Стр. 182

9 *Вместо* „в рот“: в зубы *РЛ*$_1$

11 „чортового“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — чортова

12 *Вместо* „попадется“: покажется *РЛ*$_1$

33 „полпудовую“ *РЛ*, *М*; *П* — полупудовую.

34–35 *Вместо* „и чувствовал .... одиночество“: и потому чувствовал, что в желудке и пусто и прескверно *РЛ*$_1$

Стр. 183

4 „так, как собаке“ *РЛ*$_1$; *М* — так, как собака; *П* — как собака

7 „в сторону“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — на сторону.

8 *Вместо* „нечего“: неприятно *РЛ*$_1$

16 „торчало“ *М*; *П* — торчал, *РЛ*$_1$ — торчали

17–18 „поверхность двора уставленною“ *М*; *П* — двор, установленный; *РЛ*$_1$ — Когда бурсаки взглянули в сквозные дощатые ворота на двор [он] увидел всю поверхность его заставленной

27 *Вместо* „в голодном брюхе“: в болоте *РЛ*$_1$

Стр. 184

3 *Вместо* „Умилосердись“: Сжалься *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „отсохнут“: усохнут *РЛ*$_1$

10 „ибо“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — а то.

12–13 *Вместо* „На то .... бурсаки“: „То уже будет твоя воля“, сказал философ. *РЛ*$_1$

14 „на двор“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — во двор

25 *Вместо* „принес“: выпустил *РЛ*$_1$

32 *Вместо* „совершенно“: вовсе *РЛ*$_1$

34 *Вместо* „не имея намерения“: не пропуская *РЛ*$_1$

Стр. 185

4 *Вместо* „съел“: уплел *РЛ*$_1$

15 *Вместо* „и за тысячу золотых“: ни за миллион [рублей] <*1 нрзб.*> *РЛ*$_1$

21 „хватала“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — схватила

Стр. 186

2 *Вместо* „быстрее черкесского бегуна“: не хуже черкесского скакуна *РЛ*$_1$

5 „сам в себе“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — сам себе

7 покрывало [эфирно лежало] *РЛ*$_1$

11 *Вместо* „влажно-теплое“: влажное и проникающее *РЛ*$_1$

11—12 *Вместо* „от дерев .... равнину“: как кометы острыми клинами падали от кустов и деревьев *РЛ*$_1$

14 *Вместо* „Он .... томительное“: Он чувствовал что томительное [и вме<сте>] *РЛ*$_1$

15 „неприятное“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — непонятное

15—16 *Вместо* „подступавшее к его сердцу“: подступало к сердцу его *РЛ*$_1$

17—18 *Вместо* „трава .... глубоко“: трава под ним была очень глубоко *РЛ*$_1$

18 прозрачная, как [светлый] *РЛ*$_1$

20 „до самой глубины“ *нет РЛ*$_1$

24 *Вместо* „наклоняя“: наклонив *РЛ*$_1$

25—26 *Вместо* „из-за осоки .... трепета“: из осоки выходила русалка и мелькала спина и роскошно выпуклая нога, вся созданная из трепета и блеска, уносила за собою глаза его *РЛ*$_1$

28—29 *Вместо* „с пеньем .... на поверхности“: издававшими, кажется, звуки <*2 нрзб.*> вот ее лицо уже к нему, уже на поверхности *РЛ*$_1$

28 „с пеньем вторгавшимися“ *М*; *П* — с пеньем, вторгавшимся

Стр. 186

30 *Вместо* „удалялось“: отдалилось, отдалилось, отдалилось $РЛ_1$

31 на спину и [плывет холодная, мелким бисером убора обсыпает его всего, наконец] $РЛ_1$

32–33 *Вместо* „пред солнцем .... окружности“: на своей белой эластически нежной окружности пред солнцем $РЛ_1$

34 „обсыпала“ $РЛ_1$, *М*; *П* — осыпала; $РЛ_1$ — обсыпает как бисером

Стр. 187

1 *Вместо* „Но там .... музыка: звенит“: Но что это? ветер ли это, музыка ли это звенит $РЛ_1$

3 подступает [к самому сердцу] $РЛ_1$

3 *Вместо* „в душу“: в сердце $РЛ_1$

7 *Вместо* „бесовски-сладкое .... рукою“: сладкое, бесовски сладкое чувство наслаждения, ужасное наслаждение томило его, ему даже представилось, как будто нет у него сердца и он схватил за него рукою. $РЛ_1$

10–11 „Изнеможенный, растерянный“ *нет* $РЛ_1$

13–14 *Вместо* „какое-то .... становиться“: какую-то свежесть, чувствовал, что как-то шаг его стал $РЛ_1$

15–16 *Вместо* „касалась .... необыкновенного“: касается к нему, моря нет. $РЛ_1$

18 *Вместо* „Хорошо же!“: Эка! $РЛ_1$

21 на спину. Он чувствовал как будто земля стала бежать $РЛ_1$

22 „что всадник .... под ним“ *нет* $РЛ_1$

24 „хотя и неполном“ *нет* $РЛ_1$

24–26 „Долины .... глазах“ $М_а$, *П*; $М_б$ — *нет*

25 от быстроты казалось, что сосны стояли копьями в поле, как будто верхушки леса слоем отделялись[1] *РЛ*$_1$

27 „со всех сил“ *М*; *П* — изо всех сил; *РЛ*$_1$ — *нет*

27 „Дикие вопли .... непонятном происшествии“ *П*; *М*$_а$ — „После нескольких ударов заметил он,[2] что бег ее становился медленнее и медленнее. Философ сгоряча[3] крестил ее еще более.[4] Наконец ведьма была не в силах[5] переносить ударов, зашаталась и упала. Рассвет загорелся совершенно. Птицы[6] чиликали в еще неподвижных и спавших рощах орешника.[7] Перед ним, как на ладоне, был весь Киев с продолговатыми, как золотые груши,[8] главами. Вставши на ноги, он не хотел и взглянуть на лежавшую на земле и едва дышавшую ведьму; он сам не мог растолковать своего чувства: он чувствовал что-то похожее на жалость, но не захотел[9] и минуты оставаться и скорее направил путь свой в город, раздумывая об этом странном происшествии“;[10] *М*$_б$ — *кончая* „Вставши на ноги“, *так же*; *после этого*: он взглянул на лежавшую на земле и едва дышавшую ведьму — и сам не мог растолковать своего чувства: он видел, что в лице ее показались молодые черты, сверкнула снежная белизна и как будто бы

---

[1] *Место, недоработанное в рукописи.* [2] *Вместо* „заметил он“: он заметил *РЛ*$_1$ [3] [заметил] *РЛ*$_1$ [4] *Вместо* „крестил .... более“: почувствовал, что рука его слишком разгулялась, продолжал бить ее от души. *РЛ*$_1$ [5] *Вместо* „была не в силах“: не в силах была *РЛ*$_1$ [6] уже *РЛ*$_1$ [7] *вместо* „рощах орешника“: ореховых рощах *РЛ*$_1$ [8] *вместо* „с продолговатыми .... груши“: с золотыми грушеобразными *РЛ*$_1$ [9] *вместо* „Вставши .... не захотел“: Он заметил, вставши на ноги, как будто бы повергнувшаяся на землю ведьма была [уже] не старуха. Но он не хотел *РЛ*$_1$ [10] *РЛ*$_1$ — обдумывая о [своем] этом странном

Стр. 187

она была уже вовсе не старуха: какая-то приятная и вместе неприятная мина показалась на губах ее и врезалась ему в самое сердце. Он чувствовал что-то похожее на жалость, но не захотел и минуты оставаться и скорее направил путь свой в город, раздумывая об этом странном происшествии.

Стр. 188

14 можно есть [и пить и всё то делать] *РЛ*$_1$

14–15 „разъехавшаяся“ *М*$_а$, *П*; *М*$_б$ — *нет*; *РЛ*$_1$ — огромная

17–18 „во всех углах .... но нигде“ *РЛ*$_1$, *М*$_а$, *П*; *М*$_б$ — по углам.[1]

19 сала или окорока *РЛ*$_1$

19–20 „ни куска сала или по крайней мере старого книша“ *М*$_а$, *П*; *М*$_б$ — ни сала, ни книша.[2]

21 *Вместо* „Однако же .... сыскался“: Но философ однако же в скором времени нашел *РЛ*$_1$

22 „своему горю“ *М*; *П* — свое горе

22 *Вместо* „посвистывая раза три“: раза три посвистывая *РЛ*$_1$

23 *Вместо* „вдовою“: вдовушкой *РЛ*$_1$

23–25 „продававшею .... колеса“ *нет* *РЛ*$_1$

25 *Вместо* „и был .... нельзя“: и был накормлен того же дня немного позже отличными варениками, курицей и даже перечесть нельзя было *РЛ*$_1$

25 „того же дня“ — *РЛ*$_1$, *М*; *П* — в тот же день

28 „Того же самого вечера“ — *М*; *П* — В тот же самый вечер; *РЛ*$_1$ — Того же вечеру

29 *Вместо* „на лавке“: на боку *РЛ*$_1$

---

[1] *Сокращено Гоголем, чтобы пригнать к набору — см. комментарий* [2] *Сокращено по той же причине*

Стр. 188

30 *Вместо* „при всех“: даже $РЛ_1$

32 *Вместо* „на приходивших и уходивших“: на всех $РЛ_1$

Стр. 189

1 везде странные $РЛ_1$

3 *Вместо* „в пятидесяти“: в пяти $РЛ_1$

4—6 *Вместо* „имевшая .... желание“: влача ноги и находится [ныне] при смерти — и что изъявила желание перед смертным часом $РЛ_1$

8 семинаристов философов $РЛ_1$

9 *Вместо* „призывал его в свою комнату“: призвал его для этого в свою келью $РЛ_1$

14—16 „Темное .... не поедет“ *П*; *М* — Он как будто слышал какой-то тайный голос, его удерживавший, и объявил напрямик, что не поедет; $РЛ_1$ — Он слышал какое-то странное предчувствие, казалось его удерживавшее, и объявил напрямик, что он не поедет

17 „dominus“ $РЛ_1$, *М*; *П* — domine

21 еще [раз этак скажешь] $РЛ_1$

23 „больше не нужно“ $РЛ_1$, *М*; *П* — не нужно будет

25 *Вместо* „за ухом“; затылок $РЛ_1$

27 *Вместо* „сходил он“: сходя $РЛ_1$

28 *Вместо* „приводившей .... тополями“: ведшей на двор $РЛ_1$

29 *Вместо* „остановился услышавши“: он остановился на минуту и слышал $РЛ_1$

31 32 *Вместо* „от сотника“: от сотнику $РЛ_1$

33 крупу и за $РЛ_1$

Стр. 190

2 *Вместо* „у них“: у него $РЛ_1$

3 прислал бы, ибо $РЛ_1$

4 *Вместо* „Явтух“: Омельче! $РЛ_1$

Стр. 190

5 по чарке [водки] $РЛ_1$

7–8 пронюхал таки $РЛ_1$

9 *Вместо* „кибитку“: колоссальное подобие кибитки $РЛ_1$

12–13 *Вместо* „в каком жиды полсотнею“: в котором жиды целою полсотнею $РЛ_1$

14 *Вместо* „во все города“: по всем городам $РЛ_1$

14 *Вместо* „их нос“: нос их $РЛ_1$

16 *Вместо* „Свитки .... показывали“: в свитках довольно тонкого сукна с кистями, показывавшими $РЛ_1$

19 „на войне“: и в военных делах $РЛ_1$

20–21 *Вместо* „подумал про себя“: [подумал] сказал $РЛ$

25 *Вместо* „Так вот .... с вами“: Вот это мне приходится вместе с вами сидеть? $РЛ$

28 Да, [достаточный] $РЛ_1$

29–31 *Вместо* „сам-друг .... в шинке“: вместе с возницей $РЛ_1$

Стр. 191

2 *Вместо* „коней“: лошадей $РЛ_1$ [1]

4 *Вместо* „После .... почитал“: Но после этого он уже ничего не произносил, почитая $РЛ_1$

7 *Вместо* „хотелось“: желалось $РЛ_1$

7 *Вместо* „обстоятельнее“: обстоятельно $РЛ_1$

8–12 *Вместо* „что слышно .... в доме“: как у них и что делается в доме и что такое слышно о дочке, которая [нечаянно] таким образом скончалась. $РЛ_1$

12 с вопросами об этом $РЛ_1$

16 „с коротеньким приказанием“ *нет* $РЛ_1$

---

[1] *Написано сверху*

Стр. 191

22 „приближилась“ *РЛ*$_1$; *М*, *П* — приблизилась

22 *Вместо* „брика“: брыка *РЛ*$_1$

24—26 *Вместо* „Притом .... шинком“: и даже спавшие по какому-то инстинкту проснулись *РЛ*$_1$

27 *Вместо* „запачканную“: натопленную *РЛ*$_1$

29—30 *Вместо* „положивши .... отворотился“: положил на стол, немного отворотившись *РЛ*$_1$

31 „Все .... стола“ *нет* *РЛ*$_1$

34 *Вместо* „малороссияне .... лобызаниями“: малороссияне [когда подгуляют] обыкновенно подгулявши прежде всего начнут целовать или плакать, то скоро в избе только и слышно было восклицанья. *РЛ*$_1$

Стр. 192

5 о том, что [он остался сиротою и] *РЛ*$_1$

7 „утешал“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — утешал его

7—8 *Вместо* „не плачь .... такое“: Что ж тут плакать. Так уже бог дал .... Уже не можно переменить. Ей богу не плачь. *РЛ*$_1$

8 Один из них *РЛ*$_1$

9 *Вместо* „любопытен и, оборотившись“: любопытным и, обратившись *РЛ*$_1$

14 *Вместо* „Бог .... знает“: Так уже ему бог дал. [Уже того нельзя переменить] Пусть его, оставь его. *РЛ*$_1$

18 *Вместо* „этот почтенный наставник“: резонер *РЛ*$_1$

21 *Вместо* „Я хочу .... написано“: Нет, этого не говори. Я хочу узнать всё, что написано. *РЛ*$_1$

24—25 *Вместо* „говорил утешитель и спустил“: говорил резонер и опустил *РЛ*$_1$

25 *Вместо* „стол“: стул *РЛ*$_1$

Стр. 192

25 *Вместо* „совершенно .... долее“: ему казалось несколько тяжело держать ее $РЛ_1$

26 *Вместо* „Прочие козаки“: Другие $РЛ_1$

29 *Вместо* „Хома, увидя .... грустившему“: Хома Брут, воспользовавшись таким расположением голов, [напрямик] обратился сначала к седому козаку, тужившему $РЛ_1$

32 *Вместо* „Что ж“: Да что ж $РЛ_1$

32 „сказал он“ *нет* $РЛ_1$

Стр. 193

1 *Вместо* „утешитель“: резонер $РЛ_1$

4 *Вместо* „тот .... любопытство“: любопытный козак $РЛ_1$

5 *Вместо* „Не трогайте .... с ним“: Нет, я хочу $РЛ_1$

10 *Вместо* „он отыскал настоящую“: [можно было] ему отыскать, которая настоящая $РЛ_1$

12 *Вместо* „отправляться“: отправиться *П*

14 *Вместо* „Проколесивши“: Поколесивши [часть ночи] $РЛ_1$

16 „опустились“ $РЛ_1$, *М*; *П* — спустились

17 горы вместе с брикой [похожею на слона, в яр] $РЛ_1$

18 *Вместо* „или .... деревьями“: и плетень с низенькими вишнями $РЛ_1$

19–20 *Вместо* „было .... сотнику“: был сотников хутор $РЛ_1$

21 *Вместо* „небеса были темны“: Небо было совершенно темное [как мрак] $РЛ_1$

21–22 кое где. [Нигде] $РЛ_1$

22 „взъехали“ $РЛ_1$, *М*; *П* — въехали.

23 „на двор“ $РЛ_1$, *М*; *П* — во двор.

24 заметны длинные $РЛ_1$

Стр. 193

24—27 *Вместо* „и домики .... сотника“: и несколько [светлиц, выстроенных] больший домик, тоже под соломенною крышею. *РЛ*$_1$

29 „обсмотреть“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — осмотреть.

30 глаза [в глаза его лезло] *РЛ*$_1$

31 *Вместо* „означиться“: представиться *РЛ*$_1$

32 *Вместо* „Философ“: Он *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „в ночь умерла панночка“: Панночка умерла ночью. *РЛ*$_1$

Стр. 194

4 *Вместо* „те места .... ночью“: место, которого он не мог разглядеть вовсе вчера. [Двор сотника был очень велик] *РЛ*$_1$

7 острый и [глубокий] *РЛ*$_1$

8 „поднятый кверху“ *нет* *РЛ*$_1$

11 *Вместо* „снизу“: с нижней половины — *РЛ*$_1$

14 *Вместо* „инде“: иногда *РЛ*$_1$

15—16 *Вместо* „и трепещущими .... домом“: стояла перед самым домом *РЛ*$_1$

16—18 *Вместо* „в два .... к дому“: стояли в два ряда один против другого в дворе. *РЛ*$_1$

16 *Вместо* „амбаров“: анбаров *РЛ*$_1$

17 „стояли“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — стояло.

18 *Вместо* „амбарами“: анбарами *РЛ*$_1$

19 *Вместо* „напротив“: против *РЛ*$_1$

20 *Вместо* „Треугольная .... дверью“: Небольшая стенка, обращенная лицом к другому, была снабжена маленькими дверями, ведшими в подземные лабиринты *РЛ*$_1$

24 На другом были нарисованы *РЛ*$_1$; „фляжки“ *РЛ*$_1$; *М* — фляшка сулеи; *П* — фляжка, сулеи

25 стоявшая для красоты *РЛ*$_1$; *П* — стоящая

26 „Из чердака“ *М*; *П* — С чердака.

Стр. 194

26 потеха. — В анбаре[1] ближнем к дому боковая сторона крыши была вся открыта[2] и во внутренности видны были вместе с вином барабан и трубы. $РЛ_1$

28 У самых $РЛ_1$

29—30 *Вместо* „что хозяин .... клики“: что [этот двор] сотник любил повеселиться и что двор нередко оглашался пиршественными кликами. $РЛ_1$

32 *Вместо* „и сквозь .... темные“: и ⟨*2 нрзб.*⟩ видны были только черные $РЛ_1$

33 *Вместо* „в зеленой гуще“: в гуще [домиков] $РЛ_1$

35 стороны [к самому панскому] $РЛ_1$

Стр. 195

1 *Вместо* „двора“: дома

3 неправильные [листья] $РЛ_1$

4—5 *Вместо* „навевал какое-то уныние“: отдавался как-то уныло $РЛ_1$

7 *Вместо* „хаты; над одною“: избы; возле одной $РЛ_1$

8 широкая [лесная] $РЛ_1$

8 *Вместо* „у корня“: в корне $РЛ_1$

9 *Вместо* „с насыпною землей“: и насыпной землей, без которой она бы не удержалась. $РЛ_1$

10 *Вместо* „С вершины .... дорога“: Дорога с вершины вилась по горе $РЛ_1$

12 измерил глазами $РЛ_1$

12 вспомнил свое $РЛ_1$

13 вчерашнее [происшествие] $РЛ_1$

14 *Вместо* „умные .... слишком“: разумные лошади или у козаков очень $РЛ_1$

---

[1] [обращенном] [2] [На чердаке]

15 *Вместо* „когда и в хмельном чаду“: что и в хмелю $РЛ_1$

15 *Вместо* „не полететь.... багажом“: спуститься ⟨с⟩ такой выси не раздробив брики. $РЛ_1$

17 и когда он [глянул] $РЛ_1$

18 *Вместо* „в противоположную сторону“: назад $РЛ_1$

19 *Вместо* „с отлогостью“: с покатостью $РЛ_1$

21 *Вместо* „их“: лугов $РЛ_1$

21 темнела [в отдалении] $РЛ_1$

22–23 *Вместо* „хотя.... верст“: верст на двадцать расстояния $РЛ_1$

23 *Вместо* „С правой стороны“: С правого боку $РЛ$.

24–25 *Вместо* „чуть.... полосою“: широкою полосою вдали горел $РЛ_1$

26 *Вместо* „ловить.... прудах“: и рыбу ловить в ставках и в реке $РЛ_1$

28 *Вместо* „Впрочем“: Да $РЛ_1$

31 *Вместо* „водку“: горелку; вместо „водка“: горелка $РЛ_1$

32 *Вместо* „не мешает“: надо уже тоже $РЛ_1$

33 отсюда. Потому что[1] чорт с ней, [я не хочу] с этой ведьмою читать святых книг. — Я думаю она припомнит мне мое угощение.... $РЛ_1$; $М_а$ — ибо с этой ведьмой плохо связываться: она видно хочет припомнить мне за то, что я отломал ей бока.... $М_б$ — ибо я и сам не знаю отчего, только мне кажется, плохо будет здесь. Почему же именно я должен читать, а не другой?..

33 *Вместо* „приметил“: увидал $РЛ_1$

34 разросшимся в человеческий рост $РЛ_1$

---

[1] *Сверху написано:* у меня ⟨*2 нрзб.*⟩ книг

Стр. 195

35 *Вместо* „машинально на нее“: почти машинально $РЛ_1$

35 *Вместо* „наперед .... в светлице“: еще только попробовать, как вдруг услышал руку довольно крепкую на своем плече и вопрос: „Ты думаешь, пан философ, улепетнуть из нашего хутора? Тут не такое заведение, чтобы кто убежал. Нет, этого не водится тут. А ступай лучше к пану сотнику, который ожидает тебя в светлице.“ $РЛ_1$

Стр. 196

1 „промеж хат“ *М*; *П* — промеж хатами

12 „Что ж“ — *нет* $РЛ_1$

13 *Вместо* „за козаком“: за старым козаком. Это был тот самый козак, который соболезновал о смерти отца и матери и о своем одиночестве. $РЛ_1$

15 *Вместо* „перед столом“: возле стола $РЛ_1$

16—20 „Ему было .... навеки“ *нет* $РЛ_1$

20—21 *Вместо* „взошел .... отнял“: вошли Хома с старым козаком, он принял $РЛ_1$

21—22 *Вместо* „головою .... поклон“: на низкий поклон пришедших $РЛ_1$

24 *Вместо* „откудова .... человек“: откуда ты? Что ты за человек добрый? $РЛ_1$

25 *Вместо* „ни ласково, ни сурово“: ни [слишком] ласково ни [слишком] сурово $РЛ_1$

26 Из бурсаков [пане сотнику] $РЛ_1$

27 *Вместо* „отец“: батько $РЛ_1$

28 „вельможный“ *нет* $РЛ_1$

33 *Вместо* „помолчал .... оставался“: минуту остался $РЛ_1$

4—35 *Вместо* „Отчего же она .... с меня нет“: „Отчего ж она не кому другому, а именно тебе назначила читать по себе?“ — Философ пожал плечами. — „На то паны. Известное уже дело, что панам[1] захочется такое, что и самый[2] грамотный человек не разберет. И пословица говорит: „Скачи, враже, як пан каже.“ — „Да не врешь ли ты, пан философ?“ — „Вот на этом самом месте пусть так громом и хлопнет, если лгу!“ — „Минутку бы долее прожила“, отвечал грустно сотник: „то верно бы мне рассказала всё.[3] — „Никому не давай ⟨*1 нрзб.*⟩ читать, пошли, тату, сей же час в киевскую семинарию и привези бурсака Хому Брута. Пусть три дни и три ночи читает по[4] грешной душе моей. Он знает меня, пусть вспомнит только в овечьем“ .... а что такое „в овечьем“, я не услышал. Она, голубка моя, только и могла сказать и умерла.“ Избыток горести заставил сотника минуту остановиться. „Ты должен знать“, сказал он, немного отдохнув: „что значит в овечьем.“ — „Бог его знает, пан сотник, что такое значит это. У меня есть овчинный тулуп. Может быть, ⟨потому⟩ она сказала это. Может быть, как-нибудь видела, что я шел в нем на базар или куда в другое место.“ — „Ну, как бы то ни было, ты должен с сего дня начать свое дело: три дни и три ночи читать над нею.“ — „Я бы сказал на это пану[5] оно, конечно .... Только сюда приличнее бы требовалось дьякона или, по крайней мере, дьяка. То уже народ толковый и знают, как, а я никогда не читал, да и нет на все голоса никакого. *РЛ*$_1$

---

[1] иной раз [2] письменный [3] как только умру, тату [4] мне [5] какой уж чтец я?

Стр. 197

19–26 *Вместо* „Ты .... четверга“: „Что ж, ты, верно, известен святостью своей жизни и богоугодными делами?“ „Какой!“ сказал философ, ударившись от изумления затылком в двери. „Я святого поведения?“ при этом он посмотрел сотнику прямо в глаза: „Бог с вами, пан, что вы это говорите. Да я[1] в самый пост ходил два раза к булочнице.“ *РЛ*$_1$

32 „дьяка“ *М*; *П* — дьячка

Стр. 198

1 „Уж“ *нет* *РЛ*$_1$

1 *Вместо* „я всё .... исполню“: что завещала моя голубочка, моя дочь, я то исполню *РЛ*$_1$

2 *Вместо* „И когда .... тебя“: И как ты три дня и три ночи совершишь над нею молитвы как следует, то награжу. *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „произнесены были сотником“: произнес сотник *РЛ*$_1$

7 *Вместо* „понял вполне их“: ясно понял *РЛ*$_1$

8 „сказал он“ *М*; *П* — сказал сотник.

10 *Вместо* „насупротив первой“: напротив той *РЛ*$_1$

14–17 *Вместо* „умершей .... мутный“: умершей[2], покрытое алым бархатом, золотые кисти и бахрома висели до самого пола, высокие восковые свечи,[3] изубранные калиной в ногах и головах, изливали мутный *РЛ*$_1$

17–18 *Вместо* „Лицо .... неутешным“: Он не мог видеть лица умершей, оно было[4] заслонено[5] неутешным *РЛ*$_1$

19 „обращенный“ *РЛ*, *М*; *П* — обратясь

---

[1] на третьей неделе поста [2] высокие восковые свечи в ногах и головах [3] торчали [4] заслоненным [5] несчастным

Стр. 198

21 *Вместо* „Я не о том жалею“: И не о том жалею я $РЛ_1$

22 в е к а, не узнавши, что такое жизнь $РЛ_1$

22 н а великую $РЛ_1$

23 *Вместо* „Я о том жалею“: О том я жалею $РЛ_1$

25—27 *Вместо* „мог .... то“: только мог оскорбить тебя одним словом или хоть бы только сказать что-нибудь неприятное [тебе] то [вот] $РЛ_1$

28 „если только“ $М_а$, $П$; $М_б$ — если

29 *Вместо* „еще на поре .... выброшено“: уже больше своего века и белое тело его кинуто было $РЛ_1$

32 п р о ж и в у я [весь век] $РЛ_1$

32 б е з [радости] $РЛ_1$

33 п о л о ю моего кафтана $РЛ_1$

34—35 *Вместо* „втайне посмеваться“: [втайне] посмеваться втайне $РЛ_1$

35 *Вместо* „остановился, и“: о с т а н о в и л с я и заметно было, что $РЛ_1$

Стр. 199

2 ц е л ы м жарким $РЛ_1$

2 „потопом“ $М$; $П$ — потоком

3 *Вместо* „Философ .... печалью“: „Да“, подумал про себя философ, несколько однако же тронутый такою безутешной печалью: „Да, хорошо, что я [не р<ассказал>] заперся и не сказал ничего о происшествии с ведьмою $РЛ$; $М_а$ — *кончая* „заперся“ *так же*; *после этого*: „и ничего не сказал о том, что было с ведьмою“; $М_б$ — Философ остановился, несколько тронутый такою безутешною печалью.

3—4 *Вместо* „Он закашлял“: после этого он два <раза> закашлял $РЛ_1$; $М_а$ — после этого он закашлял

Стр. 199

4 „им“ *нет* M_6

7 *Вместо* „на котором“: где $PЛ_1$

10 *Вместо* „Он“: Философ Хома $PЛ_1$

10 „еще раз откашлявшись“ — $PЛ_1$, $M_а$, $П$; $M_б$ — *нет*.

11 „не обращая .... умершей“ $PЛ_1$, $M_а$, $П$; $M_б$ — *нет*

11 на сторону и [даже] $PЛ_1$

12 *Вместо* „в лицо“: в глаза $PЛ_1$

12–13 воцарилась. [голос] Однообразный голос [один] ‹*2 нрзб.*› только [раздавался] ‹*1 нрзб.*› $PЛ_1$

15 Трепет [и холод] $PЛ_1$

15 жилам. [Он увидел] $PЛ_1$

15 лежала [но [слово] никакие слова не расскажут, что лежало перед ним. Если сказать красавица — это будет мало.] [Пред ‹ним› лежала красавица. Нет, не красавица — это было больше всякой красоты] $PЛ_1$

17 „резкой и вместе“ *нет* $PЛ_1$

20 тонкие и $PЛ_1$

20–21 *Вместо* „горделиво“: как будто в раздумьи $PЛ_1$

22 на щеки, казалось M

23 *Вместо* „уста .... усмехнуться“: и уста, как светлые рубины, готовы были усмехнуться смехом блаженства, потопом радости [веющей около сердца] $PЛ_1$; а уста — светлые рубины, готовые усмехнуться смехом блаженства, потопом радости M

23 *Вместо* „Но в них .... чертах“: Он приник и глядел на нее, но вместе с этим в этих чертах $PЛ_1$

24 что-то такое $PЛ_1$

26 *Вместо* „ныть“: мучиться [по мере того, как он глядел на нее пристальнее] $PЛ_1$

26 среди бешеного $PЛ_1$

Стр. 199

26 веселья и среди $РЛ_1$

27 толпы [вдруг] $РЛ_1$

27 *Вместо* „запел кто-нибудь“: кто-нибудь запел $РЛ_1$

27—28 „об угнетенном народе“ $РЛ_1$; *М, П* — похоронную

28 *Вместо* „Рубины .... сердцу“: В рубиновых устах ее он начинал ясно различать что<-то> едкое. $РЛ_1$

29—32 *Вместо* „Вдруг .... убил он“: Он отвел глаза свои в книгу и уже долго не прерывал чтения $РЛ_1$, $М_а$; „Это та самая ведьма, которую я прибил!“ вскрикнул он вглядевшись в ужасе. В самом деле, в лице ее выразилась та же мина, которая так поразила его, когда он, вместо старухи, увидел молодую. „А! так вот почему она заставила читать меня!“ Он в ужасе глядел на нее: каждая черта лица ее теперь казалась ему громовою и угрожающею. Холодный пот покатился с лица его. $М_б$

33 *Вместо* „стало“: начинало $РЛ_1$

34 *Вместо* „одним .... поддерживал“: должен был плечом своим поддерживать $М_б$

35 *Вместо* „на плече .... лед“: чрезвычайно холодное $РЛ_1$

Стр. 200

2 умершей. [Церковь стояла почти на]

4 „банями“ $РЛ_1$, *М*; *П* — куполами

5 *Вместо* „отправлялось .... служения“: служилось $РЛ_1$

6 *Вместо* „зажжены“: уже зажжены во множестве $РЛ_1$

7 поставили почти $РЛ_1$

Стр. 200

7 *Вместо* „против самого алтаря“: перед алтарем $РЛ_1$

9 *Вместо* „вон“: из церкви $РЛ_1$

12 к печке [по старинному обычаю малороссиян, которые] $РЛ_1$

14–17 *Вместо* „Голод .... умершей. Скоро .... кухню“: Скоро .... кухню. Голод .... умершей $РЛ_1$

14 *Вместо* „в это время начал“: начинал $РЛ_1$

15 „на несколько минут“ *нет* $РЛ_1$

17 *Вместо* „что-то похожее“: чем-то похожим $П$

18 *Вместо* „стекалось“: сходилось $РЛ_1$

18–19 *Вместо* „в это число“: в том числе $П$

19 „с машущими хвостами“ *нет* $РЛ_1$

20–21 *Вместо* „Куда .... всегда“: По какой бы ни был кто посылаем скорой надобности, но всегда $РЛ_1$

22 *Вместо* „отдохнуть“: полежать $РЛ_1$

24 *Вместо* „щеголявшие“: и ходившие $РЛ_1$

26 сыскать [такое удобное место, чтобы лечь] $РЛ_1$

26 *Вместо* „для лежанья“: от лежанья $П$

29 *Вместо* „бывало“: было $РЛ_1$

30 приходил в это время $РЛ_1$

31 *Вместо* „приводивший“: приведший $РЛ$

32 в течение всего $РЛ_1$

33 *Вместо* „языками“: головами[1] $РЛ_1$

34 „обыкновенно“ *нет* $РЛ_1$

Стр. 201

2 *Вместо* „между малороссиянами“: в Малороссии

4 перед [дверьми] $РЛ_1$

4 *Вместо* „Скоро .... эчипке“: и баба $РЛ_1$

---

[1] *Написано сверху*

Стр. 201

6 горячий огромный *РЛ*$_1$

6 „его“ *нет* *РЛ*$_1$

7 *Вместо* „готовившихся ужинать“: их *РЛ*$_1$

7 *Вместо* „вынул“: вынял *РЛ*$_1$

7 „свою“ *РЛ*$_1$; *М*, *П* — своего

8 *Вместо* „иные“: другие *РЛ*$_1$

8 неимением ее *РЛ*$_1$

8 *Вместо* „спичку“: спицу *РЛ*$_1$

9—12 *Вместо* „Как только .... к умершей“: и за то могли пользоваться одними только галушками [и никак ни могли попробовать] и скоро философ ⟨*1 нрзб.*⟩ странные вещи. *РЛ*$_1$

15 *Вместо* „мелкой“: какой-нибудь *РЛ*$_1$

17 *Вместо* „зналась с нечистым“: была ведьма *РЛ*$_1$

21—22 *Вместо* „во время .... готовность“: в дороге [изъявлял] был так готов

23 *Вместо* „с ним“: с ней *П*

24 *Вместо* „вовсе .... расположен“: был вовсе не намерен *РЛ*$_1$

24 Он [сходил пока] *РЛ*$_1$

24—25 *Вместо* „перед тем сходил“: сходил перед этим *РЛ*$_1$

25—26 *Вместо* „по .... делу“: за каким-то нужным делом *РЛ*$_1$

27 оттуда [совершенно пошатываясь] *РЛ*$_1$

34 Не [бреши] *РЛ*$_1$

34 *Вместо* „произнес“: [говорил] *РЛ*$_1$

Стр. 202

1 *Вместо* „особый обычай“: обыкновение [знающие люди] *РЛ*$_1$

2 есть сзади *РЛ*$_1$

8—9 „которого имя .... Ковтун“ *нет* *РЛ*$_1$

Стр. 202

9–10 „заметив“ *нет* $РЛ_1$

10 „за живое“ *нет* $РЛ_1$

13 *Вместо* „Начавшийся .... философа“: Философ между тем ощутил в себе необыкновенное любопытство $РЛ_1$

14 узнать [что-нибудь] $РЛ_1$

14–15 „умершую“ *нет* $РЛ_1$

15–16 *Вместо* „его на прежнюю материю“: разговор на прежнее. $РЛ_1$

18 *Вместо* „ведьмою“: за ведьму $РЛ_1$

19 *Вместо* „она кому-нибудь причинила“: она [наделала много бед] причинила кому-нибудь

22 „гладким“ *нет* $РЛ_1$

23 *Вместо* „того“: коваля $РЛ$

26 *Вместо* „про Микиту“: про псаря Микиту $П$

26–27 *Вместо* „потому что“: [потому что] ибо $РЛ_1$

29 *Вместо* „Пускай, пускай“: Пусть, пусть $РЛ_1$

32 *Вместо* „родного отца“: батька родного [Опишет ее] $РЛ_1$

33 *Вместо* „что сидит“: вот что сидит $РЛ_1$

33 *Вместо* „ему не годится“: не стоит ему $РЛ_1$

Стр. 203

1 рассказываешь, Спирид $РЛ_1$

2 „одобрительно“ *нет* $РЛ_1$

3 „Спирид продолжал“ *нет* $РЛ_1$

4 „Бывало свиснет“ *нет* $РЛ_1$

7 „как бы не“ $М$; $П$ — как не; $РЛ_1$ — так вот как не

8 *Вместо* „с недавнего времени“: одного дня $РЛ_1$

9 „беспрестанно“ *нет* $РЛ_1$

13 „Хорошо, сказал Дорош“ *нет* $РЛ_1$

16 пришла к нему $РЛ_1$

18 на тебя свою ножку. [Как послышал он это] $РЛ_1$

Стр. 203

18–19 *Вместо* „и рад .... на меня“: и спину нагнул. $РЛ_1$

18 „дурень“ *нет* $РЛ_1$

22 спину еще ниже $РЛ_1$

24 *Вместо* „не мог сказать“: не знал $РЛ_1$

25 *Вместо* „иссохнул .... щепка“: сохнул до конца [и пропал совсем] $РЛ_1$

26 *Вместо* „лежала“: стояла $РЛ_1$

28 *Вместо* „какого“: что $РЛ_1$

29–30 „Когда .... псаря“ *нет* $РЛ_1$

31 *Вместо* „у вас .... учат“: ты видно недавно ⟨?⟩ $РЛ_1$

Стр. 204

1 иногда [соврать и] $РЛ_1$

2 *Вместо* „и соврать без всякой нужды“: что-нибудь и обмануть подчас $РЛ_1$

3 „отсюда“ *нет* $РЛ_1$

3 *Вместо* „В такую самую“: Вот вечером в такую $РЛ_1$

4 *Вместо* „сели вечерять“: вечеряем [рассказываем] $РЛ_1$

5 *Вместо* „спать, и так как“: спать. Как $РЛ_1$

9 *Вместо* „стоя“: стоявшая $РЛ_1$

9 *Вместо* „подперши“: подпершая $РЛ$

15–17 *Вместо* „А в люльке .... слышит“: Вот слышит Шепчиха $РЛ_1$

19 ибо [известно, что] $РЛ_1$

19–20 *Вместо*: „высунь .... вечер“: ты ей под вечер высунь $РЛ_1$

20 душа у них уже $РЛ_1$

20 „войдет“ $РЛ_1$, *М*; *П* — уйдет

21 собаку и $РЛ_1$

23 *Вместо* „Не успела .... отворить“: Только что она немного отворила $РЛ_1$

Стр. 204

24–25 *Вместо* „промеж ног .... видит“: прямо к дитяти к люльке. Она к ней — видит $РЛ_1$

26 *Вместо* „притом .... уже“: когда бы еще [Такая] $РЛ_1$

26 панночка [какою она ее видела всегда,[1] но она напротив того] $РЛ_1$

27 „и обстоятельство“ *нет* $РЛ_1$

28 *Вместо* „а глаза горели, как уголь“: с глазами как угли $РЛ_1$

31 *Вместо* „Только .... двери“: да в сенях двери были $РЛ_1$

32 *Вместо* „глупая .... бабу“: как видит кто-то идет к ней и туда. Панночка ее начала $РЛ_1$

34 „поутру“ *нет* $РЛ_1$

Стр. 205

1 *Вместо* „и умерла .... баба“: умерла она $РЛ_1$

1 „Так вот .... табаком“ *нет* $РЛ_1$

8 *Вместо* „к самым .... хаты“: к дверям $РЛ_1$

10 *Вместо* „у других .... крови“: у [многих] иных выпила крови по несколько ведер $РЛ_1$

12 увидела, что она $РЛ_1$

13 *Вместо* „потому что .... ночь“: потому на земле [дав<но>] уже была совершенно ночь и звезды начали чаще и чаще выказываться на небе. $РЛ_1$

14 *Вместо* „начали разбродиться“: разбрелись $РЛ_1$

14 *Вместо* „находившимся“: которые все большею частью были $РЛ_1$

15 на кухне, или изредка $РЛ_1$

15 в сараях и $РЛ_1$

16 *Вместо* „А ну .... теперь“: Точно $РЛ_1$

---

1 а

Стр. 205

17 *Вместо* „философу“: Хоме *РЛ*$_1$

18 „Спирид“: и Спирид

19 собак [грызших] *РЛ*$_1$

19 „великое“ *нет РЛ*$_1$

20—22 *Вместо* „Философ .... робость“: Философ [начал дорогою чувствовать дрожь] <*2 нрзб.*> дорогою тайной робостью *РЛ*$_1$

23 церкви, хотя он успел себя подкрепить доброй кружкой горелки *РЛ*$_1$

24—25 *Вместо* „помогали .... воображению“: распалили несколько его воображение *РЛ*$_1$

26 *Вместо* „начинал“: начал *РЛ*$_1$

29 *Вместо* „ночным мраком“: в ночном мраке *РЛ*$_1$

30 *Вместо* „Три“: Четыре *РЛ*$_1$

30 *Вместо* „взошли“: вошли *РЛ*$_1$

30 „с Хомою“ *нет РЛ*$_1$

32 *Вместо* „свою обязанность“: свой долг *РЛ*$_1$

33 за ним большим ключом *РЛ*$_1$

34 „Сначала .... обсмотрелся“ *нет РЛ*$_1$.

35 „обсмотрелся“ *РЛ*$_1$, *М*; *П* — осмотрелся

Стр. 205

2 „от них“ *нет РЛ*$_1$

2 освещал один *РЛ*$_1$

3 „и слегка .... церкви“ *нет РЛ*$_1$

3 *Вместо* „Отдаленные“: Удаленные *РЛ*

4 *Вместо* „закутаны мраком“: темные. [Все было безгласно] *РЛ*$_1$

6 *Вместо* „еще .... искрами“: только местами еще блестела *РЛ*$_1$

7 „опала .... почернела“ *М*; *П* — отпала, в другом вовсе почернела; *РЛ*$_1$ — совершенно почернела, в другом опала

8 потемневшие от времени *РЛ*$_1$

Стр. 206

8 *Вместо* „мрачно“: угрюмо $РЛ_1$

9 *Вместо* „он“: философ $РЛ_1$

11 *Вместо* „из того“: с того *П*

11 меня [век] $РЛ_1$

13–14 *Вместо* „крылосу“: налою $РЛ_1$; *П* — клиросу

14 *Вместо* „Это“: Вот $РЛ_1$

16 „видно“ *нет* $РЛ_1$

17 *Вместо* „И он принялся“: прибавил он потихоньку, но после плюнул и перекрестился. Усердно начал он $РЛ_1$

18 „и образам“ *нет* $РЛ_1$

20 *Вместо* „сделался как будто“: становился еще $РЛ_1$

20 *Вместо* „мрачные“ темные $РЛ_1$

21 *Вместо* „глядели угрюмей“: угрюмей и мрачней глядели $РЛ_1$

22–24 *Вместо* „Он подошел .... глаз“: Зажавши очи, он подошел к гробу и посмотрел в лицо умершей и не мог не отпрянуть, зажмурив глаза. $РЛ_1$

25 страшная, такая $РЛ_1$

26 *Вместо* „отворотился“: зажмурил глаза $РЛ_1$

28 *Вместо* „особенно“: и $РЛ_1$

29 „потом“ *нет* $РЛ_1$

30–33 *Вместо* „резкая .... безобразнее“: усопшая казалась страшною своею резкою красотою. Если бы она была безобразна, может быть она не так [была бы страшна] поразила паническим ужасом. $РЛ_1$

35 *Вместо* „как будто бы она .... глазами“: как будто без глаз глядит на него $РЛ_1$

Стр. 207

2 „она“ *нет* $РЛ_1$

4 „крылосу“ $РЛ_1$, *М*; *П* — клиросу

Стр. 207

6 *Вместо* „Голос его“: Этот голос $РЛ_1$

7 оглохлые. [Голос его без эха] $РЛ_1$

8 „и казался .... чтецу“ *нет* $РЛ_1$

12 козак такой [что] $РЛ_1$

12 *Вместо* „когда бы устрашился“: когда устрашился бы $РЛ_1$

14–15 „Хороший табак“ *нет* $РЛ_1$

16 на гроб [в душе его начало как будто что-то говорить] $РЛ_1$

21 *Вместо* „без души людей“: пустотой $РЛ_1$

22 *Вместо* „Возвыся .... боязни“: Он возвышал свой голос громче, принялся петь разными голосами знакомые ему ирмосы $РЛ_1$

23 Но [при окончании каждого] $РЛ_1$

23 минуту от боязни $РЛ_1$

24 „как будто .... вопрос“ *нет* $РЛ_1$

25 *Вместо* „Что если подымется, если встанет она“: Ну что если подымется, ну что если встанет она? [Она приподняла голову. Хома протер глаза, не представляется ли это] $РЛ_1$

27 „отозвался“ $РЛ_1$, *М*; *П* — не отозвался

28 *Вместо* „Чуть“: Чуть чуть $РЛ_1$

29 *Вместо* „слабый“: легкий [слабый] $РЛ_1$

31 *Вместо* „Ну, если подымется?“: А что как подымется? Что если ... $РЛ_1$

33 *Вместо* „дико взглянул“: глядел $РЛ_1$

35 *Вместо* „с ужасом обратил“: обратил их с ужасом $РЛ_1$; *П* — с ужасом обратил их

Стр. 208

4 *Вместо* „С усилием“: и $РЛ_1$

5 *Вместо* „которым научил его“: которые недавно открыл ему $РЛ_1$

6 „нечистых“ *нет* $РЛ_1$

7 *Вместо* „видно .... переступить ее“: переступить ее не могла $РЛ_1$

10 „в зубы“ *нет* $РЛ_1$

11 *Вместо* „Но не видя“: и не видя $РЛ_1$

13 *Вместо* „распростерши .... ими“: также распростирая руки, шла, обхватывая $РЛ_1$.

14 „стараясь поймать Хому“ *нет* $РЛ_1$, *М*

15–18 *Вместо* „остановилась .... летать“: она погрозила пальцем и легла в свой гроб. — Гроб со свистом начал носиться $РЛ_1$

20 видел его уже $РЛ_1$

20 над головою своею $РЛ_1$

21 очерченного [Это придало ему некоторую бодрость] $РЛ_1$

23 „из него“ *нет* $РЛ$, *М*

24–25 *Вместо* „Но в то время .... крышкою“: Мертвые губы, казалось, что-то произносили и шевелились. Труп глухо топнул своею мягкою, почти без костей,[1] ногою о пол[2] — и церковь вздрогнула. Он услышал,[3] как будто что-то налегло на нее[4] и сквозь стекла окон начали показываться какие-то безобразные образы.[5] Но[6] в это время послышался отдаленный крик петуха. Труп упал в гроб. *М*

26–27 *Вместо* „катился .... быстрее“: покатился с лица его. Он громогласно начал дочитывать [свои] $РЛ_1$

28 прежде. [Скоро] $РЛ_1$

29 *Вместо* „Явтух“: козак $РЛ_1$

30 *Вместо* „тот“: этот $РЛ_1$; „отправлял .... старосты“ *нет* $РЛ_1$

---

[1] „почти без костей“ *нет* $РЛ_1$ [2] *Вместо* „о пол“: в пол $РЛ_1$ [3] *Вместо* „услышал“: слышал $РЛ_1$ [4] „на нее“ *нет* $РЛ_1$ [5] Вместо „безобразные образы“: лица $РЛ_1$ [6] „Но“ *нет* $РЛ_1$

Стр. 208

32 проспал ровно *РЛ*$_1$

34 сил целую *РЛ*$_1$

35 „скоро .... замечания и“ *нет* *РЛ*$_1$

Стр. 209

2 „но однако .... чувству“ *нет* *РЛ*$_1$

3 „не решался“ *РЛ*, *М*; *П*—не решился

5–9 „Философ .... в сторону“ *нет* *РЛ*$_1$

5 „одним“ *нет* *П*

12 одна [хорошенькая] *РЛ*$_1$

13 его [даже] *РЛ*$_1$

13 „лопатой“ *нет* *РЛ*$_1$

13 по спине [за какую-то неуместную вольность] *РЛ*$_1$

15 *Вместо* „была .... плахта“: было платье *РЛ*$_1$

16 *Вместо* „тем задумчивее становился философ“: тем более[1] становился философ задумчивее и пасмурнее[2] *М*

17 *Вместо* „вся почти дворня собиралась“: все почти собирались *РЛ*$_1$

17 *Вместо* „в кашу .... кеглей“: в [свайку] кегли или в крагли *РЛ*$_1$

19 21 *Вместо* „выигравший .... часто“: какой-нибудь выигравший проезжался на другом верхом и часто *РЛ*$_1$

19 *Вместо* „имел“: имеет *П*

22 тщедушного [как хлебная сосулька] *РЛ*$_1$

25 *Вместо* „говорил“: говаривал *РЛ*$_1$

29–31 *Вместо* „Хома .... За вечерей“: Хому на этот раз, казалось, не занимала и эта игра или мысли о том, что он должен итти опять на всю

---

[1] „более“ *нет* *РЛ*$_1$. [2] Молча курил он свою люльку. [Перед ужином] *РЛ*$_1$.

Стр. 209

ночь в церковь, уже слишком смущали. За ужином $РЛ_1$

32–33 *Вместо* „распростиравшеюся по небу“: наступавшею на землю $РЛ_1$

34 *Вместо* „пан бурсак“: философ $РЛ_1$

Стр. 210

3–4 „Как только .... грудь“ *нет* $РЛ_1$

5 „стоявший“ — $РЛ_1$, *М*; *П* — стоящий

5–6 *Вместо* „стоявший в угрожающей тишине“: [грозно] как угрожающий стоявший в тишине $РЛ_1$

9 там оно уже и *П*

12 читать [довольно] $РЛ_1$

13 „решаясь“ $РЛ_1$, *М*; *П* — решась

13 „с книги“ *нет* $РЛ_1$

15 *Вместо* „несколько“: немного *<1 нрзб.>* $РЛ_1$

16 рожок с табаком $РЛ_1$

16 *Вместо* „табак“: его *М*

16 *Вместо* „робко .... глазами“: осторожно [поглядел] [возвел] поднял глаза $РЛ_1$

17 „Сердце его захолонуло“ — *М*; *П* — На сердце у него захолонуло; $РЛ_1$ — *нет*

18 *Вместо* „Труп“: Но труп $РЛ_1$

18 „самой“ *нет* $РЛ$

20 *Вместо* „Потупив .... духом“: Он, потупив голову, продолжал заклинания и слышал, как труп опять ударил зубами и начал махать рукой, желая схватить его. Возведши робкий взгляд на него, он заметил, что он ловил совершенно не там, где он стоял и что труп не мог его видеть. Неуспех, казалось, приводил мертвую в бешенство. Она хлопнула зубами и, ставши на середину, опять топнула своею ногой.

Этот звук раздался совершенно беззвучно; уста ее искривились и, казалось, произносили какие-то невнятные слова. И философ услышал, что стены церкви как будто заныли. Странный ропот и пронзительный визг раздался над глухими сводами; в стенах окон слышалось какое-то отвратительное царапанье и вдруг сквозь окна и двери посыпалось с шумом множество гномов, в таких чудовищных образах, в каких еще не представлялось ему ничто, даже во сне. Он увидел вдруг такое множество отвратительных крыл, ног и членов, каких не в силах бы был разобрать обхваченный ужасом наблюдатель! Выше всех возвышалось странное существо в виде правильной пирамиды, покрытое слизью. Вместо ног у него было внизу с одной стороны половина челюсти, с другой другая; вверху, на самой верхушке этой пирамиды, высовывался беспрестанно длинный язык и беспрерывно ломался на все стороны. На противоположном крылосе уселось белое, широкое, с какими-то отвисшими до полу белыми мешками, вместо ног; вместо рук, ушей, глаз висели такие же белые мешки. Немного далее возвышалось какое-то черное, всё покрытое чешуею, со множеством тонких рук, сложенных на груди, и вместо головы вверху у него была синяя человеческая рука. Огромный, величиною почти с слона, таракан остановился у дверей и просунул свои усы. С вершины самого купола со стуком грянулось на средину церкви какое-то черное, всё состоявшее из одних ног; эти ноги бились по полу и выгибались, как будто бы чудовище желало подняться. Одно какое-то красновато-синее, без рук,

без ног протягивало на далекое пространство два своих хобота и как будто искало кого-то. Множество других, которых уже не мог различить испуганный глаз, ходили, лежали и ползали в разных направлениях: одно состояло только из головы, другое из отвратительного крыла, [летавшего с каким то нестерпимым шипением. Хома зажмурил глаза и не имел духу уже взглянуть. Он слышал только, что весь этот сонм ищет его и прерывающимся голосом, собрав всё, что только знал, читал свои заклинания. Пот ужаса выступил на его лице. Ему казалось, что он умрет от одного только страха, когда нога какого нибудь из этих чудовищ прикоснется до него отвратительною своею наружностью. Уже он видел, как одно из чудовищ протянуло свои длинные хоботы и уже один из них проникнул за черту ... Боже ... Но крикнул петух: всё вдруг поднялось и полетело сквозь двери и окна. *М.* Он потупил голову и продолжал заклинания, и слышал, как труп опять ударил зубами и начал махать руками, желая схватить. Робко <*1 нрзб.*> возведши взгляд, он [1] заметил однако же, что он ловил его совершенно не там, где он стоял, и [2] заключил, что труп его не видит. Неуспех, казалось, приводил мертвую в бешенство. Она хлопнула зубами и ставши на середину, опять топнула своею ногою. Этот [3] стук раздался [4] совершенно беззвучно, но уста ее не говорили и стали произносить какие-то [5] едва слышимые слова. Потом бурсак услышал, что стены церкви как будто заныли. Странный ропот и пронзительный визг

---

[1] увидел [2] заметил [3] звук [4] могильно-глухо [5] страшные

раздался под глухими сводами; в стеклах окон слышалось какое-то отвратительное царапанье, и вдруг сквозь окна и двери посыпалось множество гномов в таких чудовищных образах, в каких еще никогда во сне не представлялось ему. Он видел вначале только множество отвратительных крыл, ног и членов таких, каких никак не в силах разобрать был объятый ужасом наблюдатель. Выше всех возвышалось странное существо в виде правильной пирамиды, покрытое слизью. Вместо ног у него были внизу с одной стороны половина челюсти, с другой другая; вверху, на самой верхушке этой пирамиды, высовывался беспрестанно длинный язык, беспрестанно извиваясь <*2 нрзб.*>. Почти под образом уселось белое, широкое, с какими-то отвисшими белыми мешками вместо ног, вместо рук белелись эти мешки, <*1 нрзб.*> вместо глаз висели тоже белые мешки. Из них возвышалось какое-то[1] черное, все покрытое чешуею, со множеством тонких рук, сложенных на груди, и вместо головы вверху у него была синяя человеческая рука. Огромный, величиною почти с слона, таракан остановился у дверей и просунул свои черные усы. С вершины самого купола со стуком <упало> на середину церкви какое-то черное, все состоявшее из одних ног; эти ноги бились по полу и выгибались, как будто бы чудовище желало подняться. Одно какое-то красновато-синее, без рук, без ног, протягивало на далекое пространство два свои хобота и как будто искало кого. Множество других, которых уже не мог различить

---

[1] не постижимое

испуганный глаз, ходили, вились и летали в разных направлениях. Одно состояло только из головы, другое из одного отвратительного крыла, которое летало[1] с каким-то шипением. Хома зажмурил глаза и не имел духу глядеть. Он услышал только, что весь этот сонм ищет его, и прерывающимся голосом, собрав все силы, читал свои заклинания. Пот ужаса катился с его лица ⟨*1 нрзб.*⟩. Ему казалось, что он умрет от одного только страха, когда нога которого-нибудь из этих чудищ прикоснется до него отвратительным. Боже, он уже показался над ним, вот одно просунуло свой... за черту... Боже... Но крикнул петух: всё вдруг поднялось и полетело сквозь двери и окна. Вошедшие сменить его нашли философа едва жива. *РЛ*$_1$

Стр. 211

4 „философа“ *М*; *П* — его
5 „в стену“ *М*; *П* — об стену
5 *Вместо* „и, выпучив глаза, глядел“: выпуча глаза и глядел *М*; *П* — и, выпуча глаза, глядел
6 „на толкавших его козаков“ *РЛ*$_1$; *М* — на козаков; *П* — на пришедших козаков.
7 поддерживать почти *РЛ*$_1$
7 дорогу [покамест он] *РЛ*$_1$
9 „своей“ *М*; *РЛ*$_1$ *П* — свои
9 волосы, обглядел всех *РЛ*$_1$
12 *Вместо* „Собравшийся .... потупил“: Собравшиеся вокруг его потупили *П*; Собравшийся вокруг него кружок потупил *РЛ*$_1$
13 слова и *РЛ*$_1$
13 *Вместо* „которого“: которому *РЛ*

---

[1] без шуму

Стр. 211

15 *Вместо* „к тому“: до того *РЛ*$_1$

15 *Вместо* „конюшню“: конюшни *М*

16 *Вместо* „таскать“: носить *РЛ*$_1$

16 *Вместо* „даже“: и *РЛ*$_1$

18 *Вместо* „бабенка“: ключница *РЛ*$_1$

18 „плотно обтянутой“ *М*; *П* — обтянутой плотно

19 *Вместо* „круглый и крепкий“: крепкий и круглый *РЛ*$_1$

19 „помощница старой кухарки“ *нет* *РЛ*$_1$

21 „гвоздику“ *М*; *П* — гвоздичку

28 *Вместо* „Эге, ге!“: Смотри, пожалуй *РЛ*$_1$

32 *Вместо* „обпачканный“: опачканный *П*

33 *Вместо* „треугольный кусок зеркала“: зеркальный треугольник *РЛ*$_1$

33 *Вместо* „были .... барвинки“: вокруг были и незабудки и <*1 нрзб.*> и барвинок *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „назначение .... туалета“: что это составляло туалет *РЛ*$_1$

Стр. 212

4—7 *Вместо* „сказал .... дома“: расскажу ему всё, сказал он и направил путь свой к крыльцу. *РЛ*$_1$

10 „Щеки .... только“ *М*; *П* — Только щеки его опали

12 *Вместо* „даже .... ее“: не касался ее вовсе *РЛ*$_1$

13 14 *Вместо* „ему .... каменную“: его челу какую-то мраморную *РЛ*$_1$

15 „произнес .... у дверей“ *нет* *РЛ*$_1$

17 „у тебя“ — *нет* *РЛ*$_1$

17 *Вместо* „Всё благополучно“: Всё [хорошо] благополучно [и хорошо] у тебя *РЛ*$_1$

19 „Куда ноги несут“ *нет* *РЛ*$_1$

22 *Вместо* „Да ваша .... не учитывается“: Ваша дочка, не во гнев будь сказано, упокой бог ее

Стр. 212

душу, видно пустила к себе сатану; такого страха задает, что никак не в моготу читать писание. *РЛ*$_1$

29 *Вместо* „призвала“: позвала *РЛ*

30 *Вместо* „молитвами изгнать“: чтобы молитвами изгналось *РЛ*$_1$

31 „Дурное“ *нет* *РЛ*$_1$

32 *Вместо* „Власть .... в моготу“: Как уж [хотите] хочь, пан, а я не буду больше читать *РЛ*$_1$

33 *Вместо* „тем же .... сотник“: сотник всё тем же увещательным голосом *РЛ*$_1$

34 „Тебе“ *нет* *РЛ*$_1$

34 *Вместо* „теперь“: только *РЛ*$_1$

35 *Вместо* „Ты сделаешь христианское дело“: ты христианское дело сделаешь *РЛ*$_1$

Стр. 213

1—2 *Вместо* „Да какие .... решительно“: Не хочу я никакой награды. Ни за какие деньги не хочу читать, произнес философ, возвысив голос. *РЛ*$_1$

3 „его“ *нет* *РЛ*$_1$

4 *Вместо* „выдумок“: штук *РЛ*$_1$

5 „в вашей бурсе“ *М*; *РЛ*$_1$ — у вас в бурсе; *П* — в своей бурсе

8 *Вместо* „философ“: Хома *РЛ*$_1$

9 *Вместо* „Всякому известно“: Дело известное *РЛ*$_1$

11 *Вместо* „Да .... мои“: Да ты только не знаешь, как у меня *РЛ*$_1$

12 *Вместо* „подымаясь“: поднявшись *РЛ*$_1$

13 приняло необыкновенно *РЛ*$_1$

13—14 „обнаружившее .... горестью“ *нет* *РЛ*$_1$

15 „прежде“ *нет* *РЛ*$_1$

15 „вспрыснут“ *М*; *П* — спрыснут

Стр. 213

16 *Вместо* „а после“: да потом $PЛ_1$

16 Ступай же $PЛ_1$

16 *Вместо* „исправляй“: да отправляй $PЛ_1$

17 Не исправишь — так и $PЛ_1$

22 *Вместо* „И Хома“: Философ [решился] $PЛ_1$

24 *Вместо* „испускать“: пускать $PЛ_1$

25—26 похожим на [какую-нибудь] $PЛ_1$

26 „наконец“ *нет* $PЛ_1$

26 Даже и седой $PЛ_1$

27 *Вместо* „перед солнцем“: прямо против солнца $PЛ_1$

29 „казалось“ *нет* $PЛ_1$

29 незаметнее можно $PЛ_1$

33 надобности [в необходимых закоулках] $PЛ_1$

34 бузиною, [бурьяном] $PЛ_1$

34 *Вместо* „лопухом .... шишками“: лопухом, [пустившим] выдвинувшим на самый верх свои цепкие розовые шишки $PЛ_1$

Стр. 214

1—16 *Вместо* „Хмель .... корни“: Хмель покрывал вершину всего этого как сетью и составлял крышу, кончавшуюся у самого забора и опускавшуюся по нем вниз вместе с дикими колокольчиками. За этим плетнем[1] шел целый лес бурьяну, в который, кажется, никто еще не любопытствовал заглядывать, и[2] коса разлетелась бы вдребезги, если бы вздумала срезать лезвием своим их одеревяневшие толстые стебли. Когда философ добрел до плетня, им овладела такая дрожь, какой он понять не мог, зубы его начали стучать один о другой и сердце билось так громко, что он сам испугался. Пола[3] длинной хламиды его казалось, прикипала к самой

[1] находился. [2] все косы [3] длинного сертука.

Стр. 214

земле и удерживала,[1] как будто бы ее кто-нибудь[2] прибил. Когда он переступил плетень, ему казалось, вдруг шептал кто-то с оглушительным свистом говоря: „Куда, куда?“ Залезши в бурьян, философ немного остановился,[3] отдохнувшись, пустился бурьяном, беспрестанно оступаясь о старые коренья *РЛ*$_1$

10 перешагнуть через *П*

17 „своими“ *нет П*

18 *Вместо* „чернел“: был *РЛ*$_1$

19 *Вместо* „считал себя безопасным“: почитал себя менее в опасности *РЛ*$_1$

19 „и пройдя .... в Киев“ *нет РЛ*$_1$

21 *Вместо* „вдруг“: духом *РЛ*$_1$

23 „на каждом остром шипе“ *нет РЛ*$_1$

24—25 *Вместо* „разделившимися .... земли“: распахнулась разделенными ветвями, [почти] упавшими почти на землю и *РЛ*$_1$

26—28 *Вместо* „Первое .... нестерпимую“: философ отдохнул и прилег напиться *РЛ*$_1$

29 *Вместо* „утирая .... лучше“: здесь немножко можно отдохнуть теперь почти в безопасности“. Чего остановился? *РЛ*$_1$

32 стоял седой *РЛ*$_1$

33 „в сердцах“ *нет РЛ*$_1$

34 *Вместо* „Я бы“: Я *РЛ*$_1$

Стр. 215

1—4 *Вместо* „Напрасно .... довольно“: ⟨*1 нрзб.*⟩ напрасно ты, продолжал Явтух, дал такой большой крюк: тебе бы выбрать было ту же самую дорогу, что я, напрямик, вместо того, чтобы

---

[1] его [2] гвоздем приколотил [3] [сказал]

Стр. 215

бурьян, просто было бы мимо конюшен. Ну, погулял и проходился [теперь] *РЛ*$_1$

2 лучше было *П*

6 *Вместо* „почесываясь“: почесывая затылок *РЛ*$_1$

9 *Вместо* „поможет бог и третью“: бог поможет прочесть и третью *РЛ*$_1$

12–13 *Вместо* „на панский двор .... который“: в двор. Он немного ободрился и упросил Дороша,[1] которого характер ему очень показался и который *РЛ*$_1$

17 Музыкантов! [но видя, что нет музыкантов] *РЛ*$_1$

20 тропака. [Вся дворня немедленно, как водится в таких] *РЛ*$_1$

24 философ почти *РЛ*$_1$

30 *Вместо* „кнур! подумал“: сказал *РЛ*$_1$

31 *Вместо* „по сторонам .... ничего“: на сторону и расспрашивал Явтуха: отчего [это] темно бывает ночью? Но Явтух <*1 нрзб.*> молчал, а Дорош [хладнокровно] отвечал, что так уже давно водится, что ночью темно. *РЛ*$_1$

Стр. 216

4 Они [вошли в церковь] *РЛ*$_1$

4 „приближились“ *РЛ*, *М*; *П* — приблизились

4 „церкве“ *РЛ*; *М*, *П* — церкви

4 к церкве. [Железный замок был снят] *РЛ*$_1$

5 *Вместо* „заботился“: думал *РЛ*$_1$

7 „попрежнему“ *нет* *РЛ*$_1$

18 *Вместо* „Вдруг .... к ней дороги“: Вдруг .... среди тишины.... он слышит опять отвратительное цара-

---

[1] [которого беззаботный характер] с которым они скоро

панье, свист, шум и звон в окнах. С робостию зажмурил он глаза и прекратил на время чтение. Не отворяя глаз, он слышал, как вдруг грянуло об пол целое множество, сопровождаемое разными стуками глухими, звонкими, мягкими, визгливыми. Немного приподнял он глаз свой и с поспешностию закрыл опять: ужас!.. это были все вчерашние гномы; разница в том, что он увидел между ими множество новых. Почти насупротив его стояло высокое, которого черный скелет выдвинулся на поверхность и сквозь темные ребра его мелькало желтое тело. В стороне стояло тонкое и длинное, как палка, состоявшее из одних только глаз с ресницами. Далее занимало почти всю стену огромное чудовище и стояло в перепутанных волосах, как будто в лесу. Сквозь сеть волос этих глядели два ужасные глаза. Со страхом глянул он вверх: над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками. С ужасом потупил он глаза свои в книгу. Гномы подняли шум чешуями отвратительных хвостов своих, когтистыми ногами и визжавшими крыльями, и он слышал только, как они искали его во всех углах. Это выгнало последний остаток хмеля, еще бродивший в голове философа. Он ревностно начал читать свои молитвы. Он слышал их бешенство при виде невозможности найти его. „Что, если“, подумал он вздрогнув: „вся эта ватага обрушится на меня?..“

„За Вием! пойдем за Вием!“ закричало множество странных голосов, и ему казалось, как

будто часть гномов удалилась. Однако же он стоял с зажмуренными глазами и не решался взглянуть ни на что.

„Вий! Вий!“ зашумели все; волчий вой послышался вдали и едва, едва отделял лаянье собак. Двери с визгом растворились и Хома слышал только, как всыпались целые толпы. И вдруг настала тишина, как в могиле. Он хотел открыть глаза; но какой-то угрожающий тайный голос говорил ему: „эй, не гляди!“ Он показал усилие... По непостижимому, может быть происшедшему из самого страха, любопытству глаз его нечаянно отворился:

Перед ним стоял какой-то образ человеческий исполинского роста. Веки его были опущены до самой земли. Философ с ужасом заметил, что лицо его было железное, и устремил загоревшиеся глаза свои снова в книгу.

„Подымите мне веки!“ сказал подземным голосом Вий — и всё сонимище кинулось подымать ему веки. „Не гляди!“ шепнуло какое-то внутреннее чувство философу. Он не утерпел и глянул: Две черные пули глядели прямо на него. Железная рука поднялась и уставила на него палец: „Вон он!“ произнес Вий — и всё что ни было, все отвратительные чудища разом бросились на него... бездыханный, он грянулся на землю... Петух пропел уже во второй раз. Первую песню его прослышали гномы. Всё скопище поднялось улететь, но не тут-то было: они все остановились и завязнули в окнах, в дверях, в куполе, в углах и остались неподвижны... В это время дверь отворилась и вошел священник, прибывший из отдаленного селения для совершения пани-

хиды и погребения умершей. С ужасом отступил он, увидев такое посрамление святыни и не посмел произносить в ней слова божьего.
И с тех пор так всё и осталось в той церкве. Завязнувшие в окнах чудища там и поныне. Церковь поросла мохом, обшилась лесом, пустившим корни по стенам ее; никто не входил туда и не знает, где и в какой стороне она находится. *М.*
По середине стоял неподвижно гроб страшной ведьмы. Хома прикинулся, как будто бы и не видел его, и пошел на крылос.[1] „Не боюсь, ей богу, не боюсь“ сказал он и, очертивши опять около себя круг, начал припоминать все свои заклинания. Тишина была страшная; свечи трепетали и обливали светом всю церковь. Философ перевернул один лист, потом перевернул другой и заметил, что он читает совсем не то, что писано в книге. Со страхом перекрестился он и начал петь. Это ободрило его и чтение его пошло обычным чередом. Как вдруг к полуночи он слышит опять отвратительное царапанье, свист и шум и звон в[2] окнах. С робостью зажмурил он глаза свои и прекратил со страха чтение. Он слышал, точно вдруг грянуло около[3] с разными стуками, крепкими, звонкими, мягкими страшное множество и, дрожа, приподнял немного один глаз свой, ужас: это были все вчерашние гномы,[4] только он в числе их увидел еще новых. ⟨Как⟩ раз против него стояло высокое, которого черный скелет выдвинулся на поверхности, и сквозь темные ребра его мелькало желтое тело; в стороне стояло тонкое и длинное, как палка.

---

[1] [По] [2] стеклах [3] со стуком [4] [разница]

состоявшее из одних только глаз с ресницами, за спиною его занимало всю стену огромное чудище и стояло в перепутавшихся волосах, как будто в лесу. Сквозь волосы глядели два ужасные глаза.[1] Глянул он вверх: над ним держалось в воздухе что-то в виде большого пузыря с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал.[2] С ужасом он зажмурил глаза. Гномы подняли шум, и он слышал только,[3] что они искали во всех углах. Это выгнало последний остаток хмелю, который еще бродил в голове философа. Он читал свои молитвы [и заметил только] бешенство гномов, которые <*1 нрзб.*> и не могли найти его. „Что, если", подумал он: „вся эта ватага обратится на меня?" [4]

„За Вием! За Вием! Пойдем за Вием!" закричало несколько каких-то странных голосов, и часть гномов, как казалось ему, удалилась. Он, однако же, стоял с зажмуренными глазами и не глядел на них. — „Вий! Вий! Вий!" зашумело. Двери с шумом отворились, и Хома слышал только, что ввалилось страшное множество. Тишина вдруг сделалась, как в могиле. Философ, казалось, слышал шептавший ему на ухо голос: „Ей, не гляди! ей, не гляди!" Но какое непостижимое любопытство! глаз нечаянно отворился: перед ним стоял какой-то образ человеческий высокий. Веки его были опущены до самой земли. Философ с ужасом заметил, что лицо его было железное, и со страхом поворотил глаза свои в книгу. — „Подымите мне веки!" сказал [5] подземным голосом Вий — и [6] всё сонмище кинулось подымать ему

---

[1] [Со страхом] [2] [Проникнувшись] [3] как [4] Господи боже... [5] громовым [6] вся толпа

Стр. 216

веки. „Ей, не гляди! Не гляди!“ шептал какой-то голос в уши философу. Он не утерпел и глянул: две черные пули глядели прямо на него, железная рука Вия поднялась и уставила на него палец — и все чудища бросились на него... Ух... Петух пропел, но уже второй раз,[1] первый *<1 нрзб.>* прослушали. Услышавши крик петуха, всё скопище поднялось улететь, но тут они все остановились и завязнули в окнах, в дверях, куполе и остались неподвижны. Философ лежал мертвый на полу. В это время дверь отворилась и вошел священник... *РЛ*

Стр. 218

1–33 „Когда .... на лавке“ *нет* *РЛ*, M_a.

---

[1] Гномы [встрепенулись, испугались

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ

Стр. 223

9 отчего же это *Н*

11 „Агафия“ *Н, М*; *П* — Агафья[1]

20 ветви сами *Н*

Стр. 224

16 „нарастающие“ *Н, М*; *П* — наросшие

25 „пяток“ — *нет* *Н*; *М*

Стр. 225

2 „Взошедши“ *Н, М*; *П* — Вошедши

4 „на крылосе“ *Н, М*; *П* — на клиросе

13 „чего ж“ *Н, М*; *П* — что ж

19 *Вместо* „хлеба“: от хлеба *Н*

Стр. 226

6 не имел и *Н*

13 „которые“ *Н, М*; *П* — ведьмы

14 „мужескому“ *Н, М*; *П* — мужскому

---

[1] *То же во всех случаях, где встречается это имя.*

Стр. 227

25 „табашного“ *Н, М*; *П* — табачного

34 „отечества“ *Н, М*; *П* — отчества

Стр. 228

6 „за то....веру“ *П*; *Н, М* — *нет*

18 куда, как *Н*

27 „в двор“ *Н, М*; *П* — во двор

Стр. 229

11–12 „торчавший“ *Н, М*; *П* — торчащий

Стр. 230

19 „с шпагою“ *Н, М*; *П* — со шпагою

22 *Вместо* „давно ли“: давно *Н*

Стр. 231

18 „из бочки“ *Н, М*; *П* — от бочки

34 *Вместо* „в противостоящую“: в противустоящую *Н*; *П* — противустоявшую *П*

Стр. 232

19 *Вместо* „со сметаною“: с сметаною *Н*

24 „поздо“ *Н, М*; *П* — поздно

35 *Вместо* „какое“: как *Н*

Стр. 233

18 „немножко“ *Н, М, П* — немного

Стр. 234

8 *Вместо* „На что же“: На чтож *Н*

Стр 235

1 „обойтись“ *Н, М*; *П* — обойтиться

Стр. 236

24 „после разговору“ *Н, М*; *П* — после разгозора

Стр. 237

18–19 „а сделался“ *Н, М*; *П* — и сделался

Стр. 238

15 „припомню вам“ *Н, М*; *П* — припомню

Стр. 239

11 „то“: *нет Н*

15 „далеко“ *Н, М*; *П* — *нет*

25 „с лысинкой“ *Н, М*; *П* — с лысиной

26 „поросенков“ *Н, М*; *П* — поросят

34 „Но вместо“ *Н, М*; *П* — вместо

Стр. 240

1 *Вместо* „она“: та *Н*

8 „поздо“ *Н, М*; *П* — поздно

20 „в его двор“ *Н, М*; *П* — на его двор

27 „того же дня“ *Н, М*; *П* — в тот же день

30 „совершенно ей“ *Н, М*; *П* — ей совершенно

Стр. 241

1 „но всегда Агафия Федосеевна“ *Н, М*; *П* — однако Агафья Федосеевна всегда

6—7 *Вместо* „И несмотря, что нос Ивана Никифоровича“: И несмотря, что Иван Никифорович *Н*; *П* — И несмотря на то, что нос Ивана Никифоровича

7 „однако ж она“ *Н, М*; *П* — она всё таки

9 „изменял при ней, невольно“ *Н*; *М* — изменил при ней невольно; *П* — невольно изменил при ней

14 „у Ивана Никифоровича была лихорадка“ *Н, М*; *П* — Иван Никифорович страдал лихорадкою

32—33 „затесалась“ *Н, М*; *П* — забегала

34 „перелазившие“ *Н, М*; *П* — перелезавшие

35 „с знаками розг на спине“ *Н, М*; *П* — знаками розог назади

Стр. 242

21 „перелазит“ *Н, М*; *П* — перелезает

22 „с рыцарскою бесстрашностию“ *Н, М*; *П* — с рыцарским бесстрашием

Стр 242

24 „от дерев“ *Н, М*; *П* — от деревьев

26 „со всех“ *Н, М*; *П* — изо всех

32 „садящейся“ *Н, М*; *П* — которая садится

Стр. 243

6 *Вместо* „производимый“: произведенный *Н*

10 „не видали“ *Н, М*; *П* — не видели

17 „его“ *Н, М*; *П* — столба

21 „духа“ *Н, М*; *П* — духу

30 „обсматривать“ *Н, М*; *П* — осматривать

Стр. 244

13 вешает на плетень *П*

14 *Вместо* „то, верно“: вы, верно *Н*

17 „когда“ *Н, М*; *П* — когда-нибудь

18 „Домы“ *Н, М*; *П* — Дома

25 называет из амбиции *Н*

29 для того коноплянное *Н*

Стр. 245

2 „Он“ *Н, М*; *П* — Дом

6 „убранный“ *Н, М; П* — украшенный

6 „На нем“ *Н, М*; *П* — на столе

6–7 „Четыре стула дубовые“ *Н, М*; *П* — четыре дубовые стула

21 „унывным“ *Н, М*; *П* — заунывным

23 „в занимательный между тем разговор“ *Н, М*; *П* — между тем в занимательный разговор

25 „с простывшей“ *Н, М*; *П* — из простывшей

Стр. 246

9 нос его *П*

22 „приятностию“ *Н, М*; *П* — приятностью

Стр. 247

9 такие вежливые *Н*

26 „написанный“ *Н, М*; *П* — исписанный

27 „своего“ *Н, М*; *П* — моего

Стр. 248

4 „смертную“ *Н, М*; *П* — смертельную

18 „сморкают“ *Н, М*; *П* — сморкаются

27 „моей“ *Н, М*; *П* — *нет*

Стр. 250

13 „необычайной“ *Н, М*; *П* — необычной

29 „почти“ *Н, М*; *П* — *нет*

Стр. 251

9—10 „употребляемый“ *Н*; *М, П* — употребляемой

17—18 „остальная оставалась еще“ *Н, М*; *П* — а остальная оставалась

35 „костистых“ *Н, М*; *П* — костлявых

Стр. 252

2 „скоса и пьяна“ *Н, М*; *П* — искоса и пьяно

3 „приближился“ *Н*; *М* — приближался; *П* — приблизился

7 „вытиснут он был“ *Н, М*; *П* — он был вытиснут

8 *Вместо* „вторую половинку дверей“: другую половину дверей *Н*

9 „дружных“ *Н, М*; *П* — дружеских

14—15 „потрите только“ *Н, М*; *П* — только потрите

28 *Вместо* „Ивана Иванова“: Ивана Ивановича *Н, П*

29 и вы туда же *П*

Стр. 253

7 „перед начатием“ *Н, М*; *П* — перед началом

15 *Вместо* „чинит“: творит *Н*

26 за него в промен *Н*

30 „Иван Иванов“ *М, П*; *Н* — Иван Иванович

Стр. 254

23 „и поклонился“ *П*; *Н, М* — поклонился

24 Куда же это *Н*

Стр. 255

14 „с нее“ *Н, М*; *П* — с прошения

15 „об таком“ *Н, М*; *П* — о таком

Стр. 255

18 „к гражданской полиции“ *Н, М*; *П* — к градской полиции

19 „того же дня“ *Н, М*; *П* — в тот же день

23 „почетных“ *Н, М*; *П* — почтенных

26 „как“ *Н, М*; *П* — то

27 „красневшее“ *Н, М*; *П* — красневшееся

29 *Вместо* „равномерно“: равно *Н*

Стр. 256

20 „при нем“ *Н, М*; *П* при городничем

25 „с своей пехотою“ *Н, М*; *П* — с своею пехотою

Стр. 257

1 „перилы“ *Н, М*; *П* — перила

17 „сердце его колотилось“ *Н, М*; *П* сердце его билось

25 „весьма“ *Н, М*; *П* — *нет*

33 34 „виды правительства, виды правительства“ *Н, М*; *П* - виды правительства

Стр. 259

11 „выбросить то, что“ *Н, М*; *П* — выбросить что

Стр. 260

5 „внимательно“ *Н, М*; внимательнее *П*

20 „съедите“ *Н, М*; *П* — съешьте

28 „как от судьи“ *Н, М*; *П* — от судьи

28 „от всех“ *Н, М*; *П* — ото всех

35 „сам“ *Н, М*; *П* — вам

Стр. 261

23 *Вместо* „человечка“: человека *Н, П*

Стр. 263

4 *Вместо* „противозаконном“: противузаконном *Н*

9 люди, несколько *Н*

16 „неуспешны“ *Н, М*; *П* — безуспешны

16 „Однако ж“ *Н, М*; *П* — Однако же

Стр. 263

19 „оборотился“ *М*; *П* — обратился

19 „назад“ *нет Н*

23 положили дело *П*

Стр. 264

11 другая была *Н*

34 „ридикулей“ *Н, М*; *П* — ридикюлей

Стр. 265

2 *Вместо* „Куда“: Куды *Н*

Стр. 265

26 „с ними“ *Н, М*; *П* — с лошадьми

30 „за кисет сафьянный с золотом“ *Н, М*; *П* — на сафьянный с золотом кисет

Стр. 267

13 несмотря на то *П*

17 „найтиться *Н, М*; *П* — найтись

17 „редко умный“ *Н, М*; *П* — редко и умный

18 „В то время как“ *Н, М*; *П* — В то время когда

19 *Вместо* „выдумывал“: выдумал *Н*

23 „и уже“ *Н, М*; *П* — и когда уже

Стр. 270

16 „и уже“ *Н, М*; *П* — как уже

21 „на всё общество“ *Н, М*; *П* — во всем обществе

32 *Вместо* „борща“: борщу *Н*

Стр. 271

15 „на тарелки“ *Н, М*; *П* — на тарелку

17 „то же самое время“ *Н, М*; *П* — то же время

Стр. 272

3 „не взглянули друг на друга“ *Н, М*; *П* — не взглянули они друг на друга

8 „в спину“ *Н, М*; *П* — за спину

13 „и в то место“ *Н, М*; *П* — в то место

31 „однако ж таки“ *Н, М*; *П* — они всё таки

Стр. 273

24 „за чорт знает что такое“ *Н, М; П* — чорт знает за что такое

Стр. 274

20 „*Вместо* „в продолжение десяти лет“: в продолжении целых десяти лет *Н*

Стр. 275

2 „два единственные человека“ *Н, М; П* — *нет*

34—35 „крилосе“ *Н, М; П* — клиросе

ТАРАС БУЛЬБА

*РЕДАКЦИЯ „МИРГОРОДА“ 1835 г.**

Стр. 279

2 *Вместо* „на вас.... эдак все“: у тебя такое? Это поповский подрясник? Что, у вас все так

4 *Вместо* „Бульба“: Кульбаба

5 *Вместо* „бурсе“: Академии

6 к отцу своему

7 *Вместо* „слезли“: взлезли

7 „были“ *нет*

8 *Вместо* „недавно“: только

10 *Вместо* „которого“: до которого

12 13 в землю [одетые в несколько длинные сюртуки]

16 *Вместо* „Ну, ну, ну!.... не было“: Таких с роду еще не было

17 *Вместо* „побегите“: бегите

17 не попадаете ли вы? А по латыни заяц?

18 „Свиткой.... у малороссиян“ *нет*

---

* *Варианты приводятся только по черновой рукописи (РЛ) и поэтому в каждом отдельном случае ссылок на источник не делается.*

1 батьку [говорил]

3 5 *Вместо* „Фу, ты какой .... поколочу“: „Смотри, какой хват! а отчего ж бы не смеяться?“ „Да так. Хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то ей богу побью.[1]

6 7 „сказал .... назад“ *нет*

10 *Вместо* „Как же .... на кулаки?“: „Что ж, как ты хочешь со мной биться?“ сказал Бульба, немного отступив: „на кулаки разве?“

13 с сыном [начали приветствовать]

15 *Вместо* „худощавая“: и сухая

16 *Вместо* „стоявшая“: <*1 нрзб.*> стоя

16 „и“ *нет*

17 своих и плакавшая [остав<?>] слез<ами> радости.

18 домой вот

21 *Вместо* „хорошо“: добре

23 *Вместо* „с сыном“: с ним

24 *Вместо* „Добре“: Добре, добре

24 *Вместо* „колоти всякого“: всякого колоти

25 *Вместо* „А всё-таки на тебе смешное“: А такое смешное на тебе

26 Что это у тебя

28 *Вместо* „к младшему“: к другому

28 „ты“ *нет*

29 *Вместо* „еще выдумал“: выдумал еще

29 *Вместо* „обнимавшая“: [об<нимая?>] [при<нимаясь?>] бросившись обнимать

30 *Вместо* „И придет же в голову“: И пришло же этакое в голову

31 *Вместо* „Притом будто до того“: Да и <до> того будто

---

[1] *Написано вверху страницы. В тексте:* [А не то] если будешь смеяться, то хоть ты мне и батько, однако, ей богу, побью.

3 вам нежба? [Острая]?

4 „вот ваша нежба“ *нет*

4 *Вместо* „А видите .... матерь!“: Острая сабля — вот ваша матерь. А мушкет видите вы, что у меня висит — вот это ваш батько. А не я, то другой... [А то]

5 *Вместо* „чем набивают вас“: что ни есть

6 *Вместо* „всё это *ка зна що*“: [всё дрянь] всё то ни к чорту <*1 нрзб.*> не служит

7 всё это! [Это всё чорт знает что такое]

8—9 „которого .... делают!“ *РЛ*$_1$; *М* — которое в печати несколько выразительно, и потому его можно пропустить.

10 *Вместо* „наберетесь разуму“: разума наберетесь.

12 *Вместо* „всего .... быть им“: неделю одну пожить

13 *Вместо* „худощавая старуха-мать“: старуха, которая, казалось, вся была слита из одной материнской любви

14 *Вместо* „им, бедным .... узнать им“: не удастся им, и дому [узнать] родного не узнать

17 *Вместо* „старуха“: стара́

17 *Вместо* „возиться с бабами“: с бабами возиться. [Скорее]

19 *Вместо* „маковиков, медовиков“: маковиков и медовиков

20 *Вместо* „тащи нам“: при нам

22 с выдумками [и вытребеньками]

22 *Вместо* „родзинками“: и с родзинками

26 *Вместо* „пугливо“: с испугом

26 *Вместо* „здоровые“: дородные

27 *Вместо* „увидевши“: увидев

29 *Вместо* „касалось XVI века“: [было] касалось XV века, [в годину Унии] в годину начинавшейся унии

Стр. 281

32 *Вместо* „Окна в светлице были маленькие": Окна [были в] маленькие

33 в старинных деревянных

34 *Вместо* „занимавших .... зеленые": сделанных угольниками, занимавших углы комнаты, стояли синие, зеленые

Стр. 282

1 „позолоченные чарки" *нет*

2–5 „венецианской .... времена" — *позднейшая приписка*

2 *Вместо* „зашедшие": [дошедшие] [перешедшие] [собранные] пришедшие

3 *Вместо* „чрез третьи и четвертые руки": через третьи и через четвертые руки

4 *Вместо* „что было очень обыкновенно": как обыкновенно делалось

4 в эти [разгульные]

5 *Вместо* „Липовые скамьи": Лавки

6 *Вместо* „печь": пещь

6 „разъехавшаяся на полкомнаты" *нет*

7 *Вместо* „нарисованными": [нари<сованными>] рисованными

8 *Вместо* „все .... знакомы": Всё это было очень знакомо

9 *Вместо* „приходившим": приезжавшим

10 *Вместо* „каждый год": каждое <*1 нрзб.*>

10 *Вместо* „каникулярное": летнее

11 *Вместо* „у них не было еще": еще не было у них

11 „и потому .... У них" *нет*

14 *Вместо* „мог": имел право

14 *Вместо* „их всякий": всяк

14 оружие и потому, что школярам и не позволялось ездить на конях.

Стр. 282

15 *Вместо* „из табуна своего“: из своего табуна

17 *Вместо* „сынки“: сыны

18 „Будьте .... Андрий!“ — *приписано позже внизу страницы*

19 *Вместо* „Дай же“: Да дай

19 б ы л и [впе<реди?>]

22 с в о ю [що<ку?>]

23 *Вместо* „хороша горелка?“: добра сивуха?

24 35 *Вместо* „То-то, сынку .... по четвергам“: А? Не знаешь! Вот то и есть. Глупый был народ все латынщики: они не знали, что и на свете есть горелка. Как зовут того, что латинские вирши писал, Горасько или Гораций? Я [уже позабыл] человек не письменный, то и не помню. Я думаю, архимандрит не давал вам понюхать горелки. А что, сынки, признайтесь, порядочно вас расписывали по ногам и спине плетюгами! Я думаю, кроме суботки, и по середам, и четвергам драли вас?

Стр. 283

2 ф л е г м а т и ч е с к и м, сурьезным

4 *Вместо* „Теперь .... татарва“: И мы будем расписывать других, прибавил Андрий: только уже [саблями] не канчуками, а порохом да списами.

6 *Вместо* „Добре“: О, добре

6 Д а [что]

7 *Вместо* „ей богу, еду!“: ей богу!

7 18 *Вместо* „Какого дьявола .... и фляжки“: Чего мне тут дожидаться? Что, я должен смотреть за полем своим да за хлебом? или бабиться с женою? С какой стати я буду сидеть дома? Чего не видал я, разве кур да гусей да [сви<нопасов>] пастухов, что свиньи пасут. Да я

Стр. 283

козак. [Я их хочу] [Я хочу сам козаковать] Я хочу ⟨*2 нрзб.*⟩. [Что] Так что ж ⟨что⟩ нет войны? Да и войну можно сейчас сделать. Ей богу, еду с вами! — И старый Бульба мало-по-малу рассердился совершенно и встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Еду завтра же! зачем откладывать? Завтра же выведут коней нам. [Зачем сидеть] Какого врага сидеть! К чему нам этот хлеб? на что нам эти горшки? и при этом Бульба начал швырять и колотить горшки и фляжки.

21 *Вместо* „о таком“: об таком

22 *Вместо* „удержаться от слез“: удержать слез своих

24 *Вместо* „не мог“: не в силах был

24 *Вместо* „безмолвной“: той гигантской

25 *Вместо* „судорожно“: уныло

27 *Вместо* „в грубый XV век и притом“: в грубом XV веке, которые могли только возникнуть

29 *Вместо* „о землях“: о праве земель

30 *Вместо* „к каким принадлежала“: в которых находилась

31 32 *Вместо* „Вечная .... наций“: [которой] Ее пограничность и необходимость защиты [ее[1]] разнохарактерная нация на страже

34 *Вместо* „сынов ее“: ее народа, питало

35 „Тарасе“ *нет*

Стр. 284

2 е е всю

2 в о и н с т в е н н у ю [кирасу]

2 *Вместо* „означены были“: были означены

3 и з ч и с л а [первых] [главных]

---

[1] *Начато:* тр

5 *Вместо* „добыча .... преимущества“: те не[1] согласились оставить, не заводить[2] войны с ханом за разграбленый соляной обоз.

8 *Вместо* „всех“: своих

8 с себя свое

9 Когда вы [сами]

10 *Вместо* „чорт“: сам чорт

11 *Вместо* „наберу .... полк“: свой наберу полк

11 *Вместо* „кто .... мое“: кто меня обидит

12 я буду [уметь показать, что значит]

14 отцовского [владения]

15 „состоял .... воинов“ — *позднейшая приписка*

16 *Вместо* „желанию“: железной воле

17 до набегов [и всякую <*2 нрзб.*>]

17 *Вместо* „до набегов и бунтов“: до набегов, бунтов

18 *Вместо* „и в каком“: на каком

19 *Вместо* „дети“: диты

21 вмешивался непременно

22 разбирал [причины]

22 *Вместо* „в таком .... приставал“: тогда только приступал

25 *Вместо* „по его .... случаях“: по его <мнению> [правильно в следующих случаях: против ровных их]

25 если [угоняла]

26 или обманом

26 *Вместо* „часть“: кусок

28 „перед ними“ *нет*

28 *Вместо* „посмевались“: посмеялись

29 *Вместо* „в этих случаях“: тогда по его мнению

30 против поляков

34 ни в какую строгую

---

[1] были согласны [2] ссору

Стр. 284

34 *Вместо* „даже“: тоже

34 не приведенное в совершенную

35 *Вместо* „способствовало .... партизанов“: посеяло существование многим совершенно отдельным партизанам.

Стр. 285

1 „Жизнь .... что-нибудь“ *нет*

5 *Вместо* „Бульба“: он

5 „о том“ *нет*

6 *Вместо* „сыновьями“: сынами своими

6 *Вместо* „посмотрите“: диты, смотрите

7 каких я [вам двух сынов]

7 „о том“ *нет*

7 как он

7 *Вместо* „повезет их“: повезет

9 *Вместо* „поглядит“: [будет глядеть на них, как] [и будет просить[1]] глядит

10 науке и [разгульном]

11 *Вместо* „почитал тоже“: тоже почитал

12 *Вместо* „отправить их одних“: их одних отправить

14 „требовавшей его присутствия“ *нет*

15 *Вместо* „своих сыновей“: их

17 ехать [и в одну минуту]

17 *Вместо* „необходимость“: причина

18 только его

18 *Перед* „Не теряя“: [Он в то же время]

20 *Вместо* „Товкачом“: Долбешкою

22 машину [который с таким равнодушием]

22 *Вместо* „он равнодушно“: он так равнодушно

25 чтобы [напоить лошадей[2] покормить пшеницею]

---

[1] *Начато*: выд [2] выбрать

Стр. 285

26 *Вместо* „покамест он даст“: до тех пор пока он не даст

27 *Вместо* „пошел он“: он пошел

27–30 „*Вместо* раздавая .... Чортом“: отобрал, кого взять с собою, велел напоить лошадей и накормить пшеницею и подать себе коня Чорта, которого хотел он при этом случае объездить.

31 *Вместо* „дети .... спать“: диты, теперь спать лягай

31 *Вместо* „делать то“: делать

33 спать [среди двора]

34 „только-что обняла“ *М*; *РЛ*$_1$ только [покрыла] [обняла] ⟨*не дописано*⟩

35 *Вместо*: „накрылся .... захрапел“: как раз посреди двора, накрылся бараньим тулупом, потому что тогда была молодая[1] майская весна и[2] ночной воздух ⟨был⟩ довольно свеж

Стр. 286

3 4 *Вместо* „последовал .... запело“: вскоре захрапел весь двор, все что ни лежали в разных углах

5 *Вместо* „всего“: всех

6 *Вместо* „для приезда“: по случаю приезда

6 *Вместо* „Она .... дорогих“: [сидя в головах своих] припавши к изголовью двух

8 *Вместо* „их молодые“: молодые их

10 *Вместо* „вся превратилась“: вся [перешла в одно] ⟨*1 нрзб.*⟩

12 грудью [она укачивала их в колыбели]

12 *Вместо* „взлелеяла“: возлелеяла

13 только [на одну⟩]

---

[1] весна [2] [довольно]

Стр. 286

16 *Вместо* „изменивших .... прекрасное“: [на ее бле<дном лице?>] измявших ее бледное, сухое

18 „удалого“ *нет*

18 „только“ *нет*

20 *Вместо* „прельститель“: обольститель

21 для сабли, для [товарищества]

21 для бражничества. [Что такое ее была жизнь?]

23 „о нем“ *нет*

24 *Вместо* „они жили“: жила

24 *Вместо* „что за жизнь ее была?“: какая жизнь?

24 25 *Вместо* „Она .... побои“ Она терпела *<1 нрзб.>* [побои часто] побои

26 *Вместо* „странное“: бедное

27 на которых [Запорожье]

28 31 „Молодость.... морщинами“ —*позднейшая вставка*

29 „перед нею“ *нет*

32 чувства ее

32 нежного [в женщине]

33 всё [превратилось]

33 *Вместо* „у ней“: в ней

33 чувство. Она потонула в материнской любви своей.

34–35 *Вместо* „вилась .... Ее сыновей“: вьется над[1] своими детьми. Но то, что составляло предмет[2] всей ее жизни или лучше—самую ее жизнь, и всё это нарочно для того, чтобы она могла пользоваться им, и ее сыновей

Стр. 287

1 чтобы [может, никогда ей не видать]

1 *Вместо* „не увидеть их“: не обнимать ей

---

[1] ними [2] всего ее быт<ия>

3 *Вместо* „им головы .... которые“: ему голову и[1] тело, она не узнает даже, где лежит его[2] дорогое[3] тело,[4] которое

5 за [1 *нрзб.*]

5 *Вместо* „которых“: которого

9 *Вместо* „задумал оттого“: оттого задумал

12 *Вместо* „густую .... и высокий“: неподвижно стоявшие <*1 нрзб.*> верб, высокий

14 своих и

15—16 рассвет [при<легли?> все]

16 „на траву“ *нет*

18 *Вместо* „по ним“: по полю

19 света [как будто бы]

19 *Вместо* „внутренно желала“: как будто <*не дописано*>

20 дольше. [С поля]

21 звонкое [дребезжание]

22 *Вместо* „проснулся“: встал

24 *Вместо* „Напойте“: Напоить

25 *Вместо* „он обыкновенно“: обыкновенно он

26 лежит. Нужно[5] хорошенько нагрузить козацкие животы

31 *Вместо* „лучшие убранства“: лучшее убранство. [Скро<мные?>]

32 сапогов [красные]

34 *Вместо* „в Черное море“: с Черное море [в тысяче]

34 *Вместо* „и со сборами“: со сборами [вооружились]

35 *Вместо* „прицеплены .... и прочими“: прицепили[6] длинный ремешок с кистями и разными

---

[1] [никто не поплачет над ним в чистом поле] его брошенное тело [2] прах [3] для нее [4] [ее] [5] порядочно [6] кожаный

Стр. 288

2 *Вместо* „Казакин .... огонь“: [Алый] Казакин алого как огонь <цвета?>

2 *Вместо* „опоясался узорчатым поясом“: [подобрался] опоясался поясом узорчатым

3 *Вместо* „были“: [прямо] прочно

4 Их лица [как то посвеж<ели>]

5 *Вместо* „побелели“: посвежели

7 они были восхитительно

9 *Вместо* „промолвить“: сказать

11 всё готово! в путь

12 христианскому [прис<ядем?>]

14 *Вместо* „хлопцев“: простых холопьев

15 дверей. Минуту продолжалось общее молчание

17 *Вместо* „воевали храбро“: были храбры, воевали

19 духу их [не пахнуть]

20 *Вместо* „Подойдите, дети“: [А вы] Детки, подойдите

21 *Вместо* „Мать“: Но мать [бледная]

22 *Вместо* „обняла .... две“: обняла их и не говорила ни слова; она наконец вынула из за пазухи две

24 сынки мои

25 *Вместо* „о себе“: об себе

26 Ну, пойдем, пойдем

26 *Вместо* „У крыльца“: У ворот

28 *Вместо* „отшатнулся“: потянулся <и> запрыгал

31 кинулась к [одному]

32 *Вместо* „нежности“: невольной мягкости

32 она [облипла около]

Стр. 289

1 *Вместо* „взяли ее бережно“: бережно взяли ее

4 ее летам, вырвавшись даже [из рук несравненно ее сильнее] из сильных рук

Стр. 289

7 смутно [и боялись]

8 *Вместо* „с своей стороны тоже“: тоже с своей стороны

9 *Вместо* „не старался этого показывать“: [не показывал] не старался показывать этого

11 *Вместо* „оглянулись назад“: назад оглянулись

12 *Вместо* „только .... домика“: Только две трубы видны были от их [дома] скромного дома

13 вершины дерев были видны

14 *Вместо* „один .... еще“: еще только луг

16 жизни своей

17 *Вместо* „траве его“: траве и ловили кузнечиков

18 *Вместо* „козачку“: смуглянку

18 чрез него [на ножках сво⟨их⟩]

19 свежих и

19 *Вместо* „один только шест“: скрылся один шест [колодца]

20 с [изломанным]

21 „одиноко торчит на небе“ *нет*

21 уже та

22 *Вместо* „кажется издали“: издали кажется

22 *Вместо* „собою закрыла“: скрыла собою

24 молчаливо [потупив головы]

27 *Вместо* „желавший бы“: хотевший

Стр. 290

1 *Вместо* „зенице“: зеницах

3–4 *Вместо* „Теперь .... его“: Но теперь не мешает что-нибудь сказать о сыновьях.

5 *Вместо* „по двенадцатому .... академию“: в академию уже несколько взросшими, им было около двенадцати

5–6 *Вместо* „все почетные сановники“: почтенные рыцари

6 времени, занимавшие важные места

8 „тогда“ *нет*

9 *Вместо* „как все“: как и все

9–11 *Вместо* „дики .... похожими“: дикие, воспитанные на свободе, которых акад<еми>ческие лозы несколько вышлифовали и давали им всем что-то похожее

13 *Вместо* „в первый год еще“: с первого года

13 высекли [больно]

15 *Вместо* „бесчеловечно .... новый“: попы покупали новый.

16 *Вместо* „Но без сомнения“: Но [всё это не помогло бы] без всякого-сомнения

17 *Вместо* „и в пятый“: в пятый

17 *Вместо* „не дал ему“: ему не дал

18–23 *Вместо* „продержать .... заниматься ею“: что если он <не> выучится в академии всем наукам, то он его продержит в монастырских служках [20 лет] и Запорожья он носом не увидит. Нужно знать, что Тарас сам при этом любил показать [что] пренебрежение к письменности.

25 *Вместо* „Тогдашний род“: Но вообще можно сказать, что тогдашний образ

27 решительно никак

28 „к времени .... не повторялись“ *нет*

29 *Вместо* „Ни к чему .... от опыта“: Ученые ни к чему не могли применить своих знаний. Эти наставники часто были еще более невежи, потому что совсем были удалены от опыта.

29 *Вместо* „Притом же“: При этом

34 внушить какую-то

35 *Вместо* „Иногда“: [Плохо<е?>] Часто

1 *Вместо* „иногда частые“: и частые
1 *Вместо* „иногда многие“: притом многие
2 *Вместо* „пробуждающиеся“: которые пробуждаются
3 „соединившись“ *нет*
5 Киева [выдумывала]
6 *Вместо* „всех быть осторожными“: всякого быть осторожным.
7–8 *Вместо* „руками .... своих“: руками своими, как орлицы детей своих, пироги, бублики, арбузные семечки
9 *Вместо* „Консул“: Сам консул
10 *Вместо* „сотоварищами“: товарищами
11 страшные [шаров<ары>]
12 *Вместо* „зазевавшейся торговки“: как-нибудь зазевавшейся перекупки.
13 *Вместо* „в круг высший“: в обыкновенный высший круг
14 состоявший в Киеве
15 не допускались [низшие их]
15 несмотря на [свое]
16 „их“ *нет*
17 *Вместо* „наставление“: приказание
19 монахи [почти]
19 ликторы [драли]
20 *Вместо* „своих“: самих
22 *Вместо* „казалось .... крепче“: мало [было] чем было крепче рюмки
25 *Вместо* „если сами .... на пути“: самих их не перехватывали на пути. [Он сам]
26 что [наконец]
27 *Вместо* „богословию“: поэзию
28 *Вместо* „неумолимых“: от неумолимых
30 *Вместо* „твердость“: ту твердость

Стр. 291

31 „всегда“ *нет*

32 предприятиях — [обокр<асть>]

33 „или .... одним“: но всегда был

Стр. 292

1 *Вместо* „и розги .... его“: не в силах его были заставить

2 *Вместо* „суров“: очень суров [как]

3 *Вместо* „по крайней мере“: И по крайней мере

4 *Вместо* „о другом“: о нем

5 *Вместо* „доброту“: ту доброту

5 *Вместо* „в таком виде .... только“: в каком виде только она могла

7–8 *Вместо* „это .... смущало“: одно только смущало его

11 *Вместо* „охотнее“: живее

12 *Вместо* „с каким“: с которым

12 *Вместо* „принимается“: должен заниматься

13 *Вместо* „был более“: более, кажется, был

14 предводителем иногда

15 *Вместо* „ума своего“: своего ума

16 *Вместо* „увертываться“: увертывать

18 просить [о про<щении>]

19 *Вместо* „кипел“: трепетал

19 *Вместо* „с нею“: с тем

20 *Вместо* „Потребность любви вспыхнула“: [Страст<ные?>] Чувства [юноши] любви вспыхнули

21 *Вместо* „когда“: по мере того, как

23 *Вместо* „диспуты“: тонкости

23 ее поминутно [нежную] [свежую] [прекра<сную>] [в то]

24 *Вместо* „беспрерывно мелькали“: так <и> мелькали беспрерывно

25 перси [рука]

Стр. 292

26 *Вместо* „вся обнаженная рука“: рука, вся обнаженная

26 *Вместо* „платье .... сладострастием“: платье ее, но в мечтах его дышавшее каким то невыразимым сладострастием, обвивавшее ее свежие девственные и вместе мощные члены.

29 *Вместо* „от своих .... души“: эти движения страстной юношеской души от своих товарищей

30 в е к Малороссии

31 *Вместо* „думать козаку“: козаку думать

32 *Вместо* „Вообще“: Но вообще

32 *Вместо* „реже“: менее

34 *Вместо* „где-нибудь в уединенном закоулке“: в уединенных закоулках

35 *Вместо* „среди .... на улицу“: и усеянных низенькими домиками [которых небольшие окна заманчиво смотрели] заманчиво смотревших ⟨?⟩

Стр. 293

2 а р и с т о к р а т о в в [бывшем]

2–3 „малороссийские и“ *нет*

4 *Вместо* „Один раз“: В то время

5 н а н е г о какая⟨-то⟩

7 *Вместо* „довольно исправно“: в знак усердия по спине

9 *Вместо* „колесо .... колымагу“: колесо колымаги и остановил ее.

11 *Вместо* „отхватить руку“: [отнять] принять руки

12 *Вместо* „на землю“: [лицом в грязь] навзничь на улицу

13 *Вместо* „глаза“: голову

15 *Вместо* „озаренный“: осененный

17 *Вместо* „придавал“: распространял

17 „ослепительной“ *нет*

Стр. 293

18 *Вместо* „Он глядел“: и [про<должал?>] глядел
18 „совсем потерявшись“ *нет*
20 замазывался. [Он узнал по<том?>]
21 *Вместо* „в богатом .... за воротами“: стояла за воротами в богатом убранстве
22 *Вместо* „молодого бандуриста“: молодца на бандуре
23 *Вместо* „подняла смех, увидевши его“: подняла его на смех и не удостоила
26 *Вместо* „В следующую же“: и в следующую же
27 *Вместо* „в сад“: в саду
28 *Вместо* „упиравшими в самую крышу“: на крышу
29 „с дерева перелез на крышу“ *нет*
31 сидела [и]
31 перед свечою и [скидала]
31 вынимала <*1 нрзб.*>
32 испугалась <*1 нрзб.*>

Стр. 294

4 *Вместо* „он был очень“: он очень был
4 *Вместо* „Она .... забавлялась“: Она долго забавлялась и смеялась
6 *Вместо* „пронзительно-ясные, бросали взгляд“: [полные] фантастический бросали взгляд
9 „смело“ *нет*
10 *Вместо* „накинула“: накрыла
13–14 *Вместо* „отличаются ветреные“: всегда отличаются победоносные
15 смущение. [Он глядел на нее неподвижно с раскрытым ртом и преданными] [Он представлял собою]
16–17 *Вместо* „в ее ослепительные“: в обольстительные ее
21 *Вместо* „Но на этот раз“: На этот раз однако же

Стр. 294

25–27 *Вместо* „проходить .... многочисленна“: [он долго не отваживался проходить мимо дома] проходить мимо этого дома было очень опасно, потому что дворни у воеводы было много

27 *Вместо* „увидел ее еще“: видел ее

28 *Вместо* „очень приятно“: ⟨*1 нрзб.*⟩

29 *Вместо* „он видел .... раз“: Еще один раз он видел ее

29 „и“ *нет*

30 прекрасной [брюнетки]

31 *Вместо* „выглядывало .... лицо“: выглядывала из его окон какая-то толстая рожа.

32 *Вместо* „повесив“: повесивши

34 *Вместо* „уже давно“: давно уже

„их“ *нет*

35 *Вместо* „обступивши, скрыла их“: обступала и закрывала ⟨их⟩

Стр 295

1 2 *Вместо* „одни .... колосьями“: мелькали.

3 *Вместо* „что же“: что ж

4 как будто [чернецы]

5 чернецы! [А где ваши люльки?]

5 *Вместо* „разом, разом! Все думки“: разом все ваши думки

6 в зубы ваши

7 *Вместо* „птица не угналась“: орел не угнался

9 „к коням“ *нет*

10 *Вместо* „Уже“: и уже

10 шапок их

10 видеть издали

10–11 *Вместо* „одна .... молния“: только одна молния быстрая

Стр. 295

13 *Вместо* „на расчищенном небе“: и небо совершенно расчистило

14 *Вместо* „степь“: степи

16 слетело и

16 встрепенулись [и вскипели только волею] ⟨*2 нрзб.*⟩ [огненною силою юности]

16 птицы, жадные воли

17 „тем“ *нет*

17–23 *Вместо* „Тогда весь .... лучше их“: Тогда весь Юг, всё то пространство, что составляет нынешнюю Новороссию, было до самого Черного моря [пусты⟨нно?⟩] девственно-пустынно. Никогда плуг не проходил по неизмеримым равнинам диких растений. Одни только кони вытоптывали ⟨*2 нрзб.*⟩

25 *Вместо* „тонкие .... травы“: тонкую, высокую траву

30 *Вместо* „Под тонкими их“: Под самыми тонкими

31 „Воздух .... свистов“ *нет*

32–34 *Вместо* „В небе .... в траву“: Над ними в небе неподвижно [стояла туча] стояли ястребы, распластав свои крылья и устремив глаза в траву.

35 *Вместо* „отдавался .... озере“: наполнял вольный небесный воздух. [Могущ⟨ественно?⟩]

Стр. 296

1 *Вместо* „взмахами“: движеньями

3 *Вместо* „мелькает .... точкою“: черная точка мелькает

4 „крылами“ *нет*

6 *Вместо* „несколько“: на несколько

6 для обеда [который состоял]

8 баклажки с [водою и]

9 *Вместо* „только .... коржи“: коржи с салом или сало с хлебом и [отправ<лялись?>] [пили и отправлялись дальше]

10 „по одной чарке единственно“ *нет*

12 „в дороге“ *нет*

13—18 *Вместо* „совершенно .... амбру“: изменялась совершенно и представлялась вовсе в другом виде, нежели днем. Всё пестрое пространство охватывалось, темнело; каждый цветок в тишине вечера пускал амбру [благоуханье] и мирру

20 наляпаны были [серебряно-розовые и золотисто-ро<зовые?>]

21—24 *Вместо* „изредка .... к щекам“: самые смелые, неправильные, [белые]. легкие и тонкие облака обступали их, и свежий душистый, обольстительный как морские волны, ветерок хотел принести вместе с мраком и очищенное <*не дописано?*>

25 другою. [Миллионы невидимых насекомых, наполнявших траву <*2 нрзб.*> странным]

25 *Вместо* „Пестрые“: Пестренькие

26 лапки и [свистели]

28 *Вместо* „Иногда .... в воздухе“: и вдруг снова эти легкие крики слышались из какого-нибудь уединенного озера или [из] даже из самого Днепра, крик лебедя, который <как> серебро раздавался.

30 Путешественники [наши раскладывали костры]

30 „избирали ночлег“ *нет*

и ставили [котел с]

32 *Вместо* „варили себе“: кипятили

Стр. 296

32 *Вместо* „косвенно дымился на воздухе“: стлался [по небу косвенным облаком] белым прозрачным дымом по воздуху.

33 *Вместо* „Поужинав“: Повечерявши

35–36 раскидывались на своих

Стр. 297

1 *Вместо* „насекомых, наполнявших траву“: скрывавшихся в траве насекомых

2 весь [этот]

2 треск и [неугомонный]

4 *Вместо* „доходило до слуха“: [представлялось] доходило к ним чем-то

4 *Вместо* „Если же .... из них“: И если кто-нибудь

8 освещалось *<1 нрзб.>*

8 *Вместо* „от выжигаемого .... летевших“: от зажигаемого [прошлогодчего] сухого тростника по [берегу] лугам и темная вереница лебедей, [летевших] путешествовавших

12 „темному“ *нет*

15 *Вместо* „верхушки отдаленного“: отдаленные верхушки

17 *Вместо* „сыновьям .... траве“: детям на мелькнувшую в траве черную

19 *Вместо* „скачет татарин“: татарин скачет

19 *Вместо* „головка .... свои“: голова с усами уставилась вдали прямо на них узкими глазами своими

22 человек. [Тарас ударил только в сторону]

23 во веки веков

25–30 *Вместо* „Бульба .... путь“: он взял предосторожность. Они прискакали <к> небольшой речке, Татарке, [впадающей] кинулись [<в> волны] в воду

Стр. 297

с конями и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой.

31 уже [близко]

31 *Вместо* „служившего .... поездки“: к которому неслись

33 Вот он [блеснул]

34 „Он“ *нет*

35 половину [всего полушария]

Стр. 298

2 *Вместо* „дотоле спертый“: спертый и стесненный дотоле

2 *Вместо* „брал“: взял

3 *Вместо* „по воле“: на воле

5 *Вместо* „не встречая“: не видя

6 *Вместо* „сошли .... взошли“: [*2 нрзб.*] с конями своими взошли

7 *Вместо* „чрез три часа“: [на] чрез день

8 где [имела <жилище?>]

8 Сеча [быстро]

10 коней [и пустились пря<мо>]

10 *Вместо* „Тарас“: Старый Тарас

14 *Вместо* „все вместе“: [оба] все

15 *Вместо* „за полверсты“: за версту

15 *Вместо* „При въезде“: [Это] [Когда] [Как только] При самом первом въезде

15 *Вместо* „оглушили .... молотов“: оглушило [*1 нрзб.*] 60 молотов

17 *Вместо* „дерном .... в земле“: зеленою травою

17 Сильные дюжие

18 *Вместо* „на улице“: на улицах

19 *Вместо* „бычачьи“: сырые

20 *Вместо* „и порохом“: серой

Стр. 298

20 „Армянин .... платки“ *нет*

22 *Вместо* „голову“: бороду

23 горелку [и первый, успевший попробовать этого нектара запорожец, лежал на самой середине улицы, раскинув руки и ноги] [Старый]

26 *Вместо* „на него“: видом запорожца.

27 *Вместо* „как важно развернулся“: важно как [раскинулся] растянулся

28 *Вместо* „остановивши коня“: глядя на него с какою <-то> завистью.

28–30 *Вместо* „В самом .... на дороге“: Действительно, это<т> запорожец, как лев [раскинулся] растянулся на земле.

30 „гордо“ *нет*

31 *Вместо* „на пол-аршина“: пол-аршина

31 *Вместо* „Шаровары .... презрения“: Широкие шаровары алого дорогого сукна он сам запачкал дегтем, чтобы показать презрение к ним.

33 *Вместо* „Полюбовавшись .... улицу“: Поглядевши с минуту, он пробирался далее в тесной улице.

35 *Вместо* „наполнявших“: которые [имели право] наполняли

Стр. 299

1–2 *Вместо* „которое было .... только“: похожее на ярмарку, одевавшее и кормившее ее, умевшую

5 *Вместо* „покрытых дерном, или“: иные покрыты были дерном, другие

6 *Вместо* „установлены были“: уставлены

7 *Вместо* „с навесами .... столбиках“: с [прысь <бами?>] [*1 нрзб.*] портиками из тоненьких деревянных столбиков

10 *Вместо* „показывали страшную беспечность“: ни одного человека на стороже, всё [было беспечно] показывало страшную безпечность

13 *Вместо* „с сыновьями между них“: вместе с сынами

15 17 *Вместо* „На пространстве .... кучи“: [Четыре] Везде были раскинуты на пространстве [4] 6-ти верст группы народу [четыре]

17 Сеча! Вот Сеча

18 *Вместо* „гордые .... львы“: гордые [отважные] как львы, крепкие как быки [разгульные рыцари]

19 *Вместо* „на всю Украйну“: на всей Украйне!

19 *Вместо* „Путники выехали“: Путешественники ехали [между толпою]

21 „На большой .... дыры“ *нет*

23 *Вместо* „Им .... дорогу“: Тут им дорогу перегородила

24 в средине которых [отдирал]

25 *Вместо* „руками“: руки [как бы желая] [а вокруг него челове<к>]

27 *Вместо* „И Фома“: А Фома высокий

28 пристававшему *<1 нрзб.>*

30 *Вместо* „выработывали .... ногами“: чесали ногами землю.

32 музыкантам [и пустившись в п<рисядку>]

32 „неслися“ *нет*

33 *Вместо* „своими .... землю“: [гопака серебряными] [осеребренную] в глухо-убитую землю. [К ним приставали]

34 „Земля .... тра-та-та“ — *позднейшая приписка*

35 *Вместо* „только отдавалось“: [всё слышалось] только слышно

1 „другие“ *нет*

2 *Вместо* „вся почти площадь“: вся площадь почти

3 *Вместо* „имело .... разительно - увлекательное“: представляло что-то разительное, электрическое, увлекательное. [Весь]

3–4 *Вместо* „Нельзя .... видеть“: Нельзя было <*1 нрзб.*> движения всей души, видевши

6 „и“ *нет*

7 *Вместо* „мощным“: могучим

7 козачка. [Тут только волен совершенно человек]

7–14 Только .... на вечность *РЛ*$_1$; *М — нет*

15 *Вместо* „от нетерпения, и“: от нетерпеливого желания

16 *Вместо* „сидел он“: он сидел

17 Иные лица

18–20 *Вместо* „прислонившись .... преступника“: или те, которых уже слишком разобрало, опершись около пушек или около столба, к которому привязывали на Сече преступников

20 топали [ногами]

21 *Вместо* „могли .... весельи“: [может выдумать человек] могут притти человеку в [полном] разгуле веселья

22 *Вместо* „свободно“: на свободе

25 Здравствуй [Свир<ид>]

25 *Вместо* „Откуда“: Откудова

25 *Вместо* „Ты .... зашел“: [Отку<дова>] [Из] [Вот] Откудова

27 Здравствуй, собачий сын

27 *Вместо* „видеть тебя“: тебя видеть

27 И [запо<рожцы?>]

28 *Вместо* „России“: Руси

29 *Вместо* „вопросы“: распросы

Стр. 300

30 *Вместо* „только в ответ Тарас Бульба“: Тарас Бульба в ответ только

32 *Вместо* „содрали“: содрано

33 *Вместо* „в бочке и отправлена“: и отправлена в бочонке

34 *Вместо* „раздумчиво“: [грустно] задумчиво

Стр 301

1 *Вместо* „Уже .... на Сече“: Тарас с сыновьями уже около недели жил на Сече. [В это время сыновья]

3 *Вместо* „несмотря .... просил“: хотя Тарас просил многих

4 *Вместо* „им руководителями“: их руководителями

9 *Вместо* „Промежутки“: Антракты

10 занимать [какою-ни<будь>]

11 *Вместо* „примерные турниры“: какие-нибудь примерные карусели

12 широкого [возмета]

12 *Вместо* „душевной воли“: [страсти] духа и воли. [Это бы<ло>]

15 свой. [Редко]

16 ремеслами и были—*не дописано*

16 *Вместо* „иные“: другие

17 до вечера, особливо

19 в себе что-то электрическое

20 *Вместо* „какое-нибудь сборище“: в общем значении какое-нибудь соборище каких-нибудь

21 *Вместо* „это .... разгулье“: оно было, просто каким-то бешеным разгулом

22 *Вместо* „приходящий“: приходивший

23 „что .... занимало“ *нет*

25 фанатика [и энту<зиазмом?>]

26 *Вместо* „сам“: он

Стр. 301

26 семейства <и> земли

27 „вечного“ *нет*

27 своей. [Он уповал, что] Он упивался им, не забывая вовсе себя

28 *Вместо* „которая .... источника“: какой ничто другое, ничто бы не произвело.

30 *Вместо* „среди .... на земле“: в среде собравшейся и лежавшей на земле кучи [дышали]

31 *Вместо* „дышали таким“: так дышали

Стр 302

1 *Вместо* „флегматическую наружность запорожца“: флегматические [лица] по наружности лица козаков

2 *Вместо* „ото всей души. Это“: во всё горло. Вообще можно сказать, что это

4 это был [разгу<льный>]

4 *Вместо* „товарищей .... в том“: товарищей [которым вместо класса] и вся разница

7 *Вместо* „на пяти тысячах“: на 20 тысячах

8 *Вместо* „производилась игра“: играли

11 *Вместо* „Разница“: Вся разница

11 *Вместо* „насильной“: насильственной

13 *Вместо* „отцов и матерей“: отцов, матерей

14 16 *Вместо* „уже .... разгуле“: веревка уже моталась на шее и вдруг, вместо бледной смерти, увидевшие жизнь и жизнь во всем ее разгуле.

16 которые [в жизни]

18 „что .... дотоле“ *нет*

21 *Вместо* „что-нибудь уронить“: выбросить что нибудь из них

21 *Вместо* „бурсаки“: академики

22 *Вместо* „лоз“: розг

Стр. 302

22 *Вместо* „не вынесли .... буквы“: ни одной буквы не вынесли из школы

24 которые [читали Горация]

26 убеждение [думать]

27 *Вместо* „только бы“: но только

28 *Вместо* „неприлично .... без битвы“: не воевать неприлично благородному человеку

29 „Здесь было“ *нет*

29 из [польской армии]

30 народа. [Это была]

31 *Вместо* „века“: времени

31 *Вместо* „Охотники .... ни одна женщина“: Здесь во всякое время охотники[1] до военной жизни, [и] до [чужих] золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов всегда могли найти себе пищу.

Стр. 303

1 *Вместо* „Остапу“: Нашим козакам, Остапу

2 *Вместо* „приходила на Сечу гибель народа“: гибель приходила на Сечу народа

4 *Вместо* „откуда“: откудова

4 *Вместо* „и как их зовут“: как их зовут

5 *Вместо* „как будто бы“: так, будто бы

6 *Вместо* „только .... вышли“: перед тем за час [только] вышли. [Он]

7 который [спрашивал]

9 отвечал обыкновенно

9 И [в божью матерь веруешь] [в церкви бываешь]

10 „Хожу“ *нет*

12 в который [знае<шь>]

13 *Вместо* „Этим .... церемония“: И этим оканчивалось всё.

13 . Сеча [была сильным оплотом]

---

[1] [могли] до битв

Стр. 303

15 *Вместо* „о посте“: об посте

18 потому что [коз ⟨аки⟩]

19 *Вместо* „рука вынула“: вынул

20 *Вместо* „платили“: платил

21 *Вместо* „селились“: жили

22 как только у [козаков]

23 *Вместо* „не ставало денег“: денег не было

24 *Вместо* „брали всегда даром“: отбирали ими же когда-то выпущенное.

24 *Вместо* „имевшая столько приманок“: которая имела неисчислимые приманки

25 „Остап .... такой жизни“ *нет*

32 *Вместо* „затеять .... дело“: какое-нибудь дело затеять

33 в недеятельности. [Он в один день]

Стр. 304

3 *Вместо* „пойти“: итти

3 *Вместо* „на Татарву“: Татарву

7 „Так“ *нет*

8 *Вместо* „он ведь бусурмен“: они ведь бусурмены

8 *Вместо* „священное“: святое

9 *Вместо* „бусурменов“: их

10 *Вместо* „Не имеем .... было“: Нет, не можно. Если бы мы не клялись, а то мы клялись нашею верою.

14 *Вместо* „приучиться и узнать“: поучиться и знать

15 *Вместо* „запорожцам .... итти“: не нужно запорожцам итти на войну

19–21 *Вместо* „и задал .... отправились“: задал пируху на всю Сечу и вместе с ними, разгулявшись до последнего разгула, прибыли

Стр. 304

22—24 *Вместо* „литавры .... у довбиша": литавры,[1] [ударивши] в которые [обыкновенно] били сбор на раду [и от которых палки находились]. Не нашедши палок, которые хранились <*1 нрзб.*> у довбиша

24 *Вместо* „они схватили": [наши] они взяли

25 *Вместо* „в них": в литавры.

26 *Вместо* „на то": на это

32 *Вместо* „окончание подобных происшествий": подобные [случаи] происшествия и окончание их.

Стр. 305

1 *Вместо* „отправились": отправилось

4 *Вместо* „не было худого": ничего худого тебе не было

6 на войну хоть на всех

7 дело пошло

7 не на шутку [Панове за<порожцы>]

9 запорожцы, [позвольте речь]

11 *Вместо* „зашумели": загули

12—16 *Вместо* „Вот .... есть очень много": Я [потому. человек простой и не письменный, желающий <*1 нрзб.*> такой, какой сами лучше знаете. Вам уже [может] известно, панове, что многие запорожцы позадолживались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один чорт и веры неймет. [Да я уже не говорю притом, что] Притом же оно, если взять в рассуждение, то очень много есть

19 *Вместо* „без войны .... пробыть": что без войны не можно [что]

21 *Вместо* „Вишь, он хорошо": Вишь, оно хорошо.

21 толкнув [посп<еш о>]

---

[1] от которых

Стр. 305

22 „локтем“ *нет*

22 головою. [Только не думайте]

23 „впрочем“ *нет*

24 *Вместо* „для того.... мир“: из того будто...

24 „Сохрани бог.... говорю“ *нет*

25 Притом же, панове

25 *Вместо* „грех сказать“: грех и сказать

26 „лет“ *нет*

28 убранства [без вся<кой?>] [не можно]

29–32 „Николай.... козаки“ *РЛ*$_1$; *М* — Хотя бы серебряную рясу кто догадался им выковать. Они только то и получили, что отказали в духовной иные козаки.

32 козаки [Чего им]

Стр. 306

5 *Вместо* „Честь“: И честь

5 не велит. [Так так]

5 *Вместо* „своему“: моему [мнению]

10 *Вместо* „головы“: голову

11 Кошевой атаман

11 *Вместо* „тревожить“: подымать

12 *Вместо* „ему казалось“: ему всё казалось [всё]

14 *Вместо* „Довольно“: Годи, годи!

15 *Вместо* „Когда“: Да когда

16 *Вместо* „Вам известно“: Уже известно вам

17 безнаказанно [за удов<ольствие>] [то гор<е?>]

18 силы [свежие]

19–21 *Вместо* „Притом же.... отправиться“: Да и татарва может напасть в нашу отлучку. Да и притом у нас и челнов теперь нет столько, чтобы всем отправиться.

22 воли. Мне бог дал по той причине <*2 нрзб.*> пришел перед панство, что есть

Стр. 306

27 совершенно [справед<ливо>] [*1 нрзб.*]

30 соседей [и татары]

34 *Вместо* „несколько недель“: месяц

Стр. 307

2 снаряжать [к другому]

3 загорелые [широкоплечие]

3 запорожцы с [усами седыми]

4 *Вместо* „засучив“: закатавши

5 *Вместо* „и стягивали“: стягивая

5 их [креп<ким канатом?>]

6–13 *Вместо* „Несколько .... большой паром“: Часть запорожцев была отправлена в скарбницу на противуположный утесистый берег Днепра, где в неприступной таемнице [нахо<дились>] они скрывали часть оружий своих. Бывалые <поучали других> с каким-то наслаждением, сохраняя сурьезный вид. И когда весь берег получил этот движущийся вид, хлопотливость овладела дотоле беспечными запорожцами, довольно огромной паром

17 *Вместо* „угнетены бедою“: были угнетены обстоятельствами

18 всё что [*1 нрзб.*]

19 на теле. [Приземистый]

19 *Вместо* „впереди“: напереди

20 *Вместо* „лет пятидесяти“: лет 40 с виду

20 *Вместо* „сильнее других и“: сильнее [всех] и

22 *Вместо* „в помощь“: в помочь

23 *Вместо* „приостановив свое занятие“: приостановивши занятие свое.

26 Говори, говори!

28 Слышали ли вы, [какие дела]

29 А что [такое]

29 *Вместо* „произнес“: сказал

Стр. 307

30 *Вместо* „Такие .... нечего“: Как что? что вы, панове, разве за горами живете или [до вас и дороги] вам и ушей не дал господь бог? [Что ж]

33 *Вместо*: „Что и говорить“: [Да там такое <делается?>] [Нечего] Такие дела делаются, что и говорить!

35 *Вместо* „с гордостью .... тайной“: с [потайным] тайным чувством наслаждения владеющего важною новостью.

Стр. 308

1 *Вместо* „кричала“: отвечала

3 не слыхали, что такое?

6 *Вместо* „татарин .... ваши“: господь бог [поотни<мал>] отнял у вас уши?

7 *Вместо* „Рассказывай“: Ну, рассказывай уже

9 *Вместо* „про то .... на аренды?“: и [об том] про то, [как] что уже жиды церкви святые, как шинки побрали на аренды?

12–14 *Вместо* „Так вы .... рукою?“: И что уже [хрещенному] христианину и пасхи не можно [спечь самому] есть, покамест жид не положит значка мелом?

16–22 *Вместо* „И что ксендзы .... юбки?“: И что ксензов возят из села в село в таратайках,[1] да еще пусть бы и не коней[2] запрягают, а просто мирян запрягают в оглобли. Так вы, может быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочет уже, чтоб мы все[3] кинули нашу христианскую веру? Так вы, может быть, ничего не слышали об том, что уже жидовки из поповских риз шьют себе юбки?

---

[1] в которые [2] в <них?> [3] причяли

Стр. 308

26 *Вместо* „в тишине совокупляли в себе“: [собирали] накопляли

30 беззаконию? [Что ж это сами полковники ваши и гетьм<ан>]

31 „отвечал .... козак“ *нет*

32 А [если бы]

33 *Вместо* „еще к тому и часть“: [самые] половина

34 веру. [50 тысяч, и вы не боялись? А что же делал гетьман?

Стр. 309

1 А знаете, [что]

3 „Где?“ *нет*

4 по ярмаркам, а [гетьмана сожгли в Варшаве]

7 *Вместо* „Содрогание пробежало“: Как будто какой-нибудь электрический удар пробежал

7 толпе, [мгно<вение>] [одно мгновение только]

8 обыкновенно [предвозвещает]

9—10 *Вместо* „миг .... речей“: в тот же самый <миг> чувства, дотоле [притаившиеся] подавляемые в душе силою дюжего характера, брызнули потоком огненных речей.

11 *Вместо* „чтобы“: чтоб

11 веру [да]

12 *Вместо* „эдакое .... христианами“: с православными христианами эдакое делать. [Да]

14 гетьмана! [Нет, этого не будет! Нет!]

16 народа [и превратились в совершенный гром и развязали все силы. Это было не]

16 Зашумели, зашумели

17 *Вместо* „свои силы“: железные силы свои

18 *Вместо* „всё характеры“: характеры всё

20 *Вместо* „уже долго не остыть“: долго не остыть уже.

Стр. 309

21 *Вместо* „жидовство над нами пановало“: и жидова уже над нами пановала!

21 *Вместо* „перевешаем всю жидову“: всю жидову перевешать!

22 „ее“ *нет*

23 *Вместо* „пролетели“: проникнули

23 молнией и [вся куча]

26–30 *Вместо* „Бедные сыны Израиля.... находили“: Бедные сыны Израиля,[1] растерявши всё присутствие своего мелкого духа, прятались под юбки своих жидовок, в пустые горелочные бочки, в печках, но неумолимые[2], беспощадные мстители везде ⟨их⟩ находили.

31 один [из жидов]

31 „и тощий“ *нет*

32 высунувши [посреди]

32 *Вместо* „жалкую“: бедную

33 „Ясневельможные паны“ *нет*

34 *Вместо* „чего“: что

35 такое важное, [что сказать, какое дело]

Стр. 310

1 *Вместо* „скажут“: скажет! Стойте, братцы!

1 *Вместо* „всегда любил“: любил всегда

4 ей богу, еще

4 ей богу, никогда [не видывано]

5 еще никогда

5 *Вместо* „умирал и дрожал“: дрожал и умирал

6 *Вместо* „думали.... что-нибудь“: что-нибудь думали про запорожцев

7 Те совсем [не жиды]

9 *Вместо* „поплевать“: наплевать [на тех жидов]

---

[1] прятались [2] везде

Стр. 310

11 *Вместо* „Шлема“: Гершко

12 *Вместо* „Шлема .... глина“: Шмуль с изодранным яломком и Гершко, оба белее глины.

16 с запорожцами жили

18 *Вместо* „Не дождетесь“: Не дождете

22 *Вместо* „но суровые .... на воздухе“: жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Черствые души козаков сопровождали это смехом.

24 высокий [адвокат <*1 нрзб.*>]

24 *Вместо* „на свою шею“: на себя

25 беду, [кинулся]

27 *Вместо* „покойного“: покойника

31 знал! [Вот вам]

32–33 „А как .... Янкель“ *нет*

34 *Вместо* „Хорошо .... *под* телегу“: „Ну, тогда я тебя проведу“ сказал Тарас и повел его к стоявшему своему обозу[1] с несколькими козаками: „Ну, полезай под воз и

Стр. 311

3 потому-что [бой]

4 *Вместо* „Несмотря .... раздольем“: Он <был> в полном духе. Ему и сыновьям его представлялось тоже широкое раздолье

8 *Вместо* „ему“: им

9 венец [в случае]

11 по [долгом]

12 совещании [решились]

13–15 *Вместо* „желая .... добычу“: и заплатить им [тем же, чем те] такою же монетою.

16 *Вместо* „только слышны“: слышны только

18 *Вместо* „заперты“: закрыты

---

[1] Полезай

Стр. 311

19 не было там

22 *Вместо* „исполнитель ветреных желаний“: консул

23 деспот, воин

25 *Вместо* „в рядах.... не смея“: почтительно опустили головы и не смели

28 *Вместо* „приводившей его“: его приводившей

33 бог [милосердный]

Стр. 312

4–7 *Вместо* „и войском.... отряду“: за войском и буду продавать провиант[1] по самой дешевой цене.

8 *Вместо* „польский юго-запад“: юго-запад польский

9 *Вместо* „про запорожцев“: [о] что о ⟨*не дописано*⟩

10 *Вместо* „стираемы“: очищены

11 *Вместо* „были вешаны“: вешались

12 *Вместо* „пируя“: веселясь

13 *Вместо* „за собою“: после себя

14 остановить [отряд их]

17 *Вместо* „прислал от себя двух“: послал к нему

19 и что [как он опре⟨делил?⟩]

20 *Вместо* „а вместе.... права“: и вместе с тем всякие права. [Кошевой от⟨ветил?⟩]

21 *Вместо* „от лица.... кошевой“: сказал кошевой от лица всех запорожцев

23 *Вместо* „раскуривают“: закуривают

25 *Вместо* „окна его“: его окна [угрюмо]

25 „солдат“ *нет*

27 *Вместо* „города.... оставленные“: большие города и деревни почти пустыми оставлялись

29 *Вместо* „не сдавался.... положили“: [не мог] не сдавался этим суровым мстителям. Военные чины [положил⟨и⟩], в числе которых занимал не последнее место Тарас Бульба, положили

---

[1] *Внизу страницы вместо* „провиант“: или жизненные припасы

2 Толпы [удалых]

3 стены и

5–7 *Вместо* „Жители .... случае“: Жители, вместе с небольшим числом войск, находившихся в городе, решились вытерпеть всю возможную степень бедствия и не сдаваться ни в каком случае неприятелю.

7 удвоили [*2 нрзб.*]

11 несмотря на [всё неумение свое, или лучше на]

11 *Вместо* „свои .... городов“: [бол<ее>] гораздо более предпочитали [набегам] осадам городов свои вольные набеги

12 не могло [крестным<?>]

13–15 *Вместо* „Молодые .... наши“: Часто юноши, попробовавши битв и опасности, сгорали нетерпением, и в числе их были и наши молодые

16 *Вместо* „в военном деле“: и военное дело

17 „вариации войны и“ *нет*

18 *Вместо* „опасностями“: опасностью и торжествовать над нею.

19 только [был]

24 *Вместо* „в очаровательную“: <в> страстно-очаровательную

30 *Вместо* „все спали“: все [совершенно заснули] запорожцы спали

31 на стороже. [Вся ночь свети<лась?>]

33 *Вместо* „вблизи и вдали“: со всех сторон [видны были зарева] вблизи, и вдали

34 *Вместо* „были видны зарева“: было видно зарево

35 *Вместо* „стлалось .... небесами“: поднималось, но в другом месте оно, встретив что то горю-

Стр. 313

чее, вдруг вихрем вейрварка свистело и летело вверх, касаясь оторванным охлопьем своим самих звезд.

Стр. 314

5 монах [глядел]
6 месте [нов<ое?>]
8 иногда же
9 *Вместо* „груш .... ветви“: [груш] ветвей, обвешанных грушами
10 даже [светлые сливы]
10 „издали“ *нет*
12 этого всего
14–18 *Вместо* „Над ним .... эхом“: Едва-едва только слышался крик птиц, поднимавшихся над ними кучами, и казались темными мелкими крапинами, брызнувшими на огненном поле. Среди тишины одни только спутанные кони производили шум и звонкое ржанье [отдавалось] с раскатами отдавалось удесятерявшим его эхом.
19 *Вместо* „и чудную“: и вместе величественную
21 *Вместо* „ему .... стоял“: когда нам кажется, что позади нас кто-то стоит.
22 *Вместо* „стоявшую подле себя“: подле себя стоявшую
24 *Вместо* „показались ему“: ему показались
25 „Он .... пристальнее“ *нет*
29 во глубине [души] ее
29 *Вместо* „закрыто, заглушено, подавлено“: [задвинуто] подавлено, закрыто, заглушено
30 *Вместо* „всплыло“: [появилось] [вылезло] выплыло
32 приливом [страстн<ого?>]

Стр. 314

33 *Вместо* „потоком излились из его груди“: [кучей] потоком вырвались из груди
34 *Вместо* „Откуда“: Откудова
35 Говори и

Стр. 315

3 узнала вас [Она в городе]
4 *Вместо* „Иисус“: Христос
6 Татарка [отве<тила>]
6 головою [Что же]
8 „ничего“ *нет*
10 *Вместо* „куска“: ни куска
15 *Вместо* „но .... стоят“: и на том самом месте, где он, [стоят теперь] стоят
16 „только“ *нет*
16 *Вместо* „взят“: ваш
17 Панна [сказала]
19 „Боже .... радости“ *нет*
21 *Вместо* „Он“: Андрий
22 *Вместо* „из шатра“: по углам шатра
22 своего и
23 *Вместо* „отыскивать“: вытаскивать
23 *Вместо* „и скоро два небольшие“: Два порядочные
26 *Вместо* „велел .... прихода“: велел также ей, отнесши припасы, дожидаться его при входе.
28 *Вместо* „безопаснее“: теперь
29 Этот подземный
29 возом [с]
30 „его“ *нет*
32 *Вместо* „Тихо“: Потихоньку [повел]
33 *Вместо* „спящих“: спящего
34 слетел с нее
35 *Вместо* „и“: почти [мертвыми]

Стр. 316

1 „глазами“ *нет*
2 даже [сторож главный на самом опасном месте]
2 „самом“ *нет*
3 на ружье. [Она]
4 закутавшись [плащем]
5 *Вместо* „в землю“: под землю
6 *Вместо* „воротился“: возвратился
7 обсмотреть хорошенько
7 *Вместо* „и всё ли“: всё ли
10 кто-нибудь [посмотрел на Андрия в то время]
11 *Вместо* „то бы почел“: так принял
13 света [не перестанет]
14 *Вместо* „к добру“: до добра
15 Бульба [или, без сомнения, полагая, что это какая-нибудь интрига с убежавшею из села беглянкой, или слишком был] [*1 нрзб.*]
15 *Вместо* „или был утружден“: и утружден
17 „была“ *нет*
18 „из села“ *нет*
18 *Вместо* „сын его“: его сын
22 *Вместо* „бросился“: кинулся
24–28 „и во всё .... ни мира“ *нет*
29 *Вместо* „открылось .... очутился“: отворилось и захлопнулось за ним, и он очутился вдруг
31 *Вместо* „ступени .... земля“: спустились в самый низ.
34 „в подземном мраке“ *нет*
35 *Вместо* „под городской стеною“: под городскую стену

Стр. 317

1 вверх. [Они вступили в город]
2 „и перепархивал .... не дымилась“ *нет*
5 *Вместо* „которые .... не поразить“: поразил

7–13 *Вместо* „Среди .... всю жизнь“: Тут же перед ними на улице лежала судорожно свернувшаяся женщина с разметанными волосами, с чертами лица, когда-то прекрасными, но искаженными ужасно бешенством страдания. Возле нее [был] лежал мертвый младенец. Она стиснула зубами иссохшую свою руку и глаза ее были как окаменелые. Тронутый до глубины, Андрий положил возле нее кусок хлеба, но она только издала какое<-то> глухое стенание и не изменила своего положения. Он спешил за татаркою, он летел видеть ее, [опаса<ясь>] дрожа за нее всем телом.

15–17 *Вместо* „Он вступил .... когда оно“: Он взошел в спальню. О, как замлело его сердце и весь он, когда сердце

19 *Вместо* „ее увидел“: увидел ее

19 „была .... когда-то“ *нет*

21 серьги и [свои уборы]

21 *Вместо* „прекрасными .... ее“: [роскошными] прекрасными убранствами

24 *Вместо* „обворожительную, стройную“: прекрасную

26 *Вместо* „серафима“: херувима

26 *Вместо* „тонкие, прекрасные“: [*1 нрзб.*] прекрасные, тонкие

28 *Вместо* „священным .... боязни“: хладом [боже<ственным?>] и священным трепетом боязни

29 на нее <*1 нрзб.*>

30 *Вместо* „опущены .... небеса“: опущены[1] и тонкими иглами[2] резко виднелись на ее небесном лице. Что это было за создание! Она припод-

---

[1] вниз [2] темнелись

Стр. 317

няла[1] немного голову и обратила к нему взгляд долгий, сокрушительный. Он опять был недвижим, он исчезнул, он обратился в явление мира духовного. [О как она была]

Стр. 318

9 *Вместо* „вид“: взгляд

11 в е е [светлые очи]

12 *Вместо* „в то же“: в одно

13 н а ее [божественной]

16–35 *Вместо* „Она смотрела .... друг к другу“: Не отходи возле меня, отвечала она, смотря на него пристально и положила ему на плечо свою чудесную руку. — Клянусь богом и всем, что есть на небе[2]

Стр. 319

1 *Вместо* „жид Янкель, высунув“: высокий Янкель, выставив

2 *Вместо* „Янкель“: жид

4 *Вместо* „при запорожском войске“: вместе.

4 *Вместо* „знаете ли, что делается“: [слышали], знаваете ли вы, что такое делается?

9 *Вместо* „двадцатерых“: 20

11 *Вместо* „знаете ли“: знаете

18 *Вместо* „Чтобы .... тебя“: [сын] чтобы [она] козак .... чтобы .... Я [у⟨бью?⟩] тебя

20–24 *Вместо* „Ай, ай! .... так!“: Ей-богу, не вру! Чтоб отцу моему не было счастья, если я вру! — Как, ты говоришь!.. Чтобы мой сын?.. — Ей же богу, ваш! — Чтобы сын Тараса Бульбы да посягнул на такое дело? [Ей же бо⟨гу⟩] Далибуг, ей же богу так!

---

[1] влажные свои очи [2] *Пропуск в рукописи*

Стр. 319

25 отчизну, [бра<та>] [отца]

26 видел [он так<ой>]

27 *Вместо* „Фай, какой важный“: У какой важный [козак]

27 *Вместо* „червонных.... одни латы“: червонцев одни латы стоят

30 „Тарас“ *нет*

30 *Вместо* „как будто“: как

30 громом [и только <*1нрэб.*>]

30 *Вместо* „Ты путаешь.... коней“: [Так ты говоришь] Врешь ты, проклятый Иуда! как можно, <чтобы> крещеное дитя[1] продало свою веру. [Он стиснул] Если бы он был турок или нечистый жид такой, как ты, или хоть лях,[2] тогда бы, может быть, еще[3] бог попустил это сделать. [А это] Но чтобы Христовой веры человек да сделал эдакое бесчестное дело — не может он этого сделать, ей богу не может! Я тебя повешу, нечистый, чтобы и духу твоего здесь не было! Жид увидевши, что в самом деле ему оставаться было не слишком прилично, поспешил убежать, согнувшись втрое. Бульба, оставшись один, не знал, что и говорить. Он стоял и смотрел только на все стороны.

Стр. 320

9 *Вместо* „от себя быть всем“: всем быть

10 образом [жи<дам?>]

11 *Вместо* „Неприятельских.... однако же“: [Войск о<нако ж?>] Неприятельских войск однако же было

---

[1] да [2] да [3] попустил

13 *Вместо* „решили .... неприятелю“: [определили] одну сторону, [долго находившую<ся>] обращенную к стороне неприятельской, усилить более.

15 *Вместо* „с противуположной“: с другой

15 города немного

16 „притом“ *нет*

18 воспользоваться [слабостью]

19 *Вместо* „сделавши .... цепь“: прорвался

21 „на себе“ *нет*

21–27 *Вместо* „с досады .... превосходства“: Теперь уже было невозможно облегать город: силы их слишком разделились. Тогда запорожцы[1] решились принять обыкновенный свой маневр, который[2] всегда[3] делал их непобедимыми и возбуждал удивление[4] всегда в опытных знатоках тогдашнего военного искусства. [За<порожцы>] Он состоял в том, чтобы[5] скрыть тыл. Запорожцы сдвинули все телеги, весь обоз в одну кучу и в несколько рядов[6] окружили обоз, будучи со всех сторон обращены лицом к неприятелю. Между тем часть наездников должна была, со всех сторон, полететь как вихор,[7] нападать на ряды и беспрестанно развлекать их. Запорожцы решились <сдвинуться?> в густую, непроломную стену, всегда доставлявшую им[8] существенные выгоды, тем более, что тактика их соединяла вместе и стремительность азиатского нападения и крепость европейскую. Неприятель, несмотря на то, что был вдвое сильнее, но не был в состоянии[9] получить превосходство.

27 *Вместо* „Битва“: Сеча

---

[1] приня<ли?> [2] их [3] был [4] даже [5] не иметь ты<ла> [6] стояли [7] на ряды [8] больш<ие> [9] некоторое немного

Стр. 320

30 *Вместо* „удержать“: сдержать

30 атаки [ре<шились?>]

33 *Вместо* „повидимому“: будто

33 *Вместо* „Он отдал .... дело“: Он [мог то<лько>] сказал два слова своему сыну Остапу, как продолжать атаку

Стр. 321

3 „как подлый трус“ *нет*

4 *Вместо* „командовал оттуда“: оттуда как трус командовал

5 *Вместо* „Тараса“: Бульбы

6 *Вместо* „ринулся .... стремлением“: ринулся с [такою силою] таким свирепством, с таким нечеловеческим размахом и волею

8 *Вместо* „Вряд-ли .... сравнить“: Его вряд ли можно было с чем сравнить.

11 *Вместо* „по воздуху .... неприятельских“: на воздухе

13 *Вместо* „и саблю“: саблю

14 *Вместо* „размахивал только одной“: с одною <*1 нрзб.*> только

16 *Вместо* „на лицо его“: [на это оли<цетворенное>] на его лицо

17 свирепство и

17–27 *Вместо* „чувствовавшего .... воли“: который чувствовал <себя> не слишком чистым душою. Отчаянно он устремился за бегущим отрядом, который не вынес такой битвы и начинал уже думать, что не имеет ли он дела с самим дьяволом.

27 *Вместо* „поражая“: [поражая] настигая

28 *Вместо* „начинавших .... месте“: Андрий остановился.

32 *Вместо* „позади его“: за ним

Стр. 321

32 *Вместо* „сотоварищи его“: его сотоварищи
32 полегли [среди]
34 *Вместо* „Тарас .... в очи“: Тарас, устремив ⟨в⟩ него свои грозные очи.

Стр. 322

1 *Вместо* „Андрий был безответен“: Андрий [не промолвил ни одного ⟨слова⟩] молчал
2 сынку? [Помогли]
4 „не произнес .... он“ *нет*
7 *Вместо* „Сказавши .... исступленно сверкающим“: После этих слов он глянул с каким⟨-то⟩ вдохновенно сверкающим
10 *Вместо* „не шевелись“: не шелохнись
11 дело не [простят]
14 *Вместо* „это не было .... это было“: это имя было ни имя родины ни отца ни матери, это имя было
17 прицелился и
19 железо, так
22 сыноубийца, [глянул вокруг и жалеет ли проступка своего, но только он] повесил свою голову
25 *Вместо* „или .... в земле“: наполнивши [стоном] ⟨*1нрзб.*⟩ [свирепую] свирепым стоном пустыню
28 *Вместо* „Батько“: Батьку
29 сынку! [В ⟨лице?⟩]
31 *Вместо* „бросился“: кинулся
31 обнимать [любимо⟨го⟩]
31 с которым они
32 пополам. Он лежал прекрасен. Его черные брови отливались как траурный бархат над закрытыми глазами на бледном как ⟨*не дописано*⟩

Стр. 322

34 *Вместо* „в то время .... чувство“: в это время мощно сжал в груди своей подступившее в это время раздирающее чувство.

Стр. 323

1 *Вместо* „на плечах в обгорелый лес“: в сосновый [в стороне] лес

2 *Вместо* „и .... яму“: саблями вырыли небольшую яму [и закопали при свисте и пуль и крике двух бившихся народов]

4—8 *Вместо* „Тарас .... черты“: Тарас опустил лопату и взглянул на труп сына. Он был и мертвый прекрасен: мужественное, исполненное некогда силы и непобедимого для жен очарования лицо еще сохранило на себе следы их. [Тарас поглядел]

14 *Вместо* „не бывало“: не было

14 Разница была

14 что он теперь

16 *Вместо* „в то время“: в это время

19 во что бы то

21 вытащил ее из замка

21 *Вместо* „ее своею железною рукою“: железною рукою своею

22 *Вместо* „нежную“: перл мира

23 „схвативши“ *нет*

24 у ее [нежного]

25 *Вместо* „Но .... остановило“: [Но] если б одно особенное происшествие не остановило

27 взята и

28 *Вместо* „и большая“: большая

29 *Вместо* „забрана“: взята

29 *Вместо* „В подобных“: В таких

Стр. 324

2 *Вместо* „тремя .... и“: недели через три

5 *Вместо* „подкрепили“: подтвердили и

5 чины, чтобы

6 *Вместо* „довольно они“: они довольно

6 отмстили за [гне<т>]

7 *Вместо* „и что“: что

8 поля долго

8 *Вместо* „гостили“: прогостили

11 „и мазать телеги“ *нет*

11 *Вместо* „сказал“: спросил

12 *Вместо* „еще .... у тебя“: а что же

13 *Вместо* „человек тридцать в плену“: в плену человек десять

15 *Вместо* „посылал просить размена“: послал просить размена, так

16 *Вместо* „Так мы .... так?“: [Вот та<к?>] Так мы стало-быть их там и оставим?

20 *Вместо* „хоть“: мы хоть

20 *Вместо* „то не одолеем“: их не одолеем

25–32 *Вместо* „А мне .... отправились“: Нет, я думаю [так], что не бывать этому. — Ужли можешь ты сделать это? сказал кошевой. — Может быть, и я. [Чи вы] Слышали вы, панове, что кошевой хочет, чтобы <мы> поднялись домой

34 *Вместо* „еретичество“: католичество

Стр 325

2 *Вместо* „отделилась и стала на стороне“: и отошла на сторону.

4 вышел взглянуть. [Чего вы]

5 *Вместо* „Чего .... подняли вы“: Чего то вы хочете? что вы подняли

7 *Вместо* „Мы не хотим .... здесь!“: Мы остаемся [тут]!

11 козаки. [Мы]

Стр. 325

12 *Вместо* „мы .... говорили“: мы все вольные козаки!“ сказали

14 достоинство и

16 „Знаете .... право“ *нет*

18 *Вместо* „не бунт .... Тарас“: не бунтую, а исполняю долг святой“, отвечал хладнокровно Тарас.

19 *Вместо* „Я“: А я

24—26 *Вместо* „смягчивши .... ляхи?“: смягчая голос. „За что же вы оставляете тех своих товарищей, что на Сече? Ведь с ними татарва может еще и хуже поступить.“

28 *Вместо* „бусурмена“: магометанства

28 совесть [а ляхов]

28 а у [ляхов]

30 *Вместо* „Что .... вы“: А что бы, если ⟨вы⟩

31 *Вместо* „с живых“: из живых

31 *Вместо* „на сковродах“: в медном быке

32—35 *Вместо* „А .... сказали?“: Да из ваших земляков, из товарищей, из тех, что должны[1] брата до последней крови защищать,[2] из этих товарищей ни один бы не захотел подать руки помощи, что тогда?

Стр. 326

1—14 *Вместо* „А что .... делать свое! сказал Бульба“: Эти слова произвели сильное впечатление на начинавших уже склоняться запорожцев.— Стойте, хлопци, и я скажу! Ну[3] скажите, пожалуйста, где ум ваш делся? ну куда вам управиться с таким неприятелем? Их тысяч десять, а вас всего две тысячи. Ведь сгинете все на месте! — Что ж, пропадать так пропадать! сказал

---

[1] драться за [2] [где] [3] куда

Стр. 326

Бульба.— Ну, оставайтесь же тут, если сами захотели своей погибели! А те, те, которые благоразумнее, гайда до дому! — Вы делайте себе свое, а мы сделаем свое! сказал Бульба.

15 *Перед* „Обе стороны“: [Оба войска]

15 *Вместо* „в первых рядах“: впереди

20 *Вместо* „мы поступаем .... и обычай“: мы тоже поступаем по лыцарскому обычаю [на то и глаза, чтоб глядеть]

22 *Вместо* „такое дело“: дело такое

22 *Вместо* „о ней“: об ней

23 *Вместо* „не знаем“: не знаешь

23 *Вместо* „о чем“: об чем [нужно]

24 *Перед* „Нужно же“: [Смерти нужно же]

25 *Вместо* „всякие“: всякой

27 *Вместо* „никакой неприязни“: никакого неудовольствия

29 *Вместо* „Спрашиваем .... неудовольствия?“: Спрашиваем: имеете ли против нас какое неудовольствие?

31 *Вместо* „всегда были довольны“: Никакого!

33 *Вместо* „пусть же .... все“: почеломкаемся!

Стр. 327

3 *Вместо* „паны-браты“: пане-братья

5 *Вместо* „расскажете“: расскажите

5 „что .... жили“ *нет*

6 *Вместо* „поляжете“: ляжете

7 *Вместо* „поведаем“: скажем

8 *Вместо* „молодцы, которые“: что [на]

10 *Вместо* „с вами и с нами“: и вам и нам

11 *Вместо* „не дать .... неприятелю“: не подать неприятелю знать

12 *Вместо* „и отступили“: отступили

Стр. 327

13 которого [углуб<лялся>]

14 *Вместо* „Удалявшаяся .... неприятелем“: Тут они распрощались[1] навсегда. Половина[2] с кошевым атаманом опустилась, и яром, невидимая от неприятеля

16 *Вместо* „Стоявший .... не мог“: Стоявшие на высоте польские войска не могли

18 *Вместо* „решился .... французский“: решились было тотчас сделать нападение, но один француз

22 *Вместо* „как“: кроме

24 *Вместо* „на свой ястребиный нос“: себе на нос

25 *Вместо* „этот .... или как“: это народ, чорт возьми, чрезвычайно хитрый, почти как сам чорт или

27 „сказал .... войска“ *нет*

29 *Вместо* „Глядите же: если придется“: Как придет

30 *Вместо* „бусурменов“: бусурмен

30 *Вместо* „панове“: глядите

31 „вживе“ *нет*

32 *Вместо* „покотом улеглись“: чтобы полегли

33 *Вместо* „паны-браты“: пане-братья

34 потому-что [вер<шится?>]

34 *Вместо* „похожа .... веселиться“: такая же, как свадьба, на которой веселится

Стр. 328

1 *Вместо* „Пятьдесят .... готовясь“: Сотня козаков вынула баклажки и [начала]

4—8 *Вместо* „Прежде .... за одним уже“: [Бульба] „Наперед прежде всего другого“, сказал Бульба, подняв вверх свою рукавицу: „прежде всего, пане-

---

[1] вовсе [2] запор<ожцев?>

Стр. 328

братьі, велит долг выпить за веру Христову! Чтобы она везде бы имела верных защитников и чтобы весь мир покрыла, а все бусурмены чтоб поделались наконец христианами! Потом выпьем

11 *Вместо* „Да .... славу“: На то и ⟨*2 нрзб.*⟩ защищать веру и обычай. А за третьим разом выпьем[1] и за нашу собственную славу

13 *Вместо* „внуки“: и внуки

14 *Вместо* „что не постыдили товарищества“: что бы не постыдили [ее] товарищество

15 чтобы так же весело

16 *Вместо* „так бы .... на смерть“: шли бы за смерть

16 Ну-те, все

18 повторили громко

18 „вверх“ *нет*

22 *Вместо* „грянули“: повторили

27 *Вместо* „повторили дальние“: проговорили [все] дальние

28 *Вместо* „хлопьята“: ребята

29 *Вместо* „Все .... кучею“: Все мигом вскочили на коней с каким то порывом и выехали густою [куч⟨ею⟩] ⟨и⟩ вместе стройною кучею

30 силою [юнос⟨ти⟩]

31 *Вместо* „это .... Какое-то“: то ⟨было⟩ какое⟨-то⟩

34 *Вместо* „Их черные .... уверенности“: Их лица, осененные черными и седыми усами, означались какою-то уверенностью.

Стр. 329

1 *Вместо* „Вся конная колонна“: [Они] Вся конница

3 *Вместо* „веселясь и играя“: играя и веселясь

---

[1] и за славу

Стр. 329

3 *Вместо* „Под свист .... музыку“: Под свистом пуль они шли, как под свадебною музыкою.

6 *Вместо* „как будто бы“: как будто

8 *Вместо* „всеобщей“: общей

9 *Вместо* „не разрывалась эта масса“: не разорвалась эта колонна

11 *Вместо* „пораженные .... думая“: и отступая дивились

15 вдохновенно, ни на минуту

16 *Вместо* „Это .... ее“: Нужно ⟨*1 нрзб.*⟩ было какому-нибудь гению-живописцу стать на высоте и рисовать это зрелище.

17 *Вместо* „инженер .... в душе“: артиллерист, который был в душе истинный

19 *Вместо* „бил“: ударил

21 *Вместо* „человек .... столько же“: войск неприятеля

22 *Вместо* „Свежее .... остановилось“: Свежие новоприбывшие войска остановились

25 *Вместо* „взяли“: забрали

26 *Вместо* „часть“: и часть

27 „точно“ *нет*

29 *Вместо* „Бульба .... с запорожцами“: Бульба и запорожцы пировали

30 *Вместо* „но .... тысячи“: когда пере⟨чли?⟩ обсмотрелись и перечли ряды, [их недоставало] запорожцев оставалось всего только с небольшим тысяча.

31 Между тем [он поджид⟨ал⟩]

33 *Вместо* „от неприятельского нападения“: от движения неприятеля

Стр. 330

1 что [пленники]

3 об этом всему

6 *Вместо* „закопали .... достаться“: [зарыли] закопали, чтобы не дать знать
7 *Вместо* „и продолжали“: они продолжали
8 перестрелку из мушкетов
8 Часть [коза<ков>]
9 *Вместо* „из нее поделали“: наделавши из них
11 „ничего“ *нет*
12 Она [шла]
13 была сверху
13 *Вместо* „изрубленным“: срубленным
14 *Перед* „Пользуясь“: [Гужом потянулись]
15 обозом <*1 нрзб.*> и
18 коней и [помаленьку спешились]
19 *Вместо* „своих закованных земляков“: закованных земляков своих
21 быстроте [коней]
24—26 *Вместо* „Дальновидный .... дичи“: [Арт<иллерист>] Французский артиллерист искусно зажег лес, скрывавший[1] уверяя, что войска будут иметь славное жаркое из козачьей дичи [но заметив, что <*1 нрзб.*>]
27 *Вместо* „замеченных ими издали“: издали виденных
29 *Вместо* „видели, что запорожцев“: заметили, что их
31 *Вместо* „запальчивый“: заносчивый
31 *Вместо* „отдал“: дал
33 *Вместо* „мог бы .... ускользнуть“: мог быть гораздо далее и тем ускользнуть может быть
35 *Вместо* „а .... войска“: и увидел [поды<мавшуюся>] через подымавшуюся пыль от многочисленного <*не дописано*>

---

[1] *Пропуск в рукописи.*

Стр. 331

2 *Вместо* „чорт побери!“: чортовы

3 *Вместо* „изо рта люльку“: трубку изо рта

4 спокойствием [„А, ну, дети, сдвигайте обозы вместе!“]

5 *Вместо* „Видя“: Видевши

7 *Вместо* „окружить .... запорожцев“: обвить [запорожцами] в несколько рядов.

12 *Вместо* „побеждаемы“: победимы

15 *Вместо* „их рядов“: запорожцев [которых неприятель желал]

16 „скорее“ *нет*

17—19 *Вместо* „Войска .... их“: Неприятель уже отчаивался одолеть эту густую толпу, если бы одно [*1 нрзб.*] упущение со стороны запорожцев не открыло ему новых средств.

23 *Вместо* „рукопашную“: ручную

26 как был

27 *Вместо* „веревками“: канатами

28 освободить [единственного]

30 вместе с [запо<рожцами>]

32 *Вместо* „Остапа“: своего сына

Стр. 332

2 „свою“ *нет*

3 *Вместо* „какой-нибудь“: какой

4—6 *Вместо* „Свирепо .... криком“: Свирепея, наносил <он> свои крепкие удары, воспламеняясь более и более от беспрестанно сыпавшихся. Дико кричал он

8 Наконец [целая]

8 „кучею .... чувств“ *нет*

9 *Вместо* „Толпа .... кони“: Толпа <*1 нрзб.*> стиснувшая, смяла. Он [упал] грянулся, лишенный чувств. Кони гусар

Стр. 332

10 *Вместо* „Ни один“: Никакой

12 *Вместо* „не был“: не остался

14 *Вместо* „осматривая .... израненный“: мутно осматривая углы небольшой избенки, в которой он лежал, весь изрубленный.

16 *Вместо* „я это“: это я

18 *Вместо* „лицо .... погрузилось“: который казалось как будто на минуту обрадовался и в ту же минуту погрузился

21–23 *Вместо* „Добрая .... не помню“: [Вот] Добрая была сеча! сказал Бульба слабым голосом: еще никогда не помню я такой битвы. Что, Товкач, все наши полегли на месте?— Все.— Добрая сеча! Как же это я спасся? Ведь я, кажется, совсем был под саблею и уже не помню ничего...

26 *Вместо* „делают .... о них“: делают [мног<о?>] молча, [но] и никогда не говорят о своих делах.

28 *Вместо* „На .... лице“: По бледному, перевязанному лицу

30 *Вместо* „лег также“: также лег [и заслу<жил?>] [вм<есте?>]

Стр. 333

2 Что-ж ты [молчишь]

2 *Вместо* „я .... ему“: ему [связали] скрутили назад

3 *Вместо* „в плен“: в полон

4–19 *Вместо* „и я .... пустился“: Сыну мой! Остап мой! и я[1] не подал руку помощи! И я не высвободил тебя! Глубокая горесть[2] осенила его покрытое рубцами, лицо.— Полно, полно, чего зарюмился, старой! Чему быть, тому быть. Молчи

---

[1] не мог тебе [2] показала<сь?>

да крепись, потому что нам еще верст сто нужно проехать.— На что, куда это? — На то, что тебя всякая дрянь теперь ищет. Знаешь ты, что за твою голову, хоть бы мертвую, тому, кто принесет, дадут 200 червонцев? — Сыну мой, Остап мой! говорил с тоской Бульба, не слушая речей Товкача. [После то<го>] От сильной горести им овладело беспамятство. Товкач день целый оставался еще в избушке; с наступлением ночи он увез бесчувственного Тараса. Как дитя положил его в[1] лубочный ящик, наподобие койки,[2] положил ящик поперек седла и[3] пустился

20 *Вместо* „его“: [его] обеих

21 „своею“ *нет*

21–23 *Вместо* „встреч .... считаться“: всяких встреч и преследований и хотя уже был на степи, которой хозяевами [можно] больше всех других были

26 *Вместо* „там его менее“: его там меньше

28 *Вместо* „Он был“: Притом он был

29 скорее и [рассеят его печальное расположение]

31 *Вместо* „сила .... лет“: сила Тараса [уже преодолела], несмотря на то, что ему было шестьдесят лет, преодолела всё и

32 *Вместо* „через“: чрез

33 *Вместо* „Повидимому .... Сын мой“: Вид Сечи[4] и ее пиршества, казалось, становился ему едким. Он вспоминал, что еще недавно, еще два месяца на́зад, он гулял с своими сыновьями, крепкими, свежими, исполненными сил[5]; он вспоминал,[6] и грудь его горела и он раздирающим голосом повторял: „Сыну мой!“

---

[1] ящик [2] и притом [3] поехал с своими [4] [как то] [5] будущей славы [6] как собирался с ними

Стр. 334

7 *Вместо* „бритыми“: выбритыми

9–11 *Вместо* „обитателей .... не мало“: защитников, раскиданные, как разноцветные цветы, раскиданные над опустошенными полями и плывущими ⟨у⟩ берегов; не мало могла разглядеть она и

13 17 *Вместо* „Запорожцы .... назад“: Весь виноград переели запорожцы, в мечетях целые кучи оставили навоза. Короткие запорожские люльки находились еще долго после того среди степей. Запорожцы плыли весело назад

19 *Вместо* „орудий своих“: своих орудий

20 *Вместо* „в морских глубинах“: в глубинах [Черного моря] Понта

21 в м е с т е и весело

23 *Вместо* „сидел .... Остап мой, Остап мой!“: равнодушно сидел он один на берегу. Губы его тихо шевелились и произносили: „Остап, Остап мой!“

26 *Вместо* „в дальнем .... за другою“: белый ус его серебрился, как крыло птицы, и слеза одна за другою скатывалась на желтые волосы.

29 У м а н и и [держал]

Стр. 335

1 *Вместо* „своим“: каким-то старым

1 с а в а н о м с каймою

2 и о б о р о т и л с я [в последний раз] назад

4 *Вместо* „Жиду“: Как только взглянул он на него, то ему

5 *Вместо* „были обещаны“: повещены

6 *Вместо* „корысти .... в себе“: мысли и старался подавить в душе своей

8 *Вместо* „который .... не видели“: когда тот начал перед ним кланяться и между тем осторожно запер дверь, чтобы никто не мог увидеть у него Тараса.

Стр 335

10 *Вместо* „ты сделай“: сделай ты

14 Янкель, причем

16 *Вместо* „Не говори .... его“: Ничего не говори мне на это. Вези, вези! Что бы ни было, а я хочу [его] еще раз его увидеть.

19 расставив [руки]

21—25 *Вместо* „Знаю, знаю всё .... ворочусь“: Знаю, всё знаю: за мою голову 2000 червонцев дают. Знают же они ей цену! Я тебе двенадцать ⟨дам⟩. Вот тебе 2000 сейчас! (при этом Бульба высыпал кучу золота из кожаного гамана), а остальные, как воротимся.

26 сказал он, [раз⟨глядывая?⟩]

26 „из них“ *нет*

28 *Вместо* „сам“: и сам

28 нашел бы

32 Вы знаете все, все

33 *Вместо* „сам собою ничего не получил“: сам ничего не мог получить.

35 „пана“ *нет*

Стр. 336

4 „То и хорошо“ *нет*

5 *Вместо* „Как .... горелку“: Как можно так! разве пан не знает, что на то и горелка создана

8 *Вместо* „А особливо“: Особливо

9 *Вместо* „продолбит .... дырочку“: и проткнет сзади как-раз дырку

14 люди такие

15 *Вместо* „пана“: вас

19 *Вместо* „верх .... тяжеленько“: я весь верх закладу [ничего] кирпичом ⟨*1 нрзб.*⟩, немножко будет тяжело

21 „снизу“ *нет*

Стр. 336

22 *Вместо* „как хочешь, только вези“: как знаешь, только скорее!

25 *Вместо* „и длинные, курчавые пейсики его“: и его длинные курчавые пейсики

25 из под яломка *нет*

29 *Вместо* „предприимчивых людей и потому“: [евр<еев>] жидов, а потому

Стр. 337

6 не находил [никаких]

7 *Вместо* „беспрепятственно“: спокойно

11 поворотил [после]

14 *Вместо* „со всей“: всей

14 улица [была]

15 двора. [Совершенно почерневшие]

16 *Вместо* „вовсе“: [во веки] никогда

17 *Вместо* „со множеством“: с тысячью

17 *Вместо* „из окон“: из окошек

18—26 *Вместо* „Изредка .... дрянью“: [Кирпичная] Кирпич краснел изредка, но превратился в совершенно[1] черные. Иногда только вверху какой-нибудь ощекатуренный кусок стены блистал при солнце нестерпимою для глаз белизною.[2] Тут всё состояло из сильных резкостей.[3] Всякой что только[4] было у него негодного швырял из окон, доставляя прохожим[5] от всей души пользоваться[6] зрением <*не дописано*>.

26 *Вместо* „Сидящий .... жердей“: Сидящие на коне чуть-чуть не могли достать жердей

27 протянутых [из одно<го дома?>]

28 висели [вместе]

---

[1] в [2] при солнце [3] *2 нрзб.* [4] непотреб<ного?> [5] пользов ться [6] видом

Стр 337

30 *Вместо* „убранное потемневшими бусами": в потемневших, замасленных бусах

32 *Вместо* „запачканных, оборванных": оборванных, запачканных

33 волосами [кричала] [всегда]

33 *Вместо* „Рыжий .... яйцо": Жид с толстыми губами

35 „тотчас" *нет*

Стр. 338

2 *Вместо* „По улице": На улице

3 *Вместо* „вступил тоже": [опять] вступил

5 говоривших [дово<льно жарко?>]

7 темнице и что

8 „стражей, но" *нет*

10 *Вместо* „Бульба": После этого Бульба

11 *Вместо* „опять говорить между собою": между собою говорить

13 *Вместо* „Что то": Наконец что-то

13 *Вместо* „На грубом .... его": На его лице грубом и равнодушном

15 *Вместо* „той, которая посещает": посещающей

17 „будто" *нет*

18—29 *Вместо* „и в словах .... пополам!": и[1] в словах его было что-то восторженное.—Вы всё на свете можете сделать,[2] вы достанете на морском дне, и пословица давно уже говорит, что жид самого себя, как захочет, то украдет. Освободите мне моего Остапа! дайте случай убежать ему <от>[3] дьявольских рук! Вот я этому человеку обещал двенадцать тысяч червонных,[4] — я прибавляю

---

[1] в этих словах заключалось [2] хоть будь [3] канальских [4] чтобы только дост<авил>

Стр. 338

еще 12000. Все, какие у меня есть, дорогие кубки и закопанное в земле золото, и дом и последнюю одежду продам[1] и заключу с вами контракт на всю жизнь, чтобы всё, что ни добуду на войне, делить пополам с вами!

34 третий жид

34 *Вместо* „поглядывая“: взглянув

Стр. 339

1 *Вместо* „как .... слух“: сколько ни наострял слух свой

7 „и когда .... не сделает“ *нет*

8 „тут“ *нет*

9 *Перед* „Жиды“: [Все]

11 *Вместо* „на этот“: в этот

13 „и“ *нет*

14 опять несколько раз

16 *Вместо* „ее .... дома“: улицы

19 Тощий [*1 нрзб.*] [длинный]

20 „с .... губою“ *нет*

22 *Вместо* „рассказывать“: рассказать

23 *Вместо* „поглядывал“: взглядывал

24 „размахивал руками“ *нет*

25 „перебивал речь“ *нет*

25–27 *Вместо* „на сторону .... вынимал“: на стороны, подымал [в карман] фалды и вынимал

29–31 *Вместо* „жид .... безопасность“: Тарас опасался уже за свою безопасность и один стоявший на стороже жид несколько раз должен был давать сигнал молчания.

31 *Вместо* „не могут иначе“: иначе не могут

34 *Вместо* „Минуты .... вместе“: Через минуты три жиды вместе с Мардохаем

---

[1] Вот теперь

Стр. 339

35 *Вместо* „приблизился“: приближился

35 *Вместо* „по плечу“: по спине

Стр. 340

1 *Вместо* „Когда .... нужно“: „Не бойся, добрый человек! Когда бог захочет сделать, то так и будет.“

3 еще и

4 „некоторую“ *нет*

4 „Действительно .... доверие“ *нет*

5 *Вместо* „у него“: Соломона

6 *Вместо* „без сомнения“: может быть

7 В бороде у [него]

9 *Вместо* „На лице у Соломона“: На лице [его]

10 *Вместо* „за удальство .... пятна“: за его удальство, что он сам, без сомнения, не мог припомнить их ⟨*2 нрзб.*⟩.

12 *Вместо* „с товарищами“: со своими сотоварищами

14 „небывалом“ *нет*

14 *Вместо* „состоянии“: положении

18 „теперь“ *нет*

19 23 *Вместо* „фигуре .... Янкель“: фигуре,[1] показывавшейся в конце улицы и в таком состоянии[2] пробыл он весь день, не ел, не пил и глядел неотлучно в[3] маленькое окошечко. Наконец показались Мардохай и Янкель с поникнувшими головами.

24 „он их“ *нет*

28 *Вместо* „локона“: пейсика

28 всё же прежде

---

[1] вступавшей в ули⟨цу⟩ [2] он [3] неболь⟨шое⟩

Стр. 340

29 *Вместо* „Заметно .... наплевать“: Да и сам Янкель приставлял часто руку ко рту, как будто бы страдал простудою в зубах.— Нет, любезный пан! не можно, ей-богу не можно! сказал Янкель.

Стр. 341

1 *Вместо* „делал такое“: [всё делал] такое делал
1 какого [ни один человек на свете не делал]
3 *Вместо* „всех будут“: будут всех
4 *Вместо* „глянул“: взглянул
5 *Вместо* „гнева“: боязни
7 *Вместо* „и солнце“: солнце
8 „и .... обещался“ *нет*
9 на свете никакого
10 *Вместо* „нами“: жидами
10 *Вместо* „я .... левентару“: просит каждый.
12–24 *Вместо* „Хорошо .... легли“: „Добре. Веди меня к нему!“ произнес[1] Тарас[2] решительно, и вся твердость возвратилась снова в его душу. „[Слушай, как я скажу] Нужно, чтоб пан надел[3] какую-нибудь другую одежду. Я скажу, что это граф и что недавно приехал из Немецкой земли. Я уже достал и платье“. Бульба согласился с этим. Была уже ночь. Жид,[4] хозяин дома, начал суетиться по избе, вытащил тощий, жиденький тюфяк, накрытый какою-то рогожкою, расстелил его на лавке для Бульбы. Янкель лег на полу, на таком же тюфяке. Рыжий жид[5] выпил небольшую чарку ⟨и⟩ убрался с своею жидовкою во что-то похожее на шкаф. Пара жиденков, как собачки, полегли возле
25 сидел за столом почти

---

[1] ов [2] [с] [3] другое ⟨платье?⟩ [4] надел [5] хозяин

Стр. 341

26 *Вместо* „пальцем по столу“: по столу пальцами.

27 пускал [такой дым, что]

28 *Вместо* „в одеяло свой нос“: нос в рогожку.

28 *Вместо* „Едва небо“: Еще небо едва

29 *Вместо* „ногою Янкеля“: [жида] Янкеля

31 *Вместо* „на темя .... шапочку“: парик и
<1 нрзб.>

33 *Вместо* „близких к нему“: приближенных

33 *Вместо* „По виду ему казалось“: Ему [было] по виду казалось было

35 *Вместо* „на его щеках“: в его щеках

35 рубцы на лице

Стр. 342

4 *Вместо* „Бульба и Янкель“: Они скоро

5 *Вместо* „сидящей“: сидевшей

6 *Вместо* „огромное, почерневшее“: [черное] почернелое огромное

7 „его“ *нет*

7 аиста [небольшая башня]

8 *Вместо* „на верху которой“: на которой вверху

10 *Вместо* „Наши путники“: Янкель и Бульба

11 *Вместо* „пространной залы“: огромного зала [или вне<шней?>]

12 *Вместо* „спали“: солдат спало

13 *Вместо* „сидевшие двое часовых“: [стояли] сидели два часовые

21 *Вместо* „от него ударов“: удара

23 *Вместо* „опять .... вверху“: привел их опять в залу.

25 *Вместо* „увидел порядочное количество гайдуков“: увидел [воинов] гайдуков

26 „Нам“ *нет*

Стр. 342

29 *Вместо* „толстяк .... начальником“: довольно толстый усач, который, казалось по всем приметам, был начальник

33 *Вместо* „дьяблов“: дьяволов

33 *Вместо* „И больше“: Да больше

34 *Вместо* „саблей чтобы“: что<бы> саблей

Стр. 343

3 *Вместо* „со всяким“: со стражами.

4—6 *Вместо* „из стражей .... оканчивался“: из последних.

7 *Вместо* „в самую .... Яна“: Ведь Яна теперь уже нет

11 *Вместо* „упрямо“: грозно и твердо

13 гайдук с [преогромными]

13 *Вместо* „яруса“: этажа

13 *Вместо* „ярус“: этаж

14 назад [или лучше казался до]

18 *Вместо* „это мне гозоришь“: „мне это говоришь?“ спросил гайдук.

20 *Вместо* „Гм .... глазами“: А я вовсе не ясновельможный, я просто гайдук! сказал[1] усач с глупою улыбкою

22 *Вместо* „А я“: Ой вей

22 *Вместо* „это“: то

23 головою [как-то]

23 *Вместо* „Ай, какой“: Какой

25 *Вместо* „еще бы только“: еще только бы

26 *Вместо* „Нужно бы“: Так бы

28 *Вместо* „поправил .... развеселились“: погладил нижний этаж усов своих[2] и мигнул бровями

32 цурки так

---

[1] гайдук [2] мигнул бровями и притопнул каблуком

Стр. 343

33 *Вместо* „опять покрутил“: покрутил опять

34 *Вместо* „завил рукою“: [погладил] закрутил

34 усы [глянул понад усами исподлобья]

35 *Вместо* „зубы“: губы

35 *Вместо* „на лошадиное ржание“: на [ржание] рев

Стр 344

1 *Вместо* „произнес“: продолжал

2 „приехал“ *нет*

2 *Вместо* „посмотреть на козаков“: посмотреть [что за народ]

3 „это“ *нет*

4 козаки [и хочет посмотреть]

5 „Появление .... от себя“ *нет*

12 *Вместо* „говорил он“: сказал гайдук, низко кланяясь

14 *Вместо* „И вера .... не уважает“: и вера их такая, что всякой [гнуш<ается>] не уважает

15 Врешь ты [проклятый гайдук]

15 Бульба, [схватив его за ус]

19 из тех же

21–23 *Вместо* „и досада .... подвернутся“: его <*1 нрзб.*, заглаживать испорченное дело, если бы не подвернулся Янкель. [Что] [Об]

24 чтобы это было правда, чтобы

27 *Вместо* „Рассказывай .... крикнуть“: Эге, рассказывай! При том гайдук уже растворил пошире рот свой, чтобы закричать.

29–32 *Вместо* „Ваше .... червонца“: Ваше королевское величество![1] закричал Янкель: Молчите, ради бога молчите! Мы уж вам за это[2] заплотим,[3] как еще никогда не видали, богато заплотим: дадим два червонца.

---

[1] Ясновельможный пан [2] ей богу [3] Богато заплотим

Стр. 344

33 „мне“ *нет*

33 „за то.... выбрил“ *нет*

35 *Вместо* „червонных“: червонцев

35 *Перед* „Тут“: [При этом]

Стр. 345

1 *Вместо* „червонных“: червонцев

3 *Вместо* „горестно сказал“: сказал горестно

5 что [гайдук]

5 в его кожаном

6 *Вместо* „не умел“: не знал

8 *Вместо* „как бы.... более“: и [как будто бы] казалось начинал жалеть, что не запросил еще.

12 то уже

13 *Вместо* „Ступайте, ступайте“: Пошли, пошли

20 *Вместо* „что бы“: что [бы было]

21 вей мир [сотню червонцев ни за что]

23 А [как]

26 милосердый! [Пойдем, пойдем]

27 *Вместо* „Но.... пламенем“: Если бы кто взглянул на лицо Бульбы, тот бы увидел, что эта неудача слишком была едка для него и выражалась пожирающим пламенем досады

31 *Вместо* „Ведь .... уже!“: [Уже н<ам?>] Ведь, пан этим ничего уже не поможет...

32 *Вместо* „упрямо.... за ним“: сказал твердо и решительно Бульба, и жид, как нянька [должен был] побрел, вздыхая, вслед за Тарасом.

34 *Вместо* „долженствовала“: должна была

35 *Вместо* „валил туда со всех сторон“: со всех сторон волною валил туда.

Стр. 346

2 *Вместо* „занимательнейших“: занимательных

5 *Вместо* „высших классов“: некоторых из высшего разряда.

Стр. 346

3 Множество женщин

3 *Вместо* „множество молодых“: много

6 *Вместо* „так .... однако же“: и закутывались в свои теплые одеяла, и которые однако ж не пропускали

8 Ах, боже

9 „с истерическою лихорадкою“ *нет*

10 *Вместо* „иногда довольное“: [по<долгу?>] довольно долгое

11 *Вместо* „вытянув вперед“: вытянув, лез вперед и толпы [то]

13 *Вместо* „узких, небольших“: узких и [маленьких]

14 *Вместо* „лицо мясник“: и широкое лицо мясник, истинный в душе артист [и раз<говаривал>]

16 словами с [приятелем своим]

17 *Вместо* „потому что .... шинке“: и с которым напивался в [воскресный] праздничный день

18 другие даже [бились об <заклад>]

20 „и“ *нет*

21 „возле .... гвардию“ *нет*

24 *Вместо* „у него ни было“: только ни было у него

25 *Вместо* „оставалась .... сапоги“: [находи<лась>] не оставалось даже рубашки

26 *Вместо* „сверх другой“: на другой

30 „так .... прибавить“ *нет*

32 „говорил он“ *нет*

32 „вы видите“ *нет*

Стр. 347

3 *Вместо* „Прежде“: [А до того, душечка] Он еще

4 *Вместо* „тогда .... кричать“: то он уже не будет

Стр. 347

5 душечка, тогда

6 „И Юзыся .... любопытством“ *нет*

10 *Вместо* „сидело аристократство“: [*2 нрзб.*] сидели аристократы.

11 *Вместо* „держалась за перилы“: [брал<ась?>] опускалась иногда через перилы

12 паны [часто]

12 *Вместо* „глядели“: сидели

13 убранстве [разносил]

14 „разные“ *нет*

15 напитки и [разно<е>]

15 глазами [бросала]

16 *Вместо* „светлою“: нежною

17 в народи

18 „какой-нибудь“ *нет*

20 „хватал .... рук“ *нет*

21 *Вместо* „полученную“: свою

22 „ее“ *нет*

27 открытыми [выбритыми]

28 *Вместо* „Бороды у них были отпущены“: с запущенными бородами

28 *Вместо* „они шли“: они [выст<упали?>] шли

29 горделивостию. Они не глядели на народ и не кланялись народу

31 „они .... народу“ *нет* (*см. предыдущий вариант*)

34 *Вместо* „Остапа“: сына. [Старик вперил]

31 *Вместо* „его“: твоем

34 сердце? [Но того никто не видал]

31 из толпы всею силою своею

35 *Вместо* „приблизились“: подходили.

Стр. 348

2 *Вместо* „тяжелую“: ужасную

2 *Вместо* „Он“: Остап

3 *Вместо* „руку“: руки

3 *Вместо* „произнес громко“: [сказал] громко произнес

4 еретики и католики [дай, боже, чтоб они]

5 „нечестивые“ *нет*

5 из нас как бы ни были [не сказал]

6 „одного“ *нет*

8 сказал [Буль<ба>]

10 *Вместо* „ему .... ноги“: и [я избавляю] увязал <?> его руки и ноги [к станку, что]

12 *Вместо* „адских мук“: долгих и кровавых мучений

13 *Вместо* „их волоса“: волоса их

17—20 *Вместо* „Должно .... разжечь“: Я должен, однако ж, сказать, что король первый стал против этих ужасных мер. Он прозревал и видел, что[1] подобные жестокости наказаний могут только более разжечь

22—24 *Вместо* „непостижимою .... сатиру“: деспотическою строгостью, непостижимою[2] недальновидностью и неосновательно<стью>[3] сделали[4] самый сейм[5] сатирою

25 выносил [все]

27 *Вместо* „так что .... свои“: когда хряск их слышала среди мертвой тишины отдаленная толпа, когда панянки отворотили глаза свои и говорили: „Боже, какое мученье!“[6]

32 *Вместо* „одобрительно только говорил“: говорил только одобрительно

34 *Вместо* „сила его, казалось“: казалось, сила его

---

[1] эти [2] гордостью [3] произвели [4] что правление [5] и сделали странностью [6] Он всё гля<дел> сто<н>

2 Батько! [сказал]

2 „всё еще твердым“ *нет*

5 раздалось громко в толпе

5 „всеобщей“ *нет*

6 вздрогнул [Этот голос был разительным среди всеобщей ⟨тишины?⟩]

6–10 *Вместо* „Часть .... простыл“: Тощая голова жида Янкеля побледнела, как смерть. Часть военных всадников начала заботливо рассматривать толпы народа, а три человека на лошадях подскочили прямо к Янкелю, которого[1] изменившийся вид показывал соумышленничество. Но бедный жид не мог ни слова выговорить. [Отряд] Всадники, бросивши его, устремились,[2] но Бульбы и след простыл.

14 отдельной [выгоды]

14 это уже

15 *Вместо* „которой терпение .... за униженную“: [поднялась мстить за оскорбленные права свои], которой уже переполнилось терпение,[3] поднялось мстить за уничиженную

18 *Вместо* „за насилие“: за [притес⟨нения⟩] насилия

19 *Вместо* „считал“: почитал

19 „угнетенный“ *нет*

19 Верховным [военачальником]

20 „еще молодой“ *нет*

21 *Вместо* „утеснительный .... сброда“: недальновидный, утеснительный деспотизм, который наложило на них своеволие государственных

---

[1] смущенный вид изменившийся смутившийся [2] ⟨на⟩розыски и когда [3] мсти⟨ла⟩

Стр. 349

магнатов,[1] и очистить Украйну от всего жидовского и постороннего народа.

25 *Вместо* „товарищ .... его“: [советник] на советы старшина

26 „нетерпеливо“ *нет*

27 *Вместо* „из .... половина“: пять конных и три

28 *Вместо* „в суконных .... желтых“: в алых, синих и желтых суконных

28 *Вместо* „браво и горделиво“: [горд<о>] твердо и торжественно.

29 и [дви<жением>]

Стр. 350

2 *Вместо* „Одним .... начальствовал“: Из числа их над одним из них начальником был

4 *Вместо* „неумолимая и свирепая“: неумолимость и [запорожская] свирепая

5 *Вместо* „казалось ужасною“: казались ужасными

5 для [истинно]

7 *Вместо* „седая .... определяла“: и он нес своею рукою

9 *Вместо* „Не буду“: Я не стану [изображать]

12 *Вместо* „были перевешаны“: вешались

16 перетопил он, преследуемый без отдыха

20 во всем козакам

24 аргамаке <*1 нрзб.*>

25 *Вместо* „зависть“: уважение

28 узы их

30 *Вместо* „отпустить .... козаков“: [совершивши] заключивши выгодный трактат, <который> обеспечивал бы во всем козаков, отпустить Потоцкого

---

[1] [Возле него]

Стр. 350

31 *Вместо* „Но непреклонный“: но ужасный
32 когда [услышал]
33 *Вместо* „бабье“: [бабское] женское
35 *Вместо* „вскричал он твердо“: кричал, ударив.
35 отвергнут [Глядите же не]

Стр. 351

2 *Вместо* „помахивая.... Когда же“: и ударяя своею саблею по стоявшей тут же пушке. И видя, когда
4 „он“ *нет*
4 *Вместо* „Оставайтесь“: Ну, оставайтесь
5 „вы“ *нет*
6 *Вместо* „И.... в себе“: продолжал ‹он› как-то восторженно, и в голосе его заметно было
7 что вы
8 *Вместо* „теперь пановать“: пановать теперь [не бу‹дет?›]
8 *Вместо* „сего“: так
10 будут [развозить]
10 *Вместо* „и у вас“: у вас
12 если [не распилят тел ваших в печь] [не спекут вас в горячих банях]
13 баранов. [Прощайте и торже‹ствуйте?›]
14 „умирать“ *нет*
16 козаки? [Что вы думаете]
16 еще [поживать]
19 жинка и [где ‹-нибудь› под тыном]
21 *Вместо* „всем.... вместе“: как верные рыцари, лечь всем, как братья родные
24 Веди нас
26 *Вместо* „в руки“: в руку
27 сверкнули. [Доб‹ьем?›]

Стр. 351

27-31 *Вместо* „чтобы .... присоединиться“: чтоб его и духу не было на земле! — продолжал с силою этот исступленный седой фанатик и с полком своим в ту же минуту отправился в путь. Другие полки с завистью глядели на удалявшихся товарищей, и только одно [1] строгое повиновение к полковникам, бывшее всегдашнею добродетелью этих гульливых [2] рыцарей,[3] мешало [4] многим охотникам присоединиться к ним.

35 *Вместо* „предсказание .... смутило“: [слова] пророческие слова Тараса как будто смутили

Стр. 352

1 сидели [долг<о>]

3–5 *Вместо* „Немного .... сановниками“: Несколько времени спустя после того, после вероломного поступка под Каневом, голова гетьмана и некоторых сановников

6 *Вместо* „Но .... истории“: Но последуем за Тарасом.

8 *Вместо* „около сорока“: и сорок

8 Напрасно довольно

9 *Вместо* „посылаемы“: посыланы

10 *Вместо* „Он .... скрывая“: Тарас [почти] всегда поступал [двусмысленно] неожиданно и скрывал

12 „с ужасом“ *нет*

13 *Вместо* „переменял дорогу“: сворачивал с дороги

15 *Вместо* „разрушительные его опустошения“: опустошительные его разрушения.

17 *Вместо* „отмщением“: мщением

18 несчастные [жены и]

---

[1] рабское [2] горя<чих?> [3] было причиною [4] им

Стр. 352

19 „и девицы“ *нет*

19 *Вместо* „иные .... невинны“: многие были прекрасные и невинные

20 *Вместо* „у алтарей“: в костелах

21 и х всех

22 *Вместо* „подымались .... пламя“: подымались к небу из[1] ужасного потопа огня и дыма и растрепанные черные волосы сыпались сквозь дым по плечам их,[2] и козаки подымали с улиц копьями невинных ⟨младенцев⟩

27 *Вместо* „Это .... ляхи“: Вот это вам, проклятые ляхи это

28 *Вместо* „такие .... отправлял“: И эти поминки по Остапе праздновал

30 *Вместо* „поступки Тараса были“: [нужно не ⟨на⟩ шутку прек⟨ратить?⟩] дело Тараса пошло не на шутку и [не было вовсе похоже на] было

32 „непременно“ *нет*

34 *Вместо* „понял“: видел теперь свою

Стр. 353

2 *Вместо* „своем .... бегства“: своих войсках, могли вынести его необыкновенное бегство.

4 *Вместо* „возложенного .... он“: возложенной на него обязанности и

5 *Вместо* „удивительною“: величайшею

7 *Вместо* „оставленную, полуразвалившуюся крепость“: развалившуюся крепость [здесь то войска облегли его со всех сторон].

9 н а самом

10 *Вместо* „такою страшною“: такою [стремниною] ужасною

---

[1] потопа [2] уже обнаженным

11 *Вместо* „казалось“: кажется

12 *Вместо* „Почти .... мог“: Внизу шумел Днестр. Здесь-то облегли его польские войска, почти с трех сторон, обращенных к полю. Тарас мог в этой крепости

16 17 *Вместо* „не имел .... для прокормления“: не имел никаких средств для пропитания [козак⟨ов⟩] в опустошенной крепости

19 „наконец“ *нет*

21 *Вместо* „узкой“: узенькой

22 *Вместо* „недавно отколовшейся“: отколовшейся недавно

24 крепость и

24 *Вместо* „неприятелей .... места“: и дойти по берегу до такого места

26—34 *Вместо* „и пуститься .... гайдуки“: в реку и вплавь пуститься по Днестру. Это ему казалось тем легче, что действительно одна сторона неприятеля была слабая. Он стремительно вышел из крепости, и уже козаки пробились сквозь первые ряды, как Бульба нагнулся и сказал: „Стой, хлопцы, уронил люльку!“ В то время, когда он искал ее в траве,[1] он был схвачен назади своих войск с тыла налетевшим отрядом, отделившим его от козаков.[2] Он двинул своими членами, но уже[3] с него не стряхнулись на землю, как бывало прежде, дужие гайдуки.

35 *Вместо* „Ему прикрутили .... о себе“: Ему скрутили руки, увязали его веревками, цепями, привязали его к огромному бревну и поставили это бревно рубом в расселину стены, так что он

---

[1] это было то ⟨?⟩ [2] Ему скрутили руки и ноги [3] [окон⟨?⟩]

Стр. 353

стоял теперь выше всех и мог обозревать битву и волны, и видел поражение <?> его козаков. Для сообщения ему большей неподвижности одну руку его прибили железным гвоздем. И стоял он на воздухе, как какой-нибудь явивший<ся> дух с неизобразимым выражением лица, с белыми, подымавшимися от ветра волосами. Но ни мало не было на лице его видно[1] мысли о себе.

Стр. 354

10 Он [глядел неподвижно]
11 „с высоты“ *нет*
12 *Вместо* „Занимайте“: [Ей, хлопцы, не жалейте] Не пропускайте
12 кричал он с своей вышины
13 дети [занимайте]
14 *Вместо* „не донес“: не доносил
16 и [устрем<ил?>]
16 *Вместо* „блестел“: шумел
17 *Вместо* „выдвинувшиеся из-за кустарника“: из-за куста выказывавшиеся
20 *Вместо* „к берегу, к берегу“: к берегу, к берегу [где крепость]
20 челны. Хлопцы, бегите! <*2 нрзб.*>
21 *Вместо* „за вами в двадцати“: за вами в двух
22 погони за вами
23 ветер <*1 нрзб.*> на минуту
23 *Вместо* „с другой“: с противуположной
24 *Вместо* „были услышаны козаками“: услышали козаки
25 *Вместо* „переворотил.... наставлений“: тут же всё перевернул в его глазах. Его опустили ниже

---

[1] заботы

Стр. 354

вместе с бревном, чтобы он не мог более подать подобного совета.

29—31 *Вместо* „состоял .... низвергавшегося“: возвышался стремниною. Они видели вдали его покатость, но дорогу перегородил им широкий провал сажени в четыре: одни сваи[1] изломанного моста торчали на берегу; в ужасной глубине едва[2] доходило[3] до слуха тонкое журчание какого-то потока, вливавшегося

Стр. 355

1 *Вместо* „были уже“: уже были

1—2 *Вместо* „только .... остановились“: миг ока только остановились и

3 *Вместо* „и .... кони“: Татарские кони их

4—5 *Вместо* „Под одним .... оступился“: Один только конь не достал противного края

5 „и“ *нет*

8—9 полковник [горя<чий>]

9 *Вместо* „неустрашимый до безрассудности“: горячий

10 обворожившей [несчастного]

11 *Вместо* „без дальнего .... то же“: решился на безумное дело повторить то же самое и себе

13—14 „пропавшего среди пропасти“ *нет*

15 *Вместо* „по неровным .... кусты“: по внутренности провала кустарники

16 „и глянул на Днестр“ *нет*

17 *Вместо* „под ногами своими“: у ног своих

18 *Вместо* „Глаза его сверкнули“: Взор его сверкнул

20 и поспешно

21 „говорил он им сверху“ *нет*

---

[1] только [2] только [3] как

22 *Вместо* „иной час“: иногда

22 *Вместо* „Об участи же“: об участи

23 *Вместо* „участь .... на земле“: судьбу: я знаю, что на мне и кусочка тела моего не оставят, что меня всего по кусочкам растащат

26 глядите [приходите]

27 хорошенько. [Чтобы попробовали опять ляхи козацкие силы]

27 по голове [лишил его чувств]

28 „Чорт .... месяца“ *нет*

31 *Вместо* „под пулями .... мерно“: под *<1 нрзб.>* [пулями] и выстрелами плыли веером, осторожно минали зеленые острова, расправляли парус дружно и опытно

КОММЕНТАРИИ

МИРГОРОД

(ВВЕДЕНИЕ К КОММЕНТАРИЯМ)

В настоящем томе печатается „Миргород“ в том составе и в той последовательности повестей, в каком этот сборник был напечатан при жизни Гоголя в отдельном издании 1835 г. (в двух частях) и во втором томе собрания сочинений 1842 г. Повести, переработанные Гоголем для издания 1842 г. („Тарас Бульба“ и „Вий“), мы печатаем в позднейших редакциях, подготовленных Гоголем для этого издания. Согласно общим принципам издания (см. вступительную статью к тому I), в основной текст не вводятся ни поправки, сделанные Н. Я. Прокоповичем по поручению Гоголя в издании 1842 г., ни позднейшие (1851—1852 гг.) поправки самого Гоголя, нанесенные в корректуре на текст издания 1842 г., поскольку отделение гоголевской правки от не-гоголевской не может быть произведено в этом тексте с полной уверенностью и последовательностью.

Из второго тома этого последнего издания (вышедшего в 1855 г.) — тома, заключавшего „Миргород“, — при жизни Гоголя было отпечатано 9 листов, т. е. „Старосветские помещики“ полностью и „Тарас Бульба“ кончая словами „Подобно ему в один миг“ в конце главы IX (см. стр. 143 настоящего издания). Варианты издания 1855 г., которые есть основание возводить к гоголевской правке, даются по схеме, принятой для авторских вариантов (*Вместо* и т. д.)

Таким образом, текст „Миргорода“ в настоящем издании отличается от всех предыдущих тем, что дает последний по времени, чисто гоголевский, без примеси посторонних поправок, текст. Для „Старосветских помещиков“ и „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ таким текстом является текст „Миргорода“ 1835 г.; для

„Тараса Бульбы" — текст рукописи, подготовленной для издания 1842 г. (автограф и авторизованная копия), и только для текста „Вия" пришлось взять в основу текст издания 1842 г., переработанный Гоголем по сравнению с „Миргородом" 1835 г., и устранить из него те поправки, которые есть основания счесть не гоголевскими.

При подготовке настоящего издания Н. Л. Степановым был обнаружен экземпляр „Миргорода" 1835 г., текст которого отличается от остальных известных до сих пор экземпляров этого издания. Эта находка свидетельствует о том, что печатание книги в первоначальном виде было приостановлено и затем возобновлено с изменениями в тексте „Вия" и с изъятием предисловия к „Повести о том, как поссорился..." Новонайденное предисловие, неизвестное ни одному из прежних исследователей и редакторов Гоголя и изъятое по соображениям скорее всего цензурного характера, включается нами в основной текст повести. Новооткрытый экземпляр позволил также значительно уточнить историю работы Гоголя над „Вием".

Отличием настоящего издания являются и восстановление фраз и отдельных выражений, которые, как можно судить, не вошли в печатный текст по их заведомой нецензурности. Таких случаев оказалось три в тексте первой редакции „Тараса Бульбы" (см. в комментарии к этой повести) и один в тексте „Вия" (сравнение с „песней об угнетенном народе").

„Миргород" издан был Гоголем в 1835 г. (цензурное разрешение 29 декабря 1834 г.) с подзаголовком: „Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки»". Этим подзаголовком отчасти определяется место книги во внешней и внутренней истории гоголевского творчества.

Мысль о продолжении „Вечеров" была у Гоголя, повидимому, давно; очевидно, он говорил о ней Погодину летом 1832 г. в Москве, но уже 1 февраля 1833 г. отвечал на запрос его решительным отказом от самого замысла. „Вы спрашиваете о Вечерах Диканьских. Чорт с ними! я не издаю их; и хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, *прибавлять сказки* не могу. Никак не имею таланта заняться спекулятивными оборотами..."[1] Слова эти могут быть поняты либо как отказ от замысла нового, дополненного издания „Вечеров", либо как отказ от издания *третьей* части вслед за второй. Второе предположение вероятнее, так как из дальнейшего текста видно, что первые две части „Вечеров" в это время еще продавались.

Гоголь отказался от выпуска третьей части „Вечеров" вполне сознательно, относясь к этой книге как к пройденному этапу: „Да обрекутся они неизвестности, покамест что нибудь *увесистое, великое, художническое* не изыдет из меня!" Это решение осталось твердым: оформив-

---

[1] Неоговоренный курсив — здесь и ниже — наш. *Ред.*

шийся позже замысел продолжения „Вечеров“ — „Миргород“ — не совпал с замыслом третьей части „Вечеров“ и необходимо требовал другого заглавия. „Повесть о том, как поссорился...“ и „Старосветские помещики“, написанные после путешествия 1832 г., в сознании Гоголя не могли уже соединяться со „сказками“ „Вечеров“ (хотя и имели свой прототип в повести „Иван Федорович Шпонька“, как раз наименее органичной в составе первого гоголевского цикла). Впрочем, настроения приведенного письма к Погодину имеют более общий характер: Гоголь вообще в течение почти всего 1833 г. работает с трудом и многим своим корреспондентам жалуется на „лень“ и бездеятельность. Новым стимулом для работы, и именно над украинскими темами, была для Гоголя мысль о профессуре в Киеве, поданная Максимовичем в конце 1833 г.; письма Гоголя конца 1833 и начала 1834 г. говорят о большом подъеме и напряженной деятельности. Еще 9 ноября 1833 г. в письме к Максимовичу Гоголь досадует, что ему нечего дать в альманах „Денница“, так как у него нет ничего готового кроме „Повести о том, как поссорился...“, отданной Смирдину: „У меня есть *сто разных начал* и ни одной повести, ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха“. У Гоголя не было оснований уклоняться от участия в „Деннице“; у нас нет оснований не доверять ему. И вот в течение года из „ста разных начал“ образовались две книжки „Арабесок“ и почти одновременно — две книжки „Миргорода“.

Сдав в цензуру „Арабески“ (цензурное разрешение 10 ноября 1834 г.), Гоголь еще через полтора месяца заканчивает подготовку к печати „Миргорода“ (цензурное разрешение 29 декабря 1834 г.); оба разрешения подписаны цензором В. Семеновым. Восстановить историю работы Гоголя над повестями „Миргорода“ можно лишь приблизительно. Помещенная в сборнике последней „Повесть о том, как поссорился...“, рукопись которой до нас не дошла, написана раньше других, вероятно летом или в начале осени 1833 г. (соображения о ее датировке см. в комментарии к ней). Три остальные повести, очевидно, написаны одна вслед за другой: черновые тексты их находятся в одной и той же записной тетради, где и расположены без всяких перерывов и перебоев в том же порядке, в каком напечатаны: Старосветские помещики — Тарас Бульба — Вий. Тетрадь эта (ниже обозначаемая *РЛ*$_1$) описана в Соч. Гоголя, 10 изд., т. VII, под шифром *РА № 3*. Она хранится в Ленинградской гос. публичной библиотеке; куплена в 1887 г. у В. Г. Мозгового, к которому перешла от Н. С. Соханской (Кохановской). В тетради (переплетенной в лист) — 40 листов и один дополнительный, бумага плотная, вержированная, без водяных знаков; дополнительный листок, вклеенный в тетрадь (к тексту „Старосветских помещиков“) — на другой более тонкой, тоже вержированной бумаге с водяным знаком 1832 г. Это единственное внешнее указание на дату,

притом мало существенное, так как „Старосветские помещики“ и по другим данным не могли быть написаны раньше 1832 г. (см. комментарий к этой повести). Текст „Старосветских помещиков“ начинается с листа 12-го; первые 11 листов частью заняты другими вещами (отдельные куски „Взгляда на составление Малороссии“, явно примыкающие к какому-то другому тексту той же статьи, начало „Носа“, отрывок „Мне нужно к полковнику“, отрывок „Я знал одного черезвычайно замечательного человека“, отрывок „Новоплатонические Александрийцы“), — частью оставлены пустыми (листы 1, 7, 8, 10, 11, кроме двух слов). Датировка тетради загрудняется тем, что одновременно с ней Гоголь пользовался другою тетрадью (наш шифр—*РМ*$_2$, в 10-м издании—*РА № 2*), в которой записаны повести и статьи, вошедшие в „Арабески“. Тетрадь *РМ*$_3$, начатая не позже января 1832 г. (предельная дата „Ночи перед Рождеством“), заканчивалась не раньше августа — октября 1834 г. (исходные даты последних текстов тетради — „Последнего дня Помпеи“, „Записок сумасшедшего“, „Ал-Мамуна“). Но тетрадь *РЛ*$_1$ открывается статьей „Взгляд на составление Малороссии“, написанной, повидимому, между декабрем 1833 и мартом 1834 г.; если обеими тетрадями Гоголь пользовался одновременно, — естественно допустить более или менее значительный срок для написания трех больших повестей и отнести: „Старосветских помещиков“ — к самому концу 1833 и началу 1834 года, „Тараса Бульбу“ — ко времени после ознакомления с „Запорожской стариной“ Срезневского (что было между 12 февраля и 6 марта — см. ниже), т. е., вероятно, к весне и лету этого года; что касается „Вия“, он написан, очевидно, по окончании „Тараса Бульбы“; и, может быть, уже после сдачи в цензуру „Арабесок“, т. е. в ноябре — декабре. Более точная датировка повестей „Миргорода“ пока не может быть установлена.

Как и „Вечера“, „Миргород“ был составлен из двух частей, отдельно сброшюрованных, но вышедших вместе как части одной книги. В первую часть вошли „Старосветские помещики“ и „Тарас Бульба“; во вторую — „Вий“ и „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“. Из этих четырех повестей только последняя была до этого напечатана в сборнике „Новоселье“, ч. II, 1834 г.; остальные три были для читателя новостью.

Печатание „Миргорода“ осложнилось упомянутым выше эпизодом: изъятием предисловия к „Повести о том, как поссорился...“ Предисловие это занимало в книге две страницы (оборотная оставалась пустой). Но Гоголю удалось избежать переверстки листов: повидимому, именно для этого он дополнил текст „Вия“ (за которым следовала „Повесть о том...“) концовкой, занявшей тоже две страницы (разговор Горобця с Халягой о судьбе Хомы). Он воспользовался этим случаем и для новой правки текста „Вия“ — как видно, наименее доработанной из всех четырех повестей. Подроб-

ности об этой правке, а также об изъятии предисловия, см. ниже, в комментарии к „Вию“ и к „Повести о том, как поссорился...“

„Миргород“ вышел в свет вскоре после 20 февраля и не позже 10 марта 1835 г. Даты эти устанавливаются на основании писем Гоголя: 31 января 1835 г. Гоголь пишет Погодину: „...я стараюсь, чтобы через три недели вышло мое продолжение «Вечеров»“; 9 февраля пишет ему же, что „Вечера на днях выходят“; и 20 февраля, т. е. по истечении трехнедельного срока: „моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить в продажу“. Поступила ли книга в продажу именно 21 февраля — неизвестно, но 10 марта 1835 г. Гоголь уже пишет С. П. Шевыреву: „Посылаю вам мой Миргород“. Таким образом печатание „Миргорода“ заняло около двух месяцев (считая со дня цензурного разрешения), — почти столько же, сколько печатание „Арабесок“ (вышли в свет не позже 22 января 1835 г.). Как видно, недоразумение с изъятым предисловием было ликвидировано более или менее безболезненно.

В сознании большей части критики 30-х годов „Миргород“, в соответствии с прямым смыслом заглавия, был продолжением „Вечеров на хуторе“ и оценивался соотносительно с этими повестями. Как и в оценке „Вечеров“, направление критических отзывов о „Миргороде“ зависело преимущественно от того, как воспринимались представителями различных общественных групп заключенные в повестях Гоголя элементы демократизации литературы а именно: подрыв ее норм вводом „низового“ героя, отказ от прописной дидактики, ирония, прямая или скрытая сатира, наконец реалистический метод творчества — всё то, что переключало литературу из плана активно-панегирического или невинно-развлекательного в план критического отношения к современной действительности.

Подголоски правящих кругов, представленные группой Булгарина, получили в половине 30-х годов сильное подкрепление в Сенковском и его широко популярном журнале. Журнальная конкуренция между „Северной Пчелой“ Булгарина и „Библиотекой для чтения“ Сенковского, мелочная полемика между ними и даже случаи более или менее серьезных разногласий по частным вопросам, не устраняют очевидного факта общности их политической позиции. Неудивительно, что к такому явлению, как „Миргород“ Гоголя, отнеслись они в общем одинаково.

Для реакционной журналистики 30-х годов характерна враждебная оценка „Повести о том, как поссорился...“ как повести „грязной“, „взятой из дурного общества“ (Сенковский), как „неопрятной картины заднего двора человечества“ (П. М—ский) и рядом с этим сочувственная оценка „Старосветских помещиков“ и „Тараса Бульбы“, воспринимаемых, однако, не в их новаторском существе, а по связи с привычными чувствительными или патетическими повестями. Рецензии П. М—ского (в „Северной Пчеле“ (1835, № 115, стр. 457—458) и Сенковского в „Библиотеке для

чтения" (1834, т. III, отд. V, стр. 29—32) в этом сошлись совершенно; Сенковский прибавил отрицательную оценку „Вия", оставленного П. М—ским без внимания. Заметим, что рецензент „Северной Пчелы" отрицательно оценил и заглавие книги и эпиграф к ней: „Назвав свою книгу, *не знаем почему*, именем уездного города Полтавской губернии, автор придал ей два самые странные эпиграфа... Нынче в моде щеголять странностию эпиграфов, которые не имеют ни малейшего отношения к книге". Этим непониманием еще больше подчеркивалось, что реалистические и сатирические элементы сборника в глазах рецензента не имели никакого значения.

В „Московском Наблюдателе" 1835, № 2, рецензия на „Миргород" была написана Шевыревым. Для Шевырева,— представителя патриархально-дворянского консерватизма 30-х годов, — в отличие от Булгарина и Сенковского, приемлем *весь* Гоголь в его характерных чертах (отбрасывается только фантастика „Вия"): не только патетический и чувствительный, но и комический Гоголь. Но это признание Гоголя достигнуто ценою существенного обеднения его содержания; комизм Гоголя понят Шевыревым согласно с определениями французского классицизма (в конечном счете — Аристотелевыми) как *„безвредная бессмыслица"*. Юмор Гоголя определен как „простодушный"; таким образом, элементы критического отношения к действительности в гоголевских повестях Шевыревым не были замечены. При этом в согласии с Сенковским, упрекавшим Гоголя за героев из „дурного общества", Шевырев требует от Гоголя другой — светской тематики: „столица уже довольно смеялась над провинциею и деревенщиной... высший и образованный класс всегда смеется над низшим... Но как бы хотелось, чтобы автор, который, кажется, каким-то магнитом притягивает к себе всё смешное, рассмешил нас нами же самими; чтобы он открыл эту бессмыслицу в нашей собственной жизни, в кругу так называемом образованном, в нашей гостиной, среди модных фраков и галстуков, под модными головными уборами". Как видно из отмеченного выше определения комизма как *безвредной бессмыслицы*, Шевырев призывал Гоголя не к сатирическому изображению большого света: сущность его советов заключалась в требовании отказа от демократизации повествовательной тематики. Как иронически резюмировал Чернышевский, Гоголь в „Миргороде" — в глазах Шевырева — „беззаботный весельчак, который для столичных светских людей рисует преуморительные карикатуры провинции, не имеющей понятия о модных галстуках" (Соч. Чернышевского, 1906, т. II, стр. 100). При анализе отдельных повестей (кроме „Повести о том...") Шевырев неизбежно вступает в противоречие со своей общей характеристикой Гоголя и „Миргорода". По поводу „Старосветских помещиков" он пытается полемизировать с критиками, „которые ограничивают талант автора одною карикатурою"; в „Тарасе

Бульбе" он отмечает „талант многосторонний, решительный и кисть широкую и смелую в повествователе". По существу, однако, Шевырев и здесь примыкает к тем самым критикам, с которыми полемизирует, так как именно „Старосветские помещики" и „Тарас Бульба" были ими одобрены. Оценка Шевырева по существу не отличается от оценки Сенковского. Они совпадают даже в деталях; Шевырев только смягчает резкость некоторых формулировок Сенковского. Сенковский подчеркивает у Гоголя „особое дарование рассказывать шуточные истории", Шевырев — „чудный дар схватывать бессмыслицу в жизни человеческой и обращать ее в неизъяснимую поэзию смеха". Сенковский рядом с этим приветствует „верность и простоту красок" и „неподдельное чувство" в „Старосветских помещиках" и „Тарасе Бульбе"; то же в тех же почти выражениях говорит о „Старосветских помещиках" Шевырев, очевидно, не замечая в повести ничего большего. Совпал Шевырев с Сенковским и в отрицательной оценке „Вия".

К оценкам Шевырева примыкают оценки „Литературных прибавлений к Русскому инвалиду" Воейкова, ориентирующихся на читателя из „хорошего общества", в эстетическом же отношении довольно беспринципных. Здесь особенно показательны упоминания о Гоголе мимоходом. Гоголь (которого журнал упорно именует „Гогелем" или „Гогелем-Яновским") в глазах Воейкова и его сотрудников — только один из многих талантливых русских повествователей. Так, например, в № 77 от 25 сентября 1835 г., в противовес выдвигаемому Сенковским А. П. Степанову, названы романы Погорельского, Греча, Петра Сумарокова и повести Пушкина, Марлинского, кн. Одоевского, Павлова, Погорельского, *Гогеля-Яновского*, Луганского, Карлгофа, Владиславлева. Подобные перечни — с „Гогелем", теряющимся в ряду других имен — в „Литературных прибавлениях" не единичны. В другом месте (№ 75 от 18 сентября) „сказки" Гоголя определены как „Лафонтеновски-простодушные и вместе остроумные". Серьезнее специальная рецензия, напечатанная в том же журнале, „Мои коммеражи о соч. Н. Гоголя: «Миргород»" (№ 33 от 24 апреля). Автор, подписавшийся А. в. л. м., начинает с таких в общем сочувственных гоголевскому методу тезисов: всякий момент из жизни человека, „находящегося в борении с ближним и с природою", может быть сюжетом повести; назидательность не должна навязываться. „В повестях Н. Гоголя сюжет прост, занимателен, величествен, как природа, рассматриваемая не очами слепца; выполнен сюжет увлекательно". Рецензент обратил внимание на отказ Гоголя в „Миргороде" от прежней напыщенности; полемизируя с Сенковским, он приветствует „отсутствие светскости" у Гоголя: „В повестях Н. Гоголя видно, что автор не думал ни о читателях, ни о модном свете; он видел только предмет описываемый и весь исчезал в предмете". Однако, эти более или менее верные положения не подкреплены

анализом отдельных повестей; переходя к частностям, рецензент обнаруживает недооценку Гоголя. Это сказалось уже в отнесении повестей Гоголя к разряду „фамильных повестей“ типа повестей Цшокке; в определении героев Гоголя как „ярких, добрых оригиналов“; наконец, в почти исключительном внимании к „Тарасу Бульбе“ (мельком упомянута фигура миргородского городничего из „Повести о том, как поссорился...“). Как пример снисходительно-поверхностного отношения к реализму „Миргорода“ любопытно упоминание о нем Надеждина в статье „Европеизм и народность“ („Телескоп“, 1836, № 2). По поводу школы псевдонародных писателей (А. Орлов и др.), которых надо „гнать из литературы“, Надеждин делает исключение для изображения *поэзии* простого быта и рядом с Загоскиным приводит в пример Гоголя — его образы пьяного казака из „Тараса Бульбы“ и Ивана Никифоровича „в натуре“. Считая, „что народность и в этом *ограниченном, грязном* смысле, пройдя чрез горнило вдохновения, может иметь доступ в литературу и, следовательно, *не заслуживает безусловного преследования и отвержения*“, Надеждин всё же требует народности в „гораздо обширнейшем“ значении.

Рядом с этими недооценками и полупризнаниями обнаруживается в разных литературных группах начало борьбы *за Гоголя*. С одной стороны показательны попытки истолковать Гоголя в охранительно-примирительном смысле при одновременном признании его большого литературного значения. С другой стороны, в прогрессивной общественности 30-х годов мы наблюдаем факты прямой солидаризации с Гоголем, воспринятым во всей полноте и сложности.

Для первого ряда явлений характерно „Письмо из Петербурга“ М. П. Погодина, помещенное в том же номере „Московского Наблюдателя“, где и статья Шевырева. Гоголь назван здесь „первоклассным талантом“, „новым светилом“ словесности; впечатление от „Миргорода“ (может быть, впрочем, только от „Тараса Бульбы“: из контекста это неясно) резюмировалось так: „Какое разнообразие! Какая поэзия! Какая верность в изображении характеров! Сколько смешного и сколько высокого, трагического!“. „Прекрасной идиллией и элегией“ названы и „Старосветские помещики“. Таким образом беглое упоминание Шевырева о „многосторонности“ Гоголя здесь развито (хотя подлинное содержание этой „многосторонности“ не раскрыто); Гоголю отведено первое место среди повествователей („вы... должны будете поклониться этим повестям со всеми нашими повествователями без исключения, стихотворными и прозаическими“). За восторгами Погодина скрывается, конечно, представление о „безобидном“ объективизме Гоголя.

В других случаях сочувственные отзывы о Гоголе настолько лаконичны, что не могут быть с уверенностью расшифрованы. Таковы, например,

мельком брошенные слова Вл. Одоевского о Гоголе, как о „лучшем таланте в России“ (статья 1836 г. „О вражде к просвещению“ по поводу параллели Гоголь — Поль-де-Кок, пущенной в ход Сенковским). Одоевским же начата была и статья о „Миргороде“, но сохранившийся отрывок дает только частные замечания об умении Гоголя изображать „человека низшего класса“ („Повесть о том, как поссорился...“).[1] Кратко, но выразительно охарактеризовал Гоголя этой поры Е. А. Боратынский: „наш *веселый и глубокий* Гоголь“ (письмо к М. П. Погодину, датируемое 4 мая 1835 г.; Барсуков, „Жизнь и труды Погодина“ т. IV, стр. 277).

Беглым был и отзыв Пушкина о „Миргороде“. Помещенная в первом томе „Современника“ 1836 г. рецензия его на второе издание „Вечеров на хуторе“ заканчивалась отзывом об „Арабесках“ и „Миргороде“: „Вслед за тем явился Миргород, где с жадностию все прочли и Старосветских помещиков, эту шутливую, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтер-Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале“. При всей своей беглости, отзыв этот замечателен тем, что впервые дал лапидарную формулировку *сложности и противоречивости* впечатления от гоголевского творчества („смеяться сквозь слезы грусти и умиления“), а также той перспективой, в которую творчество это вдвигалось (не Шокке и не русские новеллисты 30-х годов, а Вальтер Скотт, на что тотчас же отозвался в „Северной Пчеле“ Булгарин, отказываясь „безотчетно жаловать г. Гоголя в русские Вальтер Скоты“). Впрочем, историко-литературная перспектива для Гоголя была еще до пушкинской рецензии установлена в статье Белинского. Белинский в эти годы — годы своего идеологического созревания (еще до „периода примирения с действительностью“) — последовательно противопоставлял реакционным теориям „безвредного“ искусства требования реалистической эстетики. В „Миргороде“ Гоголя Белинский нашел осуществление своих эстетических идей.

Белинский высказывался о „Миргороде“ несколько раз. Первым откликом была краткая рецензия в „Молве“ 1835 г. № 15 (цензурное разрешение 12 апреля 1835 г.) на „Арабески“ и „Миргород“. „Новые произведения игривой и оригинальной фантазии г. Гоголя“ были здесь отнесены „к числу *самых необыкновенных* явлений в нашей литературе“; впрочем, как правильно указывал С. А. Венгеров, в словоупотреблении этих лет „необыкновенный“ значило „незаурядный“. Несколько

---

[1] См. П. Н. Сакулин, „Кн. В. Ф. Одоевский“, т. I, ч. 2, стр. 338. Полный текст заметки см. в сборнике „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“. Издательство Акад. Наук, I, стр. 223.

выше Белинский относил Гоголя „к *самым приятным* явлениям в нашей литературе“ — наряду с повестями Павлова и Полевого. Упоминание о Гоголе в заметке „И мое мнение об игре Каратыгина“ („Молва“, 1835, № 17, цензурное разрешение 26 апреля 1835 г.) также еще очень сдержанно. Гоголь противопоставлен Марлинскому как представитель „естественности и простоты“. Но за этой оценкой следует *оговорка*: „Я не отрицаю таланта в г. Марлинском и пока еще не вижу гения в г. Гоголе, но хочу только показать разность между талантом *случайным*.... и талантом самобытным, независимым от обстоятельств жизни“. Хотя в статье „О русской повести и повестях Гоголя“ также не отрицался талант Марлинского и Гоголь назывался талантом, а не гением, — общий тон статьи был существенно иным, чем в двух апрельских заметках.

Статья Белинского „О русской повести и повестях Гоголя“ появилась в 7-й и 8-й книжках „Телескопа“ за 1835 г. (цензурные разрешения от 1 и 11 сентября). От всего написанного о Гоголе раньше статья отличалась прежде всего большой *принципиальностью*: Белинский приветствовал Гоголя не как рядового талантливого писателя, а как представителя наиболее актуального направления — „реальной поэзии“ и ее наиболее актуального жанра — повести. Реальная *поэзия*, в противоположность *идеальной*, защищалась здесь еще с шеллингианских эстетических позиций („вечный герой, неизменный предмет ее вдохновений, есть человек.... символ мира, конечное его проявление“), причем не отрицалось относительное *право* на существование поэзии „идеальной“. Белинский в плане *мировой* литературы не затруднился сопоставлять Гоголя с Шекспиром и Шиллером, а по поводу „Тараса Бульбы“ — и с Гомером (оговариваясь, что не считает Гоголя равным им, но „*для* гения и таланта одни законы, несмотря на всё их неравенство“). Но в плане современной *русской* литературы Гоголь был поставлен на первое место: „По крайней мере, в настоящее время он является главой литературы, главой поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным“. Эта градация — при живом еще Пушкине — связана была с представлением, что Пушкин „уже свершил круг своей художнической деятельности“: вопрос о сравнении *исторического* значения Гоголя и Пушкина Белинским не поднимался; напротив, в начале статьи было заявлено, что Пушкин „составляет на пустынном небосклоне нашей литературы, вместе с Державиным и Грибоедовым, пока единственное поэтическое созвездие, блестящее *для* веков“. Положение Гоголя в *современной* русской литературе подкреплялось обзором повестей виднейших русских прозаиков — Марлинского, Вл. Одоевского, Погодина, Павлова и Полевого (повести Пушкина не были упомянуты), причем никто из них не был признан сколько-нибудь равным Гоголю. Отличительными чертами характера Гоголя Белинский при-

знал 1) простоту вымысла, 2) совершенную истину жизни, 3) народность, 4) оригинальность и 5) комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Первые четыре черты он признавал общими „всем изящным произведениям", последнюю — чертой индивидуальной для Гоголя. Огромное значение статьи Белинского заключалось в том, что она 1) решительно порывала с представлением о Гоголе, как о „забавном" писателе; 2) ставила во всей широте вопрос о сложном и противоречивом характере гоголевского творчества, как несводимого к „комизму"; 3) подлинный характер и тем самым историко-литературную роль Гоголя усматривала не в комизме его, а в *реализме* („Он не льстит жизни, но и не клевещет на нее: он рад выставить наружу всё, что в ней есть прекрасного, человеческого и в то же время не скрывает ни мало и ее безобразия. В том и другом случае он верен жизни до последней степени").

Заметим, что „истинную поэзию действительной жизни" оценил в Гоголе и Н. В. Станкевич (письмо от 4 ноября 1835 г. к Я. М. Неверову, „Переписка Н. В. Станкевича", М., 1914, стр. 335). Но в свете одновременных отзывов Станкевича о „Старосветских помещиках" философское содержание этой оценки раскрывается как идея „примирения с действительностью". Обличительно-иронические элементы гоголевского реализма от Станкевича ускользнули. Белинским они были поняты и выражены в замечательной формуле: „*смех, растворенный горечью*".

Наиболее значительно в статье Белинского определение гоголевского *юмора*. Определяя его как „гумор спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается простачком", Белинский тут же замечает (возможно, по адресу Шевырева, Воейкова и др.), что „надо быть слишком глупым, чтобы не понять его иронии". Явно против Шевырева обращены слова: „И причина этого комизма, этой карикатурности изображений заключается не в способности или направлении автора находить во всем смешные стороны, но в *верности жизни*". Шевыревскому упрощению гоголевского юмора Белинский противополагает свое определение: „Но тем не менее это всё-таки гумор, ибо не щадит ничтожества, не скрывает и не скрашивает его безобразия, ибо, пленяя изображением этого ничтожества, возбуждает к нему отвращение". Принципиально новым и важным было здесь указание на критические, обличительные элементы гоголевского творчества, подкрепленное и анализом отдельных повестей. Герои „Старосветских помещиков" впервые Белинским определены как „две пародии на человечество"; герои „Повести о том, как поссорился..." — как „живые пасквили на человечество"; „очарование" Гоголя — в том, что разоблачая „всю пошлость, всю гадость этой жизни жалкой, уродливой, карикатурной", он вызывает участие к своим героям. Другими словами гоголевская оценка

действительности противоречива, но это соответствует противоречиям самой действительности („И таковы все его повести: сначала смешно, потом грустно. И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно!"). В отличие от всех остальных критиков, Белинский дал высокую оценку и „Вию", — не только бытовым изображениям и характеру Хомы, но и фантастике „Вия", за исключением только описания привидений (здесь Белинский согласился с упреками Шевырева; соответственное место было Гоголем впоследствии переработано).

Несколько позже — в апреле 1836 г. — Белинский выступил с прямой полемикой против Шевырева по разным вопросам, в том числе и по вопросу об оценке Гоголя („О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя»". „Телескоп", 1836, № 5—6). Здесь Белинский писал: „Комизм отнюдь не есть господствующая и перевешивающая стихия его таланта. Его талант состоит в удивительной верности изображения жизни в ее неуловимо-разнообразных проявлениях. Этого-то и не хотел понять г. Шевырев".

Точка зрения Белинского, в те годы совершенно новая, была затем поддержана самим Гоголем в его автокомментариях, особенно в „Театральном разъезде" и в известном зачине 7-й главы „Мертвых душ". Очень возможно, что Гоголь самоопределился в этом направлении не без влияния Белинского.[1] В статье 1840 г. о „Горе от ума" Белинский еще раз вернулся к трем основным повестям „Миргорода", видя в них образцы трагедии („Тарас Бульба"), драмы („Старосветские помещики") и комедии („Повесть о том как поссорился..."). В этой статье, основанной на гегельянском противопоставлении разумной и неразумной действительности, Белинский существенно отошел от своих положений 1835—1836 годов и тем самым — от гоголевских самооценок.

В письме к Жуковскому от 6—8 апреля 1837 г. Гоголь писал о „Старосветских помещиках" и „Тарасе Бульбе", что эти две повести „нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам" и добавлял: „все недостатки, которыми они изобилуют, вовсе неприметны были для всех, кроме вас, меня и Пушкина". Действительно, „Старосветские помещики", воспринятые как патриархальная идиллия, и „Тарас Бульба", воспринятый как официозно-патриотическая повесть (хотя ни

---

[1] О непосредственном впечатлении, произведенном на Гоголя статьей Белинского „О русской повести..." передают воспоминания П. В. Анненкова. Гоголь по словам Анненкова „был доволен статьей, и более чем доволен, он был осчастливлен статьей, если вполне верно передавать воспоминания о том времени. С особенным вниманием остановился в ней Гоголь на определении качеств истинного творчества" (П. В. Анненков, „Замечательное десятилетие". Последнее издание: „Academia", Л., 1928, стр. 241).

та ни другая оценка не была верной), были поддержаны даже реакционной критикой в противовес эксцентрической фантастике „Вия“ и особенно в противовес „Повести о том, как поссорился...“ с ее обличительно направленным реализмом. Показательно отношение (1836—1837 гг.) кн. Н. Г. Репнина, дочь которого вспоминала: „Отцу сильно не нравился сатирический склад ума Гоголя, и он был притом сильно недоволен его произведениями, *особенно «Миргородом»*“ (Шенрок, „Материалы“, т. III, стр. 189). Это было уже после „Ревизора“. Но тогда же начали раздаваться голоса „справа“, прозодившие границу между сравнительно „приемлемым“ „Миргородом“ и вовсе неприемлемым „Ревизором“. Так, И. И. Лажечников писал 13 июня 1836 г. Белинскому: „Высоко уважаю талант автора «Старосветских помещиков» и «Бульбы», но не дам гроша за то, чтобы написать «Ревизора»“ (А. Пыпин, „Белинский, его жизнь и переписка“, изд. 2, стр. 194). В „Русском Вестнике“, 1842, Н. А. Полевой также противоставлял повести Гоголя — разумеется, соответственным образом переосмысленные — „Ревизору“ и „Мертвым душам“, которые труднее поддавались такому переосмыслению: „В *шутке* своего рода, в *добродушном* рассказе о Малороссии, в *хитрой простоте* взгляда на мир и людей г. Гоголь превосходен, неподражаем. Какая прелесть его описание ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, его *история о носе, о продаже коляски!*“.

Дальнейшая борьба с Гоголем и за Гоголя разгоралась уже по поводу „Ревизора“ и „Мертвых душ“. В сознании самого Гоголя „Миргород“ был заслонен „Ревизором“: в так называемой „Авторской исповеди“ Гоголь о Миргороде вовсе не упомянул, несколько искусственно разделив историю своего творчества на два периода: до „Ревизора“ и после него. На самом деле, значение „Миргорода“ как творческого этапа для Гоголя было исключительно велико, так как именно здесь и в одновременных повестях „Арабесок“ обнаружилось то направление Гоголя, которое Чернышевский определил как „критическое“, и те свойства, которые Белинский определил как „совершенная истина жизни“ и как „типизм“ (создание обобщенных характеров). Именно „Миргород“ дал основание критике — прежде всего Белинскому — определить подлинное место Гоголя в литературе его времени и вскрыть содержание его творчества во всей его сложности и противоречивости: формула Белинского „комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния“ — оказалась определением не только повестей „Миргорода“ и „Арабесок“, но и дальнейших созданий Гоголя — „Ревизора“, „Шинели“, „Мертвых душ“.

„Миргород“ был переиздан в 1842 г. как второй том собрания сочинений. Для этого издания Гоголь радикально переработал „Тараса Бульбу“ и внес ряд поправок в текст „Вия“ (см. комментарий к этим

повестям); та и другая переработка вызвала сочувственный отзыв Белинского (рецензия в „Отечественных Записках“, 1843, № 2). Две остальные повести вошли в новое издание без перемен; грамматические и стилистические поправки были внесены в текст всех четырех повестей Н. Я. Прокоповичем, согласно общему полномочию, полученному на это от Гоголя. К концу второго тома был приложен словарь: „Малороссийские слова, встречающиеся в 1-м и 2-м томе“. Словарь этот был составлен повидимому, Н. Я. Прокоповичем на основании двух словариков, приложенных самим Гоголем к „Вечерам на хуторе близ Диканьки“, а также отдельных примечаний в тексте „Вечеров“ и „Миргорода“. Однако, пояснения к отдельным словам в изд. 1842 г. не всегда совпадают с текстом словарика к „Вечерам“ (например, вместо, „спеченый из пшеничной муки хлеб, обыкновенно едомый горячим с маслом“—„род пшеничного белого хлеба“; вместо „белое покрывало из жидкого полотна, носимое на голове женщинами, с откинутыми назад концами“—„белое женское покрывало из редкого полотна с откидными концами“ и т. д.). Исправление гоголевских словариков сделано в том же направлении, в каком шли вообще все поправки Прокоповича в тексте „Вечеров“ и „Миргорода“. В некоторых случаях словарик изд. 1842 г. дает и измененные значения слов (например, вместо „золотуха“—„веред“; вместо (усадьба“ — „поле, окопанное рвом“; вместо „деревянная тарелка“ — „чашка для похлебки“; вместо „род чепца“ — „род женской шапочки“ и т. д.). Вместе с тем в словарик 1842 г. внесено объяснение свыше пятидесяти новых слов, отсутствующих в „Вечерах“, с другой стороны, исключены два слова (запаска, кобза).

Для издания, начатого в 1851 г., Гоголь успел просмотреть корректуры „Старосветских помещиков“ полностью и „Тараса Бульбы“ отчасти (кончая девятым листом) и внес в эти повести некоторые поправки (см. комментарии к этим повестям).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ниже указаны работы, специально посвященные „Миргороду“, как циклу повестей, или уделяющие этому циклу значительное место; библиография работ об отдельных повестях указана в конце комментариев к соответственным повестям. Современные Гоголю рецензии на „Миргород“ и критические статьи о нем не приводятся; ссылки на них даны в тексте комментария.

1. В. И. Шенрок,—„Гоголь в период Арабесок и Миргорода“ („Материалы для биографии Гоголя“, т. II, гл. I; первоначально в „Вестнике Европы“, 1892, № 7—8).
2. Н. Котляревский, „Гоголь“ (I-е изд; СПб., 1903, 4-е изд, СПб., 1915; о повестях „Миргород“, главы VII и VIII).

3. В. В. Каллаш, „Миргород". Вступительная статья в „Сочинениях Гоголя" изд. „Просвещение", СПб., 1909, т. II; то же в „Сочинениях Гоголя" изд. Брокгауз-Ефрон, Пгр., 1915, т. II.
4. Н. И. Коробка, „Миргород". Вступительный очерк в „Полном собрании сочинений Н. В. Гоголя", изд. „Деятель", Пгр., 1915, т. II.
5. Василий Гиппиус, „Гоголь", изд. „Мысль", Л, 1924; о повестях „Миргорода" — главы III—V и VIII.
6. Н. К. Пиксанов, „Украинские повести Гоголя" (статья в издании „Собрание сочинений Гоголя", приложение к журн. „Красная Нива" за 1931, т. I; перепечатана с дополнениями в книге того же автора „О классиках", М., 1933).
7. М. Храпченко. Н. В. Гоголь. ГИХЛ, М., 1936; о повестях „Миргорода" — глава IV.

СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ

I

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

а. Печатные

М — „Миргород". Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н. Гоголя. Часть первая, СПб., 1835.

П — „Сочинения Николая Гоголя". Том второй: „Миргород", СПб., 1842.

Тр — „Сочинения Н. В. Гоголя". Том второй: „Миргород", Москва, 1855.

б. Рукописные

РЛ$_1$ — Автограф. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В настоящем издании повесть печатается по „Миргороду" изд. 1835 г. с исправлениями по автографу.

II

Повесть „Старосветские помещики" появилась впервые в „Миргороде", 1835 г., часть первая, стр. 1 - 55. Вторично повесть была напечатана при жизни Гоголя в издании: „Сочинения", 1842 г., том второй. В 1855 г., уже после смерти Гоголя, вышли первые четыре тома нового издания его сочинений под редакцией Н. П. Трушковского. Издание это было

Я очень люблю старинную жизнь — полную [illegible] людей которую в России обыкновенно называют старосветскими помещиками. Домик у них маленький, домы животных домы хороши своею комнатною и совершенною противоположностью строения плоскому строению и прекрасному [illegible] которого отсюда запросили еще домы крышу покрытою [illegible] зеленая плесень и [illegible] [illegible] [illegible]

задумано Гоголем еще в 1850 г., но тогда не осуществилось, хотя некоторые листы первых четырех томов, по свидетельству Трушковского, прошли через авторскую корректуру. Из второго тома, содержащего „Миргород", при жизни Гоголя было отпечатано девять листов — в том числе, значит, и весь текст „Старосветских помещиков". Повесть эта не подвергалась значительным переделкам, но некоторые стилистические и грамматические изменения есть и в издании 1842 г. и в издании 1855 г.

Рукописный текст повести (автограф) находится в тетради, хранящейся в рукописном отделении Ленинградской гос. публичной библиотеки. Текст повести (не совсем полный) занимает здесь листы 12–15а от начала, кончая словами „слезы лились как река", и от слов „Это блюдо", кончая словами „в самое сердце". Текст этого автографа очень близок к печатному, отличаясь от него только мелкими вариантами. По всем признакам, с этого автографа была сделана копия, которая и была сдана в набор после сделанных на ней автором исправлений. При сличении рукописного текста повести с текстом „Миргорода" обнаруживаются, кроме авторских исправлений, некоторые произвольные изменения языка и явные ошибки переписчика или наборщика, не замеченные автором. Что касается текста повести в издании 1842 г., то известно, что его редактор, Н. Я. Прокопович, пользуясь разрешением Гоголя, „исправлял" некоторые выражения автора, следуя грамматическим и стилистическим правилам.

Итак, мы имеем четыре текста „Старосветских помещиков". Они отличаются друг от друга исключительно стилистическими и грамматическими вариантами. В издании 1842 г. эти варианты принадлежат не Гоголю, а Н. Я. Прокоповичу, и потому не принимаются во внимание при установке основного текста в настоящем издании; но тем самым должны остаться в стороне и варианты издания 1855 г., представляющие собой дополнение к тексту 1842 г. Остаются, таким образом, автограф и текст „Миргорода". Печатая повесть по „Миргороду" 1835 г., мы исправляем несомненные погрешности переписки и набора по автографу.

Приводим главные случаи, в которых мы следуем автографу:

Стр. 13, строка 4: берем „пестротою", считая „простотою" ошибкой переписчика. Тихонравов оставил „простотою", но в комментарии написал: „В печатных текстах вместо слова «пестротою» поставлено «просто ою»; в этой замене мы подозреваем ошибку писца: из контекста места видно, что автор противополагает *новому гладенькому* строению — «пестрогу» обветшавшего домика, стены которого промыты дождем, крыша местами покрыта зеленою плесенью, крыльцо, лишенное штукатурки, выказывает красные кирпичи»". („Сочинения" Н. В. Гоголя, 10 изд., т. I, стр. 565.)

Стр. 17, строка 6: берем „комнат", считая „комнаты" ошибкой переписчика.

Стр. 27, строка 4: берем „закушивал", считая „закусывал" чужой поправкой; ниже (стр. 23, строка *12—13*) во всех изданиях сохранилось „закушивал".

Остальные случаи см. в вариантах.

III

Повесть „Старосветские помещики" была задумана и начата Гоголем не раньше конца 1832 г. — после того, как он провел лето (с 20 июля до октября) на родине, в Васильевке. Н. С. Тихонравов поддерживает эту датировку указанием на то, что история исчезновения кошечки и последовавшей затем смерти Пульхерии Ивановны является отражением рассказа, слышанного Гоголем от М. С. Щепкина, с которым он познакомился в Москве у С. Т. Аксакова проездом в Васильевку или на обратном пути. Об этом сообщает А. Н. Афанасьев в статье „М. С. Щепкин и его записки": „Случай, рассказанный в «Старосветских помещиках» о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки поняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М. С-ча. Щепкин как-то рассказал о нем Гоголю, и тот мастерски воспользовался им в своей повести. М. С-ч прочитал повесть и при встрече с автором сказал ему шутя: «а кошка-то моя!» — «Зато коты мои!» — отвечал Гоголь, и в самом деле, коты принадлежали его вымыслу" („Библиотека для чтения", 1864, 2, стр. 8). Работа над повестью шла, повидимому, в конце 1833 г. или в начале 1834 г. Посылая матери вышедший из печати сборник „Миргород", Гоголь писал ей (12 апреля 1835 г.): „Посылаю вам, в завершение, мои повести, довольно давние, которые, впрочем, недавно вышли из печати".

Прототипами Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны одни считают деда и бабушку Гоголя (Афанасия Демьяновича и Татьяну Семеновну), другие — знакомых старичков Зарудных (см. Шенрок, „Материалы", т. II, стр. 141 и В. Чаговец, „Семейная хроника Гоголей").[1] Несомненно, что, рисуя своих героев, Гоголь пользовался разнообразными фактами и наблюдениями, соединяя их вместе. С. В. Капнист-Скалон (близкая знакомая Гоголя) рассказывает в своих воспоминаниях о старичках Бровковых, у которых они останавливались в Миргороде по дороге в имение дяди, П. В. Капниста: „Старик и старушка встречали нас всегда с большим радушием и не знали, чем и как нас угощать. Чуть ли не их описал

---

[1] „Памяти Гоголя", Сб. Об-ва Нестора-летописца, Киев, 1902. Отд. III, стр. 5—6.

Н. В. Гоголь в своей повести «Старосветские помещики». Подъезжая к маленькому домику их, мы видели всегда старика с трубочкой в руках, высокого роста, с правильными чертами лица, выражавшими и ум и доброту, сидевшего на простом деревянном крылечке с небольшими столбиками; он приветливо встречал нас, вводил в маленькую, низенькую и мрачную гостиную с каким-то постоянным особенным запахом и с широкой деревянной дверью, издававшей при всяком входе и выходе ужасный скрип. Тут нас радостно встречала, переваливаясь с ноги на ногу, добрая старушка, его жена .... При наших посещениях она больше всего хлопотала о том, чтобы изготовить нам чудный малороссийский стол и накормить людей и лошадей наших .... Старушка .... делала <много> добра в жизни своей, и неудивительно, что когда она скончалась, то никто в городке том не запомнит таких трогательных похорон. Дом и двор их до того были наполнены плачущими и облагодетельствованными ею людьми, что стороннему человеку трудно было добраться до ее гроба. О сю пору память о ней сохраняется в Миргороде".[1]

Повесть „Старосветские помещики" написана в тонах идиллии, но трогательное чередуется в ней с комическим, а комическое переходит в грустное. Пушкин дал очень точную характеристику этой повести: „шутливая трогательная идиллия, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления" („Современник", 1836, 1). В гоголевской литературе уже указывалось на то, что Гоголь в этой повести зависит от карамзинской традиции. В 1832 г. Гоголь писал из деревни престарелому другу Карамзина, И. И. Дмитриеву: „Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню, так краски его ярки и сходны с здешней природой".

Эта цитата, взятая сама по себе, может навести на мысль, что в „Старосветских помещиках" Гоголь не только связан с традицией карамзинского стиля, но и проникнут тем же патриархально-идиллическим духом. Между тем, вслед за приведенными словами (адресованными, чего не нужно забывать, другу Карамзина) идут размышления и соображения совсем иного, не карамзинского характера: „Чего бы, казалось, недоставало этому краю! Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения: он усыпил и обленивел жителей. Помещики видят теперь, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль

---

[1] „Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов" т. I, Изд-во политкаторжан, М., 1931, стр. 318—319.

дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами". Эти темы и соображения не высказаны в повести прямо, но составляют ее несомненную основу. Начальные слова („Я очень люблю"), как и всю повесть, нельзя понимать прямо, вне юмора и даже иронии, окрашивающих повествовательный тон Гоголя. Рассказ о том, как волит и приказчик обкрадывают „старосветских помещиков", не имеет ничего общего с идиллией и вполне соответствует тому, о чем говорится в письме („Хлеба, фруктов, всего растительного гибель!" и т. д.). Наконец, финал повести переводит ее уже прямо из жанра будто бы идиллии в жанр реалистического очерка, рисующего судьбу разоряющихся помещиков этого „необыкновенно уединенного" края. Итак, видеть в „Старосветских помещиках" прямую идиллию было бы неверно, как неверно было бы и умозаключать от такого понимания повести к преобладению элементов патриархального мышления у Гоголя этой поры.

„Старосветских помещиков" можно назвать идиллией только с оговорками, как это и сделал Пушкин. Гоголь и в самом деле строит всю повесть на своеобразном, противоречивом сочетании идиллического стиля с комическими сюжетными положениями и деталями и с реалистическими подробностями быта и обстановки в „фламандском" вкусе. На фоне такого рода подробностей „идиллические" элементы „Старосветских помещиков" звучат скорее как преодоление сентиментально-идиллического стиля, чем как действительное следование ему. Интересно, что традиционный „буколический" тезис идиллии использован Гоголем для истории кошечки, соблазненной дикими котами: „набралась романических правил, что *бедность при любви лучше палат*". Ироническое отношение к сентиментально-идиллическим традициям здесь очевидно.

В эволюции Гоголя от идиллических „Вечеров" к критическому реализму комедий и петербургских повестей „Старосветские помещики" имеют огромное значение как преодоление реакционных традиций сентиментальной идеализации действительности, господствовавших в русской прозе 20-х годов.

ТАРАС БУЛЬБА

I

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

а. Печатные

М — „Миргород". Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н. Гоголя. Часть первая, СПб., 1835.

П — „Сочинения Николая Гоголя". Том второй: „Миргород", СПб., 1842.

Тр — „Сочинения Н. В. Гоголя". Том второй: „Миргород", Москва, 1855.

б. Рукописные

РЛ$_1$ — Автограф (текст первой редакции). Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

РМ$_1$ — Автограф. Первоначальные черновые наброски глав V, VI, VII и IX (по окончательному счету), переработанных для второй редакции. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве.

РК$_1$ — Автограф. Рукопись второй редакции. Библиотека Украинской Академии Наук в Киеве.

РМ$_2$ — Авторизованная писарская копия второй редакции. Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве.

В настоящем издании в основном тексте печатается вторая редакция „Тараса Бульбы" по автографу *РК*$_1$, с дополнениями и исправлениями по

авторизованной копии PM_2 и в отдельных случаях—по другим рукописным и печатным источникам (подробности см. ниже).

Первая редакция повести печатается (в разделе „других редакций") по „Миргороду" изд. 1835 г. с дополнениями и исправлениями по автографу $PЛ_1$.

II

Повесть Гоголя „Тарас Бульба" при жизни Гоголя была напечатана дважды: сначала в отдельном издании „Миргорода" 1835 г. затем в т. II „Сочинений Николая Гоголя", где повесть была значительно переделана и расширена более чем вдвое. Кроме того, для задуманного второго издания своих „Сочинений" Гоголь в 1851 г. просматривал корректуры первых листов „Тараса Бульбы" (главы I—IX) и внес в текст повести ряд поправок. Вторая редакция повести, печатаемая в основном тексте настоящего издания, сохранилась в ряде рукописей: 1) первоначальные черновые наброски перерабатываемых глав (PM_1); 2) ряд рукописей (PK_1), содержащих в некоторых частях по два последовательных слоя работы над второй редакцией повести; рукописи эти, однако, не дают полного текста повести, так как отдельные места, вероятно правились Гоголем непосредственно по экземпляру „Миргорода"; 3) авторизованная писарская копия повести (PM_2), переписанная писцом (не вполне исправно) с автографа PK_1 и в нескольких случаях еще раз исправленная Гоголем.

В соответствии с общими принципами издания, текст второй редакции мы печатаем по киевской рукописи PK_1 с дополнением по московской копии (PM_2) отрывков, отсутствующих в ней, и с учетом гоголевской правки в этой копии. Отдельные случаи, в которых мы дополняем текст киевской рукописи, либо отходим от него, перечисляются ниже. В отделе „других редакций" печатается редакция 1835 г., а также текст промежуточной редакции глав V, VIII и IX (из PK_1 с вариантами по PM_1); текст главы VI дан, кроме того, в первоначальном наброске (PM_1), существенно отличающемся от окончательной редакции PK_1; промежуточная редакция этой главы неизвестна.

Попытку реализации замысла „Тараса Бульбы" следует относить, повидимому, к концу 1833 г., когда Гоголь усиленно стремился „туда, туда! в Киев, в древний, в прекрасный Киев" (письмо к М. А. Максимовичу от декабря 1833 г.), мечтая о кафедре истории в открываемом тогда Киевском университете и замышляя широкие планы исторических трудов, в частности трудов по истории Украины.

„Истории Малороссии", всей „от начала до конца", „или в шести малых, иль в четырех больших томах" (письмо к М. А. Максимовичу

от 12 февраля 1834 г.) Гоголь так и не написал. Осколками грандиозного замысла истории Украины явились две статьи: „Взгляд на составление Малороссии“ и „О малороссийских песнях“ („Журнал Министерства народного просвещения“, 1834, № 4, апрель, отд. II, стр. 1—15, 16 26) и повесть „Тарас Бульба“, отдельные страницы которой, как и самый замысел, близко связаны с обеими статьями. Гоголь датировал первую статью 1832 годом и упоминал об этих статьях, как о написанных давно; см. письма к М. П. Погодину от 19 марта 1834 г. и к М. А. Максимовичу от 28 мая 1834 г. Несмотря на это, исследователи, начиная с Н. С. Тихонравова, совершенно справедливо относят обе статьи к концу 1833 г., связывая их с отмеченным уже увлечением Гоголя историею Украины.

Хронологическая связь первой из отмеченных статей с повестью Гоголя подчеркивается также местом первой редакции „Тараса Бульбы“ в записной тетради Гоголя ($РЛ_1$): ей предшествуют отрывки „Взгляда на составление Малороссии“, отрывок исторической повести „Мне нужно видеть полковника...“ и „Старосветские помещики“, а следом за нею идет „Вий“. Этим определяется приблизительная дата первой редакции „Тараса Бульбы“; более точно начало работы над ней можно датировать мартом—апрелем 1834 г., если учесть, что среди источников „Тараса Бульбы“ несомненно была „Запорожская Старина“ И. И. Срезневского и что первые два выпуска „Запорожской Старины“ Гоголь получил лишь в конце февраля — начале марта 1834 г. (12 февраля 1834 г. он жалуется М. А. Максимовичу: „Запорожской Старины я до сих пор нигде не могу достать“; а 6 марта уже благодарит самого И. И. Срезневского: „Вы уже сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины“).

Черновая рукопись повести, сохранившаяся в тетради $РЛ_1$, была во второй половине того же 1834 г. переписана для издания в „Миргороде“, причем подверглась систематической правке. Сохранив в неприкосновенности всё развитие сюжета, отдельные характеристики, описания и мотивировки, Гоголь разделил текст на главы (в черновой рукописи это разделение лишь кое-где намечено), пытался преодолеть неуклюжий схематизм черновой рукописи, дополнить и расцветить сюжетную ткань повести новым материалом, в отдельных случаях даже новыми эпизодами.

Особо следует отметить три отрывка, переработка которых вызвана, вероятно, цензурными условиями. Так, в черновой рукописи после слов Бульбы о науке и просвещении следует фраза: „Бульба присовокупил еще одно слово, которого однако же цензора не пропускают в печать и хорошо делают“. В „Миргороде“ последняя фраза была изменена следующим образом: „Бульба присовокупил еще одно слово, которое в печати несколько выразительно и потому его можно пропустить“. По цензурным,

очевидно, соображениям была изменена в „Миргороде“ и речь кошевого. В черновой рукописи кошевой, жалуясь на то, что не только наружность церкви в Сечи, но даже внутренние образа „вот сколько лет уже“ стоят „без вся ого убранства“, прибавляет: „Николай-угодник божий, сердега, в таком платье, в каком нарисовал его маляр и до сих пор даже и серебряной рясы нет на нем. Варвара великомученица только то и получила, что уже в духовной отказали иные козаки“. В „Миргороде“ имена святых были исключены, и речь оказалась таким образом обезличенною: „Хотя бы серебряную рясу кто догадался им выковать. Они только то и получили, что отказали в духовной иные козаки“. Очевидно, по цензурным соображениям исключен в „Миргороде“ и лирический отрывок о запорожском танце, „который по своим могучим изобретателям носит название козачка“. В черновой рукописи после этого следует: „Только в одной музыке есть воля человеку. Он в оковах везде. Он сам себе кует еще тягостнейшие оковы, нежели налагает на него общество и власть, везде, где только коснулся жизни. Он раб, но он волен, только потерявшись в бешеном танце, где душа его не борется тела и возносится вольными прыжками, готовая завеселиться на вечность“. Освобождая текст Гоголя от цензурных искажений, мы указанные три варианта черновой рукописи вводим в текст первой редакции „Тараса Бульбы.“

При подготовке черновой рукописи к печати Гоголем были внесены и некоторые хронологические исправления: в рукописи действие повести отнесено к XV веку („время это касалось XV века“, „грубый XV век“). В „Миргороде“, в части случаев, XV было исправлено на XVI; в некоторых же местах, — вероятно, по рассеянности Гоголя, — попрежнему остался XV в. Отсюда тот хронологический разнобой, который приводил в смущение исследователей-историков, писавших о „Тарасе Бульбе“.

Большая небрежность черновой рукописи „Тараса Бульбы“, крайне неразборчивый в отдельных местах почерк, пропуски отдельных слов (напр., „Они скоро пришли к строению, имевшему ⟨вид⟩ сидевшей цапли“), частое смазыванье окончаний слов в конце строк и слитное написание, от рассеянности, нескольких слов (типа „потукул“ = „потонул частокол“, „околеги“ — „около телеги“); наконец, совершенно необработанный и даже незаконченный вид отдельных фраз и сцен (так, не окончена и обрывается на полуслове сцена свидания Андрия с полячкою в осажденном городе), — всё это привело к тому, что и в текст „Миргорода“ вкралось несколько погрешностей. В настоящем издании они исправлены. Наиболее существенна поправка в сцене посещения Бульбой и Янкелем пленного Остапа. В „Миргороде“ читаем: „...Тарас увидел порядочное количество в полном вооружении“. В *РЛ*, вместо „порядочное количество“ было написано слово „воинов“, зачеркнутое и замененное сверху неразборчивым словом (не прочтенным ни переписчиком, ни последующими редакторами): „гайдуков“.

Это слово и введено нами в текст. На основании черновой рукописи мы исправляем в тексте первой редакции „Тараса Бульбы“: „красные платки летели по темному небу“ (вместо „летали“), „славных защитников“ (вместо „главных“); затем систематически восстанавливаем (в первой редакции) по $РЛ_1$ написание „Сеча“ (в „Миргороде“ то „Сеча“, то „Сечь“).

Переработкой текста черновой рукописи для „Миргорода“ не закончилась творческая работа Гоголя над „Тарасом Бульбою“. В собрании сочинений Гоголя 1842 г. появилась новая переработка „Тараса Бульбы“ (т. II, стр. 55—304), при которой объем повести увеличился вдвое, появились совершенно новые эпизоды, положения, существенно изменился наконец общий ее идейный замысел. Перерабатывал повесть Гоголь не единовременно и не подряд: отдельные главы подвергались лишь незначительным редакционным изменениям, другие были написаны совершенно заново. Так, в главу I Гоголь вставил обширную историческую характеристику возникновения казачества и запорожского войска; в общем же эта глава сохранила свой первоначальный вид, как и глава II. Зато глава III дала материал для двух новых глав — III и IV; распространение пошло за счет обширных вставок о составе Сечи, о ссорах куреней, о законах и обычаях Сечи. Совершенно по-новому рассказывается о развенчании старого кошевого и о выборах нового, о подготовке к морскому походу. Глава IV первой редакции послужила основою также для двух новых глав (V и VI), написанных почти совершенно заново. Мало изменив рассказ о казацком нашествии на Польшу, Гоголь зато детально остановился на психологической стороне измены Андрия, тщательно характеризовал его душевные переживания и впечатления (новыми являются здесь описания католического монастыря и дома воеводы, для которых материалом послужили, очевидно, итальянские впечатления Гоголя) и особенно подробно разработал сцену встречи Андрия с полячкою. Главе V редакции „Миргорода“ соответствует новая глава VII, которая также написана заново: вместо сжатого рассказа о битве под Дубном Гоголь развертывает эпическое повествование, эмоционально насыщенное, с апофеозом казачества, его мощи и удальства. В новых главах VIII и IX, переработанных из материала глав V и VI редакции „Миргорода“, Гоголь меняет характеристику Андрия в бою с запорожцами: вместо подчеркнутой трусости даны черты любовного самозабвения в самой битве. Наново написана сцена последнего боя запорожцев с поляками под Дубном с эпическими характеристиками отдельных героев-казаков (особенно обширна характеристика Мосия Шила) и с речами Тараса Бульбы. Последние три главы (VII—IX) редакции „Миргорода“ подверглись лишь незначительным изменениям и составили главы X—XII переработанной редакции.

Таким образом, наибольшее внимание Гоголя привлекли главы о походе запорожцев на Польшу, об осаде Дубна и об измене Андрия.

К переработке этих глав он возвращался неоднократно. Среди бумаг Гоголя сохранилось, по крайней мере, три промежуточных (между „Миргородом“ и изданием 1842 года) рукописных редакции этих глав (V—IX). Так, в Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве среди гоголевских бумаг, поступивших от А. А. Иванова, сохранилось четыре больших рукописных отрывка с рядом позднейших приписок, представляющих первую попытку новой переработки „Тараса Бульбы“ (шифр библиотеки № 2205, шифр нашего издания — PM_1). Отрывок первый дает первоначальный текст глав V и VI новой редакции (кончая словами „Как же вы“, сказал ⟨Андрий⟩ „претерпевая такую лютую смерть, всё еще думаете защищаться?“; ср. выше, стр. 82—99); отрывок второй, не являясь непосредственным продолжением первого, приблизительно соответствует стр. 100—107 (от слов „Он услышал шопот“), приближаясь более к тексту первой редакции и не содержа еще лирического диалога Андрия с полячкою, который Гоголь начал набрасывать на этом же листе, очевидно, тотчас же по окончании первоначального наброска. Третий отрывок содержит весь текст новой главы VII, уже довольно близкий к окончательному и отличающийся от него лишь стилистическими деталями. Наконец, четвертый отрывок содержит почти всю главу VIII; в основном тексте отрывка отсутствует только лирическая концовка главы („Не о корысти и военном прибытке теперь думали они...“), однако концовка эта появляется в одной из приписок, сделанных, судя по почерку, тотчас же вслед за основным текстом; пять других обширных вставок также приближают окончательный текст четвертого отрывка к тексту главы VIII в редакции 1842 г. Кроме указанных четырех значительных отрывков, PM_1 содержит также шесть отдельных листков, написанных в разное время и являющихся начальной стадией переработки повести, в частности — отрывками глав V, VI и VIII. Текст отрывков и приписок опубликован (весьма, впрочем, неточно) Н. С. Тихонравовым (Соч., 10 изд., т. I, стр. 577—624; описание PM_1 см. в т. VII, стр. 866—867).

Некоторое время спустя текст всех этих набросков был перебелен самим Гоголем в пяти тетрадях голубой бумаги. В процессе переписки текст получил новые изменения; в частности, Гоголем было написано (уже по окончании переписки) новое окончание главы VI, причем листок с первоначальным текстом переписанного окончания был из тетради вырезан и впоследствии занял место среди указанных выше листков (в PM_1). Впоследствии же Гоголь занялся новой переработкой текста перебеленных глав, делая обширные вставки, изменения и исключения, подчас перерабатывая текст до полной неузнаваемости. В отдельных местах рукописи этой коренной переработке предшествовала еще предварительная правка карандашом, в большинстве случаев совпадающая с позднейшей перера-

боткой, но иногда дающая промежуточные варианты. Таким образом, одна рукопись дает одновременно два, а подчас и три разновременных текстовых слоя, определяющих различные этапы авторской работы.

На существенное значение этих переработок и, в частности, первоначального белового текста, указывал еще Н. С. Тихонравов, сделавший попытку вскрыть этот текстовой слой, освободив его от последующих исправлений (см. „Тарас Бульба" Н. В. Гоголя. Главы неизданной редакции — „Русская Старина" 1887, № 3, стр. 711—731; № 4, стр. 95 128; также Соч., 10 изд., т. I, стр. 454 -498). Исследователю одна о не удалось совершенно разделить два последовательных текстовых слоя рукописи (отличающихся цветом чернил и характером почерка). Кроме того, Тихонравов не отметил непосредственной генетической связи первого белового текста с первоначальными набросками из $РМ_1$.

Одновременно с окончательной отделкой указанных глав Гоголь переписал начисто (на белой бумаге) те места из глав I, III и IV, которые подверглись наибольшей переработке: глава I до слов „...и пришел усталый от своих забот", глава III от слов „Сечь состояла из шестидесяти слишком куреней" до конца, и глава IV с начала до слов: „Позвольте, панове запорожцы, речь держать!" — „Держи!", и затем от слов „...все с совета всех старшин" до конца. Тогда же, повидимому, была начисто переписана глава IX. Вся переработка велась Гоголем с учетом текста „Миргорода", т. е. в рукопись не вносились те части текста, напечатанного в „Миргороде", которые в процессе работы не были сколько-нибудь существенно изменены. Такое положение мы имеем с текстом глав I IV. То же мы видим, например, в тексте главы X, где после слов „и тихо понурив голову, говорил он: „Сын мой! Остап мой!" в рукописи сделан небольшой пропуск, после чего текст начинается словами „Он уходил в луга и степи"; промежуточный текст перешел в издание 1842 г. из „Миргорода" без всяких изменений. Эта же глава X обрывается в рукописи словами „Тарас вошел в светлицу. Жид", приписанными позднее и предназначавшимися, очевидно, для сведения переписчика.

Переработанная рукопись была передана автором Н. Я. Прокоповичу для подготовки издания 1842 г.; после смерти Прокоповича она была приобретена, в числе других рукописей Гоголя, графом Г. А. Кушелевым-Безбородко и пожертвована им Нежинскому лицею князя Безбородко (см. Н. Гербель, „О рукописях Гоголя, принадлежащих Лицею князя Безбородко", „Время", 1868, № 4, стр. 606—614; ср. „Русская Старина" 1887, № 3, стр. 711 712); в 1934 г. рукопись была передана из библиотеки Нежинского пединститута в рукописное отделение Библиотеки Украинской Академии Наук в Киеве (в нашем издании она обозначена шифром $РК_1$). Рукопись, переплетенная уже по смерти автора, имеет

в настоящее время следующий вид: листы 1 8 заняты совершенно перебеленным текстом главы I с весьма незначительными поправками; листы 8 об. — 12 об. чистые; листы 13—19 об. заняты главами III—IV, листы 2—20 об. чистые; листы 21—22 об. — концом главы IV; листы 23 24 об. — чистые; листы 25—37 — главою V (носящей нумерацию IV); лист 37 об. чистый; листы 38—50 — главою VI (V); листы 51—65 об. — главою VII (VIII); листы 66—75 об. — главою VIII (IX); листы 75 90 — главою IX (X), листы 91—94 — главою X; листы 94 об. —96 об. — чистые; листы 97—110 заняты перебеленным начисто текстом главы IX; листы 110 об. — 112 — чистые; листы 112 об. — 113 содержат черновой набросок отрывка из главы IX. При этом, как сказано, главы V — IX содержат в себе по два последовательных слоя работы, весьма различных (кроме главы VI, в которой разница эта не велика и поддается редакционной сводке); эти два текстовых слоя обозначаются нами в своде вариантов *РК*$_{1а}$ (ранний текст) — *РК*$_{1б}$ (позднейший текст).

Ни в переписке Гоголя, ни в мемуарной литературе о нем мы не найдем никаких указаний на хронологию работы Гоголя над этой переработкой повести. Н. С. Тихонравов, изучив бумагу и водяные знаки отдельных набросков и целых отрывков, сравнив их с другими произведениями Гоголя, датировка которых не представляет тех затруднений, какие встают перед исследователем „Тараса Бульбы", пришел к выводу, что работа Гоголя шла „в продолжение почти трех лет (август 1839 г.—май 1842 г.)". Этот вывод Тихонравова (см. Соч., 10 изд., т. I, стр. 659) действительно подтверждается рядом данных творческой биографии Гоголя. В августе 1839 г. за границей Гоголь снова испытывает период увлечения украинской историей и фольклором. 15 августа из Мариенбада он пишет М. П. Погодину: „Малороссийские песни со мною. Занимаюсь и тщусь, сколько возможно, надышаться стариною". Это беглое и неясное упоминание получает дальнейшее раскрытие в письме к С. П. Шевыреву из Вены (25 августа 1839 г.). Тихонравов склонен относить эти туманные намеки именно к началу переработки „Тараса Бульбы". Это „новое" изучение украинской истории, — которое Тихонравов относит к „венскому уединению" 1839 г. и связывает с началом переработки „Тараса Бульбы", — запечатлено, по его словам, рядом исторических выписок и заметок, между прочим, из рассказа Стрыйковского о литовских князьях, из книги Шерера „Annales de la Petite Russie" и в особенности — из „Описания Украйны" Боплана (см. Соч., 10 изд. т. I, стр. 627—628, 629—630, 630—633); последние выписки, по словам Тихонравова, представляют „особенный интерес для истории «Тараса Бульбы»" (630). При этом, однако, Тихонравов не обратил внимания на то, что выписки из Стрыйковского и Шерера по содержанию

своему слишком далеки от сюжета „Тараса Бульбы“ и вряд ли могли быть сделаны Гоголем только в расчете на предстоящую переработку повести; что же касается выписок из Боплана, то одни из них были использованы еще в первой редакции повести (например: „Нужно, чтобы козак был и мастеровой. У запорожцев много было мастеров: кузнецы, оружейники, тележники, плотники для постройки домов и лодок, кожевники, сапожники, бочары, портные и пр.“ — ср. у Гоголя стр. 75; или „Огородка телегами табора“ — ср. 132—133; или „Большой остров и около него десятки тысяч островов, которые служили скарбницею для козаков. В войсковой скарбнице делили они свою добычу“, ср. 75, 122), другие вовсе не были использованы в повести и даже как будто мало подходили к ее сюжету. Лишь одна выписка из Боплана была действительно использована Гоголем в новой редакции „Тараса Бульбы“: „У козаков есть обычай принимать в свои ряды того, кто проплывет все пороги против течения“ (ср. 68). Кроме того, на том же листке набросано Гоголем (на основании сведений Боплана) начало речи кошевого: „Распоряжение полковника: «Смотрите же, не так одевайтесь, как ляхи, которые как навешает около себя [и баклагу] и веревок, и точил, и ложек, и платков, еще и сумку с гребенками и с бельем и чаро⟨к⟩, да еще к седлу и баклагу привяжет, в ведро величиною. Ничего не рубите ⟨берите? *Ред.*⟩, кроме пи⟨щали?⟩; веревок не нужно; нечего вязать пленного, только времени трата»“ (ср. 81).

Между тем из дальнейших писем Гоголя того же времени можно почерпнуть более конкретные данные о реализации новых украинских увлечений. 10 сентября 1839 г., например, он сообщает Шевыреву: „Труд мой, который начал, не идет; а чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны“.

Очевидно, что Гоголь имеет в виду задуманную и впоследствии сожженную трагедию „из истории Запорожья“, о которой сообщал С. Т. Аксакову, что в ней „всё готово до последней нитки, даже в одежде действующих лиц, и что ему будет слишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу“ (С. Т. Аксаков, „История моего знакомства с Гоголем“, стр. 24). Повидимому, обращение Гоголя в 1839 г. к родной старине связано было прежде всего с этой именно трагедией из истории Запорожья, и лишь в результате неудачи этого замысла (не ранее конца 1840 г.) подготовленный для драмы художественный материал был использован в новой редакции „Тараса Бульбы“. Свою работу Гоголь начал, повидимому, несистематически, прямо с „украинско-польских“ глав, для которых у него и был собран значительный материал. Однако в продолжение 1841 г. Гоголь успел даже перебелить

сделанные разновременно наброски, и к концу года, когда выяснилась перспектива издания собрания сочинений, относится уже исправление перебеленной редакции ($PK_{1б}$ из $PK_{1а}$); тогда же сделаны исправления текста „Миргорода“ для тех глав и отрывков, которые не претерпели существенных изменений. В это же время исправлены Гоголем и некоторые несообразности, которые явились следствием разновременного написания отдельных эпизодов; так, например, в главе VIII (гл. VII по окончательному счету) говорилось о смерти „бравого куренного атамана Кукубенка“, а дальше, в главе X, рассказывалось о том, как этот же Кукубенко „ударил“ в неприятельскую конницу. В это же время был переделан и конец главы IX, причем главным действующим лицом вставного эпизода о славном подвиге козака, переменившего веру для спасения запорожцев из турецкой неволи, был сделан Мосий Шило (вместо прежнего Закрутыгубы).

Весь обработанный окончательно материал новой редакции повести был переписан начисто писцом, — тем же, который переписал для цензуры последние девять глав первого тома „Мертвых душ“. Вслед за Тихонравовым мы датируем эту копию началом 1842 г. Писарская копия „Тараса Бульбы“ (PM_2) впоследствии поступила среди бумаг А. А. Иванова в Московский Румянцевский музей — ныне Публичную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, где и находится в настоящее время (№ 2208).

Там, где переписка производилась с исправного оригинала (например, с экземпляра „Миргорода“), — переписчик сохранял даже мелкие особенности текста. Там же, где переписчику приходилось иметь дело с запутанною и исчерканною рукописью, появляются довольно частые описки: „Пидсышок“ вм. „Пидсыток“ (64, 5; там же, 7: Пидсышкова), „рокоты“ вм. „роботы“ (97, 7), „иссохлое“ вм. „исчахлое“ (98, 34), „поначадились“ вм. „понаедались“ (110, 5), и т. п. В отдельных случаях переписчик — сознательно или бессознательно — исправлял язык автора. Так например, „снявши“ переписчик исправляет на „сняв“ (117, 34) „вострым“ — на „острым“ (118, 4), „полтора дни“ — на „полтора дня“ (122 2[illegible]), „знаку“ — на „знака“ (130, 7), „бусурменов“ — на „бусурманов“ (130, 22), „убиты“ — на „вбиты“ (142, 8). Из систематически повторяющихся ошибок переписчика отметим написание названия куреня: „Незамайковский“ вм. „Незамайновский“ в гоголевском оригинале. В нескольких случаях переписчик, не разобравшись в авторских исправлениях, включил в переписанный текст варианты, самим Гоголем отброшенные (см., например, 102, 21—22: „Душевные движенья и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными“, вместо позднейшего чтения PK_1: „Всё, что дотоле удерживалось какою-то тяжкою уздою, теперь почувствовало себя на свободе“; или 102, 30—31, где дан

черновой вариант: „С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий“, вместо позднейшего: „Андрий приникнул духом и только глядел“ (см. также 100, 19—20). В нескольких же случаях переписчик оставил пробелы на месте непрочитанных слов; из них два пробела были восстановлены самим Гоголем („Но раздобрел *вновь* Потович, пустил *за ухо* оселедець, выростил усы густые и черные, как смоль. И крепок был *на едкое* слово Попович“, 116, 3—5. „не прикрывши *прилично* наготы твоей“, 116, 21—22); два пропуска оказались не восполненными вовсе („Гущина звезд, составлявшая млечный путь .... поясом переходившая небо“, 89, 1—3, пропущено „и косвенным“; „Несколько мужчин прислонясь у колонн и .... на которых возлегали боковые своды“, 96, 26—28, пропущено „пилястр“). Остальные пропуски были восстановлены в самой рукописи Н. Я. Прокоповичем, по сверке с автографом (в одном случае Прокопович исправил „*присвиснувши* веревами к седлу“ на „прикрепивши“ 147, 16).

Переписанная рукопись была просмотрена самим Гоголем, но очень бегло и поверхностно; семь явных пропусков переписчика были оставлены без внимания, не говоря о нескольких очевидных пропусках самого Гоголя (в рукописи и „Миргороде“), которые были сохранены переписчиком (см. ниже, стр. 714—715). В то же время однако Гоголь, пробегая рукопись, сделал несколько новых поправок и дополнений: „Не печалься, *друзьяка!*“ (116, 18; здесь Гоголь возвратился к отвергнутому было варианту *РК*$_{1а}$); „*Да уж* и не сказали козаки, что такое *ну*“ (117, 3—4); „Да разве найдутся такие *огни*, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу“ (172, 13—15); после этих слов Гоголь приписал было еще: „Нет, чорт побери всех прислужников чорта! не найдутся такие огни, муки и такая сила“, — однако тут же зачеркнул эту фразу. Кроме того, в одном месте самим Гоголем сделана незначительная перестановка слов: вместо „им хоть“: „хоть им“ (113, 15) в другом — исправлено: „Ничего не *умел* сказать на это Андрий“, вместо прежнего „не знал“ (102, 6).

Уехав в начале июня 1842 г. за границу, Гоголь поручил все заботы о печатавшемся собрании своих сочинений Н. Я. Прокоповичу, передав ему все рукописные материалы, в том числе и обе рукописи „Тараса Бульбы“ (т. е. *РК*$_1$ и *РМ*$_2$). В обширном письме из Гастейна от 27 (15) июля 1842 г. Гоголь писал к Прокоповичу: „При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в «Тарасе Бульбе» много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось; в двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, нисколько не сомневайся и не задумывайся, будет ли

хорошо, — всё будет хорошо. Да вот что самое главное: в нынешнем списке слово: «слышу», произнесенное Тарасом пред казнью Остапа, заменено словом «чую». Нужно оставить по прежнему, т. е. «Батько, где ты? Слышишь ли ты это?» — «Слышу». Я упустил из виду, что к этому слову уже привыкли читатели и потому будут недовольны переменою, хотя бы она была и лучше". Письмо это дает таким образом еще одну гоголевскую поправку к тексту PM_2; еще раз Гоголь напомнил об этой поправке в письме к Прокоповичу от 22 (10) октября 1842 г. Однако первая часть письма вызывает некоторые недоумения: явных погрешностей писца на самом деле можно обнаружить в тексте PM_2 совсем немного, а частое употребление союза „и" всецело восходит к гоголевскому оригиналу.

Прокопович внимательно и по-своему добросовестно отнесся к просьбе Гоголя и усердно принялся за правку текста его произведений и в особенности „Тараса Бульбы". В самой писарской копии следов этой правки немного; очевидно, основная правка производилась Прокоповичем во время чтения корректур. Всего в тексте „Тараса Бульбы" Прокоповичем сделано свыше 600 поправок. Бо́льшая часть их приходится на долю отдельных слов и словосочетаний, которые казались Прокоповичу не соответствующими нормам русского литературного языка. Он, например, последовательно заменяет местоимение „сей" на „этот", „тот". Вместо „татарву" Прокопович ставит „татаров", вм. „овцепасы" — „овцеводы", вм. „кади" — „кадки", вм. „дюжую" — „крепкую", вм. „задвинуты" — „засунуты", вм. „прилипнула" — „прилипла", вм. „катались" — „валялись", вм. „бежали" — „убегали", вм. „поворотить" — „пошевелить", вм. „дотрогивался к щекам" — „дотрогивался до щек", вм. „округу" — „окружность", вм. „гибель" — „бездна", вм. „были похожи" — „походили" вм. „произнес" — „спросил", вм. „углубивши глаза" — „потупив глаза", вм. „временами" — „по временам"; „бычачье мычанье" Прокопович заменил на „мычанье быков", „Крепкое слышалось в его теле" — на „Крепостью дышало его тело", „чистота и прозрачность стояла" на „чисто и прозрачно было" и т. д. Имя кошевого *Кирдюг* Прокопович почему-то переделал на *Кирдяга*, хотя неоднократное написание этого слова в автографе не могло подать повода сомнениям. В различных местах и много раз Прокопович выпускал из текста отдельные слова, а подчас и целые отрывки фраз (например: „наносящих легких вечерних мечтаний человеку", 104, 35; „чем под всяким другим нехристом", 137, 22; „сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи", 146, 2—3 и др.).

Насколько можно судить, Гоголь остался недоволен деятельностью Прокоповича, хотя и пытался скрыть свое недовольство признанием доли собственной вины в происшедших погрешностях (см. письмо его к Прокоповичу от 24 сентября 1843 г.).

В 1850—1851 гг. Гоголь для нового издания своих произведений прочел часть корректуры „Тараса Бульбы“ (кончая девятым листом до слов „...вмиг притихает бешенный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно тому, в один миг“, ср. 143, 28—29). При этом Гоголь, повидимому, лишь мельком пробегал корректурные листы, кое-где останавливаясь и внося свои поправки, но тут же рядом пропуская без внимания совершенно очевидные искажения и пропуски предшествовавшего издания. Так, например, исправив на стр. 162 прежнее „распоряжал кошевой“ на „распоряжался“, Гоголь пропустил без внимания на той же странице искажение переписчика, перешедшее и в издание 1842 г. („поначадились все так“ вместо „понаедались“ в гоголевском автографе, а на предыдущей странице — очевидную опечатку „Тунношевский курень“ вместо „Тымошевский“). Значительную часть гоголевских поправок составляют поправки стилистические: „из милости только оказываемые ласки“ Гоголь исправляет на „ласки, оказываемые только из милости“ „и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё“ заменяется на: „а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю“, „дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимися в самую крышу дома“ — „дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома“; „понес название козачка“ — „назван козачком“; „вместо луга, на котором производилась игра в мячик“ — „вместо луга, где играют в мяч“; „валились оба на землю“ — „валился вместе с ним“; „колебнулась вся толпа“ — „всколебалась вся толпа“; „замышленные подвиги“ — „задуманные предприятия“; „с сей закаленной вечной бранью толпой“ — „с буйной и бранной толпой“; „нивы, еще не успевшие срезаться серпом“ — „нивы, еще не тронутые серпом“; „особливо скучною трезвостью“ — „продолжительною трезвостью“ и т. д. В других еще более частых случаях, заменяются отдельные слова: „насаживать“ вм. садить; „набегов“ вм. стремлений; „удобные“ вм. льготные; „приметила“ вм. увидела; „свет“ вм. мир; „боя“ вм. пробития; „падал“ вм. валился; „зажечь“ вм. пустить; „подальше“ вм. подале; „светло“ вм. видно, и т. п.

Особо следует оговорить группу поправок, руссифицирующих язык „Тараса Бульбы“: „батько“ всюду изменяется на „батька“ и склоняется по русскому, а не украинскому образцу (т. е. батька, батьки и т. д. вместо „батько“, „батька“, как в $РЛ_1$, $М$, $РК_1$ и даже $П$[1]). Дополнительно в тех случаях, где Прокопович почему-либо пропустил это сделать, „дни“ („полтора дни“) заменяется общеупотребительным „дня“; „на возе“ —

---

[1] Необходимо, впрочем, иметь в виду, что в рукописях Гоголя склонение украинских слов по украинскому образцу не проводится последовательно; настоящее издание сохраняет эту непоследовательность написания, отражающую непоследовательность языка Гоголя.

„на возу“ и даже „овражки“ — „суслики“. Можно предполагать, что стилистические и языковые поправки частично сделаны С. П. Шевыревым или М. Н. Лихониным, читавшими первые корректуры издания.

Текст „Тараса Бульбы“ в издании Трушковского сделался каноническим почти на сорок лет, перепечатываясь без изменений, но с всё увеличивавшимся количеством крупных и мелких опечаток и искажений, пропусками отдельных слов и целых фраз, на которые впоследствии указывал Н. С. Тихонравов (см. Соч., 10 изд., т. I, стр. VII). Тихонравов, редактируя 10-е издание „Сочинений Гоголя“, попытался восстановить подлинный текст повести, очищенный от посторонних вмешательств и от позднейших искажений. При этом, однако, Тихонравов оставлял неприкосновенными такие поправки редакторов, — в данном случае Прокоповича, — которые касались „исправления действительных ошибок Гоголя против языка и грамматических правил“. Это привело Тихонравова к созданию эклектического текста, в котором подлинный гоголевский текст был смешан с поправками редакторов и даже в некоторых случаях — с собственными конъектурами Тихонравова. Для текста „Тараса Бульбы“ Тихонравов принимает за основу автограф Гоголя ($РК_1$) и писарскую копию ($РМ_2$), однако то и дело сохраняет поправки Прокоповича; поправки Гоголя в издании 1855 г. Тихонравов в одних случаях вносит в текст, в других — относит в варианты.

Более выдержанной оказалась следующая попытка ревизии текста „Тараса Бульбы“, сделанная Н. И. Коробкою. Он взял за основу текст писарской копии (проверенный и исправленный по автографу и „Миргороду“) и дополнил его гоголевскими поправками издания 1855 г., но сохранил при этом даже очевидные опечатки или искажения этого издания („батька“ вм. батько, „вытаптывали“ вм. вытоптывали, „переменилась“ вм. переменялась, „выпалзывали“ вм. выползывали, „дня“ вместо дни и т. д.).

В недавнее сравнительно время текст „Тараса Бульбы“ был еще раз просмотрен Б. М. Эйхенбаумом и К. И. Халабаевым (в 1920 г. и потом 1927 г.); редакторы, в основном следуя принципам Коробки, попытались, однако, исключить из числа поправок издания 1855 г. те, которые, повидимому, не принадлежат самому Гоголю. Попытку эту следует признать в общем не удавшейся, так как она привела редакторов к смешению различных редакций „Тараса Бульбы“.

Из сказанного видно, что ни издание 1842 г., ни издание 1855 г. не могут быть положены в основу выработки канонического текста повести, так как они засорены посторонними редакторскими исправлениями. *В основу должен быть положен текст, подготовленный к изданию самим Гоголем в 1842 г., т. е. текст автографа ($РК_1$); недостающие места следует взять из писарской копии, куда они переписывались с исправленного экземпляра „Миргорода“* (в нескольких случаях текст брался из „Мирго-

рода" без изменений и таким образом может быть проверен непосредственно по изданию „Миргорода"). Лишь в следующих случаях мы отступаем от рукописи, исправляя предполагаемые описки или восполняя пропуски:

Стр. 70, строка 19: скрылся в толпе (*РК*$_1$, *РМ*$_2$: в толпы).

Стр. 70, строка 20: Прикажете (*РК*$_1$, *РМ*$_2$: Прикажите).

Стр. 87, строка 16: не распознавая (*РК*$_1$, *РМ*$_2$: не распозная).

Стр. 87, строка 17: голубка не видя ястреба (*РК*$_1$, *РМ*$_2$ „ястреба" *нет*).

Стр. 95, строка 12: огнем от лампады (*РК*, *РМ*$_2$, *П*: огнем от лампы; принимаем чтение *Тр*, не имея уверенности, что „лампы"— не описка).

Стр. 96, строка 17: два молодые клирошанина в лиловых мантиях (*РК*$_1$, *РМ*$_2$: клироса).

Стр. 100, строка 30: лампада (*РК*$_1$ *РМ*$_2$, *П*: лампа).

Стр. 104, строка 13: сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу (*РК*$_1$, *РМ*$_2$ „губу" *нет*).

Стр. 104, строка 15: чтобы он не видел (*РК*$_1$, *РК*$_2$ „он" *нет*).

Стр. 134, строка 28: родившим его (*РК*$_1$, *РМ*$_2$: их).

Стр. 158, строка 25: порядочное количество гайдуков (*РК*$_1$, *РМ*$_2$, *М* — „гайдуков" *нет*; восстанавливается по *РЛ*$_1$).

Стремясь восстановить в нашем издании текст „Тараса Бульбы" в том виде, как он появился у самого Гоголя в результате долгой и сложной работы, мы не считаем возможным ввести в основной текст и поправки издания 1855 г. К соображениям, высказанным выше (случайность поправок, стилевая направленность многих из них, отличная от всего текста повести, незаконченность поправок, неполная автентичность их), можно добавить еще одно соображение. Поправки Гоголя были сделаны в расчете на текст издания 1842 г. и, повидимому, имели в виду несколько сгладить редакторский произвол Прокоповича; в ряде случаев их просто невозможно отделить от текста издания 1842 г. На некоторых примерах это видно особенно убедительно. В *РК*$_1$ Гоголь пишет о стенах (в осажденном городе), косвенно перекрещенных „деревянными же связями". Переписчик прочел последнее слово, как „сваями"; это чтение было удержано и Прокоповичем. В издании 1855 г. Гоголь исправил его на „брусьями". В фразе: „Гущина звезд, составлявшая млечный путь, косвенным поясом переходившая небо", слово „косвенным" не было разобрано переписчиком и из издания 1842 г. выпало; Прокопович исправил „небо" на „по небу", а Гоголь изменил „гущину" на „густоту" и после „путь" вставил союз „и". Отбрасывая поправки Прокоповича, но сохраняя сделанные в расчете на них гоголевские поправки, мы создали бы новые, несуществовавшие в действительности варианты, то есть новые искажения гоголевского текста.

III

Приступая к „Тарасу Бульбе“, Гоголь имел за собою ряд попыток создания исторической повести и даже романа. И „Страшная месть“ и „Гетьман“ написаны на тему казацко-польских войн. В самом облике украинского магната и полководца Данила Бурульбаша можно обнаружить черты, впоследствии развитые Гоголем в облике Тараса. Правда, собственно исторический элемент играет в обеих повестях второстепенную, подчиненную роль. В „Страшной мести“ отдельные исторические детали совершенно заслонены легендарно-сказочною основою повести и лишь кое-где неясно намекают на какие-то исторические события (ср., например, в начале повести: „Приехал на гнедом коне своем и запорожец Микитка прямо с разгульной попойки с Перешляя поля, где поил он семь дней и семь ночей королевских шляхтичей красным вином“); в сохранившихся отрывках романа „Гетьман“ исторический фон лишь намечен. Но в отрывках „Гетьмана“ видно уже стремление автора к историческому бытописанию. „Гетьман“ творчески связан с „Тарасом Бульбой“, и отдельные детали воспринимаются как предварительные наброски позднейшей повести. В „Гетьмане“ мы встретим и прообраз будущего описания усадьбы Бульбы, и детальное описание угнетения православных крестьян евреями-арендаторами, и ряд запорожских типов, экскизных набросков того собирательного типа запорожца, который впоследствии также был развернут в гоголевской повести. Даже историческая датировка событий „Гетьмана“, — насколько можно судить по сохранившимся отрывкам, совпадает с авторской хронологией событий „Тараса Бульбы“.

Что касается исторической основы „Тараса Бульбы“, то следует иметь в виду большую неопределенность сообщаемых в ней самим Гоголем хронологических данных. В начале повести он говорит о Тарасе как об одном из характеров, „которые могли только возникнуть в грубый XV век“ (46); несколько дальше, однако, упоминается уже XVI век. Указание на *возникновение* характеров, подобных Бульбе в XV веке еще не означает датировки действия XV веком; существеннее другое: ряд данных (обучение сыновей Бульбы в Киевской Академии, гетман Николай Потоцкий, Остряница) заставляет относить действие не к XVI, а к половине XVII века. И. М. Каманин видел в самом Тарасе Бульбе некоторые черты исторического Богдана Хмельницкого (у которого два сына были убиты поляками), а в словах Гоголя: „Тарас гулял по всей Польше со своим полком .... и уже доходил до Кракова“ — прямое указание на войны времен Хмельницкого, когда некоторые полковники (Богун, Перебийнос) действительно были почти совершенно независимыми в своих действиях. Ко времени Хмельницкого повесть Гоголя может быть приурочена и по изображению неудачной осады Дубна (до того

времени летописи не дают никаких сведений об осаде города запорожцами).

Но связывать личность Тараса с каким-либо определенным историческим лицом не обязательно. Гоголь, очевидно, и не стремился к портретному и биографическому сходству, предпочитая дать собирательный образ казацкого героя. С неменьшим основанием можно было бы, например, отыскивать в Тарасе Бульбе черты „гетьмана Тараса", — Тараса Федоровича Трясила, предводителя восстания реестровых казаков (1630 г.), разбившего на голову польское коронное войско во главе с Конецпольским. Столь же необязательно и точное хронологическое приурочение событий „Тараса Бульбы", поскольку и сам Гоголь, очевидно, не заботился о хронологической точности.

В конце февраля или в начале марта 1834 г. Гоголь получил от молодого харьковского ученого И. И. Срезневского первые два выпуска „Запорожской Старины" — собрания украинских исторических песен (дум) и преданий. В своем ответном письме к Срезневскому Гоголь формулировал свой взгляд на современное состояние источников для украинской истории, которою в то время он усердно занимался: „Вы сделали мне важную услугу изданием «Запорожской Старины»", — писал Гоголь (6 марта 1834 г). „Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов, ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня все — новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что могел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями"... Только Конисского (т. е. „Историю Русов") выделял Гоголь из общей массы, ибо Конисский „выхватил хоть горсть преданий и знал, о чем он пишет". Мысль, выраженная Гоголем, о народных песнях как живой иллюстрации бытовой (а отчасти и политической) истории, была развита Гоголем в статье „О малороссийских песнях", включенной в „Арабески".

Итак, две группы источников своих исторических увлечений отмечает Гоголь: с одной стороны, летописные и мемуарные источники, дававшие ему фактические исторические сведения, с другой — народные песни, помогавшие ему усвоить и осознать „дух века" и „быт народа". Обе эти группы источников нашли свое отражение и в „Тарасе Бульбе".

В приведенном письме к Срезневскому, говоря о собственно исторических источниках, Гоголь просит своего корреспондента сообщить ему выписки из рукописных летописей, прибавляя: „Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бантыш-Каменский"; перед тем он упоминает о „летописях Конисского, Шафонского, Ригельмана" и замечает, что из летописей, названных в „Запорожской Старине", ему неизвестны лишь две. Ознакомление с библиографическими сведениями в трудах

Д. Н. Бантыша-Каменского („История Малой России", ч. I; мы пользовались изд. 3-м, М., 1842, стр. XI—XXIV) и И. И. Срезневского („Запорожская Старина", ч. II, Харьков, 1833, стр. 9—12) убеждает во всяком случае в том, что часть этих источников если и была известна Гоголю, то в „Тарасе Бульбе" никак не была использована. Так например, в гоголевской повести нет непосредственных отражений чтения „Летописца Малой Россіи" Ф. Туманского или „Исторического известия о возникшей в Польше унии" Н. Бантыша-Каменского, на чем настаивают Н. С. Тихонравов, И. М. Каманин, С. Родзевич и др. Н. С. Тихонравов указывает, например (Соч., 10 изд., т. I, стр. 570), что именно у Туманского („Российский Магазин", 1793, кн. II, стр. 39) мог прочитать Гоголь ответ казаков султану, пожелавшему знать о числе их: „Кто их знает! У нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак". Однако с этим же ответом (и притом в форме, более близкой к гоголевской), Гоголь мог познакомиться по менее редкой и несомненно читавшейся им „Запорожской Старине" (ч. I, вып. 2, стр. 23).

Из исторических источников наиболее значительными и реально ощутимыми в первой редакции „Тараса Бульбы" были две книги: „История Русов или Малой России", приписывавшаяся архиепископу Белорусскому Георгию Конисскому (1718—1795), но составленная, повидимому, Григорием Андреевичем Полетикою (1725—1784) или его сыном Василием (в конце XVIII или начале XIX в.), и „Описание Украйны" Боплана (СПб, 1832).

„История Русов" была опубликована лишь в 1846 г., но до того в течение нескольких десятилетий ходила по рукам в большом количестве списков. Эта книга пользовалась громадной популярностью среди украинских читателей (см. напр. Kohl, Reisen im Inneren von Russland und Polen, 1841, II, 321 и др.). Широкая популярность „Истории Русов" выходила и далеко за пределы Украины (вспомним, что „Историей Русов" в начале 30-х годов интересовался и Пушкин, посвятивший ей статью в „Современнике" и подготовлявший на основании ее свои заметки по истории Украины). Гоголь, очевидно, был знаком с одним из ее многочисленных списков.

Именно „История Русов" дала Гоголю материал для немногочисленных исторических намеков и экскурсов первой редакции „Тараса Бульбы". Так, рассказ бежавших на Сечь казаков — в главе III редакции „Миргорода" 1835 г. (ср. гл. IV окончательной редакции) — основан на рассказе „Истории Русов" о польских притеснениях 1597 г. (см. „История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисско о архиепископа Белоруссии", М., 1846, стр. 40—41, 53, 55). Мы здесь найдем и „духовенство римское разъезжавшее с триумфом по Малой России для надсмотра и понуждения к униятству", которое „вожено было от церкви до церкви

людьми, запряженными в их длинные повозки по двенадцати и более человек в цуг", и пресловутое сообщение об аренде евреями церквей.[1] Оттуда же — подробности о том, как евреи используют церковную утварь и облачения. Из „Истории Русов" в том же рассказе заимствованы также подробности о том, что „правительство польское... повелело... старшинам отрубить целиком головы и их... отослать на позор в города малороссийские", и что „чиновное шляхетство малороссийское... не стерпя гонений от поляков и не могши перенесть лишения мест своих, а паче потерянных ранговых и нажитых имений, отложилось от народа своего и разными происками, посулами и дарами закупило знатнейших урядников польских и духовных римских, сладило и задружило с ними и, мало-по-малу, согласилось, первее на унию, потом обратилось совсем в католичество римское".

Из „Истории Русов" мог Гоголь почерпнуть сведения о набегах казаков на Синоп, Трапезунд и Анатолийские берега (стр. 25, 26), а также апокрифический рассказ о взятии в плен польского гетмана Лянцкоронского (у Гоголя — Потоцкого) под Полонным (54; ср. „Тарас Бульба", стр. 350: „Не буду описывать тех битв, где отличились козаки, ни постепенного хода всей великой кампании: это принадлежит истории. Там изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов .... как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленною своей армиею против этой непреодолимой силы..."; а во второй редакции еще определеннее: „Нечего описывать всех битв, где показали себя козаки, ни всего постепенного хода кампании: всё это внесено в летописные страницы"; „В летописных страницах изображено подробно...", стр. 166—167); в других украинских летописях этого рассказа нет. Там же мог Гоголь найти ряд мелких историкобытовых сведений, вкрапленных им в свою повесть, о том, что „решились... козаки оставаться навсегда безженными" (стр. 14), о выборе специально для похода „всех чиновников высших и низших" (стр. 15), о реестровых козаках (стр. 16), о построении запорожского войска в походе и об укреплении стана козацкого (стр. 24, 51) и т. д.

В описании казни гетмана Остряницы с его „штатом" (стр. 55—56) можно видеть сырой материал для сцены казни Остапа в „Тарасе Бульбе". Автор „Истории Русов" замечает, что „казнь оная была еще первая в мире и в своем роде, и неслыханная в человечестве по лютости своей и варварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устрашило бы самых

---

[1] Сведения об аренде евреями церквей, почерпнутые автором „Истории Русов" из старинных казацких летописей, являлись в свое время одним из агитационных аргументов в борьбе с Польшей. В исторических документах нет подтверждений этих сведений, и их поэтому нужно считать вымыслами.

зверей и чудовищ"; и дальше он подробно исчисляет все роды казней, придуманных для запорожского гетмана и его полковников (среди казней было и колесование, при котором казнимым, „переломивши поминутно руки и ноги, тянули из них по колесу жилы, пока они скончались").[1]

Эпизод о попытке Тараса освободить пленного Остапа с помощью Янкеля также восходит к „Истории Русов", где рассказывается о том, как гетман Перевязка, взятый под стражу казаками за приверженность к Польше, с помощью крамаря Лейбовича, „очаровавшего якобы стражу проданным от него для караульных табаком", бежал из-под стражи (52).

Этими фактическими заимствованиями не исчерпывается, однако, использование „Истории Русов" в „Тарасе Бульбе". Автор „Истории Русов" покорил Гоголя *художественной убедительностью* нарисованных им исторических картин; по выражению Пушкина, автор „сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории".

Ряд историко-бытовых сведений для своей повести Гоголь мог почерпнуть и из известного сочинения Боплана „Описание Украйны", русский перевод которого незадолго перед тем вышел в свет (СПб., 1832, в переводе Ф. У., то есть Ф. Г. Устрялова). Не без основания связывают некоторые исследователи (Каманин и др.) упоминание о „французском артиллеристе и инженере, служившем в польских войсках, большом знатоке военного дела" (230) в „Тарасе Бульбе" с личностью самого Боплана, который, по словам предисловия к русскому изданию „Описания Украйны", служил королям польским Сигизмунду III и Владиславу IV в звании старшего капитана артиллерии и королевского инженера (стр. VIII). Из Боплана мог почерпнуть Гоголь сведения о внешнем виде домов в старом Киеве (стр. 4), о набегах казаков (стр. 4—5), о характере запорожцев и, в частности, о присутствии среди них весьма образованных людей (стр. 6), о пьянстве запорожцев и о воздержности их в походах (стр. 7, 63), о запорожском таборе (стр. 8), о съестных запасах запорожцев в походах, в частности, о саламате (стр. 63—64), а также — о вооружении польской шляхты, о чем неоднократно упоминается в „Тарасе Бульбе". Русский перевод „Описания Украйны" сопровождался обширными комментариями переводчика, которые также могли дать Гоголю кое-какие фактические сведения для повести. Так, на стр. 137—138 сообщается о набегах запорожцев на Анатолию, на стр. 140 приводится выписка (из Крейса) о характере запорожцев и о поведении их в походах, о том, что „козаки

---

[1] Ср. также с заключительной сценой повести — расправой с пойманным Тарасом — указание „Истории Русов" на то, что „обозные Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и подняты живыми на сваи" (56).

болезней почти не знают. Большая часть их умирает в сражениях с неприятелем, или от старости". На стр. 152—153, также по Крейсу, рассказывается о выборах казаками своих атаманов.

Как видно из отмеченных мест, Боплан дал Гоголю значительно меньше материала, чем „История Русов". Если из „Истории Русов" Гоголь черпал исторические факты и сюжетные положения и даже испытывал воздействие ее идейного содержания, то „Описание Украины" Боплана дало ему на первой стадии работы лишь несколько историко-бытовых деталей.

Совершенно очевидно, что исторические источники Гоголя не исчерпывались этими двумя названиями, и что Гоголь, в пору своего серьезного увлечения историей Украины, читал и многие другие источники, и так или иначе отразил это свое изучение в „Тарасе Бульбе". Однако, в большинстве случаев источники эти не поддаются раскрытию или же раскрываются по отдельным намекам с некоторой долею сомнения.

На ряду с источниками историческими необходимо отметить фольклорные источники повести и прежде всего — народные песни. При этом наиболее важны не отдельные заимствования, а отражение в повести фольклорных впечатлений и увлечений Гоголя, особенно сильных в 1833—1834 гг. В статье Гоголя „О малороссийских песнях" уже можно угадать отдельные намеки зарождавшейся повести (разлука с матерью, „поэзия битв", „узы братства", образ убитого казака и т. п.). Эта лирическая статья основана на общем впечатлении Гоголя от украинских песен, преимущественно по сборнику Максимовича („Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем", М., 1827). Почти без изменений эти впечатления отражены в столь же общей форме и в „Тарасе Бульбе"; эта общая форма затрудняет (да и делает, в сущности, ненужным) указание точных фольклорных источников для каждого отдельного случая.

Если сборник Максимовича мог отразиться в эмоционально насыщенных, лирических страницах и бытовых подробностях повести, то другой сборник — „Запорожская Старина" И. И. Срезневского (ч. I, вып. 1—2, Харьков, 1833), мог дать некоторый собственно исторический материал для первой редакции „Тараса Бульбы". „Песни и думы о лицах и событиях до Богдана Хмельницкого" в первом выпуске „Запорожской Старины" содержат несколько дум (стр. 42—48 „Отступник Тетеренко"; стр. 49—50 „Убиение Тетеренка"; стр. 60 - 73 „Подвиги Савы Чалого"), в которых некоторые авторы (И. Каманин и др.), — видели даже рудиментарную основу сюжета „Тараса Бульбы".

Сами по себе эти сюжетные сопоставления мало убедительны, тем не менее значение „Запорожской Старины" как одного из источников, первой редакции „Тараса Бульбы" бесспорно. Тезис Гоголя о значении

украинских народных песен как художественных иллюстраций к „пыльным летописям“, как ключа для познания прошедшего, практически осуществлен в „Тарасе Бульбе“, и основным источником в данном случае была именно „Запорожская Старина“, так как ни сборник М. Максимовича, ни более ранний сборник Н. А. Цертелева („Опыт собрания старинных малороссийских песней“, СПб., 1819), ни отдельные случайные публикации[1] далеко не дают того количества материала и исторической его систематизации, как сборник Срезневского.[2]

Исторические и фольклорные источники первой редакции „Тараса Бульбы“ относительно скудны и случайны. Крайняя схематичность развития сюжета в первоначальной (рукописной) редакции повести не была преодолена и в редакции „Миргорода“ 1835 г. — историческими документами и народными песнями Гоголь воспользовался преимущественно для второстепенных деталей и аксессуаров, не отразив их сколько-нибудь существенно ни в сюжетной схеме повести, ни в характеристике действующих лиц.

Совсем иное видим мы в работе Гоголя над новой редакцией повести. В период новых исторических и фольклорных увлечений в 1838 1839 гг. Гоголь не только извлекает из старых источников новые детали, но и привлекает к делу ряд новых источников. Так например, повторное чтение „Истории Русов“, повидимому, дало Гоголю (в речи Богдана Хмельницкого к реестровым казакам) материал для речи Тараса к казакам перед решительным боем с поляками.

По новому мог Гоголь оценить и Боплана и, заново перечитывая его, извлечь кое-что новое. Отсюда, например, появление во второй редакции упоминания о том, что Остап и Андрий „переплывали Днепр против течения дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги“ (63; ср. у Боплана, 21: „У казаков есть обычай принимать в свои круги только того, кто проплывает все пороги против течения“), или речь кошевого к казакам перед походом (80—81), вся составленная из отдельных разрозненных замечаний Боплана — об одежде и снаряжении казаков в походе, о самолечении казаков во время походов

---

[1] Например, „Украинская песня о Богдане Хмельницком“ — „Северный Архив“, 1822, № 3, стр. 2 4 -278; „Две малороссийские песни“ — „Русский Зритель“, 1830, 6, стр. 20—22; „Народные малороссийские думы и песни“ „Московский Телеграф“, 1831, ч. 38, № 5, стр. 32 35; „Малороссийские думы“ —„Украинский Альманах“, Харьков, 1831, стр. 119—131 и др.).

[2] Кроме песенного материала, Гоголь мог почерпнуть в „Запорожской Старине“ кое-какие сведения для „Тараса Бульбы“ из опубликованного Срезневским „Сказания, откуду козаки запорожане и чем славны“ (вып. 2, стр. 15 -33) и из обширных примечаний издателя. Впрочем примечания Срезневского основаны, в большинстве, на источниках, знакомых Гоголю и непосредственно (Шерер, „История Русов“, Боплан).

(ср. у Боплана стр. 109 и стр. 116), или, наконец, упоминание об удивлении „иноземного инженера“ „никогда им невиданной тактике“ запорожцев (ср. Боплан, 68).

Центральное место среди новых источников занимает „История о козаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся“ князя Мышецкого. „История“ была опубликована значительно позже (М., 1847 и Одесса, 1852), однако ходила по рукам во многих списках и могла быть известна Гоголю через Погодина, Бодянского или Максимовича; мог он познакомиться с нею и по книге Шерера („Annales de la Petite-Russie, ou l'Histoire des Casaques Saporogues et les Casaques de l'Ukraine, etc.“ A Paris, 1788), из первых страниц которой, как упоминалось выше, он делал в 1838—1839 гг. некоторые выписки, и которая в первой своей части является в сущности пересказом „Истории“ кн. Мышецкого (см. Соч., изд. 10, т. I, стр. 573—574). Тихонравов, впрочем, приходит к правдоподобному выводу, что с „Историею“ Гоголь мог познакомиться непосредственно. На рассказах „Истории о козаках запорожских“ основан ряд существенных вставок второй редакции повести и прежде всего — вся новая сцена избрания кошевого (69 72), пересказывающая главу „Истории“, которая носит название: „Каким образом и в какие времена у запорожских козаков бывают рады или собрание всего их козачества и для чего оные чинятся“.

Из Мышецкого Гоголь мог заимствовать и сведения о пополнении запорожского войска различными пришельцами (8—9), о „мастеровых людях, какие имеются при Запорожской Сечи“ (21—22), о беспрерывном веселии и пьянстве в Сечи, „в чем и жизнь свою до конца тако провождают“ (24—25), о проступках и наказаниях казаков (25 26). Наконец, из „Истории“ же взяты Гоголем и названия куреней: у Мышецкого — Дядковской, Незамайлевской, Татаровской, Переяславской, Тымошевской (16 17).

На ряду с „Историей“ кн. Мышецкого использовал Гоголь при переработке „Тараса Бульбы“ еще два сборника украинских песен — М. Максимовича [1] („Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем“. Часть первая, М., 1834) и Пл. Лукашевича („Малороссийские и

---

[1] Хотя этот сборник Максимовича вышел еще до появления „Миргорода“ (цензурное разрешение помечено 23 марта 1834 г.) и сообщался Гоголю еще в листах (см., например, письмо его к Максимовичу от 20 апреля 1834 г.), однако явных следов использования сборника мы в ранней редакции „Тараса Бульбы“ не найдем. Лишь впоследствии, возвратившись к сборнику Максимовича, Гоголь мог по новому оценить его, извлечь из него необходимый историко-бытовой и лирический материал.

червонорусские народные думы и песни", СПб., 1836), в особенности последний, откуда, например, заимствован весь вставной эпизод с историею Мосия Шила, попавшего в турецкий плен, обусурманившегося и затем освободившего всех казаков-невольников и с ними вместе вернувшегося обратно на родину (Дума про Самійла Кішку). Гоголь довольно близко следует думе и в описании самого Шила (в думе — Кішка), который

Потурчився, побусурманився
Для панства великого
Для лакомства нещасного... (15 16),

и в развитии сюжета. Новым, по сравнению с думой, явилась в передаче Гоголя дальнейшая судьба Шила — по возвращении его на Сечь (в думе Кішка погибает в бою) и позднейшая его смерть в бою под Дубном.

Другая дума сборника Лукашевича — про Ивася Коновченка — послужила Гоголю источником нескольких деталей второй редакции повести. Повидимому, отсюда заимствован клич есаулов на рынках и площадях: „Эй, вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух" и т. д. (39). В думе Корсунский полковник „кликне-покликне":

„Ви грубники, ви лазники,
Ви броварники, ви винники:
Годі вам у винницях горілок курити
По броварнях пив варити,
По лазнях лазен топити,
По грубам валятися. —
Товстим видом мух годувати,
Сажі витирати;
Ходімте за нами на долину Черкень погуляти!" (37)[1]

Пример более сложного использования Гоголем песенного материала дает лирическое отступление о старой матери, ищущей среди прохожих „одного, милейшего всех" (137). В той же думе про Ивася Коновченка упоминается о матери Ивася — вдове, которая

На базар выхожала,

и которая в надежде встретить сына бежит навстречу войску.

---

[1] Несколько дальше Ивась Коновченко говорит, что, если он не откликнется на зов есаулов, то —

Будуг мені козаки прозваніє прикладати
Гречкосієм, полежаєм називати (38).

Однако, эта реминисценция тесно переплетается с реминисценциями других украинских песен, точнее — отдельных стихов из них. Так, слова Гоголя: „Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси; не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах“ — сотканы, примерно, из следующих песен:

У Глухові, у городі стр'льнули з гармати,
Не по однім козаченьку заплакала мати

(М. Максимович,
„Украинские народные песни“ стр. 111)

Не по однім ляху зосталась вдовиця.

(Там же, 96)

Отзвуки народных песен — одна из существенных особенностей второй редакции повести. По большей части реминисценции эти весьма беглые, как в последнем примере. Аналогичный случай — слова есаула Товкача Бульбе: „Пусть же, хоть и будет орел высмыкать из твоего лоба очи...“ (150); ср. в народной песне:

Тогді орли налітали
З лоба очи висмикали.

(Там же, 12)

В других случаях реминисценции эти используют отрывок одной песни, соответственно его видоизменяя, как например, в лирическом заключении главы VIII. Эта концовка отдельными своими выражениями восходит к думе о походе на поляков:

Самко Мушкет думае, гадае, словами промовляе:
— „А що, як наше козачество, мов у пеклі, Ляхи спалять,
Да з наших козацьких костей пир собі на похмелля зварять!..
А що як наші голови козацькі по степу-полю поляжуть, и т. д.

(Там же, 28—29)

Если в источниках первой редакции Гоголь искал прежде всего деталей, которые позволили бы ему сделать изображаемую картину рельефнее, то, перерабатывая повесть, он стремится к *исторической верности* изображаемых событий, стараясь даже в мелочах возможно точнее восстановить эпоху.

Говоря о работе Гоголя над „Тарасом Бульбою“, необходимо иметь в виду эволюцию в процессе работы идейного содержания повести.

Подготовляя и обрабатывая вторую редакцию повести, Гоголь частично попадает под влияние славянофильских тенденций. В несомненной

связи с этими новыми для него тенденциями он наново пишет вторую речь Тараса к запорожцам — о товариществе; основной мотив этой речи: особые свойства „русской души“, „русского чувства“. Этим новая редакция „Тараса Бульбы“ перекликается с высказываниями Гоголя в письмах того же времени: см. напр. письма к К. С. Аксакову (5 марта 1841 г.), Н. М. Языкову (17 сентября 1841 г.). и др. Одновременно Гоголь работал над римской редакцией „Мертвых душ“, где уже появляется известное обращение к Руси-тройке.

IV

Интерес к историческому роману из прошлого России (и Украины) наметился в русской литературе уже к концу 20-х годов и выразился не только в литературной практике, но и в некоторых теоретических заявлениях.

Еще в 1823 г. Орест Сомов („О романтической поэзии“, СПб., 1823) указывал на новые, свежие темы для романтического писателя, называя среди них „малороссиян“ „с сладостными их песнями и славными воспоминаниями“ и „отважных переселенцев Сечи Запорожской“: „все они, соединясь верою и пламенною любовию к отчизне, носят черты отличия в нравах и наружности“.

Несколько лет спустя Н. А. Полевой в обширной рецензии на „Историю Малой России“ Д. Бантыша-Каменского доказывал, что „под рукою живописца искусного Малороссия представит картину самую занимательную, самую живописную“, ибо „никакая швейцарская, никакая нидерландская революция не покажет нам явлений, столь диких, столь прекрасных!“. „Изобразите, — писал Полевой дальше, — постепенное сближение казаков с литовцами, поляками и гражданственностью, заселение их по обе стороны Днепра; новых врагов казацких, крымцев; отделение запорожцев, образование украинских казаков; их предводителей, от Дашковича до Хмельницкого; странное ученое образование киевского духовенства под владением Литвы и Польши; что-то рыцарское и ученое в малороссийской аристократии, что-то дикое, литовско-азиятское, в простом народе Малороссии; эту пеструю смесь Азии и Европы, кочевой и оседлой жизни, покорности и независимости, твердости и слабости, и наконец взаимных отношений, взаимной политики, в одно время, Польши, Литвы, Турции, Крыма. Конечно, не предмет будет виноват, если ваш рассказ не увлечет душ и умов!“ („Московский Телеграф“, 1830, т. 35, стр. 272).

В следующем 1831 г. Н. Маркевич в предисловии к „Украинским мелодиям“ (М., 1831, стр. XXVII—XXVIII) набрасывал проект большого

художественно-исторического сочинения, обещая: „Если станет на то сил моих и времени, быть может, я решусь принесть моим соотечественникам и земле, кормившей некогда наших праотцев, а ныне хранящей остатки их, — подробное описание красот исторических, прелестей природы, обычаев, обрядов, одежды, древнего правления малороссийского. Приятно было бы вспомнить, каков был Батурин, Чигирин или Глухов во времена предков наших, каковы были нравы, язык; приятно представить себе отечество в дни его протекшие".

Во всех этих предложениях и обещаниях сказалось недовольство преподносившейся в художественной литературе условной историей, сказались требования большей исторической документальности и убедительности.

Те же требования начинала ставить себе и русская историческая беллетристика (в частности, и с украинской тематикой), начиная со второй половины 20-х годов XIX века,—беллетристика, имевшая своим источником романы Вальтер Скотта (см. многочисленные факты, приведенные в книге И. И. Замотина „Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20—30-х годов XIX столетия", СПб., 1907, стр. 323—328).

Современниками влияние Вальтер Скотта на автора „Вечеров" и „Миргорода" ощущалось весьма явственно (отзывы Полевого, Булгарина; замечание Пушкина, что начало „Тараса Бульбы" „достойно Вальтер Скотта").

Гоголя роднит с Вальтер Скоттом общая манера исторического повествования, основанная на изучении исторических и фольклорных источников и в то же время на глубоко-личном отношении к прошлому. Гоголь далек был от механического пересказа немногочисленных в то время общих исторических работ и от механического нанизыванья историко-бытовых деталей, как это нередко у М. Н. Загоскина, Н. А. Полевого, особенно же — в исторических романах Ф. Булгарина, а также у многочисленных „Вальтер Скоттиков" 20—30-х гг.

Типичность фабулы Гоголя, особенно в первой редакции, делает почти излишними поиски ее непосредственных литературных источников. Хотя исследователи (Н. П. Дашкевич, Н. И. Петров, Н. А. Котляревский) и отмечали ряд отдельных мест, эпизодов и характеристик „Тараса Бульбы", восходящих к литературным „источникам", к известным „прототипам", — связь этих „предшественников" с повестью Гоголя весьма отдаленная.

Примером может быть В. Т. Нарежный, романы которого „Запорожец" и „Бурсак" особенно часто ставились в связь с „Тарасом Бульбой", хотя в изображаемой в них условно-исторической Сечи нет ни бытовых черт, ни исторических фактов, ни художественных изобразительных средств, которые отразились бы в повести Гоголя. Для Гоголя с его идеализацией Запорожья неприемлемы были тенденции Нарежного: „пройдет

столетие — и может быть одним только географам будет известно место, где стояла некогда Сечь Запорожская" (там же, стр. 216) и т. п. К непосредственным впечатлениям от чтения Нарежного („Бурсак") могут быть возведены только воспоминания о бурсацких годах Остапа и Андрия; могли запомниться Гоголю и страницы из романа „Запорожец" о возникновении и основных принципах устройства Сечи (ср. „Тарас Бульба" стр. 64—67 и особенно 301—303 и „Романы и повести, сочиненные Василием Нарежным", ч. VIII, СПб., 1836, стр. 184—185). У Нарежного Гоголь мог также обратить внимание на некоторые традиционные типы (например, тип еврея).

Столь же неопределенны черты сходства с гоголевской повестью и во многих других художественных произведениях, называвшихся среди литературных „источников" „Тараса Бульбы". Ни общая характеристика казачества, какую дает Разумник Гонорский („Опыты в прозе", Харьков, 1818, стр. 110—111), ни домыслы о происхождении казачества и сцена битвы между казаками и турками в романе Федора Глинки „Зинобий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия" („Письма к другу", часть III, СПб., 1817, стр. 151—152, 179—182), ни сцена казни в сентиментальной повести Е. Аладьина „Кочубей" („Невский Альманах на 1828 г.", СПб., стр. 303—305), ни реминисценции „Истории Русов" в поэме М. А. Максимовича „Богдан Хмельницкий" (М., 1833), ни описания Сечи и характеристики запорожцев в романах Булгарина („Дмитрий Самозванец" и „Мазепа") — не дают права исследователю говорить о каком-либо значении их для работы Гоголя над „Тарасом Бульбой". Лишь в одном случае можно говорить о возможности отражения в повести Гоголя образов и настроений оригинала; это — „Украинские мелодии" Н. А. Маркевича (М., 1831).

„Мелодии" Маркевича основаны на довольно тщательном изучении фольклорных и исторических источников, на непосредственном любовании красотами Украины. Это восторженное любование создало книге Маркевича некоторый успех; оно, повидимому, привлекло к себе внимание и Гоголя. Так, можно предполагать, что на гоголевском описании степи (глава II) отразились следы чтения „Украинских мелодий", где *степу* уделено особенное внимание. В предисловии Маркевич замечает: „наши травы удивляют европейца; Шерер с восторгом говорит следующее: вся равнина изобилует всякого рода огородными растениями: душистые цветы, которые с величайшим тщанием обрабатывают европейцы, там растут сами по полям, и травы такой высоты, что человек на коне легко в них укрывается" (стр. 34, т. I) (Ник. Маркевич, „Украинские мелодии", М., 1831, стр. VII—VIII).

Среди „мелодий" Маркевич посвящает одну специально изображению „степа" (Маркевич особенно настаивает на таком написании этого слова),

давая в ней целый комплекс поэтических образов, частично соответствующих и образам Гоголя (заметим, что до 1835 г. в степной части Украины сам Гоголь не бывал):

Степ широкий, степ обширный!
С первым голосом весны
По тебе Украйны мирной
Гордо скачут табуны; и т. д.

(Маркевич, там же, стр. 46—47)

В специальном комментарии к этому стихотворению Маркевич еще раз упоминает это „бесконечное пространство зелени, произведенной рукою природы украинской для украинских табунов", „эти необозримые луга, где, кажется, никогда не оставляла следов нога человеческая".[1]

Из других стихотворений Маркевича мог обратить на себя внимание Гоголя переложенный в стихи рассказ „Истории Русов" о сожжении Наливайка в медном быке, с развернутой картиной пестрой толпы, смотрящей на ужасную казнь, как на интересное зрелище:

Ребячески буйно народ хохотал
И шапками каждый огонь раздувал.
. . . . . .
Мальчишки с весельем скакали кругом,
Отцы приводили детей на потеху,
И польки младые стихию платком
Дразнили, с служанок срывая для смеху,
Кидали во пламень одежду и шелк. (стр. 62)

Перерабатывая „Тараса Бульбу", Гоголь довольно тщательно и последовательно уничтожал стилистические особенности ранней редакции, сближавшие ее с традицией романтической повести с ее „бешеным" слогом: он стремился к углублению психологической мотивировки измены Андрия, к увеличению и освоению историко-бытовых деталей и к эпическому прославлению казачества. Последняя задача, при давнем и прочном инте-

---

[1] Впрочем, у нас есть указание еще на один источник знакомства Гоголя со степью. В своей записной книжке П. И. Бартенев, отмечая со слов П. В. Нащокина, что Пушкин хвалил Нащокину „Ревизора" и особенно „Тараса Бульбу", прибавляет: „О сей последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей внушил он. Пушкину какой-то знакомый человек очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи" („Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг.", М., 1925, стр. 45). Этим „знакомым человеком" был С. Д. Шаржинский.

ресе Гоголя к Гомеру (см. его замечания в „Авторской исповеди", в „Переписке с друзьями", в письмах к П. В. Анненкову от 12 августа 1847 г. и др.), сделала возможной известную стилистическую зависимость батальных сцен „Тараса Бульбы" от Илиады. Отношения Гоголя к Гомеру (как в „Тарасе Бульбе", так и в „Мертвых душах") были предметом полемики в современной ему критике. Позднейшие исследователи (И. Е. Мандельштам, В. Я. Брюсов, Ф. Е. Корш) — отмечали даже конкретные параллели к „Тарасу Бульбе" из „Илиады". Так, В. Я. Брюсов писал, что „бой под Дубно написан не столько на основании изучения малороссийской старины, сколько под влиянием перевода Гнедича «Илиады»" (Валерий Брюсов, „Испепеленный", М., 1909, стр. 17).

Конечно, „гомеровские" элементы в „Тарасе Бульбе" являются лишь частностью стилистической системы повести (ее второй редакции) и должны быть изучены в составе этого целого.

После выхода „Сочинений Николая Гоголя" (1842 г.) с переработанным текстом повести реакционная литературная критика воспользовалась этим для новой травли Гоголя. Так например, отзыв „Библиотеки для чтения" сводил на-нет всю творческую работу Гоголя над переработкой повести. „Чтобы усовершенствовать эту прекрасную повесть, стоило только исправить в ней русский язык, придать несколько более логической строгости фразе, устранить грубые жарты и немножко обмыть некоторые картины. Но тщеславие никогда не знает своих настоящих выгод. Из обширной по сюжету, но хорошо сжатой повести, раскинулась целая украинская пустыня, и бо́льшая часть достоинств прежнего «Бульбы» утонула в степном ковыле".

В издевательском тоне говорили о „Тарасе Бульбе" Н. Полевой, по словам которого Гоголь старался „представить малороссийских козаков какими-то рыцарями, Баярдами, Польмеринами" („Русский Вестник" 1842, 5—6, отд. III, стр. 36) и К. Масальский, сводивший счеты с неназванными по имени критиками (в первую очередь, очевидно, с Белинским) за то, что „эти критики по принадлежащей им власти произвели господина Гоголя за «Тараса Бульбу», впредь до усмотрения, в Гомеры!" („Сын Отечества", 1842, № 6).

Со стороны Белинского новая редакция „Тараса Бульбы" встретила полное признание. Он отметил, что повесть в новой редакции „сделалась вдвое обширнее и бесконечно прекраснее". „Поэт чувствовал, что в первом издании «Тараса Бульбы» на многое только намекнуто и что многие струны исторической жизни Малороссии остались в нем нетронутыми. Как великий поэт и художник, верный однажды избранной идее, певец Бульбы не прибавил к своей поэме ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развил многие уже заключавшиеся в ее основной идее подробности. Он исчерпал в ней всю жизнь истори-

ческой Малороссии. Особенно замечательны подробности битв малороссиян с поляками под городом Дубно и эпизод любви Андрия к прекрасной польке. Вся поэма приняла еще более возвышенный тон, проникнулась лиризмом".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. А. М. Скабичевский. Наш исторический роман. „Сев. Вестник", 1886, № 1—2, и Собрание сочинений. СПб., 1890. т. II.
2. Н. С. Тихонравов. „Тарас Бульба Н. В. Гоголя". Главы неизданной редакции. „Русская Старина", 1887, № 3 и 4 (вошло в комментарий к „Сочинениям Гоголя", 10 изд. том I).
3. Ф. А. Витберг. Гоголь как историк. „Исторический Вестник", 1892, № 8.
4. А. Ефименко. Малорусское казачество по Гоголю. „Журнал для всех", 1902, № 2
5. И. М. Каманин. Научные и литературные произведения Н. В. Гоголя по истории Малороссии. Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора Летописца, Киев, 1902 (о „Тарасе Бульбе", стр. 123).
6. С. Родзевич. „Тарас Бульба" як історична повість Статья в издании „Гоголь. Твори", Книгоспілка, т. II, стр. XXVI — LXV.
7. Н. Пиксанов. Украинские повести Гоголя (в книге „О классиках", М., 1933; о „Тарасе Бульбе" стр. 102—128).

ВИЙ

I

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

а. Печатные

Ма — „Миргород". Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н. Гоголя. Часть вторая, СПб., 1835. Экземпляр Библиотеки Академии Наук СССР. шифр IVб, 211.

Мб — То же издание. Экземпляры дальнейшего тиража (с купюрами и добавлениями).

П — Сочинения Николая Гоголя. Том второй: „Миргород", СПб., 1842.

б. Рукописные

РЛ$_1$ — Автограф. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В настоящем издании печатается по „Сочинениям Николая Гоголя" изд. 1842 г. с исправлениями по „Миргороду" 1835 г. и по автографу.

II

Повесть „Вий" появилась впервые в издании „Миргород", часть вторая, СПб., 1835. Но экземпляры этого издания, как было сказано выше, неодинаковы, о чем прежние редакторы сочинений Гоголя (Н. Тихонравов,

Н. Коробка) не знали. Текст „Вия“ в первых экземплярах этого издания отличается от текста той же повести в последовавших экземплярах, см., например, экземпляр Библиотеки Академии Наук с шифром IVб 211. В первых экземплярах повесть кончается смертью Хомы Брута (на стр. 94), а в следующих прибавлены две страницы заключения (стр. 95 и 96); внутри текста есть тоже существенные изменения (см. в вариантах).[1] Эта разница между экземплярами одного и того же издания объясняется тем, что во время печатания было изъято, повидимому, по требованию цензуры, предисловие к „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ (см. ниже комментарий к этой повести). Две страницы, оставшиеся пустыми после снятия предисловия, были заполнены новым текстом: таково, очевидно, происхождение двух заключительных страниц „Вия“, отсутствующих в первых экземплярах.[2]

Как видно из сличения экземпляров „Миргорода“, Гоголь воспользовался создавшимся положением, чтобы кое-что изменить и внутри „Вия“, стараясь делать это так, чтобы не переверстывать всю книгу, а только заново набрать некоторые страницы. Изменениям подверглись три места, связанные между собою: Хома и ведьма после полета, размышления Хомы по поводу приглашения к сотнику и мысли Хомы в доме у сотника. В тексте первых экземпляров Хома, избив ведьму, не смотрит на нее, и потом, приехав к сотнику, не узнает в ее лице черт той самой ведьмы, которую он избил; читателю предоставлено самому догадаться, что дочь сотника и есть та самая ведьма. В следующих экземплярах это изменено: Хома разглядывает упавшую на землю ведьму и потом, войдя в дом сотника, узнает ее („Это та самая ведьма“ и т. д.). Внося изменения в печатный текст запрещенного экземпляра, Гоголь во избежание общей переверстки, как видно, пригонял их к прежнему набору и ради этого сокращал некоторые фразы и выбрасывал слова (они были восстановлены впоследствии в издании 1842 г.). Если сопоставить вышеуказанный экземпляр Библиотеки Академии Наук с другими известными нам экземплярами, то картина этой операции над текстом становится совершенно ясной. Перенабору подверглись страницы: 29—30 (после строки 14 на стр. 29 до конца стр. 30), 46 (от строки 10 до строки 22) и 52 — 54 (от первой строки на стр. 52 до строки 23 на стр. 54). На стр. 30 второго экземпляра (строка 19) выброшено слово „разъехавшаяся“ (в первом —„Большая, разъехавшаяся хата“), мешавшее пригнать текст к прежнему набору, и сокращено описание того, как философ искал еду во всех углах.

---

[1] Подробности о разнице в экземплярах см. ниже.

[2] Первые экземпляры „Миргорода“ обозначаем знаком M_a, следующие – знаком $M_б$. Знаком M обозначаем „Миргород“ в тех случаях, когда разницы между экземплярами нет.

Кроме указанных отличий, есть еще одно, вызывающее некоторое недоумение. Во втором экземпляре (*Мб*) после добавленных двух страниц заключения напечатано особое примечание (стр. 96): „Погрешность. В сей повести, по неосмотрительности, пропущена половина страницы, объясняющая, каким образом бурсак узнал в сотниковой дочери ведьму, приходившую к нему в виде старухи". В первоначальном тексте (*Ма*) этого узнавания нет вовсе; во втором (*Мб*) узнавание мотивировано тем, что Хома в начале повести „взглянул" на ведьму после того, как она упала на землю: „он видел, что в лице ее показались молодые черты, сверкнула снежная белизна и как будто она была уже вовсе не старуха: какая-то приятная и вместе неприятная мина показалась на губах ее и врезалась ему в самое сердце". Вглядываясь потом в лицо умершей панночки, Хома видит ту же мину и узнает ведьму. Таким образом, никакой „погрешности", указанной в примечании, в тексте *Мб* нет, а к тексту *Ма* это примечание тоже не подходит, потому что здесь Хома не узнает ведьмы. Остается предположить, что изменения были сделаны не сразу: примечание было сделано тогда, когда „половина страницы" еще не была внесена в текст, а потом забыли уничтожить это примечание.

Итак, „Миргород" дает нам не одну, а две редакции „Вия". В „Сочинениях" 1842 г. (том второй) „Вий" был напечатан в заново переработанном виде, причем кое-что из выброшенного в *Мб* по типографским соображениям — здесь восстановлено, а заключение, появившееся в *Мб*, повторено без всяких изменений. Подготовляя текст „Вия" для этого издания, Гоголь, очевидно, имел перед собой оба экземпляра „Миргорода". „Вий" в этом издании (как и другие произведения) подвергся грамматической и стилистической правке Н. Я. Прокоповича. В „Сочинениях" 1855 г. (Н. Трушковского) текст 1842 г. перепечатан без всяких изменений (поэтому в вариантах к „Вию" это издание не указывается).

Рукописный текст повести (автограф) занимает в тетради Ленинградской гос. публичной библиотеки (*РЛ*)—листы 32 об.—40. Текст автографа черновой, но очень близкий к тексту *Ма*.

В настоящем издании текст „Вия" печатается по „Сочинениям" 1842 г. но, как правило, снимаются все те поправки 1842 г., которые имеют грамматический характер и принадлежат, очевидно, Прокоповичу; в этих случаях мы возвращаемся к „Миргороду". Так мы поступили и в отношении „украинизмов", характерных для языка Гоголя, сохранив такие слова, как „воробьенками" (в изд. 1842 г. — „воробышками"), „банями" (слово „баня" по-украински значит „купол").

Есть случаи, где мы отступаем не только от издания 1842 г., но и от „Миргорода" в сторону автографа, а именно:

Стр. 178, строка 23: берем „рост" вместо „рот", считая „рот" ошибкой переписчика.

Стр. 179, строка 3: берем „вмешивалась риторика", считая „вмешивались риторики" (*М*) ошибкой переписчика, а „вмешивались риторы" (*П*) — исправлением Прокоповича.

Стр. 182, строка 11: берем „чортового", считая „чортова" чужим исправлением.

Стр. 183, строка 4: берем „собаке," считая „собака" (*М*) ошибкой

Стр. 191, строка 22: берем „приближилась", считая „приблизилась" (*М*) чужой поправкой.

Стр. 194 строка 24: берем „фляжки, сулеи", считая „фляшка, сулеи" (*М*) ошибкой переписчика, а „фляжка, сулеи" (*П*) — исправлением Прокоповича.

Стр. 199, строка 27: берем „об угнетенном народе", считая слово „похоронную" цензурным искажением.

Стр. 201, строка 7: берем „свою", считая „своего" ошибкой переписчика.

Стр. 211, строка 6: берем „на толкавших его козаков", считая появившееся в *П* „на пришедших козаков" результатом пропуска слов „толкавших его" в копии (переписчик, вероятно, не разобрал).

III

Сюжетная основа „Вия" — история панночки-ведьмы и гибель Хомы Брута после трех ночей, проведенных у ее гроба — имеет фольклорный характер. Повесть, в общем выдержанная в романтической литературной манере, в развитии сюжета опирается на фольклорную, сказочную традицию. Исходя из сказочной сюжетной основы, Гоголь развивает ее, окружает новыми эпизодами, вносит бытовое и эмоциональное содержание, вводит самостоятельно разработанные характеристики. В общем, Гоголь идет по пути, уже испытанному в „Вечерах на хуторе близ Диканьки". Фольклорно-демонологические мотивы „Вия" ближайшим образом примыкают к подобным же мотивам „Майской ночи" (ведьма в обоих случаях в семье сотника, — ее превращения и борьба с ней героя), „Вечера накануне Ивана - Купала" (ведьма, „безобразные чудища") и „Страшной мести" (тема грешной души и возмездия).

Сам Гоголь со всей определенностью указал на фольклорную основу „Вия". „Вся эта повесть,—говорит Гоголь в примечании к «Вию»—есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал". Однако это авторское показание нуждается в проверке.

Вопросом о фольклорных источниках „Вия" исследователи занимались не раз. Н. Ф. Сумцов в статье „Параллели к повести Гоголя «Вий»"

(„Киевская Старина“, 1892, III, стр. 472) отметил „сильное влияние народных сказок о езде парубка на ведьме, смерти ведьмы и чтение парубком над ней в церкви псалтыри“ и пришел к выводу, что повесть „можно считать переделкой сказки“. Подобный взгляд высказывали также В. Милорадович и К. Невірова (В. Милорадович. „К вопросу об источниках «Вия»“, „Киевская Старина“, 1896, IX, стр. 45; К. Невірова. „Мотиви українськоі демонольогії в «Вечерах» та «Миргороді» Гоголя“, „Записки українського наукового товариства в Київі“, 1909, V, стр. 42). Н. Сумцов указал, что „сказка о смерти ведьмы, которая легла в основу «Вия», принадлежит к числу весьма популярных: она встречается у разных европейских народов“. И если Сумцов привел только 15 названий сборников сказок, в которых находятся сказки о ведьме, то авторы монументальных примечаний к сказкам бр. Гримм — И. Больте и Г. Поливка, упоминающие о „Вии“ Гоголя в связи с сказкою бр. Гримм „Die Prinzessin im Sarge und die Schildwache“ (№ 239),—присоединяясь к мнению, что „Гоголь своего «Вия» написал на почве народных сказок“, дают длинный ряд библиографических справок о сборниках сказок немецких, норвежских, исландских, французских, итальянских, румынских, словенских, литовских, латышских, финских, мадьярских, цыганских, армянских, кафрских с аналогичным сюжетом (J. Bolte und G. Polivka, „Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm“, 1918, III, S. 531—537).

Основной ошибкой исследователей, ставивших вопрос о фольклорных источниках „Вия“, было то, что они сказки о ведьме, имеющие сюжетное сходство с „Вием“, рассматривали суммарно. Между тем в интересующих нас сказках следует различать три редакции.

К циклу сказок первой редакции должны быть отнесены сказки с такой сюжетной схемой: парень любит девушку, но затем бросает ее; девушка, ведьмина дочь, мстит бросившему ее парню; ночью она в виде кошки приходит к парню, но парень, предупрежденный матерью, раньше девушки успевает набросить на нее уздечку и вскочить ей на спину. Превратившаяся в коня ведьма носит на себе парня до тех пор, пока в полном изнеможении не падает на землю; вновь обратившись в девушку, она умирает. По требованию родителей умершей, парень, виновник смерти, должен три ночи провести около гроба, читая псалтырь. Парню приходится пережить различные ужасы, нарастающие из ночи в ночь; благодаря советам матери (деда и т. п.) ему удается избежать гибели. Так как ни умершая ведьма, ни прочие мертвецы не могут переступить черту и увидеть парня, то на третью ночь они обращаются за помощью к „старшей ведьме“, которая и указывает на парня, но в это время поют петухи. Сказка оканчивается обычно тем, что парень остается живым, а тело ведьмы вывозят за село и сжигают. Впрочем, в некоторых вариантах парень не выдерживает испытанных ужасов и умирает.

Сказки второй редакции отличаются от сказок первой редакции главным образом в своей вступительной части и в характеристике действующих лиц. Если в сказках первой редакции парень и девушка односельчане, то в сказках второй редакции герой случайно попадает в данную местность, а героиней является „царевна", „королевна" и т. п. Мотив „отвергнутой любви", любовный конфликт, как исходный пункт завязки, в сказках второй редакции отсутствуют. Герой не является виновником смерти девушки; девушка определяется как „заклятая" или „одержимая". Сюжетная схема сказок второй редакции может быть представлена в таких чертах: случайно попавший в чужую страну (город, село) герой должен провести три ночи около гроба умершей царевны, которая растерзывает каждого остающегося в церкви на ночь. Герой пытается убежать, но „добрый советник" (старик или старуха) останавливает его и уговаривает провести ночь у гроба. Действие развертывается дальше, как и в сказках первой редакции: герой переживает ряд ужасов, ужасы нарастают; на третью ночь, когда мертвая царевна встает из гроба, герой ложится в гроб и не встает до тех пор, пока не начинают петь петухи. „Заклятие" спадает с девушки, она освобождается от власти нечистой силы, и сказка заканчивается женитьбой героя на освобожденной царевне.

Сказки третьей редакции — сказки о герое, не знающем страха (О. Раздольский, № 43; Афанасьев, № 204; бр. Гримм, № 4). Эти сказки в основном представляют своеобразное видоизменение сказок второй редакции. Герой, не знающий страха и ищущий случая испытать страх, вызывается провести ночь около гроба умершей ведьмы или, по другим вариантам, в заколдованном дворце. Как и сказки второй редакции, эти сказки имеют благополучную развязку: царевна освобождается от заклятия и герой женится на ней.

Наиболее ранняя запись украинской сказки первой редакции относится к 40—50 гг., это — „Сказка, що парубок любив дівку і потому перестав і вона его хотіла зчарувати" в собрании А. И. Дыминского. Парень любит девушку, но затем бросает ее. Отвергнутая девушка в виде кошки приходит к парню; парень набрасывает на нее уздечку и ездит на ней „по полях и житах" до тех пор, пока та не умирает. Парню „присудили" три ночи ходить в церковь и читать „книжку". Мать, выступающая в роли „доброго советника", советует парню не оглядываться и не отвечать. В полночь мертвая девушка встает из гроба; парень, не смотря на все упрашивания ведьмы, не оборачивается, и при пении петухов девушка вновь ложится в гроб. На вторую ночь повторяется то же. На третью ночь ведьма призывает на помощь других мертвецов, затем предлагает принести новорожденного младенца и, наконец, палочку, осмоленную с обеих сторон смолой, но поют петухи „і ото всьо зосталося на церкві". На утро парня выпустили, а мертвую ведьму вывезли за пределы села

и сожгли („Казки та оповідання з Поділля в записах 1850—60 років", 1928, стр. 55—56, № 111).

Из русских сказок с аналогичной сюжетной схемой можно отметить сказку № 208с в собрании „Народных русских сказок" Афанасьева.

Завязка большинства сказок первой редакции: парень накануне свадьбы бросает девушку (Б. Гринченко. „Этнографические материалы", т. I, стр. 66), парень не желает „ночевать" с девушкой (В. Милорадович. „Киевская Старина", 1896, кн. IX, стр. 48). То же в приведенной сказке из собрания А. И. Дыминского и в сказке „Відьма та відьмак" Драгоманова („Малор. народные предания", стр. 71). У Гоголя этот сказочный мотив отвергнутой любви сохраняется только в рудиментарной форме. „...Старуха шла прямо к нему с распростертыми объятиями. «Эге, ге!» подумал философ: «только нет, голубушка, устарела!»..." [1]

За эпизодом „отказа" следует у Гоголя эпизод езды ведьмы на парне. „Старуха подошла к нему, вскочила с быстротою кошки к нему на спину и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих". Последовательность эпизодов в „Вии" (отвергнутая Хомою ведьма, ведьма, кошкою прыгающая на спину, езда ведьмы на Хоме) соответствует последовательности эпизодов в сказках. Многие народные рассказы, как заметил В. Милорадович, начинаются так же, например: „батько йшли на досвітки, коли біла кішка скочила їм на в'язи". Или „відьма перевернулась кішкою і стала паробкові стрибать на плечі". Кошкой приходит ведьмина дочь в сказке у Дыминского; кошкой прыгает она под ноги парню в сумской сказке о Пантелеймоне у Б. Гринченка: „Як вийде він з хати, то вона як насяде, то він везе аж до свого порога"; „то був такий хороший парубок, а то став такий як сухарь". Ср. у Гоголя вставной рассказ о псаре Миките, на котором ездила панночка и который „воротился едва живой и с тех пор иссохнул весь, как щепка".

Но если в „Майской ночи", как отметил В. Шенрок, Гоголь сохраняет всю конкретность фольклорного мотива превращения ведьмы в кошку, то в „Вии" он заменяет его сравнением: ведьма прыгает на спину Хоме, *как* кошка; Хома не превращается в коня, но, *как конь*, везет ведьму и т. п.

Осиновым поленом убивает ведьму, на которой он едет, солдат в сказке Афанасьева, „дубчиком" — в сказке из Лубенского уезда у Милорадовича.

---

[1] Мотив: „старуха, требующая любви от молодого героя и затем обращающаяся в девушку", был разработан М. П. Загорским. В 1825 г. в „Новостях литературы" была напечатана его „народная русская сказка": „Оборотень или старуха-красавица" (вышла в том же году отдельным изданием). Герой Загорского — Ратмир, богатырь князя Владимира. См. В. Сиповський. „Україна в російському письменстві", Київ, 1929, стр. 76 77.

В сказках первой редакции убитая кошка-ведьма, ведьма-конь принимают вновь вид девушки. „Дивиться, коли там уже лежить дівка — він скорій до дому“. Гоголь сохраняет схему этого сказочного эпизода, но подвергает его значительной литературной обработке. Сказка изображает только действие, Гоголь привносит эмоционально-психологическое содержание (например: „Жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им“...).

Панночка, умирая, называет Хому; она высказывает отцу предсмертное желание, чтобы философ читал над ней псалтырь. Требование отца панночки читать три ночи псалтырь у гроба девушки, обещание наградить, слова сотника о желании отомстить виновнику гибели дочери, — все эти мотивы и эпизоды в „Вии“ соответствуют ходу развития действия в сказках первой редакции. В указанной сказке из сборника Афанасьева отец убитой приходит звать солдата читать псалтырь, обещая ему награду; в сказке из Сумского уезда мать, желая отомстить парню, требует, чтобы тот переночевал около гроба. В сказке из Лубенского уезда рассказывается: „І приснилося її батькові: Хай же той парубок, що пхнув ніж, прийде до церкви і одпишить йому половину свого багатства“.

Червонцы, которые Хома должен получить от сотника как вознаграждение; чтение псалтыря в продолжение трех ночей около гроба умершей; круг, очерчиваемый Хомой; ужасы, переживаемые им; попытки убежать; нарастание ужасов; обращение к „старшей ведьме“, — все эти черты восходят к фольклору.

Встающая из гроба панночка у Гоголя не может переступить черту, увидеть Хому Брута. Ср. в сказке из Сумского уезда: „Прилетіли відьми в хату: як кинуться до Пантелимона, добігли до круга, та й назад; кругом бігають, а за круг не перебіжать“. В сказке из Лубенского уезда: „Сів той роботник, чита, коли встае та дівка, шарила, шарила по хаті, нема його, не найде, і подалась із хати. Наскликала відьом, може, штук з двадцять. Шукають вони, шукають — не найдуть“.

Тройная градация ночей, тройное ступенчатое возрастание страхов, обращение к „старшему“, чтобы увидеть парня и переступить черту, эти эпизоды завершают повествование и в „Вии“ и в сказках. В первую ночь панночка-ведьма пытается сама увидеть, найти Хому Брута, переступить черту „таинственного круга“; во вторую приводит других; в третью они обращаются к „старшему“ (Вию) и тот указывает на Хому. То же имеем и в сказках. Три ночи прилетают мертвые ведьмы и не могут увидеть парня; на третью ночь они посылают за „старшей ведьмой“ в Киеве: „та найде“. Послали за нею, она прилетела и указала на парня. Но парень принес с собой петуха, и только ведьмы пустились к нему, он придавил петуха, тот запел, и ведьмы исчезли (Лубенский уезд, В. Милорадович). В другой сказке Лубенского уезда ведьмы ищут парня и не

находят, посылают за киевскою ведьмою, киевская ведьма указывает, где сидит парень, но с пеньем петуха ведьмы разбегаются, а „мертва там і впала“ („Киевская Старина“, 1896, IX, стр. 46). В сказке из Сумского уезда на вторую ночь налегает еще бо́льшая сила ведьм, бегают вокруг черты, но не могут переступить черту; на третью ночь они обращаются к „старшей киевской ведьме“ (Б. Гринченко).

Сказки первой редакции, как выше отмечено, кончаются тем, что тело умершей ведьмы вывозится за село, парень получает обещанное вознаграждение; только в одной из сказок Сумского уезда парень гибнет, не выдержавши пережитых им ужасов („Витерпів муку Свиридон, вийшов він на світ і зараз умер“, Б. Гринченко, „Этн. мат.“, I, стр. 71). Во всяком случае, для всех сказок первой редакции характерно, в отличие от второй и третьей редакций, что девушка-ведьма остается ведьмой; мотив „освобождения“ и „женитьбы“ сказкам первой редакции не свойствен.

Итак, Гоголь не просто соединял отдельные мотивы, взятые из разных сказок о ведьмах, но имел в виду сюжетную схему сказок определенной — именно первой (по нашему обозначению) редакции.

Впрочем, одна особенность отличает повесть Гоголя: в сказках имеется „добрый советник“ (дед, мать, другая ведьма), указывающий парню, что он должен делать, чтобы избежать гибели; у Гоголя „добрый советник“ отсутствует. Это отмечают и В. Милорадович и К. Невірова. Однако утверждение В. Милорадовича, повторенное К. Невіровой, что „все сказки, параллельные «Вию», кончаются благополучно, в чем заключается другое существенное отличие их от «Вия»“ („Киевская Старина“, 1896, IX, стр. 48), что „всі вони виходять на добре“ („Записки Українського наукового товариства в Київі“, 1909, стр. 49), ошибочно, потому что В. Милорадович и К. Невірова берут все „параллельные «Вию» сказки“ суммарно, не различая в них редакций. Благополучная развязка — необходимая черта сказок *второй* редакции, но не сказок первой редакции. Только сказки второй редакции кончаются освобождением девушки от власти демонических сил и женитьбой героя на девушке.

Из сказок *второй* редакции наиболее раннюю запись дает на украинском языке А. Дыминский. У пана была дочка, которая внезапно умирает. Ее вывозят в церковь, чтобы она там пробыла целый год; каждую ночь кто-нибудь должен ходить на стражу. Каждого, остающегося в церкви на ночь, она душит. „Москаль“ в корчме, узнавши об этом, вызывается переночевать около гроба. Пан обещает ему много денег. Баба, встретившаяся на улице, дает солдату ряд советов. Солдат становится в алтаре, и панночка, вставшая из гроба, не находит его. При пении петухов она опять возвращается в гроб. То же повторяется на вторую ночь. На третью ночь, по совету бабы, солдат, когда панночка встала из гроба, ложится в гроб и не встает, пока не запели петухи и панночка не сказала: „стань,

не бойся". Он встал, и они обнялись. Сказка кончается женитьбой. („Казки та оповідання з Поділля, 1850—1860 рр.", Київ, 1928, стр. 52—53). Из русских сказок сюда относится сказка № 207 афанасьевского собрания: „Иван-купеческий сын отчитывает царевну". Ср. в собрании И. Рудченко сказку: „Упырь и Миколай" („Народные южно-русские сказки", 1870, II, стр. 27—32); разница только в том, что герой на третью ночь, когда царевна выходит из гроба, ложится вместо нее в гроб; то же в сказках, собранных О. Раздольским в Галиции („Галицкие народні казки", „Етногр. Збірник", 1899, VII, № 30, 48, 49).

Западноевропейским образцом сказок второй редакции может служить сказка бр. Гримм: „Die Prinzessin im Sarge".

Мы не знаем текста того „народного предания", какое могло быть известно Гоголю. Однако, это скорее мог быть один из вариантов сказок первой редакции, чем второй. Делая героя пьяницей-бурсаком, случайно очутившимся в корчме, а героиню — панночкой, Гоголь, возможно, шел за сказками второй редакции, хотя в целом „Вий" ближе к сказкам первой, а не второй редакции. В сказках первой редакции выступает только один герой; во второй появлению героя-избавителя предшествует гибель многих. Расчленение момента гибели многих, ранее проводивших ночь у гроба, и благополучного исхода для основного героя, включение мотива о том, что герой ложится в гроб, благополучный конец (освобождение девушки от демонической власти и женитьба героя на девушке) — всё это отличает вторую редакцию от первой, а также и от сюжетной схемы „Вия". Следует отметить, что сказки второй редакции в отличие от крестьянской бытовой окраски сказок первой редакции имеют некоторый оттенок церковной легенды: „добрым советником" тут является не дед или мать, но святитель Николай, апостол Петр и т. п.

В литературе о Гоголе был поставлен вопрос, не следует ли народные сказки, обнаруживающие сходство с „Вием", считать фольклоным отзвуком гоголевского „Вия". Подобная постановка вопроса методологически вполне оправдана. Однако, с одной стороны, международное распространение сказок второй редакции, с другой, наличие записей, хронологически предшествующих появлению „Вия", должны убедить нас, что сказки даже и в более поздних записях,— в записи Дыминского, в публикациях Гринченко, Рудченко и др.,—являются записями вариантов той самой сказки, бытовавшей в устной традиции, которой воспользовался как сюжетом для своей повести Гоголь. [1]

---

[1] А. Димінський. «Казки та оповідання з Поділля в записах 1850—1860 рр.» 1928, стр. 55—56, № 111, стр. 52—53, № 108; О. Роздольський. «Галицькі народні казки», «Етногр. Збірн.», 1899, VII, стр. 24, 30, стр. 90—93, № 48, 49; «Етногр. Збірн.» XII, стр. 767, № 170; М. Драгоманов «Малоросийские народные предания и рассказы», 1876, стр. 71.

Из ранних публикаций фольклорных материалов нужно упомянуть стихотворную поэму, снабженную этнографическим комментарием-исследованием о ведьмах, А. Павловского „Ведьма и злодеи, или чудесное происшествие“ (1803). Сама по себе поэма Павловского не представляет интереса, но его рассуждения о ведьме весьма любопытны (В. Сиповський, „Укр. в рос. письм.“, 1928, стр. 263). По мнению А. Павловского, слово „ведьма“ появилось на Украине и оттуда перешло в Россию (стр. 1). Иронизируя, автор замечает, что „в Киеве действительно водятся ведьмы, а особенно по кладбищам и в Шелковичной улице“ (стр. 6). Ср. у Гоголя заключительную реплику Тиберия Горобца, которой заканчивается „Вий“: „Ведь у нас, в Киеве, все бабы, которые сидят на базаре, все — ведьмы“. А. Павловский, между прочим, пересказывает народное поверье, что если ведьму бить, то она оборачивается кошкой, свиньей, змеей, мухой, щукой, — „продолжая битье, можно принудить ее принять вид женщины“ (стр. 5 .

Менее ясен вопрос о происхождении образа Вия. В работах о Гоголе высказывалась мысль о нефольклорном происхождении этого образа. (В. Милорадович, К. Невірова, В. Гиппиус).

До сих пор мы не имеем записей сказок с образом, который соответствовал бы гоголевскому Вию (укр. слово „вій“ — веко). Правда, сходный образ мы находим в сказке № 77 афанасьевского собрания „Иван Быкович“. Ведьма схватывает Ивана Быковича и уносит его в подземелье, где на железной кровати лежит старик, ее муж, с такими длинными бровями и ресницами, что они закрывают ему глаза. Он позвал двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: „Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные: я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?“ Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами, старик взглянул. То же повторяется при второй встрече Ивана Быковича со стариком. Но сказочный старик с длинными веками не наделен чудесным и губительным взором. Сказка развязывается торжеством Ивана Быковича и гибелью старика. Сказка об Иване Быковиче у Афанасьева производит впечатление литературно обработанной, и образ старика, возможно, восходит к гоголевскому Вию. Таким образом, ссылка на сказку

П. Чубинский. «Труды экспедиции», I, стр. 200; II, стр. 27, № 7; стр. 410, № 118; И. Рудченко. «Народные южно-русские сказки», 1870, II, стр. 27 32, № 12; И. Манжура. «Сказки, пословицы», 1890, стр. 60, 136 137; П. Иванов. Сб. Харьк. ист.-фил. о-ва, 1891, III, стр. 202—204; Летопись ист.-фил. фак. Новоросс. унив., 3, стр. 122, 184, № 5; Б. Гринченко, «Этн. материалы», II, стр. 323, № 232; I, стр. 66; Кравченко. «Этн. мат., собр. в Вол. губ.», Труды О-ва иссл. Волыни, т. V, стр. 46—49, № 60; Ястребов. «Мат. по этнографии Новороссийского края“, стр. 64 66; Podbereski. «Materialy do demonologji ludu ukrajinskiego», Zbiór wiadomos'c'ej do antropologji krajowej».

об Иване Быковиче не только не разрешает вопроса о фольклорных источниках образа Вия, но скорее подтверждает мнение, что образ Вия создан самим Гоголем.

Гоголь назвал Вия „повелителем гномов". „Гномов" украинская демонология не знает. В данном случае Гоголь ввел термин, взятый из немецкой мифологии. Вводя его, Гоголь, конечно, допускал терминологическую погрешность, однако, само явление Вия в гоголевской повести не противоречит смене эпизодов сказочного сюжета. Отступление Гоголя от сказочной схемы заключалось в замене „старшей ведьмы" фольклорной традиции нефольклорным образом Вия.

IV

Появление в повести образа Вия — „повелителя гномов" — приводит к более общему вопросу: об отношении повести к западной (в частности, немецкой) романтической традиции. Мысль о зависимости Гоголя от немецких романтиков Тика и Гофмана впервые была высказана С. П. Шевыревым в „Московском Наблюдателе" (1835 г., т. I, стр. 2). Против этой мысли Шевырева решительно выступил Н. Г. Чернышевский в „Очерках гоголевского периода" (соч. Чернышевского, 1906, т. II, стр. 100).

Чернышевский ошибался, отрицая известность Тика в русской читательской среде и знакомство Гоголя с Тиком. Тик был неоднократно переводим на русский язык. Гоголь сам упоминает о Тике; в литературе о Гоголе был сделан ряд сопоставлений произведений Гоголя и Тика (Надеждин. „Телескоп", № 5, 1831; Тихонравов, Соч. Гоголя, I, стр. 516–535; А. К. и Ю. Ф. „Русская Старина", 1902, III, стр. 641–647; Ad. Stender-Petersen. Gogol und die deutsche Romantik, „Euphorion", 1922, XXIV и др.). Но Чернышевский был прав в том, что „пересказыванье" Гоголем фольклорного источника устранило фабульное сходство „Вия" с отдельными произведениями западноевропейских литератур. Для „Страшной мести" и для „Вечера накануне Ивана Купала" могли быть приведены параллели из Тика, для „Вия" — нет.

Близость Гоголя к немецким романтикам сказывается не в сюжете, а в общем литературном колорите „Вия". В изображении переживаний и впечатлений Хомы Брута, когда он несется с ведьмой на плечах, Гоголь как бы намекает на „ночную сторону человеческой психики", которую пытался изобразить в цикле своих сказок Л. Тик. Появление Вия в конце повести соответствует развертыванью сюжета в народной сказке, но то, что в Вии и в гномах подчеркнута их близость к земле, к природе, — это сближает Гоголя с немецким романтизмом.

Одна из деталей текста „Вия“ позволяет обнаружить связь мрачного фантастического колорита повести не только с личными, но и с общественными настроениями Гоголя этой поры: с его своеобразной гражданской скорбью. Имеем в виду эпизод о впечатлении, произведенном покойницей-панночкой на Хому: „Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно-пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь *песню об угнетенном народе*“. Слова „песню об угнетенном народе“ введены в текст настоящего издания из рукописи. В подцензурном печатном тексте этот многозначительный намек был вытравлен (фраза заканчивалась словами: „запел кто-нибудь *песню похоронную*“).

V

В отличие от „Вечеров на хуторе“, где фантастика окружена более или менее условными (чувствительными или комическими) сельскими сценами, фантастика „Вия“ окружена сценами вполне реалистическими — изображениями бурсацкого быта и частично — быта сотниковой дворни, быта (на языке враждебной Гоголю критики) — „низкого“ и „грязного“ Бытовые страницы „Вия“, осуществляя самостоятельное художественное задание, продолжая и совершенствуя начатую в „Вечерах“ линию — демократизации „высокой“ литературы, — вместе с тем даны как антитеза к фантастическим элементам повести, связанным с другим социальным материалом (поместье сотника, панночка).

Как отметил И. Анненский („О формах фантастического у Гоголя“). Гоголь „обывательской невозмутимостью“ Хомы Брута резко оттенил „демоническую фантастику“. Чем равнодушнее реальный dominus Хома, тем страшнее и трагичнее фантастические ночные ужасы, испытываемые Хомой Брутом в церкви у гроба панночки.

В начальных эпизодах „Вия“ с изображением быта киевской бурсы и бурсаков нужно видеть отражение как личных впечатлений Гоголя от разговоров и рассказов, слышанных на Украине, так и впечатлений литературных. Непосредственным литературным предшественником Гоголя в этом отношении был В. Т. Нарежный. О популярности на Украине „Бурсака“ Нарежного (1824 г.) на ряду с „Малороссийской деревней“ Кулжинского и „Монастыркой“ А. Погорельского упоминает Царынный (А. Я. Стороженко) в разборе „Вечеров на хуторе“ в „Сыне Отечества“ 1832 г. „Описание бурсы“ в „Вии“ охарактеризовано Белинским в его статье 1835 г. „О русской повести и повестях Гоголя“ как „немного напо-

минающее бурсу Нарежного". Впоследствии Ап. Григорьев в статье: „Русская литература в 1851 г." мимоходом высказал мысль, что „грубые, так сказать, сырые материалы" для бурсаков в „Вии" можно найти в произведениях Нарежного.

Исчерпывающий анализ текстуальных совпадений „Вия" и „Бурсака" дал Ю. М. Соколов в статье „В. Т. Нарежный" (сб. „Беседы", 1915, I, стр. 96—109). Ср. начало „Вия" с такой картиной Нарежного: „но лишь только раздался звон колокола на семинарской колокольне, как в бурсе раздался басистый голос консула: «Ребята! на работу»". В „Бурсаке" Неон Хлопотинский упоминает о „праве" консула „пить вино, курить табак и носить усы" (гл. II). Ср. у Гоголя о риторе Тиберии Горобце. У Нарежного: „Богословы и философы образуют сенаторов" (гл. II). У Гоголя: „Сенат, состоявший из философов и богословов". Общая характеристика бурсаков, как „голодных" и „вороватых", всегда „стремящихся к насыщению", подсказана Гоголю, вероятно, Нарежным. Описание пения бурсаков под окнами у богатых переяславских мещан у Нарежного непосредственно использовано Гоголем. В „Бурсаке" Нарежного читаем: „Мы остановились под окнами одного видного дома... Вступили мы на двор и стали полукругом около стола сажени за две... Начался духовный концерт"... „Концерт кончен... Когда всё утихло, то ласковый хозяин поднес философу большую чарку водки и сунул в руку сколько-то денег; по приказанию доброй хозяйки в наш мешок высыпана мерка гороха, впущена часть свинины и оставшийся от полдника большой кус жаркой говядины" (гл. II).

В той же второй главе „Бурсака" следует отметить эпизод похода бурсаков на огород. „По прошествии малого времени консул громко произнес: — Не правда ли, братцы, что для перемены в пище не худо было бы на вечер сварить *кашу тыквенную?* Все одобрили такое предложение. Тогда он возгласил: — Неон, Памфиль, Епифан и Аверкий залезут в ближайший огород и будут рвать там тыквы и что попадется, ибо всё устроено на потребу человека, а риторы Максим и Лукьян станут у забора с мешками для принятия добычи. Когда смерклось, то будущие мои товарищи в сем ночном подвиге начали приготовляться". Дальше Нарежный изображает сцену набега на соседний огород. Ср. сходный эпизод у Гоголя.

Описание путешествия компании бурсаков, расходящихся на вакации, по хуторам, соответствует у Гоголя началу другого романа Нарежного, — „Два Ивана или страсть к тяжбам".

С другой стороны, необходимо отметить у Гоголя ряд фактических деталей бурсацкого быта, которых нет у Нарежного. Так, у Нарежного бурсаков бьют по ладоням деревянными лопатками; по Гоголю риториков „по пальцам" били „розгами", богословов — „коротенькими кожаными

канчуками", что же касается „деревянных лопаток", то они, как утверждает Гоголь, были предназначены специально для философов. Сюртуки, простирающиеся до пят, „по сие время", описание приготовления уроков, роль авдиторов и цензоров, кулачные бои — всех этих деталей у Нарежного нет. Ю. Соколов, указав, что „у Гоголя встречаем также семинарские должности авдиторов и цензоров, у Нарежного же нет.... ни цензоров, ни аудиторов", замечает: „Некоторое сходство (в описании облика философа, в упоминании об авдиторах и кондициях, не отмечаемых Нарежным) с деталями «Вия» мы находим в «Федюше Мотовильском», сочинении учителя Гоголя, Кулжинского, вышедшем в 1833 г.". Н. Белозерская („В. Т. Нарежный", стр. 108) указывает как на общий источник в изображении бурсы и для Нарежного и для Гоголя — на описание бурсы в книге Шафонского, написанной в Чернигове в 1786 г. и хотя напечатанной только в 1851, но распространенной в списках. Впрочем, по мнению Н. Белозерской, совпадения у Шафонского и Нарежного объяснимы общим объектом описания. К мнению Н. Белозерской присоединяется и Ю. Соколов, отмечающий, что „описание бурсы Шафонского далеко не покрывает картин, данных Нарежным и Гоголем" (стр. 108).

На желание Гоголя придать повести некоторый исторический колорит указывает характеристика отца панночки, как „именитого сотника". Гоголь этим отмечает специфическую особенность провинциального управления на Украине, в основе которого лежало полковое устройство, обратившееся впоследствии в территориальное. Хотя Гоголь называет „сотника" „именитым" и „одним из богатейших", однако должность „сотника" не принадлежала к высшим в полку. „Решительные пункты" 1728 г. устанавливали такой порядок замещения должностей: кандидатов на сотника выбирают сотенные казаки, кандидатов на должности полковой старшины — полковая старшина совместно с сотниками, представляя кандидатов на утверждение гетмана. Хотя замещение сотничьей должности должно было принадлежать казакам данной сотни однако очень часто сотники не выбирались, а просто назначались полковниками. Позднейшая инструкция Разумовского, подтверждая порядок выбора сотников, фактически передала их выбор старшине данной сотни, а не казакам. Сотнику подчинялись атаманы, стоявшие во главе сельских „громад" (общин); последние пользовались правами самоуправления, и атаманы были выборными.[1]

Вопрос о времени, к которому приурочено действие „Вия", не вполне ясен. Гоголь говорит в „Вии" о *Киевской семинарии*: „Как только ударял в Киеве поутру довольно звонкий *семинарский* колокол, ... висевший

---

[1] А. Шафонский. „Черниговского наместничества топографическое описание" и пр., Киев, 1851, стр. 65, 67.

у ворот Братского монастыря"... „По приходе в *семинарию* вся толпа размещалась по классам"... „В торжественные дни и праздники *семинаристы и бурсаки* отправлялись по домам с вертепами"... „Самое торжественное для *семинарии* событие было — вакансии". Хома Брут именуется „киевским семинаристом". Умирая, панночка говорит отцу: „Пошли, тату сей же час в *киевскую семинарию* и привези бурсака Хому Брута". Киевская семинария была открыта в 1817 году (преобразована из „преждебывшей" Киевской академии, помещавшейся в Братском монастыре). Если считаться с тем, что у Гоголя фигурирует Киевская семинария, а не академия (в „Тарасе Бульбе" — академия), приходится отнести время действия „Вия" к 20-м годам XIX ст., между тем как общий колорит повести позволяет предположить, что Гоголь думал время действия повести приурочить если не к XVII, то к XVIII ст., отодвинуть его в более или менее неопределенное прошлое. Весьма вероятно, что Гоголь, говоря о „бурсе" и „семинарии", исходил из некоторого общего недифференцированного представления о духовном учебном заведении.

Однако некоторые детали указывают именно на *академию*, а не на *семинарию*. Так, например, Гоголь называет в числе бурсаков — грамматиков, риторов, философов и богословов. Но грамматического отделения в курсе Киевской семинарии не было. В Киевской *академии* XVIII ст., существовавшей *до* основания Киевской семинарии, действительно были не только риторы, философы, богословы, но и грамматики. В Академии середины XVIII ст. были: нижний грамматический класс, средний грамматический класс, высший грамматический класс, класс поэзии, класс риторики, класс высшего красноречия, класс философский и богословский класс (В. Аскоченский. „Киев с древнейшим его училищем", Киев, 1856, ч. II, стр. 399—401, ср. стр. 251—254).

Что касается самого слова „бурса", то оно в украинском языке обозначает: 1) общежитие, 2) толпа, гурьба, группа. У Гоголя в первом смысле общежитие. Слушатели Киевской академии жили по квартирам, снимаемым у мещан, „по приходам" в избах, „приходских школах" и в „сиротском доме". Жившие по приходским школам и в сиротском доме образовывали общежития на артельных началах, т. е. „бурсы" в собственном смысле слова. Нарежный в „Бурсаке" так объясняет слово „бурса": „Есть многие сельские и иногородние отцы, кои, охотно желая видеть сыновей своих учеными, по бедности не в силах содержать их в городе, где понадобилось бы платить за квартиру и пищу. Чтобы и таковым доставить посильные способы к образованию, то помощью вкладов щедрых обывателей и по распоряжению монастырей при каждой семинарии устроены просторные избы с печью или двумя, окруженные внутри широкими лавками; на счет также монастырей снабжаются они отоплением и более

ничем. Сии-то избы и называются бурсами, а проживающие в них школьники — бурсаками".

Различая „семинаристов" и „бурсаков", говоря о „наследственной неприязни" между семинарией и бурсой, Гоголь либо имел в виду антагонизм между беднотой, жившей в бурсе, и более обеспеченной своекоштной частью семинаристов, либо переносил в неопределенное время действия „Вия" современный ему антагонизм между семинаристами и учениками духовного училища — „бурсаками".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Специальная литература о „Вии" незначительна. Статьи о „Вии" посвящены или вопросу о фольклорных источниках „Вия", или же вопросу об отношении повести Гоголя к повестям Нарежного.

1. Н. Ф. Сумцов. Параллели к повести Н. В. Гоголя „Вий", „Киевская Старина", 1892, кн. III, ст. 472—479.
2. В. И. Шенрок. Происхождение повести „Вий" и отношение ее к народным малороссийским сказкам", „Материалы для биографии Гоголя", II, М., 1893, стр. 69—78, дополнения на стр. 381—382.
3. В. Милорадович. К вопросу об источниках „Вия", „Киевская Старина", 1896, кн. IX, стр. 45—48.
4. Н. Петров. Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Н. В. Гоголя. „Чтения в О-ве Нестора летописца", 1902, кн. XVI (упоминание о сходстве „Вия" с легендами о Шелудивом Буняке).
5. К. Невірова. Мотиви української демонольогії в „Вечерах" та „Миргороді" Гоголя. „Записки Укр. наук. т-ва в Київі", 1909, кн. V, стр. 42—49, 52—54.
6. Ю. М. Соколов, Нарежный и Гоголь, Беседы, „Сб. О-ва ист. лит.", М., 1915, стр. 96—109.
7. Г. Чудаков. Отражение мотивов народной словесности в произведениях Гоголя, „Киев. Унив. Изв.," 1906, кн. VII, стр. 29—32.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ.

I

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Н — „Новоселье", Часть вторая. СПб., 1834, стр. 479—569.
М — „Миргород". Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н. Гоголя. Часть вторая, СПб., 1835.
П — Сочинения Николая Гоголя. Том второй: „Миргород". СПб., 1842.

В настоящем издании печатается по „Миргороду" 1835 г. с исправлениями по „Новоселью" и „Сочинениям" 1842 г. Предисловие печатается по экземпляру „Миргорода" 1835 г., хранящемуся в Библиотеке Академии Наук СССР (Ленинград). Шифр IV6, 211.

II

При жизни Гоголя „Повесть о том, как поссорился..." была напечатана трижды: 1) в альманахе Смирдина „Новоселье" (часть вторая, СПб., 1834, стр. 479—569), 2) в „Миргороде" (СПб., 1835, стр. 95—215) и 3) в „Сочинениях Николая Гоголя" (т. II, СПб., 1842, стр. 383—483). Рукопись повести до нас не дошла. В „Миргороде" повесть перепечатывалась, повидимому, с текста „Новоселья", о чем свидетельствуют отдельные опечатки,

перешедшие из „Новоселья“ в „Миргород“. В основу текста настоящего издания положен текст „Миргорода“ изд. 1835 г., поскольку в „Миргороде“ повесть печаталась вторично под наблюдением Гоголя, внесшего в текст ряд изменений и поправок. Издание 1842 г., печатавшееся под наблюдением Н. Я. Прокоповича, отличается довольно многочисленными, но малосущественными разночтениями, большая часть которых, несомненно, объясняется правкой Прокоповича. Поправки, внесенные Прокоповичем, сводятся главным образом к устранению грамматических неправильностей и лишь изредка дают варианты, имеющие стилистический характер. Явные опечатки, которые имеются в тексте „Миргорода“ и возникли по недосмотру Гоголя, в настоящем издании выправлены по „Новоселью“ и „Сочинениям Н. Гоголя“ 1842 г. Поправки издания 1842 г., которые по всем данным принадлежат Прокоповичу, в текст не вводятся. В издании 1855 г. (Трушковского) листы корректуры „Повести о том, как поссорился...“ просмотрены Гоголем не были, а был перепечатан текст „Сочинений Н. Гоголя“ 1842 г., поэтому в вариантах это издание не учитывается.

Хотя в тексте „Миргорода“ по сравнению с текстом „Новоселья“ разночтений немного, тем не менее эти разночтения свидетельствуют о том, что текст „Миргорода“ был целиком просмотрен и выправлен Гоголем В ряде случаев исправлены некоторые опечатки, малоудачные выражения и обороты, допущенные при первом печатании; например: „и несмотря что Иван Никифорович был несколько похож на сливу“ исправляется на: „и несмотря, что *нос* Ивана Никифоровича был несколько похож на сливу“. В „Новоселье“ городничий „водное пространство“, т. е. „лужу“ „называет *из амбиции* озером“, в „Миргороде“ это переделывается на „называет озером“; вместо „конопляннного масла“, в „Миргороде“ оставлено просто „масло“.

Появившиеся впервые в издании 1842 г. в конце главы 1-й слова „*за то .... веру*“ следует признать дополнением самого Гоголя. Оно выпадает из всей системы правок Прокоповича, который нигде не позволял себе дополнений, ограничиваясь лишь исправлением гоголевского языка. Очевидно, вставка эта сделана Прокоповичем по указанию Гоголя.

В экземпляре „Миргорода“ изд. 1835 г., хранящемся в Библиотеке Академии Наук СССР (шифр IV6, 211, ч. II, стр. 93) имеется предисловие к повести, отсутствующее во всех других экземплярах этой книги. Этим, вероятно, объясняется, что предисловие Гоголя к „Повести о том, как поссорился...“ оставалось до сих пор неизвестным. Предисловие было впервые опубликовано в книге: „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“ под ред. В. В. Гиппиуса, I, Изд-во Академии Наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 5. В настоящем издании это предисловие вводится в текст повести впервые.

Предисловие подчеркивает сатирический замысел повести, ее обличительную направленность и социальную обобщенность. Это заставляет тщательным образом рассмотреть вопрос о причинах изъятия предисловия из уже сверстанной и, вероятно, частично отпечатанной книги.

В альманахе „Новоселье" (ч. II, СПб., 1834, стр. 479—569), где повесть впервые напечатана, предисловия не было, имелся лишь подзаголовок „Одна из неизданных былей Пасечника рудого Панька". Предисловие, повидимому, было написано позже окончания повести, при подготовке „Миргорода" к печати в самом конце 1834 г. (цензурное разрешение датировано 29 декабря 1834 г.).

Прохождение повести через цензуру при напечатании ее в альманахе „Новоселье" в 1834 г. повлекло за собой изъятие „некоторых непропущенных мест", как об этом сообщает цензор А. В. Никитенко, и к столкновению на этой почве с ним Гоголя. Об этом недовольстве Гоголя цензурой сохранилось свидетельство самого А. В. Никитенко, который записывает в своем дневнике от 14 апреля 1834 г.: „Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в Новоселье" (А. В. Никитенко. „Записки и дневник", изд. 2, ч. I, стр. 242). Нам неизвестно, что́ именно в повести не было пропущено цензурой, но выражение Никитенко, „некоторые непропущенные *места*" заставляет предполагать, что он имел в виду представленный в цензуру текст самой повести, а не предисловие, состоящее всего из нескольких строк. Поскольку же Никитенко сделал запись в дневнике непосредственно во время прохождения повести через цензуру (цензурное разрешение „Новоселья" датировано „апреля 18 дня 1834 года", т. е. через 4 дня после записи в дневнике), здесь трудно допустить какую-либо ошибку.

Предисловие к повести, повидимому, было написано Гоголем в ответ на эти цензурные купюры. „Предуведомление" о том, что „происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени" и является „притом" „совершенной выдумкой" имеет явно иронический характер. Якобы благонамеренное утверждение, что „теперь" „все сановники: судья, подсудок и городничий люди почтенные и благонамеренные" в соседстве с заявлением о том, что „лужа среди города давно уже высохла" заставляют подозревать в предисловии замаскированную полемику с цензурой, намек на какие-то обвинения в „неблагонамеренности", которыми, вероятно, мотивировано было цензурное запрещение „некоторых мест" повести. Некоторые обстоятельства, относящиеся ко времени прохождения через цензуру и печатания „Миргорода", отчасти проясняют историю появления этого предисловия.

Прохождение „Миргорода" через цензуру совпало со временем отбывания цензором А. В. Никитенко заключения на гауптвахте (с 16 по

25 декабря 1834 г.) за пропуск перевода стихотворения В. Гюго в „Библиотеке для чтения". Цензуровал „Миргород" В. Н. Семенов; цензурное разрешение им подписано было 29 декабря 1834 г. Гоголь, вероятно, воспользовался отсутствием Никитенко и своим личным знакомством с цензором В. Н. Семеновым, которому „он читал свои произведения не только как хорошему знакомому, но и как цензору, спрашивая его о том, удобно или неудобно прочитанное к печати",[1] и предпослал „Повести о том, как поссорился..." это предисловие. Это тем более вероятно, что Семенов мог и не знать о конфликте Гоголя с Никитенко при напечатании повести в „Новоселье" и не обратить внимания на замаскированную иронию предисловия.

Возвращение Никитенко и привело, повидимому, к изъятию предисловия. Возможно, что, узнав о возвращении Никитенко, Гоголь и сам изъял предисловие во избежание недоразумений. Письмо Гоголя к Никитенко от 24 января 1835 г., т. е. вскоре после освобождения Никитенко, может быть поставлено в связь с этими обстоятельствами. Гоголь в этом письме выражает сожаление о том, что не застал Никитенко лично и пишет: „мне бы нужно было о многом переговорить с Вами таком, что на бумаге как-то не может говориться".[2]

Поскольку изъятие предисловия произошло, как с полной уверенностью можно полагать, по причинам цензурного порядка, мы вправе восстановить предисловие в основном тексте гоголевской повести. Невключение предисловия в издание 1842 г. может быть объяснено как неотпавшими цензурными соображениями, так и тем, что обстоятельства, которыми было вызвано полемическое предисловие, утратили для Гоголя значение.

Наибольшие трудности вызывает вопрос о времени написания „Повести о том, как поссорился...". В альманахе „Новоселье" повесть подписана псевдонимом „Рудый Панько" и датирована 1831 г. В письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г. Гоголь, извиняясь в том, что не может ничего дать для его альманаха „Денница", писал: „У меня есть сто разных начал, и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха. Смирдин из других уже рук достал одну мою старинную повесть, о которой я совсем было позабыл и которую я стыжусь назвать своею; впрочем, она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах". На ряду с этим Пушкин в своем дневнике записывает 3 декабря 1833 г.: „Вчера Гоголь читал мне сказку как Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ поссорился с Ив⟨аном⟩ Тимоф⟨еичем⟩ — очень оригинально

---

[1] „Русский Мир", 1860, № 97, стр. 618—619.

[2] „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, стр. 49.

и очень смешно" („Дневник А. С. Пушкина", ГИЗ, М., стр 38). Сопоставив историю возникновения альманаха „Новоселье" с записью в дневнике Пушкина, Тихонравов пришел к следующему выводу: „Нельзя допустить, чтобы Гоголь решился читать Пушкину повесть, которой «сам стыдился». Полагаем, что повесть отдана была на суд Пушкина в окончательной уже редакции. Крайним пунктом, к которому может быть приурочена эта редакция, на основании письма к Максимовичу и заметки Пушкина, можно принять или начало ноября 1833 г., или начало апреля 1834 г.[1] К более ранней эпохе мог относиться лишь первоначальный набросок повести" (Соч., 10 изд., т. I, стр. 703). Вслед за Тихонравовым относит время написания повести к концу 1833 г. и Н. Коробка, указывая, что „датирование более ранним временем — обычный прием Гоголя" („Собр. соч. Гоголя", изд. „Деятель", т. II, стр. 422).

К этим соображениям необходимо добавить, что художественная манера бытового гротеска и сатиры значительно отличает „Повесть о том, как поссорился..." от повестей „Вечеров на хуторе" и приближает к таким вещам Гоголя, как „Ревизор" и „Мертвые души". Всё это делает более вероятной датировку повести 1833, а не 1831 годом.

Предельной датой окончания „Повести о том, как поссорился..." является 9 ноября 1833 г. — дата приведенного выше письма Гоголя к Максимовичу с упоминанием об этой повести. Более точной датировке „Повесть" не поддается. История издания альманаха „Новоселье" дает основание предположить, что повесть могла быть передана А. Смирдину еще в течение 1832 г. или в начале 1833 г. Так, в предисловии к 1-й книге альманаха (цензурное разрешение 1 февраля 1833 г.) Смирдин сообщает „Пустой случай — перемещение книжного магазина моего на Невский проспект (19 февраля 1832 г.) доставил мне счастие видеть у себя на новоселье почти всех известных литераторов. — Гости-литераторы, из особенной благосклонности ко мне, вызвались, по предложению В. А. Жуковского, подарить меня на новоселье каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издана нами. Присланных статей достаточно было бы для составления другой такой же книги".

Но скорее всего „Повесть" была передана Смирдину после 1 февраля 1833 г. В пользу более поздней даты говорит то обстоятельство, что повесть не была известна Пушкину до его отъезда из Петербурга, т. е. до 17 июля 1833 г., а прочтена ему только после возвращения Пушкина из поездки в Оренбург и Болдино (Пушкин вернулся 20 ноября).

---

[1] Н. Тихонравов исходил в примечаниях к „Повести о том, как поссорился..." из неверной датировки дневниковой записи Пушкина, относя ее к 7 апреля 1834 г., и потому ошибочно переносил „крайний пункт" „окончательной редакции" повести к началу апреля 1834 г. („Соч. Гоголя", 10 изд., т. I, стр. 703).

III

„Повесть о том, как поссорился...“ при всей самостоятельности и творческой оригинальности Гоголя связана в известной мере с предшествующей литературой, в первую очередь — с романом В. Т. Нарежного „Два Ивана, или страсть к тяжбам“ (М., 1825). Вопрос о значении Нарежного для творчества Гоголя ставился неоднократно. Сопоставлением „влияния“ Нарежного на Гоголя и в частности разысканиями следов этого влияния в „Повести о том...“ занимались Н. Белозерская („В. Т. Нарежный“, 2 изд., СПб., 1896), Б. Катранов („Гоголь и его украинские повести“, „Филологические записки“, 1909, вып. VI), Н. Петров („Следы литературных влияний в произведениях Н. В. Гоголя“, „Чтения в церковно-истор. и археолог. об-ве при Киевск. духовн. академии“, 1902, вып. IV), В. Данилов („Земляк и предтеча Гоголя“, Киев, 1906 г.), А. П. Кадлубовский („Гоголь в его отношениях к старинной малорусской литературе“, Нежин, 1911 г.), Ю. Соколов („В. Т. Нарежный“, „Беседы“, I, М., 1915), не говоря уже о многочисленных упоминаниях об этом в ряде монографий о Гоголе и в общих курсах истории литературы. Однако дальше сопоставления сюжетных эпизодов и отдельных цитатных параллелей никто из исследователей этого вопроса не пошел.

В основу сюжета „Двух Иванов“ Нарежного положена бесконечная и разорительная тяжба между панами Иванами и паном Харитоном Занозой, возникшая из-за пустячной причины: „кролики из саду Ивана старшего залезли в сад пана Харитона, напроказили, были побиты или изувечены — и вот источник бесчисленных хлопот, великих издержек и наконец разорения. Сколько мы ни увещевали своих родственников кинуть гибельные тяжбы и довольствоваться остатками имения; нет: страсть к позыванью усиливалась в них с каждою новою пакостию, от одного другому делаемою“ („Два Ивана“, М., 1825, ч. II, стр. 65—66).

Бесконечные тяжбы среди украинской шляхты были широко распространенным явлением, и вполне возможно, что замысел „Повести о том, как поссорился...“ возник у Гоголя независимо от Нарежного, под влиянием бытовых впечатлений.[1] Так, например, в письме к матери от 30 апреля 1829 г. Гоголь спрашивает о тяжбе, связанной с его семьей: „Свидетельствую мое почтение дедушке (т. е. И. М. Косяровскому). Скажите пожалуйста, что его тяжба? Имеет ли конец?“. Возможно, что в этой повести, как и в „Старосветских помещиках“, был использован

---

[1] Осуждение помещичьих „тяжб“, сожаление о патриархальном прошлом украинского дворянства мы встречаем и в предисловии И. Кулжинского (учителя Гоголя по Нежинскому лицею) к книге „Малороссийская деревня“ (М., 1827 г.).

материал домашних воспоминаний и впечатлений от поездки на родину в 1832 г.

Фактическое, бытовое происхождение сюжета повести подтверждается и показанием А. О. Смирновой, которая, говоря о детских воспоминаниях Гоголя, отмечает, что „ссора Ивана Ивановича с соседом тоже взята с натуры" (А. О. Смирнова, „Автобиография", изд. „Мир", М., 1931, стр. 310).

При всем том значение „Двух Иванов" Нарежного не отпадает не только потому, что Нарежный первый на аналогичном украинском бытовом материале разработал эту тему, но и потому, что целый ряд второстепенных деталей (незначительность повода к ссоре, судебные документы, поджог мельницы, соответствующий разрушению гусятника, дублирование имен двух Иванов) свидетельствует об учете и известном использовании Гоголем романа Нарежного.

Однако уяснить отношение Гоголя к Нарежному можно лишь исходя из предпосылок не о влиянии Нарежного на Гоголя, а о *борьбе* Гоголя с Нарежным.

В „Двух Иванах" Нарежного (1825 г.) сложная интрига (с переодеваниями и прочими атрибутами авантюрного романа) и нравоучительно-сентиментальные штампы в значительной мере оттеснили тот бытовой сатирический материал, который становится основным в повести Гоголя. Нарежный являлся предшественником Гоголя в сатирическом изображении действительности. Однако именно эта „реалистическая" направленность его романов („Российский Жилблаз", СПб., 1814; „Аристион", СПб., 1822; „Два Ивана", М., 1825; „Черный год", СПб., 1829), сочетавшаяся с „грубостью" нравоописательной сатиры, явилась причиной того, что романы Нарежного были единодушно осуждены критикой 20-х годов за недостаток „образованного вкуса".[1]

Отрицательная оценка бытоописательных и сатирических тенденций творчества Нарежного во многом предваряла те нападки на Гоголя, в частности на его „Повесть о том, как поссорился...", которые, начиная с 1834 г., делались со стороны „Северной Пчелы" и „Библиотеки для чтения". Однако Гоголю, в отличие от Нарежного, чужда идущая от XVIII века схематическая морализация и грубоватая упрощенность нравоописания. Идеологическая позиция Гоголя и его художественные принципы в это время гораздо сложнее. Если Нарежный завершал „Двух Иванов" счастливым концом и примирением, то пессимистический конец „Повести о том, как поссорился..." свидетельствует, что Гоголь в этот период творчества сомне-

---

[1] „Московский Телеграф", 1825, I, № 1; „Северная Пчела", 1825, № 94. Рецензент „Литературных Листков", говоря о Нарежном, указывал, что „все его картины принадлежат к фламандской школе и дают ему право на славу русского Теньера" („Литературные Листки", 1824, IV, стр. 49) — сравнение, затем неоднократно применявшееся и к Гоголю.

вается в таком выходе из социальных противоречий и дворянского разорения, как патриархальная идиллия, проповедуемая Нарежным в „Двух Иванах". Гоголь усиливает сатирические и бытоописательные элементы, бывшие уже у Нарежного, отбрасывая традиционно-авантюрные и нравоучительно-сентиментальные стороны его творчества. Преодоление Нарежного шло у Гоголя в „Повести о том, как поссорился..." как в направлении сатирического заострения фабулы и темы, так и по линии упрощения сюжета, и освобождения от традиционных сюжетных ситуаций, характерных для романа XVIII века.

Вместе с тем Нарежный являлся тем звеном, которое связывало Гоголя с традициями нравоописательной литературы XVIII в. На ряду с влиянием украинской пародийной и водевильной литературы: „Энеиды" и „Москаля-Чарівника" И. Котляревского, комедий Гоголя-отца, имевших значение для тех „фарсовых" и комедийных элементов гоголевской сатиры, которые частью современной критики определялись, как „грязные", — романы Нарежного давали Гоголю не только фактический материал, но и открывали путь к „реалистическому" бытописанию.

Этим объясняется, что в „Повести о том, как поссорился..." имеются отдельные ситуации и детали, которые восходят непосредственно к „Двум Иванам" Нарежного. Помимо общности темы и ряда сюжетных совпадений сюда относится и использование судебных документов. „Просьбы", поданные Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем в поветовый суд, в значительной мере сходны с решениями сотенной канцелярии в романе „Два Ивана": они пародируют формы судебных бумаг той эпохи. Однако, при всем стилистическом сходстве с решением сотенной канцелярии у Нарежного, „просьбы" гоголевских героев восходят не только к Нарежному, но и к фактическим документам, несомненно, известным Гоголю. Это подтверждается совпадением одного из выражений в заявлении Ивана Никифоровича с документом, переписанным Гоголем-гимназистом в тетрадь: „Книга всякой всячины, или подручная энциклопедия, составл. Н. Г. — Нежин, 1826 г." (см. Соч., 10 изд., т. VII, стр. 873). В одном из этих документов имеется следующее место: „Мы, уряд вышеспецификованный, выслушавши сию пред богом и пред людьми нечестную ставу, аж об полы руками есмы ударились; велели сию неверную Вацьку добре барбарами шмароваты и пану сотникови вечно в пекарню отдаты и сию справу до книг местных приточиты" (т. VII, стр. 875). Выражение „добре барбарами шмаровать" перешло целиком в текст прошения Ивана Никифоровича. По стилю и самому характеру языка близок к прошениям повести и первый документ, записанный Гоголем в „Книге всякой всячины": „Тоби скурвому сыну Васылю Сологубу нехай буде видомо, иж доносит нам жалобство Пан Антон Трохимович сотник Сребрянский, же ты по своей мужицкой глупости поважилесь лице наш Реиментарский указ под

варукою тысячи талерей, по жалобе ж его, пана сотника, пред сим в по-; вовом листе до тебе выраженной, не тильки овец по договору не отдалесь, але и пред суд войсковый генеральный до нас в обоз не сталесь..." (там же, стр. 874—875).

Вполне вероятно, что Гоголь использовал здесь также и распространенные тогда канцелярские формы как образец для стиля жалобы в поветовый суд. См., например, „Всеобщий стряпчий или поверенный, показующий формы и обряды, как и на какой бумаге пишутся..." Ивана Маркова книга эта в 1821 г. вышла 6-м изданием.

При характеристике источников, которые сказались в „Повести о том, как поссорился...", необходимо учесть сопоставления ранних повестей Гоголя („Вечеров на хуторе близ Диканьки") с украинским вертепом, указанные В. А. Розовым.[1]

В частности, в „Повести о том, как поссорился..." к вертепу восходит один из эпизодов повести — разговор Ивана Ивановича с нищенкой, который имеется в записях вертепного текста у Н. Маркевича в его книге „Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян" (Киев, 1860) и в тексте „Сокиринского вертепа", записанном в Полтавской губернии, куда он был занесен киевскими бурсаками в конце XVIII в. Текст „Сокиринского вертепа" лишь недавно полностью опубликован в книге „Український вертеп" (вип. I, Київ, 1929), дающей наиболее полный и точный текст его, известный ранее по записи Галагана.

Приводим здесь сцену между „запорожцем" и „цыганкой" по „сокиринским" текстам вертепа, явление 15 (стр. 84—85):

Циганка: Не жалуй батеньку копєчки
Да дай дві.
Запорожец: Що ти Циганко кажеш?
Бо я признаться
Як хто чого просить недочуваю.

. . . . . .

Запорожец: На що тобі або за що?
Скажи міні, будь ласкава.
Циганка: Я б собі, мій голубе сизий,
Рибки купила.
Запорожец: А може б ти Циганко
И товченики їла?
Циганка: Їла б, козаче бурлаче.
Да де то їх узяти!

---

[1] В. А. Розов. „Традиционные типы малорусского театра XVII—XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя", Киев, 1911.

Запорожец: Оцаплена твоя голова.
Чому ти міні давно не сказала?
Я б тобі отцю повну пазушину
Наздавав — от дивись, от тобі товченики.

(Бьет Цыганку и прогоняет, а сам танцует).

Эта сценка показательна в том отношении, что дает фактическое подтверждение влияния на Гоголя украинского вертепа, который он, вероятно, неоднократно видел в детстве. Точно так же описание Гоголем вертепа в самом тексте „Повести о том, как поссорился..." (см. стр. 229) подчеркивает значение вертепного представления для характера всей повести. Следует учесть и упоминание о вертепных представлениях, виденных в начале 800-х годов соседкою Гоголя по имению, часто гостившей в Кибенцах, С. В. Скалон („Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 20-х годов", т. I, М., 1931, стр. 305). От фарсовых, буффонадных сцен вертепа, от комедий Гоголя-отца („Простак", „Собака-вівця"), от „Москаля-чарівника" Котляревского идет целый ряд комических приемов Гоголя: Иван Никифорович, не пролезающий через дверь, бурая свинья, похищающая бумагу, и т. п.[1]

Говоря о литературном фоне „Повести о том, как поссорился...", необходимо учесть также стилизованный характер ее заглавия и названий глав, восходящих к авантюрно-нравоописательной традиции конца XVIII в. В библиотеке Д. П. Трощинского, которой Гоголь пользовался, имелся целый ряд романов и повестей с заглавиями такого типа, частью нравоописательного, частью авантюрно-сказочного характера (обычно — переводов с французского).[2] В росписи Смирдина имеется до 50 номеров аналогичных названий. Еще более подчеркнуто-литературный характер носят названия глав, восходящие к переводным романам, в первую

---

[1] В дошедших до нас текстах украинского вертепа имеется „шкодливая свинья", которая

Весь город .... порила,
Капусту і пастернак поїла,

появляющаяся в конце вертепного представления („Український вертеп", стр. 102, явление 23).

[2] „Повесть забавная о двух турках в бытность их во Франции", пер. с франц., 2 чч., 2 изд., СПб., 1781 (библ. Тр. 3717); „Повесть о страстях или приключения г-на Шрупа", 2 чч., пер. с франц., СПб., 1789 (библ. Тр. 3718); „Повесть о трех сыновьях паши Алия и трех дочерях правителя Александрийского Сирока". Турецкая сказка, пер. с франц., 1781 (3719); „Повесть о трех татарских государях, сынах Аюб-Хана, или опыт полезного владения", перев. с франц., СПб., 1784 (библ. Тр. 3720) и др.

очередь к „Жиль-Блазу“ Лесажа, пользовавшемуся в конце XVIII и начале XIX вв. особенно широкой известностью, к „Дон Кихоту“ Сервантеса „Комическому роману“ Скарона, к романам Фильдинга, неоднократно переводившимся в то время.

Такие названия глав в „Повести о том, как поссорился...“, как „Глава IV. О том, что произошло в присутствии миргородского поветового суда“, или „Глава III. Что произошло после ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем“,— напоминают названия глав в „Жиль-Блазе“, как например: „Глава V. Что сделала Аврора Гусман, приехавши в Саламанку“, или „Глава I. Что сделали Жиль Блаз и его товарищи, расставшись с графом Поланом“, и т. п.[1]

Заголовки в роде „Глава VI, из которой читатель легко может узнать все, что в ней содержится“, или „Глава VII и последняя“ можно сопоставить с названиями глав в романе Фильдинга „Том Джонс“ („Том Ионес или найденыш“, изд. 2, М., 1787), например, „Глава III, которая еще важнее прежней“ или „Глава X, которая хотя кратка, однако может быть жалостна“ и т. п.

Во всей манере повествования, в сюжетном построении „Повести о том, как поссорился...“, в манере рисовки действующих лиц и самых методах комического сказа — отразилось и влияние известного романа Л. Стерна „Жизнь и мнения Тристрама Шенди“ (вышедшего в русском переводе в начале восьмисотых годов). Комический алогизм, нагромождение деталей, авторские отступления, не имеющие прямого отношения к действию, принципы речевой характеристики персонажей — во многом перекликаются со Стерном. Эту связь Гоголя со Стерном усматривали и современники („Библиотека для чтения“, 1836, № 4; см. также „Северная Пчела“, „Журнальная всякая всячина“, 1845, № 106).

Значение „Повести о том...“ для дальнейшей литературной эволюции, для образования „натуральной школы“ засвидетельствовано как рядом произведений начала 40-х годов, восходящих к этой повести, так и теми упоминаниями о ней, которые в связи с полемикой о „натуральной школе“ неоднократно раздавались и в 40-х годах. Так например, Л. Брандт, один из второстепенных писателей 40-х годов, писал: „С того достопамятного дня когда Гоголь выдал в свет повесть свою, названную этими знаменитыми и злополучными именами (т. е. Иван Иванович и Иван Никифорович), за ним потянулась целая стая подражателей... („Воспоминания и очерки жизни“, 1839, ч. I, стр. 172).

Значение „Повести о том, как поссорился...“ для образования принципов и поэтики „натуральной школы“ не раз отмечала враждебная Гоголю

---

[1] „Жилблаз де Сатиллана“. Сочинение Лесажа. СПб., 1819 8 частей.

реакционная критика Булгарина и Сенковского. Булгарин, ожесточенно боровшийся с писателями натуральной школы, в своем фельетоне-рецензии на „Юмористические рассказы нашего времени“ полемизируя с Белинским как идеологом „натуральной школы“, указывает как на источник „нового направления“ на „Повесть о том, как поссорился...“ („Северная Пчела“, 1846, № 11, стр. 42—43).

Влияние „Повести о том, как поссорился...“ отразилось в произведениях писателей „натуральной школы“ и вызвало ряд непосредственно к ней восходящих повестей; например, П. Мельникова „Рассказ о том, кто такой был Елпидифор Перфильевич и какие приготовления делались в Чернограде к его именинам“ („Литературная Газета“, 1840, № 52 и 80), „Похождения и странные приключения лысого и безносого жениха Фомы Фомича Завардынина“, М., 1840 и др. (см. в книге В. В. Виноградова „Этюды о стиле Гоголя“, Л., 1926).

Этим влиянием и значением повести объясняется и появление пародий на нее. См., например, в „Сыне Отечества“ за 1839 г. (т. IX, отд. „Проза“), в числе „Отрывков из повестей в новейшем, современном вкусе“,— „Отрывок из гумористически-шутливой повести“, являвшийся откровенной пародией на „Повесть о том, как поссорился...“ (В. Виноградов, назв. книга, стр. 21—30). Ср. также пародию на „Повесть“ в „Бедных людях“ Ф. М. Достоевского (в письме Макара Девушкина от 26 июня).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Н. В. Гоголь. Литография А. Г. Венецианова, 1834 г. Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Москва) . . . . . 4—5
Титульный лист „Миргорода“ (1835) 5
„Тарас Бульба“, начало главы I. Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 1 . . . . . 48—49
„Тарас Бульба“, начало главы V. Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 25 . . . . . 368—369
„Тарас Бульба“, глава V. Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 27 . . . . . 376—377
„Тарас Бульба“, глава VII (по окончательному счету). Рукопись библ. Украинской Академии Наук (Киев), л. 62 416—417
„Тарас Бульба“, глава VII (по окончательному счету). Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 63 об. . . . . 418—419
„Тарас Бульба“, начало главы VIII (по окончательному счету). Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 65 . . . . . 424—425
„Тарас Бульба“, отрывок главы IX (по окончательному счету). Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 79 . . . . . 443—449
„Тарас Бульба“, первоначальный набросок отрывка гл. IX (по окончательному счету). Рукопись библиотеки Украинской Академии Наук (Киев), л. 113 . . 454—455
„Вий“ (начало). Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), л. 33 . . . . . 544—545
„Старосветские помещики“ (начало). Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), л. 12 . . . . . 696—697

СОДЕРЖАНИЕ

МИРГОРОД

Часть первая

Старосветские помещики 11
Тарас Бульба 39

Часть вторая

Вий 175
Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем 219

Другие редакции

Тарас Бульба (редакция „Миргорода“ 1835 г.) 277
Первоначальный текст главы VI второй редакции „Тараса Бульбы“. 356
Промежуточная редакция отрывков главы VI „Тараса Бульбы“ . . . 365
Промежуточные редакции глав V и VII — XI „Тараса Бульбы“ (по окончательному счету) 368

Варианты

Варианты к „Старосветским помещикам“ 457
Варианты к „Тарасу Бульбе“ (основной редакции) 476
Варианты к „Вию“ 541